Дос-ка ИА НАНУ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАН УКРАИНЫ

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ДОНЕЦКОЙ ОБЛГОСАДМИНИСТРАЦИИ

ДОНЕЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

КРАМАТОРСКИЙ ЭКОНОМИКО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

Археологический альманах, № 14

Курганы Донбасса

(сборник статей)

"Лебедь"
Донецк – 2004

ББК 63.3 (2)

Археологический альманах №14 – Донецк: ООО "Лебедь", 2004.
Archaeologikal almanac, №14 – Donetsk, 2004.
ISBN 966-8242-11-4
Том содержит публикацию свода памятников курганных древностей Донбасса. Рассчитан на специалистов в области первобытной истории и археологии, студентов и преподавателей ВУЗов, краеведов.

Утвержден к печати Ученым советом Института археологии НАН Украины.
Рекомендован к печати Ученым советом Донецкого областного краеведческого музея.

Журнал зарегистрирован Донецким областным комитетом информации
9. XII. 1997 г. (ДЦ, №1265).

Издается в рамках программы подготовки тома материалов к **"Своду памятников истории и культуры"** по Донецкой области.

На обложке – фотография сосуда из погребения 3 кургана "Раскопанная Могила" у пгт Райское (раскопки Ю.Б. Полидовича, 2001 г.). Фото – **И.Ф. Крупка.**

Редакционный совет:
Стасевич В.П. – начальник управления культуры Донецкой облгосадминистрации, заслуженный работник культуры Украины, заслуженный деятель искусств Украины
Денисенко Е.И. – директор Донецкого областного краеведческого музея, заслуженный работник культуры Украины
Ильяшенко Т.В.
Колесник А.В.
Полидович Ю.Б.
Дегерменджи С.М.

Главный редактор **"Археологического альманаха"**:
к.и.н. **Колесник А.В.**

Редакционная коллегия **Археологического альманаха**:
Ильяшенко Т.В.
д.и.н. **Гладких М.И.**
д.и.н. **Зализняк Л.Л.**
д.и.н. **Отрощенко В.В.**
д.и.н. **Сухобоков О.В.**
д.и.н. **Черненко Е.В.**
д.и.н. **Терпиловский Р.В.**
д.и.н. **Леонова Н.Б.**
к.и.н. **Гершкович Я.П.**
к.и.н. **Цимиданов В.В.**
к.и.н. **Полидович Ю.Б.**

БІБЛІОТЕКА
Інституту археології
НАН України
Інв.№ 83052

Редакторы тома №14 **"Археологического альманаха"**:
к.и.н. **Полидович Ю.Б.**
к.и.н. **Колесник А.В.**

Техническая редакция: **Усачук А.Н., Барсуков Е.В.**
Компьютерная верстка: **Шишко Д.В.**

© Донецкий областной краеведческий музей.
© Абдрахманов Д.В., Горелик А.Ф., Дегерменджи С.М., Зарайская Н.П., Колесник А.В., Кудлай Ю.В., Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б., Полякова О.А., Привалова О.Я., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., Швецов М.

Археологический альманах №14, Донецк 2003. С. 3-12.

КУРГАНИ ДОНЕЧЧИНИ: ЗАГАЛЬНИЙ СТАН, ПРОБЛЕМИ ОБЛІКУ ТА ОХОРОНИ

Дегерменджі С.М.

This paper is devoted the problems of barrow preservation and their registration in the Donetsk region in the past and today.

Кургани займають чільне місце з-поміж пам'яток археології Донецької області. Більшість з них знайшли відображення у електронній базі даних, створеній у відділі охорони пам'яток археології Донецького обласного краєзнавчого музею. На кінець 2003 р. у цій базі за допомогою польових обстежень та топографічних джерел враховано 7260 курганів, що складає понад 90 % від загальної кількості врахованих археологічних об'єктів. До них слід також додати передбачувану кількість ще не виявлених курганів та курганів, повністю досліджених розкопками.

Кургани, які було досліджено у XIX та на початку XX ст. способом колодязя або траншеї (близько 175 об'єктів[1]), не можуть вважатися повністю дослідженими. Як встановлено у наш час, означеними способами було досліджено лише центральну частину кургану, тоді як його поли, де може знаходитися чимала кількість поховань, залишалася не рушеною. Частина таких курганів виявляється та ідентифікується під час польових обстежень. Так, один з курганів, розкопаних Н.Є. Бранденбургом у 1889 р. біля с. Федорівка, надійно ідентифікується серед курганів, обстежених В.М. Горбовим і А.М. Усачуком у Володарському районі (див. статтю А.М. Усачука, Ю.Б. Полідовича, О.В. Колесника у цій збірці). Теж саме можна сказати про кургани з розкопок В.О. Городцовим у 1903 р. на південь від с. Райське (нині біля с. Торське Костянтинівського района, обстеження Ю.Б. Полідовича і В.В. Цимідanова у 2001 р.) і Є.П. Тріфільєва у 1901 р. на північ від с. Торське (нині Краснолиманського району, обстеження О.Р. Дубовської і С.М. Дегерменджі у 1987 р.). На цих курганах є звичайними залишки шурфів, траншей тощо (рис.1, 3, б). Але в недосліджених частинах кургану поховання, цілком вірогідно, збереглися. Тому кількість курганів, досліджених до 20-х років XX ст., повинна враховуватися у загальній кількості ще існуючих курганів.

Інша річ – 735 курганів[1], які розкопувалися "на знесення", починаючи з кінця 20-х років XX ст. З них 249 вже занесено до загальної бази даних. Інші 486 враховуються у загальній кількості курганів, але у базу даних їх буде занесено тільки після більш-менш точного встановлення колишнього місця розташування. Це важливо для подальшого якомога повнішого відновлення курганної топографії з урахуванням усіх об'єктів та остаточного корегування бази даних і визначення загальної кількості раніше існуючих курганів.

Передбачається виявити ще близько 600 курганів за рахунок слабо обстежених районів. Цілком вірогідно також, що частина малих курганів (до 2 тисяч) свого часу не була помічена топографами і тому не була позначена на картах або була повністю розорана, ще до проведення обстежень та не виявляє ніяких ознак у сучасному рельєфі. Знайти їх можна тільки завдяки аеророзвідці або випадку (археологи іноді мають справу із окремими похованнями, на які натрапляють будівельники і визначити курганну належність яких буває дуже важко; наприклад: [Кравченко, Шамрай, 2000]).

Таким чином, з урахуванням накопичених даних та перелічених припущень на території сучасної Донеччини у минулому могло бути понад 10 тисяч курганів.

Сучасні кургани представляють собою переважно невеликі височини. Більшість з них у наш час має насип діаметром до 20-30 м та висотою менше 0,5 м. Частина курганів вже повністю втратила насипи. Розташування таких об'єктів визначається приблизно.

---

[1] - За підрахунками, наданими А.М. Усачуком та Ю.Б. Полідовичем.

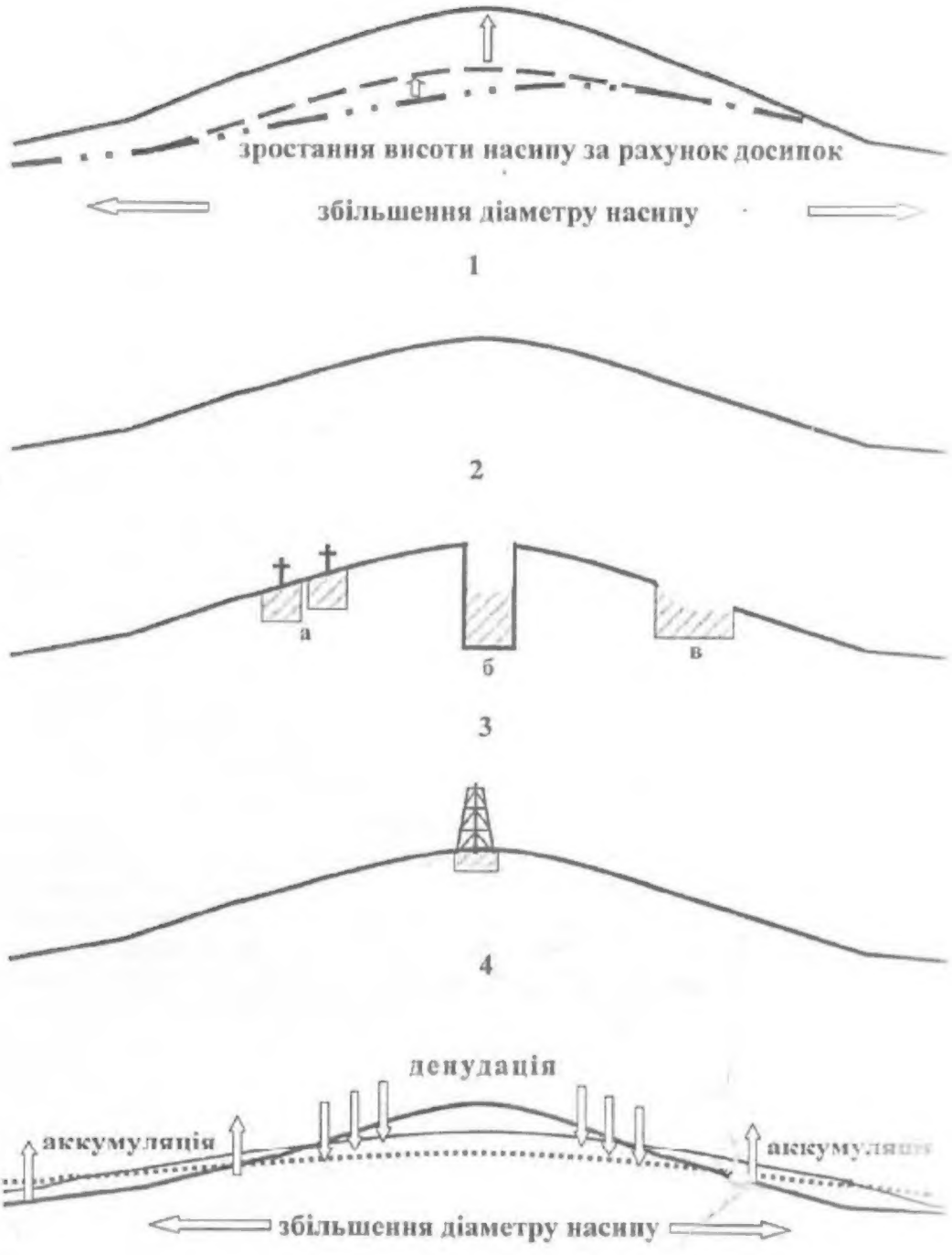


Рис. 1. Типи зовнішньої трансформації курганного насипу (принципова схе

Fig. 1.

Найбільш ранні кургани на Донеччині відносяться до рубежу IV-III тис. до н.е. [Археология Украинской ССР, 1985, с.311-320; Белов, Ляшко, 1991]. Носії наступних курганних культур неодноразово використовували вже існуючі насипи курганів за їх первинним призначенням як поховальні споруди для нових поховань. Насипи, автентичні найбільш раннім курганним культурам, згодом "автентизувалися" носіями більш пізніх культур. Робилися досипки і нові насипи, які ставали невід'ємною складовою частиною курганної споруди. Все це призводило до поступового збільшення насипу кургану (рис.1, 1). Процес його зростання припиняється із зникненням курганних культур. Щодо "темних" (з точки зору археології регіону) часів "Дикого поля" (з кінця XIV до кінця XVI ст.) і часів нового освоєння українського степу з кінця XVI ст. до початку його розорювання наприкінці XVIII ст., то ми поки що не маємо виразних археологічних свідчень використання або руйнації насипів курганів (зокрема, використання їх запорозькими козаками для організації сторожових постів археологічно не простежено). У всякому разі антропогенний пресинг на насипи курганів був мінімальним. Використання ж курганів під сучасні цвинтарі (такі випадки в області не поодинокі), звичайно, не супроводжується досипкою. Навпаки, під цвинтарем курган лише поступово руйнується (рис.1, 3, а).

Насипам курганів притаманна згладжена поверхня та м'яко окреслені схили і підошва. Такі обриси складуються у процесі денудації кургану. Це, насамперед, знесення мас грунту під його власною вагою (гравітаційний рух) з верхньої частини насипу та акумуляція продуктів зносу на полі (поверхні підошви) кургану (рис.1, 5). Велику роль у цьому процесі відіграє вітрова ерозія. Не випадково більшість курганів із ґрунтовим насипом мають більш крутий західний схил і більш похилий – східний, які сформувалися під дією домінуючих у регіоні сильних східних вітрів. Загальний процес зменшення висоти кургану супроводжувався збільшенням його діаметру. Ці процеси значно посилюються, якщо насип кургану розорюється. Безумовно, курганам, насипи яких не розорюються і поверхня яких задернована, властиві більш круті схили. Дерновий покрив таких курганів до певної міри стримує денудацію насипу. Оранка ж не тільки руйнує верхню частину насипу і сприяє зносу ґрунтової маси по схилам [Чмихов, 1989, с.86], але й руйнує дерновий шар, що посилює природну ерозію насипу. І тільки пониження висоти кургану поступово знижує інтенсивність руйнації. Зменшення крутизни схилів кургану нижче граничного кута природного схилу гальмує подальшу руйнацію насипу за умови припинення оранки, а штучне або природне відновлення дернового покриву робить подальшу руйнацію майже неможливою [Добровольский, 1967; Бабков, Безрук, 1976; Пиотровский, 1977; Кизельватер и др., 1981].

Особливо активно депресивна трансформація курганних насипів сучасної Донеччини розпочалася наприкінці XVIII ст. з початком розповсюдження рільництва [Кириков, 1983]. Саме оранка стала найбільш тривалим, хоча й повільним за дією, компонентом антропогенного тиску на курганні насипи. Руйнівний характер цього тиску став більш суттєвим з середини XIX ст. з розвитком товарних відносин у аграрному секторі економіки, що зумовило активне землеробське освоєння регіону. Відсоток розораних земельних угідь підвищився з 25-32 % у 1860 р. до 60 % у 1887 р. [Морачевський, 1910]. Зростання аграрного виробництва поступово призводило до зникнення курганів, як акцентних елементів традиційно-степового історико-культурного ландшафту, який витісняється монотонними агроландшафтами. Вже наприкінці XIX ст. селяни говорили: "Колись у степу було більше могил, і стояли на них мамаї (кам'яні баби). А менше тих могил стало, бо їх розсунули плугами" [Савур-Могила, 1990. С.22].

Негативне для курганів антропогенне навантаження зросло у XX ст. Починаючи з 20-х років відсоток розораних земель перевищив 80 % (з короткочасним підвищенням до 90 % у південних районах області, за даними 1926 р.) [Матеріали ..., 1927; Народное хозяйство ..., 1981]. У 1927 р. маріупольський археолог П.М. Піневич за результатами обстежень курганів у Приазов'ї відзначав, що курганів багато, але вони пошкоджені шукачами скарбів та поруйновані глибокою оранкою. Якщо грабежі курганів у радянські часи майже припинилися, то їх розорювання навпаки посилилося. А отже, за висновком дослідника, "несмотря на все предупредительные меры и охрану памятников доказано, что пройдет еще несколько десятков лет и от тысяч малых курганных насыпей останутся самые незначительные следы в лучшем случае" [Пиневич, 1927].

Нині ми можемо тільки припускати, що ще 100-150 років назад ланцюжки та скупчення невеликих курганів увінчували всі вододіли та чималу кількість терас і схилів. Один з таких ланцюжків на нерозораній ділянці вододілу вдалося зафіксувати поблизу с. Монахове Макіївської міської ради. Він складався з 21 невеликих насипів діаметром 8-12 м та висотою 0,3-0,4 м і простягся за лінією вододілу на 1,4 км. Подібні ланцюжки збереглися також в деяких місцях Амвросіївського та Шахтарського районів завдяки присутності великої кількості каменю у насипах. Можна тільки здогадуватися, що існувала велика кількість подібних курганів і з грунтовими насипами, але вони невпинно зникали і зникають під плугом.

Траплялися й випадки цілеспрямованого знищення курганних насипів. Це торкнулося навіть курганів висотою 1-2 м, а деяких випадках – і вищих, особливо якщо їх насипи було сформовано тільки з грунту. Зокрема, під час розвідок 1998 р. біля с. Миколайпілля Дружківської міської ради на здивування не було знайдено кургану, позначеного на топографічних картах 1940-х рр. із висотою 3,0 м. Місцеві мешканці підтвердили наявність у минулому високого кургану, який з часом "розтягли плугом". З метою прискорити цей процес часто застосовувалася глибока оранка, яка проводилася на місці кургану по кілька разів за сезон. Але великі кургани та кургани з камінням в насипу, які важче розорюються та, відповідно, краще зберігають природне дернове покриття, знаходяться, у цілому, у кращому стані (рис.1, 2).

Поряд з рільництвом у XX ст. посилилася дія інших руйнівних техногенних факторів, які на відміну від тиску рільництва, відрізнялись локальною але більш згубною дією. У аграрному секторі це меліоративне будівництво, яке активно проводилося у 60-80-ті роки, насамперед, з улаштуванням водонакопичувальних басейнів, для спорудження яких досить часто використовували як сам курганний насип, так і грунт з нього. Будівництво котловану басейну у зоні курганів часто призводило до їх повної руйнації (деяку частину таких курганів вдалося виявити при зіставленні даних топографічних карт та схем землекористування різних років зйомки). Окрім того, при підготовці поля до дії зрошувальних установок охоронні археологічні роботи були обов'язковими тільки для курганів вище 0,7 м. Нижчі кургани не ставали на перешкоді руху відповідних мобільних модулів, і тому їх дослідження не передбачалося й кошти на розкопки не виділялися. Тому досить часто такі кургани лишалися на полі [наприклад: Полидович, 1993, с. 35, рис.9, 1]. Але з часом вони зносилися самими будівельниками, зникали під дією інтенсивного заорювання та зрошування. Окрім того, археологам часто доводилося залишати кургани з геодезичними знаками, знесення яких дозволялося лише за особливого дозволу Територіальної інспекції Держгеонагляду України і Молдавії. Але й ці кургани інколи зносилися меліораторами, як у випадку із курганом біля с. Полкове Волноваського р-ну (за свідченням В.А. Підобіда). Інколи керівництво будівельників використовувало досвід бульдозеристів, що працювали з археологами, для руйнування насипів не врахованих курганів. Саме після такої руйнації було досліджено два кургани біля с.Шевченко у Першотравневому районі у 1983 р. [Моруженко, Зарайская, Санжаров и др., 1983]: насипи почали знімати із наслідуванням археологічним траншеям, сподіваючись, що не натраплять на залишки поховань. І тільки коли в траншеях з'явилися впускні поховання, викликали археологів. Але скільки було таких курганів, насипи яких було знесені більш цинічно і без усіляких застережень?!

Окрім того, загроза існуванню курганів виникла у зв'язку з більш щільною забудовою та розширенням населених пунктів та виробництв (урбанізацією, розвитком селітебної та промислової зон), поширенням техногенних ландшафтів (поява нових гірничих розробок, особливо кар'єрів), об'єктів інфраструктури (каналів, трубопроводів та доріг). Зростання темпів будівництва у більшості випадків не передбачало адекватних заходів з захисту археологічних об'єктів. Ще наприкінці XIX ст. десятки курганів було зруйновано під час будівництва магістральних залізничних ліній, які пройшли головним вододілам Донбасу. Лише окремі з них було досліджено. І тільки деякі кургани, розташовані біля залізничних ліній, вціліли до наших днів (кургани у Кіровському районі м. Донецьк, Волноваському і Володарському районах). Чимало курганів зникло під час бурхливого промислового і громадянського будівництва. В зоні щільної забудови міст збереглися тільки окремі кургани (курган "Дід" у Маріуполі, курган біля Київського виконкому у м. Донецьку тощо) або кургани, на яких ще до

Великої Вітчизняної війни було встановлено геодезичні знаки (низка курганів у Горлівці, Димитрові, Донецьку, Красноармійську, Новогродівці, Сніжному тощо).

Значної шкоди курганам було завдано під час бойових дій, що пройшли донецькими степами у XX ст. та сприяли розвитку белігеративних комплексів (від лат. belligero – вести війну) [Мільков Ф.Н., 1982]. Ще П.М. Піневич у 1927 р. відзначав, що кургани біля сел. Новоселівка (тепер частина м. Маріуполь) сильно пориті у роки громадянської війни під час оборони від військ Врангеля [Пиневич, 1927]. Аналогічної шкоди було завдано курганам при улаштуванні оборонних укриттів у районі інтенсивних боїв 1941-1942 і 1943 рр. у Слов'янському, Шахтарському і Амвросіївському районах (рис.1, 3, в). Досить часто курганні насипи пориті вирвами від вибухів. Інколи на них розміщувалися бліндажі, а часом – поховання загиблих (з цього приводу у радянських поховальних команд існувала спеціальна директива ховати загиблих на узвищенних місцях, найбільш придатними з яких були саме курганні насипи[2]).

Перші охоронні розкопки курганів у зоні будівництва відбулися ще наприкінці XIX ст. Нажаль ці дослідження виконувалися найчастіше не професіоналами, а техніками, які керували будівництвом (Є.Х. Штіда, А. Яковлев).

Наприкінці 1920-х – на початку 1930-х років на новобудовах м. Маріуполь і м. Сталіне було налагоджено певну роботу з розкопок курганів, яким загрожувала руйнація. Вона проходила під керівництвом київського археолога М.Є. Макаренка [Усачук, 1993] і місцевих – П.М. Піневича [Пиневич, 1927; 1928], М.В. Євсєєва [Евсеев, 1932; Усачук, 1993; 1994] і Г.Г. Афендика [Кучугура, 2001].

Відновленню в області практики розкопок курганів під час будівництва у повоєнні роки сприяло вирішення питань охорони пам'яток на державному рівні (починаючи з Постанови Ради міністрів СРСР № 3898 від 14.10.1948 р. "О мерах улучшения охраны памятников культуры и старины"). Рішення обласного виконкому № 372 від 23.03.1951 р. відзначало факти аварійного стану чи руйнації низки курганів: на Гладковці у Сталіному, у Макіївці під час розширення дороги, у Катику (Шахтарську) біля шахти № 15 та у Жданові (Маріуполі). З поміж них у 1951 р. В.М. Євсєєвим було успішно виконано дослідження шести курганів у селищі Гладковка у м. Сталіне на місці будівництва приватних садиб [Усачук, 1993]. Роботи було проведено за рішенням виконкому Сталінської обласної ради № 13 від 9.01.1951 р.

Але охоронні археологічні дослідження курганів на новобудовах у 1950-1960-х рр. і напочатку 1970-х виконувалися лише спорадично (розкопки Т.О. Шаповалова, С.К. Стороженка, В.Я. Устенка та ін.). В окремих випадках залучалися сили харківських археологів [Шрамко, 1961; Моруженко, 1973].

У середині 1970-х рр. із розгортанням меліоративного та іншого будівництва, на теренах Донецької області працюють експедиції Інституту археології АН України, керовані С.Н. Братченком, А.С. Бєляєвим, В.Н. Даниленком, А.П. Рудаковим. У 1978 р. при кафедрі археології, етнографії, історії давнього світу та середньовіччя історичного факультету Донецького державного університету було створено постійно діючу археологічну експедицію, яка працювала на новобудовах (загальне керівництво здійснювалося А.О. Моруженко, керівництво розкопками – Н.П. Зарайською, О.І. Привало-вим, В.О. Посредніковим, С.М. Санжаровим та ін.). Експедицією за 14 років її існування було розкопано понад 230 курганів у різних куточках Донецької області. Вдалося налагодити постійну роботу з донецькою філією інституту "Запорожгідроводгосп" та Дирекцією будівництва меліоративних систем у Донецької області. Одночасно рятівними розкопками курганів займалися В.Ф. Кліменко, С.Й. Татарінов, В.К. Кульбака. З 1988 року ці роботи почали проводитися сектором археології відділу охорони пам'яток (згодом – відділом охорони пам'яток археології) Донецького обласного краєзнавчого музею. Для проведення розкопок курганів у цей підрозділ було запрошено Ю.Б. Полідовича. Загалом, починаючи з 20-х років XX сторіччя на Донеччині, головним чином у зоні новобудов, було досліджено близько 735 курганів.

Перші спроби щодо організації постійної роботи з обліку та охорони курганів Донеччині пов'язані з ім'ям П.М.Піневича. У 1926 р. у Маріуполі ним було створено гурток любителів

[2] - Інформацію надав В.А. Анденок, співробітник відділу охорони пам'яток історії і культури ДОКМ.

історії і старожитностей. На думку П.М.Піневича, метою археологічних установ має стати збереження вцілілих курганів та "вскрытие курганов, существованию которых угрожает опасность" [Пиневич, 1927]. Вже у 1927 р. силами гуртка проводяться розкопки курганів поблизу с. Чермалик і в м. Маріуполь. Згодом метою гуртка стало всебічне обстеження Маріуполя і його округу [Пиневич, 1928].

На початку 1930-х рр. подібний гурток існував і при Сталінському краєзнавчому музеї [Евсеев, 1932]. Однією з його дієвих акцій стала розвідка на території Чистяковського (тепер Шахтарський) і Амвросіївського районів, яку провів В.М. Євсеєв (на той час – студентом Ворошиловградського педінституту і активний учасник гуртка). Дослідник детально описав стан кількох курганних груп. На кількох з них у 1935 р. було проведено розкопки [Усачук, 1994].

У повоєнні 1940-ві рр. почала створюватися система обліку пам'яток історії і культури. Услід за Постановою Ради міністрів СРСР № 3898 від 14.10.1948 р. "О мерах улучшения охраны памятников культуры и старины" Рішенням обласного виконкому № 372 від 23.03.1951 р. передбачало певні заходи з обліку і охорони пам'яток. У той час було складено перші облікова-охоронні паспорти, у тому числі й на пам'ятки археології, але курганів серед них не було. Лише наприкінці 1950-х – на початку 1960-х років роботу з обліку курганів, зокрема досліджених, було розпочато у Сталінському краєзнавчому музеї Т.О. Шаповаловим. Ним було оформлено кілька десятків паспортів на пам'ятки, відомих за розкопками В.О. Городцова та Є.П. Трифільєва. З 1969 року паспортизація курганів була продовжена співробітниками відділу охорони пам'яток історії та культури. Над цим працювали Н.П. Друпп і С.К. Стороженко. Було проведено натурні обстеження курганів у Старобешівському і Волноваському районах та м. Ясинувата. На початку 1970-х р. було проведено акцію по встановленню на частині курганів Старобешівського і Волноваського районів охоронних знаків, більшість з яких вціліла й до сьогоднішніх днів й реально сприяє збереженню пам'яток[3]. У 1980 р. О.Я. Привалову разом з С.М. Санжаровим і ще кількома студентами ДонДУ на кошти Донецького відділу Українського товариства охорони пам'яток було проведено суцільне археологічне обстеження Волноваського району.

Тоді ж розпочалися і перші спроби узагальнити знання про пам'ятки археології Донбасу. З цією метою О.К. Тахтай, у 1950-1960-ті рр. співробітник обласного краєзнавчого музею, підготував рукопис археологічної карти Донеччини, яка, щоправда, так і не була опублікована. Узагальнення інформації по пам'яткам археології проводили Д.С. Цвейбель, Т.О. Шаповалов й інші дослідники. Багато інформації про кургани, відомі на 1980-ті роки, зокрема розкопані, зрештою увійшло до "Переліку пам'яток археології" по Донецькій області, який підготували до друку О.Я. Привалова та О.І. Привалов [Список, 1988].

Робота з обліку курганів активізувалась зі створенням у 1986 р. у відділі охорони пам'яток історії та культури Донецького обласного краєзнавчого музею спеціалізованого підрозділу з охорони пам'яток археології – сектору охорони пам'яток археології. З часом сектор було перетворено на відділ (нижче у всіх випадках, для зручності, ми будемо іменувати сектор відділом). Незважаючи на великий обсяг роботи виконаний попередниками, роботу з обліку пам'яток було розпочато практично з самого початку. Досвідчений фахівець у галузі курганної археології О.Р. Дубовська знайшла багато недоліків у паспортизації курганів, проведеної у попередні десятиріччя. За програмою відділу було проведено суцільні розвідки у Амвросіївському, Володарському, Краснолиманському, Мар'їнському, Новоазовському, Шахтарському, Першотравневому, Старобешівському, Тельманівському, Ясинуватському та інших районах. До цієї роботи було залучено фахівців, які мали необхідну кваліфікацію. Це, по-перше, були співробітники відділу О.Я. Дубовська, О.В. Колесник, Ю.Б. Полідович, В.І. Кузін, В.П. Клец, О.В. Теребілова та автор цієї статті, а також майбутні співробітники відділу В.В. Циміданов, А.М. Усачук, В.А. Підобід, які згодом прийшли на постійну роботу до музею. З відділом на цьому напрямку співпрацювали

[3] - У проведеній роботі був і суттєвий недолік: знаки ставилися не на всіх курганах з групи, а тільки на найбільших. Кургани без знаків продовжували розорювати й для багатьох селян відсутність знаку є безсумнівним доказом того, що "бугор" не є курганом.

також В.М. Горбов і М.Л. Швецов. При проведені археологічних розвідок вперше використовувалися придбані відділом охорони пам'яток археології районні карти-схеми землекористування масштабу 1 : 50 000 (з дозволу Територіальної інспекції Держгеонагляду України і Молдавії № 1020 від 16.07.1984 р.). Зйомка курганів виконувалася у масштабі 1 : 2 000. Вперше при складання схем розташування курганів обов'язково використовувалася інструментальна прив'язка, задля чого було придбано необхідне устаткування. Все це сприяло підвищенню якості отримуваної інформації щодо розташування курганів. Завдяки одержаним даним, бюджетному фінансуванню та за фінансової підтримки товариства охорони пам'яток до 1992 р. відділом охорони пам'яток археології було паспортизовано близько 700 раніше невідомих курганів. Подальше фінансування програми археологічних обстежень з поступовим обліком та паспортизацією нових і нових курганів, нажаль, було припинено.

Але не менш актуальним та невідкладним у роботі відділу охорони пам'яток археології було виявлення археологічних об'єктів у зонах новобудов. Пропозиції відділу щодо удосконалення цієї роботи було покладено в основу рішення виконкому обласної ради "Про організацію виявлення, обліку та схоронності пам'яток археології" № 407 від 29.11.1989 р. Це дозволило організувати обов'язкове проведення виявлення та обліку археологічних об'єктів у зонах новобудов. Таким чином відділом забезпечено захист десятків курганів. При цьому вдалося обмежитися розкопками лише 11 курганів. У випадках потрапляння курганів у зону будівництва досить часто вдавалося змінити трасу або межі будівництва (зробити "перевідвод"). Особливість роботи відділу археології полягала також у тому, що роботи з захисту археологічних об'єктів стосувалися не стільки зон меліоративного будівництва (на цьому напрямку продовжувала роботу археологічна експедиція Донецького державного університету), скільки були спрямовані на захист археологічних об'єктів на ниві розширеного кола будівельних відводів. Найбільший обсяг обстежень був пов'язаний з будівництвом магістральних газопроводів. По трасам магістрального газопроводу та кількох газопроводів-відводів довелося пройти пішки з півночі на південь фактично всю область. Але економічні труднощі середини 1990-х рр., зміни, які відбувалися у державі, місцевому самоврядуванні, системі земельних відводів привели до згортання на деякий час і цього напрямку роботи. Поновлення його відбулося лише з кінця 2002 р.

Одночасно, перебудова соціально-економічних відносин та форм власності, проведення докорінної земельної реформи знов загострили питання щодо уразливості курганів від антропогенного тиску. Відділ охорони пам'яток археології звернувся до Донецького управління земельних ресурсів з пропозиціями щодо захисту археологічних об'єктів у нових умовах . За доброю волею М.Н. Калюжного, начальника цього управління, було видано наказ № 28 від 27.06.1995 р., за яким землевпорядні організації області були зобов'язані забезпечувати збереження пам'яток археології при розробці проектів роздержавлення та приватизації земель сільгосппідприємств (колгоспів і радгоспів). При цьому, землі археологічних об'єктів, які у відповідності до чинного законодавства мали і мають історико-культурне призначення, повинні були залишатися у державній власності. Для цього знадобилося якомога швидше узагальнити всю інформацію щодо археологічних об'єктів, здебільшого курганів, та нанести її на схеми землекористувань. Цьому перешкоджало нерівномірне археологічне обстеження різних районів області. Більшість з них була зовсім необстеженою або розвіданою вкрай слабо. Та коштів і часу на проведення польових робіт не було. Швидкі темпи проведення земельної реформи вимагали нестандартних підходів щодо забезпечення захисту археологічних об'єктів. Виходячи з того, що на першому етапі реформи абсолютно точна прив'язка археологічних об'єктів до місцевості не вимагалась, було вирішено використовувати поряд з накопиченою археологічною інформацією дані про кургани, позначені на топографічних картах.

Використання курганів у топографії було зумовлено тим, що вони, як штучні споруди, підвищені понад і без того найбільш високими ділянками вододілу, які здебільше видно із значної відстані. Завдяки цьому з давніх часів кургани набули якості степових орієнтирів. Ця властивість курганів зробила їх затребуваними у топографії аж до нашого часу. Для підвищення точності орієнтації на окремих курганах згодом було розташовано тріангуляційні знаки. У базі даних враховано 297 випадків використання насипів курганів у якості геодезичних

пунктів. Встановлення тріангуляційних знаків сприяло не тільки збереженню інформації про кургани на топографічних планшетах, а й збереження самих курганів в натурі (рис.1, 4). Таким чином, кургани потрапили на верстові, а потім й кілометрові топографічні карти у вигляді спеціальних умовних знаків. Масштаб карт не дозволяв графічно відображати на планшетах форму та розміри курганів. Та їх розташування з достатньою точністю позначалися на карті позамасштабними знаками. До того ж поряд з позначенням кургану та абсолютною висотною позначкою досить часто наводилася відносна висота курганів [Господинов и др. 1974; Судаков, 1967]. Нажаль топографічні визначення висоти кургану не завжди збігаються з "археологічним поглядом". Незважаючи на це, топографічні карти мають мало не вирішальне значення як джерело "курганної" інформації[4].

Відповідні дані з топографічної зйомки 1939-1941 років масштабу 1 : 100 000 було використано відділом охорони пам'яток археології для доповнення суто археологічних даних про кургани. Верстові карти на той час менше відповідали цій задачі. До певної міри використання зйомки 1939-1941 років аж до останнього часу полегшує пошук курганів під час польових обстежень, дозволяє врахувати кургани, насипи яких повністю зруйновано. Але при використанні топографічних карт для здобування інформації щодо курганів слід запобігати деяких помилок, маючи на увазі окремі виключення, які допускають топографи при використанні умовного знаку кургану для позначення й неархеологічних об'єктів, які нагадують за формою курган: природних пагорбів, скотомогильників, насипів, утворених під час складування ґрунту, окремих ділянок гірничих відвалів, зокрема, териконів закинутих невеликих старих шахт. Ці випадки стосуються обмежених ділянок, які мають додаткові ознаки природного або антропогенного походження.

У 1995-1996 роках відділом охорони пам'яток археології оброблено більшість доступних на той час матеріалів археологічних обстежень області та топографічні дані. Завдяки цьому вдалося врахувати близько 7 тисяч курганів. Після ретельної обробки ці дані наносились в масштабі 1 : 10 000 на оригінали карт-схем землекористувань сільгосппідприємств, землі яких підлягали роздержавленню. Ця робота проводилась співробітниками відділу Ю.Б. Полідовичем, В.В. Цимідановим, В.А. Підобідом, В.І. Кузіним та автором статті у Донецькій філії інституту "Укрземпроект" (зараз – ДП Донецький інститут землеустрою). Загалом цю інформацію було нанесено на карти-схеми усіх сільгосппідприємств (близько 460). За підсумками цієї роботи було складено перелік врахованих і позначених на картах-схемах археологічних об'єктів. У 1998 році на цій основі було складено електронну базу даних, яка зберігає інформацію про кожну враховану пам'ятку. Це значно підвищило ефективність обліку курганів. До бази додається й інформація про розкопані або зруйновані кургани, стан, розміри об'єкту, режим використання, що визначається для земельні ділянки у межах охоронної зони тощо. Багато сил роботі з наповнення цієї бази новими даними віддає Ю.Б. Полідович.

Ще у 1995 р. під час нанесення курганів на карти-схеми землекористувань передбачалося, що у подальшому, при проведенні земельних відводів, їх розташування має уточнюватися. За відсутністю коштів та часу, корегування зазначених схем та електронної бази даних відбувається лише безпосередньо при розпаюванні сільгосппідприємств, виділенні селянських та фермерських господарств, відводах під будівництво. Загалом на кінець 2003 р. доповнено схеми землекористування новими об'єктами та уточнено розташування близько 4 тисяч курганів. Використання цих схем при земельних відводах з урахуванням попереднього уточнення та доповнення значно знизило ризик руйнації курганів. І у цій справі Ю.Б. Полідович є ключовою фігурою.

Роботу відділу охорони пам'яток археології щодо уточнення схем розташування врахованих та проведенні виявлення нових археологічних об'єктів

[4] - Досить відзначити, що проведення обстежень курганів за топографічними даними у 1998 р. на території Володарського і Новоазовського районів, яка рахувалася достатньо повно обстеженою у попередні роки, показало, що звичайним візуальним оглядом (як здійснювалися пошуки курганів у 1980-ті рр.) було охоплено лише 50-60 % курганів. Застосування даних топографічних карт у останні роки значно підвищило ефективність проведення археологічних розвідок. Хоча, безумовно, на карти було нанесено далеко не всі кургани. Зокрема, в курганних групах, як правило, позначалися лише 1-2 найбільших курганів.

було полегшено завдяки виникненню нових можливостей. Цьому сприяло придбання наприкінці 1995 року в Українському аерогеодезичному підприємстві понад півтори тисячі літокопій топографічних планшетів масштабу 1 : 10 000 по території Донецької області. Використання цих матеріалів дозволяє більш точно визначити положення курганів, виявити додаткові кургани, які не було позначено на картах масштабу 1 : 100 000.

Використання даних з топографічних планшетів масштабу 1 : 10 000 суттєво полегшило й польові роботи, тому що точність цих матеріалів значно перевищує можливості інструментальної прив'язки. В обставинах обмеженості коштів, у 1998 та 2000 роках було проведено стовідсоткові археологічні обстеження 25 сільгосппідприємств із повним обліком всіх, навіть поодиноких, знахідок на території Артемівського, Волноваського, Володарського, Костянтинівського, Красноармійського, Красноармійського, Мар'їнського, Новоазовського, Слов'янського, Старобешівського, Тельманівського, Ясинуватського районів та окремих великих ділянок у межах Донецької, Горлівської, Дзержинської, Макіївської міських рад. У наступні роки археологічні обстеження продовжувалися, але можливості для цієї роботи зменшилися.

Відновлення програми паспортизації (Постанова Кабінету Міністрів України "Про затвердження Комплексної програми паспортизації об'єктів культурної спадщини на 2003-2010 роки" від 9.09.2002 р. № 13, затвердження Донецькою обласною державною адміністрацією "Заходів з комплексної паспортизації об'єктів культурної спадщини Донецької області на 2003-2010 роки", а також робота над підготовкою Зводу пам'яток ("Комплексна програма підготовки до видання тому Зводу пам'яток історії та культури по Донецької області", затверджена Донецькою обласною державною адміністрацією) мають вивести облік курганів у Донецької області на належний рівень.

ЛІТЕРАТУРА

1. **Археология Украинской ССР.** Т.1.: Первобытная археология / Отв. ред. Д.Я. Телегин. К., 1985.

2. **Бабков В.Ф., Безрук В.М.** Основы грунтоведения и механики грунтов. М., 1976.

3. **Белов А.Ф., Ляшко С.Н.** Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности Степного Причерноморья и Крыма. II. Запорожье, 1991. С.28-30.

4. **Господинов Г.В., Сорокин В.Н.** Топография. М., 1974. 359 с.

5. **Добровольский В.В.** География почв с основами почвоведения. М., 1967.

6. **Евсеев В.М.** Отчет о поездке по Макеевскому и Чистяковскому районах Донецкой области в 1932 г. // Архив ООПА ДОКМ.

7. **Кизельватер Д.С., Раскатов Г.И., Рыжова А.М.** Геоморфология и четвертичная геология. М., 1981.

8. **Кириков С.В.** Человек и природа степной зоны. Конец X – середина IX в. М., 1983.

9. **Кравченко Э.Е., Шамрай А.В.** Погребальные комплексы хазарского времени с бакланами с территории Донецкой области // Донская археология. 2000. № 3-4. С.70-82.

10. **Кучугура Л.И.** История археологических коллекций Мариупольского краеведческого музея. Собиратели. Исследователи. Мариуполь, 2001 (Научный архив Мариупольского краеведческого музея. № И-15/2001).

11. **Материалы** к отчёту Мариупольской окружной комиссии о работе за 1926-27 год. Мариуполь, 1927.

12. **Мильков Ф.Н.** Рукотворные ландшафты. М., 1978.

13. **Морачевський В.В.** Промыслы и занятия населения // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV: Новороссия и Крым. СПб. 1910. С. 228–418.

14. **Моруженко А.А.** Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого гос. университета о разведках и раскопках в 1973 г. // НА ІА НАНУ. Ф.о. 1973/33.

15. **Моруженко А.А., Зарайская Н.П., Санжаров С.Н., др.** Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Первомайского и Славянского районов Донецкой обл. в 1983 г. // НА ІА НАНУ. Ф.о. 1983/50.

16. **Народное хозяйство** Донецкой области. Статистический сборник. Донецк, 1966.

17. **Народное хозяйство** Донецкой области. Статистический сборник. Донецк, 1981.

18. **Пиневич П.М.** Археологические раскопки в Мариупольском округе в 1927 г. (Отчет)

// НА ІА НАНУ. ВУАК № 116/39. 1927.

19. **Пиневич П.М.** Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки (Отчет 1928 г.) // НА ІА НАНУ. ВУАК № 202/26.

20. **Пиотровский В.В.** Геоморфология с основами геологии. М., 1977.

21. **Полидович Ю.Б.** Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // АА. 1993. № 2. С.35-98.

22. **Савур-Могила.** Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини / Упоряд. В.А.Чабаненко. К. 1990.

23. **Список** памятников археологии Украины. Донецкая область / Сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов. К., 1988.

24. **Судаков С.Г.** Основные топографо-геодезические работы за 50 лет Советской власти // 50 лет Советской геодезии и картографии. М.: Недра. 1967. С. 21-90.

25. **Усачук А.И.** Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // ДАС. 1993. № 3. С.47-52.

26. **Усачук А.И.** Исследования В.М. Евсеева в восточных районах Донецкой области // ДАС. 1994. № 5. С. 97-104.

27. **Чмихов М.О., Шилов Ю.О., Корнієнко П.І.** Археологічні дослідження курганів. К., 1989.

28. **Шрамко Б.А.** Отчет о работе Скифской археологической экспедиции ХГУ в 1961 г. // НА ІА НАНУ. Ф.о. 1961/24.

Стаття надійшла до редакції у грудні 2003 р.

Археологический альманах №14, Донецк 2003. С. 13-55.

КУРГАНЫ ДОНБАССА В НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ И НАУЧНОЙ ПРАКТИКЕ (ДО НАЧАЛА XX ВЕКА): МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Усачук А.И., Полидович Ю.Б., Колесник А.В.

This paper is devoted the description of the barrows which were investigated by archaeologists, amateurs and robbers in the modern Donetsk region in 18th and 19th centuries. The important part of the paper is devoted the folk legends and myths about the barrows (kurgans), their origin and barrow treasures.

Курганы – археологические памятники, которые практически всегда обращали на себя внимание благодаря своей аттрактивности. Их не нужно специально искать – они всегда были на виду и всегда составляли неотъемлемый атрибут историко-культурного ландшафта южной зоны Восточно-Европейской равнины. Неудивительно поэтому, что образ кургана прочно внедрился в мировосприятие всех проживавших здесь этносов, а их раскопки в XVIII – XIX веках оказали решающее воздействие на развитие археологии в Главной Российской империи. В XIX веке курганная археология занимала такое же прочное место в археологической науке, как античная и церковная археология.

Курганная археология Донбасса имеет очень длительную традицию. Изучением курганов, специфических погребальных и ритуальных комплексов, занималось несколько поколений ученых. Своеобразными никами развития курганной археологии в Донбассе являются периоды 80-90-х гг. XIX века ("догородцовский" этап), а также первые годы XX века ("городцовский" этап), вторая половина 20-х – 30-е гг. XX в. ("довоенный" этап) и 70–80-е гг. XX в. ("новостроечный" этап).

Как показывает анализ сохранившихся источников, раскопки донецких курганов в XIX веке имели разнообразную мотивацию, в основе которой лежал широкий интерес к древностям или достопримечательностям. При определении целей раскопок научное и обыденное сознание не всегда выступали дифференцированно. Только с начала XX века, особенно после широкомасштабных работ, проведенных В.А. Городцовым, наблюдается качественный перелом в мотивации целей раскопок курганов – появляется тенденция к пониманию курганов самих по себе, вне контекста тривиального интереса к экзотическим древностям. Курганы начинают изучаться как специфический археологический источник, который позволил создать внутреннюю периодизацию бронзового века, "материализовать" культуру легендарных скифов, изучить средневековых кочевников. Конечно, выделенный рубеж в восприятии курганов, совпадающий с рубежом веков, очень условен. Тем не менее, это дает нам основание рассматривать научное исследование донецких курганов в XIX веке в тесной связи с традициями их народного восприятия.

Целью статьи является очерк истории научного и стихийного изучения курганных древностей Донбасса до рубежа XIX – XX веков на фоне профанной культуры того времени. В то время как историография археологических работ четко ограничивается указанными хронологическими рамками, при анализе народной традиции допускаются экскурсы в более позднее время, так как типологически почти все элементы курганных мифов уходят своими корнями вглубь XVIII – XIX вв.

Курганы, существовавшие в степи с древних времен, обратили на себя внимание первых славянских поселенцев, появившихся здесь еще в XVI – XVIII вв. Поскольку в это время основная часть территории современного Донецкого края находилась под контролем запорожских казаков, наиболее ранний

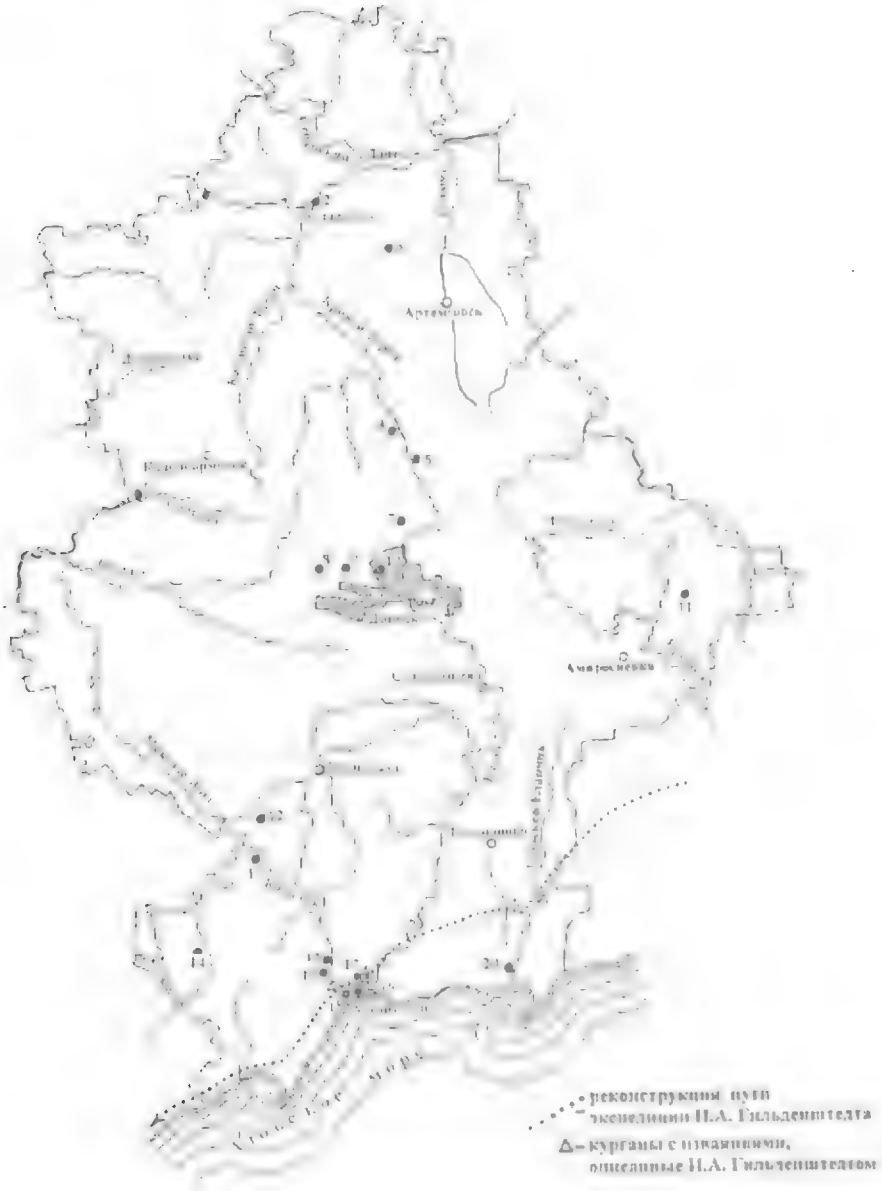


Рис. 1. Карта-схема расположения курганов, исследованных в XIX вв.
1 – Прелестное (раскопки А.М. Покровского, 1900 г.); 2 – Славянск, кург. 253 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1891 г.); 3 – Голубовка (раскопки Армана, середина 1870-х гг.); 4 – Железное (раскопки Е.Х. Штиды, 1870-е гг.); 5 – Скотоватая (раскопки А. Яковлева, 1900 г.); 6 – Сергеевка (раскопки крестьян, 1879 г.); 7 – Лагери (раскопки А.А. Юза и В.В. Каменской, 1890-е гг.); 8 – между Красногоркой и Михайловкой (раскопки Е.Х. Штиды, 1870-е гг.); 9 – Нески, Рясные Могилы (раскопки Э.Ю. Петри, 1888 г.); 10 – южнее ст. Юзово (раскопки Е.Х. Штиды, 1870-е гг.); 11 – Саур-Могила (осмотр Н.Е. Забелиным, 1864 г.); 12 – Затишье (раскопки М. Фортната, 1896 г.); 13 – группа Чумацкая Могила: кург.202 и 203 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1889 г.); 14 – Федоровка, кург. 205 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1889 г.); 15 – Старый Крым, кург. 197 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1888 г.); 16 – Старый Крым, кург. 196 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1888 г.); 17 – Сартана, кург. 204 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1889 г.); 18 – Мариуполь, кург. 195 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1888 г.); 19 – Камбуров (Покровский) курган, Мариуполь (раскопки Г.П. Камбурова, 1869, 1872 гг.); 20 – Гусельщиково, кург. А (раскопки крестьян, 1881 г.).

Fig. 1. The map of the distribution of the barrows which were investigated in XIX century.

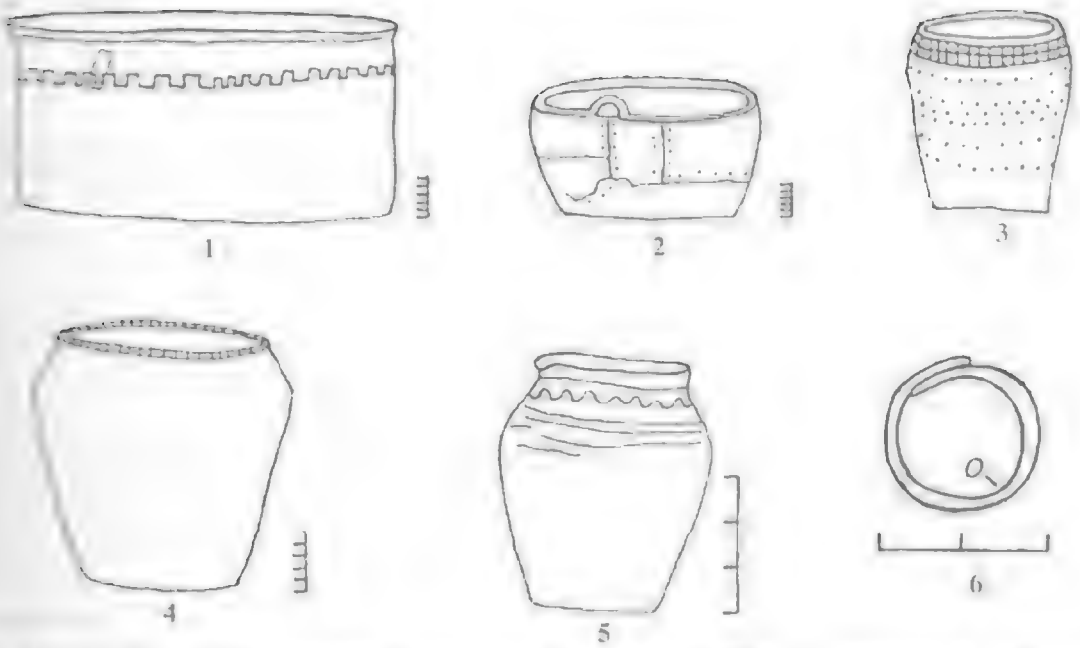


Рис. 2. Группа "Рясные Могилы" (раскопки Э.Ю. Петри, 1888 г.): 1 – котел из жертвенного комплекса, кург.1 (A); 2 – котел из жертвенного комплекса, кург.2 (B); 3 – сосуд из п.1, кург. 1 (A); 4 – сосуд из п.1, кург.3 (C); 5 – сосуд из п.1, кург. 4 (D); 6 – височное кольцо из п.2, кург.3 (C). (Рисунки-наброски Э.Ю. Петри в черновике перечневой описи находок. Масштабы приблизительные).

Fig. 2. The barrows' group "Ryasni Mogily" (the excavation of E. Yu. Petry in 1888): barrow 1/A (1, 3), barrow 2/B (2), barrow 3/C (4, 6), barrow 4/D (5).

…ление представлений о курганах связан … с их деятельностью. В последующем …был дополнен представлениями различных …ших край этносов и приобрел характер …рнутой концепции. В нем в одинаковой …ени представлены идеи о значении кургана …их древних могил, об их происхождении, …особой сакральной силе, влиянии на совре…ников и так далее.

В любой культуре присутствуют два …ных полюса – рациональный и ирра…альный. Из-за своей широкой распро…ненности в пространстве и повышенного …ического статуса курганы оказались на …ранице этих двух миров.

Запорожские казаки относились к курга…м достаточно практично. Их использовали, …первую очередь, как **сторожевые посты.** …му способствовали особенности топогра…ческого расположения курганов, которые в …ляющем большинстве случаев приурочены к самым высоким точкам рельефа. Как правило, с курганов прекрасно видны другие курганы, находящиеся на соседних водоразделах или холмах. Вполне естественно, что эта ситуация была использована запорожцами при создании сторожевых пунктов, сеть которых позволяла отслеживать и быстро распространять информацию о передвижении мобильных татарских отрядов [Яворницький, 1990, с.315-318]. Последнее осуществлялось, в частности, при помощи так называемых *фигур* – "*маяков из смоляных бочек*": подожженные фигуры (сложенные на вершине кургана пирамидкой просмоленные бочки без дна) сигнализировали о появлении татар вблизи границ и характере их действий.

Использование курганов в качестве сторожевых постов было столь распространенным, что поздние поселенцы воспринимали курганы как насыпи, специально возведенные казаками для этой цели: "*когда люди жили войною, насыпали могилы на кряжах степи, чтобы высматривать неприятеля. На них ставили вехи и при*

появлении орды и других неприятельских полчищ, вехи наклонялись, а предупрежденный народ предпринимал меры обороны или прятался в лесах, норах, пещерах, камышах" [Новицкий, 1990, с.13]. "*Єсть ще високі могили, насипані запорожцями, - це сторожеві могили: тут стояла козацька сторожа, або, як кажуть, - гардони. Таких могил багато біля Дніпра, де жили запорожці і скрізь, де були їх розгони і урочища*" [там же]. Народная историческая память в данной ситуации оказалась полностью ошибочной, т.к. при значительных масштабах раскопок курганов на территории современной украинской степи подобные сооружения так и не были встречены. Хотя, как сообщает Д.И. Яворницкий, у запорожцев даже существовало особое сословие людей-могильников, которые строили всякие земляные насыпи [Яворницький, 1990, с.318]. Подобные искусственные насыпи носили название "*роблені могили*". Однако в преимущественном большинстве случаев запорожцами использовались уже существовавшие древние курганы.

О "сторожевых могилах" также рассказывали следующее: "*Могилы имели еще и другое значение. В старину, когда степь была пустыней, люди старались направлять дороги кряжами на большие могилы, издалека указывавшие путь, а на могилах этих запорожцы расставляли "гардоны" (кордоны) для охраны чумаков и других проезжих от нападения татар и турков. Близ таких могил, на дороге казаки выставляли рогатицу, постилали войлок и всякий проезжий останавливался и клал, что мог из съестных припасов или деньги на продовольствие сторожевых казаков. Многие могилы получили от этого название Сторожевых*" [Новицкий, 1990, с.13]. Курганы с таким названием зафиксированы на топографических картах[1] у с. Нескучное Великоновоселковского р-на. Таким же образом Е.С. Отин переводит названию кургана *Дрангоба*, расположенного у с. Старогнатовка Тельмановского р-на [Отин, 2000, с.56]. Вероятно, со сторожевыми постами и находившимися на них маяками-фигурами связаны названия *Курган Маяк Клиновый* (у с. Михайловка Шахтерского р-на) и *Дюр-Маяк* [Отин, 2000, с.58] (у с. Старогнатовка Тельмановского р-на).

Известны также многочисленные курганы с названием "*Чумацкая Могила*": у сел Золотой Колодец Добропольского р-на, Ольгинка и Богдановка Волновахского р-на, Малоянисоль Володарского р-на, пгт Старобешево и др.

Традиция использования курганов в качестве **дорожных** и пространственных **ориентиров** имеет глубокие корни и, вероятно, является исконно степной традицией. В частности она зафиксирована в известном протографе XVII-XVIII вв. "Книга Большому Чертежу". В нем, кроме прочего, описаны известные степные шляхи (по-татарски *сакмы*): Муравский, Изюмский и Кальмиусский, – из которых последний проходил по наиболее крупным водоразделам из Приазовья к Подонцовью по территории современной Донецкой области. В описании шляхов среди других географических объектов, прежде всего, рек и балок, упоминаются также отдельные курганы и каменные изваяния. В частности, Кальмиусский шлях на одном из отрезков проходил "*от верх речки Миюса к верх речке Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных*" [Книга Большому Чертежу, 1950, с.68].

В период расцвета Запорожской Сечи курганы активно использовались в качестве **межевых и пограничных ориентиров**. Так, в "межевой записи" 1705 г., разграничивавшей границы Российской и Турецкой империй, при описании юго-восточной границы запорожских вольностей отмечалось: "Начав от вершины реки Конских вод, от обоих сторон *поставили по одному кургану*, оттуда ж линиею в том же расстоянии еще по одному *кургану*, а при западной вершине реки Большой Берды также по одному *кургану*..." [Яворницький, 1990, с.30-31]. Аналогичные действия совершались и

1 - Здесь и далее использованы данные планшетов топографической карты по Екатеринославской губернии и Области Войска Донского, выполненной в М:1:126 000 (или 1 дюйм : 3 версты, так называемая "***трехверстка***") по съемке конца XIX в. и изданной в 1919-1921 г. Учитывая, что съемка выполнялась военными топографами, вполне обоснованно можно предполагать точное соответствие зафиксированных названий к бытующим у местных жителей. В дальнейшем эти названия переносились на последующие редакции и версии топографических карт, хотя с течением времени количество этих названий уменьшалось, оставались названия только самых высоких курганов, особенно тех, на которых были установлены знаки триангуляции. У местных жителей какие-то названия курганов оказались забытыми, но многие еще продолжают бытовать, в чем не однажды доводилось убеждаться во время полевых работ.

Рис. 3. Группа "Рясные Могилы" (раскопки Э.Ю. Петри, 1888 г.), кург. 4 (D), погр.1 [Архив ИИМК РАН. № 34/1888]. (около 60% натуральной величины)

Fig. 3. The barrows' group "Ryasni Mogily" (the excavation of E. Yu. Petry in 1888): barrow 4/D, burial 1.

последующих определениях границ в 1714 и 1742 гг. [Там же, с.33-34], а также при размежевании земель войск Запорожского и Донского в 1745 г. [Там же, с.40]. В последнем случае в описании *"поставленным гранями и складенным знаками"* упоминаются три обособленные насыпи: 1) *"на устье реки Калмиусу высыпанный земляной курган на поду и на ровном месте, которой отстоит от моря, где оная речка гирло впала, прямою чертою 59 косых сажень, а от реки Калмиуса 10 сажень"* (ныне это территория завода "Азовсталь"; П.М. Пиневич и Н.Е. Макаренко, проводившие исследования в данной местности в 1927-1933 гг., о данном кургане не упоминают); 2) *"на Осиковой балке, на высоком бугре, выкладен из камено высокий курган, расстоянием от устья оной балки 309 сажен, а от реки Калмиуса прямою чертою 90 сажен"* (точно не локализуется); 3) *"на балке, именованной Грускою, при устье высыпан, на высоком бугре, курган, снизу выкладен камнем, а сверху закрыт землею, расстоянием от устья оной балки 148 саж., а от Калмиуса прямо чертою 36 саж. и 2 аршина"* (ныне территория пгт. Горбачево-Михайловка, застроенная еще со второй половины XIX в.).

Восприятие курганов в качестве пространственных ориентиров было свойственно и для просвещенных путешественников XVIII века, которые, вместе с тем, понимали их гораздо более широко. Показательны в этом отношении путевые заметки академика **И.А. Гильденштедта**, участника знаменитых комплексных научных экспедиций Российской академии наук 1768-1774 гг.

В ряду многочисленных российских "ученых путешествий" XVIII века академические экспедиции 1768-1774 гг. занимают значительное место. Осенью 1767 г. Петербургская Академия наук приняла решение об организации на следующий год ряда экспедиций *"для собирания натуральных вещей и для изучения трех царств природы"* [Лукина, 1965, с.24]. Всего было организовано пять экспедиций (отрядов) [Магидович И., Магидович В., 1984, с.26]. Руководителем одного из «Астраханских» отрядов был назначен И.А. Гильденштедт [Фрадкин, 1948, с.14; Лукина, 1965, с.24; Магидович И., Магидович В., 1984, с.35]. Экспедиции официально назывались "физическими" и работали по единой программе [Магидович И., Магидович В., 1984, с.26]. Основной целью работы всех отрядов было *"исследование природных богатств страны, а также собирание этнографических и экономических материалов"* [Лукина, 1965, с.24].

После изучения среднего течения Дона, Прикаспийской низменности, Северного Кавказа и некоторых районов Закавказья И.А. Гильденштедт в конце лета 1773 г. обследовал дельту Дона. Осенью этого же года исследователь посетил районы Приазовья, пройдя от г. Черкесска через г. Азов вверх по Миусу, а затем, пересекая русла рек Сухого и Грузского Еланчиков, Кальмиуса, Калынка – к Белосарайской косе и далее на юго-запад, вдоль морского побережья к Бердянской косе [Магидович И., Магидович В., 1984, с.35; Шугуров, 1879, с.129-225] (см. рис. 1). Позднее, в 1774 г., И.А. Гильденштедт побывал также в Торе, Бахмуте и на Северском Донце [Магидович И., Магидович В., 1984, с.36; Крутая, 1992, с.16-18; Пірко, 2002, с.15-24].

Давно уже было подмечено, что описания различных ученых, изучавших разные районы Российской империи в XVIII веке, отличаются большой подробностью фактических сведений [Фрадкин, 1948, с.87]. Подробность и богате-

БІБЛІОТЕКА
Інституту археології
НАН України
Інв.№ 42952

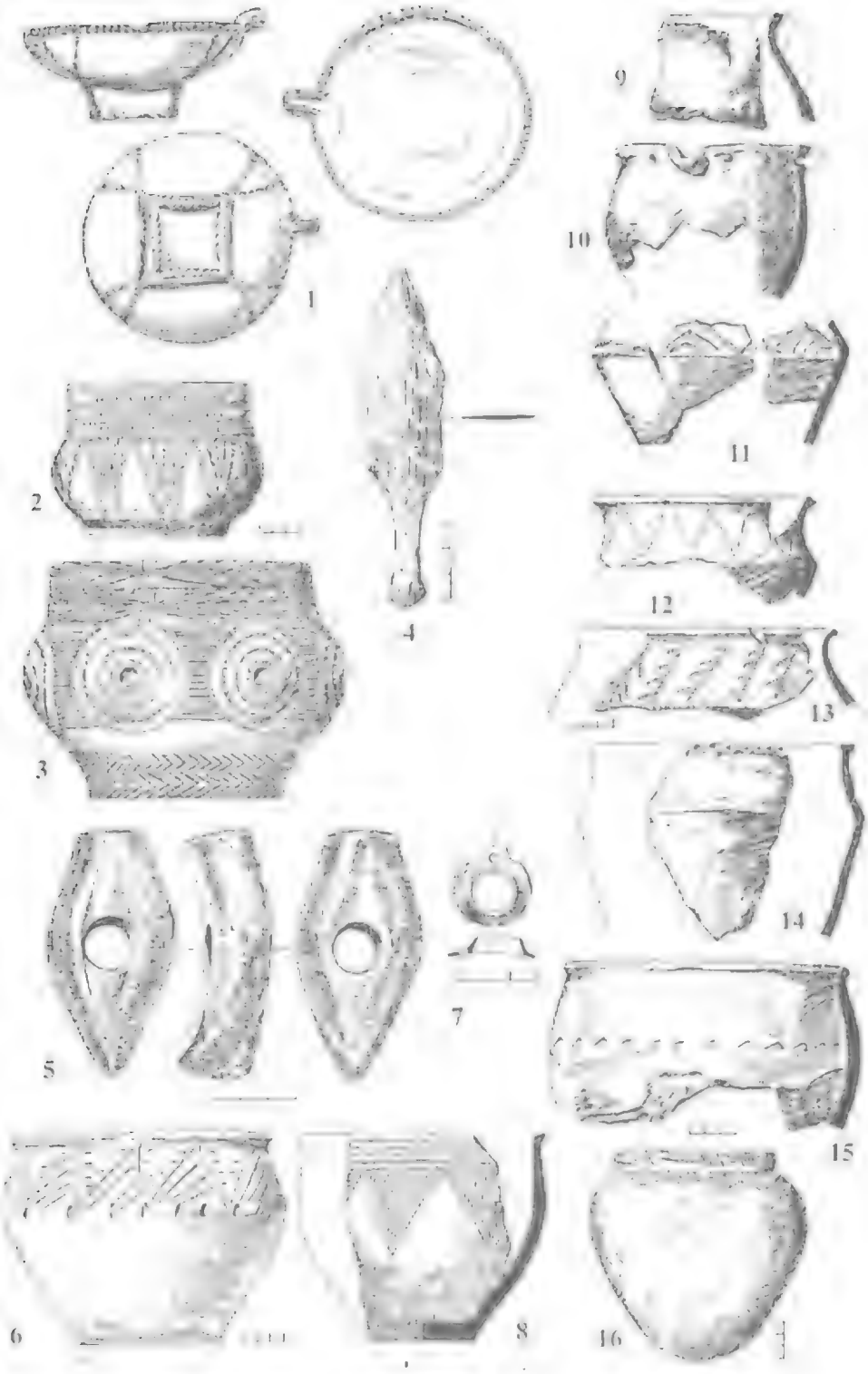


Рис. 4. Материалы из раскопок Н.Е. Бранденбурга: 1-6, 9-15 – Федоровка, кург.205 (1-4 – п.6; 5 – п.7; 6 – п.5; 9-15 – насыпь); 7 – Старый Крым, кург. 196, п. 4; 16 – Мариуполь, кург. 195, п. 2; 8 – сосуд из раскопок Н. Э. Александровича (1883 г.) (по: [Качалова, 1974]).

Fig. 4. The materials from the excavations of N.E. Brandenburg in 1888-1889 (1-7, 9-15) and Y.E. Alexandrovich in 1883 (8).

разнообразной информации постоянно [illegible] при обращении к материалам [illegible] путешествий" [Лукина, 1965, с.55-81; [illegible], 1971, с.34; Пасецкий, 1982, с.162-167; [illegible], 1983, с.13; Супруненко, 1999,с.4; Пірко, [illegible] и др.]. Аналогичная манера изложения [illegible] и для работ П.А. Гильденштедта, в [illegible] для его дневниковых записей путе[illegible] 1773-1774 гг. Среди многочисленных и [illegible] разных сведений исследователь в своём [illegible] дает описание курганов и курганных [illegible] особенно тех, на которых им отмечены ка[illegible] изваяния. Педантичность П.А. Гильден[illegible] выражается еще и в том, что в дневнике [illegible] записываются по дагам пройденное [illegible] и направления. Это дает возможность [illegible] с точностью проследить путь движения [illegible] и более-менее точно локализовать мес[illegible] описанных курганов.

Реку Сухой Еланчик (Ростовская обл., Рос[illegible] П.А. Гильденштедта пересек где-то в [illegible] течении между современными сс. Гри[illegible] Матвеево-Курганский р-н, Ростовская [illegible] Федоровка (Неклиновский р-н, Ростове[illegible] 26 сентября 1773 г. Затем, двигаясь на [illegible] П.А. Гильденштедт, возможно, пере[illegible] балки Комарова, затем балку Колга[illegible] балки Колгарова – юго-восточный край [illegible] ного р-на современной Донецкой [illegible] На следующий день (29 сентября) путь [illegible] П.А. Гильденштедта пролегал немного [illegible] современного с. Хомутово (Новоа[illegible] р-н Донецкой обл.) Здесь П.А. Гильден[illegible] видел и описал два кургана с каменным [illegible] "...*мы увидели по левую...сторону* [illegible] *два кургана, обложенные каменьями; на* [illegible] *стояла мужская статуя...с лицом,* [illegible] *на восток. Эта статуя была сде*[illegible] *...ракушечного известняка, совершенно* [illegible] *как и лежавшие возле камня...*" [illegible] далее цит. по: Шугуров, 1879, с.219; ср. [illegible] 1973, с.9-10]. В трех верстах (3,2 км) [illegible] П.А. Гильденштедт пересек р. Грузский [illegible] а днем позже (30 сентября) к се[illegible] у от нынешнего с. Хомутово в районе [illegible] ной трассы Донецк-Новоазовск, где-то [illegible] современного с. Бессарабка (Новоазовс[illegible] Донецкой обл.) – зафиксировал курган [illegible]: "...*встретили курган, на котором* [illegible] *теперь опрокинутая мужская статуя,* [illegible] *из ракушечника...*" [Шугуров, 1879, [illegible] от этого кургана отряд П.А. Гильденштедта двинулся на запад – северо-запад к Харцызской балке (в дневнике указывается название этой большой балки), затем – через верховья Безымянной балки (отряд смещается на юго-запад где-то около современных сс. Красноармейское и позже – Куликово и Октябрь Новоазовского р-на) П.А. Гильденштедт выходит к верховьям Широкой балки. Путь пролегает далее на юго-запад. Отряд проходит юго-восточнее современного местоположения с. Талаковка и восточнее современного с. Сартана пересекает балку Ковалева или около 2 км к юго-западу – балку Бертосова. В отношении месторасположения этих двух балок можно быть вполне уверенными, поскольку в своем дневнике П.А. Гильденштедт отмечает, что "...*проехали глубокую балку, немного выше впадения ее в Кальмиус, идущую с юго-востока на северо-запад...*" [Шугуров, 1879, с.221], а в этом районе балки Ковалева и Бертосова единственные, части которых, изгибаясь, идут с юго-востока на северо-запад. Переход через Кальмиус П.А. Гильденштедт совершил в районе нынешнего с. Сартана. "...*1 октября. Мы переночевали на берегу Кальмиуса. ... Сделав утром луговою стороною Кальмиуса пять верст на WZW, мы приехали к форпосту, занимаемому Запорожским полковником с двумястами человек. Затем дорога пошла по ровной возвышенности, и здесь, в версту к западу, мы увидели курган с двумя мужскими статуями, вытесанными из ракушечника..., а в двухстах шагах к западу от последних, на другом кургане, стояла ещё такая же статуя... Мужские статуи отличаются от женских только отсутствием грудей...*" [Шугуров, 1879, с.222]. К описанию отличий изваяний друг от друга П.А. Гильденштедт добавляет: "...*у мужских на голове вместо высокой женской холщевой повязки, шлем железный, на боку правом нечто в роде меча, а на левом сабля, колчан с луком и нагайка. Руки сложенные на животе, держат нечто подобное на кружку...*" [Шугуров, 1879, с.222, прим. 17].

Реконструкция пути экспедиции П.А. Гильденштедта (рис. 1) приводит к выводу, что курганы с изваяниями, описанные 1 октября 1773 г., находились где-то на северной окраине современного Мариуполя (р-н пос. Волноперовка или чуть юго-западнее от него). От курганов отряд П.А. Гильденштедта, проехав три версты (3,2 км) на запад – юго-запад, переправился через р. Кальчик (правый приток Кальмиуса) в 3-3,5 км выше впадения его в Кальмиус. Отсюда, двигаясь

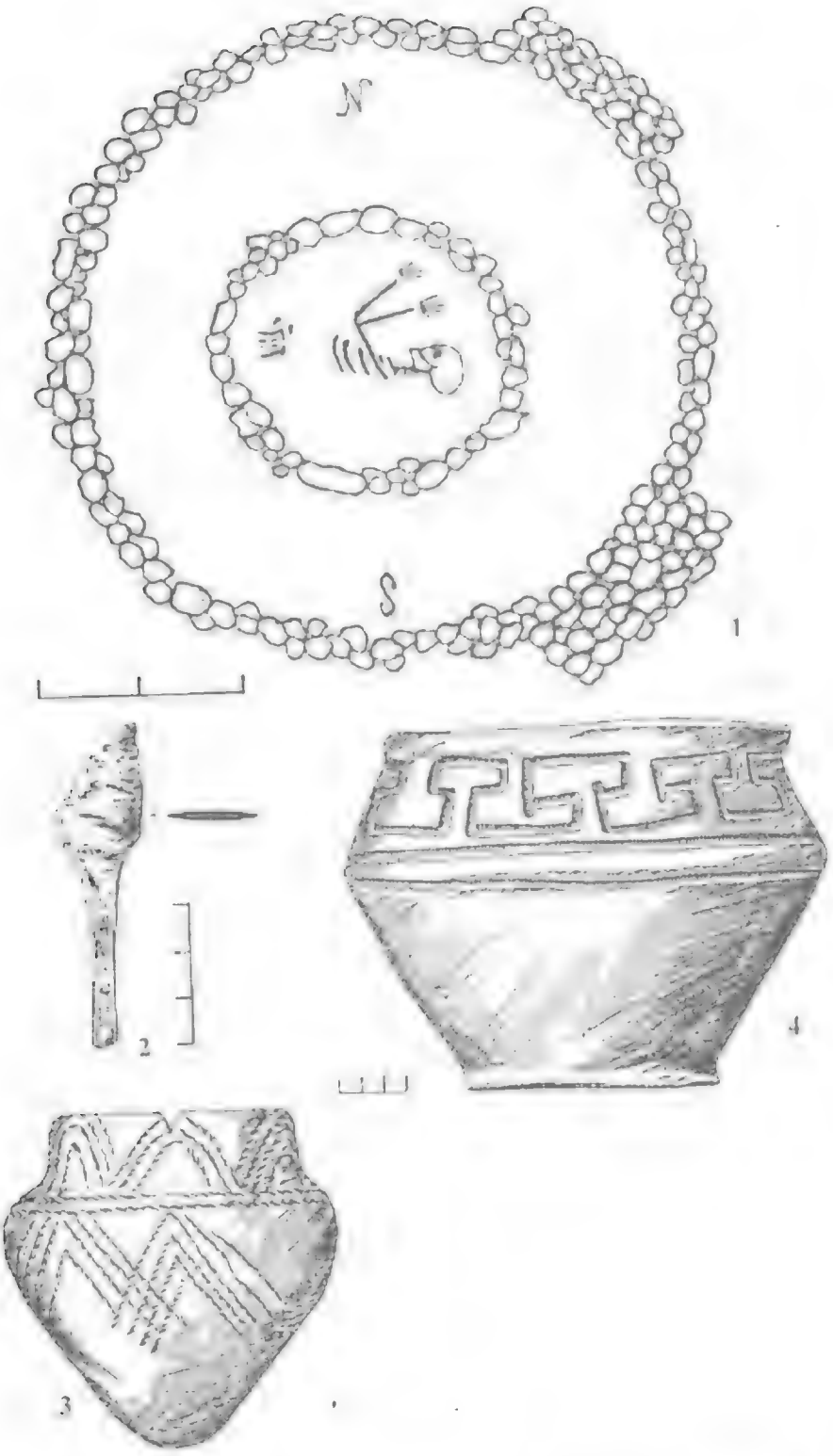


Рис. 5. Старый Крым, кург. 197 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1888 г.): 1 – погр.3; (масштаб приблизительный) 2-3 – погр.5; 4 – погр.1 (1 – по: [Бранденбург, 1908, с.180]; 2-4 – по: [Качалова, 1974].

Fig. 5. The materials from the excavations of N.E. Brandenburg near village Stary Krym in 1888: barrow 197.

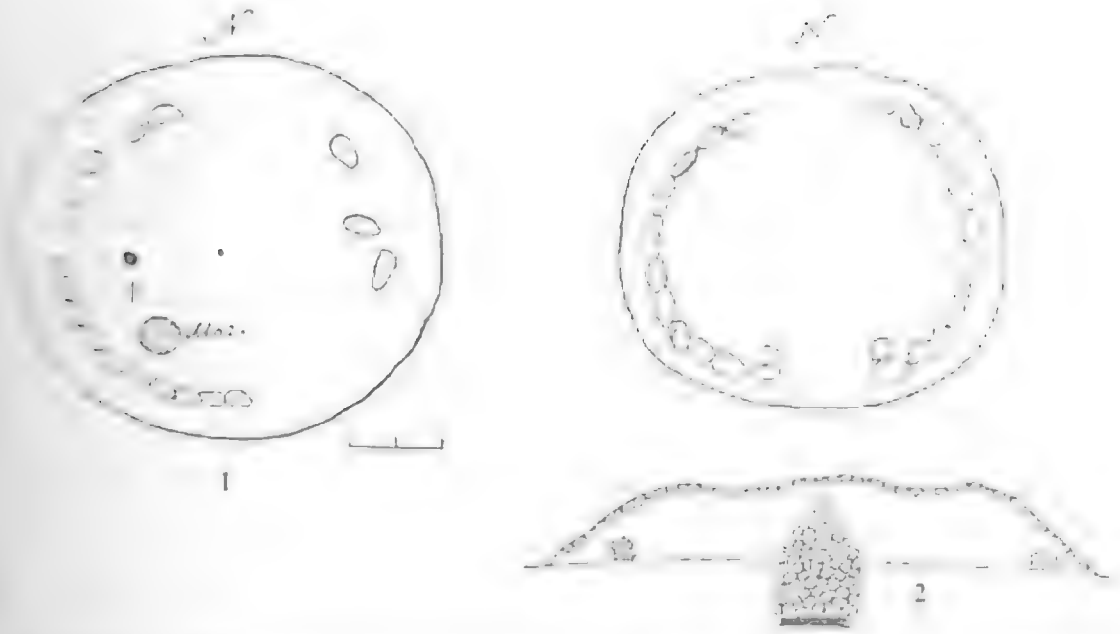


Рис. 6. Группа Чумацкая Могила (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1889 г.): 1 – кург. 202; (масштаб приблизительный) 2 – кург. 203 (по: [Бранденбург, 1908, с.182, 183].

Fig. 6. The barrows' group "Chumatska Mogila" (the excavations of N.E. Brandenburg in 1889): barrow 202 (1); barrow 203 (2).

[illegible] оставив слева Белосарайскую косу, [illegible] И.А. Гильденштедт направился к Пет[illegible] крепости в устье р. Берды (совр. Запорож[illegible] [Шугуров, 1879, с.222, 224-225).

В августе 1774 г. И.А. Гильденштедт [illegible] территорию Донецкой области. [illegible] современного г. Славянска исследо[illegible] увидел и описал курганы с каменными [illegible] [Лисянский, 1973, с.10].

[illegible] XVIII – начала XIX вв. украинская [illegible] осваивается земледельцами. Курга[illegible] использовались ими в качестве меже[illegible] обозначавших отдельные земельные [illegible] как сельских общин, так и частных [illegible] В соответствии с этим, многие курганы, [illegible] высокие, получили название по имени [illegible] на земле которых они находились: [illegible] *могилы известны под именем «Кор[illegible] Там и была степь Коржа"* [Новицкий, [illegible] Некоторые курганы и вовсе носили [illegible] название: *Курган Граничный* у с. Солнцево Старобешевского р-на или *Кордон-оба* в Великоновоселковском р-не. С того времени сохранилось много названий курганов, данных им по имени сел: *Могила Верина* (ныне г. Горловка, по с. Верино), *Стыльская* (несколько курганов в окрестностях с. Стыла Старобешевского р-на), *Мемрикская*, *Николаевская*, *Мангушская*, *Мариупольская*, *Чердаклыцкая*, *Белофейж* (по немецкой колонии Беловеж, ныне Розовский р-н Запорожской обл.) и др.; а также по имени частных хозяев – *Барбасова*, *Вакулин*, *Ананасов*, *Булыев*, *Капустин*, *Бабаковой*, *Греков*, *Петров*, *Матвеев*, *Шкоркин*, *Киселева*, *Королева*, *Протопопов*, и т.д.

Показательна земельная тяжба, возникшая в начале XIX века на юге Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии, когда производилось генеральное межевание земель [Коцаренко, 1999, с.12-15][2]. Согласно правилам генерального межевания, земельные межи утверждались по бесспорным указаниям самих владельцев. Иногда между соседями возникали разногласия. В этом случае возбуждалось

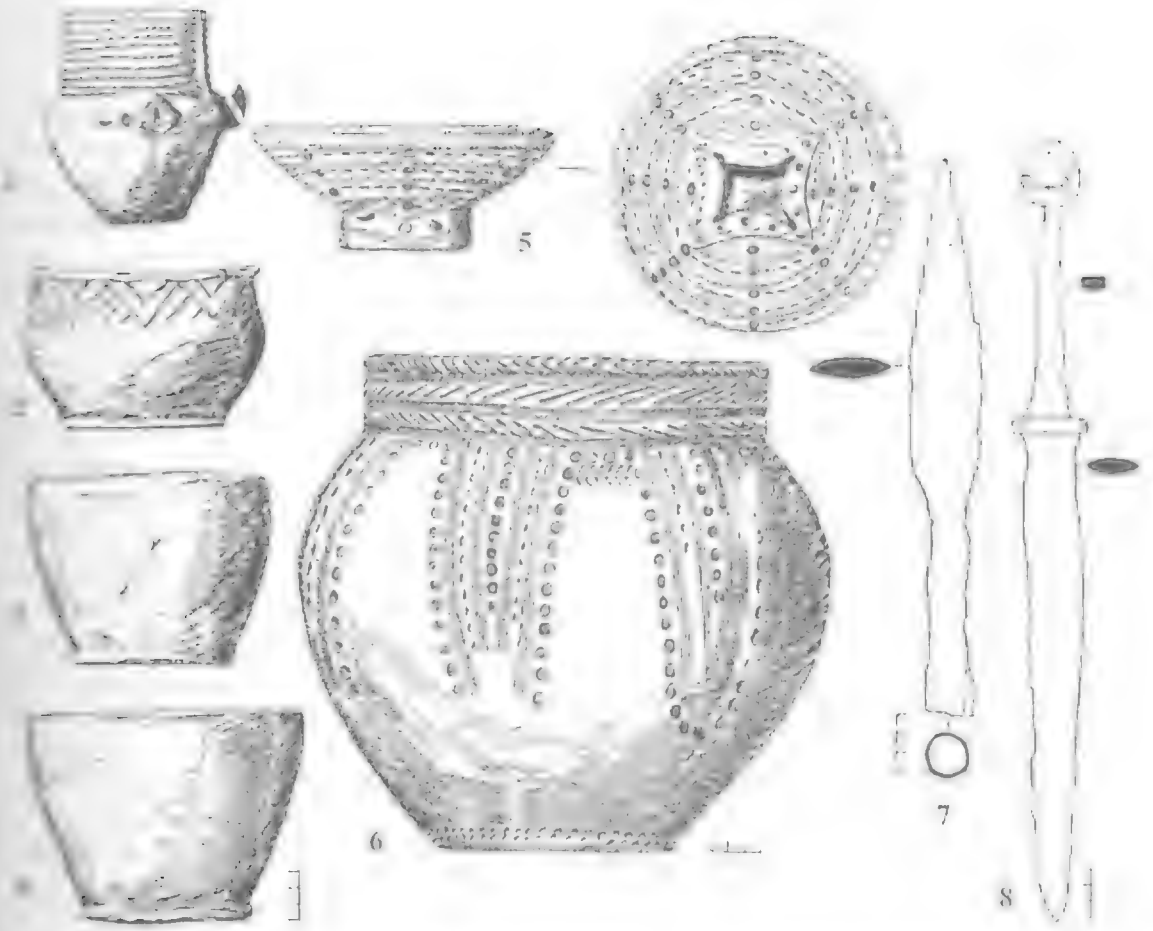
---

[2] [illegible] выражают искреннюю признательность председателю Краматорской городской организации Всеук[illegible] краеведов В.Ф. Коцаренко за ознакомление с архивными материалами и любезное разрешение [illegible]

спорное дело, которое рассматривала межевая контора. В 1813 г. настала очередь межевать дачи сельца Ясная Гора, сельца Юрбелянское, села и сельца Шабельковка, села и сельца Белянское с деревнями Горской, Красноторской и Маячкой, а также сельца Радовановка – имений помещиков Ивановых, Адамовых, Шабельских, Тарановых и Радованова [ЦГАДА. ф. 1355, оп. 1, д. 56/1945, л. 28 об., 45 об., 46 об., 47 об., 57 об.]. Все эти имения располагались по соседству, в урочищах речек Казенный Торец, Маячка и обеих Беленьких в северной части современного г. Краматорска Донецкой области. При разграничении земли в районе сельца Юрбелянское, на месте, где сходились межи земель Тарановых, Адамовых и капитана Радованова, случился тривиальный для того времени земельный конфликт. В межевой конторе было начато спорное дело, которое затянулось на многие годы. Только вмешательство в дело поручика В.И. Шабельского позволило суду принять окончательное решение. Приняли его 18 января 1828 г., а спустя некоторое время межи были окончательно утверждены и нанесены на местности. Об этом свидетельствуют и написанные позднее в ходе генерального межевания "Экономические примечания" к планам помещичьих дач [ЦГАДА. ф. 1348, оп. 2, д. 606, титульный лист]. Решающим аргументом при разделении земли оказались документы, содержащиеся в специальном «Экстракте, учиненном в межевой канцелярии из решенного Екатеринославской межевой конторой спорного дела о землях Слободско-Украинской губернии Изюмского уезда». В частности, здесь приводится описание меж участков недвижимого имения, которое было составлено еще в 1775 г. во время развода помещичьих и казенных земель. Одно из ведущих мест в пространственных ориентирах земельных участков выполняли курганы: "*...положили и утвердили межу, а именно: от плотины прямо в гору тою речкою, держась левого берега до колена и кручки, ... выкопано гранных две большие ямы, а отторь прямо на небольшой одинокий курганец; - от того кургашца на выкопанную яму; - от оной ямы, смотря на состоящий на горе большой черный курган, до подгорья, ... да при хуторе его Шабельского при речке Маячки, снизу начав от вышедшего к речки Маячки бугра с кургашчика, и тем самым бугром на низ, до самой речки Маячки, против вышедшего с той стороны колена, и за оным до плеса, где выкопан скопец, и по над той речкой в гору до броду; а чрез оной переехавши на другую сторону речки прямо к самой кручи с небольшим леском, кою оставляя лево, прямо на гору до балочки, при котором выкопана яма, и по той балки на гору до самой вершины, у которой выкопана яма; оттоль прямо что при дороге, идущей от Тору до хутора его Шабельского, разрытую могилу; а за оной, поворотя влево, в близости чрез три могилы и чрез лощину, на могилу, при которой выкопан скопец; а от той могилы, держась прямо на дуба видимого, который при вершине первой Розсоховатого, и не доходя до дуба сту*пеней 20, *где выкопан скопец, поворотя и держась прямо, оставляя бошрак в даче его Шабельского, сойдя на яр и чрез оной прямо на гору, а по выходе выкопаны два скопца, от которых поворотя влево и прямо на вышедшей к речке бугор и прямо по бугру чрез четыре могилы...*" [ЦГАДА. ф.1348, оп.2, д.610, л.185-186].

Утилитарное отношение к курганам хорошо видно на примере так называемых **майданов** – особых насыпей, имевших сложную структуру, в которую, как правило, входили большая центральная насыпь в виде разорванного кольца с углублением в центре и несколько небольших сопутствующих насыпей. Они также носили название *"роблені могили"* [Яворницький, 1990, с.315]. Как установлено, майданы образовывались в XVII-XIX вв. в ходе использования курганной земли при производстве селитры, которая является важным составляющим компонентом для изготовления пороха[3] [Андрієнко, 1971; Полін, Николова, Тупчиенко, 1992; 1993; Полин, 1995; Археологія доби українського козацтва, 1997, с.54]. В природных условиях селитра (соли нитрата амония) накапливаются в гумусе чернозема, из которого ее и добывали. Высокие курганные насыпи в этом отношении – идеальный источник для добычи селитры. На территории Донецкой области майданы зафиксированы в Славянском и Краснолиманском районах (в первом даже существует село Майдан), в прошлом являвшихся южной окраинной Слобожанщины. Кроме того, название курганов "*Могила Майдан*"

3 - Кроме того, уже существующие майданы могли использоваться в качестве укрытия или оборонного сооружения. Свидетельство того приводит Б. Гринченко: *"Згадав про роблені могили, які близько слободи... Як укривали татари, різали людей, всі будівлі там ховали жінок, худобу, дітей"* [Словник..., 1908, с.438].



[illegible]. Материалы из раскопок Н.Е. Бранденбурга (1889, 1891 гг.): 1-4 – Сартана, кург. 204 [illegible] – выброс; 2 – погр. 3; 3 – погр. 13; 4 – погр. 6); 5-8 – Славянск, кург. 253 (5, 6 – погр. 8; 7 – погр. 2; 8 – погр. 5) (1-6 – по: [Качалова, 1974]; 7, 8 – по: [Хазанов, 1971]).

[illegible] The materials from the excavations of N.F. Brandenburg near village Sartana (1-4) and town Slovjansk (5-8).

[illegible] вероятно, также являлись майданами) [illegible] возле современного г. Родинское, [illegible] раснее Красноармейского р-на, Водяное [illegible] Ясиноватского района, Андреевка [illegible] ковского р-на, находящихся на [illegible] хорошо освоенной в XVII – XVIII [illegible]. Возможно, с данным произ- [illegible] связан комплекс, найденный в кургане [illegible] "Ударник" в Красноармейском р-не: [illegible] глубиной почти 1,5 м, располагавшейся [illegible] части насыпи, была зафиксирована [illegible] какого-то вещества светло-зеленого цвета толщиной 15 см, перекрытая слоем небольших камней, среди которых были найдены кости животных, фрагмент мисочки XVIII – XIX в., железные "гвоздик" и изделие типа медальона [Полидович, 1993, с.36, рис.14].

У украинцев и русских курганы **назывались** преимущественно *могилами* [Словник…, 1908, с.438; Даль, 1914, с.873]. Бытовало и слово *курган*[4] [Словник…, 1908, с.329; Даль, 1914, с.508-509], которое, впрочем, в XIX в. воспринималось разными авторами как татарское

4 - Заметим, однако, что на карте-"трехверстке" курганы, находящиеся на территории Екатеринославской губ[illegible] названы только *могилами*, тогда как курганы, находящиеся на территории Войска Донского – и *курганами*, и

слово [Летопись Общества, 1844, с.593; Клоев, 1892, с.369]. Приазовские греки называли курганы тюркским словом *оба*, "холм, бугор, степная могила" [Отин, 2000, с.136] – *Холуй-оба, Таш-чихаран-оба, Шалай-оба, Хара-оба, Беш-оба* и др. Близкий термин бытует и среди украинцев и русских, которые часто, особенно в последние десятилетия, называют курганы "*буграми*". В распространении этого термина, с одной стороны, выразилась утрата в наши дни фольклорной и исторической традиции, связанной с курганами-"могилами" и широко распространенной у сельского населения еще в начале XX в. (характерно, что после ответа на вопрос "А что это за бугры?" следует реплика: "А мы думали, что это природные холмы"[5]). С другой, это типичный термин для обозначения курганов, распространенный, к примеру, среди русского населения Западной и Южной Сибири. Там даже людей, грабивших курганы, в XVI-XVIII вв. называли "бугровщики" [Вадецкая, 1981, с.5-24].

С курганами переселенцы были знакомы искони, т.к. они распространены почти на всей территории Украины и большей части Европейской России, а потому и знали об их сущности и назначении. Однако курганы воспринимались ими однозначно как **"чужие" могилы**, какая-либо генетическая связь с погребенными в них людьми, как это характерно, скажем, для тюркских народов Сибири [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с.31-32], не осознавалась[6]. Согласно наиболее распространенному в степи мнению[7], курганы являются "татарскими" или "турецкими" могилами. С такими представлениями связаны названия курганов "*Могилы Татарские*" (у с. Васильевка Старобешевского р-на), а также, вероятно, названия типа "*Бесева Могила*" (курган, располагавшийся на вершине холма у нынешнего пгт. Пантелеймоновка) [Полидович, 1993, с.80], "*Мамаева Могила*"[8] (у с. Староласпа Тельмановского р-на), "*Мурза-оба*" (пгт Великая Новоселковка) или "*Аслапова Могила*" (несколько высоких курганов, расположенных в Приазовье). Оригинальный и пока что единственный вариант этнической атрибуции курганных захоронений зафиксирован Ю.В. Кудлаем в украинском селе Нововасильевка Красноармейского р-на, со старожильческим населением, где их называют "еврейскими".

Значительная, если не преобладающая часть современных **названий** курганов и курганных групп сформировалась к середине XIX века, когда на территории края окончательно сложились основные этнические массивы. Преобладают славянские и тюркские названия, из которых тюркские распространены преимущественно в районах расселения приазовских греков. В отличие от иных топонимов Донецкого края названия курганов образуют весьма поздний топономический пласт. Чрезвычайное разнообразие имен собственных курганов и курганных групп, многочисленные схемы образования названий курганов и их пестрая семантика показывают, что этот пласт сформировался в относительно недавнем прошлом и что этот процесс до конца еще не завершен.

---

5 - С этим современным, достаточно твердым убеждением пришлось столкнуться в 2001 г. во время исследования кургана "Раскопанная Могила" у г. Дружковка. Руководство карьера, финансировавшего работы, настояло на включении пункта о возможном природном происхождении кургана в договор. И хотя еще перед началом проведения карьерных разработок был заключен охранный договор, в его нарушение было начато снос насыпи как природного холма. Только после того как под ножом бульдозера появились кости из погребения, разрушение было остановлено.

6 - Характерно, что на волне появившегося в 1990-е гг. неоязычества стало возрождаться отношение к курганам как к могилам предков, что стало свойственным не только тюркским народам, но и славянским. В последнем случае представления о генетическом родстве основываются на околонаучных представлениях о прямом родстве древних степных народов, в частности, скифов со славянами. В Донецкой области ярким представителем такого движения стало общество «Святогор» (г. Дружковка), возглавляемое Ю. Артемовым. Среди действий общества - попытка организовать охрану курганов, досыпка нескольких распаханных курганов, установка на них изваяний-новоделов, проведение на курганах подобий ритуалов, публичное осуждение археологических раскопок курганов ["Окно. Дружковская еженедельная газета". № 23, 2001].

7 - Идея написания этой части статьи возникла в ходе подготовки сборника, а потому авторы вполне осознают определенную ущербность ссылок на бытующие представления и названия, которые приходилось часто слышать в ходе полевых работ, но которые в свое время не фиксировались по должным правилам записи устной информации. Надеемся, что данная работа послужит поводом для продолжения и углубления исследования народного отношения к курганам и другим археологическим памятникам.

8 - Не исключено, впрочем, что Мамай здесь – не исторический, а этнографический антропоним [Отин, 2000, с.

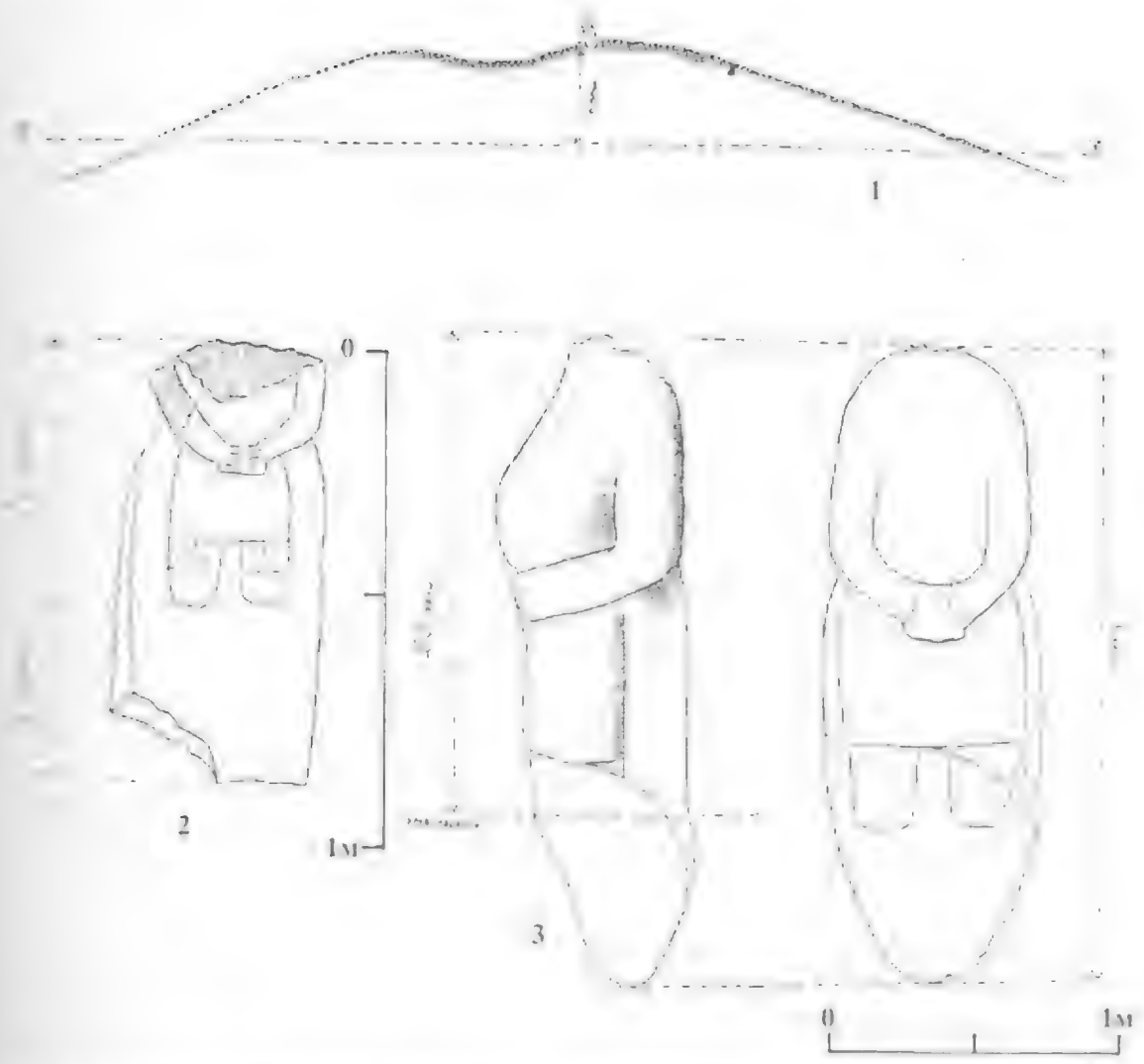


Рис. 8. Федоровка, кург. 205 (раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1889 г.): 1 – разрез насыпи; 2-3 – каменные изваяния (масштаб восстановлен авторами) (по: [Бранденбург, 1908, с.187, 188]).

Fig. 8. The materials from the excavations of N.E. Brandenburg near village Fedorivka in 1888-1889: barrow 205.

Кроме уже упомянутых случаев наименования курганов по имени владельца земли, [illegible] названий курганы получили по каким-то [illegible] признакам своего внешнего [illegible] Могилы *Острая* (выделяются насыпями [illegible]й формы в отличии от большинства [illegible], имеющих сферические насыпи; [illegible] – *Острый Шпиль*, на территории г. [illegible]). *Долгая* или *Длинная*, *Каменная*, [illegible] *Плоская*, *Толстая*, *Высокая*. Аналогично Е.С. Отин объясняет некоторые названия курганов, данные им приазовскими греками: *Арт-оба*, "курган с крутыми склонами", *Хашабаш*, м.б. "длинный холм", *Шишма(н)*, "Толстая" и др. [Отин, 2000, с.23, 140, 155]. С внешними признаками, возможно, связано и название *Курган Верблюжий* (территория Донецкого горсовета) – по аналогии с горбами верблюда. В.Г. Фоменко и Е.С. Отин предполагают подобное происхождение названия *Саур-Могилы* [Фоменко, 1964, 71; Отин, 1977, с.67; Отин, 1992, с.26-27]. В его основе, по мнению исследователей, лежит тюркский (возможно, половецкий) народно-географический термин *сауыр* (в упрощенной фонетической передачи славян – саур, савур), что обозначает степные

возвышенности со сглаженными вершинами округлой формы (дословно "круп лошади").

Встречаются названия, данные по типу растительности на насыпи: *Лозова*, *Глодова* (Красноармейский р-н), *Бузинова* (Красноармейский р-н) или *Бузиноватая* (Шахтерский р-н), *Калинова* (Шахтерский р-н), *Кудрявая* (г. Макеевка); по имени животных, с ними связанными: *Лисичья* (Добропольский р-н), *Бабах* (у с. Старогнатовка Тельмановского р-на), от урумского "сурок" [Отин, 2000, с.27], *Харгалых* (у с. Чермалык Тельмановского р-на), от урумского "место, где много ворон" [Отин, 2000, с.138]. Есть названия по цвету, из которых самое распространенные – *Могила Черная* (греческие аналоги: *Хара-* или *Караоба*), единичные случаи: "*Курган Белой*" (у с. Красный Октябрь Тельмановского р-на), "*Могила Зеленая*" (у г. Димитров и с. Возрождение Красноармейского р-на), "*Могила Красная*" (у с. Новомихайловка Марьинского р-на). С чем связаны подобные колористические названия, однозначно сказать трудно. Более или менее понятным кажется только определение "*черная*": многие курганы издали, на фоне горизонта и особенно летом и осенью, когда степь выгорает, действительно кажутся темными, черными. Но, хотя курганы с таким названием встречаются во многих районах, наиболее они концентрируются на правобережье р. Кальмиус у греческих сел Раздольное, Староласпа, Стыла, большинство населения которых говорит на урумском языке тюркской группы. А в тюркских языках прилагательное *хара*, "черный" имеет дополнительное значение "чужой": *хара кижи* – "чужой человек, чужак", *хара чер* – "чужая земля, чужбина" [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с.18].

В ряде случаев имена курганов привязаны к балкам или речушкам, в истоках или на берегу которых они расположены: Могилы *Дубовая* (по р. Дубовке, приток Кальмиуса, Тельмановский р-н), *Капидагач* (р. Капидагач, г. Волноваха), *Соленая* (Волновахский р-н), *Шайтанка* (р. Шайтанка, Марьинский р-н), *Дурная* (б. Дурная, г. Донецк) и др.

Группу небольших курганов, насыпи которых располагаются кучно недалеко друг от друга (в отличие от более часто встречающейся цепочки курганов), обычно называют *Рясными* (наиболее яркий пример – группа, исследованная в 1986-1987 гг. у г. Шахтерска [Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с.122]) или *Дробными* (у ст. Доля Марьинского р-на). Два расположенные рядом кургана, имеющие похожие насыпи, как правило называли в народе *Близнята* или *Близнецы* [Строганов, 1862, с.X] (группа с таким названием была раскопана В.А. Городцовым в 1903 г. на территории современного г. Донецка [Городцов, 1907]; также группа у с. Максимельяновка Марьинского р-на). Иногда такое название курганов пояснялось какой-нибудь драматической историей: *"Давно це було: може, за сто років, а може, ще й більше того. Жив тут якийсь великий пан-воєвода. І була в нього молода, дуже гарна дружина, яку він надзвичайно любив і беріг, як своє око. Вона одповідала своєму чоловікові тим же. Та злі й завидливі жінки не могли цього пропустити: вражі баби підіслали до того пана ворожбійку, і та ворожбійка наклепала на дружину пана, буцімто вона потай кохалась із іншим чоловіком, од якого і народить двійнята. На ті слова ворожбійки так і сталося: у пані справді народилися близнюки. Тоді пан, побачивши таке, звелів їх забити, одвезти в степ і там поховати. Дітей забили, одвезли в степ, заховали одного коло одного і над кожним насипали окрему могилу. Ото з того й вийшли Близнюки-могили"* [Легенди та перекази, 1985, с.125]. По аналогии с Близнятами, группу из нескольких курганов называют *Три (Четыре, Пять) Брата* или просто – *Три (Пять, Шесть) Могил*, *Беш-оба* (от урумского *беш*, "пять" [Отин, 2000, с.35]).

Курганы, на которых долгое время стояли каменные изваяния, называли *Могила Баба* или *Бабы* (Енакиевский горсовет, у сс. Николаевка и Еленовка Волновахского р-на, Красное Артемовского р-на, Удачная Красноармейского р-на, Красный Октябрь Тельмановского р-на). Один из курганов носил название *Курган Семь Баб* (Шахтерский р-н). А курганы, располагавшиеся на территории современного Петропавловского р-на Днепропетровской области на расстоянии 1,5 км друг от друга, носили названия *Могила Лежачая Баба* и *Могила Стоячая Баба*.

В нескольких случаях за курганами закрепились названия, связанные с тем, что на них или рядом с ними находились какие-то постройки: *Могила Мельница* (возле пгт. Старобешево), *Могила Трактирная* (у с. Луганское Марьинского р-на), или производи-

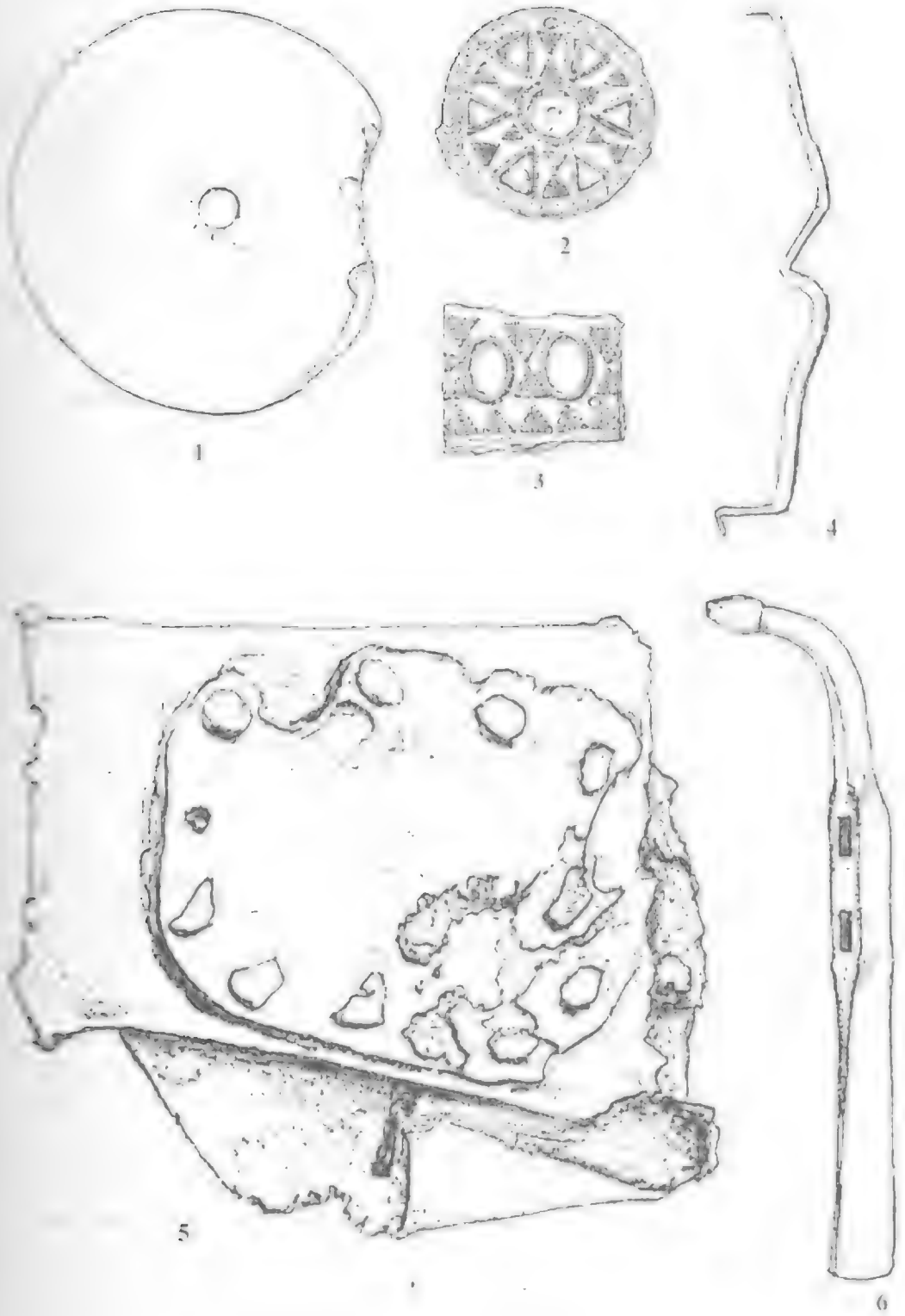


Рис. 9. Сергеевка: вещи из кургана, раскопанного крестьянами в 1879 г. (рисунки из: [Архив ИИМК РАН, № 16/1879]). Масштаб 1:1.

Fig. 9. The materials from the barrow's excavation near village Sergeevka in 1879.

лись какие-то действия: *Могила Терноватая* (г. Горловка; от диалектного *тырло*, особый род пастбища), *Могила Армахая* (у ст. Карань, Тельмановский р-н), от урумского *хая*, "скала" и *арма*, "место молотьбы" или "орудие для молотьбы" (м.б. курган, с насыпи которого брали камень для изготовления катков и иных орудий) [Отин, 2000, 23]; *Малхаган* (у с. Старогнатовка Тельмановского р-на), от урумского "скотомогильник" (рядом – балка с таким же названием) [Отин, 2000, с.87-88]. О кургане Стрижена Могила, раскопанного Т.А. Шаповаловым в 1968 г., рассказывали, что "*начебто якийсь чабан років 150 тому постриг свої вівці рано навесні, та вдарили морози, вівці загинули і тут закопані. Звідси і Стрижена Могила*" [Шаповалов, 1968].

Легенды, поясняющие происхождение названий курганов, постоянно изменяются, возникают новые объяснения. Характерны в этом отношении легенды, бытующие в настоящее время и объясняющие названия межевых курганов. Так, *Верина* (или еще сейчас говорят – *Веричья*) *Могила* якобы получила название по имени Веры, дочери помещика, покончившей собой из-за несчастной любви и похороненной на кургане (легенда зафиксирована в 1998 г.). *Могила Холявкина* у с. Никольское Волновахского р-на – по имени хозяина Холявко, который когда-то жил на месте кургана. Во время раскулачивания его дом и усадьбу снесли "*та все згорнули до купи. Від того й стали бугри*". А место это стали считать "нехорошим", и теперь как сорятся в селе соседи, то говорят сгоряча: "*А будеш ти жити на Холявчиній Могилі!*" (легенда записана со слов секретаря Никольского сельсовета в 2002 г.).

Неисчислимые россыпи донецких курганов не могли не привлечь к себе внимание научной общественности. К середине XIX века российская археология накопила достаточный опыт исследования курганов, прежде всего, элитных скифских. Эта традиция восходит к любительским раскопкам знаменитого Литого кургана (Червоной Могилы), произведенным возле современного Кировограда в 1763 г. по поручению губернатора Новороссийского края генерал-поручика А.П. Мельгунова [Брашинский, 1979, с.15-16]. Вслед за тем были раскопаны многие знаменитые курганы в Подneпровье и Крыму – Куль-Оба, Чертомлык, Солоха и др. Поражающий воображение блеск золота из скифских могил стал частью элитарной культуры российского общества XIX века. Сановные археологи хорошо знали, что в курганах фактически нет легендарных татарских могил, и были нацелены на поиск, прежде всего, скифских сокровищ. Для ученой российской среды того времени скифская этническая определенность крупных степных курганов не вызывала сомнений.

Первый целенаправленный интерес к курганам на территории современной Донецкой области с задачей их раскопок связан с именем **П.Е. Забелина**. В отличие от И.А. Гильденштедта, в круг обязанностей которого фиксация курганов, строго говоря, не входила, П.Е. Забелин специально выехал в Донбасс для проведения археологических разведок курганов [Косиков, 2001, с.7]. Став в 1859 г. штатным сотрудником императорской Археологической комиссии, только что образованной при Министерстве двора [Литовченко, 1991, с.276], П.Е. Забелин в течение ряда лет копал курганы в Приднепровье [Шевчук, 1993, с.5-16]. В 1862-1863 гг. он исследовал ставший знаменитым курган Чертомлык с уникальными скифскими "царскими" захоронениями [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с.10]. В 1864 г. П.Е. Забелин помимо исследований на Таманском полуострове [Шевчук, 1993, с.17] провел разведки на территории Донбасса – в восточных и юго-восточных районах современной Донецкой области (рис. 1, 11). Судя по донесению председателю ИАК графу С.Г. Строганову от 4 сентября 1864 г. [Архив ИИМК РАН, № 14/1864], разведка осуществлялась целенаправленно: П.Е. Забелин посетил Саур-Могилу (ныне Шахтерский р-н), предполагая провести раскопки кургана, подобного Чертомлыку. Не случайно, описывая Саур-Могилу, исследователь сравнивает ее с Чертомлыком [Архив ИИМК РАН, № 14/1864]. Проведенный осмотр показал, что это естественная возвышенность, на вершине которой находится довольно большая курганная насыпь диаметром около 70 и высотой около 3 саженей (соответственно около 150 и около 6 м). Вершина кургана уплощена, диаметр площадки – 5 саженей (немногим более 10 м). Подобная вершина, по мнению П.Е. Забелина, в древности вполне могла служить "*маяком при степном бездорожье*" [Архив ИИМК РАН, № 14/1864]. Подобный вывод

Рис. 1А. Бронзовый котел из кургана, [illegible] р. Кальмиус (по: [Археологія [illegible] РСР. К., 1971. Т. II. Рис.57]).

Fig. 1A. The sarmatian bronze pot from a [illegible] barrow in the river Kalmius basin.

[illegible] Саур-Могилы, в общем-то, явля[illegible] [ср.: Олійников, 1972, с.4, 17-18; [illegible], с.64; др.].

[illegible] посещения Саур-Могилы И.Е. [illegible] провел разведки *"...в 60 верстах к [illegible] Саур-Могилы на границе Бахмутс[illegible] с Луганским округом в 9 верстах от [illegible] Чернухиной..."* [Архив ИИМК РАН, № [illegible] на землях помещиков Мазараки и Де[illegible] на границе современного Шахтерского [illegible] ной и Перевальского р-на Луганской [illegible]. В трех верстах (3,2 км) от станции [illegible] (Перевальский р-н) И.Е. Забелин [illegible] и кратко описал курган *"Разсыпная [illegible] с четырехугольным валом"*.

После разведок в районе станции Чер[illegible] исследователь провел осмотр курганов [illegible] польском и Мелитопольском уездах [illegible] северного побережья Азовского моря. [illegible] нию, в донесении И.Е. Забелин го[illegible] разведках в Приазовье очень бегло, отмечая лишь наличие большого количества курганов, которые стоят по возвышенностям [Архив ИИМК РАН, №14/1864; Косиков, 2001. с.7]. Но ни один из донецких или приазовских курганов не заинтересовал И.Е. Забелина, поэтому раскопки здесь он так и не проводил. А вот любительские и полупрофессиональные раскопки донецких курганов стали обычной практикой второй половины XIX века.

Несколькими годами позже разведок И.Е. Забелина датируются первые задокументированные раскопки, проведенные на территории нынешней Донецкой области. Речь идет о так называемом **Камбуровом или Покровском кургане**, располагавшемся в центре современного Мариуполя (рис.1, 19), а в то время – на его северо-западной окраине (название *Покровский* он получил по ежегодной ярмарке, проводившейся у его склонов на Покрова, 24 октября). *"На разстоянии полуверсты от центра города, прежде на открытом месте, а теперь во дворе Камбурова, на Александровской площади, находится курган. Он представляет из себя соединение двух курганов, расположенных по линии с востока на запад. Один из них, ...был немного выше другого. Высота большого приблизительно равнялась 3½ саж."* [Клюев, 1892, с.370]. Судя по описанию, памятник относился к так называемым длинным курганам, образованным двумя насыпями со слившимися полами [Цимиданов, 2000, с.21]. Высота восточной насыпи – около 7,5 м; западная насыпь – ниже. Диаметры насыпей неизвестны, но, судя по описаниям [Клюев, 1892, с.371, 372], весьма значительны.

В 1869 г. купец Г.П. Камбуров купил землю вокруг кургана и во время строительства амбаров и дома западную, меньшую, насыпь кургана, раскопал и вывез. *"Особеннаго ничего при раскопках не нашли"* [Клюев, 1892, с.371]. В 1872 г. под наблюдением Г.П. Камбурова была вскрыта часть восточной насыпи. Работа носила откровенно кладоискательский характер, что отразилось, на наш взгляд, и на полулегендарном описании результатов (Н.А. Клюев, описавший раскопки, пользовался информаци-

[illegible] В окрестностях ст. Чернухино находится довольно большое количество курганов, однако на картах, начиная с [illegible], курган с таким названием не зафиксирован. Характерно, что несколько населенных пунктов с названием [illegible] находятся несколько южнее станции, в пределах современного Шахтерского р-на Донецкой обл. Упомянем [illegible] курган, близкий по характеру насыпи и являвшийся святилищем половецкого времени, был исследован С.Н. [illegible] приблизительно в 20 км на СВ от ст. Чернухино на так называемом Мечетном поле [Евглевский, 1996].

ей из рассказов очевидцев почти через двадцать лет после раскопок Камбурова; за такой срок непрофессиональные данные очевидцев вполне могли быть дополнены фантазиями): "*...был раскопан посреб. ... Это был просто склеп. Стены его внутри были вымазаны глиной, при чём заметно, что мазали рукой, так как остались следы пяти пальцев. По правую и по левую сторону лежало по шести трупов... просто на земле без всяких подставок и даже без гробов. Кроме этих трупов были найдены там еще коженые кружеки, напоминающие собою наши деньги, далее, монетки медные с изображением лодки и сидящего в ней гребца и, наконец, гладкий крупный камень...*" [Клюев, 1892, с.371]. Известно, что в собрании археологических находок мариупольской Александровской гимназии находился железный (?) меч, происходивший из раскопок Камбурова кургана [Мариуполь и его окрестности, 1892, с.460]. После 1872 г. разрушение кургана продолжалось: брали землю на строительство, камни у подножия насыпи. В 1885 г. при строительстве в Камбуровом кургане было разрушено погребение [Клюев, 1892, с.372]. Остатки Камбурова кургана доисследованы уже в 1930 г. И.Е. Макаренко [Макаренко, 1933, с.5].

Почти одновременно с раскопками Камбурова кургана, в первой половине 1870-х гг. XIX в. были проведены исследования курганов в районах строительства железных дорог. Последняя четверть XIX в. обозначилась бурным развитием железнодорожной сети, связавшей Донбасс с разными регионами Российской империи. Строящаяся железная дорога прошла по основным водораздельным хребтам Донецкого кряжа, в отдельных местах буквально усеянных курганами, некоторые из которых сохранились и по настоящее время (курганы на территории современных г.Донецка, Волновахского и Володарского районов, находящиеся буквально в десятке метров от железнодорожной насыпи). Естественно, что при строительстве было уничтожено большое количество насыпей. И лишь в некоторых случаях разрушение предварялось непрофессиональными раскопками, проводившимися техническим персоналом, как в случае с раскопками курганов в районе строительства Константиновской железной дороги, которые вёл в первой половине 1870-х гг. XIX в. инженер управления этой дороги **Е.Х. Штида**[10] [Архив ИИМК РАН, № 34/1888]. Всего Е.Х. Штида раскопал 8 курганов: у с. Железное, между селами Красногоркой и Михайловкой, а также возле станции Юзово[11] (у с. Александровка[12]) и на землях помещика Каменского, – из которых описание 6-ти курганов было опубликовано Н.Д. Борисяком [Борисяк, 1878].

Из-за краткости сохранившейся информации не все исследованные Е.Х. Штидою курганы удалось локализовать. Один курган раскопан у с. Железное (ныне в составе пгт Новгородское, Дзержинский г/с) (рис.1, 4). В кургане зафиксировано три погребения в каменных ящиках, состоящих из четырех плит с одной плитой перекрытия каждый. Размеры – около 0,9 х 0,7 м, высота – менее 0,7 м. Скелеты скорченные. Подобный ящик из плит "*красного песчаника*" зафиксирован и в кургане между Красногоркой и Михайловкой (современные г. Красногоровка и с. Старомихайловка Марьинского р-на Донецкой области) (рис. 1, 8). Размеры этого ящика – около 1,6 х 0,9 м, высота – менее 0,7 м, толщина плит – до 0,18 м. Об инвентаре погребений почти ничего не известно: в одних ящиках "*...по углам, находилось по 3 горшка, в других по одному...*" [Борисяк, 1878, с.210]. Очевидно, возле пгт Новгородское и между г. Красногоровкой и с. Старомихайловкой раскопаны курганы, относящиеся к срубной культурно-исторической общности. Настораживает тот факт, что над одним из каменных ящиков кургана у Новгородского найдена "*...опрокинутая вверх дном медная лохань...*" [Борисяк, 1878, с.210]. Подобная находка явно не относится к срубному времени. Очевидно, в кургане у Новгородского были погребения и иных хронологических горизонтов (вероятнее всего, эпохи средневековья), не зафиксированные во время любительских раскопок.

В кургане южнее станции Юзово (ныне территория Куйбышевского р-на г. Донецка) (рис. 1, 10) на глубине чуть более 2-х метров Е.Х. Штидою открыто два каменных ящика.

10 - В литературе встречаются варианты Штиде, Штале [Борисяк, 1878, с.208-210]. Последний вариант является, скорее всего, опечаткой.

11 - В тексте явная опечатка: "станция Юрво" [Борисяк, 1878, с.210].

12 - Ныне это часть Куйбышевского района г. Донецка.

Рис. 11. Бронзовая фигурка из кургана, [illegible] М. Форштатом, Затишное [illegible] [Архив ИА РАН, № 148/1897, л.3]: масштаб близок к: 1:1).

Fig. 11. The medieval bronze figure from the [illegible] which were excavated by Mousses [illegible] near colony Zatishne in 1897.

[illegible] курган на территории Донецка от[illegible] к срубному времени, поскольку оба [illegible] *стояли параллельно друг к другу в [illegible] кургана...*" [Борисяк, 1878, с.210]. В [illegible] ящиках найдены "*...кости и череп*[illegible]. В этом кургане зафиксировано и впуск[illegible] средневековое погребение в деревянном [illegible]. Инвентарь кочевнического погре[illegible] разнообразен: железные копья, стремя, [illegible] животных (лошади-?).

[illegible] кургана раскопаны Е.Х. Штидою на [illegible] помещика Каменского. К сожалению, [illegible] публикации ничего не говорится [illegible] месторасположении курганов, [illegible] только предположить, что они также [illegible] на линии строящейся железной [illegible] как и остальные курганы (рис.1, 4, 8. [illegible] исключено, что это район современ[illegible] Яиноватой, на южной окраине которой [illegible] позже Е.Х. Штиды проводила лю[illegible] раскопки В.В. Каменская (урож[illegible] Бальфур), возможно, жена помещика Каменского [Городцов, 1907, с.325; ГИМ ОПИ. ф.431, ед.хр. 327, л.110] (рис.1, 7).

О раскопках всех трех курганов на землях помещика Каменского также сохранились лишь отрывочные сведения [Борисяк, 1878, с.210]. В первом кургане обнаружен каменный ящик из плит длиной до 1,8 м и толщиной 13-18 см. В ящике найдены фрагменты двух сосудов, плохо сохранившиеся человеческие кости и кости конечностей "*малых животных*". Во втором кургане на глубине 0,61 см найден тоже каменный ящик с разрушенным (?) скелетом погребенного, фрагментами сосудов, костями животных (25 зубов лошади, бедренная кость небольшого размера), костяной проколкой. В третьем кургане, высотой около 0,9 м, исследовано одно погребение в яме, обложенной крупными камнями. О наличии скелета человека ничего не говорится; инвентарь: "*широкий горшок из необожжённой глины*" [Борисяк, 1878, с.210]. Скорее всего, все три кургана Е.Х. Штида исследовал не полностью, зафиксировав только впускные погребения, относящиеся все к той же срубной культурно-исторической общности.

Так же как и Е.Х. Штида наблюдения за курганом, разрушаемым во время строительства железнодорожной ветки на ст. Никитовка, провел летом 1900 г. **А. Яковлев**, который также не был профессиональным археологом. Он наблюдал за работами, собрал керамику и кратко описал найденные погребения в кургане, находившемся возле с. Скотоватая Бахмутского уезда (ныне пгт Верхнеторецкое Ясиноватского р-на) (рис. 1, 5). Здесь, в 0,5 км от правого[13] берега р. Кривой Торец цепью с севера на юг располагалась группа невысоких распаханных курганов. Линия строительства железной дороги совпала с линией курганов, поэтому они и попали в зону разрушения. До появления А. Яковлева было уничтожено два кургана, в которых нашли человеческие скелеты, глиняную посуду, стеклянные бусы. Информацию о третьем кургане А. Яковлеву удалось в какой-то мере зафиксировать.

Насыпь кургана 3 вытянута по оси запад - восток, размеры её 32 х 25,5 м, высота около 0,7 м. Под насыпью на глубине около 0,33 м лежали плиты из красного песчаника. Под пли-

---

3 - А. Яковлев указал, что курган Громовая Могила находится на другом берегу р. Кривой Торец по отношению [illegible] железной дорогой группы. Согласно карте-"трехверетке", курган Могила Громовая находится на левом [illegible]

тами – скелеты, ориентированные головой на восток. У черепа каждого – глиняные сосуды различных форм и размеров [Яковлев, 1902, с.186]. К сожалению, А. Яковлев не дает точного количества погребений и очень обобщенно пишет об орнаментации посуды [Яковлев, 1902, с.187]. Судя по всему, в кургане 3 было зафиксировано несколько одновременных погребений, которые можно отнести к срубной культуре. Сопоставляя высоту кургана и глубину залегания плит перекрытия срубных погребений, можно сказать, что эти погребения впускные. Основное погребение (или даже несколько погребений более раннего времени) из-за быстрых темпов строительных работ, скорее всего, осталось неисследованным.

Кроме районов строительства железных дорог археологические работы проводились и в других местах Донецкого края. Так, где-то в середине 70-х г.г. XIX в. некий **г-н Арман** раскопал курган в Голубевке – имени помещика Голуба в Бахмутском уезде (современное с. Голубевка Артемовского р-на Донецкой обл.) (рис. 1, 3). В кургане найдены фрагментированные кости, *"...глиняная урночка весьма отчётливой работы, выжженная, жёлтого цвета, из хорошей глины; ножны... из кожи, ... бронзовые стрелки, из которых у меня находится одна"* [Борисяк, 1878, с.210]. Чрезвычайная краткость описания погребения не позволяет делать какие-либо выводы. Скорее всего, голубевское погребение можно отнести к раннему железному веку.

В 1880-е годы исследования курганов на территории современной Донецкой области значительно активизировались. Так, известна информация о раскопках кургана (курганов - ?) у с. Сартана (ныне пгт Сартана Мариупольского г/с), которые провел в 1880-х г.г. **А.Н. Поль** [Толстой, Кондаков, 1889, с.123; Миллер, 1965, с.32]. Здесь были найдены какие-то золотые украшения скифского времени [Толстой, Кондаков, 1889, с.123]. Более подробно известно о золотых украшениях, найденных в 1884 г. в кургане в 4-х верстах (4,2 км) к югу от имения Беклемешевых (возможно, район современного г. Дебальцево). Обстоятельства находки украшений неизвестны, передал их в ПАК в 1900 г. **А.А. Иностранцев** [ИИМК РАН, № 256/1900]. Вещи представляют собой: две полые сережки удлинённо-конических пропорций с выпуклым точеным орнаментом, две лунницы, украшенные веревочным орнаментом, три цилиндрические пронизи (одна – с поперечным рифлением, две – гладкие) и одну цилиндрическую пронизь-привеску с ушком [ОАК за 1900 г., 1902, с.96-97]. Очевидно, несколько золотых украшений, попавшие в руки А.А. Иностранцева, являются остатками погребального инвентаря богатого позднесарматского погребения, разрушенного в кургане удачливыми кладоискателями. Заметим, что на факт раскопок (разрушения) кургана и сохранности какой-то части находок из погребения обратил внимание не случайный человек. А.А. Иностранцев – крупный ученый-естественник, профессор Петербургского университета (впоследствии – член-корреспондент Петербургской Академии наук), геолог и палеонтолог, являлся к тому же и профессиональным археологом, проведшим в 70-е г.г. XIX в. широкомасштабные исследования многослойных поселений на южном берегу Ладожского озера [Формозов, 1983, с.70-84; Лебедев, 1992, с.13; Столяр, 1994,с.51-54 и др.][14].

По инициативе А.А. Иностранцева в 188[illegible] г. на новую кафедру географии и этнографии при Санкт-Петербургском университете был приглашен профессор Берлинского университета **Э.Ю. Петри** [Биограф. словарь..., 1959, с.11; Тихонов, 1995, с.105]. Уже на следующий год 25 мая 1888 г. ПАК выдала Открытый лист № 324 Э.Ю. Петри на проведение исследований в Екатеринославской и Таврической губерниях [ИИМК РАН, №34/1888; Косиков, 2001, с.1[illegible]]. На территории Екатеринославской губернии работы проводились в пределах современной Донецкой области.

Э.Ю. Петри в августе 1888 г. раскопал в 4-х верстах от хутора Пески (к юго-западу от станции Юзово) группу из 6 курганов под названием Рясные Могилы (рис.1, 9). Курганы с этим

14 - Очевидно, широко известные исследования А.А. Иностранцева в районе Ладожского озера стали [illegible] ошибки: золотые вещи из кургана в Бахмутском уезде даны как материалы новоладожских стоянок из раскопок А.А. Иностранцева в 1879 г. [Лебедев, 1992, с.286, фото 19]. Сами вещи переданы ПАК в Эрмитаж [Письмо ПАК в [illegible] о передаче вещей, 10 декабря 1912 г.№ 2403 (Письмо из Эрмитажа в ПАК о поступлении вещей, 28 декабря [illegible] №976) [Архив ИИМК РАН, №256/1900].

...ванием и по сей день сохранились на территории Песковского с/с Ясиноватского р-на, в 4 км на юго-запад от п. Пески. Э.Ю. Петри оставил довольно подробный отчет о раскопках Рясных Могил [Архив ИИМК РАН, № 34/1888][15].

Курганы 1, 2, 3 (по Э.Ю. Петри – А, В, С) были вытянуты по оси запад-восток, соприкасаясь полами. Общая длина трех слившихся насыпей – около 86 м. Насыпи овальные, вытянутые по оси запад-восток: к.1(А) – 40 х 25 м; к.2(В) – 21 х 18 м; и по оси север-юг: к.3(С) – 32 х 25 м. Северные полы всех трех курганов круче южных. Высота: к.1 - 3 м; к.2 - 1,6 м; к.3 - 2,5 м. Раскопки всех насыпей производились сначала послойно, а затем – широкой траншеей по оси север-юг с боковыми врезками к востоку и западу (ширина траншей не указана)[16].

Курган 1 (А). На поверхности насыпи и на значительной глубине – ряды камней (северный и западный склоны; на южном и восточном склонах камни отсутствуют). На северном склоне под слоем камней найден "*красной меди*"[17] (очевидно – бронзовый) "сплоснутый" котел (диаметр – 41 см, высота – 23 см) с остатками креплений для ручки (рис. 2, 1)[18]. В северо-западной части насыпи на глубине около 0,7-0,8 м – черепа трех лошадей. В центре насыпи на глубине около 1,5 м найден скелет человека, ориентированный головой на восток. Руки вытянуты, положение скелета неясно (кости сильно нарушены землеройными животными). Под левой рукой погребенного – глиняный сосуд (рис.2 ,3), орнаментированный прочерченной прямой сеткой под венчиком и "*по боку 6 слоёв углубленных линех*". Рядом с левой рукой умершего лежат три перекрещенные в различных направлениях палки. Под этим погребением (погребение 1)[19] и далее в восточной части насыпи обнаружены три или четыре скелета, "*неправильно набросанных друг на друга*". Судя по описанию, во время раскопок кургана 1 (А) Э.Ю. Петри исследовал четыре или пять впускных погребений.

Курган 2 (В). Находился к западу от кургана 1 (А). Северный склон насыпи покрыт камнями, на западной стороне кургана камней мало. Южный и восточный склоны насыпи без камней. В северо-восточной части насыпи под камнями найдены зубы и фрагменты черепа лошади. На фрагментах черепа – остатки ремешка, окрашенного в красный цвет. Под черепом лошади найден медный "*весь клёпаный из многих отдельных листков свернутыми из листов гвоздями*" котел (диаметр – 31 см, высота – 14 см) (рис.2, 2). "*По краю желтая обоймица*". Очевидно, бронзовый котел имел по краю приклепанную (?) железную полосу, которую из-за ржавчины Э.Ю. Петри назвал "желтой". Подобные биметаллические котлы в позднекочевнических погребениях известны [напр.: Горбенко, Кореняко, Макеменко, 1975, с.288-289]. В северо-западной части насыпи под камнями на глубине около 0,2 м – два точильных песчаниковых камня, а на участке слияния кургана 1 (А) и 2 (В) – фрагменты глиняного сосуда.

Курган 3 (С). Находился к востоку от кургана 1 (А). Ситуация с камнями в насыпи такая же, как на кургане 2 (В). В насыпи найдены кремни, кости животных, орнаментированный фрагмент керамики. В углублении между насыпями курганов 3 (С) и 1 (А) на глубине 0,5-0,6 м – уже упоминавшееся кремневое орудие. На глубине около 1,0 м под закладом из камней – каменный ящик (п.1)[20] Длина ящика – 1,7 м, ширина – 0.528 м, высота – 0,744 м[21]. Направление длинной оси ящика – запад-восток с небольшим отклонением в сторону юго-запада – северо-востока. Э.Ю.

---

15 - В деле два варианта отчета: рукой Э.Ю. Петри написан черновик (черные чернила), поверх которого автор внес правки карандашом и сокращенный текст отчета, аккуратно переписанный другим почерком, поверх которого Э.Ю. Петри тоже внес некоторые правки. К текстам отчета прилагается черновик перечневой описи находок с небольшими рисунками-набросками, сделанными Э.Ю. Петри пером.

16 - Послойно вся насыпь курганов снималась на глубину около 0,5-0,6 м, поскольку в отчете есть упоминание о находке кремневого орудия на глубине двух-трех штыков в углублении между курганами 1 и 3 (А и С) [Архив ИИМК РАН. № 34/1888].

17 - Здесь и далее в кавычках и курсивом даны определения и фразы из отчета и перечневой описи Э.Ю. Петри.

18 - Вещи из раскопок курганов Рясные Могилы даны в рисунках-набросках, сделанных Э.Ю. Петри к черновику перечневой описи находок.

19 - Здесь и далее номера погребений поставлены авторами статьи. Э.Ю. Петри не нумеровал найденные захоронения.

20 - В отчете не указано точное местоположение каменного ящика в кургане. Анализируя текст отчета, можно с определенной долей уверенности утверждать, что п.1 находилось в центре насыпи.

21 - Столь точные замеры даны Э.Ю. Петри.

Петри отмечает, что продольные стенки ящика состоят из одной плиты каждая, поперечные – из нескольких камней. В ящике – скелет человека на левом боку, головой на восток – северо-восток, ноги согнуты в коленях (положение рук не указано). Перед лицом умершего – развал сосуда (рис.2, 4). Сосуд довольно большой (точная высота его не указана), диаметр венчика – 21 см. "*Без орнамента, из ... черной глины. По краю зубчики*". В сосуде – несколько зубов лошади. В трех углах ящика лежат по лошадиному зубу, у одной из стенок ящика – кости животного.

На расстоянии около 2,0 м к юго-востоку от каменного ящика обнаружен лежащий на камне череп лошади.[22] Под черепом – фрагмент железных удил и железное стремя. Немного далее – второе стремя. Стремена с арочной дужкой и среднешироко (скорее всего) подножкой. Возле черепа лошади – три костяные орнаментированные полусферические пуговицы с циркульным орнаментом. Как отмечает Э.Ю. Петри, к черепу лошади были прислонены два колеса. Диаметр втулок этих колес – около 25,5 см, длина спиц – около 53,4 см, толщина обода – 3,3-3,4 см. Реконструируемый диаметр колес – в пределах 1,39-1,4 м (количество спиц неясно). За колесами к югу найдено п.2: обернутый в луб скелет человека[23] лежал на деревянной конструкции, "*может быть, в кузове телеги*". Положение скелета: вытянуто, головой на запад, руки – вдоль тела. Длина скелета – 1,62 м, "*на лобной кости черепа громадный дефект*". Э.Ю. Петри специально отмечает, что в рот погребенному вложен кусок дерева. Умерший был одет в доходящий до колен плащ без рукавов, с воротником и сборками сзади. Ткань шерстяная; плащ окаймлен узором и "*края изукрашены фольгою*". Вероятно, в конструкцию плаща входил пояс, прикрепленный изнутри, поскольку на плаще зафиксирована деревянная пряжка. На шее погребенного лежало, очевидно, какое-то украшение, поскольку вокруг шеи Э.Ю. Петри зафиксировал луб, под которым находилась фольга. Остатки шейного украшения были окрашены в фиолетовый цвет. Здесь же найдено серебряное кольцо (рис.2, 6) с заходящими друг на друга краями (диаметр кольца – 1,8 см, диаметр серебряной проволоки – 0,15-0,2 см). У предплечья правой руки – фрагменты витой серебряной гривны. Ниже, на середине плечевой кости – деревянная ручка железного кинжала (длина лезвия – 18 см; направление лезвия не указано). Среди фаланг пальцев правой руки найдены фрагменты тонкой деревянной палочки, окрашенной в красный цвет.[24] Очевидно это древко стрелы, поскольку около костей правой ноги умершего найден железный асимметрично-ромбический наконечник длиной 5,5 см. У костей правой ступни погребенного лежала "*обычная костяная головка*". Судя по абрисному рисунку Э.Ю. Петри в перечневой описи, это костяной набалдашник рукоятки плети с отростком клювовидной формы. Здесь же у ног зафиксированы железные шпоры и фрагменты какого-то железного изделия. С левой стороны умершего от плеча вдоль руки была положена железная сабля в деревянных ножнах с сохранившейся обоймой (?)[25]. Длина слабоизогнутого клинка – 94,4 см, длина рукояти – 15,4 см (ширина рукояти и клинка не указывается). Обклады рукояти деревянные; упоминается наличие перекрестья. На груди и у ног умершего зафиксированы костяные пластинки[26]. Выше правого плеча (очевидно, в заполнении ямы погребения) – несколько позвонков животных. В заполнении найдена также стеклянная бусина с поперечным рифлением.

Курган 4 (D). Находился на небольшом расстоянии к северо-востоку от слившейся группы курганов 1, 2, 3 (A, B, C). Насыпь слегка овальная (немного вытянута по оси северо-восток – юго-запад), размеры её – около 16 х 14 м, высота – около 1,6 м. Незадолго до 1888 г. в южной части насыпи местный крестьянин искал клад[27]. В кургане найдено одно погребение (погребение 1). В центральной части насыпи на глубине 1 м Э.Ю. Петри зафиксировал два "*совершенно смятых*

22 - Так как череп лежал, обращенный своей передней частью к каменному ящику п.1 (по оси северо-запад - юго-восток), Э.Ю. Петри, очевидно, первоначально связывал череп именно с "*каменной гробницей*". Косвенно это свидетельствует о том, что глубина черепа лошади и костяка п.2 приблизительно та же, что и основание каменного ящика п.1 – чуть более 1,7 м.

23 - Э.Ю. Петри предполагает, исходя из рельефа костей, что погребен мужчина.

24 - Э.Ю. Петри отмечает, что фаланги пальцев правой руки погребенного окрашены в красный цвет.

25 - У Э.Ю. Петри сказано, что ножны с перемычкой. Вопрос поставлен авторами статьи.

26 - Судя по очень неясному рисунку в перечневой описи, пластинки могут быть петлями колчана и налучья.

27 - Э.Ю. Петри нашел крестьянина-кладоискателя и разговаривал с ним.

... Колеса были очень похожи на колеса из ...2 кургана 3(С), только меньшего диаметра (точ... диаметр не указан). Среди фрагментов колес ... пряслице (диаметр – 5 см), выточенное ... рифленого красноглиняного сосуда: ... речной раковины. Возле колёс зафикси... остатки деревянной конструкции (Э.Ю. ... пишет о следах "*кузова телеги*"). На ней ... на спине головой на запад лежал скелет ... Длина скелета – 1,466 м. На плечевых ... погребенного найдены две массивные се... подвески, покрытые позолотой (рис.3). ... от черепа – глиняный сосудик (высота 5,5 ... рис.2, 5). В сосуде обнаружены фрагменты ... У ног скелета – пара железных стремян ... дужкой (Э.Ю. Петри указывает, что ... она точно такие же, как найденные в пре... ...ом кургане, но подножка шире). С погре... связана находка "*медного*" (бронзового?) ... (местоположение его неясно).

Курган 5 (Е) находился на "*некотором ...нии*" к востоку от слившихся курганов ...2, 3 (А, В, С). Насыпь немного овальная, ... а по оси запад-восток, размеры её ... 32 х 28 м, высота – 0.7 м. Курган 6 (F)[28] ... ко от длинного кургана 1, 2, 3 (А, Б, ... западу. Насыпь также слегка вытянута по ... запад-восток, размеры её – около 25х21 м, ... – 1,2 м. В обоих курганах, "*несмотря ...тельную разработку, найдены лишь ...ки*". Кроме фрагментов керамики, в кур... 5 (Е) – небольшое количество шлаков.

Разумеется, ни один курган Рясных мо... не исследован полностью[29], но Э.Ю. Пет... провел работы на достаточно высоком для ... тогда методики раскопок курганов ...ени. Судя по соотношению высот насыпей ... глубин исследованных погребений, ни в од... кургане Э.Ю. Петри не затронул основное погребение. В кургане 1 (А) зафиксировано несколько (4 или 5) впускных погребений, судить о культурной атрибуции которых сложно. Скорее всего, безынвентарные "неправильно" набросанные друг на друга скелеты относятся к эпохе поздней бронзы. Безусловно, к позднебронзовому, а точнее – к развитому или позднему этапам срубной культуры [ср. Литвиненко, 1992, с.42] относится погребение в каменном ящике (п.1) из кургана 3 (С). С определенной долей вероятности, п.1 из кургана 1 (А) можно датировать ранним железным веком.

Наиболее яркие комплексы, исследованные Э.Ю. Петри, относятся к позднекочевническому времени. Это п.2 из кургана 3 (С) и п.1 из кургана 4 (D). Безусловно, с богатыми позднекочевническими погребениями связаны жертвенные комплексы с котлами из курганов 1 (А) и 2 (В). На некоторые вещи из погребений и детали погребального обряда обращали внимание исследователи [Толстой, Кондаков, 1897, с.139; Спицын, 1927, с.149-150; Федоров-Давыдов, 1966, с.131]. Погребения у хутора Пески Г.А. Федоров-Давыдов относит к IV (золотоордынскому) периоду, который датирует XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.163, 257]. Несколько сузить хронологические рамки позднекочевнических погребений из Рясных Могил позволяют находки бронзовых котлов в жертвенных комплексах. Котлы (казаны) относятся ко II типу, подтип 2 (рис.2, 1) и к III типу (рис.2, 2), по М.Л. Швецову [1980, с.195-197]. Погребения с котлами М.Л. Швецов датирует XII – первой пол. XIII вв. [Швецов, 1980,с.200]. Очевидно, первой половиной XIII в. можно датировать и позднекочевнические погребения и жертвенники Рясных Могил[30].

В 1888 г. в Донецком крае кроме экспедиции Э.Ю. Петри работал еще один исследователь – заведующий Артиллерийским Историческим музеем в Санкт-Петербурге генерал-

---

28 - Довольно часто курган F в тексте чернового отчёта идёт как курган Г, а курган D – как курган Д. Использование русских литер логично – за их последовательностью скрывается последовательность раскопок насыпей в группе. Переход на русские литеры – явная ошибка Э.Ю. Петри, повторенная и переписчиком сокращенного варианта отчета.

29 - В 1903 г. в ряду большого количества исследованных курганов на территории Донбасса В.А. Городцов обратил внимание на Рясные могилы (называя группу "*Рясные курганы*"). "Группа Рясных курганов расположена верстах в 4 к югу от хутора Пески. В состав этой группы входят 8 курганов, из них 6 разрыто позднейшими кладоискателями. На одном из разрушенных курганов лежит разбитая баба" [Городцов, 1907, с.349]. В.А. Городцов исследовал три кургана в группе, в которых обнаружил погребения срубной и бабинской (КМК) культур [Городцов, 1907, с.349-350]

30 - Какая-то часть находок из раскопок Э.Ю. Петри в 1888 г. хранится в Эрмитаже (письмо ИАК от 17 декабря 1888 г., №2131 о передаче вещей в Эрмитаж; на письме - приписка: "Предметы по описи получены. Ст. хран.[подпись] 17 декабря 1888 г.") [Архив ИИМК РАН, №34/1888]. Отдельно: письмо Эрмитажа в ИАК от 12 января 1900 г., №32 о получении вещей [Архив ИИМК РАН 34/1888]. Судя по черновику перечневой описи, некоторая часть вещей при передаче не попала в Эрмитаж, а была уничтожена (именно такие пометки стоят в описи напротив бронзовых котлов, фрагментов глиняного сосуда из п.1 кургана 3(С) или фрагментов медного браслета из п.1 кургана 4(D) [Архив ИИМК РАН, №34/1888]

лейтенант **Н.Е. Бранденбург**. Летом 1888 г. он раскопал три кургана под Мариуполем[31].

Как правило, Н.Е. Бранденбург копал курганы круглыми колодцами диаметром от 8,5 до 21,3 м [Журнал..., 1908]. Иногда колодец на глубине 2-2,5 м немного сужался [Журнал..., 1908, с.85, 119, 164]. В некоторых случаях курганы копались квадратными (8,5 х 8,5 м) или прямоугольными (17 х 12,8 м) колодцами [Журнал..., 1908, с.121, 161]. Совсем небольшая часть курганов в различных регионах исследовалась траншеями шириной от 8,5 до 21,3 м, проходившими через всю насыпь [Журнал..., 1908, с.114, 184, 187]. Колодцы и траншеи выкапывались до материка, что позволяло Н.Е. Бранденбургу "брать" не только впускные погребения в насыпи, но зачастую впускные и основные погребения в материке. Фиксация погребений отличалась особой тщательностью [Плетнева, 1973,. с.7].

В отличие от большинства раскопок XIX в. материалы исследования курганов Н.Е. Бранденбургом довольно подробно опубликованы [Журнал..., 1908; Качалова, 1974], что избавляет нас от пространного их описания.

Курган 195. Находился на расстоянии около 2 верст от Мариуполя, на правом берегу р. Кальчик, возле дороги на Мангуш (нынешняя территория Жовтневого р-на г. Мариуполя) (рис.1, 18). Высота кургана – около 2,8 м, диаметр – 31 - 32 м. В кургане исследовано два погребения: п.1, очевидно, относится к срубной культуре, а п.2 – к ямной [Журнал..., 1980, с.178; Качалова, 1974, с.8/,20]. С п.2 связан найденный сосуд (рис.4, 16).

Курган 196. Н.Е. Бранденбург исследовал самый небольшой из трех стоящих рядом курганов группы Три могилы в 1,6 км к юго-западу от с. Старый Крым (ныне территория Мариупольского г/с) (рис.1, 16). Высота кургана – около 3,5 м, диаметр – около 35 м. В кургане найдено четыре погребения: п.1, п.2, п.3 относятся к срубной культуре, п.4 – к бабинской (КМК) культуре. Отметим, что в п.2 обнаружен сосуд, а в п.3 помимо сосуда (баночного - ?) найдена бронзовая височная подвеска [Журнал..., 1908, с.178-179; Качалова, 1974, с.19]. В п.4 на груди умершего лежала костяная пряжка (рис.4, 7). Заметим, что в этом кургане Н.Е. Бранденбургом отмечен случай прямой стратиграфии: п.4 находилось на глубине около 3,2 м почти под погребением 1, глубина которого – около 2,5 м от репера [Журнал..., 1908, с.179].

Курган 197. На правом берегу р. Кальчик, несколько выше (севернее – ?) с. Старый Крым (территория современного Мариупольского г/с), в группе из четырех насыпей (рис.1, 15). Высота – 3,2 м, диаметр – около 25 м. Поверхность кургана была покрыта панцирем и задернована. В кургане обнаружено пять погребений: п.1 и п.2 относятся к срубной культуре, п.5 – к ямной. В п.1 найден сосуд (рис.5, 4), в п.5 – фрагмент бронзового ножа и сосуд (рис.5, 2, 3) [Журнал..., 1908, с.179-181; Качалова, 1974,с.19]. П.3 представляет собой своеобразную каменную конструкцию (рис.5, 1): в западной части насыпи на 0,7 м выше материка (на погребенной почве - ?) сооружен из небольших камней кромлех диаметром 6.4 м. Высота стенок кромлеха – от 0,5 до 0,7 м, толщина – около 0,5 м. С северо-востока и юго-запада кромлех укреплен: два участка длиной чуть более 2-х м и очень небольшой высоты сложены из небольших камней с внешней стороны стенки кромлеха. Внутри большого кромлеха возведен малый – диаметром 2,5 м, высотой от 0,18 до 0,7 м, толщиной 0,5-1 м. Н.Е. Бранденбург отмечает, что внутренний кромлех сложен как из небольших камней в несколько слоёв, так и из огромных валунов. Один из валунов плитообразной формы прикрывал центр малого кромлеха[32] и именно под этим валуном находился погребенный: на правом боку, головой на восток с очень небольшим отклонением к югу, руки согнуты в локтях, кисти – напротив лица. Длинные кости ног не сохранились, но можно не сомневаться, что они были согнуты в коленях. Около ребер и у локтевых сгибов умершего – несколько костей крупного копытного [Журнал..., 1908, с.179-180]. Возможно, п.3 представляет собой довольно редкий тип бабинских

31 - Заметим, что к 1887 гг. Н.Е. Бранденбург уже обосновывал необходимость археологических работ на побережье Азовского моря. Например, в январе 1887 г. в письме ПАК он писал: *"К числу местностей особенно выдающихся как по своему историческому интересу, так и по высокому археологическому значению, могут быть без сомнения отнесены окрестности Мариупола, на северном побережье Азовского моря, между речками Калкой (или Калцем) и Кальмиусом... прибрежья Азовского моря с незапамятных доисторических времен служили, как известно, обычайшем разных скифских и кочевых племен, изучением которых интересуется современная нам археология"* [Архив ИИМК РАН, № 5/1887].

32 - На чертеже-рисунке Н.Е. Бранденбурга (рис.5, 1) не показан.

[illegible] погребений с каменными конструкциями, [illegible] выделенные Р.А. Литвиненко [2000]. [illegible] погребение по некоторым деталям (концентрические каменные кольца, диаметр большого [illegible] массивные валуны малого кромлеха) [illegible] относиться к первой группе подобных погребений [Литвиненко, 2000, с.12]. Если это так, [illegible] найденное непосредственно под погребением [illegible] погребение 4 относится ко времени не позднее [illegible] него (КМК), если не является его своеобразной деталью[33].

В 1889 г. Н.Е. Бранденбург продолжал [illegible] изыскания в Северо-Восточном Приазовье[34]. [illegible] он раскопал два кургана (200, 201) в [illegible] носящей название Широкая Могила, в 6 [illegible] (6,4 км) от колонии Кирнвальд (с. Вишневое Розовского р-на Запорожской обл.) [Журнал..., 1908, с.181-182], а затем – четыре кургана на территории современной Донецкой обл.

Курган 202. В 2-х верстах (2,1 км) от правого берега р. Кальчик, в 6-ти верстах (6,4 км) от [illegible] Кирнвальд (с. Вишневое) по дороге в [illegible] Янисоль (современное с. Малоянисоль [illegible] рского р-на Донецкой обл.) находится [illegible] ная группа, в которой выделяется огромная [illegible] – Чумацкая Могила (около 2 км к северо- [illegible] от с. Малоянисоль)[35]. Н.Е. Бранденбург [illegible] копал два небольших кургана (рис.1, 13). [illegible] ган 202 находится недалеко к югу от Чумацкой Могилы. Высота кургана 1,8 м, диаметр около [illegible] 18 м. Под дерном в насыпи зафиксирован [illegible] (рис.6, 1). В кургане найдено два погребения: п.1 (разрушенное) – эпохи средней или поздней бронзы; п.2 (разрушенное) – возможно относится к катакомбному времени. Оба погребения безынвентарны [Журнал..., 1908, с.182-183].

Курган 203. Крайний северо-западный в группе, четвертый в этом направлении от Чумацкой Могилы. Высота около 1,8 м, диаметр около 20 м (рис.6, 2). На кургане – панцирь толщиной до 0,2 м. "*В подошве насыпи...*" [Журнал..., 1908, с.183] (очевидно, на погребенной почве) – кромлех из больших камней шириной около 0,7 м. С южной и северной сторон кромлех прерывается двумя проходами шириной до 2 м каждый. Под кромлехом Н.Е. Бранденбург зафиксировал белый слой (органический тлен ?) мощностью до 0,35 м в западной части насыпи и сходящий на нет в восточной части. В центре кургана найдено п.1: впущенная в материк треугольная яма (длина сторон ямы около 2 м, глубина около 1,4 м), заполненная камнями и землей. На дне ямы – большая плита 0,9 х 0,9 м, толщиной до 0,2 м и рядом с ней – маленькая плита. Около плит – фрагменты костей (животных ?). Инвентарь отсутствовал [Журнал..., 1908, с.183].

В низовьях р. Кальчик на расстоянии около версты от левого берега на восток и на запад от ж/д станции Сартана на левом берегу балки Кровавой (левый отвершек балки Пиявица) находилась группа из нескольких курганов [Журнал..., 1908, с.183-184]. В настоящее время это территория металлургического комбината им. Ильича (Ильичевский р-н, г. Мариуполь). Н.Е. Бранденбург раскопал в группе один курган (рис.1, 17).

Курган 204. Высота около 1,8 м[36]. Насыпь неправильной формы, вытянута по оси запад-вос-

---

33 - В п.4 найден фрагмент сосуда, орнаментированный пересекающимися в разных направлениях линиями [Журнал..., 1908, с.180]. Возможно, это паркетно-ёлочная композиция, характерная для керамики бабинской (КМК) культуры.

34 - Отметим, что в кратком описании работ Н.Е. Бранденбурга в Донбассе [Шепко, 1992, с.7] ошибочно сказано, что в 1889 г. Н.Е. Бранденбург только начал работы в Мариупольском уезде.

35 - Н.Е. Бранденбург зафиксировал размеры кургана Чумацкая Могила: высота – до 8,5 м, диаметр – около 54 м, вытянута с северо-запада на юго-восток; к северо-западу от Чумацкой Могилы – 4 кургана, к юго-востоку – 15-20 [illegible] ..., 1908, с.182]. На топографической карте масштаба 1:10000 группа Чумацкая Могила насчитывает 10 насыпей, [illegible] цепочкой с северо-запада на юго-восток, причем сама Чумацкая Могила является крайним северо-западным [illegible] Высота – 4,5 м. В сентябре 1988 г. обследование этой группы провели В.Н. Горбов и А.Н. Усачук. Зафиксировано 9 курганов, 7 из которых распахиваются. В насыпях всех курганов – мелкий камень. К северо-западу от Чумацкой [illegible] курганы отсутствуют. Высота самой Чумацкой Могилы – 4,55 м, диаметр около 60 м (полы распахиваются). На [illegible] насыпи установлен триангуляционный знак (Архив ДОКМ). Вряд ли высота Чумацкой Могилы в 1889 г. была [illegible] м. Установка триангуляционного знака могла нарушить насыпь в пределах двух-трех десятков сантиметров. Курган [illegible] ся без каких-либо повреждений, кроме того, обилие камня под дерном (панцирь ?) препятствовало разрушению [illegible] Очевидно, Н.Е. Бранденбург ошибся, определяя примерную высоту кургана. Заметим, что это неудивительно: [illegible] очень эффектно смотрится на высокой точке рельефа (особенно со стороны северо-восточного сектора). Особенности рельефа подчеркивают высоту Чумацкой Могилы, делая визуально её большей.

36 - В опубликованной информации о раскопках кургана высота его указана нечетко [Журнал..., 1908, с.184], что [illegible] го к тому, что Н.К. Качалова реконструировала её в пределах 1,5 м [Качалова, 1974, с.19], а мы - в пределах 1,8 м. В [illegible] ом отчете Н.Е. Бранденбурга сказано, что "*вскрыта разметистая насыпь вышиной ок. 3 арш.*" [Архив ИИМК РАН, [illegible] 2, 1889), л.6об.], то есть около 2 м.

ток на длину около 21 м. На поверхности кургана – "*настил из битого камня*" [Журнал…, 1908, с.184]. Раскопки велись с помощью траншеи, заложенной по направлению восток-запад через весь курган. Ширина траншеи – 12,8 м. В кургане исследовано 16 погребений. Основным является погребение 16: в погребенную почву мощностью до 0,5 м. впущена подпрямоугольная яма размерами 2,1 х 1,4 м и глубиной 0,5 м. Длинной осью яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Сверху яма перекрыта массивной почти квадратной плитой размерами 1,4 х 1,4 м и тремя камнями меньших размеров. Перекрытие просело в яму. Погребенный лежал на спине, головою на юго-восток. Левая рука – на груди. Ноги немного согнуты в коленях, направлены влево. Н.Е. Бранденбург отмечает, что первоначально умерший был положен с поднятыми коленями, которые затем завалились влево [Журнал…, 1908, с.186]. На правом боку умершего лежал плоский камень длиной около 0,5 м. Около шеи найдена подвеска (?) из клыка животного. На черепе, костях и в засыпке ямы – охра. Под скелетом, очевидно, подстилка, около груди – остатки дерева в виде поперечной планки [Журнал…, 1908, с.186, Архив ИИМК РАН, №32/1889, л.7об.]. Основная масса погребений (погребения 2 – 13) относится к срубному времени и впущена, как правило, в верхнюю часть насыпи. Исключение составляет разве что погребение 13, глубина которого реконструируется в пределах 1,5 м [Журнал…, 1908, с.186; Качалова, 1974, с.19]. У кистей рук погребенного – сосуд (рис.7, 3). В коллекции Государственного Эрмитажа сохранились ещё два сосуда срубной культуры из п.6 (рис.7, 4) и п.3 (рис.7, 2) этого кургана[37]. Погребение 14 относится к сарматскому времени [Абрамова, 1961, с.102]. Очевидно, сарматским является и погребение 15: явно впускное в восточную часть насыпи кургана в яме глубиной около 1,94 м (в материк врезана на глубину около 0,39 м); скелет – в вытянутом положении головой на юг, руки – вдоль туловища [Журнал…, 1908, с.184]. Под конец раскопок кургана в выбросе была найдена часть небольшого сосуда с высоким прямым венчиком и ручкой-упором (рис.7, 1) [Журнал…, 1908, с.184; Качалова, 1974,с.19]. С определенной долей вероятности этот фрагмент амфорки можно отнести ко времени донецкой катакомбной культуры (разрушенное в эпоху поздней бронзы погребение-?).

В конце июня – начале июля 1889 г. Н.Е. Бранденбург исследовал один курган в группе из 9 насыпей между с. Покровским и с. Темрюком (современные сс. Боевое и Старченково Володарского р-на) "*с правой стороны речки Каратыша… близ хутора Петренка и деревни Федоровки*" [Журнал…, 1908, с.184] (рис.1, 14). Данная курганная группа локализуется достаточно четно[38].

Курган 205 (рис.8, 1). Высота насыпи – 4,2 м, длина по оси запад-восток – около 63-64 м (размеры по оси север-юг не указаны, но они меньше размеров кургана по направлению запад-восток). Поверхность кургана выстлана битым камнем в два слоя; в восточной части

---

37 - По поводу п.3 заметим, что Н.Е. Бранденбург не нумеровал собственно погребения, а давал всем находкам [illegible] параграфов не соответствует числу погребений в кургане [Качалова, 1974, с.6]. Несмотря на это, Н.К. Качалова сохранила нумерацию, [illegible] стали ассоциироваться у исследователей с номерами погребений. [illegible] м), но на расстоянии около сажени (около 2,13 м) по оси север-юг друг от друга [Журнал…, 1908, с.184]. Н.К. Качалова ошибочно поместила сосуды рядом друг с другом [illegible] п.3 и п.3А. В п.3А найден сосуд "*один в мелких кусках, небольшой и без орнаментов*" [Журнал…, 1908, с.184]. На общем количестве погребений в кургане (16) выделение п.3А не повлияло, поскольку под параграфом 1 Н.Е. Бранденбург поместил фрагмент каменного средневекового изваяния "*почти на поверхности*" в восточной части насыпи к.204 [Журнал…, 1908, с.184].

38 - Группа из 4 курганов в 2,4 км к западу от с. Федоровки и в 1,3 км к востоку от с. Зеленый Яр Володарского р-на по обеим сторонам трассы Фёдоровка - Зеленый Яр. Обследованы А.А. Кротовой в 1972 г. [Кротова, Отчет…, 1972]; инструментальная [illegible] [Архив ООПА ДОКМ, паспорт № 2386]. Курганы расположены цепочкой по оси север-юг; к. 2-4 - компактной группой очень близко друг от друга. Высота к.2 - 0,94 м; к.3 – 0,15 м; к.4 – 0,35 м. Диаметры насыпей - 56 м; 30м; 20м соответственно. В насыпи к.4 - мелкий камень. Все три кургана интенсивно распахиваются. Курган 1 находится на расстоянии 130 м к югу от остальных курганов, в лесу. Насыпь крутая, вытянута по оси запад-восток, размеры - 50 х 30 м. Центральная часть насыпи прорезана траншеей до уровня современной поверхности на всю длину кургана по оси запад-восток. Ширина траншеи - около 10 м, края оплывшие. Высота сохранившихся частей насыпи – 3,2 м [Горбов, Усачук, Отчет…, 1988]. Именно к.1 раскапывал Н.Е. Бранденбург [illegible] высотою (до 1,4 м) и частично распахивались уже в 1889 г. [Журнал…, 1908, с.187]. Строительство трассы и многолетняя распашка привели к уничтожению пяти насыпей.

[illegible] слой камней сходит на нет. На кургане [illegible] 2 каменных изваяния из красного гра[illegible] (рис.8. 3) и из песчаника (рис.8, 2)[39]. В [illegible] обнаружены фрагменты сосудов эпохи [illegible]ней (рис.4, 9), поздней (рис.4, 11-15) брон[illegible] раннего железного века (рис.4, 10). В кур[illegible] обнаружено четыре погребения: основное [illegible]ое (п.8), впускные – раннего этапа донец[illegible]комбной культуры (п.6), позднего этапа [illegible]кой катакомбной культуры (п.7) и разви[illegible] этапа срубной культуры (п.5) [Качалова, [illegible], с.9-10, 20-21; Литвиненко, 1999, с.98]. В [illegible]ениях найден разнообразный инвентарь [illegible] 4, 1-6), который был опубликован автором [illegible]опок [Бранденбург, 1897] и вошел во мно[illegible] работы исследователей [Tallgren, 1926, p. [illegible] 54, 55, fig.39; p.115, fig.68,2; p.116,121, fig. [illegible]; p.122; Попова, 1955, с.89, 117; 1957, с.164, [illegible] Федоров-Давыдов, 1966, с.190; Братченко, [illegible] с.12, 40, рис. 17,2,4; с.44, рис. 20,6; с.50, [illegible]4,6; Санжаров, 1992,с.163-164; Смирнов, [illegible] с.30, 31, 40, 143, рис.11,10,11 и др.].

Помимо Приазовья Н.Е. Бранденбург [illegible]вал в 1891 г. курган в окресностях г. [illegible]ск, у хут. Бревина на правом берегу [illegible] Казенный Торец [Журнал…, 1908, с.162] [illegible]йчас это северо-восточная часть Славянска [illegible]писок памятников…, 1988, с.85]) (рис.1, 2).

Курган 253. Высота насыпи – 2,1 м, [illegible]аметр – около 36 м. В кургане исследовано [illegible]семь погребений. Основным является п.8, [illegible]торое можно отнести к раннему этапу до[illegible]цкой катакомбной культуры [Смирнов, 1996, [illegible]31-32, 143, рис. 11,5,12]. Это погребение от[illegible]чается необычностью погребального обряда [Качалова, 1974, с.18-19] и яркостью инвентаря [Попова, 1957, с.164, рис.3,1; Качалова, 1974, [illegible]42, табл.8; Братченко, 1976, с.44, рис.20,7,8] [illegible]рис.7, 5, 6). Погребения 2,4-6 относятся к [illegible]арматскому [Абрамова, 1961, с.100], а точнее – к среднесарматскому [Хазанов, 1971, с.11] [illegible]ремени. Инвентарь представлен кувшинами [illegible] петельчатыми ручками, бронзовым зеркалом [illegible]иаметром около 3 дюймов (7,6 см), железным [illegible]ожом, железными кинжалами с кольцевыми [illegible]авершиями (рис.7, 8) и железным наконеч[illegible]иком копья с узким листовидным пером [illegible]рис.7, 7) [Журнал…, 1908, с.162-163; Шрамко, 1962, с.249; Хазанов, 1971, с.103, Прилож. 1, №146-148; с.121, Прилож. 6, №17]. Заметим, что сарматские погребения совершены на одной глубине – около 1,05 см. Погребения 1, 3, 7 также объединяются одной глубиной впуска в насыпь – около 0.7 м. Скорее всего, п.3 (перекрывшее краем п.2) также является сарматским. Хронологическая привязка п.1 и п.7 неясна. Судя по описанию сосуда из п.7 [Журнал…, 1908, с.163], оно может относиться к эпохе поздней бронзы.

В конце 80 – 90-х г.г. XIX в. помимо исследований Н.Е. Бранденбурга[40] на территории современной Донецкой обл. организованные раскопки курганов не проводились. Научные исследования курганов в XIX в. завершаются здесь работами, проведенными летом 1900 г. **А.М. Покровским**. Профессор А.М. Покровский специально был направлен Предварительным Комитетом по организации XII археологического съезда в Харькове для проведения раскопок курганов на территории Изюмского уезда Харьковской губернии. Цель раскопок – исследование курганов со стоящими на них каменными изваяниями. Предполагалось, что А.М. Покровский начнет раскопки в районе с. Прелестного (современное с. Прелестное Славянского р-на Донецкой обл.), как наиболее южного пункта, в котором, по собранным Предварительным Комитетом данным, есть курганы с каменными бабами. После Прелестного предполагалось постепенно подниматься на север – северо-запад к Харькову, исследуя курганы с каменными изваяниями в других пунктах [Покровский, 1902, с.78]. План был выполнен только в отношении курганов у с. Прелестного, поскольку А.М. Покровский затратил всё отведенное на экспедицию время на раскопки четырех насыпей в районе села (рис.1, 1).

Курганы 1-3 располагались одной группой. Курганы 2 и 3 – очень пологие, около 2-х м высотой, диаметром около 15 м. Курган 1 гораздо выше и больше остальных в группе. Во всех трех курганах были обнаружены погребения, которые, исходя из их очень краткого описания, можно отнести к срубной культуре [Покровский, 1902, с.78-79]. Возможно, курганы 1 и 2 были частично разрушены поздними

39 - Возможно, на кургане находилось средневековое святилище [Литвиненко, 1999, с.98].

40 - Кстати, в 1892 г. Н.Е Брандербург на территории современной Донецкой области археологические памят[illegible]ки не раскапывал; упоминание об этом [Шецко, 1992, с.7] – ошибка.

перекопами, причем в кургане 2 эти перекопы разрушили, по крайней мере, одно погребение. В кургане 3 на глубине около 0,5 м в насыпи найдены скелеты, лежащие скорчено на боку (каком ?) с подогнутыми ногами и руками. А.М. Покровский отмечает, что кости скелетов были обожжены. В одном из погребений сохранился только череп и сложенные крест накрест две берцовые кости. Во всех трех курганах найдена грубая лепная посуда, но только для одного погребения из кургана 3 зафиксировано положение сосуда – рядом с черепом [Покровский, 1902, с.79]. Помимо керамики найдены какие-то кремневые отщепы и орудия.

Срубные погребения в кургане 3 являются впускными, поскольку в материке на глубине 2 м от вершины насыпи обнаружены три погребения в ямах. Ямы глубиной 0,6-0,7 м в материке. По скелетам устанавливается такое положение: лежа на спине с подогнутыми ногами и руками, сложенными на животе. Инвентарь отсутствует. Черепа и конечности (кисти и стопы) очень сильно окрашены охрой. Эти погребения явно одновременны и по обряду могут быть отнесены к ямной культуре.

В кургане 4, который стоял ближе к помещичьей усадьбе с. Прелестного и относился к иной, чем курганы 1-3, группе, исследовано разрушенное погребение. Оно относится либо к эпохе раннего железного века, либо к средневековью, поскольку среди костей человека, лежавших в беспорядке, найдены два фрагмента железного предмета [Покровский, 1902, с.79].

Таким образом, научные раскопки курганов на территории современной Донецкой области в XIX веке не дали таких уникальных захоронений, как курганы соседнего Поднепровья. Основными, фоновыми захоронениями оказались погребения бронзового века, системная оценка которых в начале следующего века составила важный этап развития курганной археологии.

На протяжении всего XIX века на территории Донецкого края, так же как и в других местах украинских степей, большой размах получили **грабительские раскопки курганов.** Как отметил С.В. Полин, "появление нового земледельческого населения, никакими традициями не связанного с кочевой степью, отчасти даже с враждебным отношением к ней, породило такое же враждебное потребительское отношение к местным памятникам – курганам, каменным бабам и др. Следует также заметить, что и к старым христианским могилам отношение было таким же. На протяжении XVIII – XIX вв. большинство запорожских кладбищ на нижнем Днепре были разрушены местными крестьянами, которые свозили с казацких могил каменные кресты для хозяйственных нужд и перекапывали могилы в поисках мифических сокровищ" [Полин, 2003, с.17]. При исследовании курганов, окружавших знаменитый Чертомлык, выявлено почти 100 % разграбление скифских могил, большинство из которых было ограблено в XIX – начале XX вв. [там же, с.11] Масштабы грабежей курганов, охвативших в то время Нижнее Поднепровье в целом, были ужасающими [там же, с.17-23]. Начало же разграбления курганов было положено, вероятно, еще в первой половине XVIII в. Так, согласно обоснованному предположению А.И. Манцевич, среди золотых изделий сарматского времени, поступивших в знаменитую Кунсткамеру Петра I, есть некоторое количество изделий, происходящих с украинской степи [Манцевич, 1976].

Донецкие курганы пострадали от разграбления гораздо в меньшей степени. Во всяком случае, материалы раскопок сотен курганов на территории области показывают, что грабежами были нарушены только некоторые из них. И тем не менее, автор конца XIX в., преподаватель мариупольской Александровской гимназии Н.А. Клоев отмечает, что "*к сожалению, наиболее богатые могилы, отличавшиеся наибольшей высотой насыпи, были еще в древности расхищены. Если на поверхности кургана заметна хоть малейшая впадина, то можно безошибочно сказать, что он тронут*"[41] [Клоев, 1892, с.369]. П.М. Пишевич, исследуя приазовские курганы в 1920-е гг., сожалел, что хоть курганов и много, но "*они повреждены кладоискателями*" [Пишевич, 1927]. Типичной в этом плане оказалась судьба одного из самых крупных раскопанных скифских курганов Донбасса – *Двугорбо*

41 - Он же высказал наиболее анекдотичное предположение о том, кто были грабители: "*Особенно искусными мастерами обыскивать могилы оказались в 13 и сл. веках шпильманы, искавшие в них исключительно золото*" [Клоев, 1892, с.370].

[illegible], расположенной у с. Приморское Но[illegible]ского р-на [Привалова, Зарайская, При[illegible], 1982]. Курган оказался ограбленным [illegible]: сначала самими скифами и вторично – в первой половине XIX века. Последнее раз[illegible]ление оставило след в виде большой ямы [illegible]центру высокой насыпи, благодаря чему она [illegible]риобрела "двугорбую" форму.

Свидетельством самовольных раскопок [illegible]ются такие названия курганов, как *Раско[illegible] Могила*[42] (у сел Райское Дружковского [illegible]совета, Старомихайловка Марьинского р-на, [illegible]вое Красноармейского р-на, Первомайс[illegible] Добропольского р-на, Боевое Володарского [illegible] у г.Мариуполя) или, реже, *Могила Раскоп* [illegible] Валерьяновка Волновахского р-на), *Моги[illegible] Копани* (на границе Донецкой и Днепропет[illegible]ой областей). В кургане 3 у с. Октябрьское [illegible]янского р-на [Санжаров, Подобед, 1992] [illegible]полнении разграбленного средневекового [illegible]ребения были найдены фрагменты кера[illegible]ческой люльки и посуды XVIII-XIX вв. (по [illegible]ельству В.А. Подобеда, который вел рас[illegible] данного кургана в 1985 г.).

Ясно, что "раскопки" такого масшта[illegible] не могли вестись скрыто. Грабительский [illegible]ысел действовал какое-то время если [illegible]легально, то при явном попустительстве [illegible]стей или непосредственно по инициативе [illegible]льцев земли. В.М. Евсеев в отчете о поез[illegible] в окрестностях Саур-Могилы в 1932 г. от[illegible]ет: "*При помещике [**Чистякове**] широко [illegible]тиковалось кладоискательство. Помещик [illegible]олько не запрещал рыться в курганах, но [illegible] частенько копался в них. По рассказам, [illegible]ывались кувшины, горшки, стремена и [illegible]ные бабы*" [Евсеев, 1932]. По свидетель[illegible] В.А. Городцова, "*один немец, **управляю**[illegible] обширнейшими владениями ... **Ливена**, [illegible]ематически грабил древние могилы на [illegible]емых им землях*[43]. *Говорят, что каж*-*дую осень он раскапывал по несколько курганов и жаловался, что ему не везет...*" [Городцов, 1993, с.61]. Подобные же "раскопки" вели где-то в середине – второй половине 90-х гг. XIX в. **А.А. Юз** и **В.В. Каменская** у хутора Лагери возле станции Ясиноватая (ныне с. Яковлевка Ясиноватского р-на). В.В. Каменская (урожденная Бальфур), как уже упоминалось, вероятно, являлась женой помещика Каменского. А.А. Юз – из семьи Джона Юза, основателя Новороссийской компании и пос. Юзовка. Однако это не сам Джон Юз, как предполагали некоторые исследователи [Євсєєв, 1951; Косиков, 2001, с.7], известный в русскоязычной среде как Иван Иванович [Юз і Юзівка, 2000, с.24], а скорее его внук – Артур Джеймс, сын Артура Дэвида, родившийся в 1874 г. в Юзовке [Edvards, 1992, p.8-9], т.е., согласно русской традиции, Артур Артурович. А.А. Юз и В.В. Каменская раскопали как минимум два кургана в группе из пяти насыпей, в одном из которых были найдены какие-то золотые вещи [Городцов, 1907, с.325; ГИМ ОПИ, ф.431, ед.хр.327, л.110].

В процессе грабежа повсеместно участвовали и **простые люди**. По замечанию В.А. Городцова, "*особенно энергично работают хохлы* [в данном случае, крестьяне] *и шахтеры в заводских селениях*" [Городцов, 1993, с.61]. Однако, если выходцы из украинских сел занимались грабежом курганов, как правило, тайно, по ночам[44], то в греческих селах к этому делу отнеслись более основательно. Л.А. Лыганова[45] зафиксировала рассказы жителей с. Староласпа Тельмановского р-на о том, что в давние времена в их селе якобы была традиция использования ценностей, добытых в курганах, для личного обогащения. Согласно преданию, делалось это строго упорядоченно: по коллективному решению была установлена определенная очередность проведения работ

---

42 - Ср. в легенде: "*Ота могила, що за старим садом над Благовіщенською дорогою, здавна зветься Розкопаною. [illegible]ться вона так тому, що колись, - ще за панщини, - розкопав її буцімто бальбатівський силач Грицько Пампура*" [illegible]ур-Могила, 1990, с.202-203]. Аналогично см. у П.В. Харламповича [1930, с.71].

43 - Ныне это окрестности г. Донецка.

44 - Ср. рассказ Н.Е. Макаренко о грабеже курганов у с. Мастюгино в Воронежской губернии: "*Хищнические [illegible]ки крестьянами, по их признанию, начались в 1905 г. ... Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; [illegible] выбрасывали в противоположную от села сторону; но продолжалось это недолго. ... Приехал пристав, осмот[illegible]тые раскопки и разрешил копать, но предупредил: «Не задавило бы». Грабеж пошел открытый*" [Макаренко, [illegible], с.48].

45 - Выражаем искреннюю благодарность Л.А. Лыгановой, заведующей отделом этнографии ДОКМ, за ряд [illegible]аленных ценных материалов, собранных ею в ходе многолетних этнографических исследований края.

для желающих разбогатеть подобным образом. Копали не более одного кургана в год (не исключено, что раскопки были привязаны к определенному времени года).

В некоторых случаях грабительские раскопки курганов оставили хорошо заметный документальный след: например, "раскопки", проведенные в 1879 г. крестьянами сел Сергеевка и Удачное Бахмутского уезда (ныне с. Сергеевка и пгт Удачное Красноармейского р-на) (рис.1, 6). Справедливости ради отметим, что не совсем ясно, раскапывался ли курган (курганы) [ср. Косиков, 2001, с.8] или крестьяне наткнулись на безкурганное погребение.

В конце апреля 1879 г. крестьяне с. Сергеевка Михаил Щербинка, Никита и Иван Василенковы, а также крестьянин с. Удачное Яков Горбунков выкопали 12 ям в 9 веретах (около 10 км) к юго-западу от с. Сергеевка около Долгопятой балки, "*...на бугре, где расположены небольшие курганчики...*" [Архив ИИМК РАН, № 16/1879]. Судя по карте-"трехверетке", балка Долгопятая находится в 9 веретах к юго-востоку от с. Сергеевка. Ближайший населенный пункт возле балки в настоящее время – с. Новосергеевка Красноармейского р-на, которое находится около 1 км юго-западнее от нее. Ямы располагались от начала балки и копались на глубину 3,5 аршина (около 2,5 м) в "*косвенный разрез бугра*" [Архив ИИМК РАН, № 16/1879]. Возможно, какие-то ямы затронули насыпи "*небольших курганчиков*", поскольку отмечается, что земля в разрезах "*насыпная из различных слоев*" [Архив ИИМК РАН, №16/1879], в то время как в последней, двенадцатой яме, ясно читались только два слоя – чернозем и глина (т.е. двенадцатая яма была явно выкопана вне курганных насыпей). Вещи и кости найдены в одиннадцатой яме от начала балки. Примечательно, что крестьяне так объясняли выбор места "раскопок": копали "по народной молве", согласно которой в этом месте проживали запорожцы. Кроме того, в конце 1850-х гг. пастуху Маркелу Коровке было видение: "*Копай здесь!*" [НА ИИМК РАН, № 16/1879; Косиков, 2001, с.8].

Сохранилось описание вещей и рисунки некоторых из них. Найдены были: медные или бронзовые (в описании "*медные*") узкие скобки (рис.9, 4); три кусочка листового золота; серебряный язычок от пряжки; две круглые золотые бляхи диаметром 3,1 см с треугольниками из зерни, с круглым в центре и шестью треугольными гнездами для вставок, а также с филигранным орнаментом по краю в виде "*ёлочки*" (рис.9, 2); золотая подквадратная накладка (в описании "*подобно дощечке*") с треугольниками из зерни и двумя овальными гнездами для вставок (рис.9, 3); фрагмент медного (в описании: "*красной меди кусок от боковой стенки сосуда*") котелка со следами ремонта (медная "*наставка*" прибита гвоздями) (рис.9, 5); серебряный псалий Г-образной формы с пирамидально-овальной шишечкой на одном конце и двумя прямоугольными отверстиями в средней расширенной части (рис.9, 6); халцедоновое (в описании: "*с выпуклой серединою тускло стеклянного цвета камень*") навершие меча сферической формы диаметром 6 см и толщиной в центре 4,45 см (1 вершок) и маленьким отверстием диаметром 0,6 см (рис.9, 1). Находки представляют собой погребальный комплекс, видимо, гуннского времени. Скорее всего, комплекс вещей из Сергеевки неполный. Крестьяне копали ямы небольшой ширины, чтобы только уместиться работающему. Кроме того, волостной старшина Аким Москалёв быстро "раскопки" запретил, найденные вещи отобрал и отправил их в Статистический Комитет Екатеринославской губернии. Тем не менее, даже неполный, сергеевский комплекс производит впечатление довольно яркого, поскольку в одном погребении сочетаются нечасто встречаемые категории инвентаря: псалий, каменное навершие меча, фрагмент медного котелка (ср. Засецкая, 1994, с.33-34, 42, 108-109).

На сегодняшний день местонахождение сергеевских находок неизвестно. Статистический Комитет Екатеринославской губернии 14 июня 1879 г. препроводил вещи в НАК. Судя по надписи на листе с рисунками, вещи были доставлены в НАК 30 июня того же года [Архив ИИМК РАН, №16/1879]. В фондах Государственного Эрмитажа они, скорее всего, отсутствуют, поскольку в деле нет документов о передаче вещей (в таких случаях, как правило, в делах НАК сохранялись отношения и письма как самой НАК, так и Эрмитажа). Кроме того, сергеевский комплекс не упоминается в весьма обстоятельной монографии И.П. Засецкой (1994), хотя исследовательница скрупулезно учитывает все комплексы гуннской эпохи, и хранящиеся в Эрмитаже, так и утраченные на сегодняшний день, но проходившие в своё время через эрмитажные фонды.

...видно, с самовольными раскопками ... связана средневековой мраморной ... с посвятительной арабской надписью, ...ая в 1881 г. возле пос. **Гусельщиково**-...ской волости Миусского округа ... Войска Донского (рис.1, 20). В 1887 ...ный начальник Миусского округа из ... Новониколаевской (современный г. ...ск) составил об этом донесение вой-...казачьему атаману в г. Новочеркасск [...Д. ф-55-1-910, л.13], а в 1890 г. мрамор-...ита вместе с двумя каменными бабами ... Гусельщиково поступила в Донской ... В предписании сотруднику музея А.А. ... в 1901 г. основатель и директор му-... Попов писал, что "*близ пос. Гусель-... имени Константина Александро-...ова в 1881 г. была найдена в земле ...ом холме или кургане небольшая ... плита с арабской надписью, из ...видно, что плита эта находилась на ...тарского нойона Али-бек-Тимур Бу-...ончавшегося в 1379 г. от Р.Х.*" [ГАРО, ...10, л.25-26-27].

В 1883 г. у дер. **Веселой** Времовской (совр. с. Веселое Великоновоселковского р-на[46]) некто Н.Э. Александрович ... случайно найденное погребение под ... плитами [Журнал..., 1908, с.206]. ... относится, судя по сосуду (рис.4.8) ... 1974, табл. 13, 3], к срубной куль-... Н.Е. Бранденбурга находка погребения ...на как курган 198 [Журнал..., 1908, ...однако Р.А. Литвиненко было высказано ...ение, что данное погребение является ...ным. [Литвиненко, 1999, с.98]. Возможно, в 1883 г. случайно наткнулись на груп-...срубный могильник.

В 1889 г. или немного ранее крестьяне ... курган в 3 верстах (3,2 км) западнее ...ого Н.Е. Бранденбургом кургана 205 ... **Егоровка** в Приазовье. Н.Е. Бранден-...тмечает, что во впущенном в материк ...ении кладоискатели нашли серебряную ...образную серьгу диаметром 6,35 см "*с ...ой на нее маленьким колечком, и обломки другой такой же*" [Журнал..., 1908, с.206]. В самом конце 90-х или в 1890-91 гг. севернее с. **Триполье** (современный Артемовский р-н) был разрыт небольшой курган (высота его – около 1,4 м), на котором стояло каменное изваяние [Архив ИИМК РАН, № 17/1891]. Н.Е. Бранденбург во время своих разведок 1891 г. отмечает большую яму, оставшуюся от кладоискателей [Архив ИИМК РАН, №17/1891, л.40].

В 1896 г. в Одесский археологический музей поступили вещи из таким же образом "раскопанного" **кургана на реке Кальмиус**[47]: бронзовая ручка от сосуда, бронзовая пластина, бронзовая подвеска-бубенчик, бронзовое навершие в виде головки барана, восемь золотых розеток и три золотые трубочки с гнездами-вставками для камней, золотая трубочка с бараньей головкой, восемь каменных бус [Штерн, 1911, с.41-42]. Наиболее впечатляющей из поступивших в музей находок является бронзовый котел (рис.10) с ручкой в виде оленя, сливом в виде бычьей головы, двумя фигурками птиц, держащих рыб, по бокам верхней части корпуса изделия и двумя фигурками сидящих людей на крышке [Штерн, 1911, с.42-43; Археологія Української РСР, 1971, с.202, рис.57; Одесский археологический музей, 1983, с.73, с.176, №136]. Комплекс находок из кургана в долине Кальмиуса датируется среднесарматским временем [ср. Мошкова, 1989, с.182], а более узко – I-II вв. н.э. [Одесский археологический музей, 1983, с.176].

Осенью того же 1896 г. в Северо-Восточном Приазовье был частично разрушен ещё один курган (окрестности современного с. **Затишное** Волновахского р-на) (рис.1, 12). Как свидетельствует письмо губернатора Екатеринославской губернии в ИАК от 2 июня 1897 г., № 2828: "*Осенью прошлого года еврей Моисей Фоштат, землевладелец колонии Затишье Мариупольского уезда, вспахивая находившуюся в 1½ верстах от колонии землю, заметил небольшой бугорок, обложенный камнями и начал его раскапывать. В бугорке он нашел: человеческие и лошадиные кости, ...ржавые стремена, части сабли и медную фигурку. Всё найденное Фоштат бросил*

---

[46] - В.А. Литвиненко предположил локализацию данного памятника у с. Веселое Володарского р-на [Литвиненко, с.98, 99, рис.1, 9].

[47] - К сожалению, более точная привязка кургана на местности невозможна. Научно-инвентарная карточка поступившая бронзовому котлу (№44993), составлена, в основном, по тексту публикации Э.Р. Штерна [1911] и ... дополнительных данных о месте раскопок кургана.

кроме фигурки, которую представил в Затишинский приказ. Означенную фигурку... имею честь препроводить... в Археологическую комиссию" [Архив ИИМК РАН, № 148/1897].

Информация о находке бронзовой фигурки помещена в Отчете НАК [Отчет НАК..., 1900, с.61] с пометкой "Возвращена" [Там же, с.170-171, табл.]. В деле НАК сохранились некоторые подробности[48], а также фотография фигурки (рис.11). Изделие литое, полурельефное, представляющее собой фигурку юноши в нарядном костюме с продолговатым предметом в правой руке (в описании Отчёта НАК сказано, что "*фигурка позднего происхождения, изображающая пажа с бокалом в поднятой правой руке*" [Отчет НАК..., 1900, с.61]. Размер фигурки не указан, но очевидно, фотография представляет изделие либо в натуральную величину, либо слегка уменьшенную. Таким образом, высота фигурки – 7,6 см или немного больше. С правой стороны колета, на краю правого рукава – маленькое отверстие (очевидно вторичное) для крепления фигурки.

Одежда на юноше представляет собой разновидность костюма испанского типа, распространенного в странах Западной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. [Стамеров, 1978, с.35]. Фигурка представляет собой, несомненно, дворянина в богато расшитом колете с узким воротником, узкими рукавами и узкими валиковыми наплечниками. Манжеты рукавов (скорее всего, брыжи) небольшой ширины и толщины. Помимо этого, колет имеет фальшивые длинные рукава и короткую баску. Набедренные штаны с вертикальными складками слегка расходятся книзу и подобраны на половине бедер подвязками. Завершают костюм туфли без каблуков, украшенные на подъеме розеткой, и головной убор в виде шапочки с узкими (загнутыми вверх ?) полями[49]. Некоторые детали одежды позволяют уточнить датировку изображенного костюма. Например, валиковые наплечники колета были в моде на протяжении третьей четверти XVI в. К последней четверти XVI в. тяготеют узкие баски колетов, а украшать туфли в подъеме розеткой или бантом начали в конце XVI в. [Стамеров, 1978, с.41-46]. В это же время короткие набедренные штаны типа изображенных на бронзовой фигурке из Затишья, стали постепенно выходить из моды в 70-80-х гг. XVI в. [Стамеров, 1978, с.43]; а головной убор тяготеет к типам шапочек первой половины XVI в. [Стамеров, 1978, с.27, мал.22,а,з]. В целом, костюм, представленный на фигурке, относится к последним десятилетиям XVI в. Очевидно, в это время была отлита и сама фигурка[50].

В приазовские степи западноевропейское изделие попало, на наш взгляд, не ранее начала XVII в. Именно этим временем может датироваться комплекс, найденный у колонии Затишье. Вряд ли имело место такое стечение обстоятельств, когда М. Форштат наткнулся на два разновременных комплекса: позднекочевническое погребение (кости лошади, человека, железные стремена, фрагменты сабли) и более позднюю бронзовую фигурку. Очевидно, это один комплекс, который по фигурке можно датировать началом XVII в. Сложность условий заселения юго-востока Украины в XVI – первой половине XVII вв. известна [см. Пірко, 1998, с.26-34], поэтому однозначно ответить, кому могло бы принадлежать, безусловно, воинское погребение в кургане, невозможно. Практика курганного строительства, а также подкурганных захоронений в это время в степи уже фактически угасла. Единственный вектор возможных аналогий – позднесредневековые курганы степей и предгорий Северного Кавказа, где найдены воинские погребения XVI-XVII вв., в инвентаре которых, в частности, встречен западноевропейский (немецкий) счетный жетон XVII в. [Нагоев, 1987, с.188, с.215][51].

Помимо точно зафиксированных по времени разрушений курганов в 90-х гг. XIX в. сохранилась менее чёткая информация о граби-

---

48 - Ответ НАК Екатеринославскому губернатору от 17 июля 1897г., №1237 о возвращении фигурки по принадлежности, как не имеющую археологического значения. Письмо канцелярии Екатеринославского губернатора от 2[illegible] июля 1897г., №3159 в НАК: "*фигурка получена и отослана по принадлежности*". Это письмо получено в НАК 29 июля того же года.

49 - На фотографии не совсем отчетливо виден именно головной убор.

50 - Подчеркнем, что анализ костюма и сделанная по нему датировка находки привела в своё время сотрудников НАК к выводу, что фигурка не имеет археологического значения.

51 - Обратим внимание на то, что поздние северокавказские курганы небольшого диаметра (несколько метров) и зачастую очень небольшой высоты, а сооружение их сопровождалось обкладкой камнями в виде панциря или кромлеха [Нагоев, 1987, с.196]. Курган у Затишье выглядел как "*небольшой бугорок, обложенный камнями*" [Архив ИИАК РАН, № 148/1897].

...и любительских раскопках. Так, в конце ... в некто **А. Синявский** копал курганы у с. ...александровка Бахмутского уезда (современное с. Урицкое Добропольского р-на.), у с. ...ий Кут (ныне Дружковский г/с), у станции ...ьцево (современный г. Дебальцево). Как ... М.А. Миллер, А Синявский *"раскапывал большие курганы, главным образом со скорченными костяками"* [Миллер, 1965, с.33-34]. Возле ... Рудничная (ныне станция Ртищенково, ... Кировского р-на г. Донецка) в конце ... – самом начале XX вв. пять курганов из ... в группе **Близнята** были изрыты кладоискателями [Городцов, 1907, с.350; ГИМ ОПИ, ...др.327, л.138об.]. В.А. Городцов, исследовавший в 1903 г. курганы в имении генерала Мажинского от ж/д станции **Ступки** (современный г. Артемовск), оставил данные, что один из ... в группе из 15 насыпей был раскопан ... до этого [Городцов, 1907, с.312].

Как видно, на протяжении всего XIX ... научные раскопки курганов Донетчины ... были с почти бесконтрольными грабительскими раскопками, а грань между профессиональными и любительскими работами была ... условной. Это было время накопления ...ных идей, время дифференциации научных и любительских работ, время выработки ... раскопок курганов и понимания их ... как археологического источника.

В то же время опыт, накопленный широкими слоями населения во время случайных ... любительских раскопках курганов, привел ... в народном сознании своеобразного **мифологического цикла**, в котором ... тесно переплетались с реальностью. ... получил распространение на обширной территории Южной и Слободской Украины, население которой часто сталкивалось ... в своей каждодневной практике. ... мифологического цикла характерны образные поверья, которые можно ... в три относительно самостоятельных:

... о спрятанных в курганах несметных ..., часто сокровищах разбойников;

... о погребенных в курганах героях;

... о происхождении самих курганов.

... интерес у местного населения ... вызывали, прежде всего, в связи с распространенными рассказами о погребенных там **сокровищах** [Гошкевич, 1903; Новицкий, 1990; 1997, с.46-51; Брайчевський, 1992; Зайка, 1994]. Еще с давних времен в волшебных сказках славянских народов рассказывалось о загробных дарах – оружии и коне, – получаемых из курганов-могил и имеющих особую магическую силу [Пропп, 1986, с.146-149, 171-173]. В этом кругу находятся широко распространенные представления о непобедимых мечах из могил: это и меч-кладенец русских волшебных сказок, и меч Дюрендаль из "Песни о вещем Роланде", и меч Эскалибурн из англосаксского эпоса. В степи же широко бытовали легенды о чудесных конях, выходящих из могил: *"Давно, ще цей край звався диким степом, чумаки бачили богатирського коня. Їхала, кажуть, балка степом. Коли чумаки глянули на Савур-Могилу, – аж вискочив дикий жеребець й ірже... Побачив чумаків та як подався – мов та птиця!.. Добіг до лісу, став на диби і подався знов поверх лісу. Де пробіг, там слід: скрізь поламав верхи на дубах"* [Савур-Могила, 1990, с.14]. Ходили легенды о появлении чудесного коня и возле могилы-кургана Ивана Сирка [Яворницький, 1991, с.484]. Не исключено, что с этими представлениями связано название кургана *Могила Конская*, расположенного на территории современного Великоновоселковского р-на.

Широко распространенными были также легенды о том, что сокровища, закопанные в курганах, принадлежали **разбойникам**. Так, о знаменитом Камбуровом (Покровском) кургане, находившемся в Мариуполе, рассказывали: *"Ходили слухи, что некогда курган этот служил разбойничьим притоном и что в нем спрятаны богатства самих разбойников"* [Клоев, 1892, с.370]. Известным местом обитания разбойников была Саур-Могила: *"На Савур-Могилі колись жив ватаг Сава і тримав шайку розбишак таких, як і він сам. Жили розбійники в землянках або куренях. Курені їхні були побіля могили, бо й досі лишаються тут глибокі ями, якраз над великим чумацьким шляхом, що зветься Ростовською дорогою"* [Савур-Могила, 1990, с.155]. У чумаков даже была такая поговорка *"Савур-могила, Тепшинський ліс, де бере чумаків біс"* [там же, с.157]. Обитали они, якобы, и на кургане *Медведь-могила* (располагался у с. Златоустовка Волновахского р-на, в 1960-70-е гг. уничтожен карьером) [там же, с.157].

Христианское население, как правило, отмежевывалось от инокультурных культовых объектов, каковыми в его восприятии являлись курганы, особенно если на них были установлены каменные изваяния (как правило, половецкие). Отношение к ним было, как к "чужим" и "нечистым". Это, вероятно, и была главная причина, по которой народная традиция связывала курганы с местом обитания разбойников и, прежде всего, местом, где они прятали награбленные сокровища[52]. Согласно легендам, при зарытии кладов существовала довольно развитая традиция их "**заклятия**", т.е. проведения ряда магических ритуалов, делающих их недоступными для посторонних. С этой целью, в частности, широко использовали животных, которые в результате проведенного ритуала становились охранниками кладов: "*тварини, забиті та замордовані на заклятих скарбах з тим, щоб так терпів той, хто спробував би взяти те, що не повинне перейти людям*" [Дашкевич, 1991, с.538]. Часто клады закапывали в шкурах животных, которые потом являлись людям, проходившим рядом с тем местом (ср. рассказы о появлении медведя или коня на кургане). В с. Благодатном (современный Волновахский р-н) в XIX в. бытовала легенда о необычном названии кургана – "*Медведь-могила*": "*Старі люди було розказують, що з'явилися на могилі гроші. Тільки-но стануть було люди копати вночі, то ведмідь зіпнеться на задні лапи; йде на людей і реве. Звісна річ видима смерть страшна, то люди й тікають. Від того й названа вона Ведмідь-могилою*" [Савур-Могила, 1990, с.202]. В одной из версий легенды о Медведь-могиле, говорится, что клад был завернут в медвежью шкуру, сделанную из меди. По мнению В.Я. Дашкевича, здесь произошло соединение двух мотивов: клада, завернутого в шкуру, и клада, спрятанного в медной посуде [Дашкевич, 1991, с.532-533]. Также, согласно легендам, в отдельных случаях, если клад был особенно велик и ценен, во время его заклятия убивался или живьем замуровывался человек [см., например: Новицкий, 1997, с.49-50].

В связи с заклятьем, "*выкопать этого клада никто не решался по следующим причинам: малоразвитый и суеверный народ вообще верил, что тот, кто зарывал клад в землю, заклинал это место и, таким образом, передавал свои богатства во власть дьявола; а верные рабы последнего: змеи, огонь, львы и вообще такие явления природы, которые губительно действовали на человека, охраняют его. Таким образом, по мнению народа, тот, кто отрывал клад, неминуемо должен был сгореть, или быть съеденным змеями или львами*" [Клюев, 1892, с.370]. Таким же образом под заклятием находились и другие курганные сокровища: "*Про могили розказують старі люди, що вони залишились від татар чи гайдамаків, що в них закопана дорога зброя й збруя, але це добро знаходиться під закляттям*" [Харлампович, 1930, с.73]. По поверьям, со временем найти спрятанные в кургане деньги или клад все сложнее, поскольку они все глубже входят в землю [Савур-Могила, 1990, с.159].

Согласно поверьям, бытовавшим среди жителей Мариуполя, "*для того, чтобы отрыть клад, нужно было непременно, по мнению народа, войти в сношение с дьяволом*[53]*, а этого можно достичь только путем разбоя, грабежа, убийства и проч. Поэтому сложилось поверье, что для того, чтобы отрыть клад, нужно непременно убить человека или совершить вообще равный по злодеянию поступок*" [Клюев, 1892, с.370]. Характерная в этом отношении легенда была зафиксирована Л.А. Лыгановой по рассказам жителей с. Староласпа Тельмановского р-на. Согласно преданию, прежде чем начать копать курган, нужно было принести жертву. Ее выбор определялся следующим образом: на ночь верхушка кургана обильно посыпалась мукой, чьи следы на утро находили на кургане, то животное и следовало принести в жертву. Разным людям выпадала разная жертва: кому курица, кому овца, кому теленок, а кому и целая корова. Когда очередь копать курган дошла до одного из поселян, он, как полагалось, посыпал вершину мукой, а

52 - Хотя, по народным поверьям, степные разбойники прятали свое богатство не только в курганах, но и темных [illegible] недалеко от г. [illegible] сказаний о курганах, [illegible] и по настоящее время. лотом, о хранимемся в кургане золотом коне (бычке) и др., бытующие в степных селах [illegible]

53 - Не случайно, во многих легендах о кладах их охранниками выступает всякая нечистая сила [Новицкий, 1997].

обнаружил там следы человека. Удивился, подумал, что кто-то над ним подшутил. Вернулся второй раз и снова обнаружил человеческие следы; в третий – тот же результат. Мужчина решил начать копать курган, не считаясь с жертвы. Вскоре из земли показалось много золотых и драгоценных предметов, что одному из сельчан не удавалось выкопать. Забрал все, яму закидал и радостный пошел домой – хвастаться добычей. А когда открыл двери, увидел свою жену и дочь убитыми, лежащими в лужах крови.

В некоторых случаях называют определенные приметы, согласно которым в кургане можно найти золото. В приазовском селе Безыменное старожилы рассказывали об обязательном наличии "*кроваво-красной жабы размером с хорошую рукавицу*". Подобных земляных жаб, с красноватым оттенком, реально находили во время раскопок поселений эпохи поздней бронзы в 1997 - 1998 гг. возле Безыменного. В 1987 г. экспедицию как-то посетили двое мужчин, которых археологи встретили неподалеку копающими яму в кургановидном останце посреди балки Безымянной. Мужчины за несколько дней пробили в каменистом грунте яму в несколько метров с целью поиска золота в "могиле". Возражение, что это не "могила", они не приняли: "Так мы же настоящих жаб встретили!".

Один из информаторов, посетивших Донецкий областной краеведческий музей в 2000 г. и пожелавший остаться неизвестным, передал рассказ своего деда о том, что золото обязательно будет в кургане под массивной каменной плитой (ср. в легенде "*приміти на льоху, що з грішми: лежить плита камені на дверях, якраз поверх землі*" [Самур-Могила, 1990, с.158-159]). Находясь на каникулах в где-то в районе г. Дебальцево, он решил проверить правдивость дедовых рассказов. В небольшом кургане встретил каменную плиту, но ничего кроме керамического горшка (непрореберный сосуд срубной культуры) под ней не нашел, а потому решил копать глубже. Еще где-то через метр он наткнулся на каменную плиту, которая оказалась слишком большой по размерам. Тогда он решил ее пробить. Ломом он пробил яму глубиной около 0,5 – 1,0 м, и только после этого прекратил работу. Собрал куски разбитого горшка и приехал за советом в музей.

С подобной ситуацией столкнулся Э.Е. Кравченко при доисследовании разрушенного кургана *Проклята* (!) *Могила* на границе Донецкой и Харьковской областей [Цимиданов, Кравченко, 2001]. Центр кургана был разрушен обширной грабительской ямой, которая врезалась не только в материк, но и в скальную породу еще где-то на полметра.

Рассказы стариков о могильных кладах всегда будоражили односельчан и толкали их на попытки проведения раскопок. Характерно, что после того как в начале XX века нашли реальный клад (горшок, содержащий около 500 серебряных и медных монет петровского времени) в кургане у с. Волонтеровка (ныне г. Мариуполь), крестьяне рассказывали П.М. Пиневичу, что копать начали "*по указанию какого-то старика*" [Пиневич, 1928; Кучугура, 2000, с.3]. Часто это был некий старик-странник (как в легенде о Грыцьке Пампуре, которая приводится ниже). В начале 1967 г. в ДОКМ попало письмо от жителя с. Качкарское Новоазовского р-на Тополова И.А., которое стоит привести полностью: "*Попрошу Вас выслушать мой рассказ. Это было еще в 1854 г. Когда моему деду было 20 л. он жил в с. Качкарском, но в то время [там] было всего-навсего 3 землянки. И вот мой дед рассказал моему отцу. Говорит, сынок случай может ты сможешь раскопать могилу, и указал место, где она стоит. И сказал, что в этой могиле есть большое количество золота и золотых вещей. Когда отец спросил, откуда дед знает, что там есть. То он начал рассказывать так. В 1854 г. зимой попросился к нам один старик на ночлег и пробыл 3 дня, а когда начал уходить и рассказал. Говорит: Это были наши края, здесь мы грабили людей, нас было много, мы построили себе убежище, могилу. И в эту могилу прятали все награбленное, и очень много золота. Эта могила сейчас стоит. Мой брат пытался ее раскопать. Копал и докопался до сплошного камня и этот камень он не мог разбить ничем. Потом начал обкатывать его и нашел щель. Забил в эту щель ломик и ломик упал. При раскопке находил на глубине 2 м листья с деревьев, зубы конские, солому. Он копал в 1946 г. Его забрали в ряды Сов. Ар. Месяц назад мой отец писал в редакцию Сельская Жизнь. С редакции пришел ответ, Ваше письмо направили председателю райисполкома. Прошел месяц нет никаких известий. Он написал в редакцию районной газеты "Строителя коммунизма". И никаких сообщений. Прошу Вас дать совет куда еще обращаться. Или вы можете помочь?*" [Архив ООПА ДОКМ].

В отдельных случаях в качестве **охранников** курганных сокровищ в легендах выступают каменные изваяния, стоящие на вершинах насыпей (*"сторожі"*). Колоритный рассказ об этом их качестве был записан на территории современной Запорожской области: *"Грицько Пампура, кажуть, тільки те й робив, що ходив ночами по степу та могили розкопував. Усе золота шукав. Одного разу рився Пампура на могилі. А ніч місячна-місячна, і піде нічого не шерхне! Коли це раптом чує копач: "Доброго здоров'я, Грицьку!" – Пампура так і отетерів! Розізлився, дивиться, коли недалечко, на дорозі, стоїть старезний-престарезний дідок. Увесь у білому й костур спирається. На голові осоледець, як у запорожця, а вуса – аж до пояса. "Здоров діду, - пробелькотів Грицько. – А звідки ти мене знаєш?" – "Та я все знаю... І те знаю, що ти золото шукаєш. Але скільки б не рився, то його не дістанеш, поки отого сторожа не прибереш." – "Якого сторожа?" – питає Пампура. – "А отого. Що на животі руки склав. – каже дідок і показує костуром на кам'яну бабу, яка тут же таки, на могилі, стояла." – "Куди ж її прибрати?.." – "Треба аж за три річки занести, отоді й золото візьмеш," – сказав старий і мов крізь землю провалився. Грицько пасилу отямився від такого дива, а тоді заховав у бур'яні лопату, підняв бабу на плечі й почалапав уніз до плавні. Минув прихожанку, перебрів Підпільно та Сомик і вже наближався по болоту до Кінської. Та так йому стало трудно нести ідоляку, що він кректав-кректав, а тоді візьми та й скажи: "Ну й важка ж нечиста сила, щоб тебе чорти взяли!" – "Хе-хе-хе... Та мене чи візьмуть, а тебе таки візьмуть," – обізвається кам'яна баба. Як почув це Пампура, так і присів. А присідаючи, не втримав бабу, то вона тільки плюх! – і зарилась в грязюку по коліна. Перелякався сильч та навтіки! Біг-біг, добіг до озерця, перечепився через якусь дровиняку, впав і втопився на мілкому. Дуже захекався, тому й захлинувся... Треба було, кажуть Петраві не згадувать чортів, коли таскав бабу. Якби він був переніс її ще й через Кінську, то все б добре закінчилося і золото б на могилі йому віддалося..."* [Савур-Могила, 1990, с.203].

Предания о могильных кладах и их охранниках фактически являются только частью того **общего мистического отношения**, которое испытывали люди к курганам в еще недавнее время. Н.А. Клюев, например, приводит еще ряд других преданий, связанных с Камбуровым курганом: *"На верхушке этого кургана пробовали садить деревья – но они не росли. Одна только акация росла в течение 5 лет и засохла. Далее, иногда в этом самом кургане образуется отверстие из которых сыпется обыкновенный морской песок вместе с черепахами [ракушками], затем отверстие закрывается и песок прекращает сыпаться..."* [Клюев, 1892, с.372]. Как бы там ни было, а в ряде случаев страх действительно останавливал грабителей: *"Клад, кажуть, лежить перушимо, бо брать його страшно"* [Новицкий, 1997, с.49]. Как отметил Э.Ю. Петри, после раскопок курганов из группы Рясных Могил (о которых речь шла выше) *"местные жители тщательно избегают Рясных могил, делая с этой целью более или менее значительный объезд"* [НА ИИМК РАН, № 34/1888]. Хотя у определенной части населения отношение к курганам было куда реалистичнее и циничнее.

Вторым не менее значимым являлся **миф о погребенном** в кургане **богатыре** и этническом казаке-герое, вооруженном всадни ке. Этническая атрибуция или происхождение мифического богатыря скрывалась за вуаль таинственности, непознанности. Как рассказывали в XIX в., *"ще до запорожців жив нар не нашої віри. Бувало як уб'ють їхнього ки або умре, то його ховали і насипали високі м гили. На таких могилах ставляли камені баб Кажуть, як розкопать високу могилу, то м можна найти людські і кінські маслаки"* [Н вицкий, 1990, с.13]. *"Могила – большая древ насыпь, курган, где по преданию погребены гутники, богатыри"* [Даль, 1914, с.873]. *"Д но, бог його зна й коли, жив на світі богат з конем. І жили вони дружно. Перед смер ставав він щодня їздить за сто верст та в тим конем камінь. Навозив і згадує коневі: " помру, - каже, - насипеш могилу..." Умер Кінь насипав зверх нього високу-високу м і обіклав камепем. У степу, ...де високі м – то великих богатирів. Тепер як розкоп великі могили, то находять кістки людськ кінські: то богатирів ховали разом із кіньми, вірно жили"* [Савур-Могила, 1990, с.13-14].

В отдельных случаях курганы связ лись с **казацкими могилами**: *"багато м і запорозьких, бо й між запорожцями*

[illegible] *[illegible]атирі*" [Савур-Могила, 1990, с.14]. [illegible] отражение и в песенном фольклоре: "[illegible] *над козаком Та високу могилу, Ой,* [illegible] *в головоньках Та червону калину*". [illegible] представлениями, вероятно, связано [illegible] кургана *Могила Казацкая* (у г. Крас[illegible]йск). Соответствующая легенда бытует [illegible] же Саур-Могиле. Казаки со сторожевого [illegible] подходящего врага, но долго не [illegible] зажечь костер. Наседали разъяренные [illegible] а казаки во главе с Саввой (Сауром) [illegible] неравный бой до тех пор, пока не зажгли [illegible] и не увидели ответный огонь, зажжен[illegible] соседним постом. Погибли защитники [illegible] земли, и похоронили их приехавшие [illegible] по казацкому обычаю, насыпав на [illegible] могиле курган. С тех пор и стоит в степи [illegible]р-Могила, охраняя покой защитников род[illegible] земли [Олійников, 1972, с.14-15].

Согласно существующей очень устойчи[illegible] устной традиции, широко распространен[illegible] по всей Украине, казаки "*шапками носили* [illegible]*, так і насипали високі могили*". При этом [illegible]ось, что с погребенным клали в могилу [illegible]; саблю, иногда и другое оружие. Харак[illegible], что мотив "насыпания казацкой могилы" [illegible] использован в 1930-е гг. А.П. Довженко в [illegible]ьме "Щорс" в эпизоде погребения погиб[illegible] командира красных партизан, весобщего [illegible]бимца "батьки" Боженка. В реальности же в [illegible]ной Украине при условии научного иссле[illegible]ния тысяч курганов практически не най[illegible] курганных захоронений, которые можно [illegible]о бы трактовать как казацкие [Археологія [illegible]би українського козацтва, 1997, с.32]. Исклю[illegible]ние составляют только курганные насыпи, [illegible]оруженные над могилой кошевого атамана [illegible]вана Сирка возле Чертомлыцкой Сечи (с. [illegible]апуливка на Никопольщине) и над братской [illegible]огилой казаков, погибших в 1593 г. в битве [illegible]од Пяткой на Житомирщине после поражения [illegible]осстания К. Косынского [там же]. Однако по[illegible]бные поверья о запорожских курганах стали [illegible]сновой совершенно иного, подчеркнуто ува[illegible]жительного отношения к курганам, осознания [illegible]х как части "своего" мира.

Оба подхода к курганам, как к "чужому" [illegible] как к "своему", на наш взгляд, отчетливо от[illegible]разились в достаточно устойчивой традиции, получившей распространение уже в XIX – XX вв., согласно которой на курганах **хоронили умерших**. С одной стороны, насыпи больших курганов превращали в сельские кладбища, особенно в случаях, если первые находились достаточно близко от населенного пункта. Такие ситуации зафиксированы в г. Горловке (кладбище в Калининском р-не у пос. Кондратьевский, устроенное на длинном кургане Могила Бабикова и только со временем вышедшее за пределы насыпи; стихийные могилы появились на кургане Верина Могила в 1990-е гг. в условиях невероятно возросшей дороговизны ритуальных услуг), в селах Великоновоселковского р-на: Славянка, Новопавловка (ныне часть с. Карла Маркса), Зеленовка (ныне часть с. Шевченко), Федоровка, Койбаш (ныне не существует), а также в селах Межевое Ясиноватского р-на и Новотроицкое Добропольского р-на (в этом случае даже курган получил название *Могила Крест*[54]) и др. Согласно завещанию, в 1998 г. на кургане у с. Обильное Старобешевского района был развеян пепел русского советского писателя Леонида Жарикова [Костыря, 1998, с.56-57].

С другой стороны, на курганах, особенно удаленных от сел, было принято хоронить убитых солдат, которые, согласно традиционным представлениям, относились к нечистым "заложным" покойникам и которых раньше никогда не хоронили на обычных кладбищах [Зеленин, 1995, с. 88-128]. В годы Гражданской войны 1918-1920 гг. на территории Донбасса в существующих древних курганах хоронили своих павших бойцов красноармейцы (курган у с. Стыла Старобешевского района [Архив ООПА ДОКМ]). Ряд братских могил советских солдат, погибших в ходе боев на Миус-фронте в 1943 г. в Амвросиевском и Шахтерском районах, были устроены именно на курганах. Аналогичные братские могилы есть в г. Макеевка, Волновахском р-не (по данным архива отдела охраны памятников истории и культуры ДОКМ). Могила пяти советских солдат была обнаружена в ходе раскопок кургана 5 группы "Кринички-I" Макеевского горсовета [Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, Отчет, 1989]; могила расстрелянного советского солдата – в одном из курганов группы у с. Шевченко [Мо-

54 - Впрочем, не исключено, что название существовало еще до устройства на нем кладбища и основания села Новотроицкое, т.к. оно зафиксировано на «трехверстке», на которой село не обозначено.

руженко, Посредников, Привалов, Зарайская, Гриб, Отчет, 1980]. Характерным является объяснение, которое дал информатор в одном из греческих сел по поводу названия кургана Хара-оба, где *хара*, "черный", выступает как выразитель негативной оценки географического объекта ("плохой"): "*С нее чумаки наблюдали за степью. На ней хоронили убитых чумаков и путников*" [Отин, 2000, с.136].

Для многих сельских жителей характерно подчеркнуто **уважительное отношение** к большим задернованным курганам, сохранившимся до наших дней и составляющих неотъемлемую часть степного ландшафта. Они с сожалением говорят о постепенном исчезновении курганов, причем подобные высказывания были характерны для крестьян еще в конце XIX в. [Саур-Могила, 1990, с.22]. В с. Михайловка Красноармейского района один из жителей[55], рассказывая о Л.Ф. Юрген – женщине-председателе колхоза им. Тельмана, не без пафоса отметил один из эпизодов начала 1970-х гг. Посещая передовое по тем временам хозяйство, первый секретарь Донецкого обкома партии В.И. Дегтярев распорядился убрать с поля группу задернованных насыпей (группа "*Могила Мемрикская*" в составе 6 курганов). После уборки урожая на поле был направлен бульдозер, который, однако, заглох после первых же попыток снести насыпи, и эта затея так и не была осуществлена.

В ряде мест в 1960-70-е гг. курганы являлись у местных жителей любимым местом отдыха и коллективных трапез, особенно на майские праздники. В частности, это длинный курган у с. Николаевка Красноармейского района, раскопанный в 1989 г., и курган на холме у г. Молодогвардейска Луганской области (по рассказам семьи Мединых, местных жителей). По всей видимости, эта традиция является более древней. Так, по информации В.В. Цимиданова, на одном из высоких курганов у ст. Карань было найдено большое количество фрагментов керамической посуды XIX в., возможно, также оставшееся после проведенных там празднеств. Среди греков Приазовья существовала традиция устраивать у курганов соревнования по скачкам и борьбе во время проведения ежегодных ритуальных празднеств панаиров[56], что было зафиксировано Л.А. Лыгановой в селах Сартана, Старый Крым, Староласпа. П.Н. Пиневич у с. Сартана упоминает Панайрский курган, на котором, "*по преданию, стоял крест*" [Пиневич, 1928]. Он же описывает курганы группы Цыганские Могилы у с. Чермалык в излучине р. Кальмиус, рядом с которыми находилось старое кладбище 1779-1840 гг. и на которых проходили сходы и праздники [Пиневич, 1927]. Е.С. Отин [1977, с.104] связывает ряд названий курганов с проходившими во время панаиров рядом с ними конскими ристалищами: *Чапохама* (*Чапохама*) у п. Сартана, *Ат Чапхан Оба* (*Ачапан*) у с. Старогнатовка и п. Старобешево (в этом случае скачки начинались у кургана и заканчивались на Церковной площади поселка).

Среди мифов о происхождении курганов уже с XVIII-XIX вв. бытовали рассказы и **о немогильном происхождении** курганов: "*Високі могили, де стояли колись камені баби, - стоять от сотворення світа*" [Новицкий, 1990, с.14]. "*Ще до Христового народження був потоп. У тих місцях, де людей вода застукала, вони насипали могили і рятувалися на них. Чи правда, чи ні – Бог його знає.*" [Савур-Могила, 1990, с.22; аналогичный рассказ: Новицкий, 1990, с.12]. "*Господь создав землю, а потім людей, і вони довго жили без сонця. Зжалився Господь над миром і послав свяге сонечко. Інчі люди радувались, а інчі не злюбили сонця, - почали насипать високі могили, тоб то до неба, - почали з тих могил плювать на праведне сонце. Розгнівався Господь і хто з людей плював, той на могилі і окаменів*" [Новицький, 1990, с.13-14].

"*...Була у богатиря сестра. Той богатир кродня виїздив на охоту та на війну, а сестра оставалась дома, варила обідать. (Далі сест-*

55 - Олейник П.П., 1938 г.р., информация записана во время этнографической экспедиции, проводившейся ДОКМ и Союзом немецкой культуры (г. Макеевка) в 1999 г.

56 - Панаир праздновался в храмовый день (т.е. в день святого, в честь которого была заложена в селе церковь). Проведение праздника брала на себя одна семья, в которой был тяжелобольной или которую преследовали несчастные случаи. Именно эта семья готовила обетную жертву (хурбан). По ходу приготовления к панаиру к этой семье присоединялись многие односельчане, и праздник становился всеобщим. В день проведения панаира приносили жертву, проводилось торжественное богослужение, готовилась и проводилась коллективная трапеза, проводились различные игры и состязания (скачки, борьба).

[illegible] із змієм. Змій підговорив її звести [illegible] із світу. Вона почала вивідувати, чи [illegible] стримає його силу. Але богатир по[illegible] хитрощі і підступність та вбив змія). [illegible] богатир сестру за коси, прив'язав [illegible] до хвоста і пустив... Як поніс [illegible] кінь, як поніс!.. Оце де вдариться вона [illegible], там могила, де вдариться задом, там [illegible] Оббіг той кінь півсвіту, розніс сест[illegible] до однієї і вернувся. З того часу, [illegible] стали могили і долини... У степу, де [illegible] могилки та долини, – сестри бога[illegible] а де високі – то (поховання) великих [illegible]" [Савур-Могила, 1990, с.13-14].

В середине XX века в Приазовье был [illegible]рован своеобразный фантастический [illegible] предостережение о происхождении [illegible]

"Старі наші батьки й діди розказували, [illegible] давнину там у степу ... жили гро[illegible] якісь дивні люди. Вони не спілкувались [illegible] були здоровенні на зріст і дуже сильні. [illegible] серед них не водилося – самі чоловіки... Ніхто не знав чим вони займалися. Охороняли те місце страшні звірі, схожі на вовків...

Одного разу вночі там, де було селище дивних людей, пролунав такий вибух, що затряслася земля далеко-далеко навколо. Піднявся стовп вогню аж до хмар і спалив ті хмари. Довго після вибуху не наступав ранок. А як наступив, то сонце не показувалося півдня, бо його затьмарили чорний дим і непросвітна пилюка.

Коли ж розійшовся дим і осіла пилюка, сполохані степовики оговталися й подалися до загадкових сусідів. Що ж вони побачили!.. Ні будинків, ні верб, ні трави – нічого не стало! Тільки сліди од пожарища, глибокі яри та високі гостроверхі гори кругом.

З тих пір пройшло багато-багато літ. Яри обмілили й поробилися балками, а гори осіли і стали могилами. Ці могили звуть теперечки в нас Гострими. Кажуть, що то колись із-за моря прийшли в наш степ якісь велетні й був у них начебто атом. Не вбереглися велетні – і той атом вибухнув" [Савур-Могила, 1990, с.202].

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. **Архив ИИМК РАН,** № 14/1864. Дело [illegible] об археологических исследованиях г.г. За[illegible] и Люценко на Таманском полуострове.

2. **Архив ИИМК РАН,** № 16/1879. Дело [illegible] о древних вещах, найденных на земле [illegible] села Сергеевки Бахмутского уезда [illegible]ринославской губернии.

3. **Архив ИИМК РАН,** № 4/1887. Н.Е. [illegible]денбург. Письмо в ИАК. Январь 1887 г. [illegible] №12.

4. **Архив ИИМК РАН,** № 34/1888. Дело [illegible] О раскопках профессора Э. Петри в Ека[illegible]ославской и Таврической губерниях.

5. **Архив ИИМК РАН,** № 32/1889. Дело [illegible] о выдаче открытого листа Н.Е. Бранден[illegible] на право производства раскопок в губер[illegible] Новгородской, Тульской, Смоленской, [illegible]левской и др.

6. **Архив ИИМК РАН,** № 17/1891. Дело [illegible] об археологических розысканиях Н.Е. [illegible]денбурга в Донской области и в Киевской [illegible]ии

7. **Архив ИИМК РАН,** № 148/1897. [illegible] ИАК о древностях, найденных в кургане, [illegible]ом близ кол. Затишье, Мариупольского [illegible]катеринославской губ.

8. **Архив ИИМК РАН,** № 256/1900. Дело ИАК о находках древностей в курганах на земле гг. Беклемишевых в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ.

9. **Архив ООПА ДОКМ.** – Архив отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея.

10. **Евсеев В.М.** Отчет о поездке по Макеевскому и Чистяковскому районах Донецкой области в 1932 г. // Архив ООПА ДОКМ.

11. **ГИМ ОПИ,** ф.431, ед.хр.327. Дневники В.А. Городцова. 1902, 1903 гг.

12. **Горбов В.Н., Усачук А.Н.** Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1988 году // НА ИА НАНУ. 1988/201.

13. **Моруженко А.А., Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.Н., Гриб В.К.** Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Володарского и Тельмановского районов Донецкой области в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/98-а.

14. **Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А.** Отчет о работах археологической экспедиции экспериментального

творческого объединения "Фонд" при Донецком отделении УФК в 1988-1989 гг. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1989/239.

15. **Кротова А.А.** Отчёт о разведках на территории Володарского района Донецкой области (1972 г.) // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1972/96.

16. **Пиневич П.М.** Археологические раскопки в Мариупольском округе в 1927 г. // НА ИА НАНУ. ВУАК № 116/39.

17. **Пиневич П.М.** Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки (Отчет 1928 г.) // НА ИА НАНУ. ВУАК № 202/26.

18. **ЦГАДА.** ф.1348, оп.2, д.610.

19. **ЦГАДА.** ф. 1348, оп. 2, д. 606.

20. **ЦГАДА.** ф. 1355, оп. 1, д. 56/1945.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абрамова М.П.** Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1961. №2. С. 91-110.

2. **Андрієнко В.П.** Майдани і майдановидні споруди // Вісник Харківського університету. Харків, 1971. № 62.

3. **Археологія доби українського козацтва** XVI-XVIII ст. // Відп. ред. Д.Я.Телегін: Навч. посібник. К., 1997.

4. **Археологія Української РСР.** Т.II Скіфо-сарматська та античні археологія. К., 1971.

5. **Биографический словарь** деятелей естествознания и техники. Т.2: М - Я. М., 1959.

6. **Борисяк Н.Д.** Несколько слов о новейших археологических находках в Харьковской и Екатеринославской губерниях // Тр. III АС. Т.II. К., 1878. Приложения. С.205-211.

7. **Брайчевський М.Ю.** Скарби знайдені і незнайдені. К., 1992.

8. **Бранденбург Н.Е.** К вопросу о каменных бабах // Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. Т. III. М., 1897. С.13-15.

9. **Братченко С.Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). К., 1976.

10. **Брашинский И.Б.** В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.

11. **Вадецкая Э.Б.** Сказы о древних курганах. М., 1981.

12. **Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е.** Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка // С.А. 1975. №1. С.286-289.

13. **Городцов В.А.** Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905. Т.I. М., 1907. С.286-365.

14. **Городцов В.А.** Враги истории народов, обитавших в Бахмутском уезде // Былое. Артемовск, 1993. № 4-5. С.58-64.

15. **Гошкевич В.И.** Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.

16. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2 (И – О). СПб.-М., 1914.

17. **Дашкевич В.Я.** До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. К., 1991. С.527-539.

18. **Евглевский А.В.** Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия. Луганск, 1996. С.214-224.

19. **Єєєєв В.** Цікаві археологічні знахідки // Радянська Донеччина. 19 липня 1951. № 141 (1452).

20. **Журнал** раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. СПб., 1908.

21. **Зайка Г.** З легенд про орільські скарби // Козацькі старожитності Полтавщини. Вип. 2. С.143-145.

22. **Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.

23. **Зеленин Д.К.** Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

24. **Качалова Н.К.** Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. САИ. В4-12. М., 1974.

25. **Клоев Н.А.** Азовское побережье (географический и исторический очерк) // Мариуполь и его окрестности. Отчет об учебных экскурсиях мариупольской Александровской гимназии. Мариуполь, 1892. С.325-405.

26. **Книга Большому Чертежу** / Пер. ред. К.Н. Сербиной. М.-Л., 1950.

27. **Коцаренко В.Ф.** Краматорск: забытые страницы истории. Краматорск, 1999. 385 с.

28. **Косиков В.А.** История исследования

ческих памятников Донбасса. До-2001.

29. **Костыря И.** Курган Жарикова // Дон-1998. Спецвипуск. С.56-57.

30. **Крутая Т.А.** Дневник академика ...едта как источник по истории ...са // Летопись Донбасса. Донецк, 1992. ...-18.

31. **Кучугура Л.** Исследователь древних ...ий // Ильичёвец. №5 (8627) от 18 ян-2000.

32. **Лебедев Г.С.** История отечественной ...логии. 1700-1917. СПб, 1992.

33. **Лисянский А.С.** Конец Дикого поля. ... 1973.

34. **Лисянский А.С.** Спутник истории // ...стное об известном. Донецк, 1978.

35. **Литвиненко Р.А.** Погребальные ...жения срубной культуры Подонцовья и ...еро-Восточного Приазовья // ДАС. 1992. ...1. С.29-46.

36. **Литвиненко Р.А.** К истории исследо-... курганных могильников в окрестностях ...ных Могил // Древности Северо-Восточ-...о Приазовья. Донецк, 1999. С.98-101.

37. **Литвиненко Р.А.** Каменная курган-... архитектура культуры многоваликовой ...мики // Археология и древняя архитектура ...мбережной Украины и смежных террито-... Донецк, 2000. С.12-19.

38. **Литовченко Л.А.** Н.Е. Забелин – ис-...к и археолог // А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мур-Р. Родле. Чертомлык (Скифский царский ... I вв. до н.э.) К., 1991. С.271-285.

39. **Лукина Т.А.** Иван Иванович Лепе-... М., Л., 1965.

40. **Легенди та перекази.** Українська на-... творчість // Упоряд. А.Л.Іоаніді. К., 1985.

41. **Летопись Общества** // Записки ...есского Общества истории и древностей. ... первый. Одесса, 1844.

42. **Магидович И.П., Магидович В.И.** ...рки по истории географических открытий. ... Географические открытия и исследования ...вого времени (середина XVII – XVIII вв.). ..., 1984.

43. **Макаренко Н.Е.** Археологические ...следования 1907-1909 годов // ИАК. Вып.43. ...Пб., 1911.

44. **Макаренко М.** Маріупільський мо-...ильник. К., 1933.

45. **Марков С.Н.** Заметки о быте греков г. Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. Отчет об учебных экскурсиях мариупольской Александровской гимназии. Мариуполь, 1892.

46. **Мариуполь и его окрестности.** Отчёт об учебных экскурсиях мариупольской Александровской гимназии. Мариуполь, 1892.

47. **Манцевич А.П.** Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.164-193.

48. **Миллер М.А.** Первобытный период в истории Нижнего Днепра (до появления железа). Исследования и материалы. Серия II. Мюнхен, 1965.

49. **Мошкова М.Г.** Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское. М., 1989. С. 177-191.

50. **Нагоев А.Х.** Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. Т.3: Памятники средневековья (IV-XVIII вв.). Нальчик, 1987.

51. **Новицкий Я.Н.** Народная память о запорожцах. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине: 1875-1905 г. (Репринт) Рига, 1990.

52. **Новицкий Я.** Остров Хортица на Днепре, его природа, история, древности (Старожитності Південної України. Вип.1). Запоріжжя, 1997.

53. **Одесский археологический музей** АН УССР. К., 1983.

54. **Олійников М.Я.** Савур-Могила. Донецк, 1972.

55. **Отін Є.С.** Гідроніми Східної України. К.-Донецьк, 1977.

56. **Отин Е.С.** Древние географические названия Донбасса // Летопись Донбасса. Краеведческий сборник. Донецк, 1992. Вып.1. С.25-28.

57. **Отин Е.** Саур-Могила // Рідний край. Історико-краєзнавчий альманах. № 2-3. Частина II. Донецьк, 1997. С.64-69.

58. **Отин Е.С.** Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк-Мариуполь, 2000.

59. **ОАК** за 1897 год. СПб. 1900.

60. **ОАК** за 1900 г. СПб, 1902.

61. **Пасецкий В.М.** Витус Беринг (1681-

1741). М., 1982.

62. **Пирко В.А.** Северное Приазовье в XVI–XVIII вв. К., 1988.

63. **Пірко В.** Заселення степової України в XVI-XVIII ст. Донецьк, 1998.

64. **Пірко В.О.** Мандрівні записки А.Гільденштедта як джерело до вивчення стану залюднення Донеччини в середині 70-х рр. XVIII ст. // Історичні і політологічні дослідження. Донецьк, 2002. № 2 (10). С.15-24.

65. **Пірко В.** Заселення Донеччини у XVI - XVIII ст. Донецьк, 2003.

66. **Плетнева С.А.** Древности Чёрных Клобуков. САИ. Е1-19. М., 1973.

67. **Покровский А.М.** О раскопках в селе Прелестном, Изюмского уезда // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т.I. Харьков, 1902. С.78-80.

68. **Полевой Б.П.** "Колумб росский" Григорий Иванович Шелихов и его книга // Г.И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971. С.5-34.

69. **Полидович Ю.Б.** Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993. С.35-93.

70. **Полин С.В.** К гипотезе о назначении т.н. майданов в качестве военных укреплений // Фортификация в древности и средневековье (Материалы методологического семинара ИИМК). СПб., 1995. С.86-87.

71. **Полін С.В.** Про пограбування скіфських курганів у районі Чортомлика // Археологія. 2003. № 2. С.10-24.

72. **Полин С.В., Тупченко Н.Н., Николова А.В.** Курганы верховьев Ингульца. Вып.1. Кировоград, 1992.

73. **Полин С.В., Тупченко Н.Н., Николова А.В.** Курганы верховьев Ингульца. Вып.2. Кировоград, 1993.

74. **Попова Т.Б.** Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М., 1955.

75. **Попова Т.Б.** К вопросу о курильницах "северокавказского типа" // СА. 1957. №1. С.161-177.

76. **Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

77. **Привалова О.Я., Зарайская Н.Н., Привалов А.И.** Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. К., 1982. С.148-178.

78. **Савур-Могила.** Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини // Упоряд. В.А. Чабаненко. К., 1990.

79. **Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

80. **Санжаров С.Н.** Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса // РА. 1992. №3. С.160-177.

81. **Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В.** Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003. С.122-161.

82. **Санжаров С.Н., Подобед В.А.** Исследования кургана 3 у с.Октябрьское // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. Вып.2. Луганск, 1992. С.33-43.

83. **Словник української мови** // Упоряд. Б.Грінченко. Том ІІ (З – Н). К., 1908.

84. **Смирнов А.М.** Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

85. **Список памятников** археологии Украины. Донецкая область // Сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов. К., 1988.

86. **Спицын А.А.** Татарские курганы // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т.I, Симферополь, 1927. С.149-153.

87. **Стамеров К.К.** Нариси з історії костюмів. Частина ІІ. К., 1978.

88. **Столяр А.Д.** Вклад профессора А.А. Иностранцева в развитие первобытной археологии России // Вопросы геологии и археологии. Тез. докл. Междунар. Симпозиума, посв. 150-летию А.А. Иностранцева. СПб, 1994. С.51-54.

89. **Строганов С.** Отчет о действиях императорской археологической комиссии за 1859 год // ОАК за 1859 год. СПб., 1862. С.I-XVI.

90. **Супруненко О.Б.** Василь Зуєв та його опис Полтавщини кінця XVIII ст. // В.Ф. Зуев. Полтавщина в SПутешественных запискахS 1781 року. Серія SДжерела з історії ПолтавщиниS. Вип.2 Полтава, 1999. С.3-7.

91. **Титова З.Д.** Предисловие // Я.И. Линденау. Описание народов Сибири (первая

XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С.5-16.

92. **Тихонов Н.Л.** Петербургская палеографическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. Вып.1. СПб. 1994. С.100-119.

93. **Толстой И., Кондаков Н.** Русские древности в памятниках искусства. Вып. второй. СПб, 1889.

94. **Толстой И., Кондаков Н.** Русские древности в памятниках искусства. Вып. пятый. СПб, 1897.

95. **Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

96. **Формозов А.А.** Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

97. **Фрадкин Н.Г.** Путешествия Н.Н. Муравьева, Н.Я. Озерецковского, В.Ф. Зуева. 1948.

98. **Хазанов А.М.** Очерки военного дела сарматов. М.,1971.

99. **Харламинович Н.В.** Матеріяли з археології та історії Первомайщини // Вісник Комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. Ч.4-5. Секція археологічна. Київ, 1930. С.65-85.

100. **Цимиданов В.В.** Длинные курганы Украины // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С.19-21.

101. **Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е.** Исследования кургана в среднем течении Северского Донца // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: "Археология". Донецк-Макеевка, 2001. С.70-91.

102. **Шановалов Т.** Таємниці Стриженої могили // Університетські вісті. 28 вересня 1968. № 28 (82).

103. **Швецов М.Л.** Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С.192-202.

104. **Шевчук С.П.** Археологические исследования в Приднепровье И.Е. Забелина в 1859-1868 гг. (в пределах современной Запорожской области). Запорожье, 1993.

105. **Шепко Л.Г.** Из истории археологического изучения края // Новые страницы в истории Донбасса. Книга 1. Донецк, 1992. С.5-12.

106. **Шрамко Б.А.** Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

107. **Штерн Э.Р.** Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея // Записки Одесского Общества истории древностей. Т. XXIX. Одесса, 1911. С.32-44.

108. **Шугуров М.** Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774г. // Записки Одесского Общества истории древностей. Том одиннадцатый. Одесса, 1879. С.180-228.

109. **Юз і Юзівка** / Під загал. ред. В.А. Гайдука. Донецьк, 2000.

110. **Яворницький Д.І.** Історія запорозьких козаків. Том 1. К., 1990.

111. **Яворницький Д.І.** Історія запорозьких козаків. Том 3. К., 1991.

112. **Яковлев А.** Раскопки кургана у с. Скотоватого, Бахмутского уезда, Екатеринославской губ., в августе 1900 года // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. т.I. Харьков, 1902. С.186-187.

113. **Edwards S.** Hughesovka. A Welsh enterprise in imperial Russia. Glamorgan, 1992.

114. **Tallgren A.M.** La Pontide prïscythigue aprus l'introduction des mïtaux. ESA.II Helsinki, 1926.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2003 г.

Археологический альманах №14. Донецк 2003. С. 56-109.

СВОД ДАННЫХ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ

This paper is the summary of data obtained for the barrows investigated in the Donetsk region during the 20th century. The information, among others, includes location, the number of excavated barrows in the groups, families of the excavators' leaders and main literature sources.

Курганная археология Донбасса имеет уже достаточно длительную традицию. Изучение курганов фактически началось еще с конца XVIII в., когда целый ряд курганов в Приазовье и Подонцовье был описан П.А. Гильденштедтом. В дальнейшем изучением этих памятников занималось не одно поколение ученых. XIX в. стал в этом отношении своеобразным подготовительным этапом. В Донбассе и Приазовье в то время проводили раскопки Э.Ю. Петри, П.Е. Бранденбург, А.Н. Поль и др. Однако, еще не была выработана методика раскопок курганов, неясными оставались цели и задачи изучения курганов, не были поняты материалы, полученные в ходе раскопок. В XX веке резко изменилось отношение исследователей к этим археологическим памятникам, они стали главным источником в изучении всех периодов эпохи бронзы и раннего железа, дали важные материалы по истории и культуре кочевых народов средневековья.

Развитие курганной археологии в Донбассе в XX в. было неравномерным. Его своеобразными пиками являются следующие периоды:

- первые годы XX века ("городцовский" этап), связанные, прежде всего, с активной деятельностью В.А. Городцова, раскопавшего в пределах современной Донецкой области не менее 85 курганов;

- вторая половина 20-х – 30-е гг. XX в. ("довоенный" этап), время первых новостроечных работ на территории городов Мариуполя и Сталино (ныне Донецк), которые, кроме Н.Е. Макаренко, проводили местные археологи: П.М. Нинеевич, В.М. Евсеев, Г.Г. Афендик;

- 70–80-е гг. XX в. ("новостроечный" этап), связанный с бурным периодом мелиоративных и строительных работ, повлекшим за собой массовые раскопки курганов (за 20 лет было исследовано около 530 курганов). Археологические раскопки проводились силами разных организаций, в том числе экспедициями Института археологии АН УССР и Киевского госуниверситета, но наибольшее количество работ было проведено специально созданной в 1978 г. новостроечной археологической экспедицией Донецкого госуниверситета.

За прошедшие сто лет было раскопано не менее 860 курганов, получено огромное количество материала. Его освещению и изучению посвящены сотни работ. Их обзор – задача будущего отдельного исследования. В настоящей же статье авторы-составители ставили перед собой цель создания первой общей сводки по курганам, раскопанным на территории области. Она представлена ниже в виде таблицы. При составлении настоящей сводки акцент делался на указание общего адреса месторасположения памятника, его соотношения с другими курганами (одиночный – группа)[2], автора раскопок, источника информации (отчеты, архивные и фондовые материалы) и основных публикаций. Учитывались как целенаправленно раскопанные курганы, так и разрушенные курганы, информация о которых в той или иной степени сохранилась (остатки памятника исследовали специалисты; вещи попали в музеи или сохранилось описание погребальных конструкций). Естественно, что предлагаемая сво-

1 - Авторы очень признательны Л.Н. Кучугуре, уточнившей и дополнившей сведения об археологических раскопках в 1920-1930 гг. и материалах, хранящихся в фондах Мариупольского краеведческого музея, а также Д.П. Кр[illegible] за информацию по раскопкам курганов на территории Артемовского района.

2 - Если у одного населенного пункта в один и тот же год велись работы в разных местах и в разных курганных группах, то они чаще всего даны в таблице под отдельными порядковыми номерами.

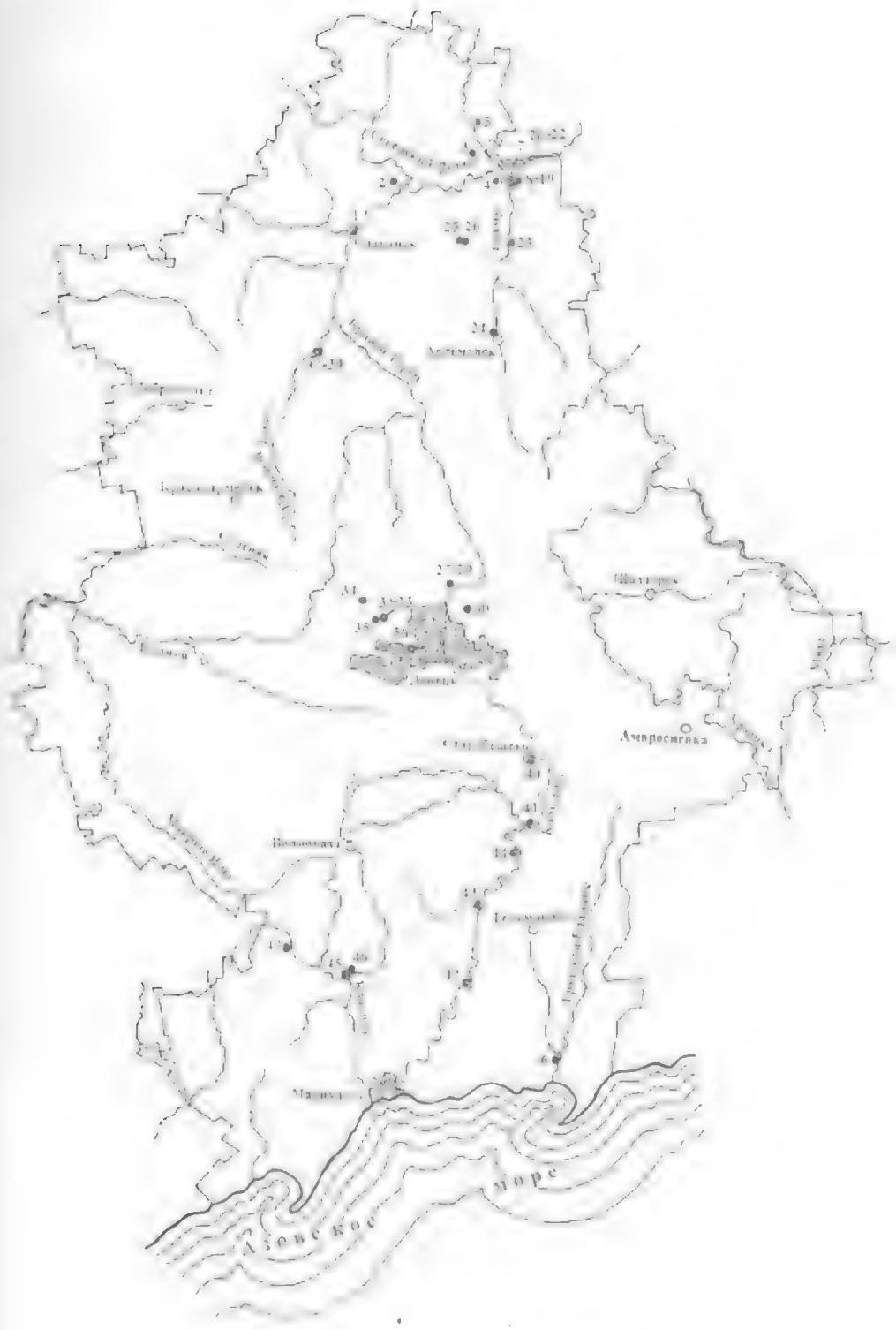


Рис. 1. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1901-1912 гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 1. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1901-1912.

неполная. Наверняка, оказались не учтенными еще какие-то раскопки или сведения о разрушенных курганах, остались не выверенными некоторые архивные материалы, далек от завершения перечень литературы. Данный свод можно было бы дополнить информацией о культурной атрибуции курганных комплексов, о месте хранения материалов раскопок, что значительно усилило бы его информативность. Предлагаемый свод – только первый шаг в обобщении курганных материалов. Он является частью общей базы данных по памятникам археологии, созданной в последние годы в отделе охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, где собраны сведения об около 8 тысячах курганов.

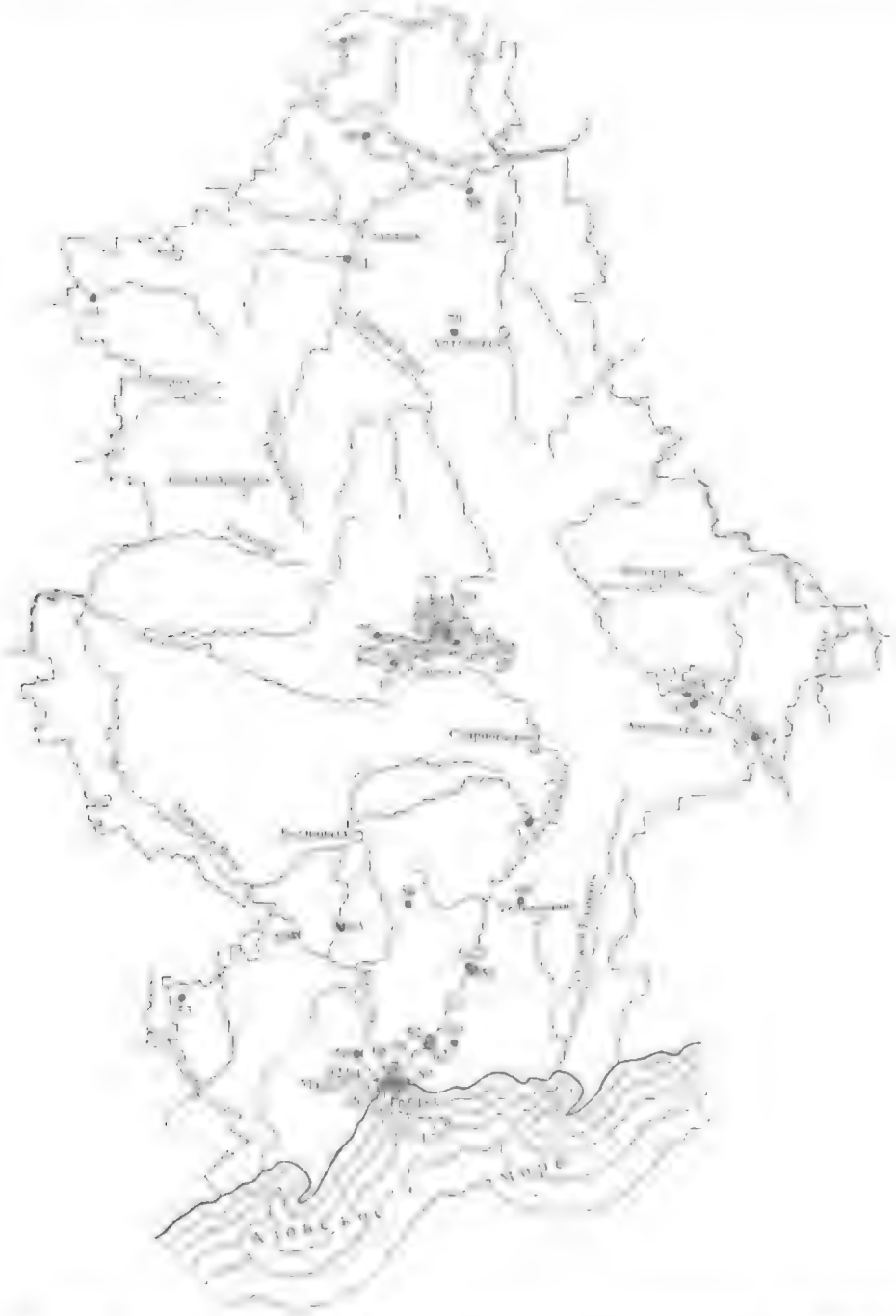


Рис. 2. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1925-1941 гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 2. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1925-1941.

№ п/п	Местонахождение, количество курганов	Автор раскопок	Источники
		1901	
1	с. Черевковка (Изюмский уезд Харьковская губ; ныне г.Славянск), курганы.	Городцов В.А.	Городцов, 1905; Абрамова, 1961, с.100; Братченко, 1976, рис.24,4.
2	с. Райгородок (Изюмский уезд Харьковская губ; ныне Славянский р-н), курган.	Городцов В.А.	Городцов, 1905.
3	с. Ямполь (Изюмский уезд Харьковская губ; ныне Краснолиманский р-н), кург. 1-2.	Городцов В.А.	Городцов, 1905, с. 247-248.
4	х. Черногоровский (Изюмский уезд Харьковская губ; ныне зап.часть г. Северск, Артемовский р-н), курганы.	Городцов В.А.	Городцов, 1905; Тереножкин, 1976, с.67-68; Граков, 1977, с.127; Вальчак, 1992, с.93-94.
5	с. Торское (Купянский уезд Харьковская губ., ныне Краснолиманский р-н), кург. 1-2.	Трифильев Е.П.	Трифильев, 1905, с.141-144.
		1902	
6	пос. Гусельщиково (Таганрогский округ Области Войска Донского; ныне с.Гусельщиково, Новоазовский р-н), кург.В (кург.А раскопан крестьянами в XIX в.).	Миллер А.А.	Миллер, 1902. Миллер, 1905, с.750-751.
7	с. Родионовка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне вост.часть г.Северск, Артемовский р-н), курган в селе.	Жученко (крестьянин)	Городцов, 1907, с.304-305.
		1903	
8	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.1-3 в группе из 5-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.286-289; Городцов, 1907а; Березанская, Гершкович, 1983, рис.3, 1, 10; Нечитайло, 1991, с.81.
9	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.4 в группе Подольские могилы из 8-и курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.289; Городцов, 1907а.

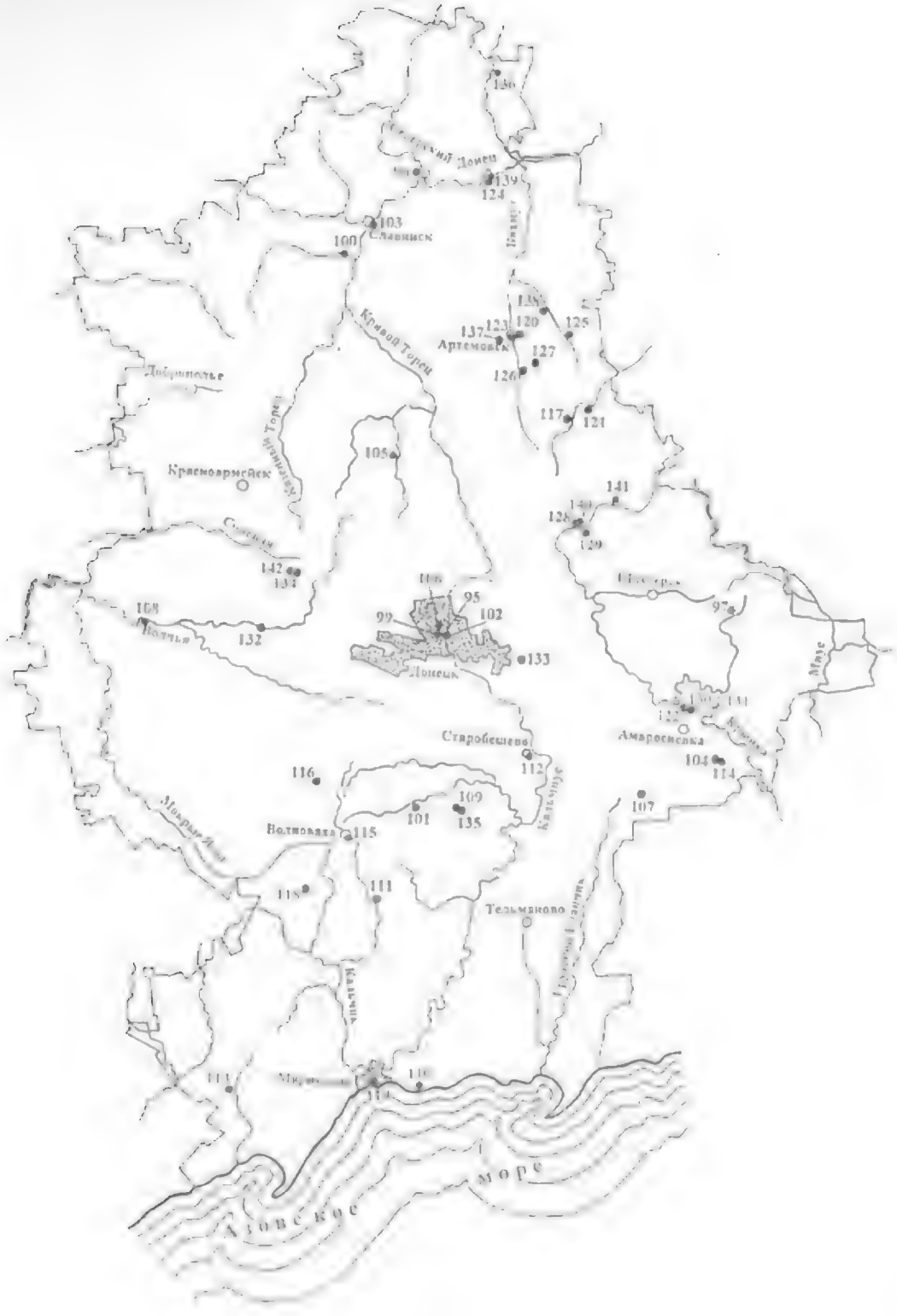


Рис. 3. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1950-1960-е гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 3. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1950-1960-th.

	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.5 (доисследован в саду).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.290; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.6 при слиянии Каменки и Бахмута.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53; ф.431, ед. хр.327, л.63. Городцов, 1907, с.290-291; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.7 в поле близ хутора.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53; ф.431, ед. хр.327, л.63. Городцов, 1907, с.291-293; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.8-10.	Городцов В.А	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.293-297; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.11 (доисследован) на хуторе.	Городцов В.А	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.297; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.12.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.297-298; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.13, 14 (доисследованы в разн. местах).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.297-298; Городцов, 1907а.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.15 (Галганка), на возвышенности.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.299-300; Городцов, 1907а; Усачук, 1986, с.22.
	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.16.	Городцов В.А., - Рухлов В.Н.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед.хр.53; ф.431, ед.хр. 327, л.105. Городцов, 1907, с.301; Городцов, 1907а.

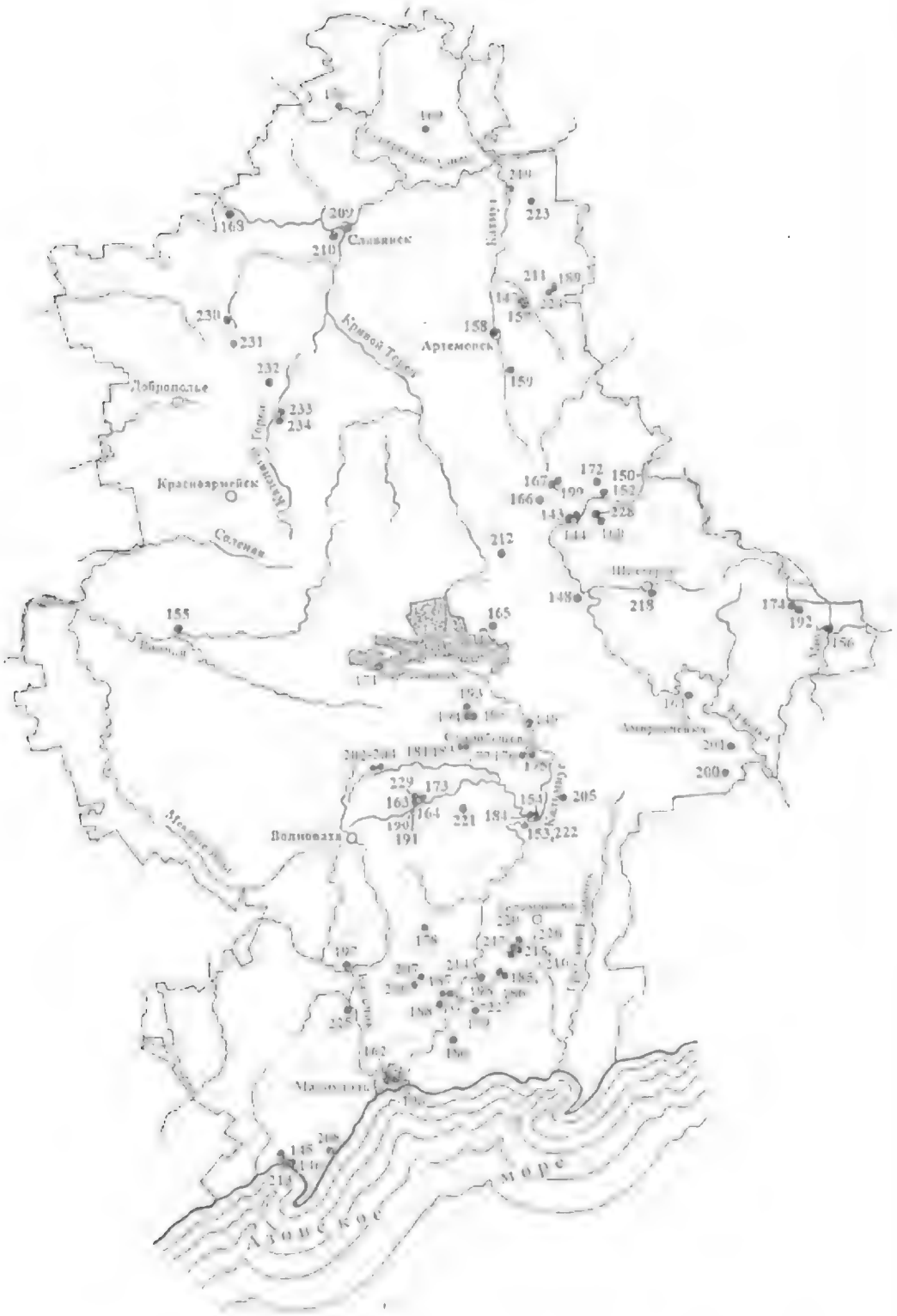


Рис. 4. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1970-е гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 4. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1970-th.

	х. Каменка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в вост.части г.Северск, Артемовский р-н), кург.17-20.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.301-303; Городцов, 1907а.
	д. Родионовка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне вост.часть г.Северск, Артемовский р-н), кург.1-2 группы Казенная Могила из 5-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.303-304; Городцов, 1907а.
	д. Родионовка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне вост. часть г.Северск, Артемовский р-н), кург.3 (доисследован после креет. раскопок 1902 г.), в селе.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.304-305; Городцов, 1907а.
	д. Родионовка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне вост.часть г.Северск, Артемовский р-н), кург. 4, 5.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53; ф.431, ед.хр. 327, л.82, 107 об. Городцов, 1907, с.305-307; Городцов, 1907а; Отрощенко, Формозов, 1988, с.161, рис.7,4.
	д. Переездная (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с. Переездное, Артемовский р-н), кург.1-4 в группе из 5-ти курганов (кург.5 разрушен).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53; ф.431, ед.хр. 327, л. 82-85, 90 об. Городцов, 1907, с.307-312; Городцов, 1907а; Формозов, 1953; Писларий, Филатов, 1972, с.85; Отрощенко, Формозов, 1988, с.147, 161, рис.7,1; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.25.
	ж/д ст. Ступки (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне г.Артемовек), кург.1-5 в группе из приблизительно 15-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.312-322; Городцов, 1907а: Березанская, Гершкович, 1983, рис.2,7: Усачук, 1986, с.22-23; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.22, 26.
	д.Новоалександровка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне часть с. Резниковка, Артемовский р-н), кург.1-2 у Круглого леса.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53; ф.431, ед. хр. 327, л.71 об. Городцов, 1907, с.322-323; Городцов, 1907а.
	д. Новоалександровка (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне часть с. Резниковка, Артемовский р-н), кург.3, 4 у Долгого оврага в группе из 10-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.323-325; Городцов, 1907а.

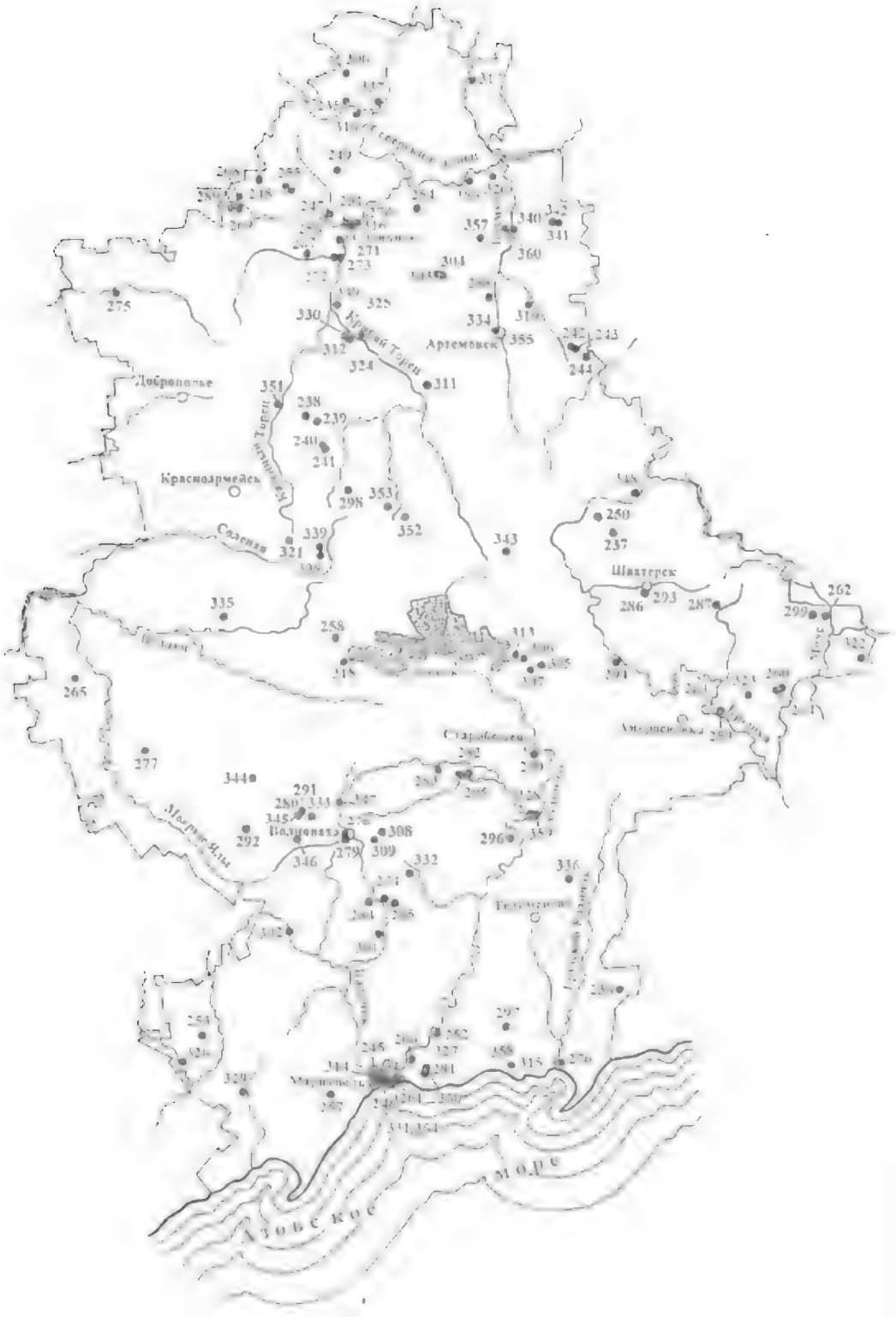


Рис. 5. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1980-е гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 5. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1980-th.

	х. Лагери (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с.Яковлевка, Ясиноватский р-н), кург.1 близ ст.Ясиноватая в группе из 5-ти курганов (2 исследованы в XIX в.).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед.хр.53; ф.431, ед.хр. 327, л.110. Городцов, 1907, с.325-326; Городцов, 1907а.
	х. Лагери (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с. Яковлевка, Ясиноватский р-н), кург. 2-3 группы Разсыпная Могила из 5-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.326-328; Городцов, 1907а.
	х. Лагери (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с. Яковлевка, Ясиноватский р-н), кург. 4-11 у Разсыпного леса.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53, л.81. Городцов, 1907, с.328-333; Городцов, 1907а; Усачук, 1986, с.22-23.
	д. Щеглова (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне в г.Макеевка), кург.12, 13/15, 14, 16 в группе из 12-ти курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.333-336; Городцов, 1907а.
	х. Пески (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с.Пески, Ясиноватский р-н), кург. 17-20 в группе из 4-х курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.336-340; Городцов, 1907а.
	х. Пески (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с.Пески, Ясиноватский р-н), кург. 21-23 в группе у конюшни.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.341-344; Городцов, 1907а.
	х. Пески (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне с.Пески, Ясиноватский р-н), кург. 24-25 в группе из 5-х курганов по дороге на х.Водяное.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.344; Городцов, 1907а.
	х. Марченки (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне часть с.Первомайское, Ясиноватский р-н), кург.26-28 в группе из 3-х курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.345-349; Городцов, 1907а; Отрощенко, 1974; Усачук, 1986, с.22-23; Гуркин, 1987, с.108, рис.1.
	гр. Рясные Могилы (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне Песковский с/с, Ясиноватский р-н), кург.29-31 в группе из 8-и курганов (раскапывалась Э.Ю. Петри в 1888 г.).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 53. Городцов, 1907, с.349-350; Городцов, 1907а

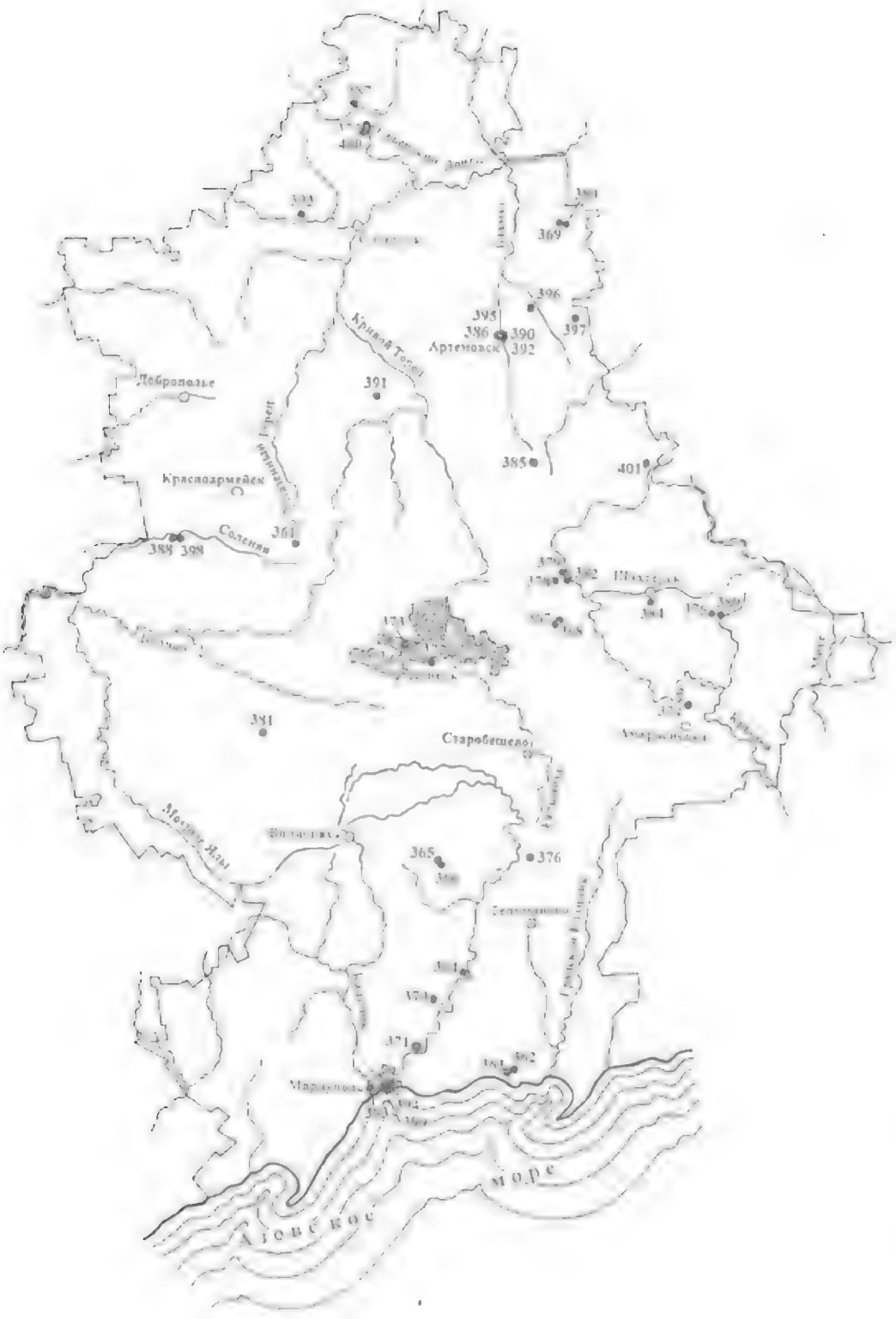


Рис. 6. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 1990-е гг. (номера пунктов на карте соответствуют номерам пунктов в таблице).

Fig. 6. The map of the distribution of the barrows which were investigated in 1990-th.

	ст. Рудничная (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне ст.Рутченково, г.Донецк), кург.32-34 в группе [illegible] из 8-и курганов.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф. 431, ед. хр. 53., л. 92 об.; ф. 431, ед. хр. 327, л.138 об. Городцов, 1907, с.350-351; Городцов, 1907а.
	с. Райское (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ; ныне Дружковский г/с), кург. 1 в 0,5 км к Ю.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф. 431, ед. хр. 53., л. 92 об.; ф. 431, ед. хр. 327, л.139 об. Городцов, 1907, с.351-352; Городцов, 1907а.
	с. Райское (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ.), кург.2 в 1,6 км к Ю (возле совр. с.Горское, Константиновский р-н).	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 327, л.140. Городцов, 1907, с.352-353; Городцов, 1907а.
	с. Райское (Бахмутский уезд, Екатеринославская губ., ныне Дружковский г/с), кург:3–4 у дороги ст.Дружковка – Софийск.	Городцов В.А.	ГИМ ОПИ, ф.431, ед. хр. 327. Городцов, 1907, с.353-355; Городцов, 1907а.
	с. Бешево (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне пгт Старобешево), курган.	Харламов В.А.	Харламов, 1908; Talgren, 1926, p.131; Кривцова-Гракова, 1955, с.114; Попова. 1955, с.36, 37, рис.2, 4-6; Шарафутдинова. 1980, с.66-67.
		1904	
	с. Каракуба (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с.Раздольное, Старобешевский р-н), курган.	Харламов В.А.	Харламов, 1908; Tallgren, 1926, p.131, 133, fig. 75, 1-3; Кривцова-Гракова, 1955, с.114; Попова. 1955, с.35-36, 37, рис.2,1-3.
	с. Чермалык (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне Тельмановский р-н), кург.1-6 в группе.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.
	с. Карань (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с. Гранитное, Тельмановский р-н), курганы.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.
	с. Ласпи (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с. Староласпа, Тельмановский р-н), курганы.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.
	с. Чердаклы (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с. Кременевка, Володарский р-н), кург. 1-6 в группе к В от села.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.

46	с. Чердаклы (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с. Кременевка, Володарский р-н), кург. 1-4 в группе к С от села.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.
47	с. Малый Янисоль (Мариупольский уезд Екатеринославской губ., ныне с.Малоянисоль, Володарский р-н), курганы.	Трифильев Е.П.	Трифильев,1907, с.366-368.
		1912	
48	На берегу Кальмиуса, курганы.	Харламов В.А.	Харламов, 1914; Плетнева, 1974, с.90-91.
		1925	
49	Мариупольский р-н, курган.	Пиневич П.М.	Піневич, 1929а. Кучугура, 2001, с.2.
		1927	
50	с. Чермалык (Тельмановский р-н), 3 (?) кургана в группе «Айеши-Оба».	Пиневич П.М.	Пиневич, 1927. Братченко, 1973; Константинеску, 1984, с.67; 1988, с.103; Санжаров, 1992, с.150, 153, рис.2,10.
51	с. Чермалык (Тельмановский р-н), 2 кургана в группе «Домбаевы Могилы».	Пиневич П.М.	Пиневич, 1927.
52	«Чермалык» (ныне Приморский с/с, Новоазовский р-н), кург.3 «Акрипова Могила» в группе «Вербовые Могилы».	Пиневич П.М.	Пиневич, 1927.
53	с. Темрюк (ныне с.Старченково, Володарский р-н), курган(ы).	Пиневич П.М.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Репрессоване краєзнавство, 1991, с.425.
54	г. Мариуполь, у с.Новоселовка, кург.5, 6, 7, 10 в группе.	Пиневич П.М.	Пиневич, 1927. Яценко, 1959, с.55; Черненко, 1970.
55	г. Мариуполь, у с.Новоселовка, кург.1 (одиночный).	Пиневич П.М.	Пиневич, 1927.
56	ст. Карань (Тельмановский р-н), разруш. курган.	Пиневич П.М.(?)	Фонды ДОКМ и Мариупольского краеведческого музея.
		1928	
57	г. Мариуполь, р-н завода им.Ильича, разрушенный курган.	Пиневич П.М.	Пиневич, 1928.
58	с. Старый Крым (Мариупольский р/с), курган.	Пиневич П.М.	Архив Мариупольского краеведческого музея.

[illegible]	с. [illegible]ый Янисоль (ныне [illegible]янисоль, Володарский р-н), курган.	Пиневич П.М.	Архив Мариупольского краеведческого музея.
1929			
[illegible]	г. Мариуполь, завод «А» (ныне ММК им.Ильича), курган.	Пиневич П.М.	Пiневич, 1929а; 1929б.
[illegible]	г. Мариуполь, завод «Б» (ныне ММК им.Ильича), курган.	Пиневич П.М.	Пiневич, 1929а; 1929б.
[illegible]	с. Сартана (Мариупольский г/с), кург.1-8.	Пиневич П.М.	Пiневич, 1929а; 1929б.
[illegible]	[illegible] «Поле Экзархово» (ныне с. Красновка [illegible]), [illegible]ский р-н), курган.	Пиневич П.М.	Пиневич, 1929в.
[illegible]	с. Петровка-Вторая (Александровский р-н), [illegible]р. из кургана.	Бутко Г.Н.	Архив ООПА ДОКМ. Список…, 1988, с.44.
1930			
[illegible]	г. Сталино (ныне г.Донецк), [illegible]ный завод, кург.1-4.	Макаренко Н.Е.	Макаренко, 1930; Фото-архив ДОКМ; Фонды Мариупольского краеведческого музея. Усачук, 1990, с.115; Косиков, 1999, с.274-276.
[illegible]	г. Мариуполь, [illegible] курган [illegible].	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Макаренко, 1933, с.5.
[illegible]	г. Мариуполь, р-н стадиона у з-да им Ильича, курган.	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Санжаров, 1992, с.149.
[illegible]	г. Мариуполь, стр-во аэродрома, курган.	Макаренко Н.Е.	Бiлодiд, 1989, с.129.
[illegible]	с. Ново-Марьевка (с.Новая Марьевка, Тельмановский р-н), курган.	Левицкий	Фото-архив ДОКМ.
1931			
[illegible]	г. Сталино (ныне г.Донецк), строящееся общежитие хим. ин-та, курган	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Усачук, 1991, с.46; 1993, с.46-47; Санжаров, 1992, с.148, 149, рис.1,3.
[illegible]	г. Мариуполь, Азовсталь, группа Б, кург.1-5	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея; Макаренко, 1931. Макаренко, 1933, с.6,122; Усачук, 1990, с.115-116; Санжаров, 1992, с.147, 148, рис.1,1-2.

72	г. Мариуполь, р-н аэродрома, доисследование разрушен. кургана в группе из более 30 курганов (остальные разрушены полностью).	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея и ДОКМ. Макаренко, ф.ВУАК, № 539. Білодід, 1989, с.129.
		1932	
73	пос. Гладковка (ныне Киевский р-н, г.Донецк), кург.1-3 в группе из более 11 насыпей.	Евсеев В.М.	Фото-архив и фонды ДОКМ. Усачук,1991, с.46-48; 1993, с.46-52.
74	с. Григорьевка (ныне Киевский р-н, г.Донецк), кург.2 и 3 в группе из 4 насыпей.	Евсеев В.М.	Фото-архив и фонды ДОКМ. Усачук, 1993, с.47-52.
75	с. Старая Михайловка (ныне пгт Старомихайловка, Марьинский р-н), курган.	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Латынин, 1967, с.27-28; Гершкович, 1988, с.132, рис.3,1.
76	г.Мариуполь, завод им.Ильича, курган у 2-го манежемана.	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Латынин, 1967, с.28; Санжаров, 1992, с.1
77	г. Мариуполь, за аэродромом, кург. «Д».	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Санжаров, 1992, с.149, 151, рис.2,5.
		1933	
78	г. Мариуполь, Азовстал., кург.1-6 в группе В из 7 курганов.	Макаренко Н.Е.	Фонды Мариупольского краеведческого музея; Макаренко, [1933]. Макаренко, 1933, с.6-7; Усачук, 1990, с.1
79	п.Часов Яр (Артемовский р-н), центральный рудник, разрушенный курган.	рабочие карьера	Архив А.Н.Усачука.
		1934	
80	г. Сталино (ныне г.Донецк), центральная городская больница, курган.	Евсеев В.М., Афендик Г.Г.	Фото-архив и фонды ДОКМ. Список..., 1988, с.43.
		1935	
81	п. Амвросиевка, кург. 5 около х. Цупко.	Евсеев В.М.	Архив ООПА ДОКМ. Усачук, 1994, с.97-104.
82	п. Амвросиевка, кург. 6 (в 1040 м к С от Амвросиевского костела).	Евсеев В.М.	Архив ООПА ДОКМ. Усачук, 1994, с.97-104.
83	п. Амвросиевка, кург. 7 (прав. берег б.Казенной, возле совхоза № 5).	Евсеев В.М.	Архив ООПА ДОКМ. Усачук, 1994, с.97-104.
84	с. Благодатное (Амвросиевский р-н), кург. 8 (вблизи х. Голопуповка).	Евсеев В.М.	Архив ООПА ДОКМ; Фонды Мариупольского краеведческого музея. Усачук, 1994, с.97-104.

	с. Калиновка (ныне с.Калиновое, Амвросиевский р-н), курган.	Евсеев В.М.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, с.5.
	1936		
	между сс. Сидорово и Маяки (Славянский р-н), кург. 1, 3-4 в группе из 4-х курганов.	Афендик Г.Г.	Архив и фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, с.7.
	с. Большая Каракуба (ныне с.Раздольное, Старобешевский р-н), курган.	Афендик Г.Г.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, с.6.
	с. Кривая Лука (Краснолиманский р-н), курган.	?	Фото-архив ДОКМ.
	1937		
	с. Рубцы (Краснолиманский р-н), доисследование разрушенного кургана.	Сибилев Н.В.	Сібільов, 1952; Отрощенко, Формозов, 1988, с.162, рис.7.2.
	пос. Путиловка (ныне Киевский р-н, г. Донецк), разрушенный курган.	Грейлих О.Е. (сотрудник музея)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, с.7.
	1938		
	г. Краматорск, курган.	Евсеев В.М.	Фото-архив и фонды ДОКМ. Попова, 1957, с.164; Шапошникова, 1971, с.22-26; Братченко, 1976, с.46, 237, рис.20,9; 22,4; 24,5; Кореневский, 1978, с.38, рис.4,23; Список…, 1988, с.69; Березанская, Кравец, 1989; Нечитайло, 1991, с.88; Кубышев, Нечитайло, 1991, с.14; Татаринов, 1993, с.12-14; Санжаров, 1996, с.233-234.
	1939		
	г. Мариуполь, завод им.Ильича, курган.	Евсеев В.М. (?)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, с.8.
	хут. Пикузы (ныне с.Коминтерново, Новоазовский р-н), стела из кургана.	Евсеев В.М.	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Швецов, 1980а.
	1941		
	г. Мариуполь, р-н аэродрома, скифская статуя из кургана.	Евсеев В.М.	Евсеев, [1952]. Мелюкова, 1952; Ольховский, Евдокимов, 1994, кат.83; Ольховский, 1999, с.242, рис.2,5.
	1951		
	г. Сталино, пос. Гладковка (ныне Киевский р-н, г.Донецк), кург.1-6.	Евсеев В.М.	Фото-архив и фонды ДОКМ. Евсеев, 1951, № 141; Усачук, 1993, с.51.

1953-1955			
96	с. Райгородок, карьер (Славянский р-н), разрушенный курган (осмотр места).	рабочие карьера	Фото-архив и фонды ДОКМ. Шаповалов. Телегін, 1971; Кондукторова, 1973, с.82; Санжаров, 1989, с.104, рис.5,2,6.
1954			
97	г. Чистяково (ныне г.Торез), шахта № 19, разрушенный курган (?).	Евсеев В.М., Якубенко Н.Н.	Фонды ДОКМ. Тахтай, 1999, с.160-169; Кравченко, Шамрай, 2000, с.70-82.
98	Кривой Торец (Константиновский р-н), разрушенный курган.	Шаповалов Т.А.	Архив ООПА ДОКМ.
1958			
99	ЦГСД (Центральная горноспасательная станция Донбасса; Киевский р-н, г. Донецк), разрушенный курган.	Шаповалов Т.А.	Шаповалов, 1958. Телегин, 1985, с.313.
Конец 1950-х			
100	с. Шабельковка (ныне пгт Шабельковка, Краматорский г/с), курган, разрушенный при стр-ве СШ № 32.	?	Килименко, 1998, с.6.
101	с. Новоигнатьевка (Волновахский р-н), разрушенный курган в группе из 3-х курганов.	Шаповалов Т.А.	Шаповалов, 1960; фонды ДОКМ. Археологічні пам'ятки, 1966, с.87; Список…, 1988, с.59.
1960			
102	г. Сталино (ныне г.Донецк), Пролетарский р-н, разрушенный курган (?).	Шаповалов Т.А.	Шаповалов, 1960. Список…, 1988, с.43.
103	пос. Черевковка (г. Славянск), разрушенный курган.	предметы приобретены Н.Р. Мильнером	Фонды ДОКМ, № а1572-а1574.
1961			
104	ст. Квашино (с.Лисичье, Амвросиевский р-н), кург.2 (разрушенная часть насыпи) и кург.4 в группе из 6-и курганов.	Шрамко Б.А.	Шрамко, 1961. Шрамко, 1962, с.249, рис.94; Смирнов, 1984, с.58, рис.23; Полин, Симоненко, 19: с.86-87.
105	с. Заря (Константиновский р-н), курган в группе из 6-и курганов.	Юрченко П.Ф. (учитель)	Архив ООПА ДОКМ.
106	г. Сталино, пос.Путиловка (ныне Киевский р-н, г.Донецк), доисследование разрушенного кургана (?).	Шаповалов Т.А.	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ.

		1962	
[illegible]	с. Новоивановка (Амвросиевский р-н), курган.	Колесников С.Г. (учитель)	Швецов, 1974; 1980, с.201; 1993, с.105.
[illegible]	с. Богатырь (Великоновоселковский р-н), разруш.курган в группе из 4-х курганов.	Налбатов Н.И. (местный житель)	Фонды ДОКМ. Список…, 1988, с.54.
		1963	
[illegible]	с-з «Авангард» (с. Петровское, Старобешевский р-н), разрушенный курган.	Шаповалов Т.А.	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ. Список…, 1988, с.89.
		1964	
[illegible]	с. Сопино (Новоазовский р-н), курган.	Слюсаренко М. (местный житель)	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ.
		1965	
[illegible]	Велико-Анадольский лесной техникум (пгт Комсомольский, Волновахский р-н), курган.	Лариков В.Н. (учитель)	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ.
[illegible]	п. Старобешево, кург. 1-2.	Шаповалов Т.А., Устенко В.Я.	Шаповалов, Устенко, 1965. Писларий, Филатов, 1972; Список…, 1988, с.90; Захарова, 2000, рис.33, 2-2а.
[illegible]	с. Камышеватое (Першотравневый р-н), разрушенный курган.	Местные жители	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Дубовская, 1997, с.205, рис.10.5; Кучугура, 2001, с.16.
		1966	
[illegible]	с. Лисичье (Амвросиевский р-н), кург. 1-2.	Устенко В.Я.	Устенко, 1967, с.58.
[illegible]	г. Волноваха, кург. 1-2	АЭ ДонГУ	Архив ООПА ДОКМ.
[illegible]	с. Благодатное (Волновахский р-н), разрушенный курган.	Сотрудники ДОКМ	Фонды ДОКМ. Список…, 1988, с.55.
		1967	
[illegible]	с. Новолуганское (Артемовский р-н), курган.	Шаповалов Т.А.	Шаповалов, Байдебура, 1968; Писларий, Филатов, 1972, с.106-107; Михлин, 1974; Виноградов, 1984; Санжаров, 1989, рис.5,5; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.37.
[illegible]	ст. Хлебодаровка (Волновахский р-н), кург.1.	Макура Г.С. (сот-к ДОКМ)	Фонды ДОКМ.
[illegible]	г. Мариуполь, пос. Первомайское, разрушенный курган.	Саенко Р.И. (сотрудница МКМ)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, приложение, с.21.

		1968	
120	уроч. Веселая Долина (в 3 км к В от г. Артемовска), курган.	Дригин В.В., Татаринов С.Н.	Татаринов, 1982; Тереножкин, 1976, с.38; Грязнов, 1978, с.17, 18; 1980, с.55, 58; Лесков, 1984, с.147; Дударев, 1989.
121	с. Луганское (Артемовский р-н), курган Стрижена Могила.	Шановалов Т.А.	Шановалов, 1971; Тереножкин, 1976, с.49; Лесков, 1984, с.147; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.34.
122	п. Новоамвросиевское (Амвросиевский р-н), разруш. погребение кург.3 в группе из 6-и курганов.	Привалова О.Я., Колесник Ан.В.	Фонды ДОКМ.
		1969	
123	г. Артемовск, курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1969.
124	с. Дроновка (Артемовский р-н), разрушенный курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1970. Татаринов, 1981, с.251-253; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.31; Отрощенко, Формозов, 1988, с.162-163, рис.6,1.
125	с. Клиновое (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н., Дригин В.В., Пляшечник В.А.	Татаринов, 1993а, с.7; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.12, 25.
126	с. Отрадовка (Артемовский р-н), котел в насыпи кургана.	Татаринов С.Н., Дригин В.В., Пляшечник В.А.	Татаринов, 1993а, с.7; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.12.
127	у Зайцевского переезда (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н., Дригин В.В., Пляшечник В.А.	Татаринов, 1993а, с.7; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.12.
128	с. Авиловка (Енакиевский г/с), кург. I-V в группе из 6-ти курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1969. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.4-10; Клименко, Цимбал, 2000, с.21-23.
129	с. Новожлановка (Енакиевский г/с), кург. I в группе из 4-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1969. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.4.
130	п. Новоамвросиевское (Амвросиевский р-н), кург.1-2.	Шановалов Т.А.	Шановалов, Колесник, [1969]. Шановалов, Колесник, 1972; Литвиненко 1996, рис.1,4.
131	п. Новоамвросиевское (Амвросиевский р-н), скифское изваяние с кург.1 гр. «Смалькив бугор».	Шановалов Т.А.	Шановалов, Колесник, [1969]. Евдокимов, 1975, с.21; Ольховский, Евдокимов, 1994, с.28, кат.82; Список…, 198 с.32, рис.15,16; Косиков, 1996, с.63, рис.7 Ольховский, 1999, с.242, рис.2,4.
132	г. Курахово, кург. 1, 3 (начало раскопок) в группе из 3-х курганов.	Стороженко С.К.	Стороженко, 1971. Стороженко, 1971а, с.297; Швецов, 1980 с.201.
133	пос. Маяк (Макеевский г/с), разрушенный курган.	Стороженко С.К.	Стороженко, Кірієнко, 1972; Швецов, 19 с.201; Список…, 1988, с.75-76.
		1960-е	
134	г. Украинск (Селидовский г/с), курган.	?	Фонды археологического музея ДонГУ Архив ООПА ДОКМ. Список…. 1988, с.80.

	с. Петровское (Старобешевский р-н), курган.	?	Археологічні пам'ятки УРСР (короткий список). К., 1966, с.90.
	с. Терны (Краснолиманский р-н), курган.	?	Список…, 1988, с.74; Санжаров, 1988, с.152, рис.8,2,3.
	с. Красное (Артемовский р-н), половецкие изваяния из кургана «Баба».	местные жители	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ и Артемовского краеведческого музея.
		1970	
	с. Покровское (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1970. Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.32
	с. Дроновка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1993а; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.39.
	с. Авиловка. (Енакиевский г/с), кург. VII, VIII (частично) в группе из 2-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1970. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.10-29; Клименко, Цымбал, 2000, с.21-23.
	пгт Ольховатка (Енакиевский г/с), кург. I-IV в группе из 9-и курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1970. Клименко, 1972; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.10-29.
	г. Курахово, кург. 2 (окончание раскопок после 1969 г.).	Стороженко С.Н.	Стороженко, 1971 Стороженко, 1971а, с.297.
		1971	
	с. Авиловка (Енакиевский г/с), курган VIII (окончание).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1971. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.29-30.
	пос. Криничка (г.Енакиево), кург. II (поврежденный водопроводом) в группе из 3-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1971. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.66-71; Клименко, Цымбал, 2001, с.65-70.
	пгт Ялта (Першотравневый р-н), кург.1 (у фермы).	Михлин Б.Ю.	Михлин, 1971. Михлин, 1972, с.321.
	пгт Ялта (Першотравневый р-н), кург.1-2 (у Ялтинской развилки шоссе Урзуф - Мангуш).	Михлин Б.Ю.	Михлин, 1971. Михлин, 1972, с.321; Геркович, 1982, с.17.
	с. Покровское (Артемовский р-н), курганы.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1971-72.
	г. Харцызск – пос. Ханженково (г. Макеевка), разрушенное погребение в кургане группы «Горила (Горихова) Могила».	Шикула Ф.И. (строитель)	Архив ООПА ДОКМ, фонды Харцызского краеведческого музея. Санжаров, 1988, с.334; Горбов, 1993, с.39; Литвиненко, 1999.

1972			
149	с. Александровка (Старобешевский р-н), кург. 1 в группе из 3 курганов.	Привалова О.Я.	Привалова, 1972. Привалова, 1973, с.325; 1978; Нечитайло, 1984, с.133; 1991, с.26; Санжаров, 1997, рис.3, 8,13.
150	шт. Ольховатка (Енакиевский г/с), кург. IX в группе 1 из 9 курганов (продолжение после 1970 г.).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1972. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.47-66; Телегин, 1985, с.313.
151	Шт. Ольховатка (Енакиевский г/с), кург. II-IV в группе 2 из 4 курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1972. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.47-66.
152	шт. Ольховатка (Енакиевский г/с), кург. I, II в группе 3 из 2 курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1972. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.47-66.
153	с. Васильевка (Старобешевский р-н), кург. 1 (частично), кург. 2.	Михлин Б.Ю., Швецов М.Л.	Михлин, Швецов, 1972. Михлин, 1973; 1979; Тереножкин, 1976, с.37; Константинеску, 1987; Швецов, 1996, с.105-107; Санжаров, 1999, рис.3,2; Литвиненко, 1999а, с.15, рис.13.
154	с. Раздольное (Старобешевский р-н), разрушенный курган.	Михлин Б.Ю., Швецов М.Л.	Михлин, Швецов, 1972.
155	с. Андреевка (Великоновосельский р-н), кург. 1-3 в группе из 7-ми курганов.	Привалов А.И.	Привалов, 1973; Березанская, 1986, рис.8, 1.
156	с. Дмитровка (Шахтерский р-н), разрушенный курган.	Привалова О.Я.	Санжаров, Привалова, 1987, с.209-211.
157	с. Покровское (Артемовский р-н), курган (раскопано полкургана).	Татаринов С.И.	Татаринов, Дмитриев, 1989.
158	г. Артемовск, кург. 1 (поле подсобного х-ва ПТУ № 7).	Татаринов С.И.	Татаринов, 1971-1972. Татаринов, 1979, с.265; 1981, с.250-251; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.31; Отрошенко, Формозов, 1968, с.163-164, рис.6,3; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.32, 33, 38, 39.
159	с. Николаевка (Кодемский с/с, Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.И.	Татаринов, 1971-1972. Татаринов, 1993а, с.7.
1973			
160	пос. Дружное (г.Енакиево), кург.I-III в группе из 3-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.71-72; Клименко, Цымбал, 2001, с.65-70.
161	шт. Новоамвросиевское (Амвросиевский р-н), кург.1-3 в группе «Смальки бугор» из 7-и курганов.	Шаповалов Т.А.	Моруженко, 1973. Шаповалов, Колесник, 1973, с.69; Гершкович, 1980, с.132, рис.3, 3-4; Косиков, 1986.

62	г. Мариуполь, база «Ждановплодовощ», разрушенный курган.	Саенко Р.И. (сотрудница МКМ)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кучугура, 2001, приложение, с.21.
	1974		
63	с. Николаевка (Волновахский р-н), кург.1 (в 150 м к СЗ от Николаевского поселения).	Привалова О.Я.	Привалова, 1974.
64	с. Николаевка (Волновахский р-н) разрушенный курган (?) у поселения.	Привалова О.Я.	Привалова, 1974.
65	г. Макеевка, возле шахты им.Бажанова, кург. 1-4 (кург.4 исследован наполовину).	Даниленко В.Н., Гершкович Я.П.	Даниленко, Гершкович, Гусар, 1974. Гершкович, Шепель, 1987.
66	пос. Берестовое (г. Енакиево), кург. I.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1974. Клименко, Цымбал, 1975, с.291; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.72-83.
67	г. Углегорск (Енакиевский г/с), кург. I.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1974. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.83-89; Клименко, Цымбал, 1975, с.291; 1991; Полідович, Цимідданов, 1995, с.53.
68	с. Майдан (Славянский р-н), разрушенный курган.	Моруженко А.А.	Моруженко, 1974. Моруженко, 1975.
69	пос. Ставки (Краснолиманский г/с), разрушенный курган.	Татаринов С.Н.	Архив ООПА ДОКМ.
70	«Славяногорск» (Маяцкий с/с, Славянский р-н), разруш. погребение кург.3 в группе из 4-х курганов на горе Артема.	Кравченко Э.Е., Шамрай А.В.	Фонды Славянского краеведческого музея.
	1975		
71	МКР Текстильщик (г.Донецк), кург. 1-6 в группе из 7-ми курганов.	Даниленко В.Н., Швецов М.Л., Гершкович Я.П.	Швецов, 1979; Березанская, Косарева, 1982, с.13, рис.4,3; Березанская, Гершкович, 1983, с.107; Гершкович, 1986, с.133; Кузьмина, 1987, с.62; Константинеску, 1988, с.103; Санжаров, 1989, с.1989; Гершкович, Сердюкова, 1991; Евглевский, Потемкина, 1996; Литвиненко, 1999, с.15, 16; Санжаров, 2001, с.71, 85, 119.
72	пгт Булавинское (Енакиевский г/с), кург. I в группе из 3-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1975. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.89-95.
73	с. Николаевка (Волновахский р-н), кург.1-8.	Привалова О.Я.	Привалова, Привалов, 1975. Привалова, 1976, с.380; Привалова, 1999; Привалов, Литвиненко, 1996, с.76-78; Березанская, 1987, с.30-31; Матвеев, Сафонов, 1997, с.116-117; Литвиненко, 2000б, рис.3,1-7.

174	с. Никифорово (Шахтерский р-н), кург.1-6.	Привалова О.Я.	Привалова, Привалов, 1975. Смирнов, 1984, с.26-27, рис.6; Привалова. Привалов, 1993.
175	к-з «Заветы Ильича» (пгт Старобешево), кург.1-2.	Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л.	Зарайская, Стороженко, Швецов, 1976: Список…, 1988, с.90.
176	к-з им. Кирова (пгт Старобешево), кург.1-3.	Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л.	Зарайская, Стороженко, Швецов, 1976; Список…, 1988, с.90.
177	с. Песчаное (Старобешевский р-н), курган.	Писларий И.А.	Писларий, Братченко, Кротова и др., 1975.
		1976	
178	с. Новоселовка (Тельмановский р-н), кург.1-6.	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская и др., 1976. Братченко и др., 1977, с.272-273; Константинеску, 1988, с.92-95, 97; Швецов, 1979, с.203-205; Санжаров, 2001, с.45, 52.
179	«Октябрьское» (с.Октябрь Новоазовский р-н) , кург.1-6 (в двух подгруппах).	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская и др., 1976 Братченко и др., 1977, с.272; Гершкович, 1982, с.17-18; Константинеску, 1988, с.97; Кузьмина, 1987, с.62; Швецов, 1980, с.201.
180	с. Коминтерново (Новоазовский р-н), кург. 1-4 в разных группах.	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская и др., 1976 Братченко и др., 1977, с.272; Санжаров, 1999, рис.8, 11-13, 18, 19; 10, 11.
181	с. Песчаное (Старобешевский р-н), кург.1-2 в группе из 3-х курганов.	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская, 1976. Братченко и др., 1977, с.272; Братченко, 1997, с.116-126.
182	с. Песчаное (Старобешевский р-н), кург.3 (одиночный).	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская, 1976. Братченко и др., 1977, с.272; Братченко, 1997, с.116-126.
183	с. Песчаное (Старобешевский р-н), кург.1-4 (1,5 км к ЮЗ от кург.2).	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская, 1976. Братченко и др., 1977, с.272; Братченко, 1997, с.116-126.
184	с. Раздольное (Старобешевский р-н), кург.1-2 в группе из 3-х курганов.	Братченко С.Н.	Братченко, Писларий, Зарайская, 1976. Братченко, 1997.
185	с. Приморское (Новоазовский р-н), кург.1-2 в группе «Приморское-I» из 3-х курганов.	Беляев А.С.	Беляев, Рудаков, Збенович, Кротова, Швецов, 1976.
186	с. Приморское (Новоазовский р-н), кург.1-6 в группе «Приморское-II» из 8-и курганов.	Беляев А.С.	Беляев, Рудаков, Збенович, Кротова, Швецов, 1976. Дубовская, 1990, с.184.
187	с. Орловское (Тельмановский р-н), кург.1, 3 (в 1,5 км к Ю от села).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1976. Клименко,1977; 1998, с.11-19, 35.

	с. Орловское (Тельмановский р-н), кург. 2 (в 6,0 км к ЮО от села).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1976. Клименко,1977; 1998, с.19-35.
	пос. Карфаген (пос. Владимировка, Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.И.	Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.31; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.38.
	с. Николаевка (Волновахский р-н), кург.1-2 в группе «Малый Кут» из 5-ти курганов.	Привалова О.Я.	Привалова, Зарайская, Привалов, 1976. Привалова, Привалов, Зарайская, Хомутов, 1978; Березанская, 1987, с.30-31; Кузьмина, 1987, с.62; Привалова, 2001; 2004 (наст. сб.).
	с. Николаевка (Волновахский р-н), кург.1-2 (возле поселения).	Привалова О.Я.	Привалова, Зарайская, Привалов, 1976. Привалова, 2004 (наст. сб.).
	с. Никофорово (Шахтерский р-н), разрушенный курган.	Привалова О.Я.	Привалова, Зарайская, Привалов, 1976. Привалова, Привалов, 1977, с.356; Швецов, 1980, с.201; Евглевский, Потемкина, 1996.
	с. Обильное (Старобешевский р-н), кург.1-2.	Косиков В.А.	Косиков, 1976. Косиков, 1977, с.310-311.
	с. Каменка (Старобешевский р-н), кург.1-2 в группе I.	Косиков В.А.	Косиков, 1976. Косиков, 1977, с.310-311; Косиков, Гриб, 1985.
	с. Каменка (Старобешевский р-н), кург.1-5 в группе II.	Косиков В.А.	Косиков, 1976. Косиков, 1977, с.310-311; Санжаров, 1997, с.60-61, рис.2,4; Санжаров, 2001, с.101.
		1977	
	пос. Волонтеровка (г.Мариуполь), кург.1-3 (кург.2 разрушен газопроводом).	Братченко С.Н., Кротова А.А.	Братченко, Кротова, Швецов и др., 1977. Братченко, Гершкович, Константинеску и др., 1979, с.308-309; Константинеску, 1979, с.30-31; 1984, с.64-65; 1988, с.101-103.
	с. Кременевка (Володарский р-н), кург.1-8 в группе из более 15 курганов.	Братченко С.Н.	Братченко, Кротова, Швецов и др., 1977. Братченко, Гершкович, Константинеску и др., 1979, с.308-309; Константинеску, 1979, с.30-31; 1984, с.61-64; 1988, с.97-101; Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.67-71; Гошко, Отрощенко, 1986, с.179; Дубовская, 1990, с.184, рис.2,1-2; 1997, рис.4,23; Санжаров, 1999, рис.3, 3; 8, 17; Шепко, Швецов, 1998, с.118.
	с. Приморское (Новоазовский р-н), курган «Двугорбая Могила».	Привалова О.Я.	Привалова, Зарайская, Привалов, 1977. Привалов, Привалова, Зарайская, 1979; Привалова, Зарайская, Привалов, 1982; Швецов, 1980, с.201; Брашинский, 1984, с136; Ольховский, Евдокимов, 1994, с.28-29; Монахов, 1999, с.162-163, табл.55.
	г. Углегорск (Енакиевский г/с), кург.II (разрушенный)	Клименко В.Ф.	Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.89.
		1978	
	с. Петропавловка (Амвросиевский р-н), кург.1-2.	Братченко С.Н.	Братченко, Гершкович, Константинеску и др., 1978. Захарова, 2000, рис.31, 2.

201	с. Лисичье (Азовский р-н), кург. 1.	Братченко С.Н.	Братченко, Гершкович, Константинеску и др., 1978. Литвиненко, 1992, рис.2, 3; Захарова, 2000, рис.31, 4.
202	пгт Новотроицкое (Волновахский р-н), кург.3 и 5 в группе 1 из 6-ти курганов.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко и др., 1979.
203	пгт Новотроицкое (Волновахский р-н), кург.1-4 в группе 2.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко и др., 1979; Шепко, 1979; Гершкович, 1986, с.136; Литвиненко, 1999а, рис.7-8; Санжаров, 1999, рис.2, 4-5.
204	пгт Новотроицкое (Волновахский р-н), кург.1-4 в группе 3.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко, Привалов, Андриенко и др., 1979; Санжаров, 1999, рис.5, 4-6.
205	с. Новозарьевка (Старобешевский р-н), кург.1, 2, 4 в группе из 4-х курганов.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко, Привалов, Андриенко и др., 1979; Литвиненко, 2000б, рис.3, 8-9.
206	с. Приокраинное (Володарский р-н), кург.1-3 в группе из 4-х курганов.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко, Привалов, Андриенко и др., 1979; Санжаров, 1999, рис.4, 3; Литвиненко, 2000б, рис.11, 4-7.
207	с. Водяное (Володарский р-н), кург.1-2 в группе.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко, Привалов, Андриенко и др., 1979.
208	с. Портовское (Первомайский р-н), кург.1-3 в группе.	Привалов А.И.	Привалов, Андриенко, Моруженко, 1978. Моруженко, Привалов, Андриенко и др., 1979, с.376.
209	пос. Артема (г.Славянск), кург.1 (исследован разрушенный).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1997, с.31-37.
210	с. Андреевка (Славянский р-н), курган на горе Карачун.	Клименко В.Ф.	Клименко, Цымбал, 1991, с.21.
211	с. Владимировка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.И.	Татаринов, 1993а, с.8; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Феляев, 2001, с.38.
212	пгт Пантелеймоновка (Горловский г/с), погр.1 в кургане «Беева Могила».	Цыганенко В.А. (краевед)	Полидович, 1990. Полидович, 1993, с.89-91.
		1979	
213	с. Огородное, к-з им.Мичурина (пгт Ялта, Первомайский р-н), кург.1-4.	Зарайская Н.П., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310-311; Евтеевский, 1992, с.112, рис.4, 1-4; Посредников, Зарайская, 1993.
214	с. Набережное (Новоазовский р-н), кург. 1 (одиночный).	Зарайская Н.П.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310; Санжаров, 1989, с.104-106, 1999, рис.5,1-2; 6,7, 9,10-11, 10; Дубовская, 1990, с.184; 1997, рис.9,9.

с. Запорожец (Тельмановский р-н), кург.1 (единичный).	Зарайская Н.П., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310; Литвиненко, Зарайская, 2004 (наст. сб.).
с. Запорожец (Тельмановский р-н), кург. 2-3 (группа).	Зарайская Н.П., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310; Литвиненко, Посредников, Гриб, 1992; Литвиненко, 1996, рис.1, 9, 17.
с. Хорошо (Тельмановский р-н), кург.1	Зарайская Н.П.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310.
г. Шахтерск, кург.1 в группе «Рясные Могилы» из 24-х курганов (начало раскопок).	Привалов А.Н.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.311; Литвиненко, 1992, рис.5,3; 2000б, рис.2,1-5.
г. Северск (Артемовский р-н), разрушенный курган.	Привалов А.Н.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.311; Санжаров, 1983; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.23.
с. Петровское (Тельмановский р-н), кург.1 в группе из 9-ти курганов (начало раскопок).	Зарайская Н.П.	Моруженко, Посредников, Зарайская, Привалов, 1979. Моруженко, 1980, с.310; Винтородская, Санжаров, 1991, с.230; Посредников, Кравец, 1992, с.53; Евтеевский, Потемкина, 1996.
с. Петровское (Старобешевский р-н), кург.2-7 в группе из 8-и курганов.	Привалова О.Я.	Привалова, Привалов, Санжаров, 1979. Привалова, Привалов, 2002; Дубовская, 1990, с.184, рис.2,3-4, 1997, рис.9,4, Привалова, Мишенкова, 1998, с.59-70; Санжарова, 1997, рис.1,2; 2,1-3; 3,9-11; 2001, с.100-101.
с. Васильевка (Старобешевский р-н), кург.1 (окончание раскопок 1972 г.).	Швецов М.Л.	Швецов, Михлин, 1979.
с-з им. Кирова (с. Кирова, Артемовский р-н), кург.1-3.	Татаринов С.И.	Татаринов, 1980, с.344-345.
с. Владимировка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.И.	Татаринов, 1993а, с.8; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.31; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.38.
1980		
с. Шевченко (Володарский р-н), кург. 1-20 в группах I-III.	Зарайская Н.П., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, Гриб, 1980. Посредников, 1981, с.303-304; Зарайская, 1986; 1992; Зарайская, Привалов, 1987; 1992; Санжаров, 1988, с.152; 1989, с.104; 1991, с.250-251; 1999, рис.3,1; 9,3,8; 10.5-6; Шепко, 1987; Шепко, Швецов, 1998; Усачук, 1999, с.78, 79, рис.4; Захарова, 2000, рис.32,2.

226	с. Петровское (Гельмановский р-н), кург.2-3 в группе из 9-ти курганов (продолжение раскопок).	Привалов А.Н., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, Гриб, 1980.
227	с. Орловское (Гельмановский р-н), кург.1.	Привалов А.Н.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, Гриб, 1980. Санжаров 1999, рис.8,2.
228	г. Юнокоммунаровск (Енакиевский г/с), кург.1 (разрушенный) в группе из 4-х курганов.	Клименко Ю.Ф.	Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.95-96.
229	с. Николаевка (Волновахский р-н), кург. 2-4 в группе «Баба» из 5-ти курганов.	Привалова О.Я.	Привалова, Привалов, 1980. Привалов, 2001; Литвиненко, 1992, с.32, 35, рис.1,3; 4,2.
230	с. Новоявленка (Александровский р-н), кург.1-3.	АЭ КГУ	Бондарь, Антоненко, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1980.
231	с. Лидино (Добропольский р-н), курган.	АЭ КГУ	Бондарь, Антоненко, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1980.
232	с. Кучеров Яр (Добропольский р-н), кург.1-2.	АЭ КГУ	Бондарь, Антоненко, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1980.
233	с. Октябрьское (Добропольский р-н), кург.1-2.	АЭ КГУ	Бондарь, Антоненко, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1980.
234	с. Владимировка (Добропольский р-н), кург.1-3.	АЭ КГУ	Бондарь, Антоненко, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1980.
		1981	
235	«Славяногорец» (Маяцкий с/с, Славянский р-н) кург.1 в группе из 4-х курганов на горе Артема.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Братченко, 1981. Санжаров, Литвиненко, 1992, с.101-115.
236	с. Самойлово (Новоазовский р-н), курганы 1-3.	Швецов М.Л.	Швецов, 1981. Швецов, 1983; Елкина, 1989; Евглевский, Потемкина, 1996; Швецов, 2004 (наст. сб.)
237	с. Маломорское (Шахтерский р-н), разрушенный курган.	Привалова О.Я.	Привалова, 1983, с.310.
238	х. Петровский (Добропольский р-н), курган.	АЭ КГУ	Антоненко, Бондарь, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1981.
239	с. Попов Яр (Константиновский р-н), кург.1-6.	АЭ КГУ	Антоненко, Бондарь, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1981. Антоненко, 1991, с.156.
240	с. Новая Полтавка (Константиновский р-н), кург.1-5.	АЭ КГУ	Антоненко, Бондарь, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1981.
241	с. Новая Полтавка (Константиновский р-н), одиночный курган.	АЭ КГУ	Антоненко, Бондарь, Василиенко, Пиоро, Самойленко, 1981.

1982		
с. Возрождение (Артемовский р-н, ст.Роты), кург.1, в группе 1.	НАЭ ДонГУ	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982.
с. Возрождение (Артемовский р-н, ст.Роты), кург.1 и 2 (раскопан наполовину) в группе II из 3-х курганов.	Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; Литвиненко, 1988, с.22-24; Литвиненко, 1993; Клочко, Кравец, 1991, с.115-116; Татаринов, Кравец, Конык, 1996, с.27, 31; Захарова, 2000, рис.53,1; 54,1; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.37-39.
с. Криничное (Артемовский р-н), кург.1 в группе из 5-ти курганов.	Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; Методические рекомендации, 1990.
с-з «Зирка» (Мариупольский г/с), кург.1 в группе из 2-х курганов (кург.2 распахан).	Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; 1993.
пос. Каменек (с-з «Зирка», Мариупольский г/с), кург.1-2.	Зарайская Н.П., Привалов В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; Санжаров, 1986, с.20-22; Санжаров, Привалов, 1992, с.105-110; Вангородская, Санжаров, 1991, с.231, рис.7,5; Зарайская, 1986, с.43; Методические рекомендации, 1990, рис.14; 26,б.
м-к «Степной» (пгт Бугас, Славянский р-н), кург.1-2 в группе из 5-ти курганов.	Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; Евглевский, 1992, с.110, рис.2, 9-12; Санжаров, 1993, с.24-25; Вангородская, Санжаров, 1991, с.230; Методические рекомендации, 1990; Посредников, Кравец, 1992, с.53, рис.1, 4-5; Посредников, Привалов, Зарайская, 1996, с.109-129.
с. Шнурки (Славянский р-н), кург.1-4 в группе из 5-ти курганов.	Зарайская Н.П., Посредников В.А.	Моруженко, Посредников, Привалов, Зарайская, 1982. Посредников, 1984, с.319; Посредников, Привалов, Зарайская, 1996, с.129-151.
с. Хрестище (Славянский р-н), кург.1-3.	Привалов А.И.	Архив Р.А. Литвиненко. Захарова, 2000, рис.15,4.
г. Юнокоммунаровск (Енакиевский г/с), кург. II-IV (продолжение с 1980г.).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1984, с.268; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.96-101; Клименко, Цымбал, 2001, с.65-70.
г. Славянск, разруш. погребения в кургане «Гостра Могила».	Давыденко В.В., Кравченко Э.Е., Шамрай А.В.	Фонды Славянского краеведческого музея.
с. Талаковка (Новоазовский р-н), разрушенный курган.	Дудко А.И. (краевед)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Кунгура, 2001, приложение, с.29.

253	с. Зеленый Яр (Володарский р-н), разрушенный курган	Дудко А.И. (краевед)	Фонды Мариупольского краеведческого музея. Список ..., 1988, с.62.
		1983	
254	с. Николаевка (Славянский р-н), кург. 1-3	Зарайская Н.П., Санжаров С.Н.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983. Санжаров, 1988, с.144-148, 1989, с.104, Вангородская, Санжаров, 1991, с.214-234, Потемкина, 1993, с.93-96, Евглевский, Потемкина, 1996.
255	с. Новониколаевка (Славянский р-н), кург.1 в группе I из 3-х курганов и кург. 1-3 в группе II из 10 курганов.	Зарайская Н.П.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983. Кравец, 1992а, с.29, Евглевский, 1992, с.10[illegible] рис.1.1-8; Евглевский, Потемкина, 1996, Санжаров, 1989, с.97-100, 102; Санжаров, 1996а; Захарова, 2000, рис.47.7, 48.7.
256	м-к Степной (Славянский р-н), кург.3 (продолжение работ) в группе из 5-ти курганов.	Зарайская Н.П., Санжаров С.Н.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983. Посредников, 1984, с.319, Евглевский, 199[illegible] с.110, рис.2.9-12, Санжаров, 1993, с.24-2[illegible] Вангородская, Санжаров, 1991, с.230. Методические рекомендации, 1990, Посредников, Кравец, 1992, с.53, рис.1.4-5, Посредников, Привалов, Зарайская, 1996, с.109-12[illegible]
257	м-к Шевчены (с.Шевченко, Першотравневый р-н), кург.1-2	Санжаров С.Н.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983.
258	м-к «Острый» (г.Красногорова, Марьинский р-н) кург.1-2 в группе из 3-х курганов	Зарайская Н.П.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983.
259	С. Белокровка (Амвросиевский р-н), кург.1-2 в группе из 8-и курганов (начало работ)	Зарайская Н.П.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983.
260	с. Семеновское (Амвросиевский р-н), кург. 1 (начало работ) в группе из 5-и курганов	Посредников В.А.	Моруженко, Зарайская, Санжаров, Посредников, Косиков, 1983. Кравец, Посредников, 1989, Методические рекомендации, 1990, рис.22, 23
		1984	
261	«Виноградники» (г. Мариуполь, р-н автотрассы ДОСААФ), кург. 1 в группе курганов	Кульбака В.К.	Кульбака, 1984. Кульбака, Качур, 1998, с.3-16
262	с. Чугуно-Крепинка (Шахтерский р-н), кург.1-4 в группе из 9-и курганов.	Санжаров С.Н.	Моруженко, Санжаров, Посредников, [illegible] Санжаров, 1984, с.305-306, Моруженко, 1989а, с.49-50, 1989б, 1992, Шелко, 19[illegible] 1997, Евглевский, 1992, с.108, рис.1.9-[illegible] Гугуев, Трейстер, 1995, с.148, рис.3.2[illegible] Руевска, 1995, с.55-56, Василенко, 19[illegible]

	с. Белояровка (Амвросиевский р-н), кург. 3-8 в группе из 8-и курганов (продолжение работ).	Моруженко А.А., Санжаров С.Н., Посредников В.А.	Моруженко, Санжаров, Посредников, 1984. Моруженко, 1984; 1989, с.45; Санжаров, 1997, с.60, 63, рис.3,5; 2003, с.238-240, рис.1; Захарова, 2000, рис.30,2.
	с. Семеновское (Амвросиевский р-н), кург. 2-4 в группе из 5-и курганов.	Санжаров С.Н.	Моруженко, Санжаров, Посредников, 1984. Потемкина, 1986; Литвиненко, 2000б, с.4.
	с. Бурлацкое (Великоновоселковский р-н), кург.1-3.	Санжаров С.Н.	Моруженко, Санжаров, Посредников, 1984. Санжаров, 1984, с.305; 1986а, с.20-22; 1991, с.235-250; 1999.
		1985	
	с. Калиновка I (Новоазовский р-н), кург.1	Кульбака В.К.	Кульбака, 1985.
	с. Октябрьское (Славянский р-н), кург.1-8 в группе из 9-и курганов.	Санжаров С.Н., Посредников В.А.	Санжаров, Посредников, 1985. Моруженко, 1986, с.375-376, Константинеску, 1987, с.42; Методические рекомендации, 1990; Древности Северского Донца, 1992, с.7-86; Потемкина, 1993, с.96-98; Евглевский, Потемкина, 1996.
	с. Приволье (Славянский р-н), кург.1 в группе из 10-и курганов.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985. Санжаров, 1987, с.407-408.
	с. Майдан (Славянский р-н), кург.1-2 в группе из 6-и курганов.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985.
	г. Славянск, гора Карачун, курган.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985.
	пгт Андреевка (Славянский р-н - Краматорский г/с), кург.1-2 в группе из 5-и курганов.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985 Санжаров, 1987, с.407.
	с. Александровка-Вторая (Краматорский г/с), кург.1-2.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985. Санжаров, 1987, с.407-408.
	г. Краматорск (с-з им. Крупской), кург.1-3 в группе из 4-х курганов.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985. Санжаров, 1987, с.407-408; 1993, с.21-24; 1993а; Вангородская, Санжаров, 1991, с.230.
	с. Анадоль (Волновахский р-н), курган.	Санжаров С.Н.	Санжаров, Посредников, 1985.
	с. Новоолтавка (Александровский р-н), курган.	Шаповалов Г.А.	Шаповалов, Кравец, 1985
		1986	
	г.Новоазовск, б. Широкая Балка, кург.1 рядом с поселением Широкая Балка II.	Горбов В.Н., Усачук А.Н.	Горбов, Усачук, 1986. Горбов, Усачук, 1987, с.66-67.
	с. Новодонецкое (Великоновоселковский р-н), разрушенный курган.	Горбов В.Н., Усачук А.Н.	Горбов, Усачук, 1986.

278	г. Волноваха, кург.I-III (малые) в группе Могила Гончариха из 4-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко В.Ф., 1986. Клименко, 1998, с.35-59.
279	г. Волноваха, кург. IV-VI в группе 2 из 3-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко В.Ф., 1986. Клименко, 1998, с. 59-67.
280	с. Новоандреевка (Волновахский р-н), к.I-III.	Клименко В.Ф.	Клименко В.Ф., 1986. Клименко, 1998, с.67-80.
281	с. Коминтерново (Новоазовский р-н), кург. «Розрыта Могила».	Кульбака В.К.	Кульбака, 1986.
282	с. Стыла (Старобешевский р-н), кург.1-4 в цепочке из 5- курганов.	[illegible] В.А.	Шановалов, Санжаров и др., 1986.
283	г. Докучаевск (с.Стыла, Старобешевский р-н), кург.1-2.	Санжаров С.Н.	[illegible] Литвиненко, 1992, с.32, рис.2,1; Захарова, 2000, рис.32,1.
284	с. Полковое (Волновахский р-н), кург. 1-4.	Санжаров С.Н.	Шановалов, Санжаров и др., 1986. Санжаров, 1988а, с.332-333; 1994, с.101-106; Евглевский, 1992, с.108-110, рис.2, 1-8; Литвиненко, 1992, рис.1,2; 2,2; Усачук, 1999, с.78, 80, рис.5,1-3.
285	пос. Дружное (Тельмановский р-н), кург.1-2 в группе из 3-х курганов.	Санжаров С.Н.	Шановалов, Санжаров и др., 1986. Санжаров, 1988а, с.332.
286	г. Шахтерск, кург.2-4 в группе «Рясные Могилы» из 24-х курганов (продолжение работ).	НАЭ ДонГУ	Шановалов, Санжаров и др., 1986. Санжаров, 1988а, с.333-334; Литвиненко, 1990, с.74-75; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003.
287	с. Терновое (Шахтерский р-н), курган в цепочке.	Шановалов Т.А.	[illegible] ДонГУ
288	с. Благодатное (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.И.	Татаринов, 1988, с.346; Татаринов, Крас[illegible] Копыл, 1996, с.38.
289	с. Майдан (Славянский р-н), разрушенный курган.	Давыденко В.В., Шевченко А.Н.	Санжаров, 1992, с.3-9.
290	пос. Старобешево, разрушенное погребение в кургане группы «Могила Черная» из 6-ти курганов.	Дубовской О.Р. Дегерменджи С.М., Колесник А.В.	[illegible] ДОКМ, архив ОФПА ДОКМ
		1987	
291	с. Новоандреевка (Волновахский р-н), кург.IV-VII (нумерация с 1986 г.) в группе из 5-и курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1987. Клименко, 1998, с.80-96.
292	с. Ровнополь (Волновахский р-н), кург.1-2.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1987. Клименко, 1998, с.99-106.

г. Шахтерск, кург.5-14 в группе «Рясные Могилы» из 24-х курганов (окончание работ).	Кравец Д.П., Посредников В.А., Привалов А.Н.	Шаповалов Т.А. и др., 1987. Кравец, 1988, с.20-21; 1993; 1994, с.175; Березанская, Кравец, 1989; Клочко Кравец, 1991, с.115-116; Посредников, Кравец, 1992, с.47, 50, рис.2; Методические рекомендации, 1990; Евглевский, 1989; 1992, с.112-114; Евглевский, Потемкина, 1996; Санжаров, 1992, рис.7, 1,2; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003; Литвиненко, 1996, рис.1,8; 1999, с.14, рис.7; 8,4-6.
с. Покровка (Амвросиевский р-н), кург.1-7 в 3-х разных подгруппах.	Кравец Д.П., Кульбака В.К.	Шаповалов Т.А. и др., 1987. Методические рекомендации, 1990, рис.4,в; 6; 17.б; 18; 30,а; 34,а; Литвиненко, 1999а, с.14, рис.9.
с. Стыла (Старобешевский р-н), кург.1-3 в 2-х подгруппах.	Косиков В.А., Кульбака В.К.	Шаповалов Т.А. и др., 1987. Кравец, 1988, с.21; Березанская, Кравец, 1989; Косиков, Литвиненко, 1989; Литвиненко, 1999, рис.8,1-3; Санжаров, 1999, с.51, рис.7,2-3; Нечитайло, 1991, с.88; 1992, с.23.
с. Старомлыны (Тельмановский р-н), кург.1-3 в разных подгруппах.	Кульбака В.К.	Шаповалов Т.А. и др., 1987. Санжаров, 1999, с.51, рис.7,4.
с. Веленское (Новоазовский р-н), кург.1-2.	Кульбака В.К.	Шаповалов Т.А. и др., 1987. Посредников, Кравец, 1992, с.50, 53, рис.4, 1-3; Литвиненко, 1999а, рис.3; 2000, рис.6; Кульбака, Качур, 2002, с.56.
1988		
группа «Ударник» (с.Новоалександровка Красноармейского р-на), кург.1-3 в группе из 4-х курганов.	Полидович Ю.Б.	Полидович, Дубовская, Теребилова, 1988. Полидович, 1993, с.35-50.
с. Зрубное (Шахтерский р-н), кург.1-7 (в т.ч. курган «Передериева Могила») в группе.	Моруженко А.А.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Моруженко, 1992; Моруженко, Литвиненко, 1993; Литвиненко, 1992, с.40, рис.6, 3–4; Евглевский, 1992, с.112-113, рис.3,9-15; Руяева, 1995; Кравец, 1995, с.13-18.
с. Александровка (Краснолиманский р-н), курган.	Шаповалов Т.А.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Методические рекомендации, 1990, рис.12,б; Литвиненко, 2002, с.153, рис.13,1.
с. Новоалексеевка (Волновахский р-н), кург.1-2.	Кравец Д.П.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Кравец, 1989, с.96-97; 1990, с.38-39; Березанская, Кравец, 1989, с.160-164; Методические рекомендации, 1990; Нечитайло, 1991, с.88; Кубышев, Нечитайло, 1991, с.14-15.
с. Куйбышево (ныне с.Малоянисоль, Володарский р-н), кург.1-2	Кравец Д.П.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Кравец, 1989, с.96-97; 1990, с.39-40; Методические рекомендации, 1990, рис.1,а-д; 2, а-б, г; 5,а,в; 8,а; 9; 13; 16,б; 26,а; 27,а; 30,б; Санжаров, 1992, рис.8,3.

303	с. Миньковка (Артемовский р-н), кург. 1-8 в группе I.	Кравец Д.П., Посредников В.А.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Кравец, Посредников, 1992, с.130-132; 1996, с.76-103; Методические рекомендации, 1990. Кравец, 1994а, с.4-6.
304	с. Миньковка (Артемовский р-н), кург. 1-3 в группе II.	Кравец Д.П.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988. Кравец, Посредников, 1992, с.130-132; 199[illegible] с.76-103; Методические рекомендации, 199[illegible] Кравец, 1994а, с.4-6.
305	м-к Кринички (пгт Грузско-Ломовка, Макеевский г/с), кург.1-5 в группе I из 9-ти курганов.	Подобед В.А.	Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, 1989.
306	м-к Кринички (пгт Грузско-Зорянское, Макеевский г/с), кург.1-5 в группе II из 7-и курганов.	Кравец Д.П., Подобед В.А.	Моруженко, Кравец, Посредников и др., 1988; Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, 1989. Методические рекомендации, 1990, рис.15,[illegible] 24; 25,б; 35,б; Посредников, Кравец, 1992, с.50, рис.3; Литвиненко, 1996, рис.1,12,13
307	ш. Моспинская (пгт Грузско-Ломовка, Макеевский г/с), кург.1.	Подобед В.А.	Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, 1989. Podobed, Simonenko, 1998.
308	с. Рыбинское (Волновахский р-н), курганы I-VIII в группе 1 к С от села.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1986. Клименко, 1998, с.106-123.
309	с. Рыбинское (Волновахский р-н), курганы IX-X в группе 2 из 3 х курганов к З от села.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1986. Клименко, 1998, с.123-134.
310	с. Татьяновка (Славянский р-н), погребение (разрушенный курган ?).	Кравченко Э.Е.	Швецов, Кравченко, 1988.
311	с-з «Берестовой» (Константиновский р-н), кург. 1-3 в группе из 5-ти курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, 1988. Кульбака, Качур, 1998, с.26-27; 2002, с.49-
312	с. Кондратовка (Константиновский р-н), кург.1 (одиночный).	Кульбака В.К.	Кульбака, 1988. Кульбака, Качур, 1998, с.28; 2002, с.48.
313	пгт Высокое (Макеевский г/с), кург.1-6 в группе «Три брата» из 8-и курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, 1988. Литвиненко, 1996, рис.1,10-11; 1999а, рис. 2000, рис.4,2; 2000а, рис.3; Кульбака, Ка- 2000, с.48; 2002, с.54-56.
314	г. Мариуполь, ММК им.Ильича, «Стан-3000», разрушенный курган.	Кульбака В.К.	Фонды МКМ. Кульбака, Гнатко, 1989.
315	с. Безыменное (Новоазовский р-н), кург.1 в группы из 5-и курганов.	Горбов В.П., Усачук А.П.	Горбов, Усачук, 1988. Горбенко, 1997, с.86-87.

	пос. Соболевка (г. Славянск), разрушенный курган.	Шамрай А.В.	Кравченко, Шамрай, 2000, с.76.
	"Ямиполовка" (с. Дзержинское, Красноармейский р-н), кург.2 в группе из 8-и курганов.	Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е.	Цимиданов, 1991. Полидович, 1993, с.82, 92-97.
	г. Марьинка, разруш. погребение в кургане группы «Баба» из 4-х курганов.	Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В.	Архив ООПА ДОКМ.
		1989	
	с. Покровское (Артемовский р-н), кург.1-3 (кург.1 доисследован после раскопок 1972 г.).	Татаринов С.Н.	Татаринов, Дмитриев, 1989. Татаринов, 1993а; Федяев, Татаринов, 1997, с.22; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.24-25.
	с. Платоновка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.27.
	с. Николаевка (Красноармейский р-н), кург.1-2 в группе из 3-х курганов.	Полидович Ю.Б.	Полидович, 1989. Полидович, 1993.
	с. Дибровка (Шахтерский р-н), кург. 1-6 в группе из 10 курганов.	Кравец Д.П., Литвиненко Р.А. Моруженко А.А.	Моруженко, Зарайская, Кравец и др., 1989. Методические рекомендации, 1990, рис.15, а; Посредников, Кравец, 1992, с.53, рис.4, 4-5; Кравец, 1994, с.175; Братченко, 2001, ч.1, с.8; ч.2. рис.6,1-3.
	с. Житенко (Амвросиевский р-н), кург. 1-5 в цепочке из 26-и курганов.	Зарайская Н.П., Кравец Д.П.	Моруженко, Зарайская, Кравец и др., 1989. Денисова, Кравец, 1993, с.52-
	с. Ижевка (Константиновский р-н), кург. 1-3 в группе I из 5-и курганов.	Кравец Д.П., Литвиненко Р.А.	Моруженко, Зарайская, Кравец и др., 1989. Литвиненко, 1995.
	с. Ижевка-II (Константиновский р-н), кург. 1 (одиночный).	Шепко Л.Г.	Моруженко, Зарайская, Кравец и др., 1989.
	с. Захаровка (Першотравневый р-н), кург.1-3 в группе из 7-и курганов.	Евтеевский А.В., Зарайская Н.П., Литвиненко Р.А.	Моруженко, Зарайская, Кравец и др., 1989. Литвиненко, 1999, с.100; 1999а, рис.2; 2000, рис.4, 5-13; 5,6-10; 7.
	с. Калиновка-II, (Новоазовский р-н), кург.1	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1989. Кульбака, Качур, 2000, с.51; 2002, с.43.
	с. Раздольное (Старобешевский р-н), кург. 2-5 группе «Могила Цыганки» из 6-ти курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1989. Кульбака, Качур, 2000, с.49-51; 2002, с.44-46.
	с. Камышеватое (Першотравневый р-н), кург.1-3.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1989. Литвиненко, 1999, с.100.

330	с. Кондратовка (Константиновский р-н), кург.2-4 в группе из 6-ти курганов (нумерация с 1988 г.).	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1989. Кульбака, Качур, 1998, с.30-40; 2002, с.46-49.
331	г. Мариуполь, МКР Восточный-2 , кург. 2.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко. 1989.
332	с. Малоянтьевка (Волновахский р-н), кург.I-IV.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1989. Клименко, 1998, с.134-151; Клименко, Цымбал, 1991, с.29, рис.11, 4; 12, 3.
333	с. Валерьяновка (Волновахский р-н), кург.I.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1989. Клименко, 1998, с.151-159.
334	г. Артемовск, курганы.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1993а, с.7.
		1980-е	
335	с. Шевченко (Великоновоселковский р-н), разрушенный курган.	местные жители	Фонды ДОКМ; архив ООПА ДОКМ.
336	с. Вершиновка (Тельмановский р-н), разрушенный курган.	местные жители	Фонды Красноармейского исторического музея; архив ООПА ДОКМ.
337	с. Новоселовка (Краснолиманский р-н), разрушенный курган.	местные жители	Фонды Славянского краеведческого музея.
		1990	
338	с. Калиново (Красноармейский р-н), курган.	Евглевский А.В.	Моруженко, Кравец, Литвиненко и др., 199 Цимиданов, Евглевский, 1993; Полідович, Цимиданов, 1995, с.52, рис.1,8.
339	с. Шевченко (Красноармейский р-н), курган.	Моруженко А.А.	Моруженко, Кравец, Литвиненко и др., 19 Моруженко, Евглевский, 1993.
340	с. Раздоловка (Артемовский р-н), кург.1-2 в группе из 6-и курганов.	Зарайская Н.П., Кравец С.П.	Моруженко, Кравец, Литвиненко и др., 19 Кравец, Посредников, Литвиненко, 199 Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.25, 27.
341	с. Ивано-Дарьевка (Артемовский р-н), кург.1-4 в группе из 10-ти курганов.	Кравец С.П., Литвиненко Р.А., Посредников В.А.	Моруженко, Кравец, Литвиненко и др., 19 Кравец, Посредников, Литвиненко, 1991 Кравец, 1992, с.129; Татаринов, Кравец, Копыл, с.22, 23, 24, 26; Петрунь, 1996, с.3
342	с. Ивано-Дарьевка (Артемовский р-н), кург.5-6 в группе из 10-и курганов (продолжение).	Евглевский А.В.	Евглевский, 1990. Литвиненко, Полидович, 2001; Поляков, Полидович, 2004 (наст. сборник)..
343	пгт Пантелеймоновка (Горловский г/с), курган «Беева Могила».	Полидович Ю.Б.	Полидович, 1990. Полидович, 1993, с.80-91.
344	с. Егоровка (Волновахский р-н), кург. I-II в группе из 3-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1990. Клименко, 1998, с.159-160.
345	с. Новоандреевка (Волновахский р-н), кург. VIII-IX (продолжена нумерация 1987 г.).	Клименко В.Ф.	Клименко, 1990. Клименко, 1998, с.96-99.

	с. Ивановка (Волновахский р-н), кург. I-IV в группе из 5-и курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1990. Клименко, 1998, с.160-181.
	пос. Лесное (Волновахский р-н), кург. I-II в группе из 6-и курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1990. Клименко, 1998, с.181-189.
	пос. Каменка (г.Енакиево), разрушенный курган в группе из 2-х курганов.	Клименко В.Ф.	Клименко, 1990. Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.101-102.
	пос. Сурово (г.Дружковка), курган.	Шепко Л.Г.	Шепко, 1990. Шепко, 2001, с.112-120.
	с. Комиссариово (Новоазовский р-н), кург. 2.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1990. Кульбака, Качур, 2000, с.52; Литвиненко, 2000, рис.11,8-10.
	с. Октябрьское (Добропольский р-н), кург.1-2 в группе курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1990. Кульбака, Качур, 2000, с.52.
	с. Красногоровка (Ясиноватский р-н), кург. 1-4.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1990. Кульбака, Качур, 2000, с.53.
	с. Сокол (Ясиноватский р-н), кург. 1.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1990
	г. Мариуполь, МКР Восточный, курган.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, 1990. Кульбака, Качур, 2000, с.52-53.
	г. Артемовск, курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1993а, с.7; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.23.
	с. Дроновка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1993а, с.7.
	с. Васюковка (Артемовский р-н), курган.	Татаринов С.Н.	Татаринов, 1993а, с.7; Татаринов, Кравец, Копыл, 1996, с.35; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.44.
	с. Безыменное (Новоазовский р-н), кург.2, 3 в группе из 5-и курганов (продолжение).	Горбов В.Н., Усачук А.Н.	Архив ООПА ДОКМ; фонды ДОКМ. Дубовская, 1997, с.209, рис.9,15.
	с. Раздольное (Старобешевский р-н), доисследование разрушен. кургана во дворе МТС.	Горбов В.Н., Усачук А.Н.	Архив ООПА ДОКМ.
	с. Сакко и Ванцетти (Артемовский р-н), кург.1-2	Копыл А.Г.	Фонды Артемовского краеведческого музея.
		1991	
	"Желанное" (с. Новожеланное, Красноармейский р-н), кург.1 (одиночный).	Дубовская О.Р., Кузин В.Н.	Дубовская, Клец, Кузин, 1991. Полидович, 1993, с.54, 70-80.

362	с. Безымянное (Новоазовский р-н). кург. 4 (одиночный).	Горбов В.Н., Клименко В.Ф., Усачук А.Н.	Горбов, Клименко, Усачук, 1991. Клименко, Цимбал, 1991, с.19; Клименко, 1994, с.110; Литвиненко, 1999а, с.12, рис.1, 10-14.
363	с. Безымянное (Новоазовский р-н), кург. 5-6 (окончание работ).	Горбов В.Н., Клименко В.Ф., Усачук А.Н.	Горбов, Клименко, Усачук, 1991.
364	с. Заможное (ныне с. Чермалык, Тельмановский р-н), кург. 1-3.	Евглевский А.В., Посредников В.А.	Посредников, Кравец, Евглевский и др., 1991. Посредников, 1992; 1992а; 1998; Кудлай, 2000.
365	урoч. Балашовка (с.Старогнатовка, Тельмановский р-н), кург.1-3.	Кравец Д.П., Литвиненко Р.А.	Посредников, Кравец, Евглевский и др., 1991. Кравец, 1992, с.13-14; Литвиненко, 1992с, 1993а; 1999а, с.8, рис.4; Евглевский, Погорелкина, 1996.
366	с. Старогнатовка (Тельмановский р-н), кург.1-2 в группе Хомуш-Оба из 5-ти курганов.	Евглевский А.В., Кравец Д.П.	Посредников, Кравец, Евглевский и др., 1991. Кравец, 1992, с.14; 1992а; 1992б, с.34; 1995, с.18-19; Литвиненко, 1996, рис.1,13
367	пгт Гусельское (Макеевский г/с), кург.1 (одиночный).	Зарайская Н.П., Косиков В.А.	Посредников, Кравец, Евглевский и др., 1991. Зарайская, Косиков, 1992, с.16-17.
368	пгт Гусельское (Макеевский г/с), кург.2 в группе из 5-и курганов.	Зарайская Н.П., Косиков В.А.	Посредников, Кравец, Евглевский и др., 1991. Зарайская, Косиков, 1992, с.16-17.
369	с. Ивано-Дарьевка (Артемовский р-н), кург.7 в группе из 10-и курганов (продолжение).	Евглевский А.В.	Полякова, Полидович, 2004 (наст. сб.).
370	с. Орловское (Тельмановский р-н), кург.1 в группе из 5-и курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, Никитин, 1991. Кульбака, Гнатко, 1993, с.57-58.
371	пгт Приморское (ныне Сартана, Мариупольский г/с), кург.1 в группе из 4-х курганов.	Кульбака В.К.	Кульбака, Гнатко, Никитин, 1991. Кульбака, Гнатко, 1993, с.58.
372	пос. Авдотьино (г.Донецк), разрушенный курган.	Горбов В.Н., Усачук А.Н.	Архив ООПА ДОКМ.
373	г. Донецк, Кировский р-н, разрушенный курган.	Колесник А.В.	Фонды ДОКМ.
		1992	
374	пгт Новоамвросиевское (Амвросиевский р-н), кург.1-2 в группе из 6-и курганов.	Полидович Ю.Б.	Полидович, Цимиданов, Кузин, 1992. Полидович, 1993а; Полидович, Абдрахманов, 2004 (наст. сб.).
375	с. Териковое (Шахтерский р-н), кург.1-2.	Косиков В.А.	Косіков, Кравець, 1992. Косіков, Кравець, 1993; Литвиненко, Косиков, 1994.

[illegible]	с. Солнцево (Старобешевский р-н), кург.1-2.	Кравец Д.П.	Косіков, Кравець, 1992. Косіков, Кравець, 1993, с.76-77.
[illegible]	с. Сидорово (Славянский р-н), разрушенный курган.	Кравченко Э.Е., Кузин В.Н.	Фонды музея Святогорского историко-архитектурного заповедника.
		1993	
[illegible]	с. Великое Орехово (Макеевский г/с), кург.1-5.	Посредников В.А., Кравец Д.П.	Посредников, Кравец, Евглевский, Косиков, 1993. Посредников, Кравец, Ткачев, 1994.
[illegible]	пгт Нижняя Крынка (Макеевский г/с), кург. 1-8 в группе из 15-и курганов.	Евглевский А.В., Косиков В.А., Кравец Д.П.	Посредников, Кравец, Евглевский, Косиков, 1993.
[illegible]	с. Ивано-Дарьевка - II (Артемовский р-н), кург.1 (одиночный).	Евглевский А.В.	Полякова, Полидович, 2004 (наст. сб.).
[illegible]	г. Угледар, кург.1 (кург.2 разрушен стр-ми).	Андриенко В.П., Литвиненко Р.А.	Андриенко, Литвиненко, 1993. Литвиненко, 1996, рис.1,20; Андриенко, Литвиненко, 1997; 1999а, рис.11,2.
[illegible]	пгт Нижняя Крынка (Макеевский г/с), курган возле д/л «Барвинок».	Полидович Ю.Б.	Дегерменджи, Кузин, Подобед, Полидович, Цимиданов, 1993. Полидович, Адрахманов, 2004 (наст. сб.).
[illegible]	г. Мариуполь, курган в зап. части города.	Кульбака В.К.	Кульбака, 1993. Кульбака, Качур, 2000.
		1994	
[illegible]	хут. Ревы (Шахтерский р-н), кург.3 в группе из 10-и курганов (доисследование разрушенного погребения)	Киселев А.О. (студент ДонГУ)	Архив ООПА ДОКМ. Киселев, 1997, с.93-94.
[illegible]	г. Горловка, скифская статуя из кургана в группе «Верина Могила».	Мирошниченко А.О., Мищенко А.Г. (местные жители)	Полідович, Муханова, 1997; Ольховский, 1999, рис.2, 7, с.243-245.
		1995	
[illegible]	г. Артемовск, кург. 1-2 в группе из 11 курганов (начало раскопок).	Кравец Д.П., Татаринов С.Н.	Кравец, Татаринов, 1996. Татаринов, Кравец, Копыл, 1996; Кравец, Татаринов, 1997; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.21, 22, 23, 26-27
[illegible]	«Славяногорск» (Маяцкий с/с, Славянский р-н). разрушенное погребение в кург.2 в группе из 4-х курганов на горе Артема.	Кравченко Э.Е., Шамрай А.В.	Фонды музея Святогорского историко-архитектурного заповедника.
[illegible]	с. Нововасильевка (Красноармейский р-н), разрушенные погр-я в кург.1 в группе из 2-х курганов (раскопан в 1998)	Кудлай Ю.В.	Полідович, Кудлай, 1998. Кудлай, 1999; 1999а; 2001.

389	с. Терновое (Шахтерский р-н), разруш. погр. в кург. в группе к В от села.	Киселев А.О.	Архив Р.А. Литвиненко
		1996	
390	г. Артемовск, кург. 3-4 в группе из 11 курганов (правобережье р. Бахмутки)	Кравец Д.П., Татаринов С.И.	Кравец, Татаринов, 1996; Татаринов, Кравец, Котов, 1996; Кравец, Татаринов, 1997; Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.12, 23
391	«Русин Яр» (с. Степановка, Константиновский р-н), погр. 1 кург. 1 в группе из 3-х курганов.	Полидович Ю.Б., [illegible] В.В.	Полидович, [illegible], 1996
		1997	
392	г. Артемовск, кург. 5 в группе из 11 курганов (правобережье р. Бахмутки)	Кравец Д.П., Татаринов С.И.	Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.12, 23
393	пгт Черкасское (Славянский р-н), разрушенный курган (?)	Колесник А.В.	Фонды ДОКМ
		1998	
394	г. Мариуполь, курганы	Кульбака В.К.	Кульбака, 1998.
395	г. Артемовск, кург. 6 в группе из 11 курганов (правобережье р. Бахмутки).	Кравец Д.П., Татаринов С.И.	Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.26-27
396	с. Покровское (Артемовский р-н), кург. 1-2 у Острой Могилы	Кравец Д.П., Татаринов С.И.	Татаринов, Посредников, Афанасьева, Федяев, 2001, с.26, 27
397	с. [illegible] (Артемовский р-н), кург. 1-2.	Кравец Д.П.	Фонды Артемовского краеведческого музея
398	с. Новоандреевка (Красноармейский р-н), кург. 1 в группе из 2-х курганов	Полидович Ю.Б.	Полидович, Кравец, 1998; Кравец, 1998, 1998а, 2001; Кравец, Полидович, 2004 (в печати).
		1999	
399	г. Мариуполь, курган	Кульбака В.К.	Кульбака, 1999
400	с. Сидорово (Славянский р-н), разрушенный курган	Давыденко В.В.	Давыденко, Кравец, Лосев, 2001.
		2000	
401	р-н, с. [illegible], впускное погребение в кургане	Кладоискатель	Фонды ДОКМ

Дополнительно упомянем сведения о торых разрушенных курганах, информация торых не имеет четкой хронологической ки:

- срубное погребение в каменном ящике амическим "горшком" было "исследовано" 0-1930 гг. известным фотографом Н. Заком в одном из небольших курганов в у с. Удачное Красноармейского р-на;

- в конце 1930-х гг. в р-не алебастрового за в г. Артемовске был разрушено катакомпогребение в кургане (по информации Д.П. на);

- средневековый комплекс из разрушен кургана хранится в народном музее с. омлиновка Великоновоселковского р-на;

- в разрушенной поле кургана, располоого в северной части г. Новогродовка якобы найдены предметы сарматского времени;

- погребение поздних кочевников с конем лезными предметами было разрушено во строительства хозпостроек в поле кургаположенного в западной части г. Красноека;

- срубное погребение в каменном ящике разрушено при выкорчевывании сада на (кург.1 исследован в 1998 г.) у с. Нововаильевка Красноармейского р-на в 1950-1960-е гг;

- срубное погребение в каменном ящике было исследовано Т.А. Шаповаловым в кургане на холме Саур-Могила, разрушенном во время сооружения мемориального комплекса в 1966 или 1967 г. [Список..., 1988, с.94];

- в кургане, разрушенном при строительстве дома в п. Новоамвросиевский; была найдена могильная яма, забитая камнем, – скорее всего, входная шахта в сарматскую катакомбу, подобную исследованным в соседних курганах (раскопки 1992 г.).

Кроме того, В.Ф. Клименко упоминает ряд находок, которые, скорее всего, происходят из разрушенных курганов Волновахского и Славянского районов, г. Енакиево и других мест [Клименко, 1997, с.283-287; 1998, с.204; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.102-108]. Не исключено также, что какая-то часть находок, попадающая в музеи и учтенная в "Каталоге случайных находок из собраний музеев Донецкой области" (Археологический альманах, № 1), также происходит из разрушенных курганов или отдельных погребений. Но восстановить археологический контекст находок в этих случаях уже не представляется возможным.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. **Андриенко В.П., Литвиненко Р.А.** о раскопках курганов у г.Угледар Донецобласти в 1993 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 140.

2. **Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Ваненко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г.** о работе хоздоговорной археологической ции НИС КГУ по трассе строительства реди канала «Днепр – Донбасс» в 1981 году НА НАНУ. Ф.е. 1981/107.

3. **Архив ООНА ДОКМ** – Отдела охраны тников археологии Донецкого областного ческого музея.

4. **Беляев А.С., Рудаков А.П., Збенович Кротова А.А., Швецов М.Л.** Отчет о раДонецкой экспедиции в 1976 г. // НА ИА НУ. Ф.е. 1976/4.

5. **Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Ваненко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г.** о работе хоздоговорной археологической ции НИС КГУ по трассе строительства II очереди канала «Днепр – Донбасс» в 1980 году // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/ 97.

6. **Братченко С.Н., Гершкович Я.Н., Константинеску Л.Ф., др.** Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г.: исследования курганов в Славяносербском районе Ворошиловградской области и в Амвросиевском районе Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1978/1.

7. **Братченко С.Н., Кротова А.А., Швецов М.Л., Гершкович Я.Н., Константинеску Л.Ф., Смирнов А.М., Самойленко В.Г., Шкарбан А.С.** Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г. (курганы у с. Кременевка и Волонтеровка у г. Жданова и у с.Н. Баранниковка Беловодского района Ворошиловградской области) // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1977/12.

8. **Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.Н., Горелик А.Ф., Дудовская О.Р., Шилов Ю.А., Гершкович Я.Н., Смирнов А.М., Константинеску Л.Ф., Швецов М.Л., Балонов Ф.Р., Самойленко В.Г.** Отчет Второй

Северско-Донецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1976/10б.

9. **ГИМ ОПИ** – Государственный исторический музей, отдел письменных источников (г. Москва, Россия). Фонд 431.

10. **Горбов В.Н., Клименко В.Ф., Усачук А.Н.** Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1991 году // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1991/121.

11. **Горбов В.Н., Усачук А.Н.** Отчет о работе Новоазовской экспедиции в 1986 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1986/46.

12. **Горбов В.Н., Усачук А.Н.** Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1988 году // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/201.

13. **Даниленко В.Н., Гершкович Я.П., Гусар В.В.** Отчет о работе Донецкой постоянной экспедиции и разведках Приазовской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1974/ 15.

14. **Дегерменджи С.М., Кузин В.И., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В.** Отчет об археологических исследованиях на территории Донецкой области в 1993г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1993/32.

15. **Дубовская О.Р., Клец В.И., Кузин В.И.** Отчет о раскопках кургана у с.Желанное Донецкой области в 1991 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1991/78.

16. **Евглевский А.В.** Отчет об исследованиях курганов Артемовской археологической экспедицией в 1990 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/242.

17. **Евсеев В.М.** Письмо к М.Я. Рудинскому от 31.05.1952 // НА ИА НАНУ.

18. **Клименко В.Ф.** Исследования курганов близ г.Енакиево (отчет за 1969 г.) // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1969/ 39.

19. **Клименко В.Ф.** Исследование курганов Ольховатской и Авиловской курганных групп близ г.Енакиево (отчет за 1970 г.) // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1970/ 52.

20. **Клименко В.Ф.** Исследование курганов близ г.Енакиево (отчет за 1971 год) // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1971/ 49.

21. **Клименко В.Ф.** Археологические исследования в районе г.Енакиево, Донецкая обл. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1972/ 45.

22. **Клименко В.Ф.** Археологические исследования в районе г.Енакиево Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1974/57.

23. **Клименко В.Ф.** Раскопки кургана у п.Булавинское близ г.Енакиева Донецкой области в 1975 году // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1975/41.

24. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с.Орловское. Приморского р-на г.Жданова Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1976/11?

25. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у г.Волноваха и с.Новоандреевка Волновахского р-на Донецкой обл. в 1986 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1986/41.

26. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с.Рыбинское Волновахского р-на Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/41.

27. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с.Новоандреевка и Ровнополь Волновахского района Донецкой обл.// НА ИА НАНУ. Ф. 1987/89.

28. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с.Малоигнатьевка и с.Валерьяновка Волновахского района Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. [illegible].

29. **Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с. Егоровка. Новоандреевка, Ивановка, Лесное Волновахского р-на и п. Каменка Шахтерского р-на Донецкой области в 1990 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/162.

30. **Колесник А.В., Подобед В.А., Дегерменджи В.Н., Литвиненко Р.А.** Отчет о работах археологической экспедиции экспериментального творческого объединения «Фонд» при Донецком отделении УФК в 1988-1989 гг. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1989/239.

31. **Косиков В.А.** Отчет о работе Степного отряда археологической экспедиции ДонГУ в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1976/152.

32. **Косіков В.А., Кравець Д.П.** Звіт про розкопки курганів на терені Донеччини у 1992 р. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1992/161г.

33. **Кравец Д.П., Татаринов С.И.** Отчет о раскопках курганов у г.Артемовск. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1996/79.

34. **Кульбака В.К.** Отчет об исследованиях кургана у г. Жданова в 1984 г. // Архив ООПА ДОКМ.

35. **Кульбака В.К.** Отчет об исследовании курганов у с. Калиновка Новоазовского района Донецкой обл. в 1985 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1985/103.

36. **Кульбака В.К.** Отчет об исследо-

кургановъ у с. Коминтерново Новоазовского р-н Донецкой обл. в 1986 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1986/39.

37. **Кульбака В.К.** Отчет об исследовании курганов в зонах строительства оросительных систем на землях с-за «Берестовой» у сел Береснеговатое и Кондратьевка Константиновского р-на и с-за «Грузской» г.Макеевка Донецкой области в 1988 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/105.

38. **Кульбака В.К.** Отчет об исследовании кургана в западной части г. Мариуполя Донецкой области в 1993 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1993/148.

39. **Кульбака В.К** Звіт про дослідження курганів та грунтового могильника на території м. Маріуполя в 1998 р. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1998/26.

40. **Кульбака В.К.** Звіт про дослідження кургану в м. Маріуполь в 1999 р. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1999/10.

41. **Кульбака В.К., Гнатко И.И.** Отчет об исследованиях курганов в зонах новостроек: у с. Калиновка Новоазовского р-на, у с. Раздольное Старобешевского р-на, у с. Камышеватое Першотравневого р-на, у с. Кондратьевка Константиновского р-на и г. Мариуполя Донецкой обл. в 1989 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1989/87.

42. **Кульбака В.К., Гнатко И.И.** Отчет об исследованиях курганов у с. Коминтерново Новоазовского р-на, с. Октябрьское Добропольского р-на, с. Красногоровка и с. Сокол Ясиноватского р-на и г. Мариуполь Донецкой обл. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/147.

43. **Кульбака В.К., Гнатко И.И., Никитин В.И.** Отчет об археологических исследованиях курганов в зонах новостроек у г. Приволье Луганской обл., у с. Орловское и Приморское Новоазовского р-на Донецкой обл., у с. Андреевка Скадовского р-на Херсонской обл. и с. Щербани Вознесенского р-на Николаевской обл. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1991/113.

44. **Макаренко М.О.** Короткий звіт і археологічні дослідження на території Сталінської округи // НА ИА НАНУ, ф. ВУАК № 327/19. [1930].

45. **Макаренко М.О.** Відчіт про роботу археологічної експедиції по дослідам на території "Азовсталі" біля Маріуполя, на протязі весни 1931 року // НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, № 539. [1931].

46. **Макаренко М.О.** Опис кераміки (посуду) з рисунками олівцем та окремими фотовідбитками окремих аркушів // НА ИА НАНУ, ф. ВУАК. № 539/а. [1932].

47. **Миллер А.** Отчет об археологическом обследовании окрестностей пос.Гусельщикова близ Новониколаевской станицы Таганрогского округа. 1902 г. // ГАРО, ф-55-0-1-д-543.

48. **Михлин Б.Ю.** Отчет о раскопках Азовской археологической экспедиции Донецкого обл. Общества охраны памятников истории и культуры и Ждановского краеведческого музея в 1971 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1971/ 77.

49. **Михлин Б. Ю., Швецов М. Л.** Отчет о работе Азовского отряда Северодонецкой экспедиции за 1972 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1972/33.

50. **Моруженко А.А.** Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого гос. университета о разведках и раскопках в 1973 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1973/33.

51. **Моруженко А.А.** Отчет Лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета в 1974 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1974/ 68.

52. **Моруженко А.А., Зарайская И.П., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Шепко Л.Г.** Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1989 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1989/52.

53. **Моруженко А.А., Зарайская И.П., Санжаров С.Н., др.** Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой обл. в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/50.

54. **Моруженко А.А., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Зарайская И.П., Посредников В.А.** Археологические работы новостроечной экспедиции ДонГУ в 1990 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/180.

55. **Моруженко А.А., Кравец Д.П., Посредников В.А., Шановалов Т.А., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А.** Археологические исследования курганов в Донецкой области // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/63.

56. **Моруженко А.А., Посредников В.А., Зарайская И.П., Привалов А.И.** Раскопки курганов в зонах новостроек Донецкой обл., проведение экспедиций Донецкого университета в 1979 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1979/ 89.

57. **Моруженко А.А., Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская И.П.** Археологические работы в зонах строительства мелиора-

тивных систем в Донецкой области в 1982 года // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1982/143.

58. **Моруженко А.А., Посредников В.А., Привалов А.Н., Зарайская Н.П., Гриб В.К.** Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Володарского и Тельмановского районов Донецкой обл. в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/98-а.

59. **Моруженко А.А., Санжаров С.Н., Посредников В.А.** Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1984 году // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1984/84.

60. **Пиневич П.М.** Отчет об археологических раскопках в Мариупольском округе, произведенных в 1927 г. Мариупольским музеем // НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, № 116/39 (+ 116/8, 116/9). [1927].

61. **Пиневич П.М.** Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. Мариуполь, 1928 // НА ИА НАНУ, ВУАК № 202/26. [1928].

62. **Піневич П.М.** Передісторичні розшуки в межах Маріупольщини за роки 1925-1929 // НА ИА НАНУ, ВУАК. № 309/23. [1929а].

63. **Пиневич П.М.** Зарисовки археологических материалов, собранных в окрестностях Мариуполя // НА ИА НАНУ, ВУАК. № 309/23-а. [1929б].

64. **Пиневич П.М.** Дневник археологических работ на Мариупольщине за 1929 г. // НА ИА НАНУ, ВУАК. № 546. [1929в].

65. **Писларий И. Братченко С.Н., Кротова А.А., Неприна В.И., Шарафутдинова Э.С.** Отчет об исследованиях у г.Приволье, Безгиново, Новоселовка, Песчаное в 1975 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1975/1.

66. **Полидович Ю.Б.** Отчет о работе новостроечной археологической экспедиции сектора археологии Донецкого областного краеведческого музея // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1989/107.

67. **Полидович Ю.Б.** Отчет о работах новостроечной археологической экспедиции отдела охраны памятников археологии при ДОКМ в Донецкой области в 1990 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/239.

68. **Полидович Ю.Б., Дубовская О.Р., Теребилова Е.В.** Отчет о работе новостроечной археологической экспедиции сектора археологии Донецкого областного краеведческого музея // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/218.

69. **Полідович Ю.Б., Куллай Ю.В.** Звіт про розкопки кургану біля с. Нововасилівк Красноармійського р-ну Донецької області // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1998/75.

70. **Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В Кузин В.И.** Отчет об археологических раскоп ках новостроечной экспедиции отдела ОП ДОКМ в 1992 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1992/

71. **Посредников В.А., Кравец Д.Г Евглевский А.В., Косиков В.А.** Отчет о ра конках курганных групп у с. Великое Орехо и Нижняя Крынка Шахтерского района Доне кой области в 1993 году // НА ИА НАНУ. Ф 1993.

72. **Посредников В.А., Кравец Д.Г Евглевский А.В., Литвиненко Р.А., Зарайск Н.П., Косиков В.А.** Отчет о работах новостр ечной экспедиции Донецкого университет 1991 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1991/133.

73. **Привалов А.Н., Андриенко В.И Моруженко А.А.** Отчет новостроечной э диции Донецкого госуниверситета за 1978 г НА ИА НАНУ. Ф.е. 1978/73.

74. **Привалова О.Я.** Археологическ исследования в Старобешевском и Волнова ском районах (отчет за 1972 год) // НА ИА НА Ф.е. 1972/ 92.

75. **Привалова О.Я.** Отчет о раскоп Николаевского поселения эпохи бронзы, ра ках в бассейне р. Мокрая Волноваха в Вол ваховском и Шахтерском р-нах Донецкой об 1974 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1974/ 76.

76. **Привалова О.Я., Зарайская Н Привалов А.Н.** Отчет о научно-исследовате ской работе по археологии за 1976 г. // НА НАНУ. Ф.е. 1976/ 92

77. **Привалова О.Я., Зарайская Н Привалов А.Н.** Отчет о раскопках кур «Двуторбый» // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1977/1

78. **Привалова О.Я., Привалов А** Исследования памятников археологии // НА НАНУ. Ф.е. 1975/38.

79. **Привалова О.Я., Привалов А** Отчет о раскопках курганов из группы «Ь у с. Николаевка Волноваховского р-на Доне обл. в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/ 1

80. **Привалова О.Я., Привалов А** Отчет об археологических работах археол ческой экспедиции у сел Новоселовка и С // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/52.

81. **Привалова О.Я., Привалов А Санжаров С.Н.** Отчет о научно-исследовате ской работе по археологии за 1979 г. // НА

Ф.е. 1979/ 85.

82. **Санжаров С.Н., Братченко С.Н.** ... об исследованиях Славянской экспедиции ... г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1981/101.

83. **Санжаров С.Н., Посредников В.А.** ... о работах Северодонецкой экспедиции ...ского госуниверситета в 1985 г. // НА ИА ... Ф.е. 1985/35.

84. **Стороженко С.К.** Отчет о спасательно-археологических работах в зоне строительства Зураховской ГРЭС // НА ИА НАНУ. Ф.е. ...73.

85. **Татаринов С.И.** Отчет об археологических разведках и охранных раскопках на территории Артемовского р-на Донецкой обл. в ... // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1969/ 98.

86. **Татаринов С.И.** Отчет об археологических разведках и охранных раскопках на территории Артемовского р-на Донецкой обл. в ... // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1970/ 94.

87. **Татаринов С.И.** Отчет об археологических раскопках на территории Артемовского ... Донецкой обл. в 1971-1972 гг. // НА ИА ... Ф.е. 1971-72/ 54.

88. **Татаринов С.И., Дмитриев В.А.** Отчет о охранных раскопках на территории Артемовского района в 1989 г. // НА ИА НАНУ. ...989/74.

89. **Цимиданов В.В.** Отчет о раскопках ...ника Караванная-1, поселения Дробышево ... кургана у с.Ямполовка Донецкой обл. в ... // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1991/78.

90. **Фото-архив ДОКМ** – Донецкого областного краеведческого музея.

91. **Шановалов Т.А.** Отчет о разведках на территории Сталинской области в сентябре-октябре 1958 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1958/38.

92. **Шановалов Т.А. и др.** Отчет об археологическом исследовании курганов в Донецкой области в 1987 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1987/130.

93. **Шановалов Т.О., Колесник О.В.** Розкопки двох курганів біля селища Новоамвросіївське Донецької області [1969] // Архив ООПА ЛОКМ.

94. **Шановалов Т.А., Кравец Д.П.** Отчет о разведках на северо-западе Донецкой области в 1985 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1985/88.

95. **Шановалов Т.А., Санжаров С.Н., Косиков В.А., Подобед В.А., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А.** Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1986 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1986/45.

96. **Шановалов Т.А., Устенко В.Я.** Отчет о курганах у пос. Старобешево // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1965.

97. **Швецов М.Л.** Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1981 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1981/108.

98. **Швецов М.Л., Кравченко Э.Е.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции в 1988 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 1988/165.

99. **Швецов М.Л., Михлин Б.Ю.** [Отчет об археологических исследованиях в 1979 г.] // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1979/ 15а.

100. **Шенко Л.Г.** Раскопки кургана у пос. Сурово в 1990 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1990/140.

101. **Шрамко Б.А.** Отчет о работе Скифской археологической экспедиции ХГУ в 1961 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1961/24.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абрамова М.П.** Сарматские погребения ... Украины // СА. 1961. № 1. С.96-112.

2. **Андриенко В.П., Литвиненко Р.А.** ...ки кургана близ г. Угледар // АДУ 1993 ...К., 1997. С.6-7.

3. **Антоненко Б.О.** Курганний могильник ... с. Морокіно // Поховальний обряд давнього населення України. К., 1991. С.151-161.

4. **Березанская С.С.** Абашевская культура территории Украины (миграции или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К., 1987. С. 26-37.

5. **Березанская С.С.** Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К., 1986. С.5-43.

6. **Березанская С.С., Гершкович Я.П.** Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 100-110.

7. **Березанская С.С., Кравец Д.П.** О металлургическом ремесле племен донецкой катакомбной культуры // Первобытная археология. К., 1989. С.156-168.

8. **Березанська С.С., Косарєва А.А.** Валиковий орнамент на кераміці зрубної культури // Археологія. 1982. № 39.

9. **Білодід О.І.** Про Макаренка М.О. // Археологія. 1989. № 1. С.120-131.

10. **Братченко С.Н.** Матеріали до вивчення ямної культури Північного Приазов'я // Археологія. 1973. № 11. С.21-27.

11. **Братченко С.Н.** Курганы у сел Песчаное и Раздольное в Приазовье // ДАС. 1997. Вып.7. с.116-129.

12. **Братченко С.Н.** Донецька катакомбна культура раннього етапу: У 2-х ч. Луганськ. 2001.

13. **Братченко С.Н.** и др. Исследования в Северо-Восточном Приазовье // АО 1976 года. М., 1977. С.272.

14. **Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константинеску Л.Ф., Кротова А.А., Левченко В.Н., Панибудьласка Т.В., Швецов М.Л., Шкарбан А.С.** Раскопки курганов в Северо-Восточном Приазовье // АО 1978 года. М., 1979. С.308-309.

15. **Брашинский И.Б.** Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

16. **Вангородская О.Г., Санжаров С.Н.** Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники. Проблемы. Исследования. К., 1991. С.214-234.

17. **Василенко А.Н.** Курган культуры многоваликовой керамики у с. Чугуно-Крепинка в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996. С.178-181.

18. **Виноградов Ю.Г.** Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С.37-43.

19. **Гаврилюк Н.А., Гершкович Я.П.** О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К., 1982. С.67-71.

20. **Гершкович Я. П.** Про кам'яні поховальні споруди зрубної культури Північно-Східного Приазов'я // Археологія, 1982. Вип. 41. С. 16-18.

21. **Гершкович Я.П.** Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. 1986. № 2. С.132-145.

22. **Гершкович Я.П., Сердюкова И.Л.** Ямные и катакомбные погребения Донецкого курганного могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., 1991.

23. **Гершкович Я.П., Шепель Е.А.** [illegible] кеевский курганный могильник эпохи бро[illegible] // Древнейшие скотоводы степей юга Украи[illegible] К., 1987. С.58-74.

24. **Горбенко М.О.** Дослідження не[illegible] нарного зрубного поховання біля с.Безімен[illegible] V Міжнародна археологічна конференція [illegible] дентів та молодих вчених. К., 1997. С.86-87

25. **Горбов В. Н.** 228. Бронзовый [illegible] // Каталог случайных находок из археол[illegible] ческих собраний Донецкой области: [illegible] 1993. № 1. С.39.

26. **Горбов В. Н., Усачук А.Н.** Охра[illegible] раскопки в Приазовье // Проблемы охр[illegible] исследования памятников археологии в До[illegible] се. ТД обл. науч.-практ. Семинара. Донецк, 1[illegible] С.64-67.

27. **Городцов В.А.** Результаты архе[illegible] ческих исследований в Изюмском уезде [illegible] ковской губернии // Тр. XII АС в г. Харько[illegible] 1905. Т.1.

28. **Городцов В.А.** Дневник археоло[illegible] ких исследований в Бахмутском уезде, Ек[illegible] нославской губ., 1903 года // Тр. XIII АС [illegible] Екатеринославе 1905. М., 1907. Т.1. с.286-

29. **Городцов В.А.** Результаты архе[illegible] ческих исследований в Бахмутском уезде [illegible] теринославской губернии в 1903 году // Тр. [illegible] АС в г. Екатеринославе. М., 1907а. Т.1.

30. **Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В.** [illegible] ребения киммерийцев в катакомбных и по[illegible] ных сооружениях // СА. 1986. № 1. С.168-

31. **Граков Б.Н.** Ранний железный [illegible] М., 1977.

32. **Грязнов М.П.** К вопросу о с[illegible] нии культур скифо-сибирского типа в с[illegible] с открытием кургана Аржан // КСИА. 1[illegible] Вып. 154. С.9-18.

33. **Грязнов М.П. Аржан.** Царский [illegible] раннескифского времени. М., 1980.

34. **Гугуев В.К., Трейстер М.Ю.** [illegible] ские зеркала и подражания им на терри[illegible] юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3.

35. **Гуркин С.В.** Половецкие ст[illegible] с деревянными изваяниями на Нижнем Д[illegible] СА. 1987. № 4. С.100-109.

36. **Давыденко В.В., Кузин-Л[illegible] В.И.** Находки из разрушенного могил[illegible] эпохи бронзы у села Сидорово Доне[illegible] области // Проблемы археологии и арх[illegible] туры. Т.1: Археология. Донецк-Маке[illegible] 2001. С.64-65.

37. **Денисова А.А., Кравец Д.П.** Раскопки двух катакомбных курганов на Крынке // ДАС. 1993. № 3. С.52-60.

38. **Древности Северского Донца.** Каталог археологических коллекций. Вып.2. Луганск, 1992.

39. **Дубовская О. Р.** Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4. С.182-189.

40. **Дубовская О.Р.** Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. № 6. Донецк, 1997. С.181-218.

41. **Дударев С.Л.** О датировке комплекса из всаднического погребения в кургане в уроч. Веселая Долина // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк, 1989. С.136-137.

42. **Евглевский А.В.** Позднекочевническое погребение с джучидской монетой в Донбассе // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД об. науч.-практ. семинара. Донецк, 1989. С.172-173.

43. **Евглевский А.В.** Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // ДАС. 1992. Вып.1. С.107-116.

44. **Евглевский А.В., Потемкина Т.М.** Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья // ДАС. 1996. Вып.6. С.[illegible]-62.

45. **Евдокимов Г.Л.** Памятники скифского монументального искусства // Новейшие открытия советских археологов. ТДК. К., 1975. Ч.II. С.21.

46. **Євсеєв В.** Цікаві археологічні знахідки // Радянська Донеччина. 19 липня 1951 р. № 141.

47. **Елкина Е. А.** Древний текстиль в [illegible] Донецкой археологической экспедиции // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк. [illegible]9. С. 170-171.

48. **Зарайская Н.П.** К вопросу о скифских погребениях Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк, 1986. С. 43- 44.

49. **Зарайская Н.П.** Погребение раннего железного века на р. Крынке // ДАС. 1992. № 1. [illegible]-98.

50. **Зарайская Н.П.** Скифский могильник [illegible]в // Нові сторінки в історії Донбасу. Кн. 1. Донецьк, 1992а. С.12-18.

51. **Зарайская Н.П., Косиков В.А.** Курганы у поселка Гусельск // Археологический вестник. Запорожье, 1992. № 3. С.16-17.

52. **Зарайская Н.П., Привалов А.И.** Новые скифские памятники Северного Приазовья // Киммерийцы и скифы. ТД. Часть 1. Кировоград, 1987. С.58-61.

53. **Зарайская Н.П., Привалов А.И.** Скифские памятники Шевченковского могильника // ДАС. 1992. Вып. 2. С.118-159.

54. **Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л.** Раскопки в Донецкой области // АО 1975 года М., 1976. С.326.

55. **Захарова Е.Ю.** Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000.

56. **Килименко Л.В.** Преданья старины глубокой // Малоизвестные страницы истории города Краматорска. Краматорск, 1998. С.5-8.

57. **Киселев А.О.** Разрушенное погребение у х.Ревы // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. ТД. К., 1997. С.93-94.

58. **Клименко В.Ф.** Работы Енакиевской экспедиции // АО 1982 года. М., 1984. С. 268.

59. **Клименко В.Ф.** Памятники культуры многоваликовой керамики в Северо Восточном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерномрья. ТД. Тирасполь, 1994. С.110.

60. **Клименко В.Ф.** Курганы юга Донетчины. Енакиево, 1998.

61. **Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И.** Курганные древности Центрального Донбасса. Донецк, 1994.

62. **Клименко В.Ф., Цымбал В.И.** Работы Енакиевского отряда // АО 1974 года. М., 1975. С.291.

63. **Клименко В.Ф., Цымбал В.И.** Древности родного края. Донецк, 1991.

64. **Клименко В.Ф., Цымбал В.И.** Конструктивные особенности погребальных сооружений срубной культуры Центрального Донбасса // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 21-23.

65. **Клименко В.Ф., Цымбал В.И.** Кенотафы срубной культуры Центрального Донбасса // Проблемы археологии и архитектуры. Т.1: «Археология». Донецк-Макеева, 2001. С.65-70.

66. **Клименко В. Ф., Цымбал В. И.** О сосудах со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы // ДАС. 2002. № 10. С. 31-37.

67. **Клочко В.Н., Кравец Д.П.** К абсолютной хронологии культуры многоваликовой керамики // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. ТД. К., 1991. С. 115-116.

68. **Кондукторова Т.С.** Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.

69. **Константинеску Л.Ф.** О памятниках ямной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТД. Донецк, 1979. С.30-31.

70. **Константинеску Л.Ф.** Раньоямні поховання північно-східного Подоння // Археологія. 1984. № 45. С.61-65.

71. **Константинеску Л.Ф.** Производственные комплексы из погребений ямной культуры Донбасса // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. ТД семинара. Донецк, 1987. С.43-45.

72. **Константинеску Л.Ф.** Новые материалы позднеямного времени Северо-Восточного Приазовья // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К., 1988. С.92-107.

73. **Кореневский С.Н.** О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2.

74. **Косиков В.А.** Исследования курганов на территории Донецкой области // АО 1976 года. М., 1977. С.310-311.

75. **Косиков В.А.** Курганная группа у п.Новоамвросиевка на р. Крынка (из раскопок Т.А. Шаповалова) // ДАС. 1996. С.63-75.

76. **Косиков В.А.** Нові документи про перебування М.О. Макаренка в Донбасі // Нові сторінки історії Донбасу. Донецьк, 1999. Кн. 7. С.274-276.

77. **Косиков В.А., Гриб В.К.** Парное кочевническое погребение из кургана у с.Каменка в Донецкой области // СА. 1985. № 2. С.257-262.

78. **Косіков В.А., Кравець Д.П.** Розкопки курганів на терені Донеччини // АДУ – 1992. К., 1993. С.76-77.

79. **Косиков В.А., Литвиненко Р.А.** Раннесрубный погребальный комплекс в Северо-Восточном Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк, 1989. С.117-118.

80. **Кравец Д.П.** Новые материалы катакомбного времени из Северного Приазовья // Организация археологических экспедиций с участием школьников. ТД семинара. Донецк. 1988. С.20-21.

81. **Кравец Д.П.** Раскопки курганных погребений предонецкого типа на юге Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк. 1989. С.96-97.

82. **Кравец Д.П.** К вопросу о раннекатакомбных воинских погребениях Донбасса // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. ТД. Запорожье. 1990. С.38-39.

83. **Кравец Д.П.** Об одной категории костяных изделий донецкой катакомбной культуры // История и археология Слободской Украины. ТД. Харьков, 1992. С.129.

84. **Кравец Д.П.** Раскопки кургана в урочище Хамуш-Оба (Северное Приазовье) // ДАС. Вып.2. 1992а. С.169-179.

85. **Кравец Д.П.** К вопросу о деревообработке у племен донецкой катакомбной культуры // ДАС. Вып.2. 1992б. С.169-179.

86. **Кравец Д.П.** Раскопки кургана у с.Старогнатовка в Северном Приазовье // Археологический вестник. Запорожье, 199[illegible] № 3. С.13-14.

87. **Кравец Д.П.** Скифское святилище на Крынке? // ДАС. 1993. Вып.3. С.160-165.

88. **Кравец Д.П.** Об одной категории средневековых находок Донбасса // ДАС. 1994. Вып. 5.

89. **Кравец Д.П.** Исследования кургана у с. Миньковка // Бахмутський часопис. Артемівськ, 1994а. № 6-7. С.4-6.

90. **Кравец Д.П.** Две находки // Бахмутський часопис. Артемівськ, 1995. № 3-4. С.12-19.

91. **Кравец Д.П., Посредников В.А.** Исследования двух курганных групп эпохи бронзы у г. Артемовска // История и археология Слободской Украины. ТД. Харьков. 1992. С.130-132.

92. **Кравец Д.П., Посредников В.А.** Результаты полевых исследований курганной группы у с.Миньковка (Бахмутская котловина, эпоха бронзы) // ДАС. 1996. Вып. 6. С.76-

93. **Кравец Д.П., Посредников В.А., Литвиненко Р.А.** Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в

бассе. Донецк, 1991.

94. **Кравец Д.П., Татаринов С.И.** Новые катакомбные памятники Бахмутского края // ДАС. Вып.7. 1997. С.77-115.

95. **Кравченко Э.Е., Шамрай А.В.** Погребальные комплексы хазарского времени с Заклагами с территории Донецкой области // Донская археология. 2000. № 3-4. С.70-82.

96. **Кривцова-Гракова О.А.** Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.

97. **Кубышев А.И., Нечитайло А.Л.** Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., 1991. С.14-15.

98. **Кудлай Ю.В.** Розкопки зрубного кургану біля с.Нововасилівка у Донецькій області // Проблемы истории и археологии Украины. ТД. Харьков, 1999. С.7-8.

99. **Кудлай Ю.В.** Зоряна піктограма бронзового віку Донбасу // Наше небо. К., 1999а. Т.2, № 2. С. 24-27.

100. **Кудлай Ю.В.** Календарные свойства архитектуры срубного кургана у села Заможное // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С.93-94.

101. **Кудлай Ю.В.** Солярные ориентиры в структуре погребального комплекса Нововасильевка-1 // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (Мат-лы 5-го Укр.-Рос. полевого археол.семинара). Киев-Воронеж, 2001. С.49-54.

102. **Кузьмина Е.Е.** О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К., 1987. С. 48-69.

103. **Кульбака В.К., Гнатко И.И.** Исследования Мариупольской экспедиции // АДУ 1991 р. Луцьк, 1993. С.57-58.

104. **Кульбака В.К., Качур В.** Соматичні культи бронзового віку півдня Східної Європи. Маріуполь, 1998.

105. **Кульбака В.К., Качур В.** Індоєвропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь, 2000.

106. **Кульбака В.К., Качур В.** Давні індоєвропейці в світлі новітніх археологічних досліджень. Маріуполь, 2002.

107. **Кучугура Л.И.** История археологических коллекций Мариупольского краеведческого музея. Собиратели. Исследователи. Мариуполь, 2001 (Научный архив Мариупольского краеведческого музея. № И-15/2001).

108. **Латынин Б.А.** Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып.9.

109. **Лесков А.М.** О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

110. **Литвиненко Р.А.** Новый памятник раннесрубного времени на Донетчине // Актуальные проблемы охраны и исследования археологических памятников в Центральном Донбассе. ТД. Перевальск, 1988. С.22-24.

111. **Литвиненко Р.А.** Об одной из групп каменных подкурганных сооружений срубной культуры // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. ТД. Херсон, 1990. Ч.1. с.74-75.

112. **Литвиненко Р.А.** Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // ДАС. 1992. Вып.1.

113. **Литвиненко Р.А.** Раскопки длинного кургана срубной культуры в Северо-Восточном Приазовье // Археологический вестник. Запорожье, 1992а. № 3. С.15-16.

114. **Литвиненко Р.А.** Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА. 1993. № 3. С.188-197.

115. **Литвиненко Р.А.** Исследования длинного кургана срубной культуры в бассейне Кальмиуса // АДУ в 1991 р. Луцьк, 1993а. С.63.

116. **Литвиненко Р. А.** Катакомбное погребение с двухколесной повозкой из Правобережья Донетчины // Хозяйство древнего населения Украины. Киев, 1995. Ч.1. С.277-282.

117. **Литвиненко Р. А.** К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть вторая. Донецк, 1996. С. 65–71.

118. **Литвиненко Р.А.** К истории исследования курганных могильников в окрестностях Каменных Могил // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С.98-101.

119. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999а, с.4-23.

120. **Литвиненко Р. А.** Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С.12-19.

121. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: Мат-лы МНК. Воронеж, 2000а. С.81-90.

122. **Литвиненко Р. О.** Поховання зрубної культури в кам'яних гробницях з горизонтальною кладкою стін // Археологія. 2000б. № 4. С.3-18.

123. **Литвиненко Р.А., Косиков В.А.** Курганы срубной культуры у с. Терновое // ДАС. 1994. Вып.5. С.114-124.

124. **Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б.** Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка // АА. 2001. Вып.10. С.119-144.

125. **Литвиненко Р.А., Посредников В.А., Гриб В.К.** Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) // ДАС. 1992. Вып.2. С. 94-112.

126. **Ляшко С. Н.** Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. К., 1994. С. 133-151.

127. **Макаренко М.** Маріупільський могильник. К., 1933.

128. **Мелюкова А.И.** Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII.

129. **Методические рекомендации** к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса» / Сост. Д.П. Кравец, В.А. Посредников. Донецк, 1990.

130. **Миллер А.** Раскопки в Таганрогском округе // Тр. XII АС в г. Харькове. 1905. Т.1.

131. **Михлин Б.Ю.** Раскопки в Донецкой области // АО 1971 года. М., 1972. С.321.

132. **Михлин Б.Ю.** Погребение с золотыми украшениями в кургане у с. Васильевка // АО 1972 года. М., 1973.

133. **Михлин Б.Ю.** Граффити на котле из Донецкой области // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Вып.XI. С.29-32.

134. **Міхлін Б.Ю.** Передскіфське поховання поблизу с.Василівка // Археологія. 1979. № 30.

135. **Монахов С.Ю.** Греческие амфоры в Причерноморье. Комплекс керамической тары VII-II вв. до н.э. Саратов, 1999.

136. **Моруженко А.А.** Исследования в Харьковской и Донецкой областях // АО 197 года. М., 1975. С. 330.

137. **Моруженко А.А.** Раскопки в Д нецкой области // АО 1979 года. М., 198 С.310-311.

138. **Моруженко А.А.** Исследования территории Донецкой области // АО 1984 го М., 1986.

139. **Моруженко А.А.** Исследование мятников в Донецкой области // АО 1985 г М., 1987. С.375-376.

140. **Моруженко А.А.** Скифские пам ники Донецкой области // Проблемы охран исследования памятников археологии в Доно се. ТД семинара. Донецк, 1989.

141. **Моруженко А.А.** Сарматские пам ники Донецкой области // Проблемы охран исследования памятников археологии в Доне се. ТД семинара. Донецк, 1989а.

142. **Моруженко А.А.** Скифский ку Передериева Могила // Проблемы скифо-с матской археологии Северного Причерномор ТД. Запорожье, 1989б. С.92-93.

143. **Моруженко А.А.** Скіфський кур Передерієва Могила // Археологія. 1992. № С.67-75.

144. **Моруженко А.А., Евглевский А** Исследование кургана у с. Птичье в бассей Волчьей // ДАС. 1993. № 3. С.109-124.

145. **Моруженко А.А., Привалов А Андриенко В.П., Шаповалов Т.А., Коси В.А., Лыфарь Т.П., Привалова О.Я., Ше Л.Г., Потемкина Т.М., Гриб В.К.** Исследова на юге Донецкой области // АО 1978 года. 1979. С.375-376.

146. **Моруженко А.А., Литвиненко** Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. // ДАС. 1993. Вып. 3. С.72-92.

147. **Нечитайло А.Л.** О сосудах май кого типа в степной Украине // СА. 1984. № 4

148. **Нечитайло А.Л.** Связи населе степной Украины и Северного Кавказа в эпо бронзы. К., 1991.

149. **Нечитайло А.Л.** Особливості в ву металовиробництва Кавказу на Півні Причорномор'я за доби середньої брон Археологія. 1992. № 2. С.22-29.

150. **Ольховский В.С.** Скифские изв

ья Северо-Восточного Приазовья // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С.237-249.

151. **Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.** Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994.

152. **Отрощенко В.В., Формозов А.А.** К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Prachistorika. Sofia, 1988. С.147-178.

153. **Петрунь В.Ф.** Еще о лабораторно-полевом аспекте археолого-петрографических древностей // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Донецк, 1996. Часть 2. С.37-41.

154. **Писларий И.А., Филатов А.П.** Тайники степных курганов. Донецк, 1972.

155. **Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния // САИ. Е4-2. М., 1974.

156. **Полидович Ю.Б.** Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // АА. 1993. № 2. С.35-98.

157. **Полидович Ю.Б.** Раскопки курганов в Амвросиевском районе Донецкой области // Археологічні дослідження на Україні - 1992. К., 1993а. С.114-115.

158. **Полідович Ю.Б., Муханова В.О.** Нова знахідка скіфської статуї у Донбасі // Літопись Донбасса. Вып.IV-V. Ч.I. Донецк, 1997. С.22-26

159. **Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В.** Срубный погребальный комплекс из Русиного Яра (Донбасс) // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Донецк, 1996. Часть 1. С.100-105.

160. **Полідович Ю.Б., Цимиданов В.В.** Мідяна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності // Археологія. 1995. № 2. С.52-62.

161. **Попова Т.Б.** Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры // Труды ГИМ. 1955. Вып.24.

162. **Попова Т.Б.** К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. 1957. № 1.

163. **Посредников В. А.** Работы в Донецкой области // АО 1980 года. М., 1981. С.303-304.

164. **Посредников В.А.** Исследования в Донецкой области // АО 1982 года. М., 1984. С.319.

165. **Посредников В.А.** Курган срубного времени у с. Заможное на Донетчине (к относительной хронологии типов погребальных сооружений) // ДАС. Вып.2. 1992. С.84-93.

166. **Посредников В.А.** Курганный могильник «Зирка» // ДАС. 1993. Вып. 3. С.61-71.

167. **Посредников В. А.** Материалы кургана 2 курганной группы у с. Заможное (Северное Приазовье, срубное время) // ДАС. 1998. Вып.8. С.30-40.

168. **Посредников В. А., Зарайская Н.П.** Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) // ДАС. 1993. Вып. 4. С.82-178.

169. **Посредников В.А., Кравец Д.П.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса // ДАС. 1992. Вып.1. С.47-56.

170. **Посредников В.А., Кравец Д.П., Ткачев Н.И.** Из дневников раскопок курганов у с. Великое Орехово (Донецкий кряж, срубное и позднеполовецкое время) // ДАС. 1994. Вып.5. С. 141-168.

171. **Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П.** Материалы курганов у пос. Степной и с. Шнурки (Среднее Подонцовье, эпоха бронзы и средневековья) // ДАС. 1996. Вып. 6. С.109-151.

172. **Потемкина Т.М.** К анализу погребальных конструкций раннего железного века Юго-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк, 1986. С.48-50.

173. **Потемкина Т.М.** Новые погребения раннего железного века в бассейне Северского Донца // ДАС. 1993. Вып. 3. С.93-95.

174. **Привалов А.И.** Раскопки курганов на р. Сухие Ялы // АО 1972 года. М., 1973. С.324.

175. **Привалов А.И.** К вопросу о культуре многоваликовой керамики в Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД обл. науч.-практ. семинара. Донецк, 1989.

176. **Привалов А.И.** Средневековое погребение из могильника «Баба» в Донбассе // АА. № 10. 2001. С.249-254.

177. **Привалов А.И., Литвиненко Р.А.** Памятники культуры многоваликовой керамики в бассейне р. Мокрая Волноваха // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Часть первая. Донецк, 1996. С.76-79.

178. **Привалов А.И., Привалова О.Я., Зарайская Н.П.** Раскопки скифского кургана в

Донбассе // АО 1978 года. М., 1979. С.390-391.

179. **Привалова О.Я.** Раскопки Александровского кургана // АО 1972 года. М., 1973. С.325.

180. **Привалова О.Я.** Работы Донецкого краеведческого музея // АО 1975 года. М., 1976. С.380.

181. **Привалова О.Я.** Дослідження Олександрівського кургану // Археологія. 1978. № 25. С.110-112.

182. **Привалова О.Я.** Исследования в донецкой области // АО 1981 года. М., 1983. С.310.

183. **Привалова О.Я.** Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С.8-97.

184. **Привалова О.Я.** Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье // АА. № 10. Донецк, 2001. с.145-154.

185. **Привалова О.Я., Зарайская Н.Н., Привалов А.Н.** Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. К., 1982. С.148-178.

186. **Привалова О. Я., Мищенкова Н. Е.** О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юга Восточной Европы // ДАС. 1998. Вып. 8. С.59-70.

187. **Привалова О.Я., Привалов А.Н.** Исследования курганов на территории Донецкой области // АО 1976 года. М., 1977.

188. **Привалова О.Я., Привалов А.Н.** Раскопки курганов в бассейне р. Кальмиус // АО 1979 года. М., 1980. С. 325-326.

189. **Привалова О.Я., Привалов А.Н.** Савроматский памятник на р. Миус // ДАС. 1993. Вып.3. С.102-109.

190. **Привалова О.Я., Привалов А.Н.** Погребения эпохи средней бронзы Петровского курганного могильника // Літопис Донбасу. 2002. № 10. С.3-9.

191. **Привалова О.Я., Привалов А.Н., Зарайская Н.Н., Хомутов В.Г** Работы Донецкого краеведческого музея // АО 1977 года. М., 1978.

192. **Репресоване краєзнавство.** К., 1991.

193. **Русяева М.В.** Отражение рассказа Геродота о битве старых и молодых скифов в произведениях торевтики // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков. 1995. С.55-56.

194. **Санжаров С.Н.** Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. 1983. № 3. С.202-207.

195. **Санжаров С.Н.** Раскопки курганов в Донбассе // АО 1984 года. М., 198 С.305-306.

196. **Санжаров С.Н.** Некоторые аспекты исследования катакомбных комплексов моделировкой лица из Донецкого Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донец 1986а. С.20-22.

197. **Санжаров С.Н.** Раскопки курган в бассейне Северского Донца // АО 1985 го М., 1987. С.407-408.

198. **Санжаров С.Н.** Погребения доне кой катакомбной культуры с иральными кос ми // СА. 1988. № 1. С.144-148.

199. **Санжаров С.Н.** Работы Донецко университета // АО 1986 года. М., 1988 С.332-334.

200. **Санжаров С.Н.** Охра в изобразите ной деятельности племен эпохи средней брон Донетчины // СА. 1989. № 2. С.97-107.

201. **Санжаров С.Н.** Позднекатакомбн погребения из Северо-Восточного Приазовья Катакомбные культуры Северного Причерно рья. Источники. Проблемы. Исследования. 1991. С.235-253.

202. **Санжаров С.Н.** Северскодонец раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. Луганск. 1992.

203. **Санжаров С.Н.** Мариупольская к лекция керамики из раскопок Н.Е. Макаре // РА. 1992. № 2.

204. **Санжаров С.Н.** О некоторых воп сах культурного развития и хронологии в по катакомбное время // РА. 1993. № 1. С.21-

205. **Санжаров С.Н.** Курганы у г. Кра торска на Казенном Торце // Древние культу Подонцовья. Луганск, 1993а. С.58-90.

206. **Санжаров С.Н.** Курган с прям стратиграфией погребений культуры много ликовой керамики из Донецкого Приазовья Древности Волго-Донских степей. Волгог 1994. Вып. 4. С.101-106.

207. **Санжаров С.Н.** О некоторых напр лениях в изучении катакомбных древно Восточной Украины // Древние культуры Б точной Украины (проблемы изучения и пр вой охраны археологического наследия). ганск. 1996. С.231-234.

208. **Санжаров С.Н.** Раннесрубные ребения Новониколаевского могильника Северском Донце // Древние культуры В

ной Украины. Луганск, 1996а. С.187-197.

209. **Санжаров С.Н.** О памятниках донецкой катакомбной культуры на территории Северо-Восточного Приазовья // Бахмутский [illegible]. Луганск, 1997. С.60-65.

210. **Санжаров С.Н.** О позднекатакомбных памятниках ингульского типа на территории Северо-Восточного Приазовья // Древности Северского Донца. Вып.2. Луганск, 1999. С.44-61.

211. **Санжаров С.Н.** К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. С.238-246.

212. **Санжаров С.Н.** Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001.

213. **Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А.** [illegible] эпохи бронзы близ г. Славяногорска // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. Вып.2. Луганск, 1992. С.101-115.

214. **Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., [illegible]ых Е.А., Прынь А.В.** Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и [illegible] место в системе древностей юга Восточной [illegible]ы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № [illegible] 122-161.

215. **Санжаров С.Н., Привалов А.И.** [illegible]нарное позднекатакомбное погребение [illegible]чине // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С.105-110.

216. **Санжаров С.Н., Привалова О.Я.** [illegible] материалы эпохи бронзы из Донецкого [illegible] // СА. 1987. № 3. С.209-211.

217. **Сибільов М.В.** Стародавня посуда з «письменами» // Археологія. 1952. Т.VI. [illegible] 141.

218. **Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверж[illegible] их политического господства в Ски[illegible] М., 1984.

219. **Список памятников археологии [illegible]ы.** Донецкая область / Сост. О.Я. При[illegible] А.И. Привалов. К., 1988.

220. **Стороженко С.К.** Раскопки Кураховской курганной группы // АО 1970 года. М., [illegible] С.297.

221. **Строженко С.К., Кирієнко О.Я.** [illegible] курганів XI-XII ст. в Донецькій області // АДУ 1969 р. К., 1972. Вип. IV. С.273-275.

222. **Татаринов С.И.** Работы Артемовской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С.344-345.

223. **Татаринов С.И.** Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс) // СА. 1981. № 4. С.250-253.

224. **Татаринов С.И.** Раннескифское погребение из Приазовья // СА. 1982. № 1. С.[illegible]-229.

225. **Татаринов С.И.** Работы Артемовской экспедиции // АО 1986 года. М., 1988. С.340.

226. **Татаринов С.И.** История археологических исследований Бахмутского края // Былое. Артемовск, 1993а. № 4-5. С. 4-63.

227. **Татаринов С.И., Кравец Д.П., Копыл А.Г.** Древности Бахмутского края. Артемовск, 1996.

228. **Татаринов С.И., Посредников В.А., Афанасьева В.В., Федяев С.В.** Голоса тысячелетий (Очерки археологии Бахмутского края). Артемовск, 2001.

229. **Тахтай А.К.** Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г.Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. К., 1999. № 2. С.160-169.

230. **Телегин Д.Я.** Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР. К., 1985. Т. 1. С.305-319.

231. **Тереножкин А.И.** Киммерийцы. К., 1976.

232. **Трифильев Е.П.** Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии // Тр. XII АС в г. Харькове. М., 1905. Том I.

233. **Трифильев Е.П.** Археологическая экскурсия по течению рр. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губернии летом 1904 года // Тр. XIII АС в г. Екатеринославе в 1905 г. М., 1907. Том I.

234. **Усачук А.Н.** О культурной принадлежности некоторых погребений из раскопок В.А. Городцова в Донбассе // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк, 1986. С.22-23.

235. **Усачук А.Н. Н.Е. Макаренко**: срубные материалы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. ТДК. Луганск, 1990.

236. **Усачук А.Н.** Исследования кур-

ганов срубного времени // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Полтава, 1991. Ч.2. С.46-48.

237. **Усачук А.Н. Раскопки И.Е. Макаренко и В.М.** Евсеева на территории Донецка // ДАС. 1993. № 3. С.47-52.

238. **Усачук А.Н.** Исследования В.М. Евсеева в восточных районах Донецкой области // ДАС. 1994. № 5. С. 97-104.

239. **Усачук А.Н.** К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментах в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С.70-87.

240. **Устенко В.Я.** Новые памятник эпохи бронзы на территории Донбасса // Тезисы докладов и сообщений научной конференции преподавателей гуманитарных факультетов. Харьков, 1967. С. 58.

241. **Феляев С.В., Татаринов С.И.** Уникальное погребение катакомбной культуры с «игрушкой» // Проблемы истории и археологии Украины. ТД. Харьков, 1997. С.22.

242. **Формозов А.А.** Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1.

243. **Харламов В.А.** Раскопки курганов по берегу р. Кальмиуса // Древности. М., 1914. Т.23. Вып.2.

244. **Харламов В.А.** Раскопки на берегах р. Калмиуса и в Области Войска Донского // Тр. XIII АС в Екатеринославе в 1905 г. М., 1908. Том II. IV. Протоколы. С.235-236.

245. **Цимиданов В.В., Евглевский А.А.** Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // АА. 1993. № 2. С.99-112.

246. **Черненко Є.В.** Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970. Т. XXIII. С.176-181.

247. **Шаповалов Т.А.** Раскопки у пос. Новолуганское Донецкой области // АНУ 1967 года. К., 1968. Вып.II.

248. **Шаповалов Т.А.** Погребение предскифского времени в кургане Стрижена Могила // АНУ 1968 года. К., 1971. Вып. III.

249. **Шаповалов Т.О., Колесник О.В.** Розкопки курганів у Донецькій області // АДУ в 1969 р. К., 1972. Вип. IV. С.66-71.

250. **Шаповалов Т.О., Телегін Д.Я.** Матеріали епохи міді-бронзи з Донецького музею // Археологія. 1971. Вип.І. С.86-88.

251. **Шапошникова О.Г.** До питання про металообробку у племен донецької катакомбної культури // Археологія. 1971. № 1. С.22-26.

252. **Шарафутдінова І.С.** Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. 1980. № 30.

253. **Швецов М.Л.** Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974. № 13. С.93-98.

254. **Швецов М. Л.** Половецкие святилища // СА. 1979. №1. С.199-209.

255. **Швецов М. Л.** Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С.192-202.

256. **Швецов М.Л.** Стела V-VI вв. из Приазовья // СА. 1980а. № 4. С.268-269.

257. **Швецов М. Л.** Исследование курганного могильника у д. Самойлово // АО 1981 года. М., 1982. С. 332.

258. **Швецов М.Л.** О головном уборе половчанки // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1993.

259. **Швецов М.Л.** О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчак // III Краеведческие чтения, посвященные 400-летию г. Саратова. Саратов, 199. С.132-137.

260. **Швецов М.Л.** Три погребения из кургана 2 у села Васильевка // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Часть первая. Донецк, 1996. С.105-108.

261. **Швецов М. Л.** Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С.39-40.

262. **Шепко Л.Г.** Курган эпохи бронзы с. Новотроицкое // Проблемы эпохи бронзы Восточной Европы. ТДК. Донецк, 1979.

263. **Шепко Л.Г.** Сарматское погребение с римским импортом в Приазовье // Археология и краеведение – школе. ТД. Донецк, 1985. С.33-34.

264. **Шепко Л.Г.** Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С.158-173.

265. **Шепко Л.Г.** Женское погребение с топором в Донбассе // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997.

266. **Шепко Л.Г.** Позднекочевническое погребение у поселка Сурово // ДАС. 2001. № 9. С.112-120.

267. **Шепко Л.Г., Швецов М.Л.** Скиф-

...тские комплексы в бассейне реки Калки в ...овье // Проблемы археологии Юго-Вос...ой Европы. ТД. Ростов-на-Дону, 1998. ...117-119.

268. **Шрамко Б.А.** Древности Северского ...я. Харьков, 1962.

269. **Яценко И.В.** Скифия VII-V вв. до н.э. // Труды ГИМ. 1959. Вып.36.

270. **Podobed V.A., Simonenko A.V.** A Late Sarmatian Burial in the Central Donetsk Basin // Communicationes archaeologicae hungariae. 1998. P.99-108.

271. **Tallgren A.M.** La Pontide préscythique aprés l'introduction des métaux // ESA. II. 1926.

Авторы-составители:
Усачук А.Н.
Полидович Ю.Б.
Цимиданов В.В.
Литвиненко Р.А.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2003 г.

Археологический альманах №14. Донецк 2003. С. 110-132.

КУРГАНЫ У с. ИВАНО-ДАРЬЕВКА (БАССЕЙН БАХМУТА, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДОНБАСС)

Полякова О.А., Полидович Ю.Б.

In 1990-1993, near the village Ivano-Darevka (Artemovsk distrikt of the Donetsk region), barrows No 6-7 in a group of eleven barrows and individual barrow No 1 were excavated. 23 burials of Bronze Age were investigated: These include one Pit Culture burial (No 8 in the barrow No 7), two Katakomb Culture burials (No 7, 14 in the barrow No 7), one Babino Culture burial (No 3 in the barrow No 7) and 19 Timber-Grave Culture burials. Clay vessels were found in most of them as well as in the embankments of barrows No 7 and No 1. One burial of Middle Age nomads was investigated in barrow No 6 (No 4).

В данной работе завершается публикация курганов, раскопанных возле с. Ивано-Дарьевка Артемовского района Донецкой области в 1990-1991 и 1993 годах (рис.1).

Курганы первой группы (Ивано-Дарьевка-I) располагались в 1,7 км к С от с.Ивано-Дарьевка и состоявшей из 11[1] курганов. Насыпи курганов располагались парами или группами по дуге с В к ЮЗ на вершине водораздела над правым высоким берегом р. Сухая Плотва (правый приток р. Бахмут) (рис.2). Четыре кургана (1-4) из этой группы были раскопаны новостроечной экспедицией ДонГУ в мае-июне 1990 г. [Кравец, Посредников, Литвиненко, 1993]. Курган 5 исследовался осенью 1990 г. экспедицией под руководством А.В. Евглевского [Литвиненко, Полидович, 2001]. Тогда же, в 1990 г., и на следующий год в данной группе этой же экспедицией было исследовано еще 2 кургана – курганы 6 и 7[2]. Они образовывали несколько обособленную пару и располагались в западной части всей курганной группы.

ИВАНО-ДАРЬЕВКА-I, КУРГАН 6

Курган находился в 200 м к В от курганов 2 и 5 и в 70 м к ЮВ от кургана 7. В плане насыпь кургана имела округлую форму диаметром 22 м и высотой 0.6 м. Она интенсивно распахивалась. Курган исследовался при помощи бульдозера с оставлением одной центральной бровки (рис.3, 1).

В *стратиграфическом разрезе* по восточной стороне прослежены следующие слои (рис.3, 3):

- материковый суглинок с уровня 1.5 м;
- погребенная почва мощностью 0,45 м с прослеженной линией ДГ 3 м в южной части разреза;
- каменное перекрытие над погребением 3, южная часть которого находится на 0,2 м ниже уровня ДГ (провал над ямой ?), а северная – на 0,25 м выше;
- ровики шириной до 0,75 м, заполненные камнями, которые плотно уложены и образуют стеночку выступающую на 0,5 - 0,65 м по отношению к уровню материка;
- насыпь I – мощностью 0,7 м в центральной части; ее линия перекрывает каменное заполнение ровика, что прослежено в северной части бровки;
- выкид из средневекового погребения 4 прослеженный по западной стороне бровки;
- разрез погребения 4, сооруженный уровня насыпи I;
- насыпь II, совпадающая по параметрам с параметрами современной насыпи;
- пахотный слой мощностью до 0,25 м

[1] В предыдущих публикациях не учитывался курган, находящийся в 170 м на З от курганов 2 и 5 в саду, ...ченный по топографическим картам М: 1:100 000.

[2] Авторы чрезвычайно благодарны А.В. Евглевскому за предоставл... материалы.

Рис. 1. Ситуационная карта расположения курганов в бассейне р. Бахмут.

Fig. 1. The map of the barrows situation in the Bakhmut river basin.

Рис. 2. Ситуационная карта расположения курганов у с. Ивано-Дарьевка.

Fig. 2 The map of the barrows situation near village Ivano-Darevka.

В кургане обнаружено **4 погребения**: 3 – срубных, 1 – позднекочевническое.

Погребение 1 (срубное) (рис.4, 1) – в 2,6 м к В и на уровне 1,41 м от Р. Было совершено в каменном ящике, имеющем в плане подтрапециевидную (?) форму и ориентированном длинной осью почти по линии В – З. Ящик был сложен из 4 плит песчаника, в последующем сильно сдвинутых с первоначального места распашкой. Плиты были установлены в грунтовой яме, в стык друг другу, при установке вкапывались ниже дна погребения на 3-5 см. Дно находилось в древней погребенной почве. Внутренние размеры ящика – 0,98-0,67 х 0,34-0,47 м, глубина – около 0,30 м. Перекрытие, разрушенное распашкой и бульдозером, состояло из плит толщиной 3-6 см. На уровне перекрытия обнаружен фрагмент верхней части остроребероного сосуда. Скелет полностью истлел, лишь в нескольких местах были зафиксированы незначительные пятна костного тлена. В юго-восточном углу погребения обнаружен невыразительный фрагмент стенки лепного сосуда.

Сосуд – остроребероного типа, в верхней части украшенный композицией из прочерченных линий и вдавлений между ними, выполненных полой трубочкой. Срез венчика также украшен вдавлениями полой трубочки. Поверхность тщательно заглаженная, серого цвета. Дв[3] – около 14 см, Дмах – до 15,8 см (рис.4, 2).

Погребение 2 (срубное) (рис.4, 3) – в 2,75 м к З и на уровне 1,65 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, предположительно имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Размеры ямы – 0,90 х 0,67 м. На дне погребения обнаружены невыразительные кальцинированные кости и развал сосуда.

Сосуд – горшковидного типа, с отогнутым венчиком и мягким перегибом в верхней трети сосуда. Верхняя треть орнаментирована. На внешнем крае венчика расположен пояс каплевидных вдавлений, на шейке и плечиках – зигзаг, верхние поля которого заполнены «треугольничками», составленными каплевидными вдавлениями, а большинство нижних – прочерченными уголками и вдавлениями; одно же поле заполнено косым

3 - В статье применяются следующие сокращения в обозначении размеров сосуда: Дв – диаметр венчика, Дмах – диаметр максимальный, Дд – диаметр дна.

крестом. Поверхность сосуда тщательно обработана, серо-оранжевого цвета со следами нагара в нижней части. Высота – 14,3 см, Дв – 18,0 см, Дмах – 20,2 см, Дд – 10,0 см (рис.4, 4).

Погребение 3 (срубное) (рис.5, 1) – в центре кургана на уровне 1,68-1,70 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, ориентированной длинной осью, скорее всего, по линии ВЮВ – ЗСЗ. Яму перекрывала широкая каменная вымостка (рис.3, 1). Вымостка и само погребение были разрушены при сооружении погребения 4. В сохранившемся северо-восточном углу погребения найден развал сосуда.

Сосуд – баночного типа со слабопрофилированной верхней частью. Поверхность сосуда бугристая, серого цвета, местами покрыта разнонаправленными расчесами. Высота – 16,4 см, Дв – 16,6 см, Дд – 10,6 см (рис.4, 5).

Погребение 4 (позднекочевническое) (рис.5, 1-2) – в центре кургана на уровне 2,82 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане вытянутую подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии ЮВ – ЗСЗ. Яма прослежена с уровня материка на глубину 1,16 м. Она была в верхней части сильно разрушена во время ограбления. Стенки были почти отвесные, углы – закругленные, особенно, на западной стенке, размеры у дна – 2,45 х 1,75 м. Яма была забутована смешанным грунтом и камнями. Кроме того, в заполнении были обнаружены кости коня, череп и отдельные кости человека, наконечники стрел, фрагменты железных кольчуги, костяные накладки колчана, гончарный сосуд, свинцовые застежки и бронзовые бусы, попавшие туда вследствие ограбления погребения. На дне в западной части ямы сохранились остатки деревянного настила шириной 1,48 м. На нем находились отдельные кости погребенного (взрослый мужчина) и некоторые предметы инвентаря, лежавшие в беспорядке. В южной и восточной частях ямы был зафиксирован тлен коричневого цвета от подстилки.

Описание находок:

1. *Сосуд* – гончарный, горшковидной формы, высоких пропорций с плавно отогнутым венчиком. По плечику украшен четырьмя поясом неглубоких горизонтально прочерченных бороздок. Внешняя поверхность серая оранжевого цвета, полностью покрыта нагаром, а местами – окислами железа. Внутренняя поверхность имеет рифление, в нижней части более широкие и выразительные, чем в верхней. Высота – 18,8 см, Дв – 12,4 см, Дмах – 16,8 см, Дд – 8,4 см (рис.5,3). Не исключено, что сосуд является более поздним по отношению к остальному инвентарю погребения и попал в заполнение ямы во время ограбления.

2. *Фалары* – обнаружены фрагменты, по меньшей мере, трех изделий, медных с позолотой. Центральная часть фаларов выполнена в технике невысокого рельефа в виде распустившегося цветка. Бортик плоский, шириной 0,3-0,5 см. В нем на расстоянии 1,7 см друг от друга были пробиты отверстия для пришивания различного диаметра. В одном из отверстий сохранились остатки веревочки толщиной 15 мм. Общий диаметр фаларов около 6,7 см (рис.5, 4-6).

3. *Наконечник стрелы* – железный, пламевидной формы со слегка вогнутыми нижними гранями и выступающими центральными частями. Длина – 6,0 см (рис.6, 7).

4. *Наконечник стрелы* – железный, пламевидной формы с находящимися под прямым углом нижними гранями, плоский в сечении. Длина – 5,7 см (рис.6, 8).

5. *Наконечник стрелы* – железный, пламевидной формы, удлиненных пропорций, плоский в сечении. Длина – 11,6 см (рис.6, 6, 11).

6. *Наконечник стрелы* – железный, бронебойного типа, квадратный в сечении. Длина – 6,0 см (рис.6, 9).

7. Фрагменты *черешков* от 5 железных наконечников стрел.

8. *Наконечник стрелы* – костяной, втульчатый, вытянуто-конической формы, круглый в сечении. Длина – 4,8 см (рис.6, 10).

9. *Костяная накладка* на колчан – изготовлена из ребра крупного животного. Внутренняя поверхность густо покрыта косыми насечками для улучшения склеивания. Длина сохранившейся части – 20,6 см (рис.6, 15).

10. *Костяная накладка* на колчан – изготовлена из трубчатой кости крупного животного. Внешняя поверхность украшена косыми насечками, внутренняя – покрыта разнонаправленными насечками для улучшения склеивания. Длина сохранившейся части – 12 см (рис.6, 12).

11. *Костяная накладка* на колчан (?) – изготовлена из ребра крупного животного. На внешней поверхности прочерчена продольная черта. Имеются 2 отверстия диаметром 0,35 см. Длина сохранившейся части – 10,1 см (рис.6, 14).

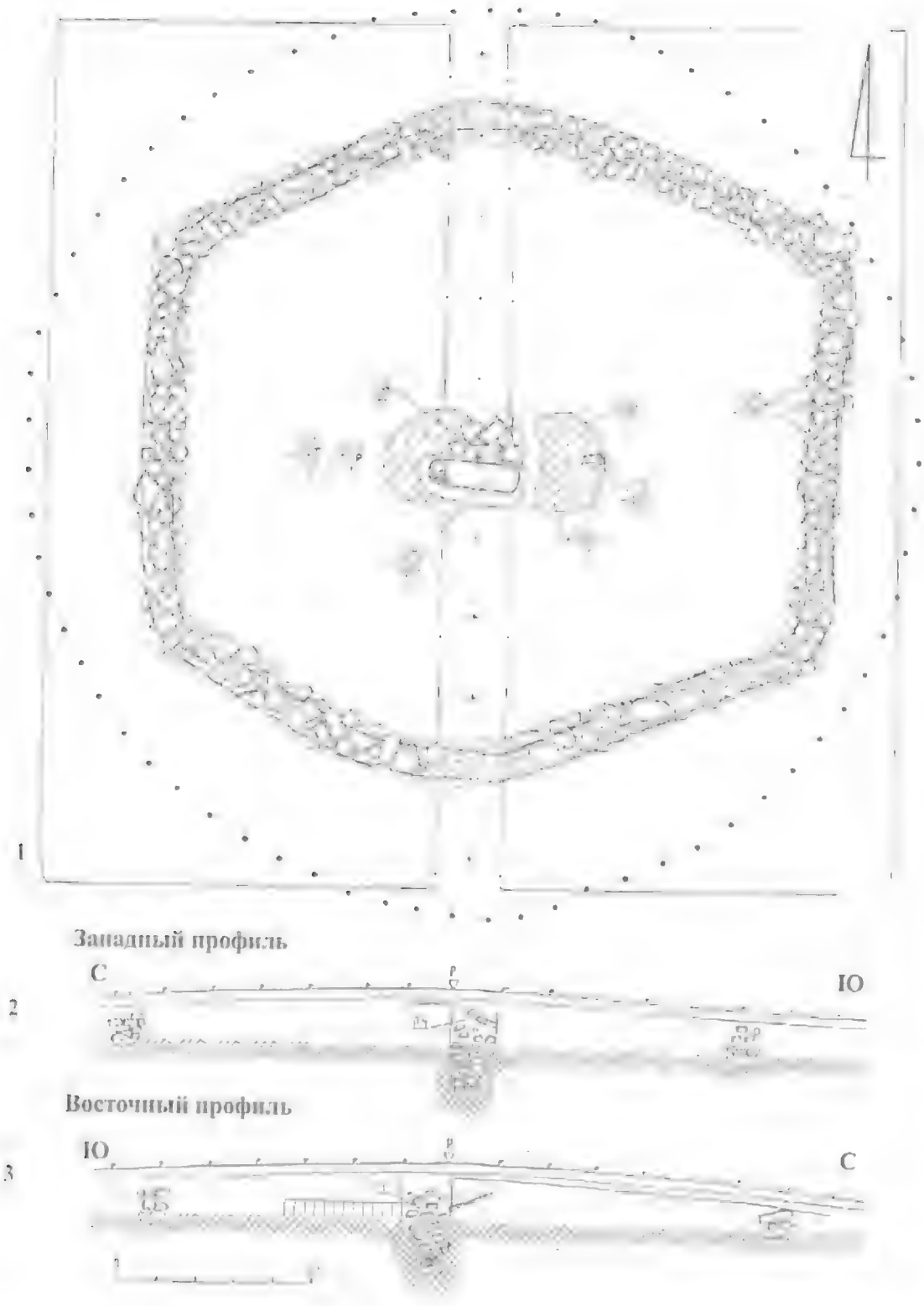


Рис. 3. Иваио-Дарьевка-I, курган 6: 1 – общий план; 2 – 3 – стратиграфические разрезы.

Fig. 3. Ivano-Darevka-I, barrow 6: 1 – general plan; 2 – 3 – stratigraphy.

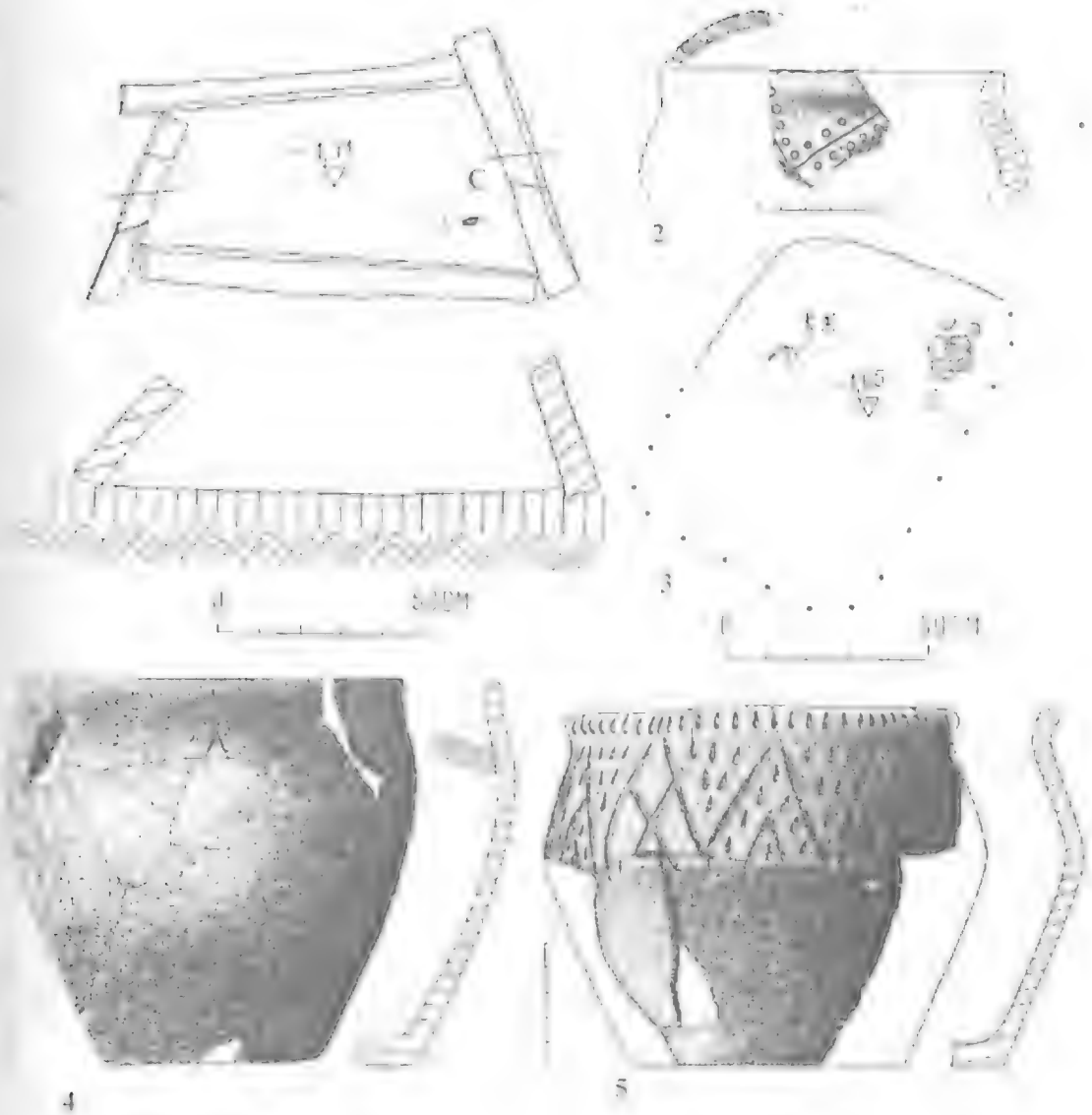


Рис. 4. Ивано-Дарьевка-I, курган 6: 1 – 2 – погребение 1; 3 – 4 – погребение 2; 5 – погребение 3.

Fig. 4. Ivano-Darevka-I, barrow 6: 1 – 2 – burial 1; 3 – 4 – burial 2; 5 – burial 3.

12. *Петля от колчана* – костяная, с большим центральным (1,3 х 0,45 см) и двумя маленькими (0,6 х 0,5 см) отверстиями на краях (рис.6, 13).

13. *Удила* – железные, встречены во фрагментированном виде. Изготовлены из подовального в сечении прута. Представляют собой стержень с петлей на конце, в которую вставлено подвижное кольцо. Д – 1,9 см (рис.6, 5).

14. *Пряжка* – железная, в форме усеченного ромба. Изготовлена из овальной в сечении проволоки. Размеры – 2,8 х 2,7 см (рис.6, 3).

15. *Фрагменты кольчуги* – железной, состоящей из плоских в сечении колец. Диаметр колец в среднем 1,4 см, диаметр проволоки – 0,4 см (рис.6, 4).

16. *Застежки* (9 шт.) – состоят из свинцового основания подквадратной в плане формы и впаяных в них бронзовых, овальных в плане петелек. Размеры: оснований – в среднем 1,5 х 1,5 х 0,3 см; петелек – 1,1 х 0,4 см (рис.6, 1).

17. *Скобки* (2 шт.) – бронзовые, изготовлены из плоской в сечении проволоки. Длина скобок 3,2 и 2,5 см (рис.6, 2).

По совокупным данным можно предположить следующую последовательность сооружения кургана.

Первичная насыпь, состоящая из гумуса темно-серого цвета, имела диаметр около 18-20 м. Возможно, она сооружалась в два приема. Изначально существовал небольшой курган, связанный с погребением 2. В его восточной поле сооружается погребение 3. Таковую его позицию можно установить на том основании, что каменная вымостка над погребением 3 находится на 0,25 м выше уровня ДГ. Насыпь I перекрывает погребение 3, а по ее краю сооружается шестиугольный в плане **ровик**, заполненный кусками песчаника (средние размеры 0,5 х 0,45 х 0,08). Размер сооружения по линиям ССЗ – ЮЮВ – 14,7 м, ССВ – ЮЮЗ – 15,7 м, З – В – 15,7 м. Ровик был выкопан с уровня ДГ на глубину 0,63-0,72 м (1,68-1,77 м от Р). Дно ровика имело ширину 0,45-0,50 м. На уровне материка ширина увеличивалась до 0,65-0,8 м. Нижняя часть ровика была заполнена чернозем на высоту 12-20 см. На нем были уложены камни, сложенные достаточно плотно, плашмя друг на друге. Высота каменной оградки составила 0,55-0,8 м. Ширина заклада в своем верхнем основании достигает 1,35 м. В стратиграфическом разрезе восточной стороны бровки, в ее северной части было прослежено, что верхняя часть оградки вплотную подходит к поверхности первичной насыпи. Со временем оплывшая насыпь I перекрыла оградку.

В насыпь I было впущено срубное погребение 1, совершенное в каменном ящике.

Вторичная насыпь, состоящая из чернозема, связана с позднекочевническим погребением 4, впущенным с глубины 0,37 м от Р. В стратиграфическом разрезе западной стороны бровки зафиксирован материковый выкид, лежащий на поверхности первичной насыпи. Длина выкида 1,2 м, мощность до 10 см. В траншеях к западу и востоку от могильной ямы зафиксированы 2 линзы этого материкового выкида. Западная линза, лежащая на глубине 0,33-0,44 м от Р, имела размеры 2,5 х 1,15 м. Восточная линза зафиксирована на глубина 0,35-0,48 м от Р с размерами 2,5 х 1,6 м. Сооружение насыпи II связано со средневековым погребением 4.

ИВАНО-ДАРЬЕВКА-I, КУРГАН 7

Курган находился в 160 м к СВ от кургана 2 и в 70 м к СЗ от кургана 6. В плане насыпь кургана имела округлую форму диаметром 14-16 м и высотой 0,2 м. Она интенсивно распахивалась. Курган исследовался при помощи бульдозера с оставлением одной центральной бровки (рис.7, 1).

В *стратиграфическом разрезе* центральной бровки прослеживались пахотный верхний слой мощностью 0,20-0,25 м; черноземный слой насыпи мощностью до 0,65 м; материковый суглинок с уровня 0,85 м от Р. В южной части разреза прослежены разрезы ям погребений 6 и 1, а также погребенная почва мощностью до 0,1 м под выкидом из погребения 10 (рис.7, 2).

В кургане зафиксировано 14 **погребений**, из которых одно (катакомбное погребение 1) по техническим причинам было законсервировано и осталось неисследованным. Из исследованных погребений 1 являлось ямным (погребение 8), 2 – катакомбным (погребения 7 и 14), 1 – культуры многоваликовой керамики (погребение 3); 8 – срубными (погребения 2, 4-6, 11-13), 1 – неопределимое (погребение 1).

Погребение 1 (неопределимое) – в 3,60 м к ЮВ и на уровне 0,60 м от Р. Впускное в насыпи. Сильно разрушенное распашкой. Можно

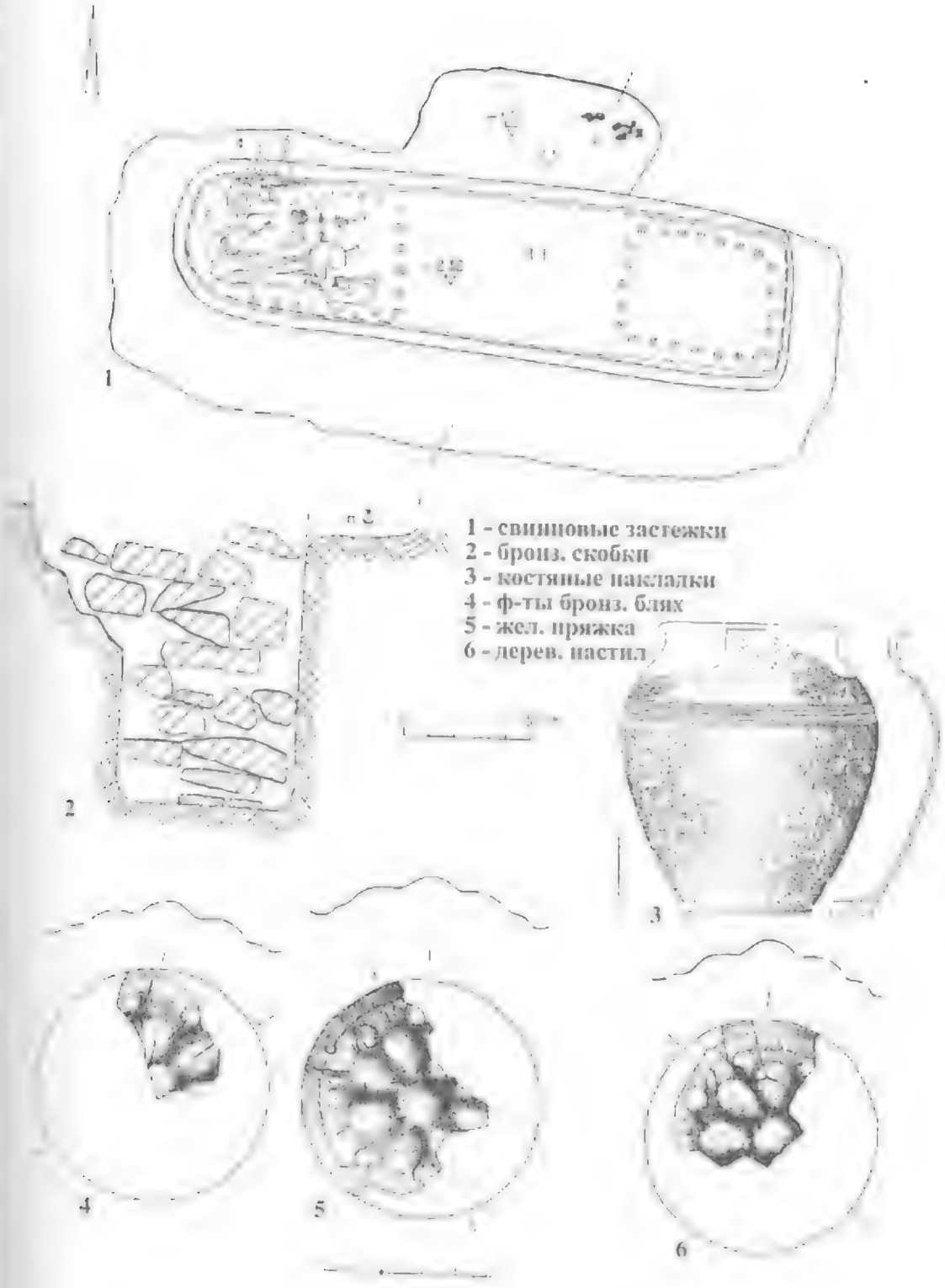


Рис. 5. Ивано-Дарьевка-I, курган 6, погребение 4.

Fig. 5. Ivano-Darevka-I, barrow 6, burial 4.

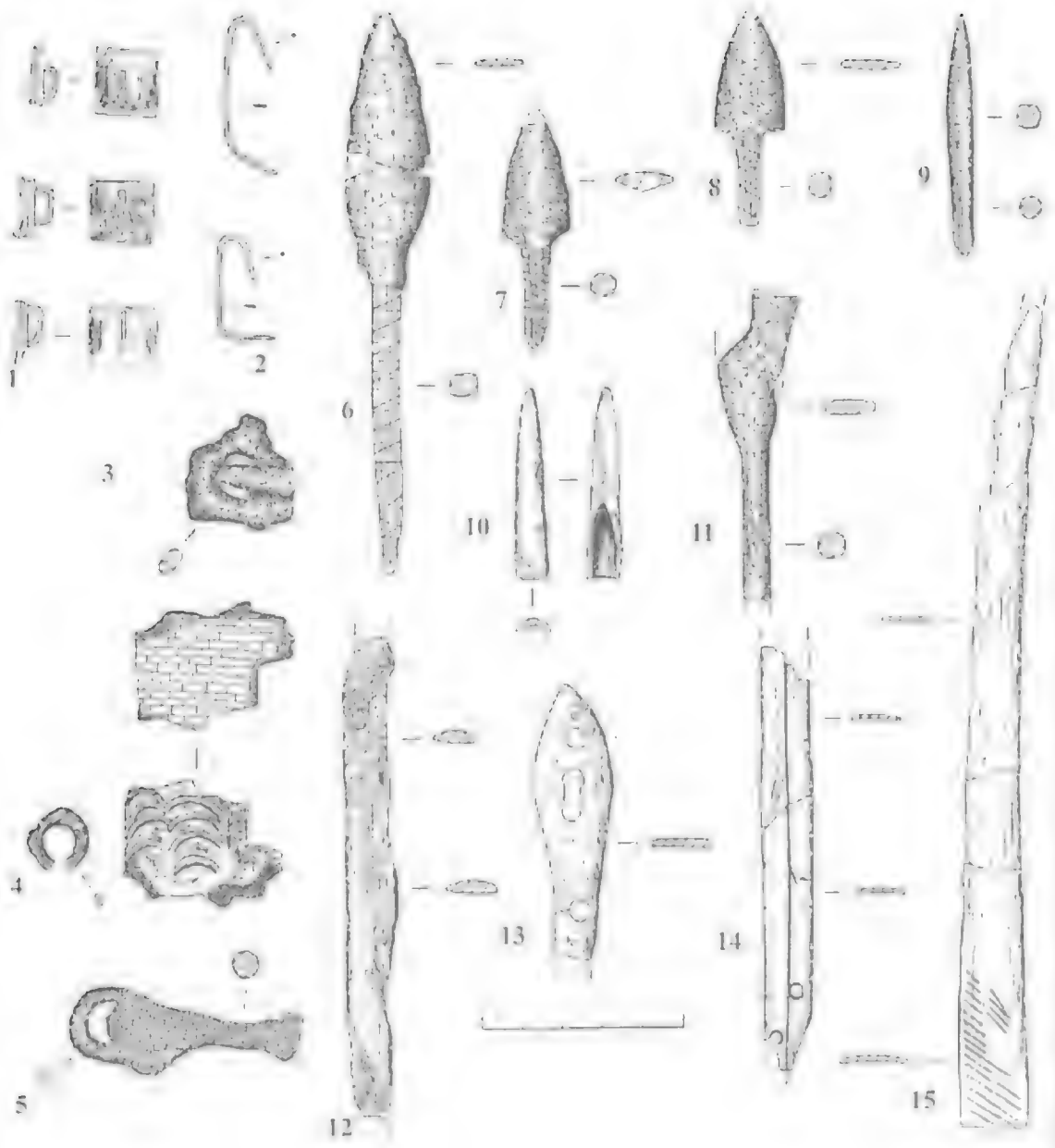


Рис. 6. Ивано-Дарьевка-I, курган 6, погребение 4.

Fig. 6. Ivano-Darevka-I, barrow 6, burial 4.

лагать, что скелет был ориентирован к С – СВ; положение не восстанавливается. Безинвентарное .

Погребение 2 (срубное) – в 4,25 м к ЮВ и на уровне 0,5 м от Р. Впускное в насыпи, частично разрушенное распашкой. Положение костяка (взрослого) не восстанавливается. На В стенке ямы зафиксированы фрагменты сосуда .

Сосуд – нижняя часть, горшкообразный с округлым туловом. Поверхность неровная, снаружи со следами вертикального заглаживания, темно-кирпичного цвета с темными пятнами. Внутренняя – со следами кругового заглаживания, коричневого цвета, дно – черного. Сохранившаяся высота – 7,8 см, Дмах – около 9 см, Дд – 9 см (рис.8, 1).

Погребение 3 (КМК) (рис.8, 2) – в 3,35 м к ЮЗ и на уровне 0,70 м от Р. Впускное до уровня материковой почвы. Контуры ямы не прослеживались. Скелет взрослого находился в скорченном положении на правом боку головой к З. Руки согнуты в локтях под тупым углом, кисть правой находилась у колена левой ноги. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах под очень острым углом. Безинвентарное

Погребение 4 (срубное) (рис.8, 4) – в 3,30 м к ЮЗ и на уровне 0,68 м от Р. Впускное. Контуры ямы не прослеживались. В засыпке найден кремневый отщеп. Скелет взрослого находился в скорченном положении на левом боку головой к СВ. Голова была подтянута подбородком к груди. Руки – согнуты в локтях прямым углом, кистями перед головой. Ноги согнуты в тазобедренных суставах почти прямым углом, в коленных – под острым. У затылочной части черепа находился сосуд.

Отщеп – полупервичный, из гальки кремово-желтого цвета, без следов использования. Изготовлен ударным способом без подработки плоскости, которая представляет собой естественную корку. С вентральной стороны пятнистый, что свидетельствует о его вторичном использовании в эпоху поздней бронзы или попадании в заполнение случайно вместе с грунтом. Размер: 5 х 4 см (рис.8, 5).

Сосуд – горшковидного типа, моделированный в верхней трети (слегка раструбное горло, короткая шейка и намеченные плечики). По плечикам орнаментирован двойным прочерченным зигзагом. Поверхность заглаженная, пятнистая, в основном коричневого цвета; в верхней части следы нагара. Высота – 19,7 см; Дмах. – 19,7 см; Д дна – 9,6 см (рис.8, 3).

Погребение 5 (срубное) (рис.8, 7-8) – в 8,25 м к ЮЗ и на уровне 0,95 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии В – З. Яма прослежена с уровня перекрытия на глубину до 0,46 м. Стенки ямы слегка наклонные, углы – сильно закругленные, размеры – 1,0 х 0,75 м. Перекрытие состояло из нескольких плит песчаника, сильно пострадавших от распашки. На дне, в южной части ямы найдены кости ног ребенка, по которым восстанавливается скорченное положение головой к В. У восточной стенки находился сосуд.

Сосуд – фрагментированный, горшковидного типа с округлыми боками и выделенным венчиком. Поверхность заглажена, со следами выгорелых травинок (?); на внутренней стороне следы горизонтального заглаживания; пятнистого коричневого, серого и черного цвета, внутренняя сторона – черная. Реконструированные размеры: высота – 15,8 см; Дв – 16,2 см; Дмах – 19,2; Дд – 10,6 см (рис.9, 6).

Погребение 6 (срубное) (рис.2) – в 7,30 м к ЮВ и на уровне 0,25 - 0,40 м от Р (сразу под пахотным слоем). Впускное. Зафиксированы отдельные фрагменты костей человека и фрагменты сосуда.

Сосуд – фрагментированный, баночного типа, с прямыми стенками. Поверхность заглажена, пятнисто черного и темно-бордового цвета. Сохранившаяся высота – 6,5 см, Дд – 9 см (рис.9, 3).

Погребение 7 (катакомбное) (рис.9, 1-2) – в 5,2 м к ЮЮВ и на уровне 1,37 м от Р. Было совершено в грунтовой яме катакомбного типа. Входная яма имела в плане подпрямоугольную форму, размеры – 1,22 х 0,76 м, дно поднятое в сторону камеры. Она соединялась с камерой параллельным сочленением через ступеньку высотой до 12 см. Камера почти овальной формы, размеры – 1,35 х 1,0 м, дно слегка наклонное. Остатки погребенного и инвентарь отсутствовали

Погребение 8 (ямное) (рис.9, 4) – в 1,0 м к ЮВ и на уровне 0,80 м от Р. Было совершено в

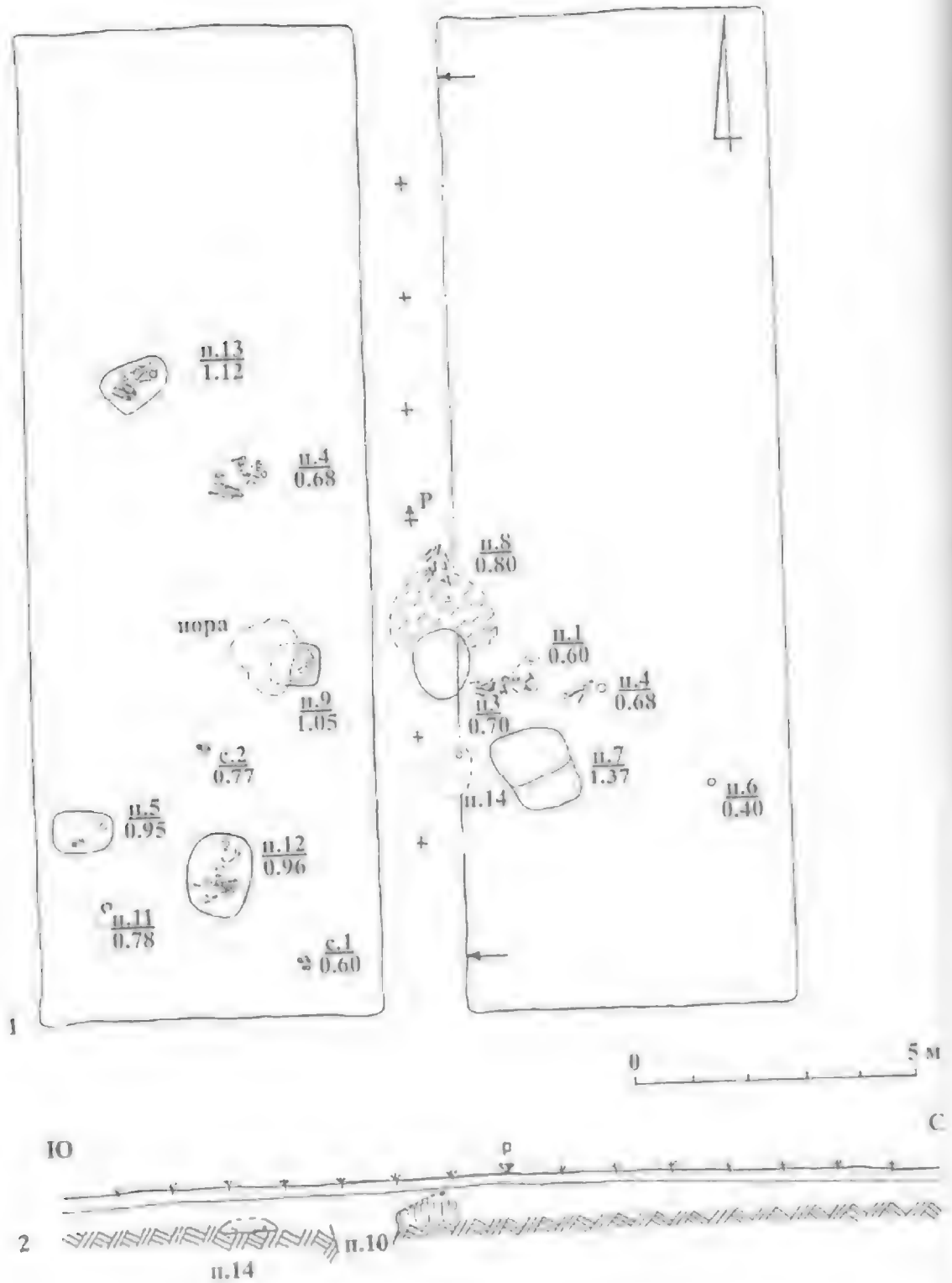
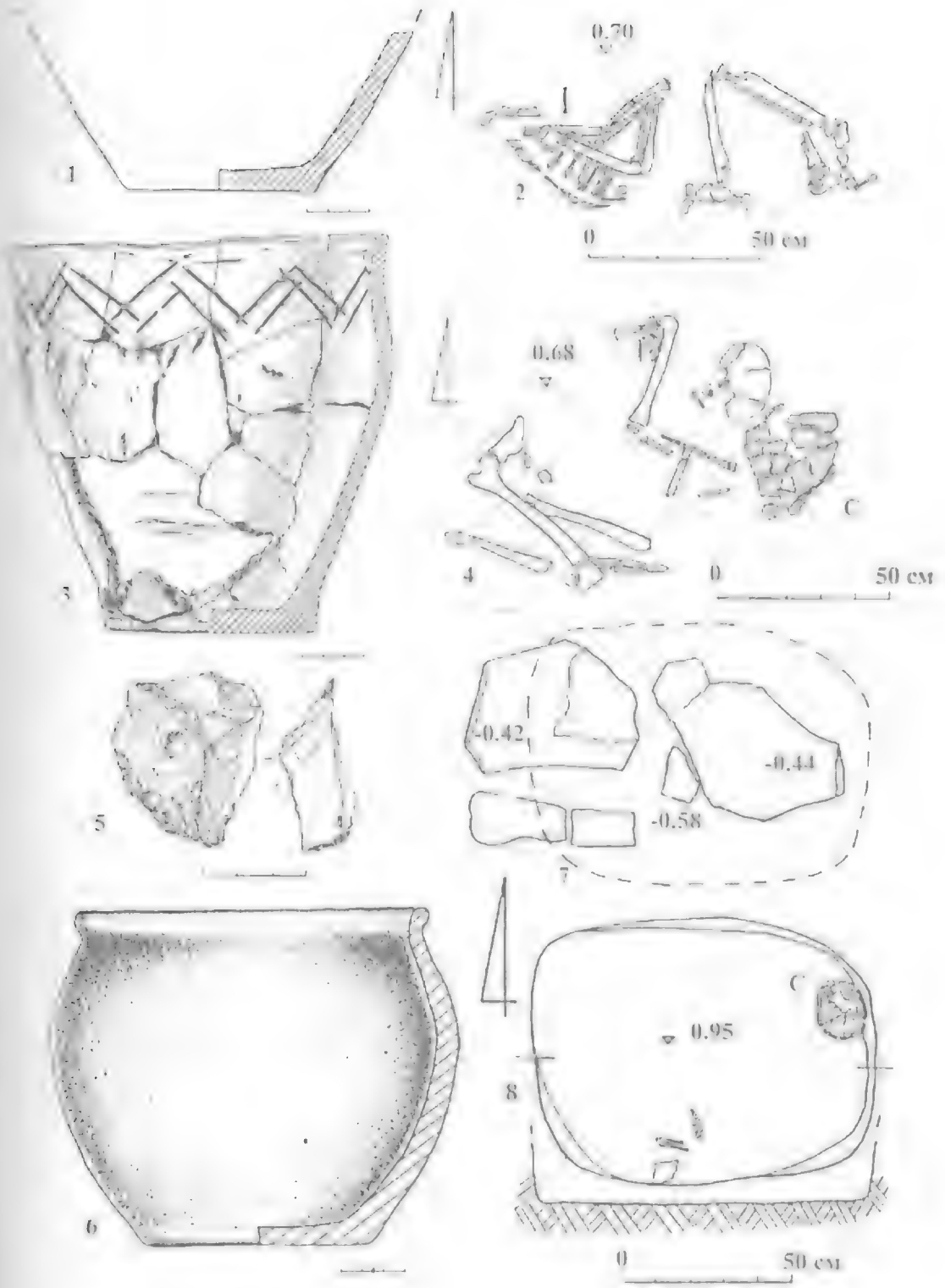


Рис. 7. Ивано-Дарьевка-I, курган 7: 1 – общий план; 2 – стратиграфический разрез.

Fig. 7. Ivano-Darevka-I, barrow 7: 1 – general plan; 2 – stratigraphy.



Ивано-Дарьевка-I, курган 7: 1 – погребение 2; 2 – погребение 3; 3 – 5 – погребение 4; 6 – 8 – погребение 5.

Ivano-Darevka-I, barrow 7: 1 – burial 2; 2 – burial 3; 3 – 5 – burial 4; 6 – 8 – burial 5.

мелкой грунтовой яме фактически на уровне предматерика. Прослежена только в юго-западной части. Яма имела, скорее всего, вытянутую форму и округлые углы. Сверху была перекрыта материковым выкидом из катакомбного погребения 10. Кости скелета (взрослого) нарушены. Положение восстанавливается, как скорченное на спине, головой к ЮЮВ, руки вытянуты вдоль тела, ноги согнутые. Некоторые кости были выкрашены в ярко-красную охру. Безинвентарное.

Погребение 9 (срубное) (рис.9, 5-7) – в 3,3 м к ЮЗ и на уровне 1,05 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии В – З, стенки прямые, переход ко дну сильно скруглен; западная часть ямы разрушена норой; размеры по верхнему уровню – около 0,90 х 0,76 м, глубина – до 0,40 м. Была перекрыта песчаниковыми плитами, в том числе одной массивной (0,7 х 0,7 м), которая перекрывала восточную часть ямы. Скелет ребенка находился в скорченном положении на левом боку головой к В. За головой, в северо-восточном углу погребения найдены фрагменты сосуда.

Сосуд – фрагментированный, баночного типа с округлыми боками и выделенной донной частью. В верхней части украшенный двумя проглаженными горизонтальными линиями. Поверхность заглаженная, но бугристая; темно-серого и серого цвета. Размер не восстанавливаются (рис.9, 8).

Погребение 11 (срубное) (рис.10, 3) – в 9,2 м к ЮЗ и на уровне 0,78 м от Р (0,5 от совр. поверхности). Впускное. От скелета ребенка сохранились фрагменты черепа, судя по которым можно предположить, что он был ориентирован к В. В 20 см к ЮЗ от черепа найдены фрагменты сосуда.

Сосуд – баночного типа, с неровной закраиной у дна. Поверхность бугристая, темно-кирпичного цвета. Высота – 6,7 см, Дд – 6,5 см (рис.10, 4).

Погребение 12 (срубное) (рис.10, 1-2) – в 7,3 м к ЮЗ и на уровне 0,96 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Яма прослежена с уровня материка на глубину до 0,16 м. Стенки ямы слегка наклонные, углы – закругленные, размеры – 1,50 х 1,12 м. Перекрытие не прослежено. Скелет взрослого находился в скорченном положении на левом боку головой к ССВ. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти – перед лицом. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, в коленных – под острым (правая нога, при этом, сильнее согнута, чем левая). Безинвентарное.

Погребение 13 (срубное) (рис.10, 7-8) – в 5,5 м к СЗ и на уровне 1,12 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане почти подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Яма прослежена с уровня материка на глубину 0,2 м. Стенки ямы прямые, углы – закругленные (в восточной части яма имела подовальную форму), размеры – 1,20 х 0,65 – 0,75 м. Перекрытие не прослежено. Скелет взрослого находился в скорченном положении на левом боку головой к СВ. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти находились на расстоянии от «лица». Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, в коленных – под острым. Под верхней частью скелета прослежен тлен коричневого цвета, под кистями рук – тлен черного цвета. Между «лицом» и кистями рук находился сосуд.

Сосуд – остроребериого типа, широких пропорций, орнаментован: вдавлениями по срезу венчика; под венчиком – линией, ниже которой, по плечикам проходит зигзаг, нижние поля которого заполнены горизонтальными 4 - 5 линиями, в результате чего образуется 15 «треугольников» (все элементы выполненными отпечатками веревочки); под ребром и в придонной части – поясом коротких вертикальных вдавлений той же веревочки. Поверхность красноватого цвета, заглаженная; на внутренней – следы горизонтальных расчесов. Высота – 12,2 см, Дв – 18,5 х 19,5 см, Дд – 10,5 см (рис.10, 5).

Погребение 14 (катакомбное) – в 4,6 м ЮЮВ и на уровне 0,90 м от Р. Было прослежено только по разрезу в бровке (рис.7, 2). Судя по всему, было совершено в грунтовой яме катакомбного типа. В камере находился сосуд.

Сосуд – небольшой, с прямым высоким суженым горлом, выделенным плечиками, намеченным ребром и суженым дном. На плечиках расположены 4 выступающих «ушка» с горизонтальными отверстиями («ушки» прикреплялись отдельно к уже слепленному сосу

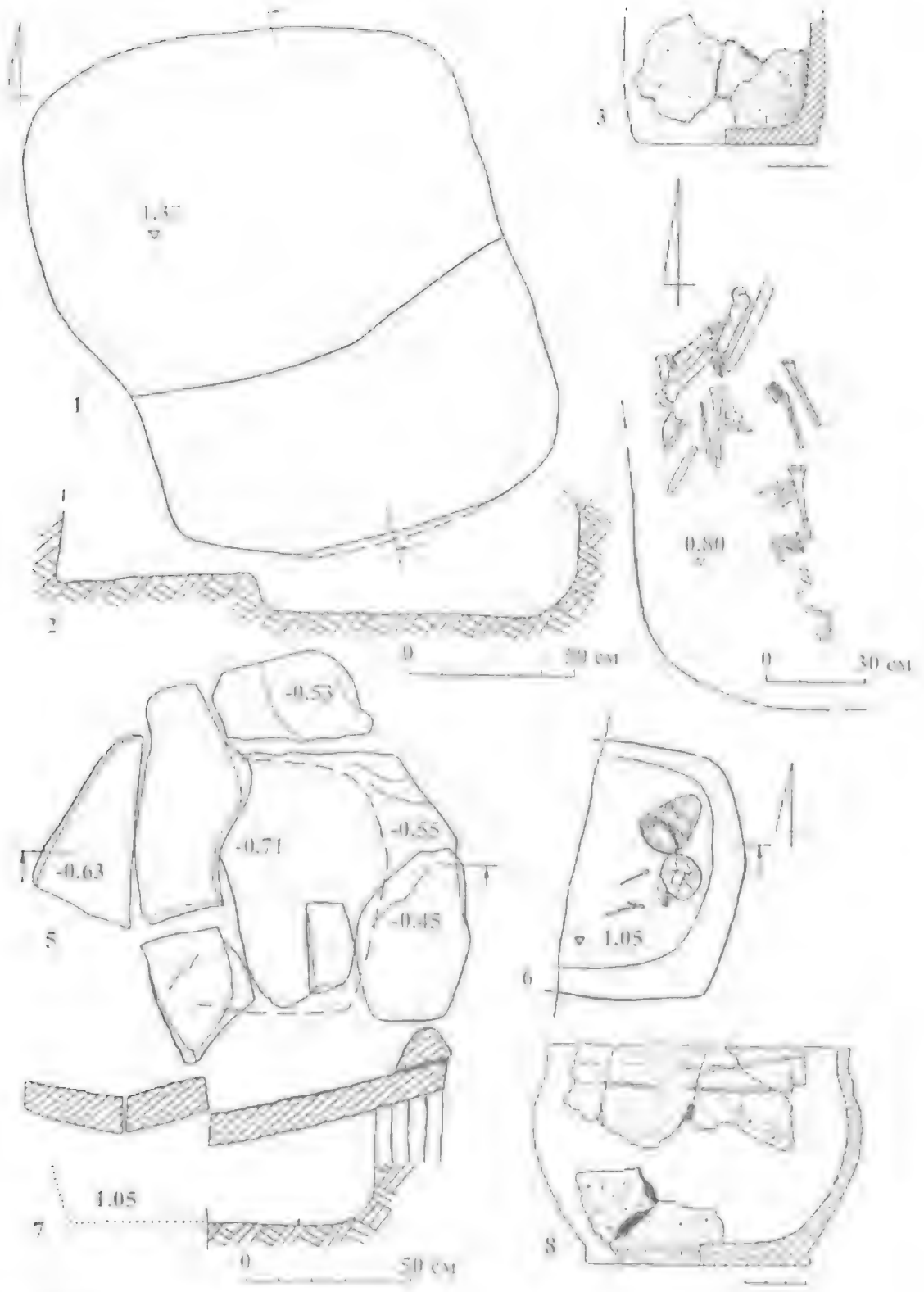


Рис. 9. Ивано-Дарьевка-I, курган 7: 1 – 2 – погребение 7; 3 – сосуд из погребения 6; 4 – погребение 8; 5 – 8 – погребение 9.

Fig. 9. Ivano-Darevka-I, barrow 7: 1 – 2 – burial 7; 3 – the vessel from the burial 6; 4 – burial 8; 5 – 8 – burial 9.

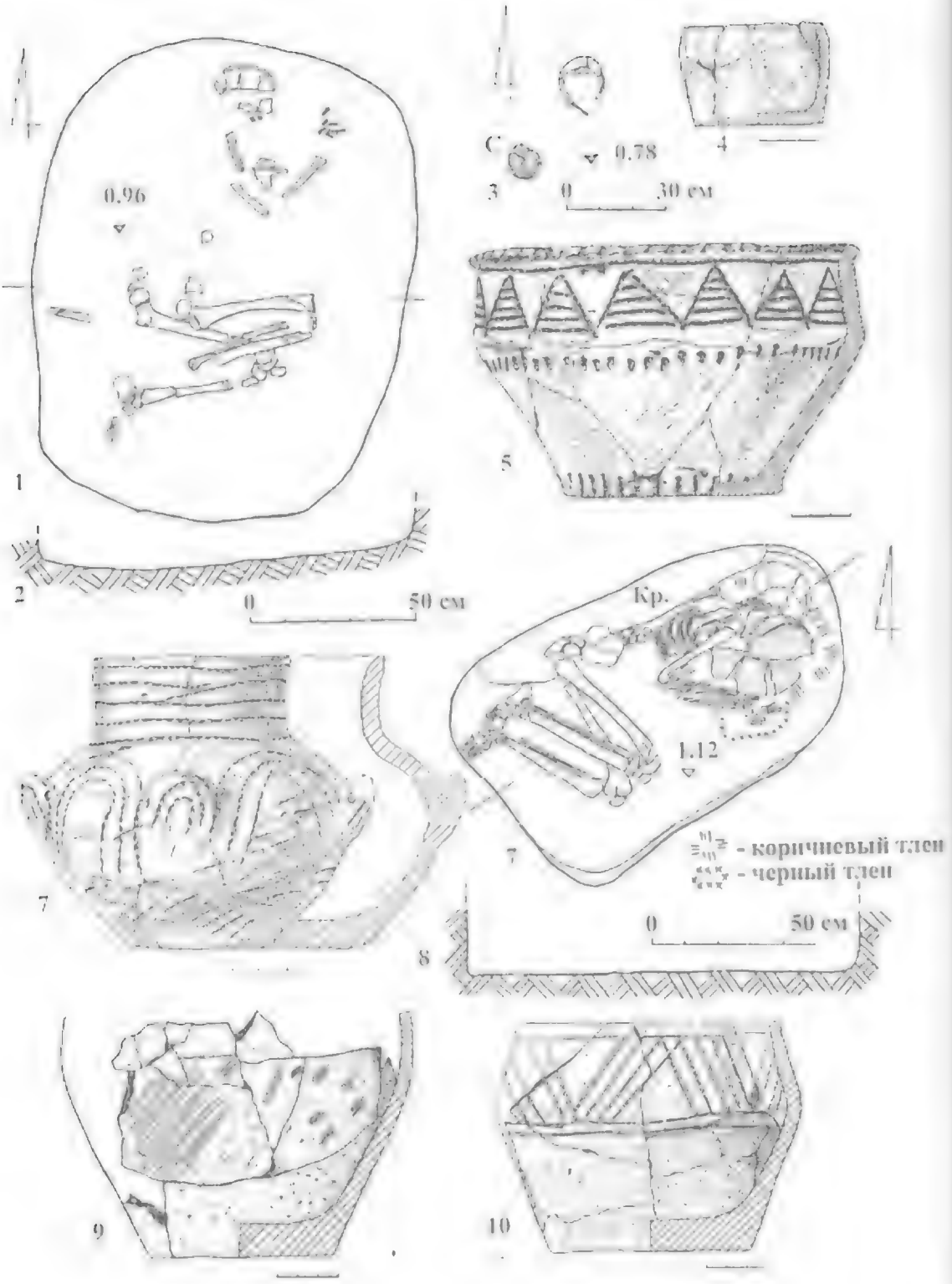


Рис. 10. Ивано-Дарьевка-I, курган 7: 1 – 2 – погребение 12; 3 – 4 – погребение 11; 5, 7, 8 – погребение 13; 7 – сосуд из погребения 14; 9 – 10 – сосуды из насыпи.

Fig. 10. Ivano-Darevka-I, barrow 7: 1 – 2 – burial 12; 3 – 4 – burial 11; 5, 7, 8 – burial 13; 7 – the vessel from the burial 14; 9 – 10 – the vessels from the embankment.

уже делалось отверстие). Сосуд орна- отпечатками плотно скрученной од- ной веревочки: по горлу – 5 замкнутых их отпечатков, на плечиках и ниже – 4 «пояса», образованных 3 и 4 (в одном случае), которые расположены между «упиками», ах», с нижней их стороны – по 2 дуги. ость заглаженная, в нижней части с женными следами расчесов, сделанных зубчатой гребенкой; изначально оранже- вета, в последствие – серо-коричневого. ренняя поверхность со следами горизон- го заглаживания. Высота – 11,6 см, Дв – , Дмах. – 12,5 см, Дд – 5,2 см (рис.10, 7).

Кроме того, в юго-западном секторе кур- было найдено 3 сосуда срубной культуры, привязанных к каким-либо остаткам погре- х. Вероятнее всего, они связаны с помин- ными действиями.

Сосуд № 1 – обнаружен в 8,25 м к ЮЮЗ уровне 0,60 м от Р. Сохранился фрагмент а и нижней части сосуда горшковидного Поверхность тщательно заглажена со ми незначительных расчесов, кирпичного с темными пятнами нагара на внешней ности. Сохранившаяся высота до 12 см, 17,4 см. Дд – 9,0 см (рис.10, 9).

Сосуд № 2 – обнаружен в 5,6 м к ЮЗ и овне 0,77 м от Р. Сохранились фрагменты да остроребериого типа без выраженного а. В верхней части и по ребру орнаментир- прочерченным орнаментом типа зигзага, рый обрамлен горизонтальными линиями. рхность незначительно заглажена; внешняя ло-коричневого цвета с темными пятнами; ренняя – темно-коричневого цвета в верхней и черного – в нижней. Высота – 11,1 см, х – 15,2 см, Дд – 10 см (рис.10, 10).

ИВАНО-ДАРЬЕВКА-II, КУРГАН 1

Курган находился в 0,85 км км на Ю от шой части курганной группы I и в 0,85 км С от с. Ивано-Дарьевка. Располагался на се над правым высоким берегом р. Сухая ва. По всей видимости, одиночный.

Курган имел овальную насыпь, вытянутую С – Ю, высотой 0,2 м, размерами около 10 м, сильно разрушенную распашкой. Кур- раскапывался вручную, четырьмя секторами 11). В стратиграфических разрезах просле- жены: пахотный слой на уровне 0 – 0,25 м, гу- мусный слой – на уровне 0,25 – 0,7-0,8 м, мате- риковый суглинок с уровня 0,7-0,8 м.

В кургане исследовано 8 срубных погре- бений.

Погребение 1 (рис.12, 1) – в 2,25 м к ЮЗ и на уровне 0,25 м от Р. Впускное в насыпи. Вероятно, было совершено в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами, которые и были зафиксированы. Под плитами найдены фрагменты сосуда.

Сосуд – фрагментирован, баночного типа со стянутым устьем. Поверхность шероховата в нижней части бугристая, темно-коричневого цвета с пятнами нагара. Высота реконструиро- ванная – 9,4 см, Дмах. – 11,2 см, Дд – 9,2 см (рис.13, 2).

Погребение 2 (рис.12, 3) – выявлено на расстоянии 2,5 м к ССЗ и на уровне 0,28 м от Р. Впускное в насыпи. Яма не прослежена. От скелета сохранились череп, кости левой руки и отдельные фрагменты таза, по которым восста- навливается положение: скорчено на левом боку головой к В. Левая рука была согнута в локте под острым углом, кисть перед лицом. Возле черепа находились фрагменты сосуда.

Сосуд – фрагментирован, горшковидного типа, с округлыми боками и выраженной зака- ниной у дна. Высота сохранившейся части 10,5 см, Дмах – 11,7 см, Дд - 10 см (рис.12, 4).

Погребение 3 (рис.12, 6-8) – выявлено на расстоянии 3,7 м к ССЗ и на уровне 0,83 м от Р. Было совершено в небольшом каменном ящи- ке, сложенном из небольших плит песчаника толщиной 5-10 см, поставленных на торец, та- ким образом, что каждая из стенок состояла как минимум из 2 плит (на длинных стенках плиты были соединены «внахлест»); вытянутому по оси ССВ – ЮЮЗ, размером по внутреннему контуру 0,75 х 0,42 м. Сверху было перекрыто плитами: наиболее массивной в северной части (0,55 х 0,46 м), южная часть и по краям – не- большими плитами и камнямиСкелет подрост- ка находился в скорченном положении на левом боку головой к ССВ. Положение рук не уста- навливалось. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, в коленных – под минимальным острым. Перед «лицом» был установлен сосуд.

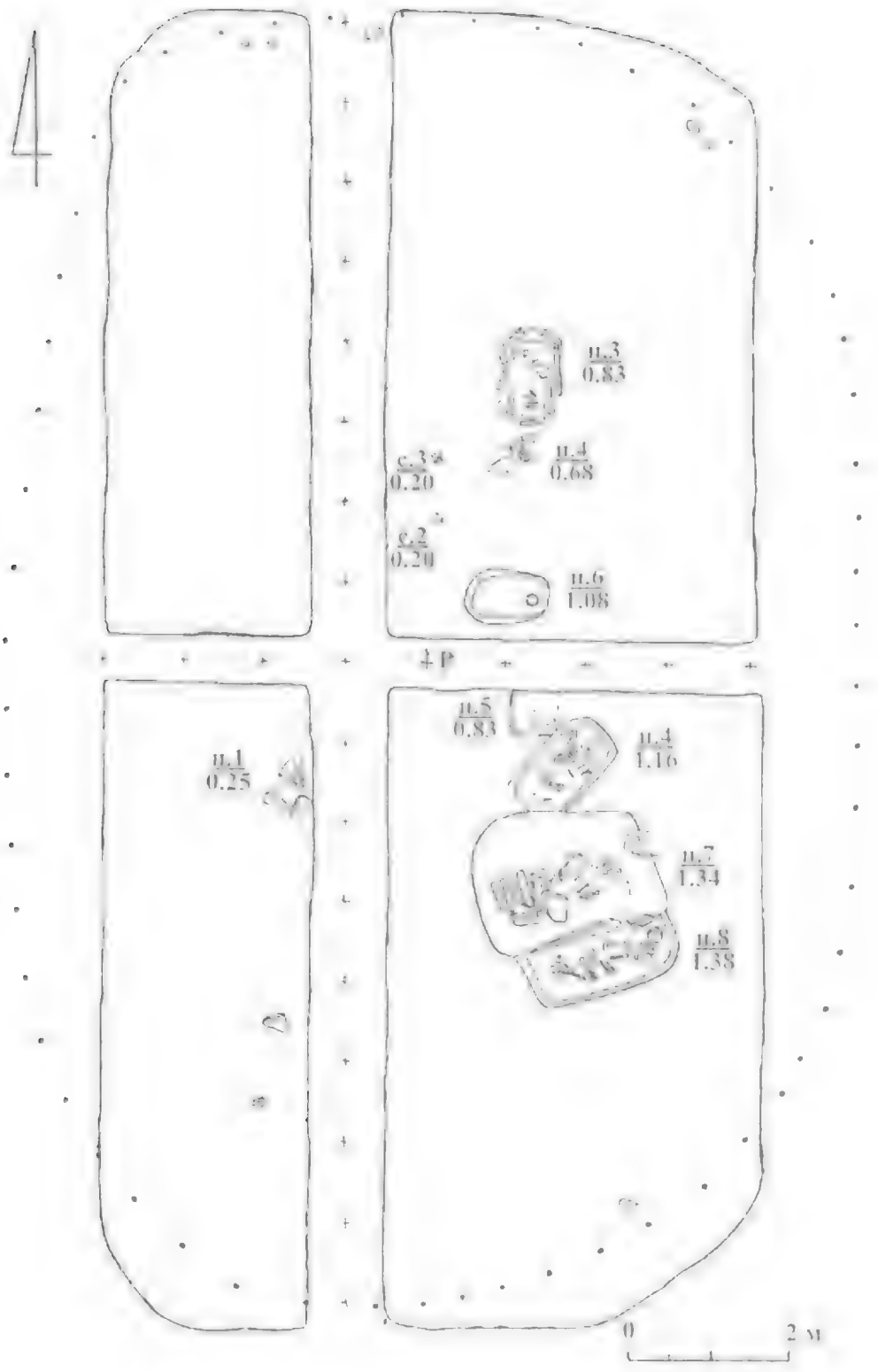


Рис. 11. Ивано-Дарьевка-II, курган 1: общий план.

Fig. 11. Ivano-Darevka-II, barrow 1: general plan.

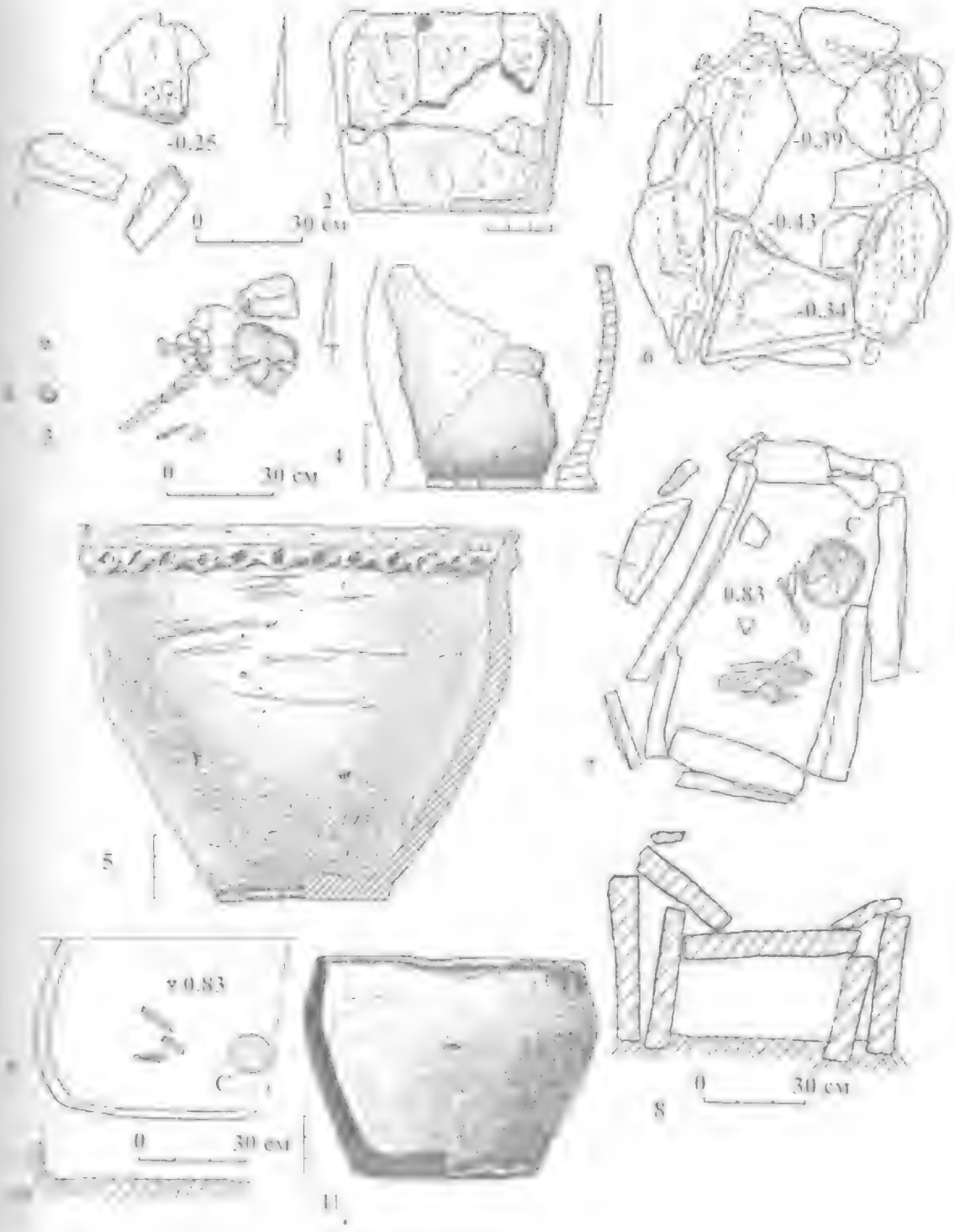


Рис. 12. Ивано-Дарьевка-II, курган 1: 1 – 2 – погребение 1; 3 – 4 – погребение 2; 5 – 8 – погребение 3; 9 – 11 – погребение 5.

Fig. 12. Ivano-Darevka-II, barrow 1: 1 – 2 – burial 1; 3 – 4 – burial 2; 5 – 8 – burial 3; 9 – 11 – burial 5.

Сосуд – горшковидной формы со слегка раструбным устьем, слабо профилированный в верхней трети и с зауженным дном. Устье в плане овальной формы. На шейке – налепной валик, расчлененный широкими вдавлениями. Поверхность сосуда заглажена, коричневого цвета с черными пятнами. Высота – 18,1 см, Дв – 17,1 х 20,3 см, Дд – 8,6 см (рис.12, 5).

Погребение 4 (рис.14) – выявлено на расстоянии 2,2 м к ЮВ и на уровне 1,16 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Яма прослежена с уровня предматерика на глубину 0,4 м. Стенки ямы наклонные, углы – закругленные, размеры у дна – 1,2 х 0,65 м. Яма была перекрыта плитами песчаника, образующими вымостку размером 1,80 х 1,45 м, т.е. в 1,5-2 раза большую, чем размеры ямы. К юго-западу от вымостки и на ее уровне зафиксированы кости животных (рис.13, 1). Скелет взрослого находился в сильно скорченном положении на левом боку головой к СВ. Руки были согнуты в локтях: левая – под острым углом, загнутая кисть обращена вовнутрь; правая рука – под тупым, кистью была направлена к левому колену. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах под острым углом, пятки подтянуты к тазу. Безинвентарное.

Погребение 5 (рис.12, 9-10) – в 0,8 м к ВЮВ и на уровне 0,83 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подквадратную (?) форму. Яма прослежена с уровня материка на глубину 0,11 м. Стенки ямы наклонные, углы – закругленные, точные размеры не восстанавливаются. От скелета ребенка сохранились только кости ног, по которым реконструируется положение: скорчено на левом боку головой к ССВ. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, в коленных – под острым. В 12 см к В от колен находился сосуд.

Сосуд – баночного типа с намеченным венчиком, перегибом в верхней трети и закраиной у дна. Поверхность заглажена, местами бугристая; с одной стороны под венчиком следы расчесов; коричневого цвета с черными пятнами (нагара?). Высота – 10,3 см, Дв – 12,4 см, Дд – 9,2 см (рис.10, 11).

Погребение 6 (рис.13, 3-4) – в 1,25 м к СВ и на уровне 1,08 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпря[illegible] угольную форму и ориентированной длинн[illegible] осью по линии В – З. Яма прослежена с уров[illegible] материка на глубину 0,30 м. Стенки ямы сле[illegible] наклонные, углы и переход ко дну закруглен[illegible] размеры по верхнему контуру – 0,80 х 0,65 [illegible] Над погребением на уровне 0,11-0,27 м от [illegible] зафиксирована вымостка из небольших ка[illegible] ней, выложенных полосой, длинной осью в[illegible] тянувшейся по линии ЮВ – СЗ, размером 1,3 [illegible] 0,3 м (рис.13, 2). Скелет или его остатки не [illegible] фиксированы. В юго-восточном секторе я[illegible] найден сосуд.

Сосуд – баночной формы – со стяну[illegible] устьем, выраженным перегибом и зауженным [illegible] По срезу венчика орнаментован поясом вдавл[illegible] ний, возможно, выполненных углом палочки, и [illegible] перегибу – поясом вдавленный, выполнен[illegible] подтреугольной палочкой. Возле дна – невы[illegible] ная закраина, которая сделана во время заглаж[illegible] вания дна. Поверхность шероховатая, коричнев[illegible] цвета с черными пятнами. Высота – 8,8 см, Дв – 1[illegible] см, Дд – 9,3 см (рис.13, 5).

Погребение 7 (рис.14) – в 3,15 м к ЮВ [illegible] на уровне 1,34 м от Р. Было совершено в гр[illegible] товой яме, имевшей в плане подпрямоугольну[illegible] форму и ориентированной длинной осью [illegible] линии ВСВ – ЗЮЗ. Стенки ямы слегка накло[illegible] ные, углы – закругленные, размеры у дна – 1,[illegible] х 1,3 м. Южная стенка была укреплена дв[illegible] плитами песчаника, поставленными на торец [illegible] связи с тем, что в этой части погребальная я[illegible] перерезала яму погребения 8, заполнение [illegible] которой начало просыпаться. Над костями [illegible] зафиксированы 4 деревянные плахи, ширин[illegible] 8 –10 см, от поперечного перекрытия ямы. Ещ[illegible] один небольшой фрагмент плашки зафиксир[illegible] ван на восточном камне, укреплявшем стенк[illegible] ямы. Кроме того, в 20 см над дном зафиксиро[illegible] вано 2 камня, возможно, от перекрытия погре[illegible] бения 4. По центру ямы – скелет взрослого [illegible] скорченном положении на левом боку голов[illegible] к СВ. Руки были согнуты в локтях под остры[illegible] углом, кисти – на уровне «лица». Ноги согну[illegible] в тазобедренных суставах под прямым (лева[illegible] и тупым (правая) углом, в коленных – под о[illegible] рым. За головой в кротовине найден сосуд, пере[illegible] лобной частью черепа – кости ноги овцы.

Сосуд – остроребериого типа, орнамент[illegible] рованный в верхней трети. По внешнему гр[illegible] венчик орнаментирован прямыми коротки[illegible]

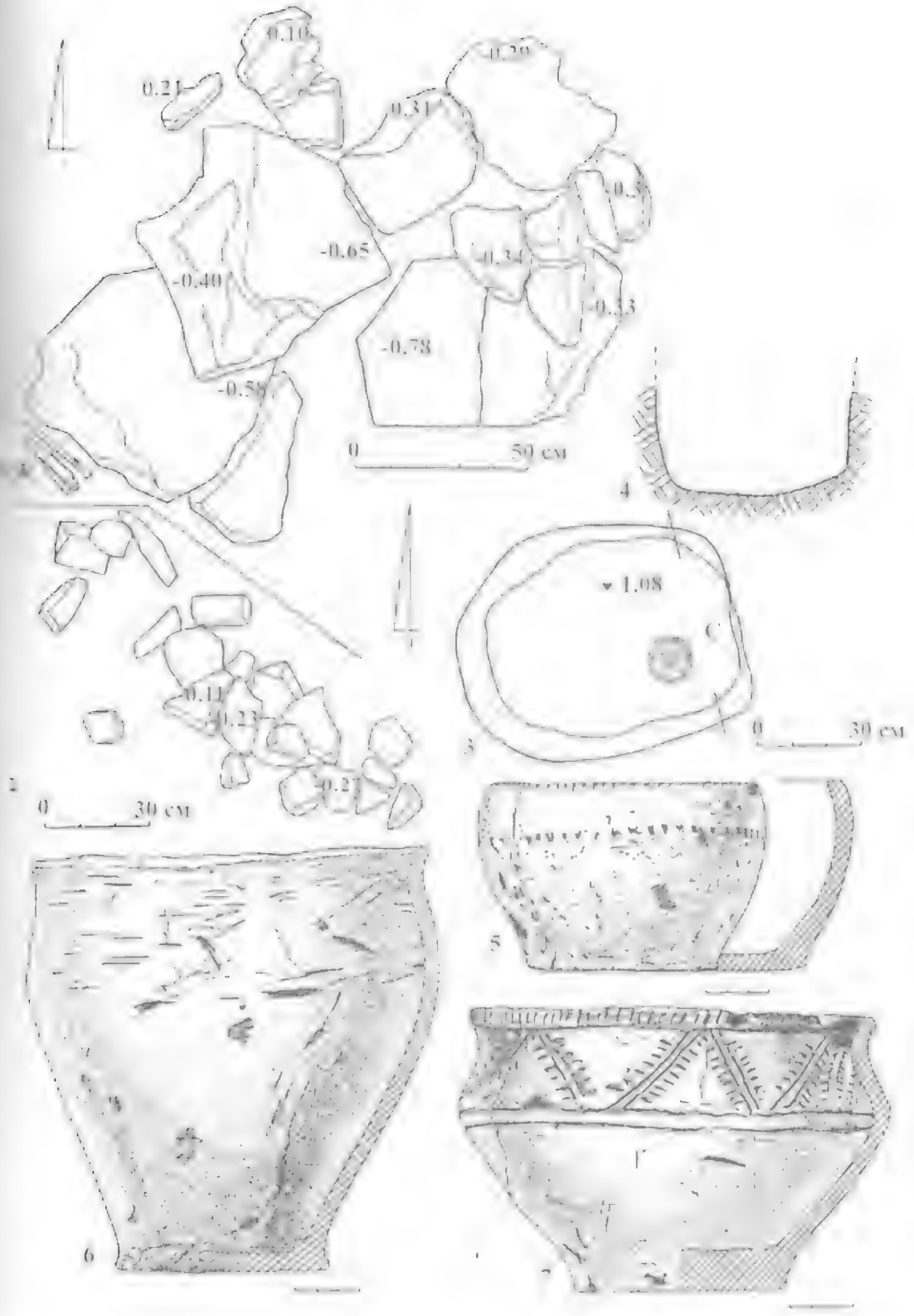


Рис. 13. Ивано-Дарьевка-II, курган 1: 1 – завал над погребением 4; 2 – 5 – погребение 6; 6 – сосуд из погребения 8; 7 – сосуд из погребения 7.

Fig. 13. Ivano-Darevka-II, barrow 1: 1 – burial 4; 2 – 5 – burial 6; 6 – the vessel from the burial 8; 7 – the vessel from the burial 7.

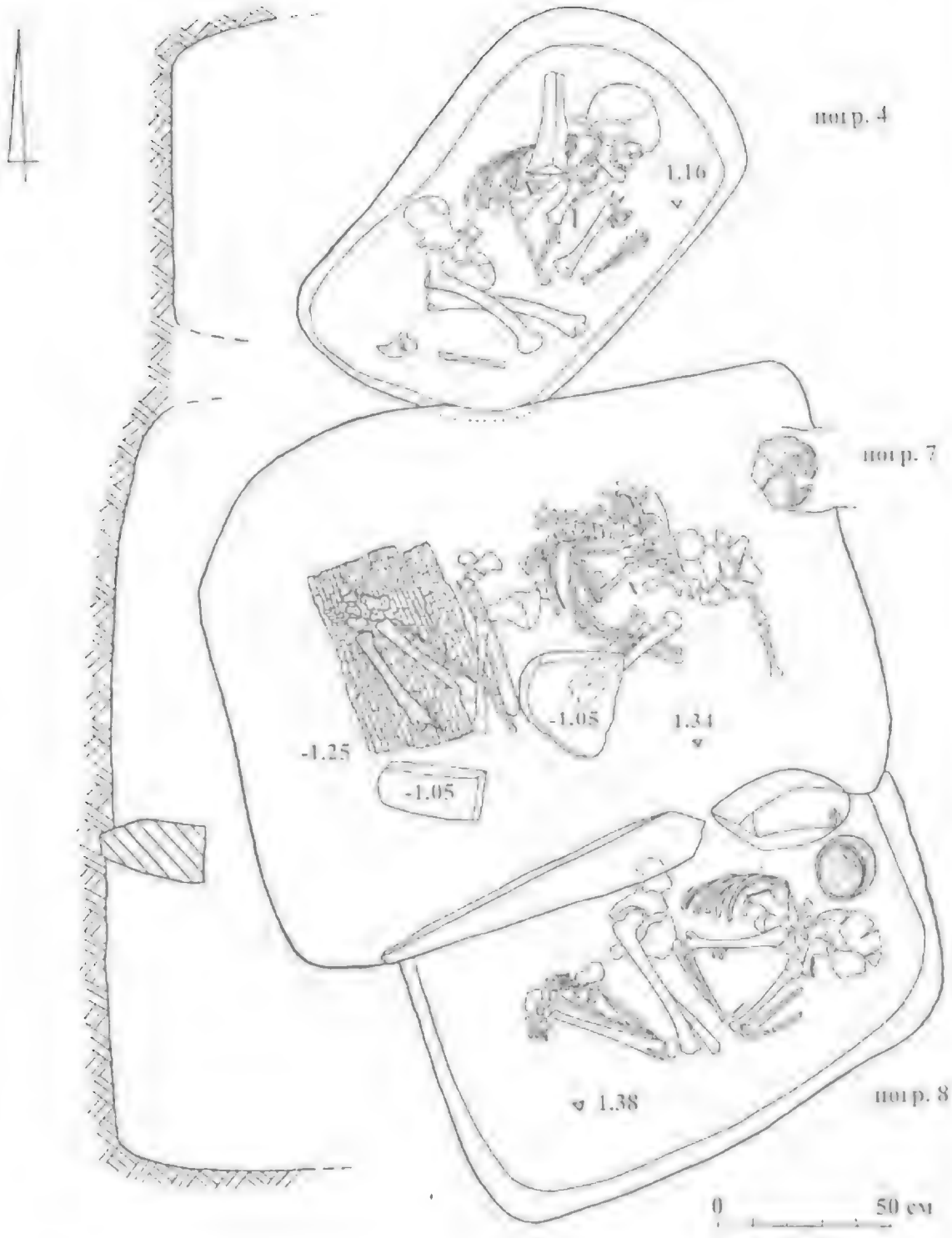


Рис. 14. Ивано-Дарьевка-II, курган 1: погребения 4, 7, 8.

Fig. 14. Ivano-Darevka-II, barrow 1: burial 4, 7, 8.

ами: по шейке – двойным прочерченным зигзагом, который обрамлен с двух сторон рядами прямых насечек; под зигзагом, по ребру проведены две горизонтальные прочерченные линии. Поверхность заглаженная, кирпично-коричневого цвета с черными разводами. Высота – 13,7 см, 19,1 см, Дд – 9,5 х 10,5 см (рис.13, 7).

Погребение 8 (рис.14) – в 4,2 м к ЮВ и на уровне 1,38 м от Р. Было совершено в грунтовой яме, имевшей в плане подпрямоугольную форму и ориентированной длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Стенки ямы слабо наклонные, дно и переход к дну – закругленные, длина ямы – 1,40 м (ширина не устанавливается, т.к., северная стенка была разрушена погребением 7). Скелет взрослого находился в скорченном положении на левом боку головой к СВ. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисть левой руки – перед «лицом», правой – у локтя левой. Ноги согнуты в тазобедренных суставах с большим острым углом, в коленных – под острым. За головой находился сосуд.

Сосуд – горшковидный, слабо профилированный, с выделенным венчиком, шейкой, намеченными высоко расположенными плечиками и плоским дном с закраиной. Поверхность бугристая, со следами горизонтального заглаживания в верхней трети; пятнистая (коричневого, кирпичного и черного цвета) с несколькими потеками, которые идут от венчика. Внутренняя поверхность заглажена с мелкими горизонтальными следами. Дно крошится, возможно, из-за сильного обжига. Высота – 20,2 х 19,1 см, Дв – 19,6 х 20,5 см, Дд – 10,5 см (рис.13, 6).

Кроме того, в разных местах кургана было найдено 4 сосуда срубной культуры, не привязанных к каким-либо остаткам погребенных. Скорее всего, они связаны с номинальными захоронениями.

Сосуд № 1 – обнаружен в 3,3 м к ЮВ и на уровне 0,3 м от Р, над погребением 7. Сохранились фрагменты сосуда горшковидного типа с выделенным венчиком, короткой шейкой и округлыми высоко расположенными плечиками. В верхней части орнаментирован: по срезу венчика – поясом вдавлений, под ним – зигзаг, обрамленный короткими вдавлениями и опоясывающий сосуд, по плечикам – поясом вертикальных вдавлений. Поверхность заглаженная, пятнистая: кирпичного, коричневого и черного цвета. На внутренней поверхности следы горизонтального заглаживания. Высота – 15,2 см, Дв – 15,8 см, Дд – 9,2 см (рис.15, 4). Внутри сосуда были найдены 6 округлых камешков диаметром около 4 см (рис.15, 1).

Сосуд № 2 – обнаружен в 1,7 м к С и на уровне 0,2 м от Р. Сохранился фрагмент сосуда горшковидного типа с профилированной верхней частью и прямыми стенками. Дно с закраиной, овальное. Поверхность шероховатая, пятнистая: оранжевого, коричневого и темно-коричневого цвета. Высота – 13,4 см, Дмах. – 14,8 см, Дд – 10,2 х 9,8 см (рис.15, 2).

Сосуд № 3 – обнаружен в 2,5 м к С и на уровне 0,2 м от Р. Сохранились фрагменты сосуда баночного типа с наклонными стенками. Поверхность бугристая с мелкими следами вертикального заглаживания; коричневого цвета с темными пятнами. Дв – около 11 см, высота до 11 см (рис.15, 3).

Сосуд № 4 – баночного типа со слегка зауженным устьем и намеченным венчиком. Под венчиком – ряд овальных вдавлений, которые в одном месте дополняются прочерченной линией и прочерченным уголком с вдавлениями. Вся внешняя поверхность покрыта расчесами (в основном вертикальными), коричневого цвета. Высота – 13,4 см, Дв – 14 см, Дд – 9,4 см (рис.15, 5).

В данном кургане отметим ситуацию прямой стратиграфии в отношении погребений 4, 5, 7, 8. Наиболее ранним из них является погребение 8, которое перерезает погребение 7 (южная стенка ее ямы попадает в яму погребения 4, чтобы ее укрепить специально устанавливают каменные плиты). Погребение 5 сооружается где-то во временном промежутке сооружения погребений 8 и 7. Погребение 4 является наиболее поздним из них: оно касается погребения 7 южным углом, но главное – каменное перекрытие над погребением 4 частично перекрыло погребения 7 (два камня с них даже попали в заполнение ямы) и погребение 5. Случаи нарушения существующих погребений можно объяснить тем, что или прошел относительно большой промежуток времени, и о точном месте погребения было позабыто, или погребение сооружали представители иной общины. Во

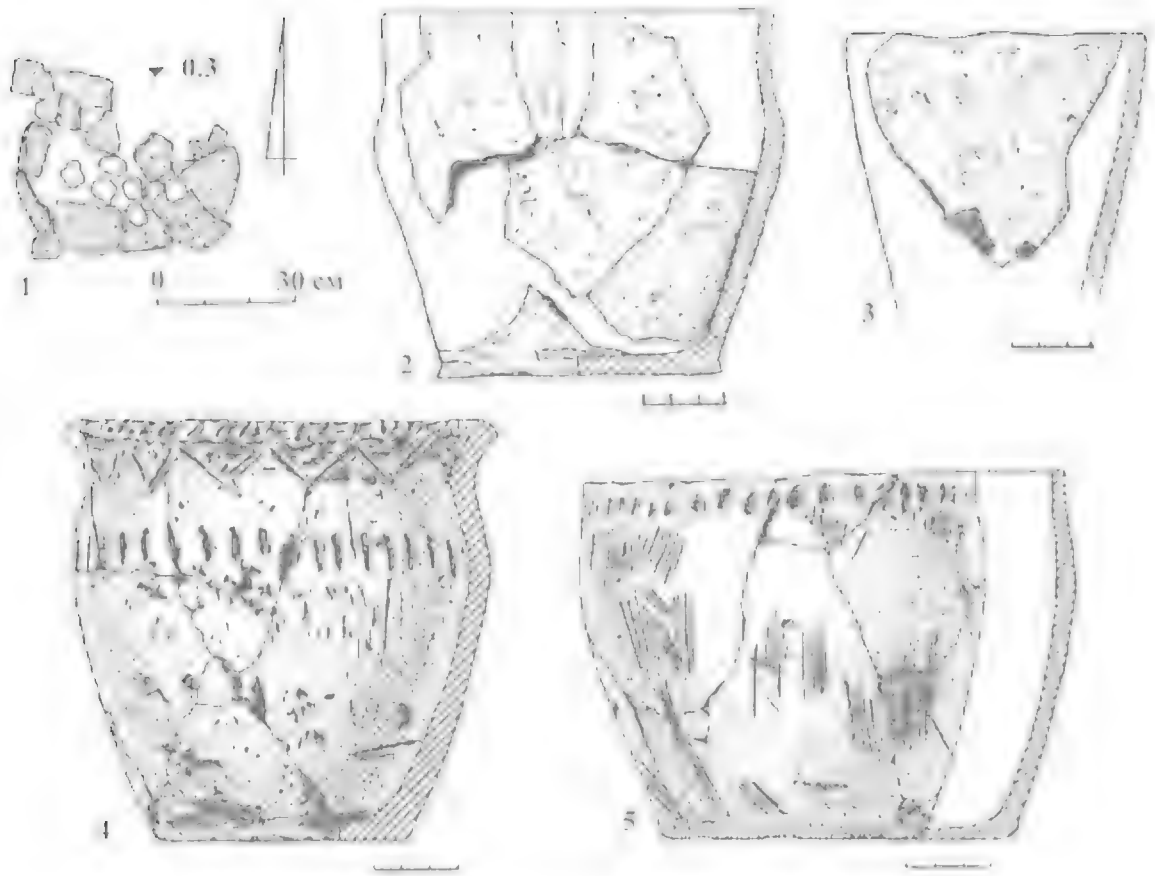


Рис. 15. Ивано-Дарьевка-II, курган 1: сосуды из насыпи.

Fig. 15. Ivano-Darevka-II, barrow 1: the vessels from the embankment.

всяком случае, внешние признаки погребений к моменту сооружения последующих погребения отсутствовали.

Погребение 3 в каменном ящике, вероятно, было сооружено рядом с существующим первоначальным курганом, а его самого перекрыла досыпка. Погребение 6 было сооружено следующим, т.к. выкладка над ним находится выше перекрытия погребений 4 и 3. Его также перекрыла насыпь или досыпка, увеличившая высоту насыпи. Во всяком случае, позднейшие в кургане погребения 1 и 2 находятся на уровне выкладки.

Таким образом, материалы кургана 1 пункта II дают достаточно четко восстанавливающуюся стратиграфическую колонку, как это было и в кургане 5 группы I [Литвиненко, Полидович, 2001, с.141-143].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кравец Д.П., Посредников В.А., Литвиненко Р.А.** Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе. Донецк: ДонГУ, 1993.

2. **Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б.** Срубный курган у с.Ивано-Дарьевка // Археологический альманах. Донецк, 1993. Вып.10. С.119-144.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2003 г.

Археологический альманах №14, Донецк 2003. С. 133-152.

КУРГАНИ БАСЕЙНУ СОЛОНОЇ (ЗАХІДНИЙ ДОНБАС)

Куллай Ю.В., Полідович Ю.Б.

This paper is devoted to the analysis of barrows located in the Solona river basin (Dnipro basin). This basin is part of the Western Donbass geographical region and contains many barrows dating from the Bronze Age to the Middle Ages (fig. 1, a). The largest barrows are located on the watershed with the river Wowcha in the eastern part of the basin. There are also Late Bronze Age barrows with long embankment here. Barrows with small perimeters are located in other parts of the basin. Rare high barrows are also present. Many barrows are located on long slopes and near the channel of the river.

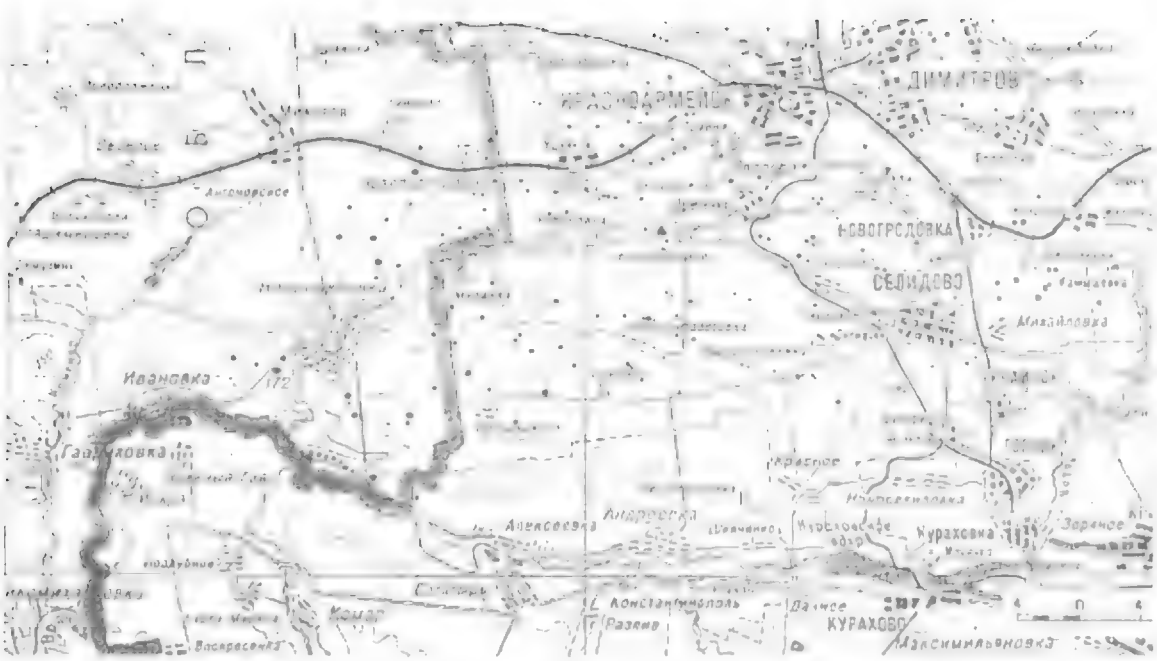
Archaeologists had not previously studied the barrows of the river Solona basin. In 1998, the Donetsk Regional Museum Expedition excavated a barrow situated near the village of Novovasylivka in the Krasnoarmiysk district (fig.1, a). It is associated with other barrows and the Timber-Grave culture settlement. 13 burials of the Timber-Grave culture were investigated in this barrow (fig. 2-11). They are divided into three groups which are determined by different features of burial construction. Burial pits [illegible] stone constructions form the first group (No 3, 9, 10 and the dual burial 6-7). Burials with massive stone constructions form the second group (No 2, 4, 5). Burials situated in pits with overlapping stones form the third group (No 8, 1, 10, 12, 13). Ceramic vessels are present in all of the burials. The vessel from the burial No 4 has a complex decoration, which appears to express the result of the supervision of the movements of the sun and moon and zodiacal constellations (fig. 5, г). There are astragali in five of the burials (No 1, 2, 3, 9, 12). The authors allocate the conformity to natural laws of burial disposition which had sacral character. The burials date to the 14th and 13th centuries BC.

Річка Солона є правою притокою ріки [illegible]ної, однієї з важливих складових басейну Дніпра [Симоненко, 1972, с.84-85; Давыдов, [illegible], с.47]. Вона входить до географічного регіону, відмінному від усього іншого Донецького [illegible]. Солона має невелику довжину – 79 км, площа басейну (у межах області) 946 кв. км. Вона цілком відповідає якості води в річці: її води сильно мінералізовані, відрізняються високим вмістом солей, а тому обмежено придатні для пиття. Річка на значному своєму протязі влітку пересихає, утворюючи плеса у вигляді озер.

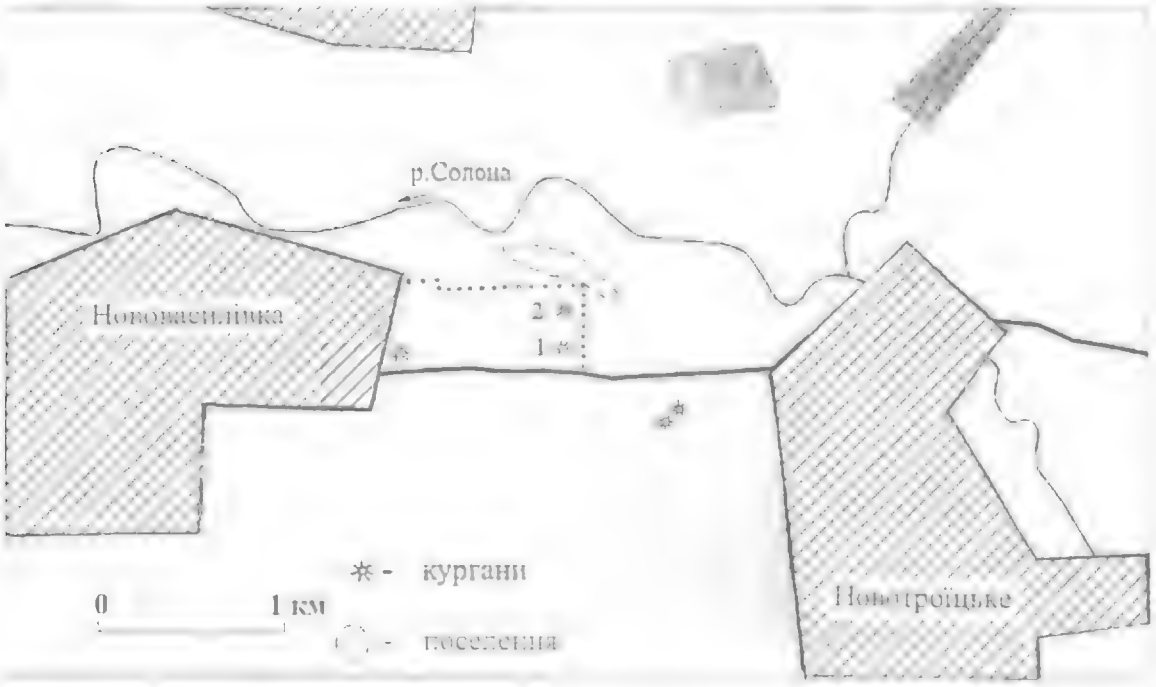
Поверхня регіону здебільшого являє собою хвилясту рівнину, прорізану ярами, балками та річковою долиною, особливо сильно розчленовану у витоках Солоної поблизу Донецького кряжу. Але глибина врізу долин і балок незначна, а заплава ріки - широка. Вододіли виражені слабо, їх схили дуже похилі, а гребні знаходяться на значній відстані від русла (особливо на вододілі між Солоною і Вовчою). Правий берег більш крутий (особливо в нижній течії), на ньому навіть виділяються окремі пагорби, як, наприклад, пагорб на мису у гирлі б. Созонової, який має характерну назву у місцевих мешканців – Лиса Гора (біля с. Новотроїцьке Красноармійського району).

Саме така характеристика регіону басейну Солоної визначила розташування та характер пам'яток, перш за все курганів (рис.1, 1)[1]. Найбільш виражені з них розташовані на вододілі між витоками Солоної і верхів'ями річок Вовчої та Казенний Торець (це один з відрогів Донецького Кряжу, висоти близько 220 м). Насипи тут згруповано у компактні групи, в складі яких виділяються насипи висотою 2,5 - 5,0 м. Досить

[1] При аналізі використано дані топографічних планшетів, а також натурних обстежень курганів, які епізодично проводяться авторами в даному регіоні з 1989 р.



1



2

Рис. 1. 1 – Карта розташування курганів в басейні р. Солона; 2 – Ситуаційний план розташування курганів і поселення біля с. Нововасилівка.

Fig. 1. 1 – The map of the barrows distribution in the Solona river basin; 2 – The situation plan of the barrows and settlement near village Novovasilivka.

Рис. 2. Нововасилівка, кург. 1: Загальний план і стратиграфічні розтини.

Fig. 2. Novovasilivka, barrow 1: General plan and stratigraphy.

часто зустрічаються кургани з довгими насипами, або об'єднані між собою невисокими перемичками (біля сіл Лісівка, Мемрик, Миколаївка, Орлівка Красноармійського р-ну), що є ознакою належності їх до культур багатоваликової кераміки або зрубної [Цимиданов, 2000], про що свідчать, зокрема, матеріали розкопок біля с. Миколаївка [Полідович, 1993, с.50-54].

Виділяються також кургани на вираженому вододілі між Созоновою - Солоною і річкою Бик (притока Самари), який охоплює басейн з півночі. Групи і окремі кургани розташовані з певним інтервалом між собою. В більшості груп насипи утворюють видовжені ланцюжки, в кожній з них виділяються кургани висотою 1,5 - 2,0 м. Але при цьому з інтервалом приблизно в 6 км розташовуються кургани з висотою до 3,5 м.

Чимало курганів розташовано на широкому вододілі між Солоною і її правою притокою р. Солоненькою. З них, кургани, розташовані на найвищих точках (зокрема, група Могила Селидівка), мають невисокі насипи до 2 м. Тоді як насипи висотою 2 - 3 м розташовуються на високих терасах, що домінують над заплавами.

Інший характер мають кургани в південній частині басейну. Вони розкидані по всьому схилу з головного вододілу, що плавно спускається до заплави Солоної, увінчуючи всі топографічно виражені висоти та терасовані майданчики. Більшість з них є поодинокими або входить у невеликі групи по 2-3 насипи, і має округлі у плані насипи висотою до 1,5 м. Великі кургани висотою до 2,5 - 4,0 м розташовані тільки на виражених висотах головного вододілу між Солоною і Вовчою.

Кургани в басейні Солоної, окрім згаданих вже курганів біля с. Миколаївка, не досліджувалися, отже поки що важно визначитися з їх культурно-історичною оцінкою. Маємо тільки окремі розповіді місцевих мешканців про знахідки в зруйнованих чи самокопаних курганах. Так, за розповідями, із зруйнованої поли кургану, що знаходиться в північній частині м. **Новогродівка** начебто вивалися речі сарматського часу[2]. Поховання пізніх кочовиків з конем і залізними предметами було зруйновано у 1970-ті рр. під час будівництва господарських приміщень в полі кургану, що знаходиться в західній частині м. **Красноармійськ** на перетині вулиць Дніпропетровської і Леніна (за обстеженнями 1994 р.). Зрубне поховання у кам'яному ящику з керамічним "глечиком" було "досліджено" з цікавості наприкінці 1920-х рр. відомим фотографом, другом Д.І. Яворницького М. Залізняком[3] в одному з невеликих курганів в групі, що знаходиться за 1,6 км на Пд.-Сх. від с. **Удачне** Красноармійського р-ну.

Перші розкопки курганів у власне басейні ріки Солоної було здійснено улітку 1998 р. експедицією відділу охорони пам'яток Донецького обласного краєзнавчого музею. Було досліджено курган, що знаходився за 830 м на схід від с. **Нововасилівка** і 950 м на захід від с. Новотроїцьке Красноармійського р-ну [Полідович, Кудлай, 1998; Кудлай, 1999].

Курган знаходився на похилому схилі лівого берега р. Солоної за 270 м від її русла та входив до комплексу пам'яток зрубної культури (Рис.1, 2). За 94 м ближче до русла ріки знаходиться ще один курган (№ 2), округлий у плані, висотою до 0,4 м і діаметром 32 м. За розповідями місцевих мешканців, під час корчування саду, що колись ріс на місці розташування курганів, з насипу кургану 2 було вивернуто поховання у кам'яному ящику, що дає підстави датувати курган зрубним часом. Ще за 110 м ближче до русла ріки знаходиться поселення зрубного часу. Воно розташоване на невеликому мисі (у місцевих мешканців ця місцина має назву Мочаки) і простяглося вздовж русла десь на 600 м при ширині до 100 м.

Окрім зазначених, довкола кургану є й інші пам'ятки, але вони знаходяться вже на відстані більше 1 - 2 км, а тому їх зв'язок із "Мочаківським" комплексом більш віддалений. Хоча, не виключено, що вони також були якось пов'язані між собою. Зокрема, курган, розташований на 3х від дослідженої групи (рис.1, 2), знаходиться із курганом 2 у лінію, орієнтовану у напрямку на точку сходу сонця у день весняного (осіннього) рівнодення, що топографічно співпадає із пагорбом Лиса Гора, де також розташовано невеликі кургани.

---

[2] - Чоловік, який розповідав нам про це у 1998 р., називав і навіть замальовував залізні меч, шит і шолом пізньосарматського типу, якими він бавився ще дитиною у 60-ті рр. Але при розпитуванні мешканців в самій Новогродівці ці дані, як і прізвище інформанта підтвердити не вдалося, хоча обставини руйнації кургану відповідають розповіді.

[3] - За розповідями його сина, який у 1998 р. проживав у с.Новопетрівське. Ніяких матеріальних свідчень про ці «розкопки» не збереглося.

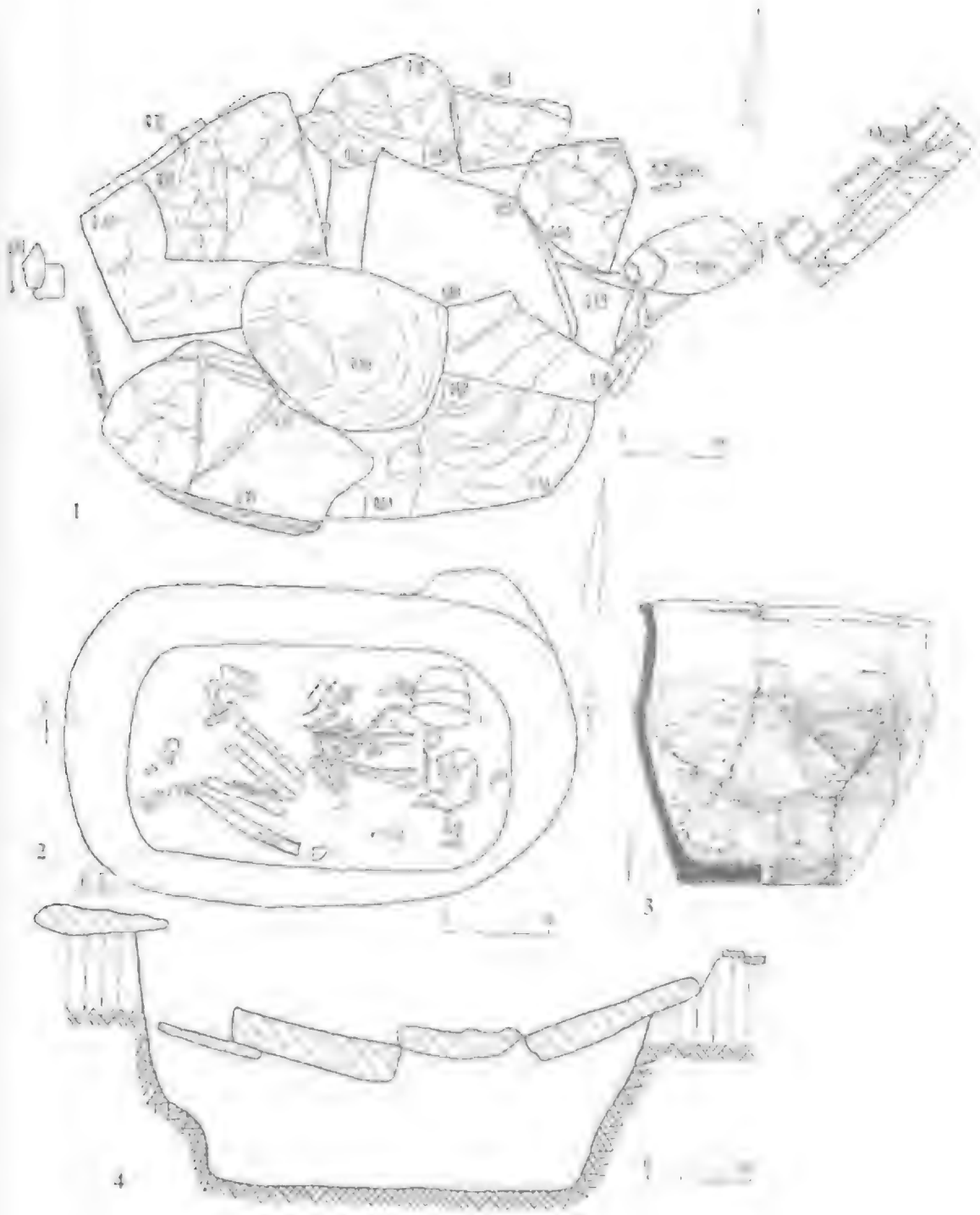


Рис. 3. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 1: 1 – план верхнього рівня; 2 – план нижнього рівня (1 – посудина); 3 – посудина; 4 – повздовжній розтин поховання.

Fig. 3. Novovasilivka, barrow 1: burial 1.

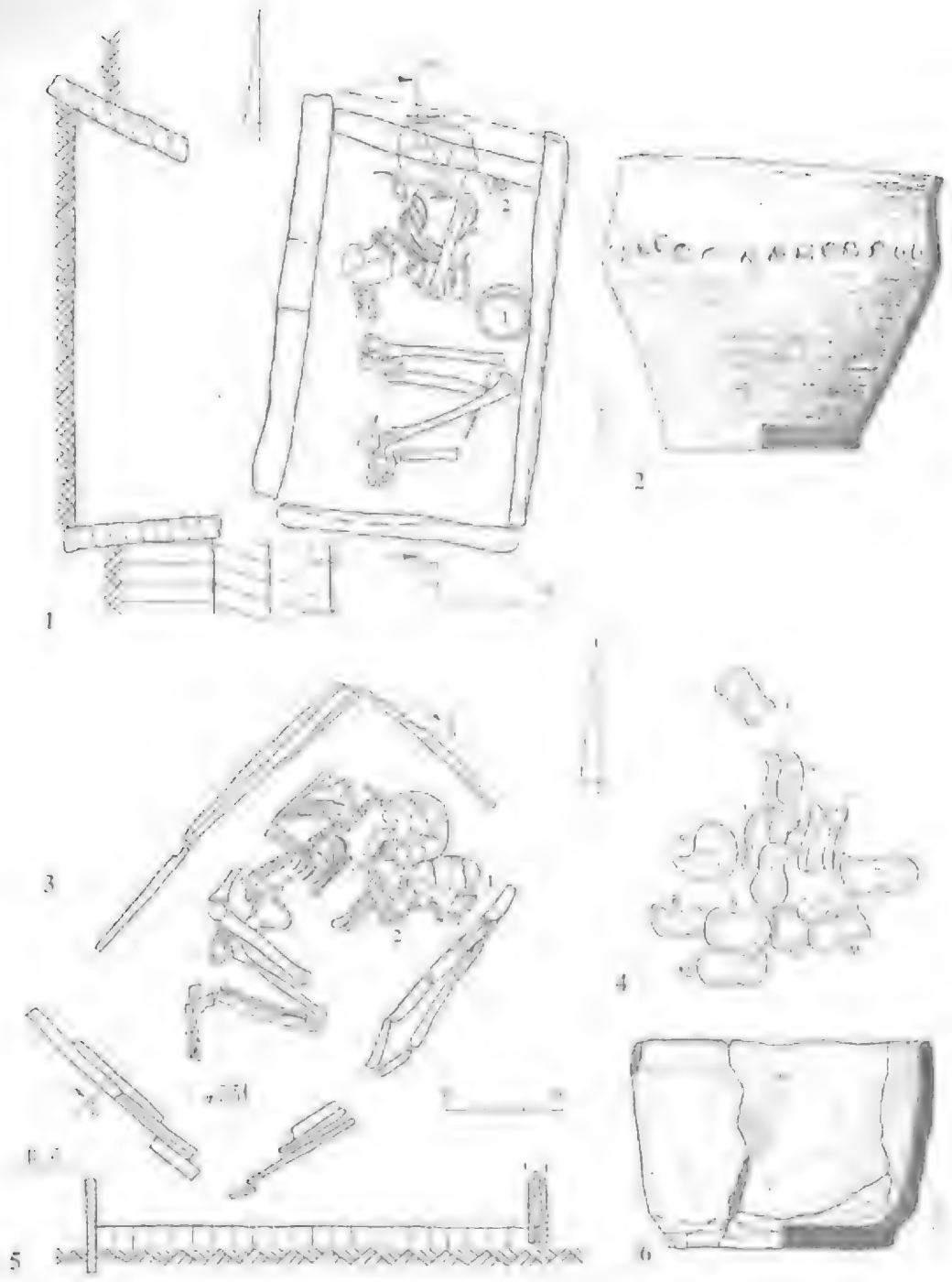


Рис. 4. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 2: 1 – план і повздовжній розтин (1 – посудина, 2 – астрагали); 2 – посудина. Поховання 3: 3 – план (1 – посудина, 2 – астрагали); 4 – схема розташування астрагалів; 5 – повздовжній розтин; 6 – посудина.

Fig. 4. Novovasilivka, barrow 1: 1 – 2 – burial 2; 3 – 6 – burial 3.

Насип кургану 1 було повністю зруйно-
интенсивним розорюванням, тому він
не "читався" на оточуючому ландшафті.
і кургану під час оранки було виверну
з поховань, завдяки чому й вдалося зафік-
приблизне місце розташування кургану.
було досліджено 5-ма траншеями шири-
до 5 м, орієнтованими ПнЗх - ПдСх (290°-
за допомогою бульдозеру Т-74. Подальші
чення окреслили насип кургану, який,
но, мав округлу (?) у плані форму і діа-
10-12 м.

Оскільки насип кургану було повністю
ровано, нажаль жодних стратиграфічних
режень зробити не вдалося. Хоча за розрі-
Центральної бровки (рис.2, 2) встановлено
ість таких шарів: 0,0 – 0,20 м – орний шар;
– 0,35 м – шар похованого ґрунту (?); з 0,35
– материковий суглинок. На інших бровках
похованого ґрунту вже не "читався".

В кургані 1 було досліджено 13 поховань
ного часу (рис.2, 1).

Поховання 1 (рис.3, 1) знаходилося за
75 м під кутом 274° і на глибині 1,09 м від Р.
йснено у ямі підпрямокутної форми із сильно
закругленими кутами. Яму було перекрито
'яними плитами (пісковик) різних розмірів
товщини (рис.3, 1). Плити було викладено за
ною системою: 4 великі плити перекривали
по краях, ще 3 менших викладено по пів-
но-східному сектору і 1 покладено посере-
і. Загалом перекриття має у плані овальну
му розмірами 1,4 х 1,6 м. Ще одну невелику
ту (40 х 24 см) крапленоподібної форми було
покладено із східної сторони перекриття. Її було
зафіксовано на 25 см вище плит перекриття, але
ця різниця могла утворитися і внаслідок просі-
дання останніх. За 10 см на схід від приставле-
ної плити було знайдено кістку тварини. Ще за
10 см на Сх знаходилися масивна плита (65 х 40
х 20 см), яку було вкопано (?) під нахилом і
орієнтована за лінією ПдЗх - ПнСх (46° - 226°).
На плиті зверху теж було знайдено кістку тва-
рини (залишки жертвоприношення?). Виходячи
з рівня залягання крайніх плит можна стверд-
жувати, що поховання було здійснено з ДГ. Сама
яма мала похилі стінки й майже по усьому пе-
риметру – устям. Довгими сторонами орієнто-
вана по лінії Сх - Зх. Розміри: угорі - 150 х 95
см; біля дна - 112 х 66 см.

На дні знаходився кістяк людини (дорос-
лого) у зібганому положенні на лівому боці
головою до Сх. У шиї зігнутий. Руки зігнуті у
ліктях; кисті були зруйновані землерийними
тваринами. Ноги у тазо-стегнових суглобах
зігнуті під гострим кутом (40°). За плечима
похованого, у ПнСх кутку поховання було вста-
новлено керамічну ліпну посудину. У засипці
знайдено астрагал (рис.3, 2).

Посудина - горщикоподібного типу, про-
фільований у верхній третині, з виділеним
вінцем. Зріз вінця не вирівняний, але ретель-
ний. Тісто[4] нерівномірно розподілене по стін-
кам, є окремі "згустки". Саме тісто з органічни-
ми (?) домішками, що при обпалюванні вигорі-
ли (багато дрібних порожнин). Плечики різно-
великі. Поверхня вирівняна (можливо, із засто-
суванням трави або чогось подібного), бурштин-
ного кольору з темними плямами; на зламі -
чорного. На поверхні (особливо зовнішній) –
сліди нагару. Діаметр вінця - 17,3 см, максималь-
ний діаметр - 17,9 см, діаметр дна - 10 см, ви-
сота - 16, 3-16,9 см (рис.3, 3).

Поховання 2 (рис.4, 1) знаходилося за
6,75 м під кутом 293° і на глибині 0,56 м від Р.
Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було скла-
дено з 4 плит пісковику, які було поставлено у
ямі у стик і заглиблено у материковий суглинок
на 5 см. Виходячи із стратиграфічної ситуації,
яку було зафіксовано у південній частині спо-
руди, поховання було здійснено з рівня ДГ, над
яким плити виступали на кілька сантиметрів.
Більшість плит було зафіксовано похилими,
особливо північну, що, ймовірно, стало наслід-
ком інтенсивної оранки. Перекриття зруйновано
оранкою. Розміри ящика - 110 х 70 см. Довгими
сторонами орієнтований за лінією Пд - Пн з
відхиленням до Сх.

На дні знаходився кістяк людини (більше
20 років[5]) у зібганому положенні на лівому боці
із завалом на груди головою до ПнПнСх (близь-
ко 20°). Положення рук не встановлюється. Ноги
у тазо-стегнових суглобах зігнуто майже під

---

[4] - Аналіз керамічного комплексу з кургану здійснено А.М. Усачуком за допомогою мікроскопа «Мікмо» (30х)
і лупи збільшення 3х і 7х.

[5] - Тут і далі визначення віку поховань зроблено за результатами обстеження зубів стоматологами з Новотроїць-
кої лікарні Ю.В. Гришановим і Г.М. Гейбович.

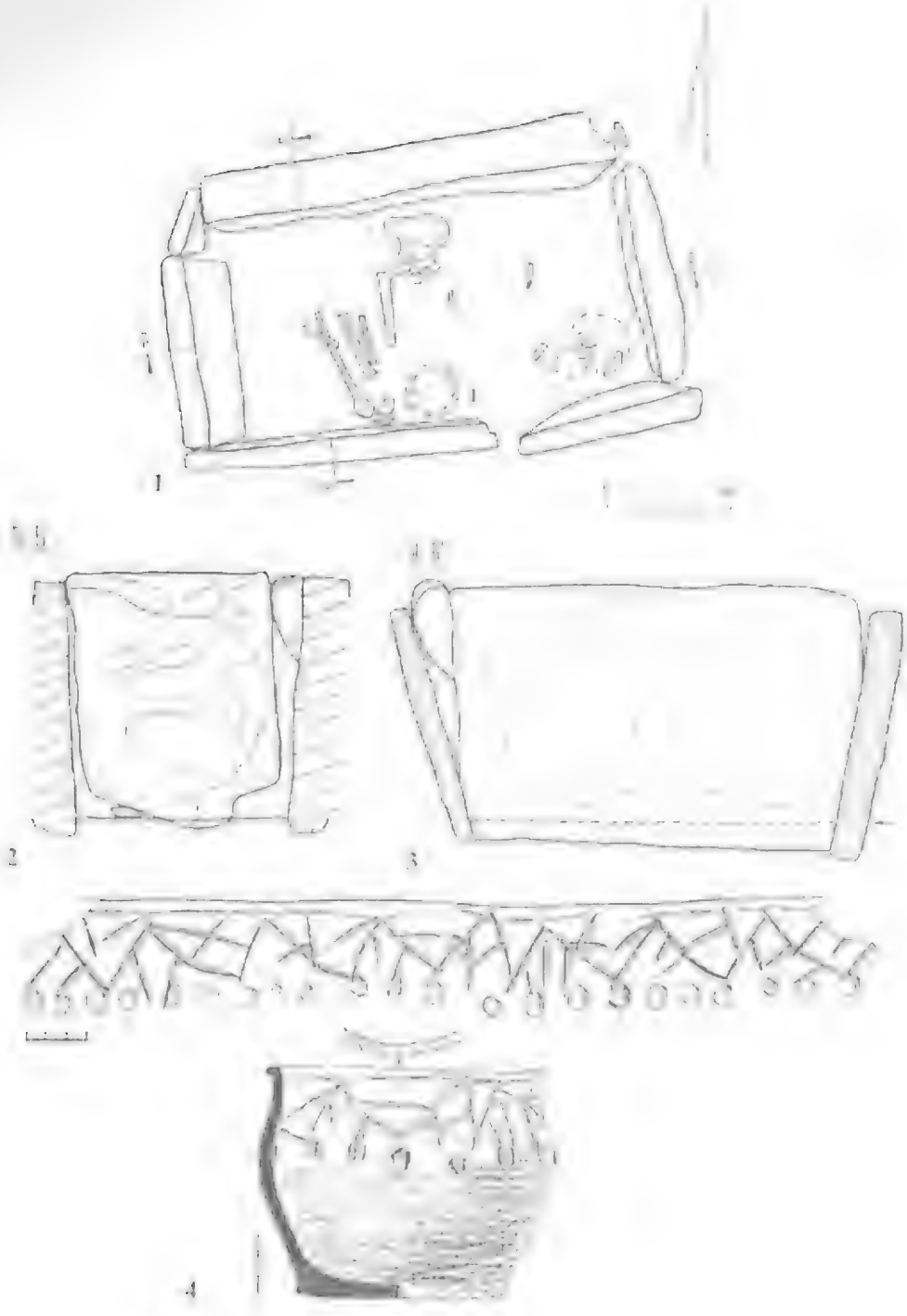


Рис. 5. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 4: 1 – план (1 – посудина); 2 – поперечний розтин; 3 – повздовжній розтин; 4 – посудина і розгортка орнаменту.

Fig. 5. Novovasilivka, barrow 1: burial 4.

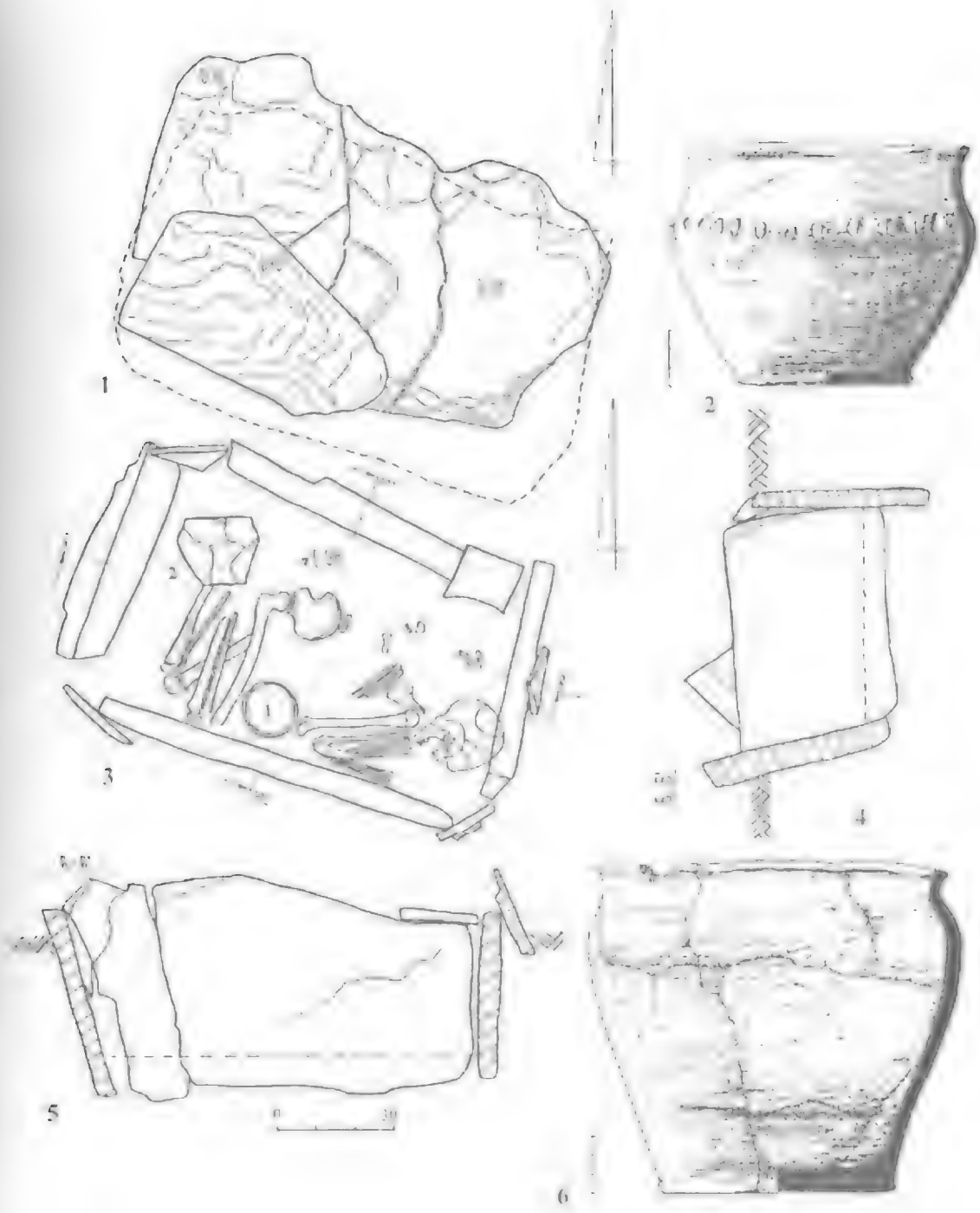


Рис. 6. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 5: 1 – план верхнього рівня; 2 – посудина № 1; 3 – план нижнього рівня (1 – посудина № 1, 2 – посудина № 2); 4 – поперечний розтин; 5 – повздовжній розтин; 6 – посудина.

Fig. 6. Novovasilivka, barrow 1: burial 5.

прямим кутом, п'яти на відстані від тазу. Перед лицем похованого лежали 2 астрагали, довгою віссю орієнтовані за лінією 165°-345°. Під східною стінкою, майже посередині, навпроти живота похованого було встановлено керамічну ліпну посудину.

Посудина - з виділеними плечиками й слабовиділеними вінцем і закраїною. По лінії плечиків - рядок з 33 пальцьо-нігтьових вдавлень. З одного боку вони густо розташовані, навіть "налазять" одне на одного, з протилежного – рідше. З того боку, де вдавлення розташовані густо, під ними – поодинокі нігтьові (?) вдавлення. Поверхня загладжена (травою?), але місцями горбкувата; під вінцем шийка загладжена нерівномірно; брунатного кольору з темними плямами, всередині нижче перегину - темна; на зламі черепок чорний. Діаметр вінця - 15,2 см, максимальний діаметр - 16,5 см, діаметр дна - 9,5 см, висота - 12,8 см (рис. 4, 2).

Астрагали – лівий і правий, але, можливо, походять від різних особин.

Поховання 3 (рис.4, 3, 5) знаходилося за 3,4 м під кутом 332° і на глибині 0,34 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик складено з невисоких (близько 30 см) і тонких (3-10 см) плит пісковику, які десь на 5-12 см було закопано у ґрунт. Рівень дна поховання не досягав материкового суглинку. Перекриття з таких же тонких плит пісковику було зруйноване оранкою. Розміри ящика - 124 х 80 см; довгими сторонами орієнтований за лінією ПдЗх - ПнСх.

На дні знаходився кістяк людини (біля 12 років) у зібганому положенні на лівому боці із завалом на спину головою до ПнСх (40°). У шиї зігнутий. Ліва рука повністю зігнута у лікті, кисть перед обличчям; права рука зігнута у лікті під прямим кутом. Ноги зігнуті у тазостегнових суглобах майже під прямим кутом. Нижня частина правої ноги від коліна була відсутня. Під східною стінкою навпроти чола похованого знаходилася керамічна ліпна посудина. Біля зігнутої лівої руки і обличчям похованого - кунка з 13 астрагалів, які було складено за певною системою (рис. 4, 4). При цьому, астрагал № 13 знаходився під № 10, а обидва вони знаходилися у невеличкій ямці, бо перекривалися астрагалом № 11.

Посудина - баночного типу з майже прямими стінками без вінця, з прямим переходом до дна. Поверхня загладжена не повністю, нерівна, місцями залишилися сліди формовки. Колір поверхні нерівномірний - брунатний, з темними плямами; на зламі - чорний. Ззовні поверхня місцями вкрита нагаром. Діаметр гирла - 15 см, діаметр дна - 11,5 см, висота - 10,5 см (рис. 4, 6).

Астрагали – утворювали 5 пар і один з астрагалів (№ 5) був у двічі більший від останніх (можливо не баранячий). Лише на ньому зафіксовані сліди вирізки астрагалу із суглоба. За зовнішніми ознаками можливо встановити такі пари: 1 – [illegible], 3 – 9, 7, 6 – 13, 8 – 12, 10 – 11.

Поховання 4 (рис. 5) знаходилося за 7,4 м під кутом 6° і на глибині 0,95 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було складено з 5 основних масивних плит пісковику, які було заглиблено у материковий суглинок на 5 см (деталь встановлення західної плити: знизу вона не рівна, і для рівноваги під неї було підкладено невеликий камінь). Плити було встановлено під невеликим нахилом, особливо західну. Південну стінку було складено з 2-х різновеликих плит. Південну повздовжню плиту з торцевими було міцно закріплено у стик, тоді як поміж північною повздовжньою плитою і торцевими у верхній частині утворився зазор, який було усунуто за допомогою двох невеликих підтрикутних каменів, вставлених у кутки. Тим самим згори утворилася нерозривна лінія кам'яних стінок з можливим розривом у південній стінці. Хоча чи був цей розрив у давнину сказати важко. Розміри конструкції: 123 х 76 см; довгі сторони орієнтовані за лінією ЗхПдЗх - СхПнСх (80° - 260°). Перекриття (його було зафікеовано ще у 1995 р.) складалося з плити товщиною 10 - 12 см, розміри якої співпадали із внутрішніми розмірами ящика і яка з часом розкололася на дві різновеликі частини.

На дні знаходився кістяк людини (старше 14 років) у зібганому положенні на лівому боці головою до сходу (?). Похованого було покладено так, що його голова опинилася у ПдСх кутку конструкції. Положення рук не зафіксовано. Ноги у тазо-стегнових суглобах зігнуті під гострим кутом (близько 60-70°), у колінах повністю зігнуті. Біля колін похованого, навпроти його живота й посередині південної стінки було встановлено керамічну ліпну посудину.

Посудина - близького до баночного типу з округлими стінками й слабо вираженим він-

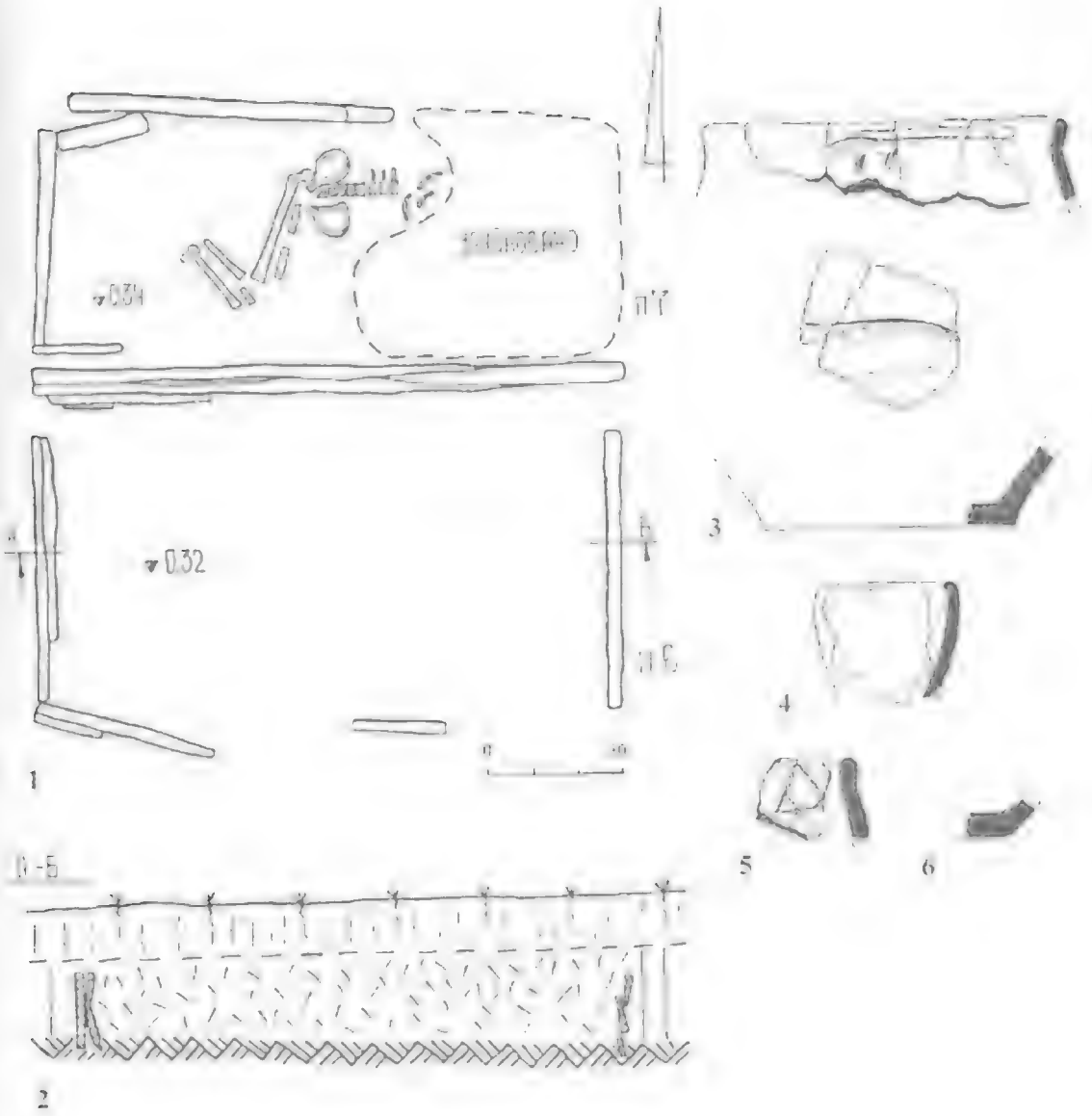


Рис. 7. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 6-7: 1 – план; 2 – повздовжній розтин поховання 6; 3 – фр-ти посудини № 1; 4 – фр-т посудини № 2; 5 – фр-т посудини № 3; 6 – фр-т посудини № 4.

Fig. 7. Novovasilivka, barrow 1: burial 6-7.

цем. Біля дна невелика закраїна. Орнаментована: по зрізу вінця - насічками; поміж вінцем і перегином - прокресленим орнаментом, в основі якого лежить зигзаг; по перегину – 22-ма пальцьовими вдавленнями.

Ліплення посудини проведено ретельно. Скоріш за все, воно велося стрічковим способом (на внутрішній поверхні видно локальні горизонтальні стики стрічок). У всякому разі, спочатку було вилплено банку близько 7 см висотою, а потім до неї прищипували стрічку шириною близько 4,5 см, одночасно формуючи ребро (прийом типовий для ліплення зрубного посуду). Тісто ретельно перемішано з добавками: пісок та дуже небагато дрібних грудочок сухої глини. Обробка поверхні досить акуратна. Зовнішня поверхня: локально збереглися сліди вертикальних і вертикально-діагональних розчосів у нижній частині посудини. Розчоси майже не видні, тому що після розгладження знаряддям (тріска -?) посудину акуратно затерли по усій поверхні, коли вона була ще вологою. А от верхню частину посудини (над ребром) загладжували пальцями і тріскою (?) у горизонтальному положенні, так готували поверхню під прокреслені зображення.

Вдавлення на ребрі зроблено торцем пальця і нігтем. Їх нанесено до прокресленого зображення, доказ чого: край однієї прокресленої лінії накладається на вдавлення. Зображення наносилося в два способи: спочатку був нанесений зигзаг - вийшло 8 кутів. Наносилося зображення з ліворуч у праворуч; всього 4 більш-менш "нормальних" кути, потім 3 з дугоподібною правою лінією зигзага, і останній (8-й) не вписався в потрібний розмір і він вийшов скошеним. Після прокреслення зигзага стали заповнювати простір між кутами різними зображеннями. Імовірно, закінчивши зигзаг, зображення також наносили з ліворуч у праворуч, почавши з трьох вертикальних ліній, потім хрест і т.д. Судячи з характеру прокреслених ліній, знаряддя дерев'яне, але дуже гладке.

Похилі насічки по торцю вінця нанесено іншим знаряддям. Скоріш за все, знаряддя дерев'яне, але із сильно загладженими зубцями.

Внутрішню поверхню ретельно розгладжено. Простежено сліди горизонтальної обробки дерев'яним шпателем і пальцями. Складається враження, що використовувалося або інше знаряддя (не те, яким обробляли зовнішню поверхню), або інший торець дерев'яного керамічного шпателя-ножа. При виготовленні посудину ставили на поверхню, покриту органікою (трава, дрібна солома або щось подібне) – на дні відбитки. Дрібні травинки приліпилися і до бічної поверхні (про це свідчать їх відбитки).

Випал у межах звичайного для зрубного посуду температурного режиму, але, імовірніше всього, ближче до верхньої межі (тобто більше 750), тому що поверхня десь на 0,1 мм пронеклася і не чорного, а оранжево-вохристого кольору.

Діаметр вінця - 13,5 см, максимальний діаметр - 14,4 см, діаметр дна - 10,2 см, висота - 11,3 см (рис. 5. 4).

Поховання 5 (рис. 6) знаходилося за 8,1 м під кутом 20° і на глибині 0.98 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було складено з 4 масивних плит пісковику, які було заглиблено у материковий суглинок на 6-12 см. Західна і північна плита знаходилися під нахилом (особливо західна). Встановлені плити виявилися коротшими за розміри ями і тому кутки (північний, західний і південний) було «закрито» невеликими тонкими плитами. Саму конструкцію було заглиблено у грунт і перекрито двома плитами: однією великою, яка перекрила майже увесь ящик (123 х 70 см) і однією меншою, якою закрився ПдЗх куток. Оскільки верхній край плит-стінок був нерівний, під східну торцьову стінку було підставлено підтрикутну плиту, на якій початково і трималася плита перекриття. Розміри конструкції: 125 х 78 см; довгі стінками орієнтована по лінії ПнЗх - ПдСх (290° - 110°). На дні знаходився кістяк людини (18-30 років) у зібганому положенні на лівому боці головою до ПдСх. Руки були зігнуті у ліктях, кисті біля обличчя. Ноги у тазо-стегнових суглобах зігнуті по різному (85° - права і 110°- ліва), у колінах зігнуті повністю. Похованого було покладено так, що він був притиснутий до південної повздовжньої плити і ПдСх кута. Поміж ліктями і колінами похованого, навпроти його "живота" і майже посередині південної стінки знаходилася керамічна ліпна посудина (1). Ще одна посудина (2) було встановлено на стопи похованого (2) (знайдено завалено на бік, але завалилася вона пізніше, бо всередині було знайдено камінці).

Посудина 1 – горщикоподібного типу із слабовираженим вінцем і намічением ребром. По ребру – рядочок з 32 пальцьових вдавлень. Вінець і дно здавлені, у плані овальної форми, але різнонаправлені. Висота нерівномірна. Повер-

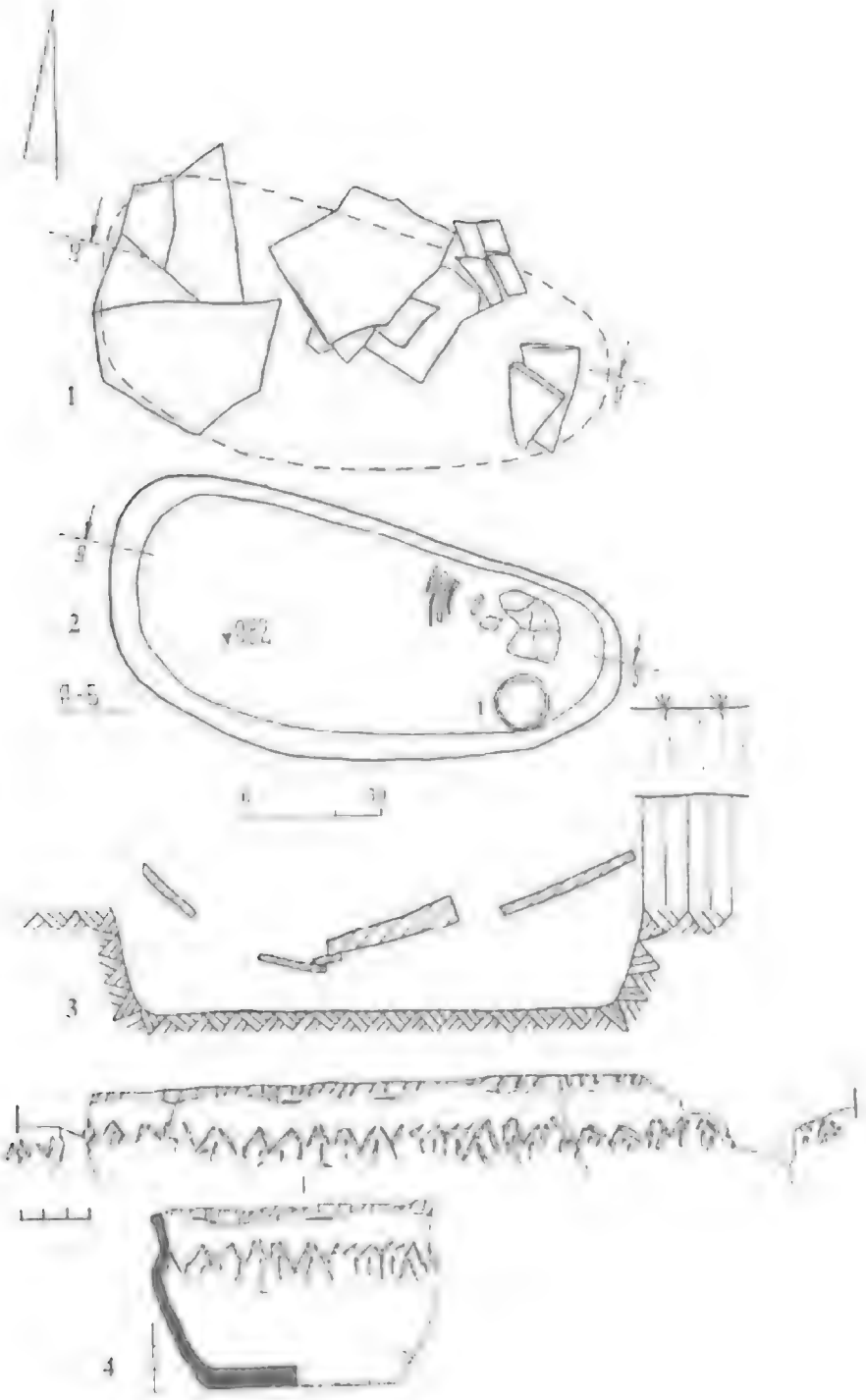


Рис. 8. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 8: 1 – верхній рівень; 2 – нижній рівень (1 – посудина); 3 – повздовжній розтин; 4 – посудина і розгортка орнаменту.

Fig. 8. Novovasilivka, barrow 1, burial 8.

хня загладжена, але горбкувата; світло-брунатного кольору. Всередині і у верхній частині ззовні – накип (за виключенням одного боку). Діаметр вінця – 15,1 х 16,2 см, діаметр дна – 10,0 х 10,8 см, висота – 14,2 -15,1 см (рис. 6, 2).

Посудина 2 – горщикоподібного типу із вираженим вінцем, короткою шийкою, високо розташованими плечиками та невеликою закраїною біля дна. Вінець у плані яйцеподібний, дно – кособоке. Поверхня загладжена; світло-брунатного кольору з темними плямами. Всередині сліди нагару. Тісто, можливо, було з домішками органічних речовин, після яких після обпалювання залишилися дрібні порожнини. Діаметр вінця – 16,2 х 18,5 см, діаметр дна – 12,0 х 12,7 см, висота – 17,5 см (рис. 6).

Поховання 6 і 7 було об'єднано у єдиний комплекс, оскільки мали одну спільну довгу стінку: південна для пох.7 і північна для пох.6 (рис.7, 1).

Поховання 6 знаходилося за 4,8 м під кутом 358° і на рівні 0,32 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було складено з невеликих тонких плит пісковику, вкопаних на 5-10 см у ґрунт. Розмір 130 х 80 см; довгими стінами орієнтовано за лінією Зх - Сх. Кістяк було повністю зруйновано, знахідки ж окремих кісток та зубів свідчили, що поховано було дорослу людину.

Поховання 7 знаходилося за 5,4 м під кутом 365° і на рівні 0,34 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було складено з невеликих тонких плит пісковику. Розмір 130 х 65 см; довгими стінами орієнтовано за лінією Зх - Сх. На дні знаходився кістяк людини (підліток до 11 років) у зібганому положенні на лівому боці головою до Сх. Верхню частину кістяка було зруйновано. Ноги у тазо-стегнових суглобах було зігнуто під тупим кутом (110°); ступні на відстані від тазу.

З похованнями 6 і 7 пов'язуються фрагмент стегнової кістки тварини і фрагменти як мінімум 4 посудини.

Посудина 1 – горщикоподібна, без вираженого вінця, з короткою шийкою й округлим тулубом. На шийці та на тулобі прокреслено нерівну відносно широку стрічку. Поверхня нерівномірно загладжена, горбкувата, брунатного з темними плямами кольору. На зламі черепок чорний. Діаметр гирла - до 16 см, діаметр дна - 11,2 см (рис. 7, 3).

Посудина 2 – баночного типу, мініатюрна. Поверхня сірого та брунатного кольору; на зламі - чорна. Діаметр гирла - 6 см, висота близько 6-6,5 см (рис. 7, 4).

Посудина 3 – представлена фрагментом верхньої частини, яка прикрашена композицією з прокреслених ліній (рис. 7, 5).

Посудина 4 – представлена фрагментом придонної частини. Стінка відходить від дна під значним тупим кутом, що говорить про круглобокість тулуба. Поверхня ззовні світло-брунатного кольору (рис. 7, 6).

Поховання 8 (рис. 8) знаходилося за 8,15 м під кутом 342° і на рівні 0,82 м від Р. Здійснено у ямі неправильної овальної форми (східна частина вужча ніж західна). Яма мала похилі стінки. Розміри: угорі 116 х 43-58 см, на рівні дна 105 х 35-48 см; довгою віссю орієнтовано за лінією ЗхПнЗх - СхПдСх (110° - 290°). Яму було перекрито плитами пісковику, з яких збереглася лише частина. Виходячи з стратиграфічної ситуації, зафіксованої в ПдЗх частині перекриття, встановлено, що поховання було здійснено з рівня ДГ. На дні знаходилися залишки кістяка дитини 3-8 років у зібганому (?) положенні на лівому боці головою до СхПдСх. Перед лицем похованого було встановлено керамічну лінну посудину.

Посудина – низька і широка, з вираженим уступом (плечиками) у верхній третині і слабо виділеним вінцем. Зріз вінця вкрито вдавленнями (ймовірно, виконано округлою паличкою близько 1,8 мм у діаметрі), по плечиках композиція з коротких вдавлених відрізків (паличка (?) діаметром близько 1,4 мм у діаметрі), що утворюють нез'єднаний зигзаг, від якого вниз відходять такі ж відрізки, розташовані нерегулярно. В одному місці зигзаг перервано і на його місці знаходяться 4 похилі насічки. Поверхня шерхата, загладжена лише унизу всередині, цегляно-брунатного кольору, на зламі в нижній частині – темно-сіра, в верхній – брунатна. На дні пляма чорної речовини (фарби?), яка кількома патьоками спускається на стінки посудини. За технологією обробки ця посудина значно відрізняється від інших знайдених у цьому кургані. Діаметр вінця - 12,6 см, максимальний діаметр - 12,8 см, діаметр дна - 8,7 см, висота - 8 ,1 см (рис. 8, 4).

Поховання 9 (рис. 9, 1) знаходилося за 3,5 м під кутом 48° і на рівні 0,26 м від Р. Здій-

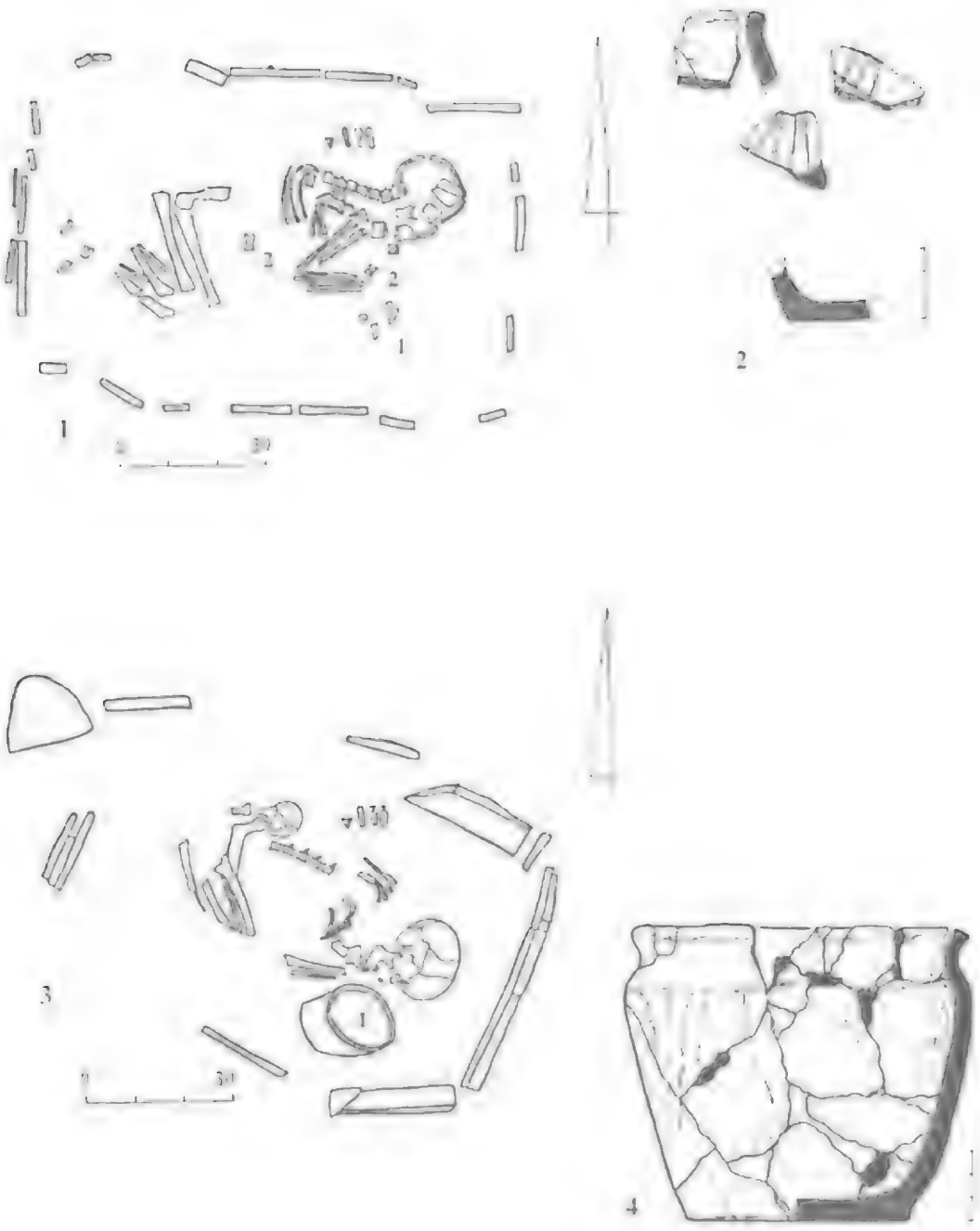


Рис. 9. Пововасилівка, кург. 1. Поховання 9: 1 – план (1 – посудина; 2 – астрагали); 2 – фр-ти посудини; поховання 10: 3 – план (посудина); 4 – посудина.

Fig. 9. Novovasilivka, barrow 1: 1 – 2 – burial 9; 3 – 4 – burial 10.

скено у кам'яному ящику, складеному з тонких плит пісковику. Розмір - 105 х 73 см; довгими сторонами орієнтовано за лінією Зх - Сх. Перекриття не збереглося. На дні, посередині конструкції, знаходився кістяк людини (підліток) у зібганому положенні на лівому боці головою до Сх. Руки зігнуті у ліктях, кисті не збереглися. Ноги у тазо-стегнових суглобах зігнуті під гострим кутом (70°). На відстані 10-15 см від лиця похованого було встановлено керамічну ліпну посудину, від якої збереглися лише фрагменти. Поміж зап'ястями і ротом похованого було покладено 2 астрагала. Ще один астрагал було знайдено біля «живота» похованого.

Посудина – горщикоподібна (можливо, гостроребериа), профільована у верхній частині. Збереглися лише окремі фрагменти, які не дають змоги повністю реконструювати тип посудини. До перегину орнаментована прокресленими лініями. Композиція, можливо, складувалася з поясу заштрихованих трикутників. Перехід до дна прямий. Поверхня ззовні вохристого і брунатного кольору, з середини - брунатного; на зламі - чорного. Розміри не встановлюються (рис. 9, 2).

Поховання 10 (рис. 9, 3) знаходилося за 1,4 м під кутом 65° і на рівні 0,33 м від Р. Здійснено у кам'яному ящику. Ящик було складено з невеликих тонких плит пісковику. Конструкція значно постраждала від оранки. Розміри не встановлюються. Довгими сторонами було орієнтований за лінією ПнЗх - ПдСх (296° - 116°). На дні знаходився кістяк людини (підліток) у зібганому положенні на лівому боці головою до ПдСх. Положення рук не встановлюється. Ноги було зігнуто у тазо-стегнових суглобах під гострим кутом, але по різному (приблизно 55° - права і 75° - ліва). Перед лицем похованого було встановлено керамічну ліпну посудину.

Посудина – горщикоподібна, профільована у верхній шостій частині, без вираженого вінця. З внутрішньої сторони на переході від профільованої частини до стінок - уступ. Поверхня загладжена, але нерівна. Колір поверхні ззовні - нерівномірний вохристо-світло-брунатний, з середини - брунатний і темно-сірий; на зламі - двошаровий, вохристий і чорний. У тісті зустрінуто зернятко якоїсь зернової культури. Діаметр гирла - 13,2 см, діаметр дна - 9 см, висота - 12, 2 см (рис. 9, 4).

Поховання 11 (рис. 10) знаходилося за 4,8 м під кутом 110° і на рівні 0,73 м від Р. Здійснено у ямі підтрапецієподібної форми із сильно закругленими кутами. Стінки злегка похилі, особливо у західній частині; довгими стінками орієнтовано за лінією ПнСх - ПдЗх. Розміри ями 135 х 80-95 см. Яму було перекрито плитами пісковику, які були значно зрушено оранкою. На перекритті знаходилася керамічна ліпна посудина (1), від якої збереглися окремі фрагменти.

На дні (із зміщенням до ПнСх торця) знаходився кістяк дорослої людини (більше 20 років) у зібганому положенні на лівому боці головою до ПнСх. У шиї зігнутий. Положення рук різне: ліва випростувана до ніг й ледь зігнута у лікті, кисть також зігнута, знаходилася біля тазу; права зігнута у лікті, кисть "звисає", кістки руки зафіксовані переламаними, але це, ймовірно, сталося вже після поховання. Розташування рук до певної міри нагадує "свастику". Ноги у тазово-стегнових суглобах сильно зігнуті (40° - ліва і 60° - права). Права нога п'яткою підігнута до тазу. Перед головою – керамічна ліпна посудина (2), біля якої знаходилися залишки м'ясної їжі – ребра якоїсь невеликої тварини (вівці?).

Посудина 1 – горщикоподібна, профільована у верхній частині, з вираженим вінцем і високою шийкою. Посередині шийки в одному місці – круглий отвір (парний?), зроблений ще до обпалювання. Під вінцем – 2 виражені жолобки. На поверхні сліди загладжування. Ззовні на шийці вони вертикальні, ледь навскісні, на тулубі – горизонтальні, слабовиражені; з середини на шийці горизонтальні, кругові, чітко виділені, на тулубі їх немає. У тісті рівномірно розподілені шматочки кальцинованих кісток (?) різних розмірів. Поверхня світло-брунатного кольору. Діаметр вінця - близько 24 см, діаметр дна і висота не встановлюються (рис. 10, 2).

Посудина 2 - баночного типу з майже прямими стінками, без вінця, з виділеною закраїною (це не загладжена глина, що залишилася після формування дна). Зріз гирла місцями сплощений, не вирівняний. Поверхня рівна, але не загладжена. В декількох місцях ззовні - сліди загладжування (з одного боку - вертикальні, з інших - горизонтальні або нерегулярні); з середини ці сліди (горизонтальні, кругові) спостерігаються лише у верхній частині. З одного боку ззовні поверхня покрита нагаром. Колір поверхні - брунатний

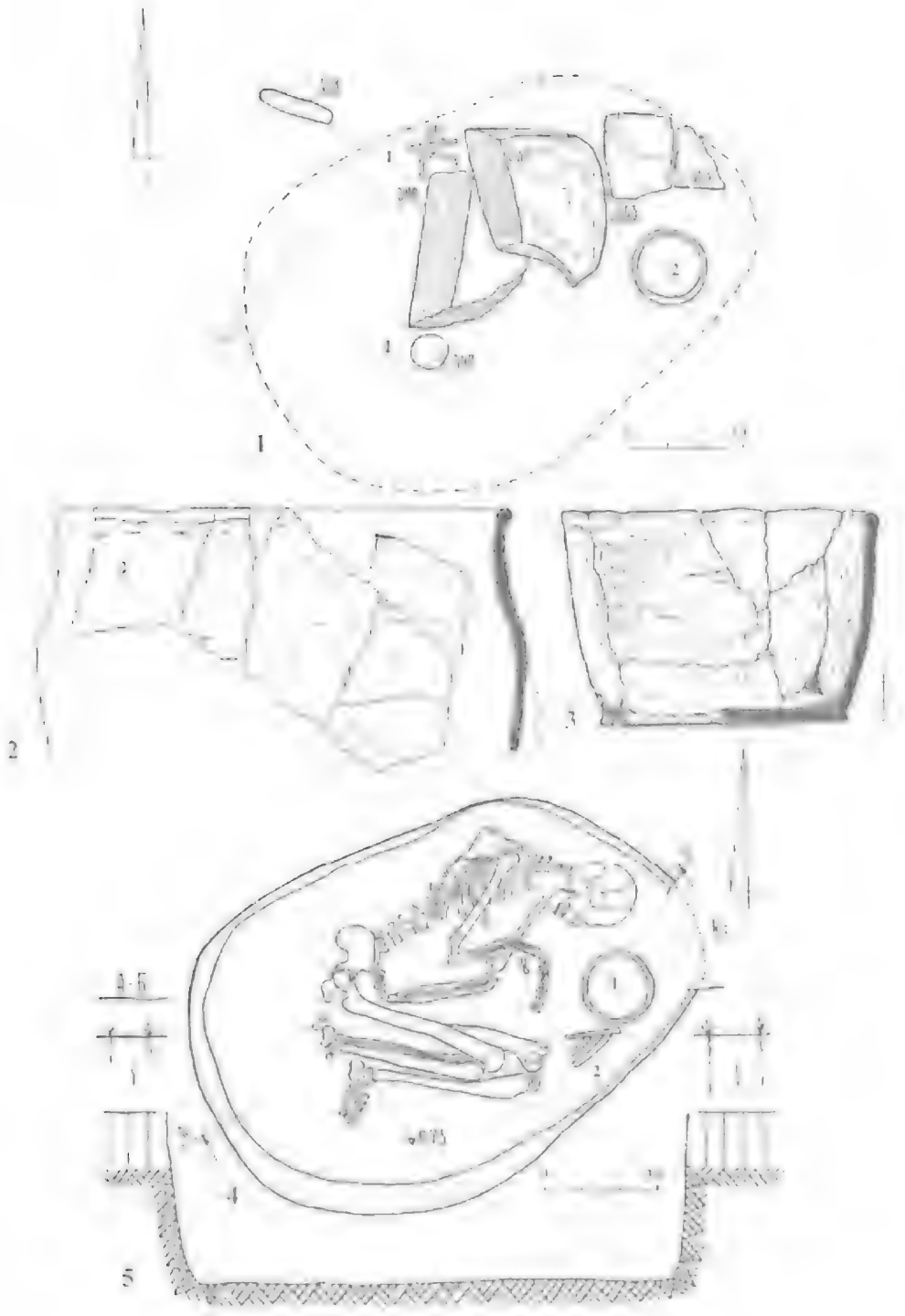


Рис. 10. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 11: 1 – план верхнього рівня (1 – посудина з перекриття; 2 – посудина у похованні); 2 – посудина з перекриття; 3 – посудина з поховання; 4 – план нижнього рівня (1 – посудина; 2 – кістки тварин); 5 – повздовжній розтин.

Fig. 10. Novovasilivka, barrow 1: burial 11.

з чорними плямами; на зламі - чорний. Діаметр гирла - 16,2-17,2 см, діаметр дна - 13,3 см, висота - 11,5 см (рис. 10, 3).

Поховання 12 (рис. 11, 1-2) знаходилося за 2,5 м під кутом 110° і на рівні 0,8 м від Р. Здійснене у ямі підпрямокутної форми із сильно закругленими кутами. Стінки похилі, в наслідок чого яма біля дна менша, аніж угорі, особливо із західного торця; довгими стінками орієнтовано за лінією ПнСх - ПдЗх. Розміри: у горі - 130 х 90 см; біля дна - 112 х 74 см. Перекриття ями не збереглося. На дні знаходився кістяк підлітка у зібганому положенні на лівому боці головою до ПнСх. Похованого було зігнуто у верхній частині тулуба, руки зігнуті у ліктях, руки перед обличчям. Ноги у тазо-стегнових суглобах слабозігнуті (110°). Перед лицем (чолом) похованого знаходився керамічна лінза посудина; перед руками - 6 астрагалів, викладених за певною системою (рис.11, в). Сьомий астрагал було знайдено біля ліктя правої руки, та не виключено, що туди він попав завдяки діяльності землерийних тварин, оскільки тут же знаходилась фаланга одного з пальців.

Посудина - баночного типу із стягнутим гирлом і невеликим дном. Гирло у плані овальне. Його вінця співвідношений, хоча й не вирівняний. Поверхня загладжена, але горбкувата. Стінки різної товщини. На поверхні з середини у верхній частині стінок простежуються переривчасті кругові сліди загладжувань. Колір поверхні - брунатного з чорними плямами; на зламі - чорний, місцями із зовнішньої сторони - брунатний. Діаметр гирла - 15,2-16,5 см, діаметр дна - 9,7 см, висота - 15,5 см (рис. 11, 4).

Астрагали – всі астрагали, окрім № 4, непарні. № 4 парний до них, але він, скоріше за все, походить від іншої особини.

Поховання 13 (рис.11, 1) знаходилося за 5,5 м під кутом 288° і на рівні 0,7 м від Р. Здійснене у ямі підпрямокутної форми із закругленими кутами, яка довгими сторонами була орієнтована за лінією Сх - Зх із відхиленням на ПнСх. Розміри - 78 х 46 см. На дні у східній частині ями знаходився череп дитини 7-9 років, що свідчить про орієнтацію похованого. У заповненні було знайдено фрагменти керамічної посудини.

Посудина - збереглися лише 2 фрагменти придонної частини. Тип і розміри не реконструюються. Поверхня нерівномірного світло-брунатного кольору; на зламі - чорна (рис.11, 2).

Наскільки одночасними є поховання і чи супроводжувалися вони окремими насипами чи досипками з'ясувати було неможливо. Проте, враховуючи планіграфію поховань, рівень їх впуску у грунт та характер поховальних споруд можна виділити три їх групи. Перша – не центральні поховання 3, 9, 10 і здвоєне поховання 6 - 7. Їх здійснено у мілких кам'яних ящиках, складених із тонких невисоких плит пісковику, які при встановленні наполовину були вкопані у грунт. Рівень впуску – до 0,34 м від Р, що визначило у даній ситуації рівень передматерика. Можливо, у первинній ситуації рівень перекриття поховань знаходився на рівні давньої поверхні, або дуже близько від неї. Планіграфічно поховання першої групи утворювали квадрат.

Друга група – поховання 2, 4 і 5. Їх було здійснено у кам'яних ящиках, складених із масивних плит пісковику, на рівні 0,56-1,06 м від Р, тобто повністю у материку. У первинній ситуації поховання знаходилися по відношенню до давньої поверхні у ямах. При цьому, перекриття поховань 2 і 4 було прихованим. Планіграфічно вони знаходилися на Пн – ПнСх (поховання 4 і 5) і на Зх (поховання 2) від центральної групи.

Третя група – поховання 1, 8, 11, 12 і 13. Їх було здійснено у грунтових ямах, перекритих плитами пісковику, які, ймовірно, знаходилися на рівні давньої поверхні. Планіграфічно поховання цієї групи знаходилися на Пн – ПнЗх (поховання 8), Зх (поховання 13 і 1) та ПдСх (поховання 12 і 11) від центральної групи.

Виділені групи також відрізнялися між собою характером і розташуванням керамічних посудин. В похованнях першої групи посудини, які були переважно неорнаментовані, встановлено у позиції "перед обличчям". В похованнях другої – "перед животом"; всі посудини, за виключенням посудини 2 з поховання 5, орнаментовані пальцьо-нігтьовими вдавленнями по ребру. В похованнях третьої – також "перед обличчям", а в похованні 1 – "за головою"; всі посудини, за виключенням з поховання 8, не орнаментовані.

Загалом можна припустити, що могильник існував початково як грунтовий, що є властивим для зрубних поховальних пам'яток, і визнати квазісинхронний характер поховань, особливості

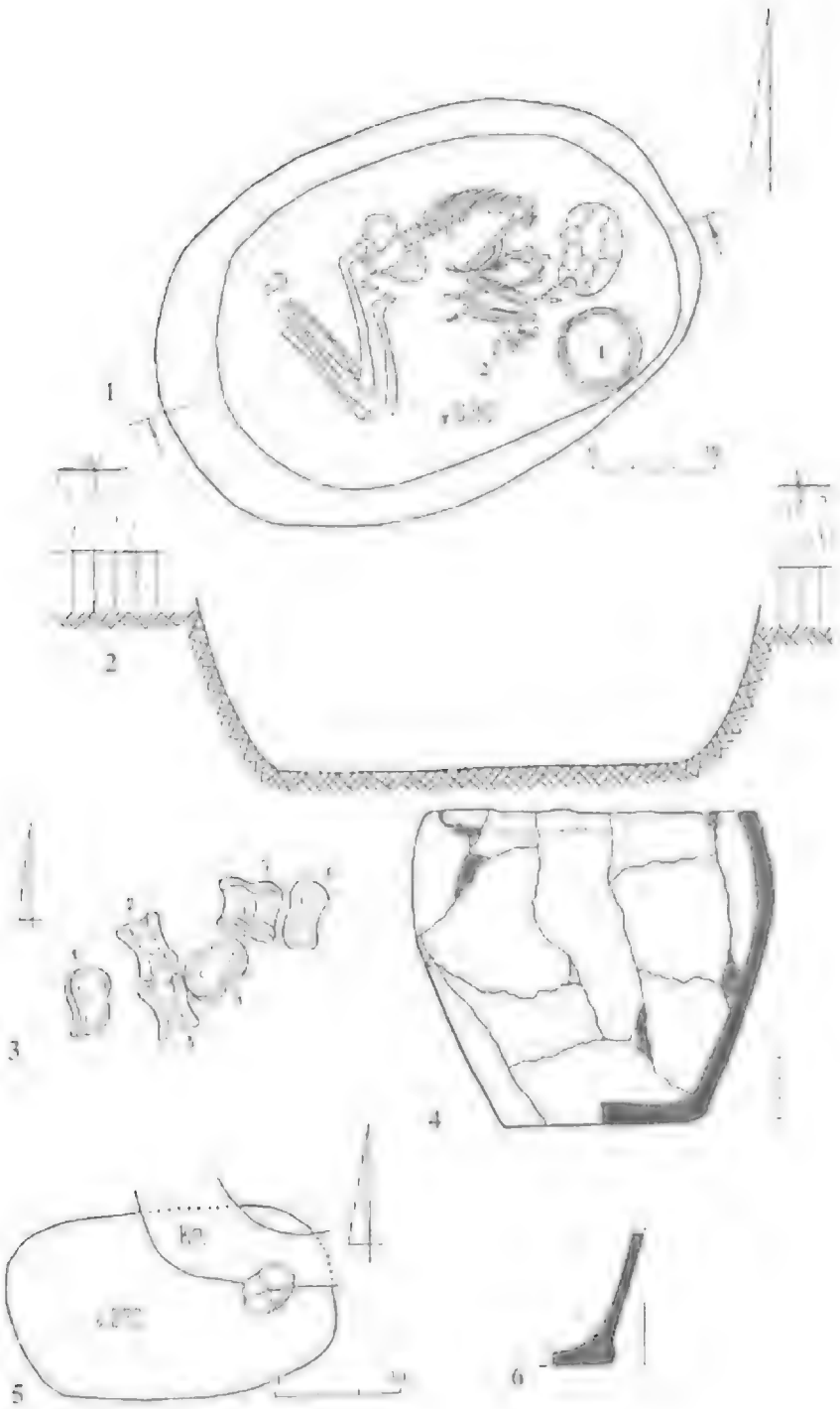


Рис. 11. Нововасилівка, кург. 1. Поховання 12: 1 – план (1 – посудина; 2 – астрагали); 2 – повздовжній розтин; 3 – схема розташування астрагалів; 4 – посудина; Поховання 13: 5 – план; 6 – профіль нижньої частини посудини.

Fig. 11. Novovasilivka, barrow 1: 1 – 3 – burial 12; 5 – 6 – burial 13.

яких визначаються не хронологічною наступністю, а релігійно-обрядовими міркуваннями. Можливо простежити різні закономірності розташування окремих поховань та їх груп в залежності від топографічних та астрономічних орієнтирів, а також у взаємозв'язку між собою (про це докладніше: [Куллай, 2001]).

Зокрема, відзначимо, що планіграфічно розташування поховань нагадує трикутник, у "вершинах" якого знаходилися найбільш неординарні поховання. Так, у північному куті цього трикутника знаходилися поховання 4 і 8, в яких містилися найбільш багато орнаментовані посудини. Орнамент на посудині з поховання 4, як уявляється, має глибоку символічну значущість й може бути інтерпретований як багаторівнева астрономічна піктограма. Про можливість такої інтерпретації говорить орієнтованість певних зон орнаменту до напрямків світу (що було зафіксовано під час дослідження), деяка схожість знаків верхнього ярусу піктограми до обрисів кількох сузір'їв зодіакальної смуги, збіг послідовності знаків з послідовністю відповідних сузір'їв, а також певні числові закономірності і відповідності [Куллай, 1999а; 2001].

У західному куті "трикутника поховань" знаходилося поховання 1, яке відрізнялося масивним і щільним перекриттям та наявністю своєрідного майданчика із залишками жертвоприношень. У південно-східному – поховання 11, яке, одне з небагатьох у цьому могильнику, було орієнтовано на точку сходу сонця у день весняного (осіннього) рівнодення. У похованого у ньому молодого чоловіка руки було складено у вигляді свастики.

Комплекс загалом можна датувати XIV - XIII ст. до н.е. у межах розвинутого етапу зрубної культури.

ЛІТЕРАТУРА

1. **Давыдов В.Д.** Голубое ожерелье Донбасса. Донецк, 1980.

2. **Куллай Ю.В.** Розкопки зрубного кургану біля с.Нововасилівка у Донецькій області // Проблемы истории и археологии Украины. Тд.Харьков, 1999. С.7-8.

3. **Куллай Ю.В.** Зоряна піктограма бронзового віку Донбасу // Наше небо. К., 1999а. Т.2. № 2. С. 24-27.

4. **Куллай Ю.В.** Солярніе ориентирі в структуре погребального комплекса Нововасильевка-1 // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (мат-ли 5-го Укр.-Рос. польового археологічного семінару). К.-Воронеж, 2001. С. 49-54.

5. **Полидович Ю.Б.** Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // АА. 1993. № 2. С. 35-98.

7. **Полідович Ю.Б., Куллай Ю.Г.** Звіт про розкопки кургану біля с.Нововасилівка Красноармійського р-ну Донецької області // НА ІА НАНУ. 1998/75.

8. **Симоненко В.Д.** Фізико-географічне районування Донбасу для цілей сільського господарства. Донецьк, 1972.

9. **Цимиданов В.В.** Длинные курганы Донетчины // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий: Тд. Донецк, 2000. С.19–21.

Стаття надійшла до редакції у листопаді 2003 р.

Археологический альманах №14. Донецк 2003. С. 153-177

КУРГАНЫ БАССЕЙНА МОКРОЙ ВОЛНОВАХИ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Привалова О.Я.

In 1976, in the river Mokra Volnovakha basin (Volnovakha distrikt of the [illegible] the Nikolayevka settlement of the Timber-Grave Culture. Two burials of the Pit Culture (No 2 in the barrow No 1, No 12 in the barrow No 2), one burial of the Catakomb Culture (No 2 in the barrow No 2), two burials of the Babino Culture (No 1, 11 in the barrow No 2), eight burials of the Timber-Grave Culture (No 1 in the barrow No 1, No 3-9 in the barrow No 2) and one burial of Middle Age nomads (No 10 in the barrow No 2) were investigated in these barrows. Two barrows were excavated in the group "Maly Kut" (barrow No 2 was published already). One burial of the Pit Culture (No 5) and three burials of the Timber-Grave Culture (No 1-3) were investigated in barrow No 1.

В течение 70-х годов XX века археологические экспедиции Донецкого областного краеведческого музея проводили работы в районе степной речки Мокрая Волноваха. Ее берега были заселены человеком с древнейших времен, о чём свидетельствуют многочисленные поселения, курганные и грунтовые могильники, открытые археологическими разведками и частично исследованные раскопками [Список памятников, 1988, с.55-59].

Река Мокрая Волноваха – правый приток Кальмиуса, впадающий в него почти в среднем течении. Река имеет большой левый приток – р. Сухая Волноваха. Обе реки текут в широтном направлении, а их притоки – в меридиональном.

Бассейн Мокрой Волновахи является уникальным географическим регионом, находящимся на стыке между южной окраиной Донецкого кряжа и северной границей Приазовской кристаллической возвышенности [Преображенский, 1959, с.112; Слюсарев, 1983, с.41]. Здесь, в месте, где встречаются известняки, наблюдается карст. Это своеобразное явление природы связано с растворимостью известняков (и других пород) в воде и образованием в результате этого под землей и на ее поверхности пустот. Вследствие этого пористая порода, как губка, впитывает влагу. Вся карстовая область отличается маловодностью, даже больше – сухостью своей поверхности. Балки Дальн-Тарама и Сарбаш-Тарама имеют на дне своем полноводные ручьи. Но, вступив в карстовую зону, они усыхают. Река Сухая Волноваха, дойдя до карстовой зоны, исчезает и появляется лишь через 25 километров. На «сухом» отрезке от реки остаются только отдельные болотца. Растительность в районе карста более бедная, чем в прилегающих местах. Просочившаяся с поверхности вода скапливается в подземных пустотах, а не вмещаясь в них, начинает вырываться на поверхность в виде ключей.

Обе Волновахи берут истоки из водораздела между бассейнами Днепра и Кальмиуса, в той его части, где находится возвышенность с высшей точкой 265 м, от которой отходят три отрога – на север, юго-восток и запад. На высшей точке находится группа курганов, среди которых наибольший курган Могила Гончариха имеет округлую насыпь высотой 6,0 м. Шесть курганов высотой 0,4-2,4 м этой группы были исследованы в 1986 г. В.Ф.Клименко [1998, с.35-67]. Им же были раскопаны курганы, находящиеся у истоков Мокрой и Сухой Волновах у п. Лесное и с. Рыбинское [1998, с.106-134, 181-189]. В курганах исследованы погребения разных культур эпохи бронзы, прежде всего, КМК и срубной, поздних кочевников и одно сарматское.

Междуречье Волновах представляет собой достаточно мощный уплощенный водораздел, постепенно снижающийся от истоков к их слиянию. Водораздел насыщен курганами, расположенными как в группах, так и по одиночке с неравномерной густотой, но не более 1,5 км друг от друга. Они увенчивают гребень водо-

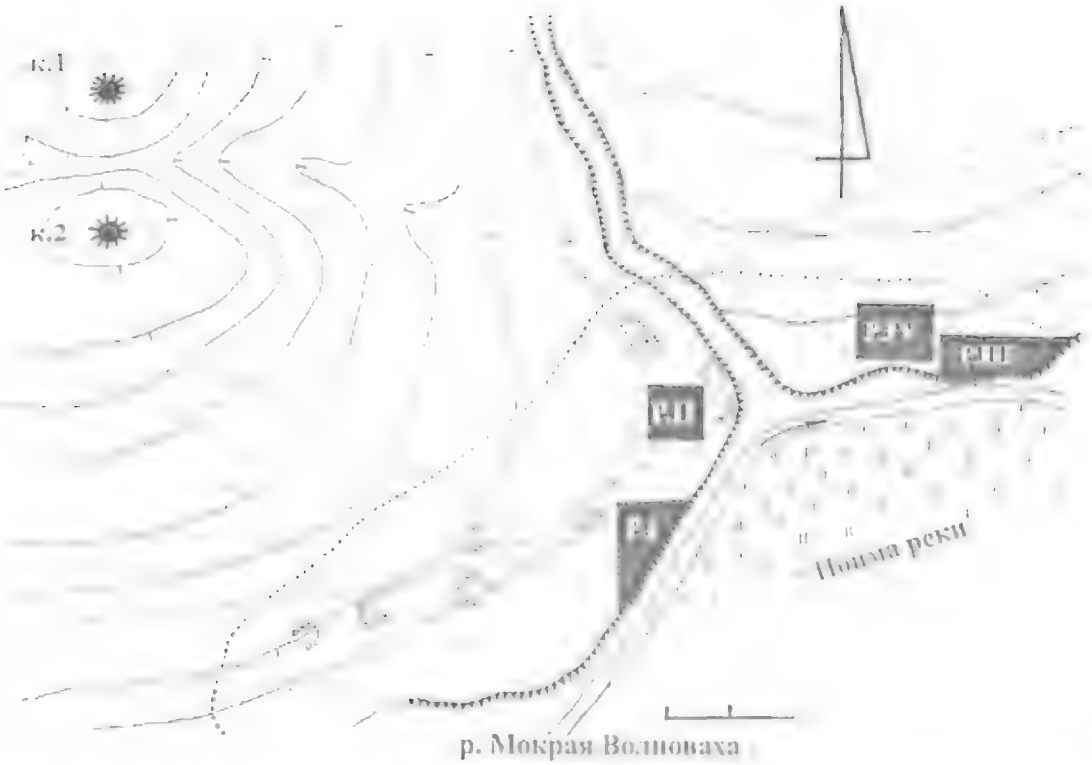


Рис. 1. Ситуационная карта расположения курганов у Николаевского поселения.

Fig. 1. The situation map of the barrows near the Nikolaevka settlement of the Timber-Grave Culture.

раздела и расходятся от него по склонам, подходя достаточно близко к руслу реки. При этом курганы расположены почти на всем протяжении водораздела почти до устья Сухой Волноваха, хотя на разных его участках расстояние между Волноваханами от 6 до 1 км. В центре водораздела находится группа Могила Баба, из которых 3 были исследованы автором и А.П. Приваловым в 1976 г. [Привалова, Привалов, 1977; Привалов, 2001]. Бо́льший курган имеет округлую насыпь высотой 3,5 м и диаметром 65 м. В меньших исследованы срубные и позднекочевнические погребения. Раскапывались также курганы, расположенные к востоку от данной группы на водоразделе и на надпойменной террасе неподалеку от поселений [Привалова, 1976; Привалова, Привалов, Зарайская, Хомутов, 1978; Привалов, Литвиненко, 1996]. В них исследованы погребения ямной, многоваликовой и срубной культур эпохи бронзы. Публикации комплексов из этих курганов посвящена и данная работа.

Курганы, расположенные в нижнем течении, преимущественно небольшие. Несколько из них были раскопаны у с. Стыла. Среди исследованных здесь погребений редкое для региона катакомбное погребение с литейным набором [Кравец, 1988, с.21].

Несколько иными являются курганы, расположенные на водораздельных плато, окружающих бассейн с северо-запада (между разветвленной балочной системой в верхнем течении Сухой Волноваха и реками Кашлагач и Сухие Ялы, бассейн Волчьей), севера (между Сухой Волноваха и р. Берестовой) и юга (между Мокрой Волноваха и реками-притоками Кальмиуса).

Первые два водораздела более четко выражены, курганы, расположенные на них, группируются цепочками по 3-5 и более курганов или являются одиночными. При этом они удалены друг от друга, как правило, на расстоянии 2-3 км, что является довольно большим расстоянием. Из них курганы исследовались в нижнем течении Волноваха у пгт Старобешево [Попова, 1955, с.114], с. Петровское [Привалова, Привалов, 1980; 2002; Привалова, Мищенкова, 1998; Дубовская, 1997, рис.9,4], сел Песчаное и Раз-

зьное [Попова, 1955, с.113-114; Братченко и др., 1977; Братченко, 1997]. В них обнаружены погребения эпохи бронзы, преимущественно катакомбные, но есть и яркое катакомбное с орнаментированным каменным топором из раскопок Н.Е. Харламова 1902-1904 гг. Единичными комплексами представлены погребения и святилища поздних кочевников.

Курганы располагаются также и на водоразделах между отдельными притоками Сухой Волновахи. Особенно ярко выраженными являются курганы между самой рекой Сухой Волновахой и ее левым притоком балкой Водяной, которые обе текут в широтном направлении. Курганы, находящиеся здесь, группируются цепочками по 3 и более насыпи. Из них в 1978 г. были исследованы курганы в трех группах у с. Новотроицкое [Моруженко и др., 1979; Братченко, 1979].

Водораздел, охватывающий бассейн с запада, более изрезан балками и оврагами, его рельеф извилистее, на нем выделяется несколько отдельных высот, на которых, прежде всего, и расположены курганные группы. Наиболее заметной среди них является группа Могила Дубовка, расположенная напротив верховьев балки Дубовки (один из небольших притоков Кальмиуса). В ее составе как минимум 11 курганов, которые имеют насыпи округлые в плане (самая большая высотой 4,5 м и диаметром 54 м) и длинные[1].

В целом склоны всех водоразделов в бассейне Мокрой Волновахи довольно крутые. Разница между гребнем и долиной реки составляет около 100 м. Именно поэтому с водоразделов открывается широкая панорама и видны курганы, находящиеся на соседних водоразделах, расстояние между которыми достигает 10-15 км. Кроме того, курганы располагаются также по склонам на том или ином отдалении от водораздельного гребня или русла реки. Закономерности в их расположении пока выявить не удалось.

И, наконец упомянем, курганную группу, находящуюся на левом берегу Кальмиуса, напротив устья Мокрой Волновахи, у современного с. Васильевка. Группа из 2 курганов располагалась на западном краю водораздельного плато и была исследована разными экспедициями в 1972 и 1979 гг. Доминирующим в ней являлся курган с насыпью высотой до 6,0 м и диаметром около 80 м. В раскопанном маленьком кургане были представлены погребения разных культур эпохи бронзы, погребение предскифского периода, довольно редкое для Донбасса, и выделяющееся по богатству инвентаря сарматское погребение [Михлин, 1973; Міхлін, 1979; Константинеску, 1987; Швецов, 1996]. Не исключено, что расположение столь яркого погребального комплекса, выгодно отличающегося от иных курганных древностей региона, напротив истоков Мокрой Волновахи является не случайным. Правильность высказанного предположения смогут подтвердить или опровергнуть только дальнейшие исследования.

В 1976 г. экспедиция Донецкого областного краеведческого музея под руководством О.Я. Привалової и А.П. Привалова провела охранные исследования четырех курганов, расположенных в бассейне реки Мокрая Волноваха, близ села Николаевка Волновахского района Донецкой области. Материалы одного кургана этой группы (курган 2 из могильника Малый Кут) были уже изданы [Привалова, 2001, с.145-154]. Данная работа посвящена публикации и анализу материалов трёх остальных курганов.

Раскопки курганов осуществлялись без помощи техники, вручную, методом прокладки параллельных траншей с оставлением центральной и вспомогательных бровок, ориентированных по линии север-юг.

ГРУППА У НИКОЛАЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Два кургана – 1 и 2 – располагались отдельной группой на первой надпойменной террасе левого берега р. Мокрая Волноваха, в 6 км к востоку от с. Николаевка и в 100 метрах к северо-западу от Николаевского поселения эпохи поздней бронзы, которое исследовалось раскопками в 1973-1975 гг. [Привалова, Привалов, 1987, с.94-107]. Курганы 1 и 2 находились друг от друга на расстоянии 20 м (рис.1).

КУРГАН 1

Сильно распаханная насыпь кургана 1, состоящая из гумусированной почвы, в плане

[1] - По данным обследований 1998 г., проведенных экспедицией отдела охраны памятников археологии ДОКМ.

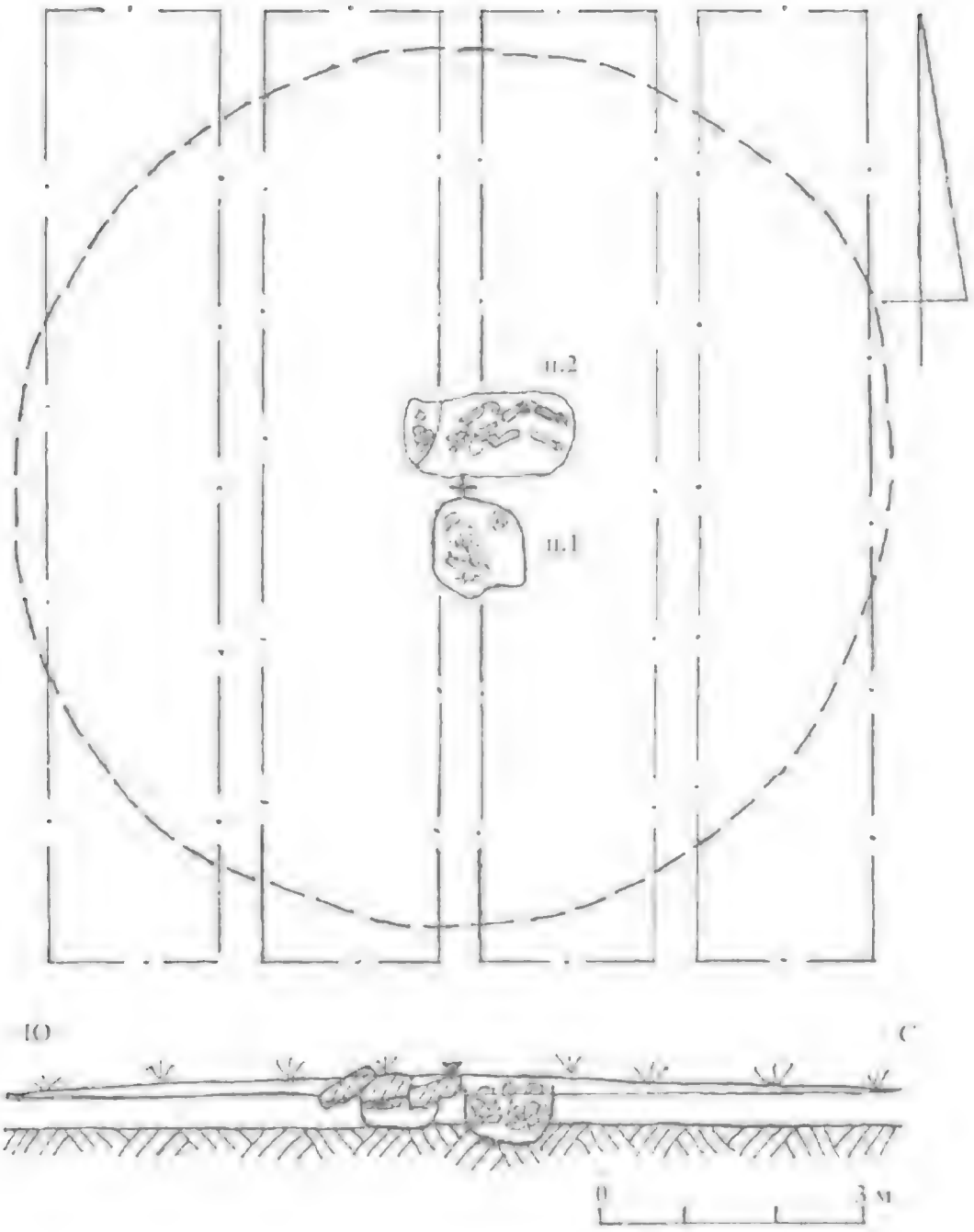


Рис. 2. Группа у Николаевского поселения. Курган 1: общий план.

Fig. 2. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 1: general plan.

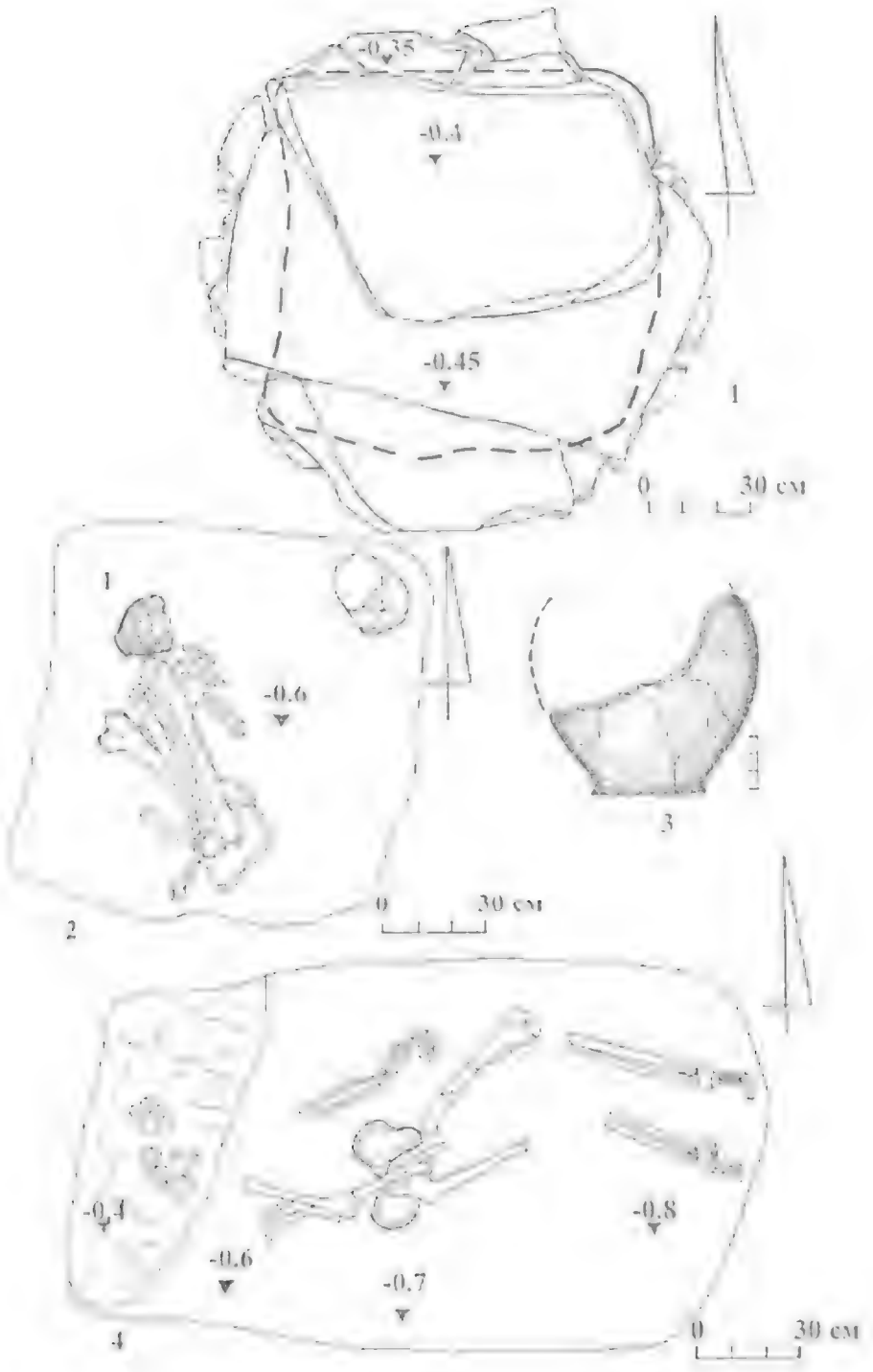


Рис. 3. Группа у Николаевского поселения. Курган 1: 1 – 3 – погребение 1; 4 – погребение 2.

Fig. 3. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 1: 1 – 3 – burial 1; 4 – burial 2.

имела округлую форму и уплощенную вершину. К моменту исследования высота насыпи была 0,27, диаметр 10 м. Погребенная почва в кургане не прослеживалась. Материк в виде желтовато-зеленоватого суглинка находился на глубине 0,6 м (рис.2). Курган содержал два погребения: ямное (№ 2) и срубное (№ 1).

Погребение 1 (срубной культуры) находилось в центральной части кургана на глубине 0,6 м от репера. Погребение было совершено в яме на уровне материка, перекрытой сверху каменным закладом, верхние камни которого были видны на поверхности насыпи в результате её распахивания. Заклад был сложен из гранитных плит и отдельных глыбистых камней песчаника. Плиты имели размеры 1,0 х 0,8 х 0,2 м и 1,2х0,7х0,2 м. Они залегали на глубине 0,4-0,45 м. Над ними помещались в два слоя более мелкие глыбистые камни, средний размер которых 0,4 х 0,35 х 0,15 м. В плане заклад имел округлую форму диаметром 1,5 м (рис.3, 1). Под закладом в яме на глубине 0,6 м находились остатки погребенного. Положение костяка определить трудно из-за плохой сохранности. Судя по костям ног, он, вероятно, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на север – северо-запад (рис 3, 2). В 50 см к северо-востоку от черепа стояла разбитый в древности глиняный сосуд.

Сосуд – с плоским дном и небольшим поддоном, с выпукло-округлыми боками в верхней части тулова. Венчик отсутствовал. Поверхность темно-серого цвета, шероховатая, в изломе глина черного цвета. Сохранившаяся высота сосуда 11,1 см, диаметр дна 6,2 см, диаметр выпуклых боков 12,6 см (рис.3, 3).

Погребение 2 (ямной культуры, основное) находилось в центре кургана, рядом с погребением 1, в 0,2 м к северу от него. Прослежено с уровня 036 м от репера, благодаря каменной забутовке из глыбистых камней песчаника, средние размеры которых 0,4 х 0,25 х 0,1 м. Камни заполняли могильную яму вместе с черноземом. Выкид вокруг могильной ямы не прослеживался. Яма имела в плане подпрямоугольную форму с закругленными углами. Длина её 1,9 м, ширина 1,1-0,95 м, глубина 0,4-0,8 м. Ориентирована могильная яма по оси восток-запад. В восточной части яма была шире, чем в западной. Дно её было наклонным, понижаясь постепенно к восточной стенке. На дне ямы лежал костяк человека плохой сохранности. Судя по костным останкам, умерший лежал в скорченном положении на спине, с согнутыми в коленях ногами, повернутыми влево, ориентированный головой на запад. Угол скорченности в тазобедренных суставах тупой, в коленях – тупой. Левая рука, от которой сохранились локтевая, лучевая кости и кисть, была вытянута вдоль туловища и кистью, согнутой в кулак, находилась около левой бедренной кости. Правая рука, слегка согнутая в локтевом сгибе, лежала локтевой костью (лучевая кость не сохранилась) на середине таза (рис.3, 4).

В связи с тем, что дно могильной ямы было наклонным, кости скелета находились на разных уровнях. Раздавленный череп лежал на глубине 0,4 м на коренной скальной породе, выступающей в суглинке в виде клиновидного возвышения почти по всей ширине западной стенки ямы. Длина возвышения 0,9 м, ширина 0,45-0,3 м, высота 0,2 м. Возвышение служило, вероятно, своеобразной «подушкой» для головы погребенного. Кости ребер, рук и таза лежали на глубине 0,65-0,7 м, голени ног со ступнями – на глубине 0,8 м. На скальном возвышении под черепом наблюдался белый тлен подстилки. На дне ямы под костями таза и ног, прослежен тлен коричневого цвета. Кости черепа, кисть руки и ступни ног были слегка окрашены красной охрой.

КУРГАН 2

Насыпь кургана 2 в плане слегка овальной формы, задернована. Высота кургана 0,8 м от современной поверхности, диаметр по линии север-юг 16 м, по линии восток-запад 14 м. В профилях бровок прослежены материковый желтовато-зеленоватый суглинок с уровня 1,2 м от репера, который залегал на коренной скальной породе сланцевого песчаника, погребенная почва мощностью 0,4 м, отделявшаяся от насыпи видимой линией древнего горизонта с уровня 0,8 м; гумусированная насыпь мощностью 0,8 м с каменным панцирем в верхней центральной части и дерновым слоем (рис.4, 2). Панцирь толщиной 0,4 м и диаметром 5 х 4,5 м состоял из камней песчаника и гранита размерами от 0,6 х 0,4 х 0,15 м до 0,3 х 0,2 х 0,08 м, залегавших в два-три слоя по вертикали (рис.4, 1). Северо-западный сектор насыпи кургана был нарушен поздней ямой, в плане округлой формы, диаметром 0,7 м и глубиной 0,6 м. В заполнении ямы

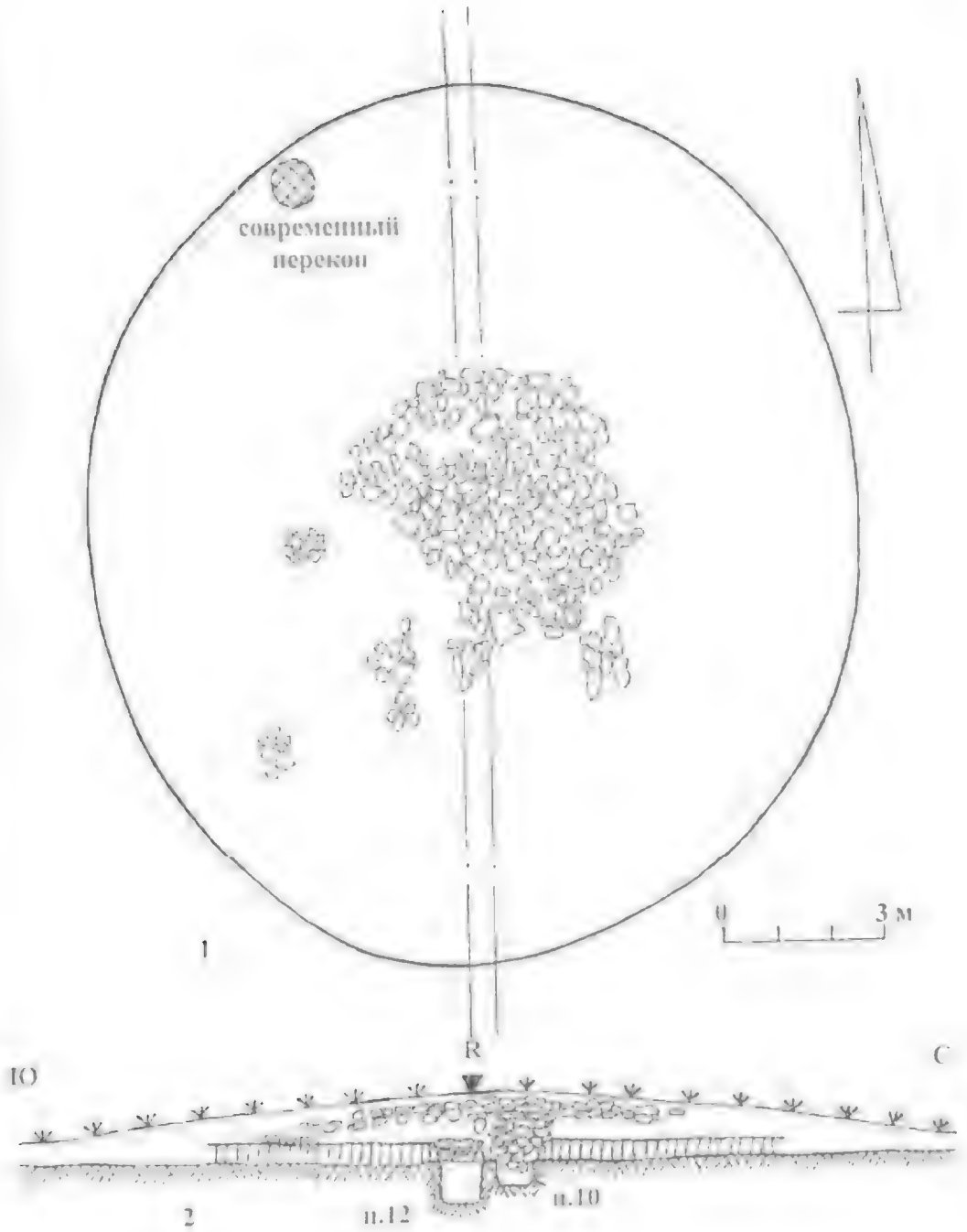


Рис. 4. Группа у Николаевского посёления. Курган 2: общий план, верхний уровень.

Fig. 4. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2: general plan, upper level.

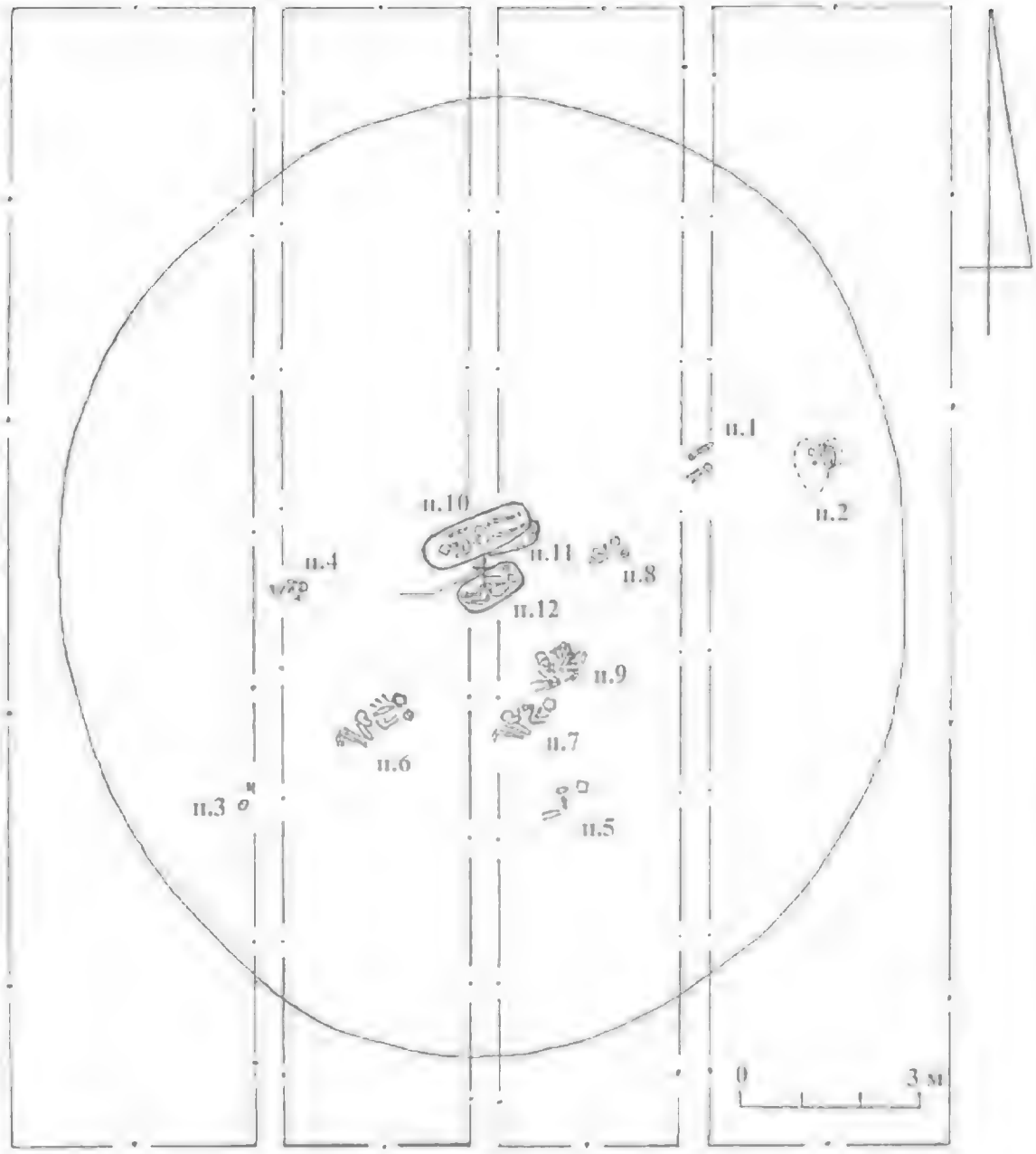


Рис. 5. Группа у Николаевского поселения. Курган 2: общий план, нижний уровень.

Fig. 5. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2: general plan, low level.

ены обломки гончарной поливной и стек-
ой посуды, железные стержень и подкова
на XIX- начала XX в.

В насыпи кургана, в 0,3 м к юго-западу от
ра, на глубине 0,5 м найдены два фрагмен-
венчика (1, 2) и пять фрагментов стенок
ного сосуда (3). В насыпи встречены норы и
овины.

В кургане выявлено 12 погребений: одно
ое (№ 12, основное), одно катакомбное (№
два бабинской культуры, многоваликовской
ники (№ 1, № 11), семь срубных (№ №
,5,6,7,8,9) и одно позднекочевническое (№
(рис.5).

Находки из насыпи:

1. Фрагменты венчика лепного сосуда с
мым краем и чуть выделенной плавной
йкой орнаментирован наленным треуголь-
в сечении валиком, который расчленен
льцево-ногтевыми вдавлениями. Поверхность
ичика коричневого цвета (рис.10, 6).

2. Фрагмент венчика лепного сосуда с
глым, слегка отогнутым наружу краем,
еленной шейкой, переходящей в выпукло-
ребристые бока (рис.10, 5).

3. Фрагменты стенок лепного сосуда не
рнаментированы. Поверхность фрагментов
ричнево-сероватого цвета, в изломе глина
рного цвета.

Погребение 1 (КМК, бабинской культу-
) выявлено в 4 м к северо-востоку от репера
глубине 1 м. Могильная яма не прослежива-
ь. Найдены лишь остатки бедренной кости
голеней ног, ориентированных по линии севе-
-восток - юго-запад (рис.6, 1). Около фрагмен-
в голеней ног стоял сосуд.

Сосуд – лепной горшковидный с воронковидной раструбной шейкой, слегка выпуклым туловом и плоским дном. Стенки плотные, толстые, поверхность темно-серого цвета. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 12,4 см, диаметр боков 12,2 см, диаметр дна 8 см (рис.6, 2).

Погребение 2 (катакомбной культуры) выявлено на расстоянии 5,5 м к северо-востоку от репера на глубине 1,7 м. Контуры входной шахты не прослеживались. Погребальное сооружение перекрывала каменная плита песчаника размерами 0,8 х 0,53 х 0,13 м, зафиксированная на глубине 1 м от репера. Плита стояла на ребре слегка наклонно к северо-западу – западу, где находился вход в погребальную камеру. Прямоугольное устье камеры имело ширину 0,8 м и длину 0,3 м. В камеру вел пологий спуск. Погребальная камера овальной в плане формы, размерами 1 х 0,5 х 0,3 м ориентирована по линии северо-запад – запад – юго-восток – восток. Заполнение камеры состояло из чернозема с комочками глины. Дно камеры находилось ниже уровня материка на 0,5 м (рис.7, 1). В камере был похоронен, вероятно, ребенок, скелет которого не сохранился. Около южной стенки камеры найден лишь один молочный зуб. В северо-восточной части камеры, у входа, стоял сосуд (1), рядом с ним лежал каменный растиральник (2).

1. *Сосуд* – лепной, с короткой прямой шейкой и слегка закругленным краем венчика, с округлым корпусом и круглым дном. Тесто сосуда рыхлое, слоистое, в изломе черного цвета с примесью песка и беловатых включений. Поверхность шероховатая желтовато-сероватого цвета, с горизонтальными и наклонными расчесами. В верхней части тулова сосуд орнаментирован оттисками однорядного шнура, которые образуют у основания плечиков две круговые горизонтальные параллельные линии. От нижней линии вниз спускаются угольники вершиной вниз и вверх. Между угольниками вершиной вверх расположен вертикальный угловой узор в виде «деревца». Высота сосуда 10,8 см, диаметр венчика 10,4 см, диаметр боков 14 см (рис.7, 3).

2. *Растиральник* – каменный яйцевидной формы, с уплощенными гранями. Изготовлен из сланцевого песчаника. Длина его 8,4 см, ширина 6 см (рис.7, 2).

Погребение 3 (срубной культуры) выявлено под каменной закладкой, которая располагалась в 5,4 м к юго-западу от центра на глубине 0,8 м от репера, т.е. на уровне древнего горизонта. Закладка подпрямоугольной в плане формы размерами 0,8 х 0,47 м ориентирована по длинной оси СЗ-ЮВ. Могильная яма под закладкой не прослеживалась. На глубине 1,2 м (на уровне материка) находился скелет ребенка очень плохой сохранности. От костяка сохранились только фрагменты черепа и отдельные трубчатые кости. Череп ориентирован на ЮЮВ. Положение костяка не определяется. (рис.6, 3).

Погребение 4 (срубной культуры) выявлено в 3 м к западу от центра под каменной закладкой, которая в плане имеет прямоуголь-

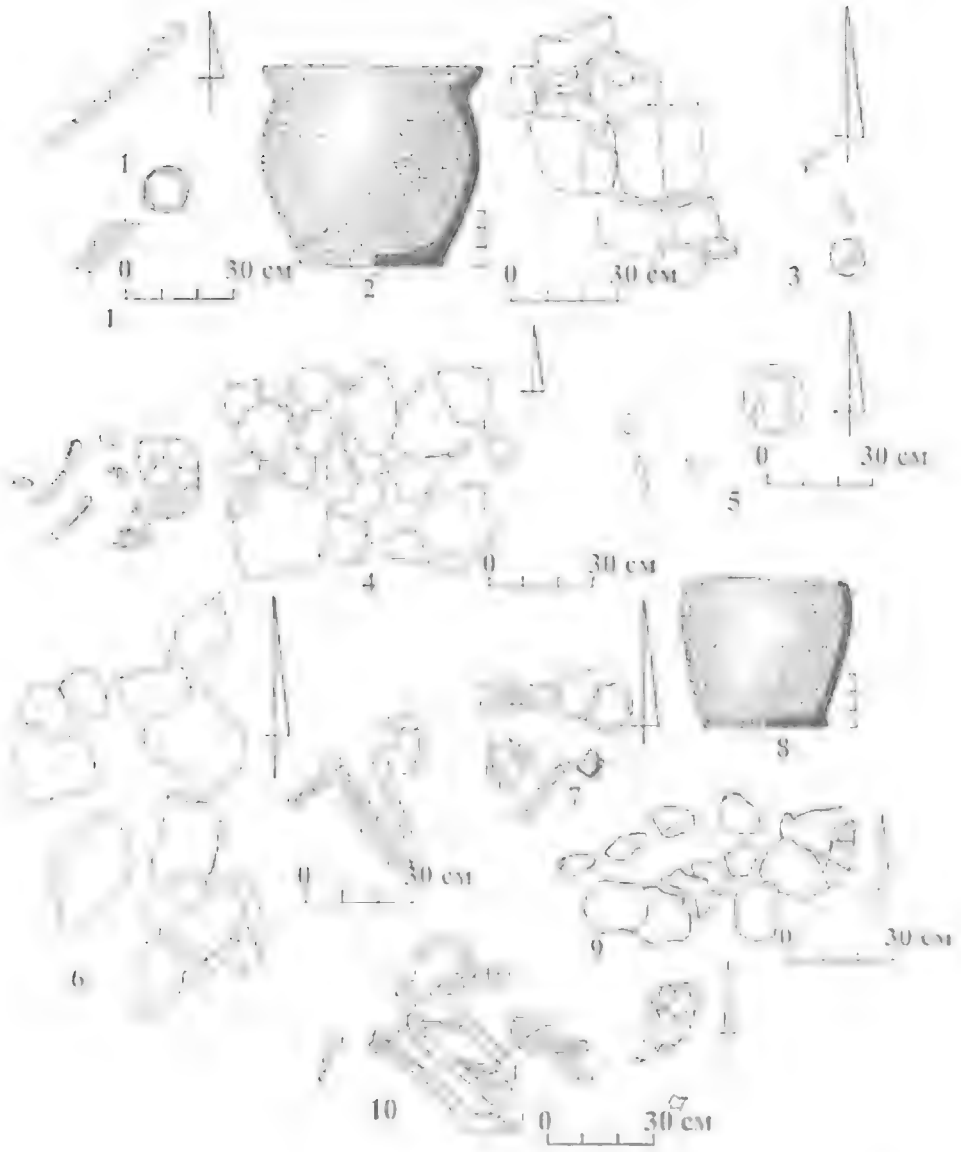


Рис. 6. Группа у Николаевского поселения. Курган 2: 1 – 2 – погребение 1; 3 – погребение 3; 4 – погребение 4; 5 – погребение 5; 6 – 8 – погребение 6; 9 – 10 – погребение 7.

Fig. 6. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2: 1 – 2 – burial 1; 3 – burial 3; 4 – burial 4; 5 – burial 5; 6 – 8 – burial 6; 9 – 10 – burial 7.

ную форму и ориентирована по оси восток-запад. Размеры её 0,8 х 0,55 м. Закладка залегала на глубине 0,7-0,75 м от репера. Контуры могилы не прослеживались. Костяк плохой сохранности лежал на глубине 1 м от репера. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на левом боку, головой на восток, с кистями рук перед лицом (рис.6, 4).

Погребение 5 (срубной культуры) выявлено в 3,85 м к юго-востоку от центра на глубине 0,83 м от репера. Контуры могилы не прослеживались. В погребении были найдены остатки скелета ребенка (череп, фрагменты таза, голени ног), судя по которым можно определить, что костяк лежал головой на ВСВ на левом боку, в скорченном положении (рис.6, 5).

Погребение 6 (срубной культуры) выявлено в юго-западном секторе кургана, на расстоянии 2,4 м к юго-западу от центра на глубине 0,95 м от репера. Погребение было перекрыто камен-

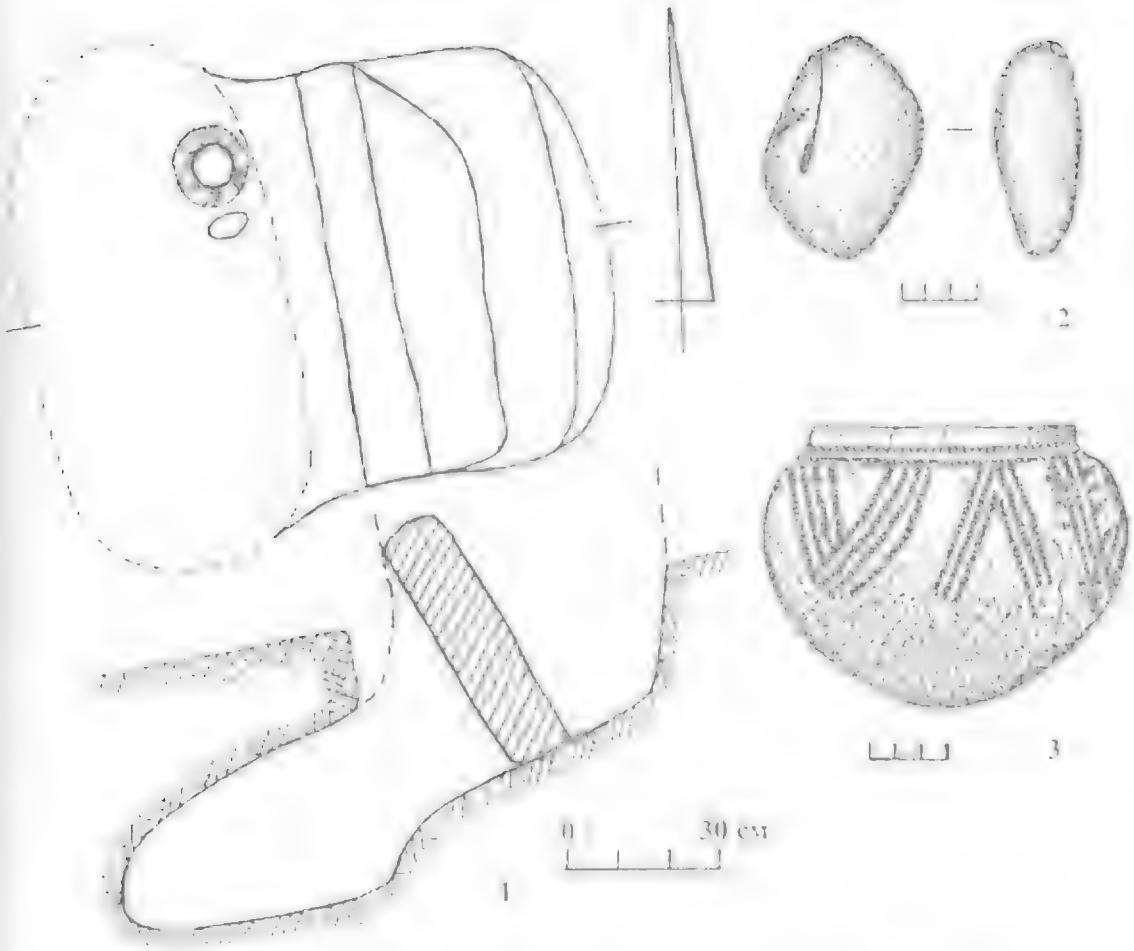


Рис. 7. Группа у Николаевского поселения. Курган 2, погребение 2.

Fig. 7. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2, burial 2.

й закладкой подовальной в плане формы размерами 1,2 х 0,8 м (рис.6, 6). Скелет погребенного, судя по сохранившимся костям, лежал на глубине 1,1 м на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кистями направлены друг к другу. Левая рука согнута под прямым углом, правая под углом 45°. Слева от черепа, около плечевой кости левой руки, находился раздавленный сосуд (рис.6, 7).

Сосуд – лепной, глиняный, баночной формы с прямым, слегка загнутым вовнутрь краем венчика, с едва выраженным поддоном. Поверхность тщательно заглажена, светло-коричневого цвета. В изломе глина темно-серого цвета. Высота сосуда 8,2 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 7 см (рис.6, 8).

Погребение 7 (срубной культуры) выявлено на глубине 1,7 м к юго-востоку от центра на глубине 0, 85 м от репера. Перекрывалось каменной закладкой подовальной в плане формы размерами 1,2 х 0,7 м (рис.6,9). Камни закладки лежали на глубине 0,6 м. Могильная яма под закладкой не прослеживалась. В погребении найден скелет взрослого человека, лежащий, судя по сохранившимся костям, в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Правая рука, согнутая в локте, была кистью направлена к лицу. Левая рука, тоже согнутая в локте, кистью находилась под локтем правой руки (рис.6, 10).

Погребение 8 (срубной культуры) выявлено в 2 м к СВВ от центра на глубине 0,9 м. Погребение перекрывала каменная закладка подовальной в плане формы размерами 1,0 х 0,6 м, находившаяся на глубине 0,8 м (рис.8, 3). Могильная яма не фиксировалась. В погребении

находился скелет плохой сохранности. Судя по остаткам костяка, погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. Слева от черепа лежал на боку керамический сосуд (рис.8, 1).

Сосуд – лепной остроребериый горшок со слегка закругленным краем венчика и плоским дном. Верхняя часть горшка от края венчика до ребра орнаментирована оттисками веревки, образующих узор в виде двух параллельных линий, пространство между которых заполнено треугольниками вершиной вверх и треугольниками вершиной вниз. Треугольники вершиной вниз расположены паркетной композицией, а треугольники вершиной вверх заштрихованы четырьмя диагональными отрезками. Поверхность горшка серовато-коричневого цвета, шероховатая со следами горизонтальных расчёсов в нижней части тулова. Высота горшка 11 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 9 см (рис.8, 2).

Погребение 9 (срубной культуры) выявлено в южном секторе кургана, в 1,5 м к ЮЮВ от центра на глубине 0,7 от репера. Могилу перекрывали две каменные плиты размерами 0,6 х 0,4 х 0,1 м и 0,8 х 0,55 х 0,15 м (рис.8,4). Могильная яма не фиксировалась. В погребении находился скелет взрослого человека без черепа. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, ориентированный головой на северо-восток. Руки умершего согнуты в локтях. Правая рука, согнутая под острым углом, кистью, которая не сохранилась, была направлена к левому плечу. Левая рука, согнутая под тупым углом, была направлена не сохранившейся кистью к правой бедренной кости (рис.8, 5).

Погребение 10 (позднекочевническое) выявлено в 0,4 м к северу от центра под каменным панцирем на глубине 1,73 м от репера. Перекрывалось каменным закладом и деревянным настилом с лошадью. Каменный заклад в плане прямоугольной формы длиной 2,35 м, шириной 1 м был ориентирован по длинной оси СВВ - ЮЗЗ (рис.9, 1, 4). Заклад состоял из камней песчаника размерами от 0,6 х 0,55 х 0,25 м до 0,45х0,3х0,2 м и залегал на глубине 0,99 м. Под каменным закладом на деревянном настиле, сделанном из поперечных плашек длиной 1 м и шириной 0,35-0,2 м лежал скелет лошади на левом боку с разворотом на живот, с подогнутыми задними ногами, ориентированный мордой на запад. Настил находился на уровне материка, на глубине 1,2 м, над погребальной ямой, перекрывая её сверху. Около коленного сустава правой передней ноги лошади, на плашке, лежало стремя (рис.9, 2, 4).

Под настилом находилась погребальная яма, имевшая конструкцию с продольными и поперечными заплечиками. Яма прямоугольной в плане формы с закругленными углами, ориентированная по оси ЮЗ-СВ, имела размеры по дну 2,2 х 0,78 м. Размеры её по заплечикам 2,34 х 1,0 м. Дно ямы находилось на глубине 0,53 м от материка (1,73 м от репера). На дне могильной ямы лежал скелет взрослого в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на ЮЗ. Верхняя часть туловища погребенного была слегка искривлена вправо, Лучевая кость правой руки была смещена и находилась с правой стороны черепа. Кисть правой руки отсутствовала. Кисть левой руки лежала на головке левой бедренной кости, т.е. на левом бедре. Около левой кисти, на левой бедренной кости, лежала пряжка (2). Слева от черепа, в западном углу могильной ямы лежали нож (3), лопаточная кость и ребра овцы. С левой стороны левого колена, около северо-восточной стенки могильной ямы лежали таранные кости овцы (рис.9, 3).

1. Стремя железное с дужкой арочной формы, в верхней части которой имеется подпрямоугольное сквозное отверстие. Дужка плавно переходит в неширокую подножку со слегка выгнутыми наружу краями. В плане подножка овальной формы. Высота стремени 13,2 см, ширина 13 см, ширина подножки 3,8 см (рис.9, 6).

2. Пряжка железная кольцевидной формы с язычком, большая часть которого не сохранилась. В сечении рамка круглой формы. Диаметр пряжки 8,2х8,8 см. Длина фрагмента язычка 3,4 см. (рис.9, 7).

3. Нож железный черешковый, подтреугольный в сечении, с горбатой спинкой. На черешке сохранились незначительные остатки дерева-от ручки. Длина ножа 9,8 см, длина лезвия 6,2 см, ширина лезвия 1,5 см (рис.9, 5).

Погребение 11 (КМК, бабинской культуры) находилось под погребением 10 и разрушено этим погребением. От погребальной ямы сохранилась восточная стенка и часть южной и северной стенок. Судя по частично сохранившимся стенкам ямы, можно сказать, что погребение 11 распола-

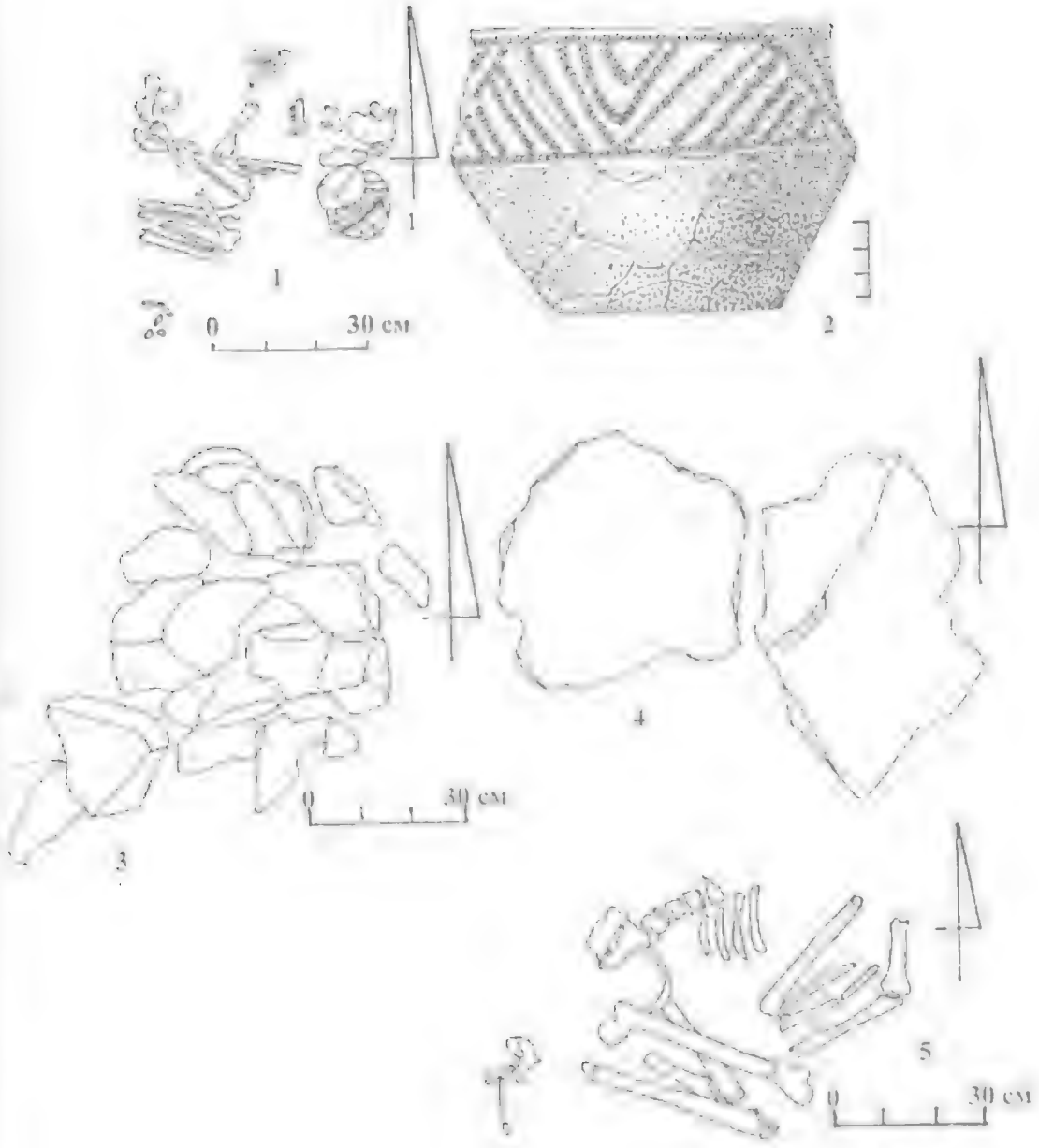


Рис. 8. Группа у Николаевского поселения. Курган 2: 1 – 3 – погребение 8; 4 – 5 – погребение 9.

Fig. 8. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2: 1 – 3 – burial 8; 4 – 5 – burial 9.

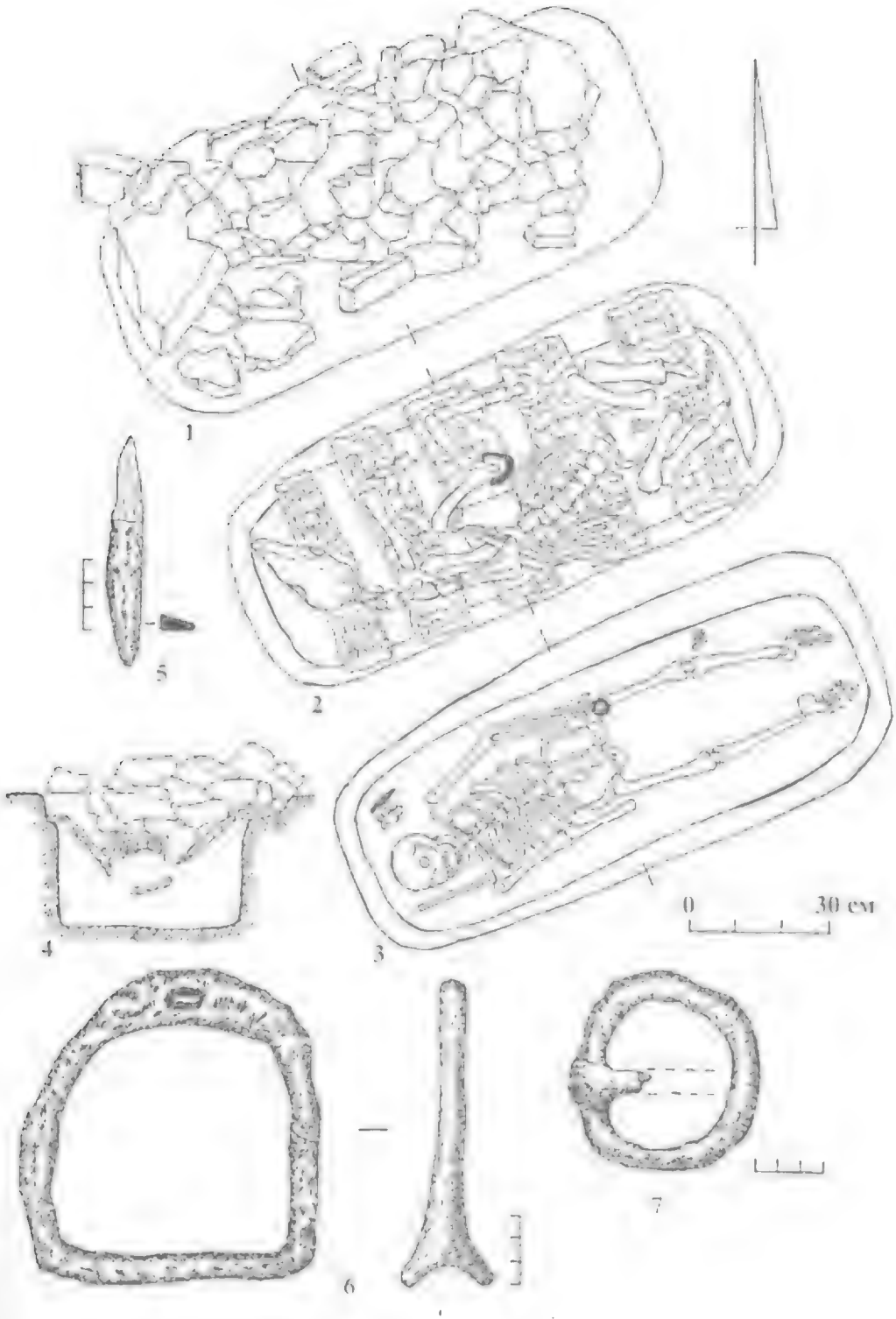


Рис. 9. Группа у Николаевского поселения. Курган 2, погребение 10.

Fig. 9. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2, burial 10.

лось в 0,3 м к северо-востоку от центра на глубине 1,30 м. На уровне материка прослеживались [illegible] полнена черноземом. Она, вероятно, имела прямоугольную форму с закругленными углами ентированная по линии восток-запад. Ширина 0,7 м. Длину установить невозможно из-за того, могила была разрушена. Около южной стенки на её дне находились фрагменты черепа и ребер взрослого человека (рис.5). Остальные человеческого скелета и погребальный инвентарь были выброшены из могильной ямы во время сооружения погребения 10. Разрозненные рук и ног, несколько ребер, фрагменты ложечных (а может и тазовых) костей вместе с ками двух сосудов (1,2), пряжкой (3) и фрагментом пряжки (4) находились выше каменного клада погребения 10, под каменным панцирем, насыпи, на глубине 0,6-0,65 м от репера[2].

1. *Сосуд* – лепной глиняный баночной формы с чуть расширяющимися кверху стенками, с плоским краем венчика и плоским дном. Поверхность сосуда серовато-коричневого цвета, шероховатая, со следами едва заметных расчесов. Высота сосуда 10 см, диаметр верха 11,5 см, диаметр дна 8 см (рис.10, 4).

2. *Сосуд* – лепной глиняный, биконической формы горшок с округлым краем венчика, с выраженным ребром и поддоном. На одной из стенок под венчиком имеется круглой формы сквозное отверстие. Поверхность темно-серого цвета. Высота горшка 10,4 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 9 см, диаметр отверстия 0,6 см (рис.10, 3).

3. *Пряжка* – костяная, в форме овального щитка с большим центральным отверстием и меньшим боковым, с чуть рельефным ободком. Размер пряжки 4,3 х 3,8 см, диаметр центрального отверстия 2 см, диаметр бокового отверстия 0,3 см (рис.10, 1).

4. Фрагмент костяной пряжки представляет собой половину круглой кольцевидной пряжки подтреугольной в сечении. Диаметр пряжки (по реконструкции) 3 см, диаметр отверстия 1,5 см (рис.10, 2).

Погребение 12 (ямной культуры, основное) выявлено в центре кургана на глубине 2,15 м от репера по каменному перекрытию. На уровне материка на глубине 1,2 м были зафиксированы четыре гранитные плиты размерами: первая – 1,15 х 0,35 х 0,12 м; вторая – 1,32 х 0,4 х 0,12 м; третья – 1,38 х 0,42 х 0,12 м; четвертая – 1,3 х 0,2 х 0,1 м. Плиты были положены плотно друг к другу поперек могильной ямы и ориентированы по длине СЗ-ЮВ (рис.11, 1, 4). Могильная яма, находившаяся под плитами, в плане прямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированная по оси СВ-ЮЗ, имела длину 1,17 м, ширину 0,7 м и глубину 0,95 м от плит перекрытия, т.е. от уровня материка. Дно могилы устроено на глубине 2,15 м и представляло собой скальную породу сланцевого песчаника, являющегося выходом пород Донецкого Кряжа и подстилающего материковый суглинок. На дне могильной ямы, и на растительной подстилке в виде беловатого тлена, лежал скелет подростка на спине, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево, ориентированный головой на восток. Руки погребенного, сохранившиеся фрагментарно, были направлены кистями к тазу. Нижняя челюсть была смещена и лежала слева от черепа в юго-восточном углу могильной ямы. Справа от черепа, в северном углу могильной ямы стоял, вкопанный в маленькую неглубокую ямку, небольшой сосуд (рис.11, 2).

Сосуд – лепной, приземистых пропорций, с высокой прямой шейкой, с плавноопущенными плечиками, округло-выпуклыми боками в верхней части тулова и острым дном. Срез венчика прямой. Сосуд орнаментирован по нижнему краю плечиков и в верхней части раздутых боков оттисками однорядного шнура. Композиция орнамента представляет собой горизонтальную линию, от которой вниз спускаются угольники вершиной вверх и вершиной вниз, промежутки между которыми заполнены короткими диагональными отрезками. сосуда темно-серого цвета, тщательно заглажена. Высота сосуда 11,2 см, диаметр венчика 9 см, диаметр боков 12,6 см, высота венчика 2 см (рис.11, 3).

ГРУППА МАЛЫЙ КУТ

КУРГАН 1

Курган 1 располагался в 1,5 км к западу от вышеописанных курганов 1 и 2, вблизи во-

[2] Не исключено, что кости и перечисленный погребальный инвентарь относились не к одному, а к нескольким разрушенным погребениям.

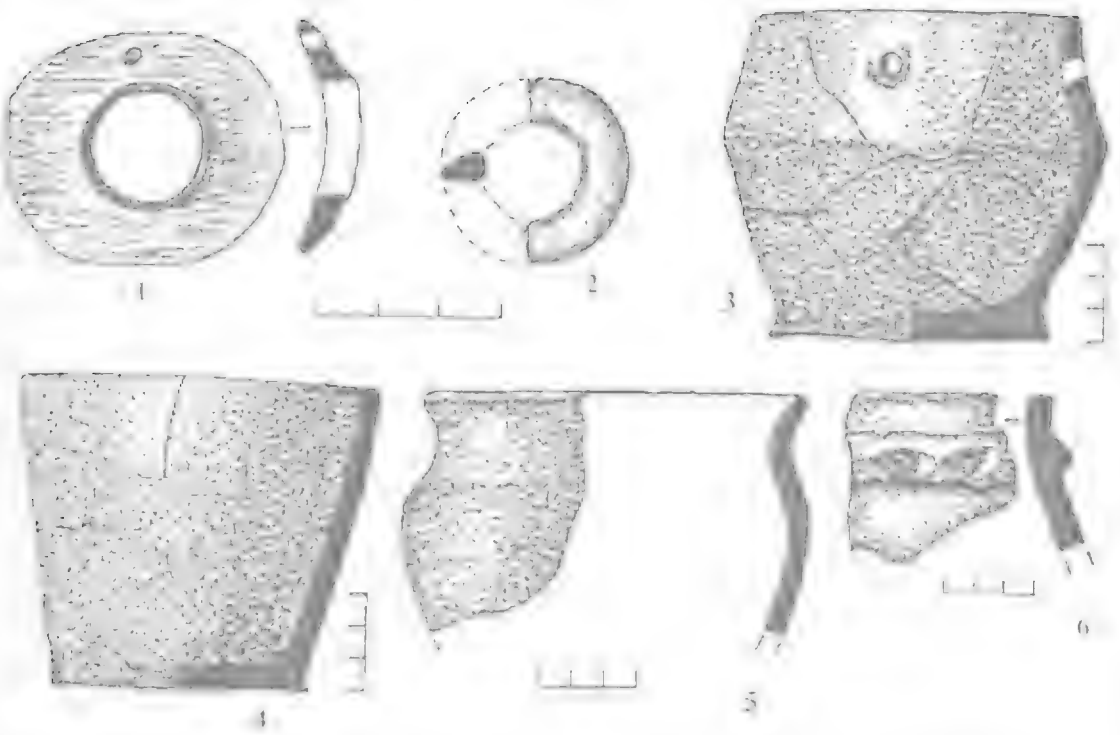


Рис. 10. Группа у Николаевского поселения. Курган 2: 1 – 4 – погребение 11: 5 – 6 – находки в насыпи.

Fig. 10. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2: 1 – 4 – burial 11; 5 – 6 – the artefacts from the embankment.

междуречного плато, в верховьях балки Малый Кут, впадающей слева в р. Мокрая Волноваха, в 250 м к востоку от водонакопительного бассейна. Курган входил в состав Малокутовского могильника, состоящего из пяти насыпей, две из которых исследованы раскопками.

Насыпь кургана 1 интенсивно распахивалась. К моменту исследования курган имел высоту 0,55 м от современной поверхности. Диаметр его достигал 11 м. В плане курган округлой формы (рис.12, 1). В разрезах бровок прослежена следующая стратиграфия (рис.12,2-3): желтый материковый суглинок с уровня 1,2 м от репера; погребенная почва толщиной 0,45 м, отделявшаяся от насыпи видимой линией древнего горизонта с уровня 0,75 м в южном секторе кургана длиной 3,5 м; гумусированная насыпь мощностью около 0,75 м. Курганная насыпь и погребенная почва были изрезаны многочисленными норами. В насыпи были встречены отдельные групповые скопления камней, фрагменты стенок сосудов эпохи бронзы, несколько обломков человеческого черепа, отдельные кости животных.

В восточной части кургана на расстоянии 3 м к востоку от центра на глубине 0,89 м от репера обнаружен развал глиняного сосуда, лежавшего на боку, венчиком к северо-востоку, а дном к юго-западу.

Сосуд лепной баночной формы с прямым краем венчика и плоским дном. Поверхность черного цвета, бугристая, хотя и заглажена травой, от которой сохранились линии и полосы. Обжиг равномерный. Высота сосуда 8,4 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 9,2 см (рис.13, 1).

В кургане 1 открыто пять погребений: три срубных (№ 1, 2, 3), одно ямное (№ 5). Культурная принадлежность погребения № 4 не определена.

Погребение 1 (срубной культуры) выявлено на расстоянии 2,9 м к западу с небольшим отклонением к югу от центра на глубине 1,2 м.

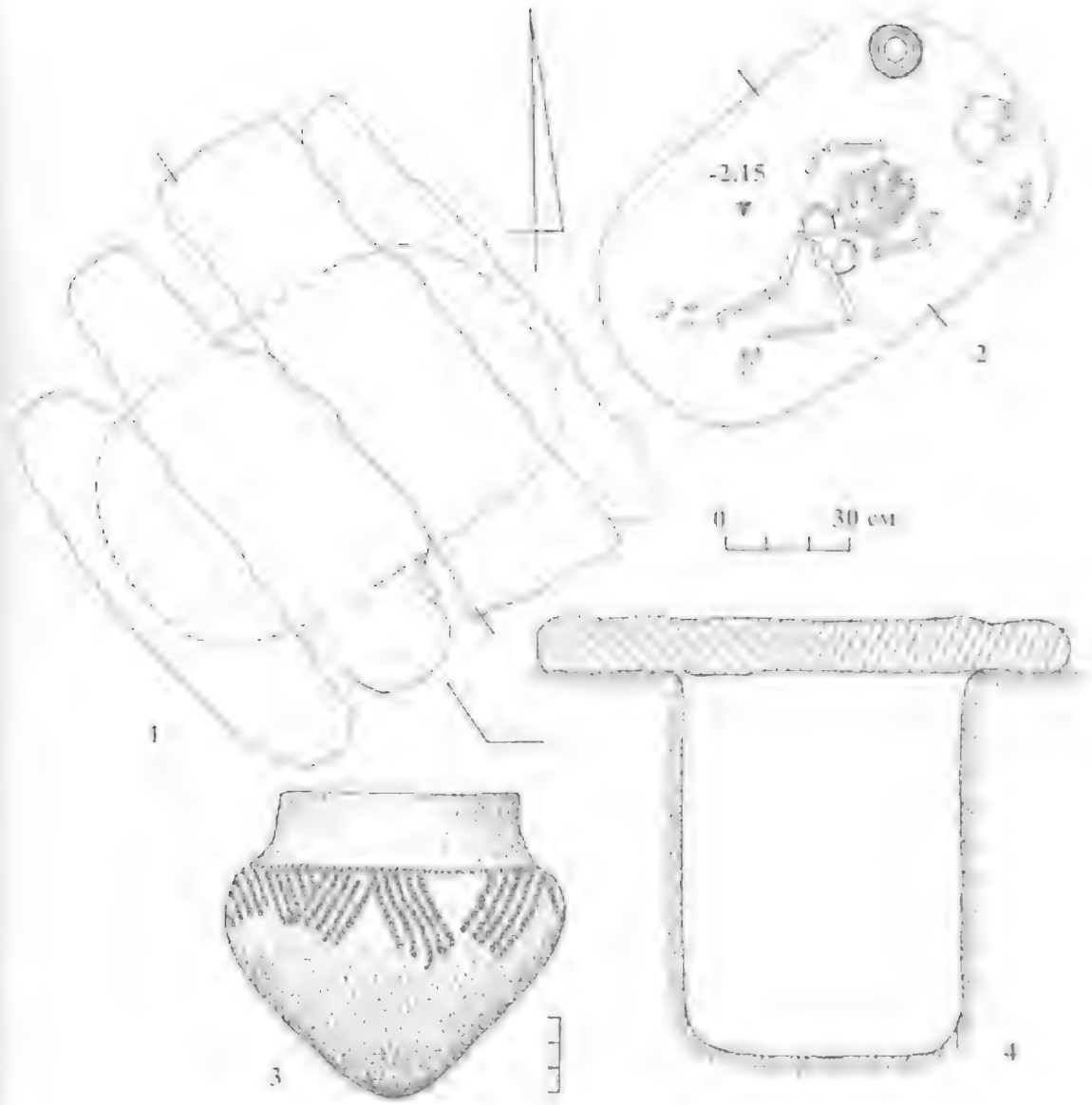


Рис. 11. Группа у Николаевского поселения. Курган 2, погребение 12.

Fig. 11. The barrows group near the Nikolaevka settlement. The barrow 2, burial 12.

Яма почти не прослеживалась из-за большого количества нор, изменивших её контуры. Она имела подвальную в плане форму и была ориентирована по линии северо-восток – юго-западн. Её длина 1 м, ширина 0,55 м. Яма углублена в материк на 5-9 см. Дно находилось на глубине 1,25-1,29 м от репера, слегка понижаясь к юго-западу. В могильной яме лежал погребенный ребенок лет 10-12, на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток. Правая рука, согнутая в локте, находилась под локтевым суставом левой руки. Левая рука, вытянутая вдоль туловища, лежала на бедренной кости левой ноги. Кисти рук и стопы ног не сохранились. Череп раздавлен, лицевая часть несколько повернута к югу. Перед лицом погребенного, слева от плечевой кости левой руки стоял глиняный сосуд (1). У таза находился наконечник стрелы (2) (рис.13, 1).

1. *Сосуд* – лепной, в форме усеченно-конической приземистой банки со слегка загнутым внутрь венчиком и выраженным поддоном. Поверхность желтовато-сероватого цвета, в изломе глина темно-серого цвета. Обжиг неравномер-

ный, пятнистый. Фактура теста плотная. На поверхности горизонтальные и наклонные полосы и линии расчесов. Высота сосуда 10 см, диаметр венчика 16 см, диаметр дна 10,2 см (рис.13, 5).

2. *Наконечник стрелы* – костяной, трехгранный, втульчатый. Концы граней сломаны. Длина сохранившейся части наконечника 3 см, диаметр втулки 0,4 см (рис.13, 6).

Погребение 2 (срубной культуры) выявлено в восточной части кургана в 4,7 м к юго-востоку – востоку от центра, на глубине 0,92 м от репера. Могильная яма не прослеживалась. В погребении обнаружен скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, ориентированный головой на северо-восток. Некоторые кости скелета не сохранились (часть позвонков и ребер, кисти рук, таз, лучевая и локтевая кости правой руки, стопы ног). Левая рука, согнутая в локте, кистью лежала на тазобедренной кости. Череп повернут лицевой частью на юго-восток. На ногах погребенного лежал фрагмент сосуда (рис.13, 2).

Фрагмент верхней части лепного сосуда с округлым краем венчика, со слабовыраженной шейкой, резко переходящей в острое ребро. Поверхность темно-серого цвета со следами расчесов, в изломе глина черного цвета. На внутренней поверхности фрагмента находились куски сажи. Высота фрагмента 13 см (рис.13, 7).

Погребение 3 (срубной культуры) выявлено на расстоянии 1,5 м к югу от центра на глубине 0,77 м от репера. Могила была перекрыта каменным закладом, который находился в 1,25 м к югу – юго-западу от центра. Заклад состоял из большой плиты известняка размерами 1,5 х 0,7 х 0,23 м и отдельных больших и малых камней, средние размеры которых 0,6 х 0,45 х 0,1м; 0,4 х 0,3 х 0,1 м; 0,3 х 0,15 х 0,07 м; 0,15 х 0,1 х 0,05 м. Плита была повернута слегка набок, её самый верхний угол, видимый еще на поверхности насыпи до раскопок, находился на глубине 0,05 м от репера. Параллельный ему нижний угол находился на глубине 0,81 м. Большой камень, расположенный на юго-востоке от плиты, находился на глубине 0,21 м. Более мелкие камни закладки располагались восточнее плиты, в центральной части на глубине 0,25 - 0,31м (рис.14,1-2). Под [illegible] закладом было обнаружено погребение взрослого человека, лежащего на левом [illegible] положении, ориентированного головой на восток. Лицевая часть черепа сильно была повернута вниз, и левой своей частью лежала на левом плече. Левая рука, согнутая в локте, кистью была направлена к животу. Правая рука была согнута в локте и лежала кистью около локтя левой руки. Инвентарь отсутствовал (рис.14, 3).

Погребение 4 (неопределенное) выявлено в 1,55 м к северу от центра на глубине 0,7-0,77 м. Сверху погребение было перекрыто небольшими по размерам камнями. Погребение полностью разрушено землеройными животными. От костяка остались лишь два фрагмента черепа человека и обломки трубчатой кости (рис.13, 3).

Погребение 5 (ямной культуры) выявлено в 1 м к юго-востоку от центра на глубине 1,3 м от репера. Перекрывалось каменным закладом аморфноовальной в плане формы размерами 2 х 1,25 м. Размеры камней: от 0,5 х 0,25 м до 0,37 х 0,15 м, средние – 0,25 х 0,12 м; толщина 0,1-0,15 м. Заклад лежал в насыпи кургана на глубине 1,2 м. Яма овальной в плане формы размерами 1 х 0,57 м ориентирована по длинной оси север - юг. Дно ямы находилось на глубине 1,3 м от репера в северной части, понижаясь в южной части до 1,38 м. Могила была сильно изрезана кротовинами и норами, поэтому границы дна ямы прослеживались нечетко. На дне могильной ямы лежал скелет человека «лицом» вниз, головой ориентированный на север. Правая рука, согнутая в локте, кистью находилась около правого плеча. Левая рука отсутствовала (вероятно, растащена землеройными животными). Левая нога согнута в колене, правая – провалилась в кротовину. Тазовая кость лежала на бедренной кости левой ноги, частично её закрывая. Череп повернут лицевой стороной влево, в направлении на восток. Инвентарь в погребении отсутствовал (рис.13, 4).

В исследованных трех курганах на р. Мокрая Волноваха открыты 19 погребений различных эпох: от раннебронзового века до эпохи средневековья. Древнейшим из них являются ямные погребения. Они были основными в курганах, т.е. первоначальное возникновение трех николаевских курганов было связано с захоронениями ямной культурно-исторической общности. По всем основным признакам (типы могильных ям, их перекрытия, поза и ориентация умерших,

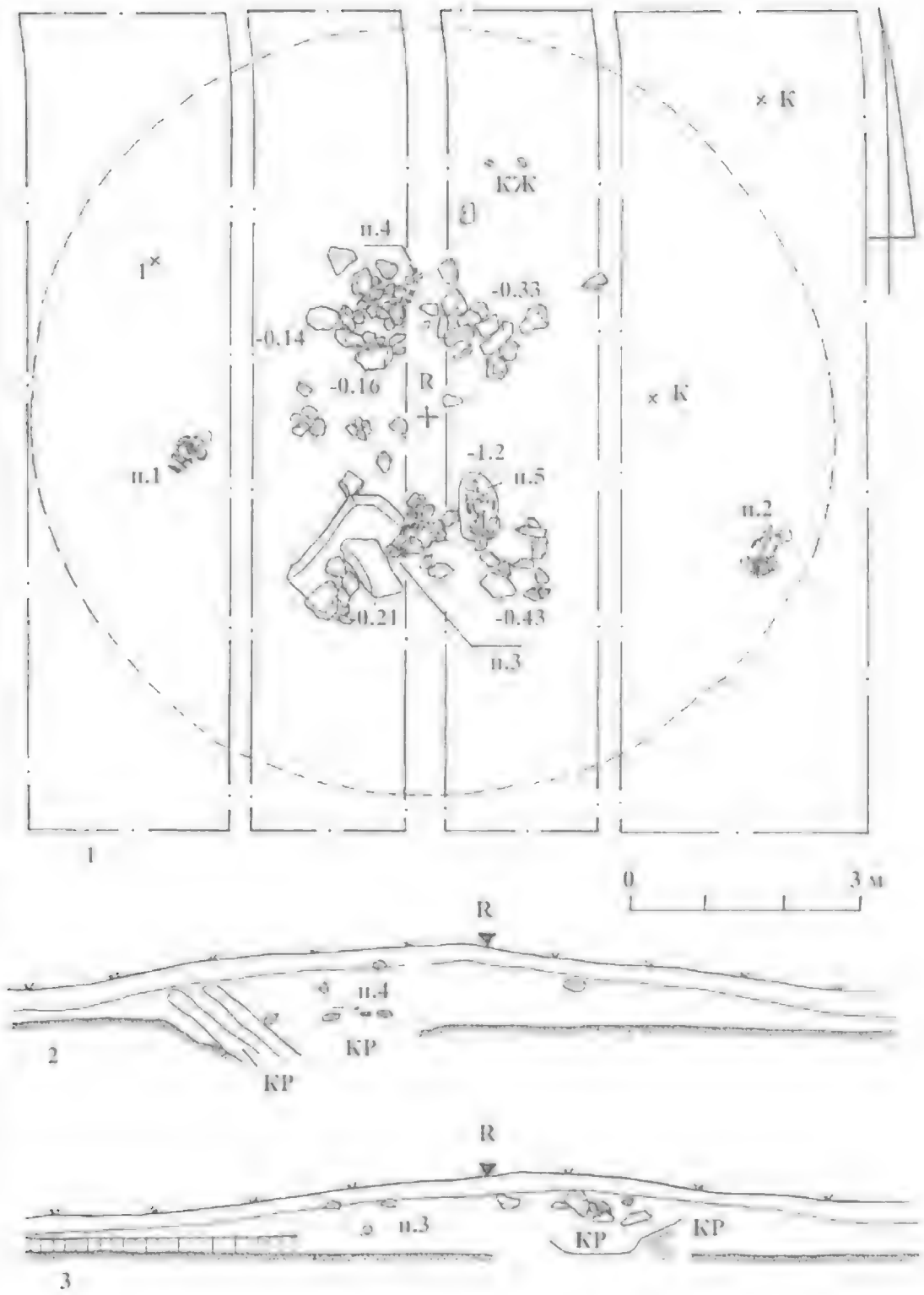
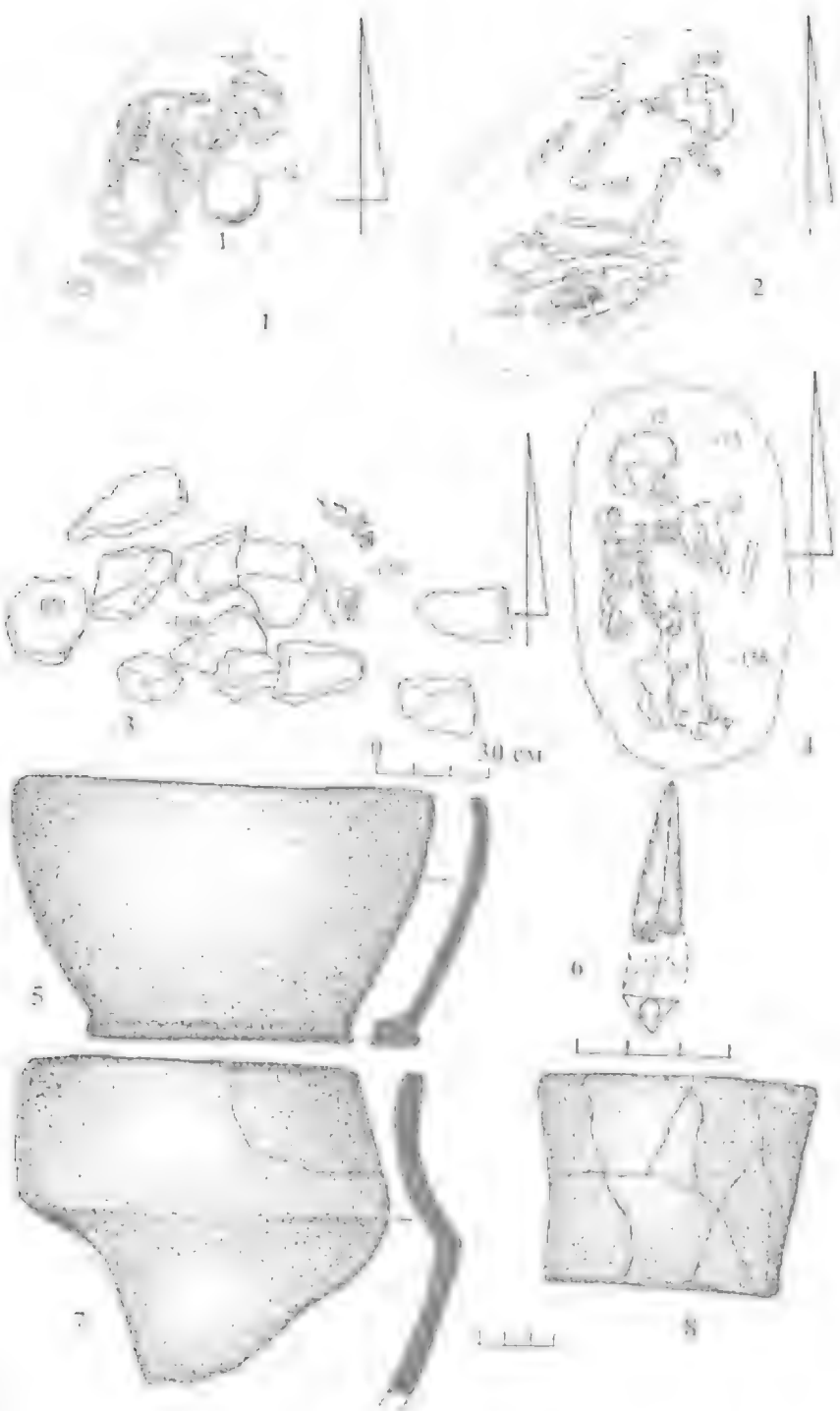


Рис. 12. Группа «Малый Кут». Курган 1: 1 – общий план; 2 – 3 – стратиграфические разрезы.

Fig. 12. The barrows group "Maly Kut". The barrow 1: general plan and stratigraphy.



…Малый Кут». Курган 1: 1, 5, 6 – погребение 1; 2, 7 – погребение 2; …ребение 4; 4 – погребение 5; 8 – находка в насыпи.

…group "Maly Kut". The barrow 1: 1, 5, 6 – burial 1; 2, 7 – burial 2; …l 4; 4 – burial 5; 8 – the artefact from the embankment.

бедность инвентаря) рассматриваемые николаевские ямные погребения относятся к позднему этапу существования культуры. Наиболее ярким из описанных погребений является погребение 12 в кургане 2 группы у Николаевского поселения, в котором найден остродонный сосуд позднеямного типа, орнаментированный оттиском шнура в виде горизонтальной линии, угольников из коротких диагональных отрезков. Подобная форма и орнаментация сосудов были характерны для двух групп позднеямной культурно-исторической общности - донецкой и приазовско-крымской [Шапошникова, 1982, с.347]. С.Н. Санжаров относит аналогичные сосуды в первую группу позднеямной керамической посуды Северо-Восточного Приазовья [Санжаров, 2001, с.27]. По предложенной для Донетчины периодизации позднеямных памятников [Кравец, Черников, 1990, с.8; Санжаров, 2001, с.42] николаевские позднеямные погребения можно было бы датировать последней четвертью III - первой половиной II тыс. до н.э. Но сегодня большинство [illegible] пересмотра и хронологии бронзового века в связи с новейшими датировками центральноевропейских и передневазиатских памятников по калиброванным данным [Бочкарев, 1992, с.21-23; Черных, 1993, с.63-73; Трифонов, 1996, с.43-50; Клочко, 2001, с.42-47]. В соответствии с новыми датами николаевские позднеямные погребения могут быть датированы рубежом IV – III тыс. – первой третью III тыс. до н.э.

Из погребений катакомбной культуры в исследованных трех курганах встречено только одно погребение 2 в кургане 2. Оно было впущено в курган предшествующей позднеямной культуры и обнаружено в северо-восточном секторе курганной насыпи. Погребальная катакомбная конструкция представляла собой катакомбу «Т»-видной формы. Такая конструкция катакомбы характерна для раннего этапа катакомбных древностей как Северо-Восточного Приазовья, так и всей Восточной Украины [Санжаров, 2001, с.47-50; Братченко, 2001, с.31-34; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с.150]. Приземистый круглодонный сосуд из данного погребения также является отличительной особенностью раннекатакомбных погребений [Санжаров, 2001, с.55-56, рис.18]. Каменный растиральник, имеет широкие хронологические рамки и встречается в памятниках эпохи ранней и средней бронзы.

Таким образом, николаевское катакомбное погребение 2 из кургана 2 группы у Николаевского поселения датируется раннекатакомбным временем.

Примечательно, что орнаментация раннекатакомбного сосуда из погребения 2 сходна с орнаментацией вышеописанного позднеямного сосуда из погребения 12. Это еще раз подтверждает генетическую связь раннекатакомбных сосудов с позднеямными сосудами и свидетельствует о сохранении позднеямных традиций в раннекатакомбное время.

Новацию орнаментации на николаевском катакомбном сосуде представляет вертикальный угловой узор – «деревцо», расположенное между угольниками вершиной вверх. Соединение на одном сосуде традиционной орнаментации с новой объясняется, по мнению С.Н. Братченко, с одной стороны, контактами с кавказскими посткуроараксскими культурами, а с другой, - свидетельствуют о том, что формирование раннекатакомбной керамики происходило на месте и не принесено в готовом виде [Братченко, 2003, с.215]. Интересно, что узор в виде вертикального «деревца» очень редко встречается на катакомбной керамике. В Донецком регионе известно лишь три сосуда, на которых имеется аналогичный элемент узора [Братченко, 2003, сю216, рис.43]. Все три названных сосуда происходят с территории Северодонечины. На территории Северо-Восточного Приазовья николаевский раннекатакомбный сосуд с узором «деревца» пока единственная находка.

Следующий хронологический горизонт в раскопанных курганах представлен двумя погребениями бабинской культуры (многоваликовой керамики). Это погребение 1 и погребение 11 в кургане 2 группы у Николаевского поселения. Оба погребения были впускными в насыпи ямно-катакомбного кургана 2.

Из-за плохой сохранности погребения 1 конструкцию ямы и положение костей проследить не удалось. Погребение сопровождалось горшковидным плоскодонным сосудом с раструбной, воронковидной внутри, шейкой и слегка выпуклым туловом. Сосуд по форме аналогичен сосуду, найденному в погребении 1 кургана 3 у пгт Николаевка Славянского района Донецкой области. Р.А. Литвиненко хронологически относит николаевский сосуд к раннему этапу бабинской культуры [Литвиненко, 2001, с.164-169, рис.2, 5]. А.Н. Привалов подоб-

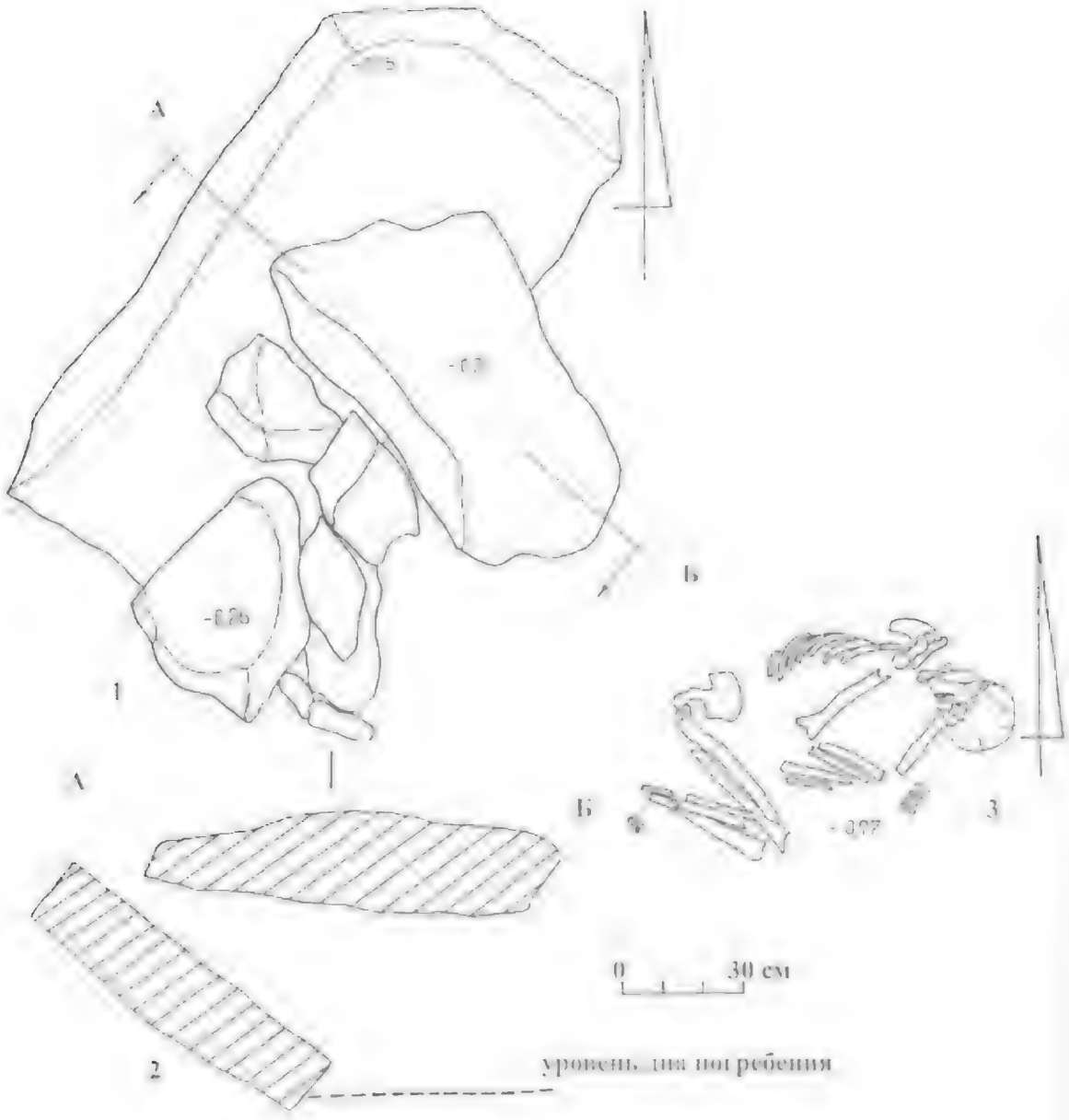


Рис. 14. Группа «Малый Кут». Курган 1, погребение 3.

Fig. 14. The barrows group "Maly Kut". The barrow 1, burial 3.

ные сосуды объединяет во вторую группу раннего этапа культуры многоваликовой керамики бабинской культуры) [Привалов, 1889, с.31]. Таким образом, погребение 1 в кургане 2 можно датировать ранним этапом бабинской культуры многоваликовой керамики).

Из-за того, что погребение 11 было разрушено, положение погребенного установить невозможно. По частично сохранившимся стенкам погребение определяется прямоугольным в плане с закругленными углами. Инвентарь погребения представлен двумя сосудами и двумя костяными пряжками (одна из них сохранилась целиком).

Сосуды разной формы. Биконический с ребристыми боками является основной отличительной формой керамической посуды бабинской культуры (многоваликовой керамики). Такие сосуды встречаются в большинстве случаев в захоронениях раннего этапа культуры. Другие же сосуды более характерны для позднего погребений бабинской культуры [Писаренко, 1983, с.14-17; Привалов, 1989, с.30-32; Привалов, Литвиненко, 1996, с.77].

Костяные пряжки являются важным показателем бабинской культуры (многоваликовой керамики). Кольцевидные пряжки характерны в основном для бабинских (многоваликовых) погребений раннего этапа. Но овальные пряжки с большим центральным и боковым малым отверстием, с бортиком – отличительная черта поздних погребений бабинской культуры [Писаренко, 1983, с.14-20; Привалов, 1989, с.30-32; Привалов, Литвиненко, 1996, с.77; Литвиненко, 2002, с.135-142, рис. 7].

Итак, судя по инвентарю, погребение 11 относится к позднему этапу бабинской культуры (многоваликовой керамики) Северо-Восточного Приазовья.

Эпоха поздней бронзы николаевских курганов характеризуется погребениями срубной культуры, которые были сооружены в насыпях и были впускными (гр.I, к.1, п.1; гр.I, к.2, п.3-9; гр. «Малый Кут», к.1, п.2-3). Большинство срубных погребений (7 погребений) совершены под каменными закладами. Положение костяков скорченное, левобочное, в одном случае правобочное. Ориентация их в пяти погребениях восточная, в трёх – северо-восточная, в остальных трех – скелеты были ориентированы с небольшим отклонением по сторонам света: на север с отклонением к западу, на юг с отклонением к востоку, на восток с отклонением к северу. Положение рук зафиксировано в шести случаях; у трех погребенных правая рука, согнутая в локте, лежала кистью на локте левой руки, а левая рука была вытянута вдоль туловища; у двух погребенных кисти согнутых в локтях рук находились перед лицом; у одного костяка правая рука была вытянута вдоль туловища, левая – согнутая в локте, кистью находилась у лица. Из одиннадцати срубных николаевских погребений пять сопровождались погребальным инвентарем, который представлен четырьмя керамическими сосудами, фрагментом верхней части сосуда и костяным трехгранным наконечником стрелы. Форма сосудов баночная и остроребериая. Только один сосуд остроребериой формы из погребения 8 в кургане 2 имеет орнаментацию. Орнамент нанесен оттисками веревки, образующих узор в виде треугольников вершиной вниз, расположенных паркетной композицией, и треугольников вершиной вверх, заштрихованных диагональными отрезками. Форма и орнаментация этого остроребериого сосуда имеет прямые аналогии в материалах сабатиновского горизонта или старшей ступени позднесрубного периода Ильичевского поселения, а подобный николаевскому костяной трёхгранный наконечник стрелы встречен в находках белозерского этапа или младшей ступени позднесрубного периода Ильичевского поселения, а также в срубном погребении 7 кургана 1 у города Славянска (поселок Артема) [Шаповалов, 1976, с.160-161, рис.6, 2, с.166-167, рис.8, 15; Чередниченко, 1986, с.65-67, рис.19, 2; Клименко, 1977, с.36-37, рис.19,2].

В целом, срубные погребения исследованных трех николаевских курганов по всем показателям относятся к позднему этапу срубной культуры и в соответствии с периодизацией срубных могильников Северо-Восточного Приазовья могут быть соотнесены со вторым хронологическим горизонтом культуры этой территории [Литвиненко, 1999, с.15-17].

К этой эпохе средневековья относится лишь одно кочевническое погребение 10 в кургане 2 группы у Николаевского поселения. Оно было впускным в центр насыпи кургана эпохи бронзы. Конструкция могильного сооружения погребения 10 представляла собой неглубокую яму с заплечиками, перекрытую деревянным настилом, на котором находился скелет лошади, сопровождающий погребенного. Сверху кос-

трукция перекрывалась каменной насыпью: каменным закладом и каменным панцирем. Лежащий в могиле на спине погребенный был ориентирован на юго-запад, а скелет лошади на перекрытии ориентирован головой на запад. Погребение сопровождалось заупокойной пищей и костей овцы и инвентарем в виде железных стремени, ножа и пряжки.

Рассмотренный погребальный обряд погребения 10 в целом повторяет печенежско-торческий обряд. Но применение камня в погребальной обрядности не характерно для печенегов и торков. Каменные конструкции в насыпях курганов над кочевническими погребениями появляются в восточноевропейских степях в XI – XII веках и характерны для половецкого периода. И обряд захоронения с покойником целой тушки коня тоже характерен для половцев [Плетнева, 1981, с.216-218; Федоров-Давыдов, 1966, с.9, 121-122, 134, 145].

На основании особенностей погребального обряда и инвентаря николаевское кочевническое погребение относится к половецкому периоду и датируется XII в. Однако об этнической принадлежности погребенного сказать трудно. Судя по антропологическим признакам и инвентарю, погребенный был молодым мужчиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бочкарев В.С.** Новые абсолютные даты для бронзового века Европы //Северная Евразия от древности до средневекрвья – Санкт-Петербург: ИИМК, 1992.

2. **Братченко С.Н.** Курганы у сел Песчаное и Раздольное в Приазовье // ДАС. 1997. Вып.7.

3. **Братченко С.Н.** Донецька катакомбна культура раннього этапу. Ч.І – Луганськ, 2001.

4. **Братченко С.Н.** Могили бронзової лоби в басейні р Деркул // Материалы исследования по археологии Востосной Украины. Луганск, 2003. № 1.

5. **Братченко С.Н.** и др. Исследования в Северо-Восточном Приазовье // АО 1976 года. М., 1977.

6. **Дубовская О.Р.** Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // АА. № 6. Донецк, 1997.

7. **Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII в.в. // САИ. Вып. Е1-36, 1973.

8. **Клименко В.Ф.** Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997.

9. **Козловский А.О.** Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX XIV ст. К., 1992.

10. **Константинеску Л.Ф.** Производственные комплексы из погребений ямной культуры Донбасса // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. ТД семинара. Донецк, 1987.

11. **Кравец Д.П.** Новые материалы катакомбного времени из Северного Приазовья // Организация археологических экспедиций с участием школьников. ТД семинара. Донецк, 1988.

12. **Кравец Д.П., Посредников В.А.** Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса». Донецк: ДонГУ, 1990.

13. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

14. **Литвиненко Р.А.** Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры Днепро-Донского региона // ДАС. №10. Донецк, 2002.

15. **Михлин Б.Ю.** Погребение с золотыми украшениями в кургане у с.Васильевка // АО 1972 года. М., 1973.

16. **Міхлін Б.Ю.** Передскіфське поховання поблизу с.Василівка // Археологія. 1979. № 30.

17. **Моруженко А.А.** и др. Исследования на юге Донецкой области // АО 1978 года. М., 1979.

18. **Пиларий И.А.** Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

19. **Плетнева С.А.** Древности черных клубоков // САИ. Вып. Е1-19. М., 1973.

20. **Плетнева С.А.** Кочевники восточноевропейских степей. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

21. **Попова Т.Б.** Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. М., 1955. Вып.24.

22. Преображенский В.С. Очерки природы Донецкого Кряжа. М., 1959.

23. **Привалов А.И.** К вопросу о культуре многоваликовой керамики в Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: ТД науч.-практ. семин. Донецк, 1989.

24. **Привалов А.И.** Средневековое погребение из могильника "Баба" в Донбассе // АА. 2001. № 10.

25. **Привалов А.И., Литвиненко Р.А.** Памятники культуры многоваликовой керамики в бассейне р. Мокрая Волноваха // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Часть первая. Донецк, 1996.

26. **Привалова О.Я.** Работы Донецкого краеведческого музея // АО 1975 года. М., 1976.

27. **Привалова О.Я.** Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье // АА. 2002. №10.

28. **Привалова О.Я., Мищенкова Н.Е.** О типах культовых памятников средневековых кочевников степей юга Восточной Европы // ДАС. Донецк, 1998. Вып. 8.

29. **Привалова О.Я., Привалов А.И.** Исследования курганов на территории Донецкой области // АО 1976 года. М., 1977.

30. **Привалова О.Я., Привалов А.И.** Погребения эпохи средней бронзы Петровского курганного могильника // Літопис Донбасу. Донецьк, 2002. № 10.

31. **Привалова О.Я., Привалов А.И.** Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Ниневка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К., 1987.

33. **Привалова О.Я., Привалов А.И.** Памятники курганов в бассейне р. Кальмиус // Археологические открытия за 1979 год. М., 1980. С. 325-326.

34. **Привалова О.Я., Привалов А.И., Заройская Н.П., Хомутов В.Г** Работы Донецкого краеведческого музея. АО 1977 года. М., 1978.

35. **Санжаров С.Н.** Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001.

36. **Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В.** Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Т.1 Луганск, 2003.

37. **Слюсарев А.А.** Природа Донбасса. Донецк, 1983.

38. Список памятников археологии Украины. Донецкая область // Сост. Привалова О.Я., Привалов А.И. К., 1988.

39. **Телегин Д.Я.** Об абсолютном возрасте катакомбной культуры по радиокарбонным определениям // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТД науч. конф. СПб, 1993.

40. **Трифонов В.А.** Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс. до н.э. СПб, 1996.

41. **Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

42. **Черединченко Н.И.** Срубная культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Черединченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К., 1986.

43. **Шановалов Т.А.** Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1976.

44. **Шапошникова О.Г.** Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т.1. К., 1985.

45. **Швецов М.Л.** Три погребения из кургана 2 у села Васильевка // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Часть первая. Донецк, 1996.

46. **Шепко Л.Г.** Курган эпохи бронзы у с.Новотроицкое // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТДК. Донецк, 1979.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.

Археологический альманах №14. Донецк 2003. С. 178-202.

КУРГАНЫ БАССЕЙНА КРЫНКИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОНБАСС И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Полидович Ю.Б., Абдрахманов Д.В.

This paper is devoted to the analysis of the Krynka river basin barrows. This basin is an important part of the Central Donbass and Northeastern Azov geographical regions (Fig. 1). Many barrows can be found here. Their quantity and parameters are dependent on an arrangement in certain place of pool. The most significant barrows are located on the upstream of the river and include primarily Late Bronze Age burials of the timber-grave culture as well as medieval nomads. The barrows on the average and bottom current of the river Krynka are more varied. Complexes of quite different cultures and historical periods are present. The barrow complexes situated near the town of Shahtarsk are especially significant. These complexes functioned as the sacral centre of the region in different periods. In 1992-1993, the Donetsk Regional Museum Expedition excavated three barrows in the basin of the river Krynka. One barrow was excavated near the village of Nizhnya Krynka in the Makeevka district. Two burials of the timber-grave culture containing ceramic vessels (Fig. 2-7) were found there. Two barrows were excavated near the village of Novoamvrosievka in the Amvrosievka district. One burial of the ceramic culture, five of the timber-grave culture and one of the Sarmat culture (Fig.8-14) were found in barrow 1. Barrow 2 yielded one burial of the Sarmat culture, containing different iron tools (Fig. 15-18).

Курганы бассейна р. Крынка являются составной частью погребальных памятников Центрального Донбасса и Северо-Восточного Приазовья. Данный регион известен исследователям своей насыщенностью и сосредоточенностью археологических памятников (рис. 1).

Бассейн реки Крынки, правого притока Миуса, является важной частью Крынско-Нагольчинского физико-географического района [Симоненко, 1972, с.76-79; Давыдов, 1980, с.37-38; Слюсарев, 1983, с.69]. Длина реки 227 км, площадь бассейна около 3 тыс. кв. км. Крынка проложила свое русо поперек складчатых структур, что определило и характер ее долины: она узкая, с крутыми склонами, нередко встречаются выходы горных пород. Местами песчаники образуют подобие каменных гор, как, например, живописная скала Чепец высотой до 30 метров. Гористые берега во многих местах покрывают дубравы. Русло реки извилистое, ширина от 5 до 20 метров, глубина 1-2, местами до 3-4 метров.

Образуется Крынка из двух речушек: Корсунь и Булавинки, - берущих начало с главного водораздела Донецкого Кряжа. Этот водораздел отделает бассейны Миуса – Крынки от бассейнов Бахмута и Лугани. Такое его доминирующее расположение определило наличие большого количества курганов, расположенных цепочками вдоль всего водораздела. В пределах цепочек выделяются отдельные группы, сосредоточенные на высших точках водораздельного гребня (с высотами 280-311 м)[1]. Доминирующие в них курганы имеют высоты до 4,0 м. Большинство курганов имеют округлые в плане насыпи, но в группах Могила Долгая, Могила Бабикова, Могила Хацапетова и др. есть и длинные курганы, образованные путем соединения досыпками двух первоначальных курганов.

Реки Корсунь и Булавинка с многочисленными притоками протекают по южному склону Донецкого Кряжа. На склоне, прорезанном речушками и балками, образовалось ряд удобных

[1] - При анализе курганов используются как данные полевых исследований, так и данные топографических планшетов.

Рис. 1. Схема расположения основных курганов и курганных групп в бассейне р. Крынка.

Fig. 1. The map of the barrows distribution in the Krynka river basin.

водоразделов, на которых также располагаются курганы. Только в данной ситуации они группируются компактными группами, находящимися на расстоянии 0,8-1,5 км друг от друга. Наибольшей выраженностью выделяются водоразделы между р. Булавинкой и ее правым притоком б. Долгой, р. Корсунь и ее левым притоком р. Рассоховатой, левыми притоками Корсуни речками Рассоховатой и Садки. С точки зрения размещения курганов, водораздел как бы представлял собой цельный комплекс, начинающийся от истоков речки-притока и заканчивающийся в ее устье. При этом наиболее высокий курган (2,8-3,6 м) располагался в центральной части водораздела.

К югу от р. Булавинки, несколько раз меняющей свое направление, проходит достаточно высокий водораздел (с высотами от 311 до 229 м), направленный параллельно главному водоразделу – с востока на запад. С севера он имеет более крутые склоны, с юга – более пологие и протяженные, рассеченные речками Ольховка, Кленовая (Харцызская) и др. на несколько выраженных водоразделов. Господствующие высоты главного водораздела и водоразделов между речками заняты курганными группами, в составе которых 1-2 высоких кургана (как правило, 2-3 м) и несколько маленьких.

Основное русло Крынки располагается с северо-запада на юго-восток. Соответственно этому ее бассейн окаймляют два водораздела: высокий между Крынкой и Миусом (высоты 347-320 м в верхнем течении рек и 250-200 м в нижнем) и более низкий между Крынкой и Грузкой – Кальмиусом (высоты около 260 и 226-200 м). На первом из них расположено много курганов высотой более 1,5-2,0 м, в т.ч. курган высотой до 6,0 м (пгт. Рассыпное Шахтерского р-на). В его систему входит и гора Саур-Могила с курганом на вершине (его параметры, к сожалению не понятны, т.к. курган сильно разрушен во время сооружения мемориального комплекса[2]). Склоны водораздела сильно изрезаны балками и оврагами, поэтому курганов на них зафиксировано мало.

На втором водоразделе находится большое количество курганов, располагающихся как длинными цепочками, так и отдельными группами. В целом здесь больше курганов ниже 2,0 м, хотя известен и курган высотой более 6,0 м (Могила Ореховая, Макеевский горсовет). Здесь же (у ст. Монахово, Макеевский горсовет) разведками 2000 г. зафиксирована уникальная по своей сохранности цепочка курганов, протянувшаяся почти на 1,5 км. В северо-западной части цепочки располагается 8 курганов высотой более 1,0 м, в центральной и юго-восточной – около 40 курганов высотой ниже 1,0 м, преимущественно 0,3-0,4 м. Не исключено, что подобные цепочки проходили по всем гребням водоразделов, но не сохранились вследствие сильной распашки.

Еще один мощный водораздел (высоты 280-260 м), входящий в систему бассейна Крынки, протянулся также с востока на запад к югу от р. Ольховой. Он является своеобразным продолжением высокого водораздела в верховьях Крынки и Миуса. На нем расположено также большое количество курганных групп, среди которых центральное место занимает группа Ряные Могилы (южной окраине г. Шахтерска), находившаяся на доминирующей центральной возвышенности водораздела (высота 281 м при иных высотах около 260 м). В ее состав входило более 20 курганов, из которых 14 были исследованы [Моруженко, 1980; Санжаров, 1986; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003; др.]. Большое количество небольших курганов, располагающихся неровными цепочками, находится на водоразделе, отходящем на юго-восток от данной высоты, между верховьями р. Савостьянка и Шишовка.

В среднем и нижнем течении реки характер бассейна изменяется. Рельеф становится более равнинным, а русло более извилистым. Правый берег отличается малыми размерами притоков, среди которых выделяется балка Широкая. В ее верховьях, у п. Металлист Амвросиевского р-на, на господствующей высоте (225-213 м) находятся 4 курганные группы, в составе которых много высоких курганов, в т.ч. курган с высотой около 6 м. Водораздел между Крынкой и верховьями Грузского и Сухого Еланчиков подходит близко к пойме реки. Курганы здесь не столь ярко выраженные, хотя среди них выделяются 2 группы у ст. Квашино, в составе которых находятся курганы выше 3 м.

---

[2] – При сооружении комплекса на вершине было нарушено срубное погребение в каменном ящике, которое потом исследовал Т.А. Шаповалов в 1967 г. и остатки которого до сих пор видны рядом с мемориалом. Является ли это погребение единственным или только лишь верхним, впускным – могут показать только дальнейшие исследования.

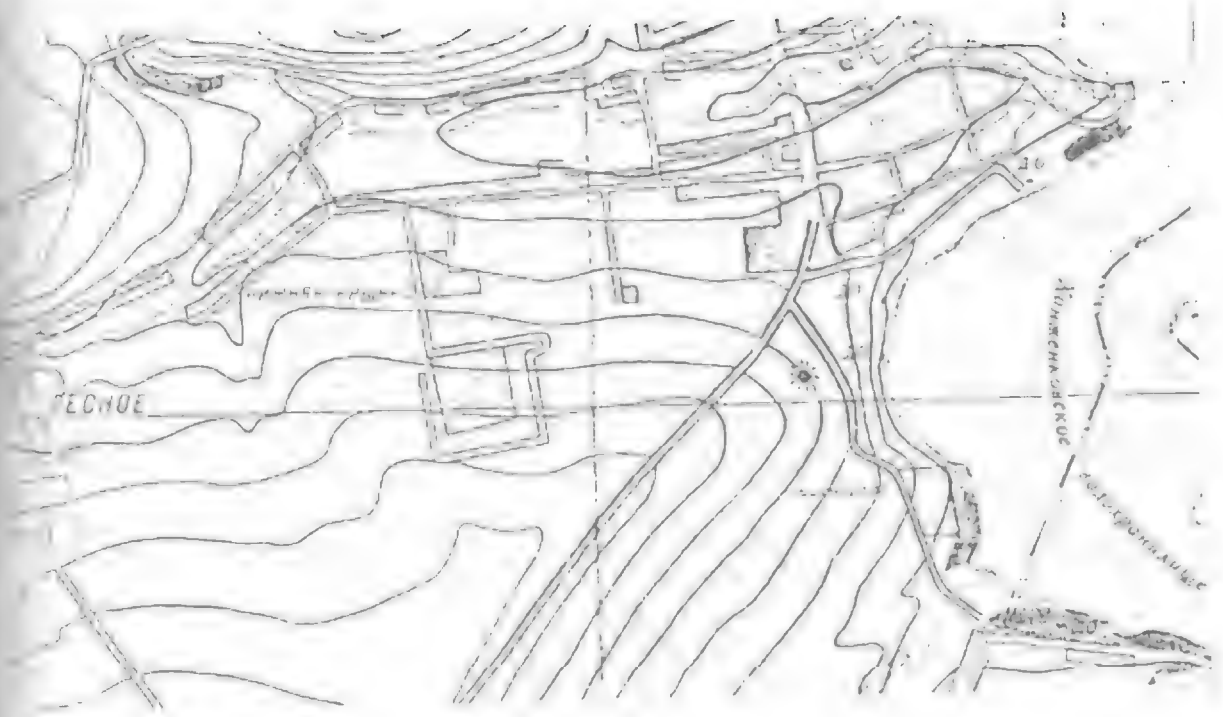


Рис. 2. Схема расположения раскопанного кургана у п. Нижняя Крынка и дет/лагеря "Барвинок".

Fig. 2. The situation plan of the excavating barrow near town Nizhnya Krynka and the camp "Barvinok".

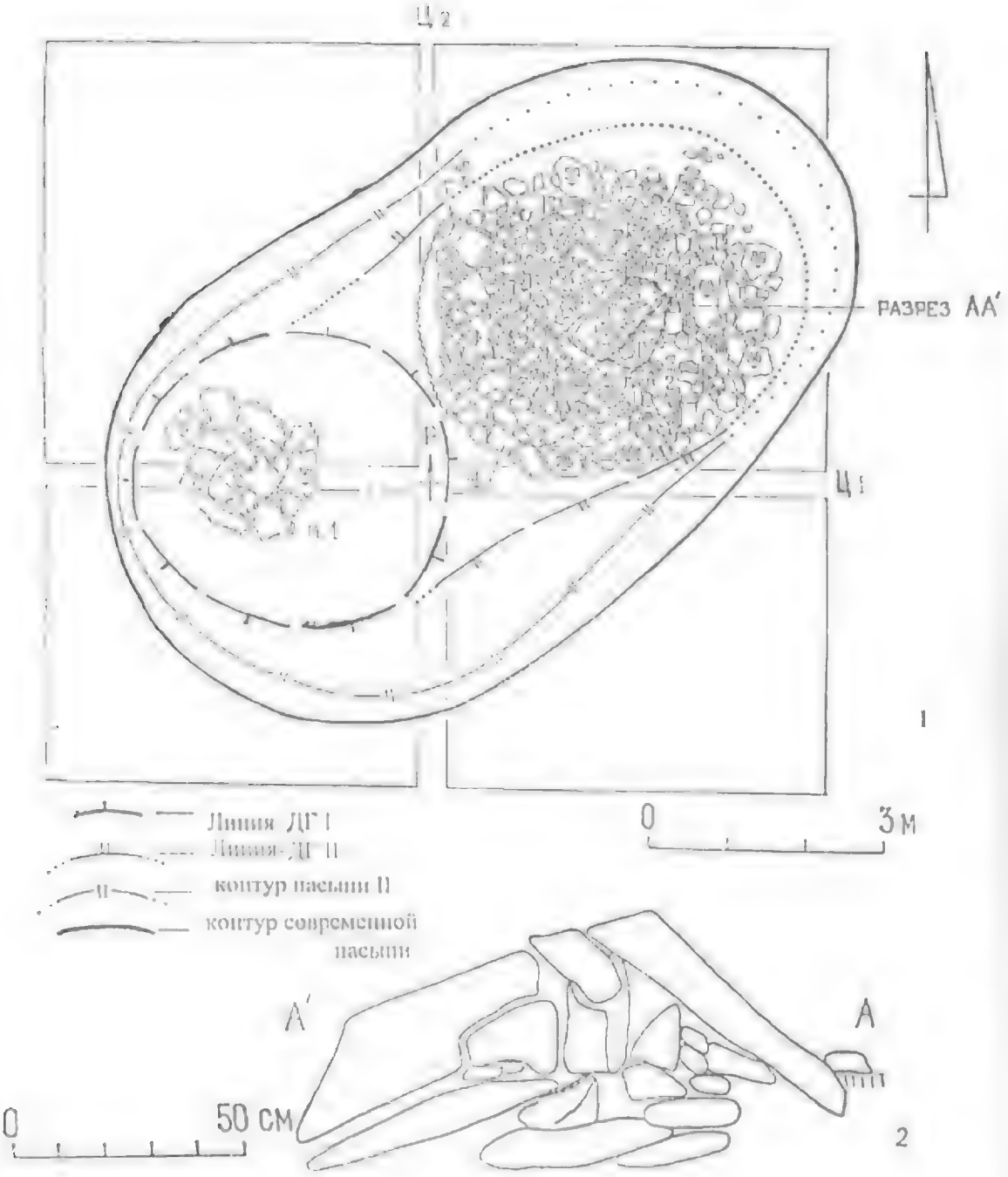


Рис. 3. Нижняя Крынка / Барвинок, кург. 1. 1 – общий план; 2 – разрез каменного сооружения.

Fig. 3. Nizhnya Krynka / Barvinok, barrow 1: 1 – general plan; 2 – stone construction's section.

Левый берег, напротив, отличается развитой балочной системой и, соответственно, сильно пересеченным рельефом. Между тем, большая часть водоразделов между балками занята курганами, которые у сел Кринички, Житенко, Григорьевка и др. объединены в длинные цепочки. В ряде случаев, как, например, напротив с. Карпово-Надеждинка, курганы располагаются на первой надпойменной террасе. Параметры курганов, как правило, незначительные, преобладают курганы ниже 1,0 м. Высокие курганы (2-3 м) находятся преимущественно только в составе групп, расположенных на водоразделе с Миусом.

Исследованные курганы дают некоторые представление о характере и культурной принадлежности памятников, представленных в бассейне Крынки. В верховьях реки, где раскопки долгие годы проводились В.Ф. Клименко, известны единичные погребения эпох энеолита, ранней и средней бронзы, но в большом количестве представлены комплексы срубной культуры эпохи поздней бронзы и позднесредневековые [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994]. Подтверждается это материалами из раскопок и других авторов [Зарайская, Косиков, 1992; Миллер, 1958, с.67-68; Посредников, Кравец, 1994; Санжаров, 1988, с.334].

В курганах, расположенных в среднем и нижнем течении Крынки, исследованы погребения, представляющие большее культурное разнообразие [Моруженко, 1984; Полидович, 1993; Косиков, Кравец, 1993; Литвиненко, Косиков, 1994; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003; др.]. Особо среди них выделяется, конечно же, Шахтерский могильник, уже упоминавшийся выше. Здесь найдены комплексы, представляющие культуры от энеолита до золотоордынского времени. Многие из них неординарны по погребальным конструкциям и сопровождающему инвентарю, что говорит об особом культовом и социальном статусе этого могильника, вероятно, функционировавшем в эпоху бронзы, особенно в срубное время, как святилище [Санжаров, 1988, с.334; Посредников, Кравец, 1992, с.50; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с.158]. В основе курганных сооружений срубной культуры находятся массивные и длинные каменные ограды-аллеи. Подобные сооружения на территории срубной общности встречаются крайне редко (см. сводку: [Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с.156]). Тем более замечательна их концентрация в пределах одного могильника. Особое отношение к Шахтерскому могильнику сохранялось и в последующие периоды, во всяком случае, в скифское время [Кравец, 1993].

В остальных раскопанных курганах также представлены выразительные комплексы различных культур, особенно срубной. Но особо отметим некоторую концентрацию в этом регионе комплексов скифо-сарматского времени [Шрамко, 1962, с.249, рис.94; Моруженко, 1986; Полидович, 1993], в целом достаточно бедно представленных в Донбассе. Если учесть, что неподалеку, в верховьях Миуса, были исследованы богатейшие погребения этого периода у сс.Зрубное (Передериева Могила) и Чугуно-Крепинка [Моруженко, 1989; 1989а; 1992; Санжаров, 1986; Шепко, 1985; 1997], и что из бассейна Крынки происходит 3 скифских изваяния, некогда установленных на святилищах [Ольховский, Евдокимов, 1994, кат. 81; 82; Полідович, Муханова, 1997], то можно высказать предположение о существовании в этом регионе в скифо-сарматское время определенного культового и погостарного центра.

В настоящей работе представлены результаты раскопок курганов, происходящих из двух разных мест бассейна Крынки и представляющих рядовой характер этой категории памятников, которые тем не менее являются типичными для региона.

КУРГАН ВОЗЛЕ ПГТ НИЖНЯЯ КРЫНКА

В августе 1993 г. совместной экспедицией Донецкого областного краеведческого музея и музея истории г. Харцызска был исследован курган, находящийся на пологом высоком склоне правого берега р. Крынки в 0,8 км к СВ от пгт Нижняя Крынка (Макеевский горсовет) и в 0,5 км к СЗ от л/о "Барвинок".

Курган имел насыпь в плане овальной формы высотой 0,2 - 0,3 м, размерами 10,5 х 6,5 м, длинной осью вытянутой по линии ЮЗ - СВ.

Исследовался курган вручную, с составлением двух центральных бровок, располагавшихся крестообразно (рис.3,1). По четырем разрезам прослеживалась следующая стратиграфия (рис.4):

- материковый суглинок серого цвета с уровня 0,7 м от Р;

- погребенная почва I мощностью 0,2 -

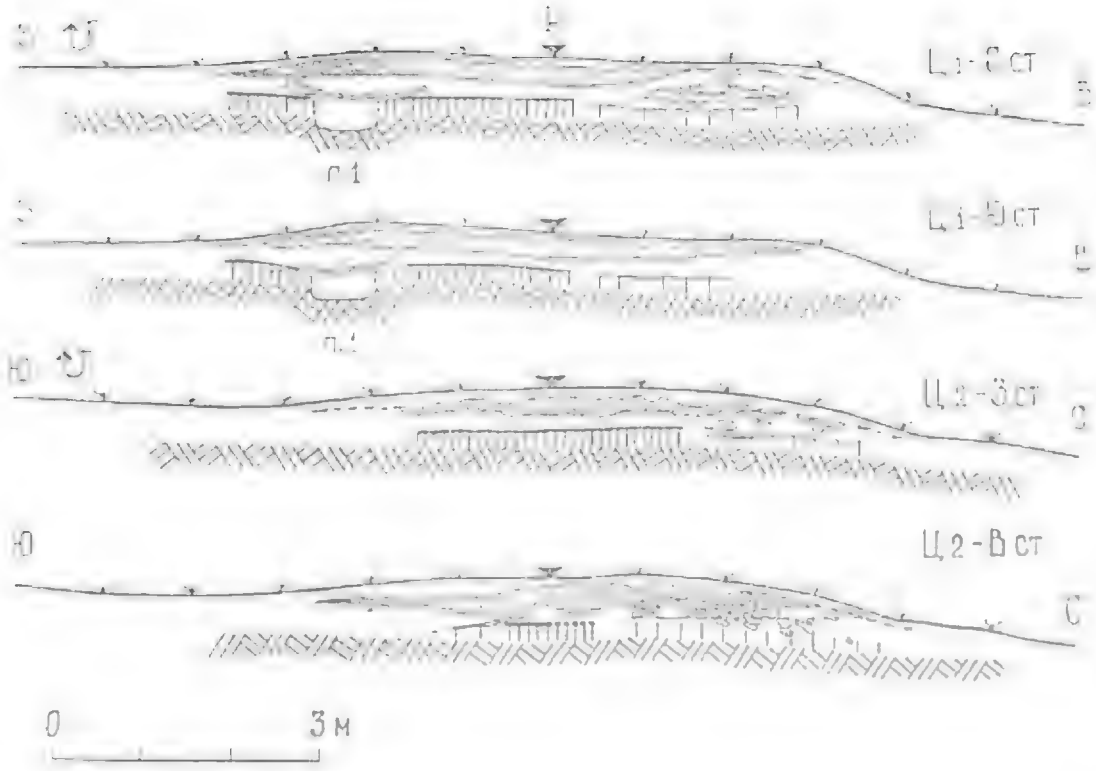


Рис. 4. Нижняя Крынка / Барвинок, кург. 1. Стратиграфические разрезы.

Fig. 4. Nizhnya Krynka / Barvinok, barrow 1: stratigraphy.

0,25 м с максимальной видимой линией ДГ до 4,0м (по северной стороне бровки Ц-1):

- с ее уровня впущено погребение 1;

- насыпь I, состоящая из чернозема, высотой около 0,25 м и диаметром до 4,0 м, сооружена над погребением 1; занимает ЮЗ половину кургана;

- насыпь, сложенная из камней (в основном - песчаник), над погребением 2, высотой до 0,35 м и диаметром 4,0-4,5м; занимает СВ половину кургана;

- погребенная почва II, мощностью около 0,2 м;

- насыпь II, состоящая из чернозема с белесыми включениями и объединяющая насыпи I и каменную; размерами и формой в основном соответствует современной насыпи;

- дерновый слой мощностью 0,1 - 0,15 м.

В кургане было обнаружено 2 погребения **срубной** культуры.

Погребение 1 – в 2,2 м к З(270°) на уровне 0,8-0,88 м от Р (0,6 м от уровня ДГ; большой перепад глубин связан с перепадом высот по склону). Сооружена в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами. Яма – подпрямоугольной формы со округленными углами и стенами, дно слегка наклонное, размеры – 1,92 х 0,72м. Перекрытие было сложено из песчаниковых плит аморфных сочетаний (размеры – 0,3 х 0,7, 0,4 х 0,5, 0,5 х 0,7м; толщиной 4-6см), сложенных "внахлест" так, что крайние плиты по всему периметру ямы на 0,4-0,6м выходили за ее пределы (рис. 5).

Погребенный (взрослый) лежал сильно скорченно на левом боку, головой к северо-востоку (58°). Левая рука была полностью согнута в локте, кисть у плеча; правая рука под прямым углом, кисть (не сохранилась) у локтя левой. Ноги согнуты: в тазобедренном суставе под углом 45°, коленом – 25°. Перед грудью погребенного находился *сосуд* (рис. 6, 1).

Сосуд – баночного типа с наклонными стенками и слегка выделенным дном. Состав теста: небольшая примесь песка, возможно, естественного происхождения. Искусственная

Рис. 5. Нижняя Крынка / Барвинок, кург. 1, погребение 1: план верхнего уровня и разрез.

Fig. 5. Nizhnya Krynka / Barvinok, barrow 1: burial 1.

примесь – известняк. Обжиг неравномерный, вследствие чего поверхность имеет серый и красный цвет с темными пятнами, на изломе – черный. Диаметр венчика – 15,2 см, диаметр дна – 10 см, высота – 10,2 см (рис.6, 2).

Погребение 2 – в 3,3м под углом 57° на уровне 1,65 – 1,77 м от Р (до 0,7 м от уровня выуска). Погребение совершено в скальном выходе породы слоистой структуры. Размеры – 1,28 х 0,68 м на уровне материка 1,22 х 0,6-0,42 м у дна, стенки, дно неровное. Заполнение ямы – мелкий щебень.

На дне – скелет взрослого, сильно скорченный, на левом боку, головой к СВ (55°). Кости потревожены землероями. Положение рук не восстанавливается, ноги подтянуты пятками к тазу и согнуты: в тазобедреном суставе под углом 50°, в коленном – близко к 0°. Среди костей груди был найден *сосуд*, стоявший на правой лопатке (по всей видимости, он первоначально находился на деревянном перекрытии, полностью истлевшем) (рис.7, 1).

Сосуд – миниатюрный, профилированный в верхней части, с выделенным венчиком и слегка выделенной закраиной. Поверхность темно-серого цвета. Дно массивное. Диаметр венчика – 8,0 см, Дмах – 8,2 см, Дпа – 5,7 см, высота – 6,7 см (рис.7, 2).

Погребение 2 было перекрыто каменной насыпью. Камни (преимущественно небольшие куски или плитки песчаника аморфных очертаний, по краю использовались и крупные плиты размерами до 0,8 х 0,5 х 0,3 м) были уложены в один-три ряда на ДГ или небольшую земляную насыпь. В центральной части насыпи, несколько к ЮЗ от погребения, на участке 1,0 х 0,5м камней не было.

К В-ЮВ от погребения 2 на поверхности каменной насыпи было зафиксированы небольшое сооружение из камня в виде "шалашика", образованного массивной плитой (0,8 х 0,75 х 0,1-0,15 м), поставленной на ребро под наклоном, и прислоненными к нему с восточной стороны двумя большими камнями. Сооружение длинной осью было ориентировано по линии С-Ю и возвышалось над насыпью на 30-35 см. Находок внутри сооружения или рядом с ним не обнаружено (рис.3, 2).

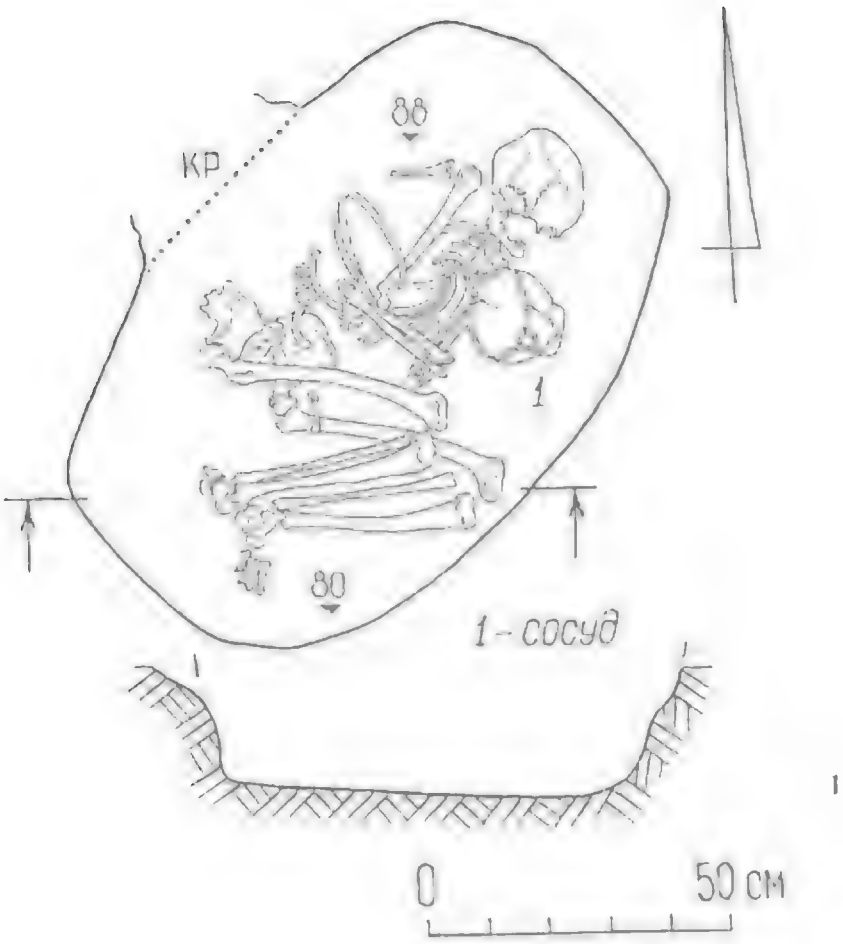
Оба исследованные погребения являются основными, хотя прослеживается последовательность их совершения: вначале погребение 1, перекрытое земляной насыпью, затем – погребение 2, перекрытое каменной насыпью (рис. 4). Хронологический диапазон («шаг стратиграфии») между погребениями установить сложно. Оба они относятся ко II хронологическому горизонту по Р.А. Литвиненко [1999].

К юго-западу от кургана 1 была исследована еще одна насыпь, внешне идентичная насыпи кургана 1, оказавшаяся в процессе работ естественным выходом породы на поверхность. Следов ее использования не обнаружено.

КУРГАНЫ ВОЗЛЕ ПГТ НОВОАМВРОСИЕВСКИЙ

В июне 1992 г. новостроечная археологическая экспедиция Донецкого областного краеведческого музея произвела раскопки двух курганов, расположенных на северо-восточной окраине пгт Новоамвросиевский Амвросиевского района. Их исследование было вызвано тем, что курганы попадали в зону строительства индивидуальных домов по ул. Полевой. Заказчиком проведения работ выступил Новоамвросиевский поселковый совет (председатель – А.В. Царев).

Исследованные курганы 1 и 2 входили в состав курганной группы, состоявшей как минимум из 6 курганов. Группа располагается на высоком плато в изгибе правого берега р. Крынки. Два кургана (3 и 4) располагаются относительно друг друга по линии З-В. По этой же линии в 0,5 км к В от них находится одиночный курган. Курганы 1 и 2 находились к Ю и ЮЗ от кургана 3 (рис.8,1-2). Еще дальше к ЮЗ когда-то находился еще один курган (двор дома по ул. Полевой, 34 и рядом с ним), спланированный во время строительства дома. По свидетельству жителя дома И.Г. Соловьева, во время строительных работ была обнаружена округлая яма, забитая камнем и уходившая на глубину до 1,5 км. Находок в ней не было. Вполне возможно, что эта яма являлась входной ямой подбойной могилы. По воспоминаниям, некогда еще один курган находился в глубине поселка, но его точного месторасположения никто назвать уже не мог. В конце 60-х гг. в верхней части кургана 3 местным учителем Ан.Вл. Колесником и сотрудницей ДОКМ О.Я. Приваловой было исследовано погребение срубной культуры, содержащее



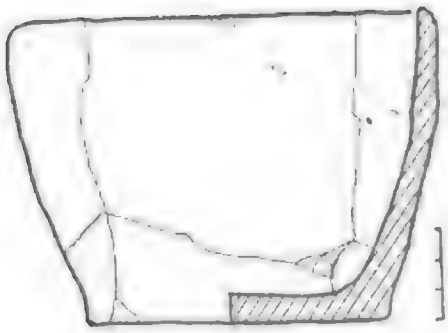


Рис. 6. Нижняя Крынка / Барвинок, кург. 1, погребение 1: 1 – план нижнего уровня; 2 – сосуд.

Fig. 6. Nizhnya Krynka / Barvinok, barrow 1: burial 1.

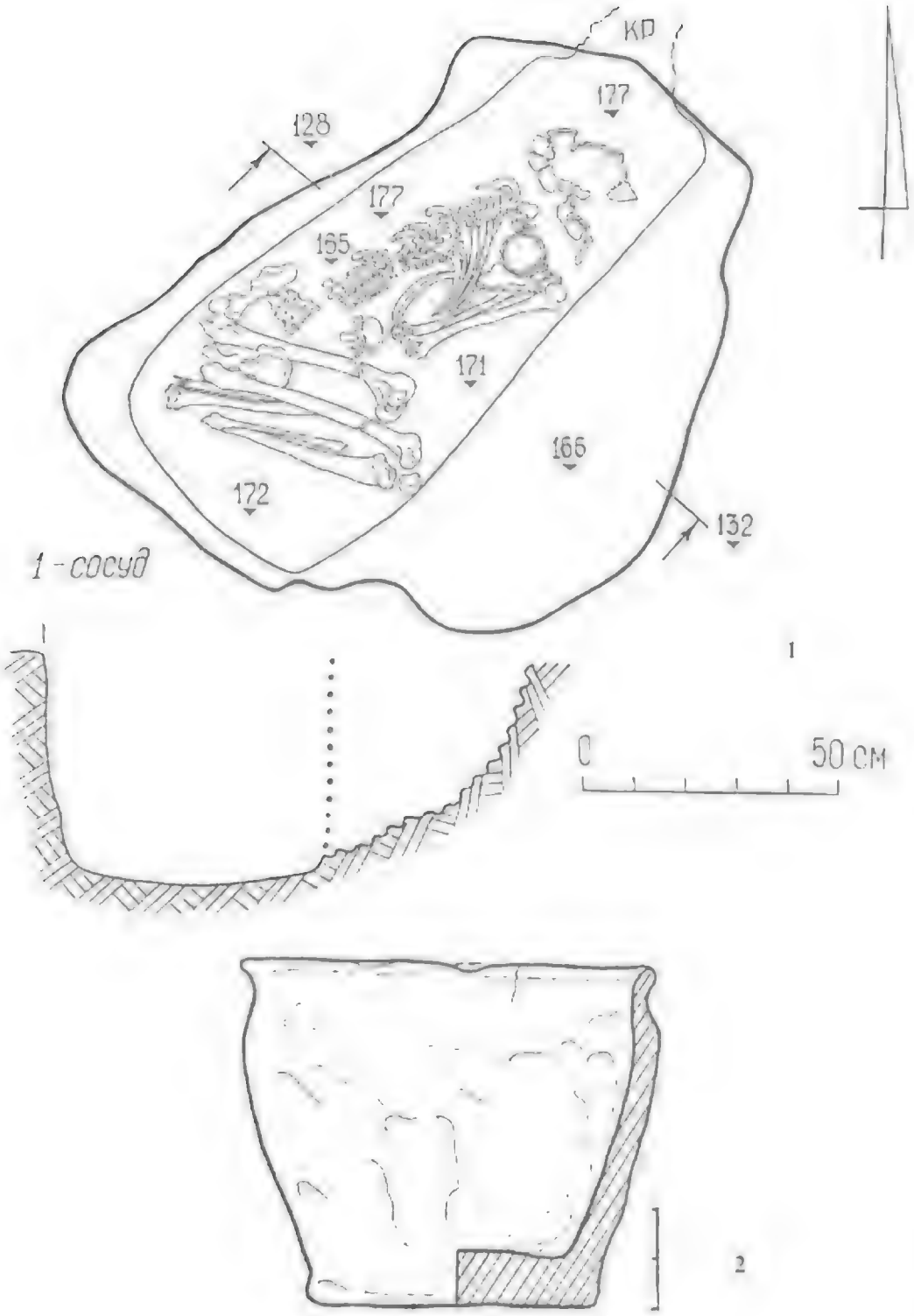


Рис. 7. Нижняя Крынка / Барвинок, кург. 1, погребение 2: 1 – план, 2 – сосуд.

Fig. 7. Nizhnya Krynka / Barvinok, barrow 1: burial 2.

сосуд (рис. 8, 3) и частично разрушенное при установке знака триангуляции.

КУРГАН 1

Курган имел овальную в плане насыпь высотой около 1 м, размерами 22,0 х 28,0 м (рис.9). Курган исследовался двумя траншеями с оставлением центральной бровки при помощи бульдозера ДТ-75.

По южной стороне Центральной бровки прослеживались следующие слои (рис.12,1):

- материковый суглинок с уровня 1,85 м от Р;

- погребенная почва мощностью до 0,57 м с видимой линией ДГ 6,45 м;

- первоначальная насыпь I, состоящая из чернозема и фиксирующаяся по камням кромлеха и выкладки над погребением 8; ее высота – 0,95 м, диаметр – около 7,0 м;

- насыпь II, состоящая из чернозема и совпадающая с нынешними параметрами кургана. Возможно, сооружалась в два приема: первый – в срубное время, второй – в сарматское.

В кургане было обнаружено 8 погребений: 1 – культуры многоваликовой керамики, 5 – срубных и 2 – раннего железного века.

Погребение 1 (сарматское) – в 4,5 м под углом 320° от Р. Было совершено в катакомбе на уровне 2,10-2,27 м от Р в предматерике. Свод камеры полностью обрушился, вся конструкция была прослежена на уровне дна (рис.13, 1). Входная яма – подпрямоугольной формы, размерами – 2,10 х 0,6-0,7 м; длинными сторонами ориентирована по линии З-В с незначительным отклонением к С. Дно – на уровне 2,10 м от Р. В восточной части устроена ступенька, в западной части дно входной ямы находилось на уровне дна камеры. Камера сочленялась с входной ямой длинными сторонами с южной стороны. Размеры камеры: 2,38 х 0,73 м; дно ниже ступеньки на 0,17 м (2,27 м от Р), к западу оно понижалось на 5 см; высота камеры – до 0,4 м. На ступеньке и выше ее (на уровне 2,0-2,08 м от Р) под северной стенкой обнаружены нижние части костей ног овцы без копыт, но в сочленении: 6 сверху и одна под ними. Возможно, 1 или 2 ноги принадлежали другому животному. В заполнении камеры были встречены длинные кости, кости стопы и копыто (лошадиное) еще одной ноги. В заполнении же камеры обнаружено правое крыло таза человека.

На дне камеры обнаружен скелет, от которого сохранилась только верхняя часть. Умерший был положен вытянуто на спине головой к западу с отклонением к югу (260°). Череп лежал на правом боку "лицом" к югу. Руки были вытянуты вдоль туловища. Отсутствие нижней части туловища, вряд ли, можно объяснить действием землероев, хотя камера и сам погребенный были значительно ими повреждены. Скорее, это следствие либо ограбления, либо каких-то ритуальных действий.

Под нижней челюстью умершего была обнаружена бусина, еще одна – в области шеи. Еще несколько бусин были обнаружены в заполнении кротовины, расположенной в западной части камеры. Также в кротовине были обнаружены свинцовое пряслице и фрагменты железного ножа. За черепом находилась длинная кость животного, скорее всего, занесенная сюда землеройми.

Бусины – стеклянные, двух типов:

- уплощенные, ромбические, с отверстием, проходящим по длинной диагонали; 3 шт. зеленого, синего и желто-золотистого цвета; 2,0 х 1,0 см, 2,5 х 1,4 см, 2,8 х 1,1 см (рис.13,4-6);

маленькие шаровидные, 2 шт. синего цвета и 1 шт. – зеленого; диаметр – около 0,6 см (Рис.13,7-9).

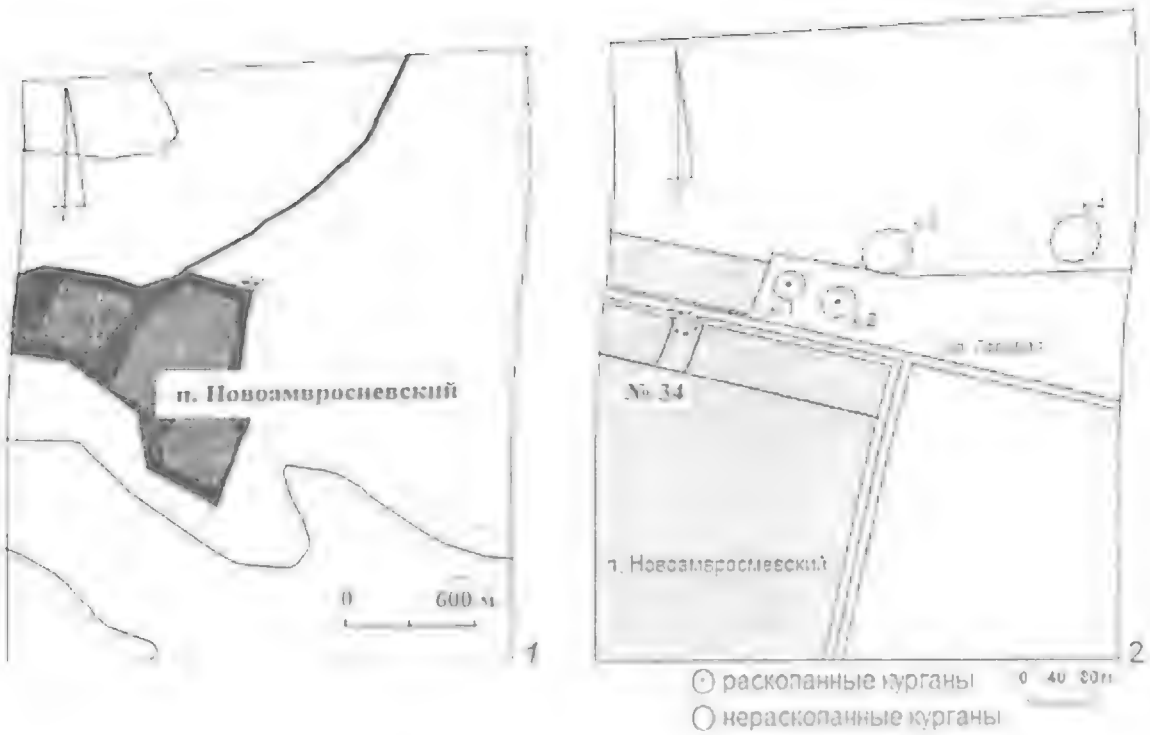
Пряслице – свинцовое, полусферической формы; 2,0 х 1,0 см (Рис.13,3).

Нож – железный, однолезвийный, с перегибом на спинке, короткими лезвием и черенком, соединявшимся с рукоятью при помощи 2-х заклепок. Общая длина – 8,3 см, длина лезвия – 5,5 см (рис.13,2).

Погребение 2 (срубное) – впускное, в 1,25 м под углом 230° на уровне 0,95 м от Р. Разрушено при снятии насыпи бульдозером. Сохранились фрагменты черепа и находившегося возле него сосуда Погребение детское (Рис.14,1).

Сосуд – сохранилась придонная часть; сосуд с небольшой закраиной у дна; Дна – 11,4 см (рис. 14,2).

Погребение 3 (срубное) – впускное в насыпь, в 1,2 м под углом 140° на уровне 0,78 м от Р. Контуры ямы не прослеживались. Умерший (ребенок) был положен скорченно на левом



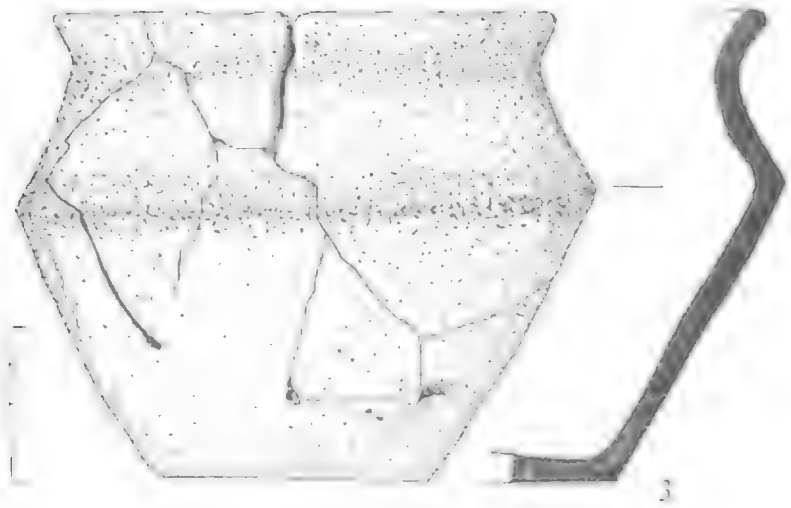


Рис. 8. 1 – схема расположения курганов возле п. Новоамвросиевский; 2 – план курганной группы; 3 – сосуд из разрушенного погребения в кургане 3.

Fig. 8. 1 – The situation plan of the barrows near town Novoamvrosievskiy; 2 – The plan of the group of the barrows; 3 – The vessel from barrow 3.

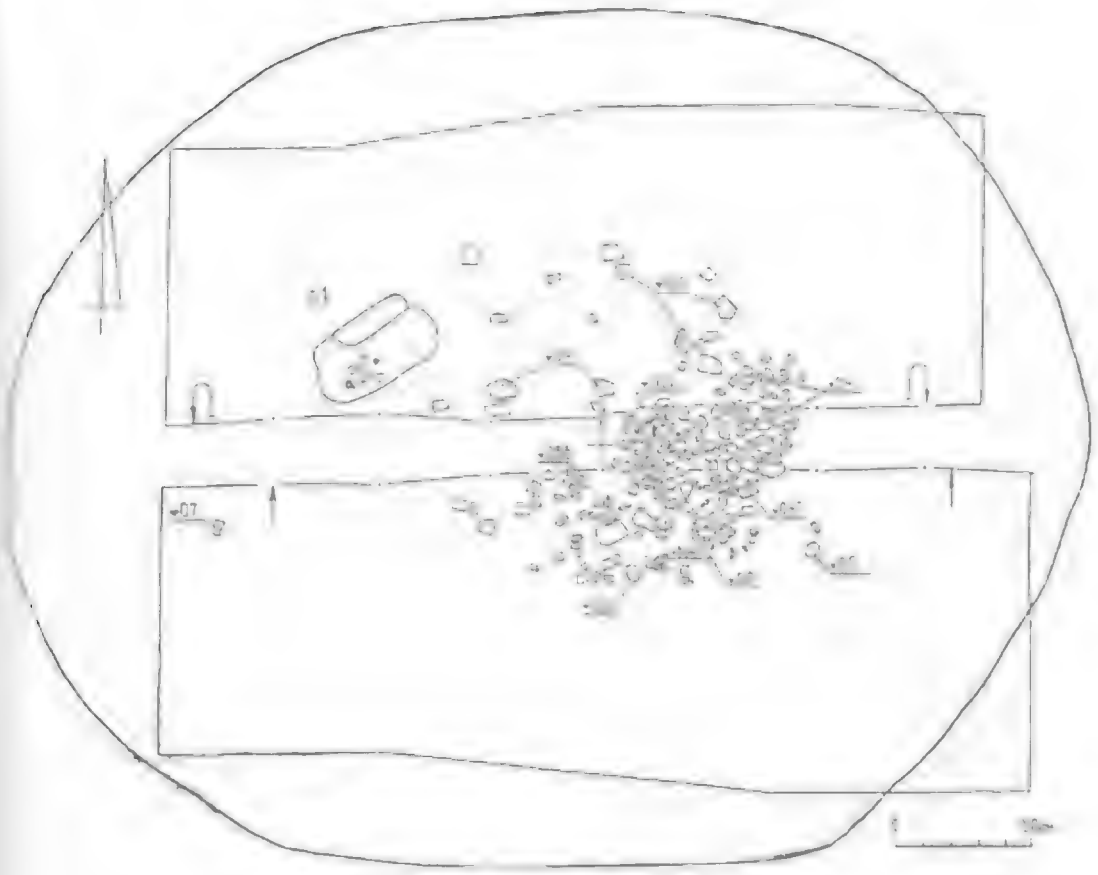


Рис. 9. Новоамвросиевский, курган 1: Общий план, верхний горизонт.

Fig. 9. Novoamvrosievskiy, barrow 1: General plan, upper level.

головой к В. Правая рука была согнута под прямым углом, кисть – у сосуда; левая рука – согнута под тупым углом, кисть – в районе "живота". Перед плечевой костью левой руки, на уровне груди находился сосуд (рис.14, 3).

Сосуд – низких пропорций, профилированный в верхней части; поверхность тщательно обработана, хотя в некоторых местах видны следы заглаживания, желто-серого цвета. Высота – 10,2 см, Дв – 13,9 см, Дд – 9,4 см (рис.14,4).

Сверху, над погребением 3 находилось два слоя небольших камней (плиточный или аморфный песчаник) на уровне 0,22-0,5 м от Р, которые, вероятно, являлись частью сложного перекрытия или досыпки.

Погребение 4 (срубное) – впускное в насыпь, в 2,5 м под углом 204° на уровне 1,54 м от Р. Контуры ямы не прослеживались. Умерший (взрослый) был положен скорченно на левом боку, головой к В (65°). Позвоночник изогнут дугообразно. Правая рука согнута под прямым углом, кисть, согнутая к ногам, находилась рядом с сосудом; левая рука полностью согнута в локтевом суставе, кисть находилась на плече перед "лицом". Ноги согнуты в тазобедренном суставе почти под прямым углом, в коленном – под острым (60°). Перед кистью правой руки и локтем левой находился сосуд (рис.14,5).

Сосуд – сильно раскрошившийся (плохой обжиг?) и поэтому сильно фрагментированный. Реконструируется как горшковидный сосуд, профилированный в верхней трети, без выделенного венчика, с прямой шейкой и выраженными плечиками. Поверхность тщательно обработана, внешняя – со следами расчесов, желтого цвета с темными пятнами; внутренняя – темно-серого цвета. Высота – около 21-22 см, Дв – 21,3 см, Д макс. – 23,5 см (рис.14, 6).

Погребение 5 (срубное) – впускное в насыпи, в 5 м под углом 162° на уровне 1,62 м

от Р. Контуры ямы не прослеживались. Скелет ребенка – плохой сохранности. Был положен скорченно, на левом боку, "головой" к СВВ (70°). Предположительно, правая рука была согнута под прямым углом, левая – вытянута к коленям; ноги же в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, в коленном – под острым. Безинвентарное. (рис.15, 1).

Погребение 6 (срубное) – впускное до уровня предматерика, в 4,0 м под углом 188° на уровне 1,67 м от Р. Прослежена СВ часть ямы, судя по которой, яма имела подпрямоугольную форму, углы были скруглены, ширина ямы – 0,48 см, длинными сторонами ориентирована по оси СВ-ЮЗ (65°-245°). От скелета ребенка (до 5 лет) сохранились только кости черепа и позвонки, судя по которым, умерший был положен на левом боку головой к СВ. За спиной находился небольшой сосуд, верхняя часть которого была срезана бульдозером, в районе груди – овечий астрагал, стоящий на ребре (рис.15, 2).

Сосуд – сохранилась нижняя часть; переход ко дну скруглен, поверхность тщательно обработана и заглажена; коричневого цвета, с темными пятнами. Длина – 5,9 см (рис.15, 3).

Погребение 7 (раннего железного века?) – впускное до уровня материка, в 1,5 м под углом 198° на уровне 1,77 м от Р. Яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, 0,83-0,97 х 1,74 м, длинными сторонами ориентирована по оси ЮЗ-СВ. СВ часть погребения полностью разрушена норами животных. По сохранившимся костям восстанавливается, что умерший был положен вытянуто на левом боку головой к СВ. Руки: правая была согнута под прямым углом, левая – вытянута. Ноги были слегка согнуты в коленном суставе. Безинвентарное (рис.15,4).

Погребение 8 (культуры многоваликовой керамики) – основное, в 3,0 м под углом 123° на уровне 1,78 м от Р. Совершено в яме подпрямоугольной формы со скругленными углами и слегка наклонными стенками. Размеры – 1,57 х 1,0 х 0,7 м. Заполнение в основном черноземное. В нем, над скелетом и рядом с ним, встречались угольки. С западной стороны к яме примыкал нишеподобный выступ 0,5 х 0,3 м, дно которого на 0,1 м выше дна ямы. В заполнении этого выступа встречался костный (?) тлен. Сверху погребение было перекрыто 5-ю слоями камней (рис.12, 2). При этом, 1-й и 3-5-е слои были сложены из довольно массивных плит (размерами до 0,8 х 0,5 х 0,2 м), из которых два нижних слоя значительно выходили за пределы ямы, а 2-й слой был сложен из крупной известняковой гальки.

На дне – скелет взрослого, положенный скорченно на левом боку "головой" к ЗСЗ (290°). Левая рука была вытянута к ногам, ее согнутая кисть находилась под бедренной костью правой ноги; правая рука была согнута в локте и в запястье перекрывалась левой рукой, кисть не сохранилась. Ноги в обоих суставах были согнуты под острым углом (соответственно около 70° и 30°). В 10 см от плечевой кости левой руки зафиксированы остатки какого-то обугленного предмета: вогнутого (может быть, за счет комка грунта), толщиной до 0,5 мм (рис.12, 2).

По данным стратиграфии устанавливается следующая последовательность совершения погребений и сооружения насыпей (рис.9-11). Погребение 8 было перекрыто черноземной насыпью 1. При этом, само погребение оказалось смещенным относительно центра насыпи к западу. По периметру насыпи был сооружен кромлех из крупных плит и кусков песчаника. Сверху, над погребением, насыпь была покрыта одним слоем небольших камней (в основном это куски и галька песчаника, реже – известняка). При расчистке, как в насыпи, так и среди камней кромлеха встречались угольки и единичные небольшие КЖ. В срубное время погребения совершались как внутри круга, образованного кромлехом (погребения 2-4 и 6; при этом, погребение 6 оказалось перекрытым камнями кромлеха), так и за его пределами (погребение 5). Последний случай позволяет предположить, что в это время первоначальный курган был перекрыт новой насыпью (хотя это могла быть и только локальная досыпка, сооруженная с южной стороны). Затем, уже в сарматское время, рядом с существующим курганом было совершено погребение 1, над которым была сооружена насыпь, перекрывшая и курган.

КУРГАН 2

Курган имел насыпь в плане овальной формы высотой 0,35 м и размерами 11,2 х 14 м. В центральной части он был сильно разрушен хозяйственной деятельностью и превращен в свалку. Курган исследовался двумя траншеями с оставлением центральной бровки (ее ось со-

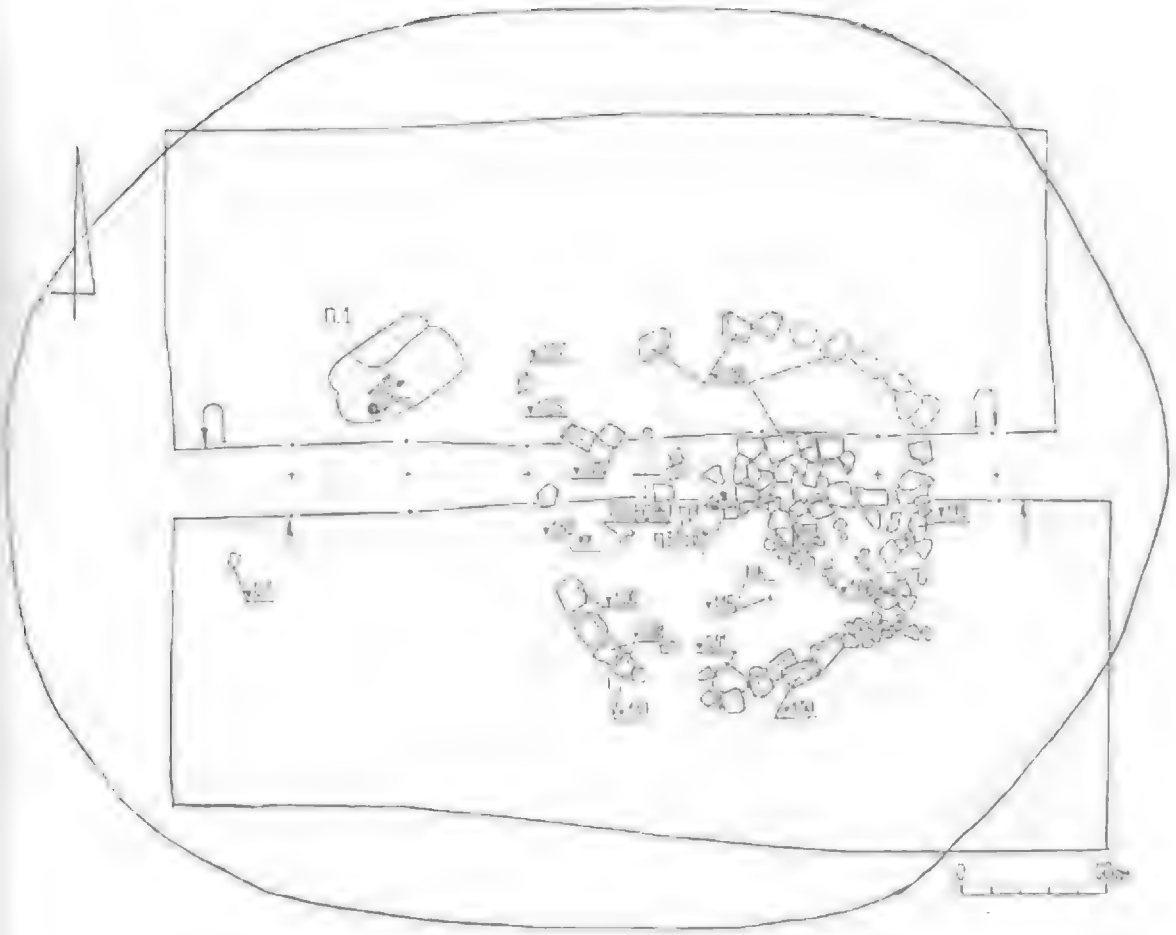


Рис. 10. Новоамвросиевский, курган 1: Общий план, средний горизонт.

Fig. 10. Novoamvrosievskiy, barrow 1: General plan, middle level.

дена на 25° относительно линии З-В) при помощи бульдозера ДТ-75 (рис.16).

По северной стороне Центр. бровки прослеживались следующие слои (рис.17,1):

- материковый суглинок с уровня 1,33 м от Р;

- в восточной части бровки на уровне 0,6-0,7 м от Р, зафиксированы крупные камни (плитчатый песчаник), первоначально лежащие, по всей видимости, на уровне погребенной почвы (в таком случае, ее мощность – около 0,5 м). Камни же в плане образовывали неровный полукруг, окружавший погребение 1 с южной стороны, и были уложены на ДГ полосой, шириной около 1,1-1,4 м. На уровне же ДГ (0,6 м от Р) в 2,8 м под углом 308° от Р найден фрагмент верхней части лепного сосуда (рис.17, 3). Это мог быть фрагмент сосуда баночного типа или фрагмент узкой горловины сосуда иного типа. На внешней поверхности – мелкие следы заглаживания, срез венчика неровный. Дв – 10,0 см.

- насыпь, совпадающая с современной. В насыпи обнаружены 3 кремневых изделия эпохи неолита (?): нож на удлиненном реберчато-пластинчатом сколе, отщеп, использовавшийся как зубчато-выемчатое орудие с противолежащей ретушью, отщеп с окремненной гальки. Изделия попали в насыпь, скорее всего, при выборке грунта, содержащего остатки культурного слоя.

В кургане обнаружено 1 погребение сарматского периода.

Погребение 1 – в 2,0 м под углом 15° от Р. Совершено в катакомбе. Входная яма – подпрямоугольной формы, с сильно скругленными углами, 2,22 х 0,6-0,8 м; дно – на уровне 2,44 м от Р (около 1,84 м от уровня впуска); длинными сторонами ориентирована по линии СВ-ЮЗ.

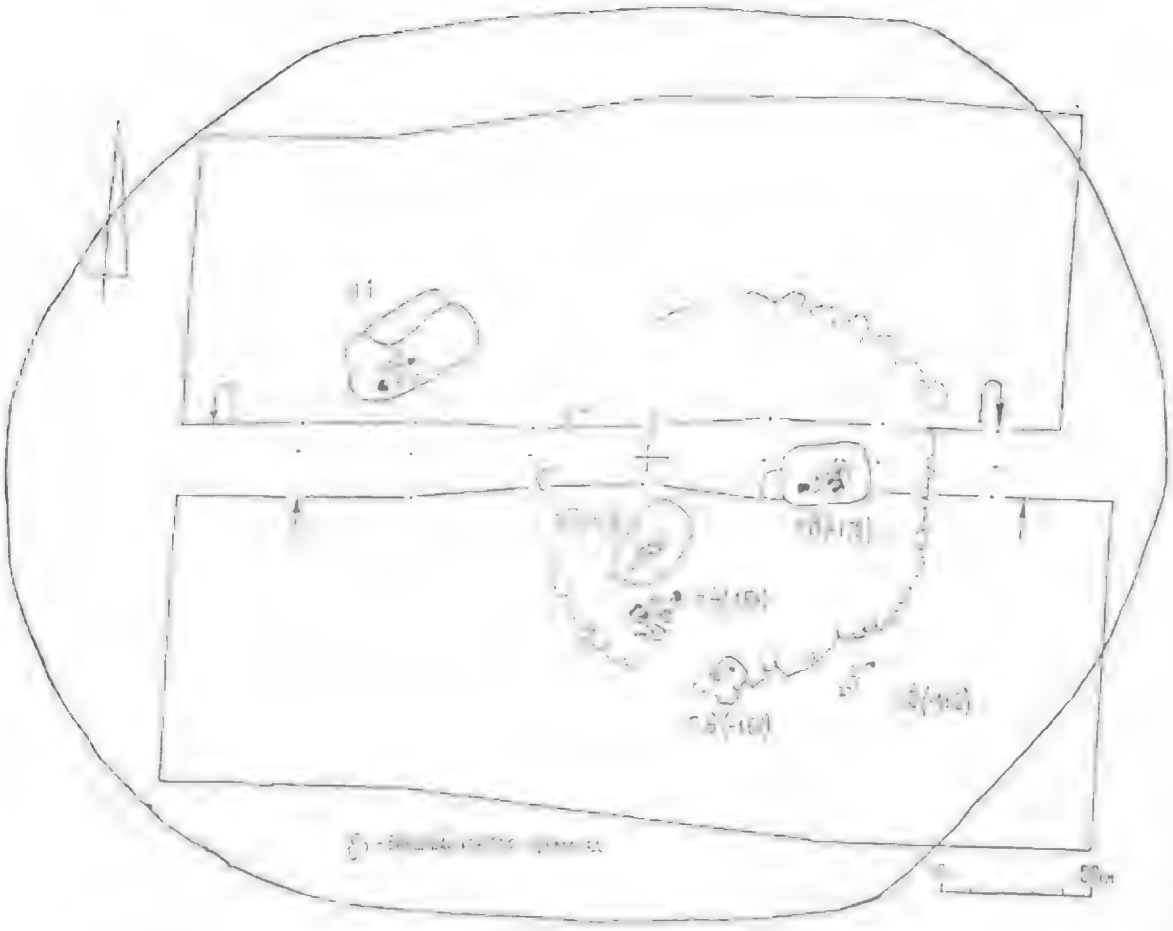


Рис. 11. Новоамвросиевский, курган 1: Общий план, нижний горизонт.

Fig. 11. Novoamvrosievskiy, barrow 1: General plan, low level.

Входная яма была полностью забита крупными камнями – песчаник (реже – известняк) плиточный и кусковой (рис.17, 2; 18, 2). Вход в камеру также был заложен камнями (рис.18, 2). При этом, часть камней заклада стояли на длинной плите, наполовину лежащей на дне входной ямы и расклиненной камнями, стоящими под противоположной стенкой. В СВ части входной ямы камней почти не было, здесь же отсутствовали и камни заклада. Это, вероятно, связано со вторичным проникновением в могилу (ограблением?). Среди камней заклада встречались кости животных, в частности, кости ноги овцы (рис.17, 2), а также были найдены 2 человеческих зуба. Камера находилась с СЗ стороны от входной ямы, в параллельном сочленении с ней. Камера – подовальной формы; 2,4 х 1.05 м; дно неровное, на 0,15 м ниже дна входной ямы (2.59 м от Р); свод – наклонный от устья к дальнему углу камеры (рис.18, 1-2).

Погребение нарушено (ограблено?). Сохранились только кости ног и лучевые кости рук. По ним восстанавливается, что умерший был положен вытянуто на спине головой к СВ (52°). Руки были вытянуты вдоль туловища. Под костями, на дне камеры, сохранился тлен от подстилки коричневого цвета. Возле лучевых костей левой руки была обнаружена железная пряжка, а возле левой бедренной кости – железный нож.

Пряжка – железная, в виде кольца, с язычком, округлая в сечении. Внешний диаметр – 3,8 см (рис.18, 3).

Нож – железный, однолезвийный, прямой, лезвие подтреугольное в сечении, черенок короткий. Общая длина – 14,7 см, длина лезвия – 11,4 см. Сохранились остатки деревянной рукояти и ножен (рис.18, 4).

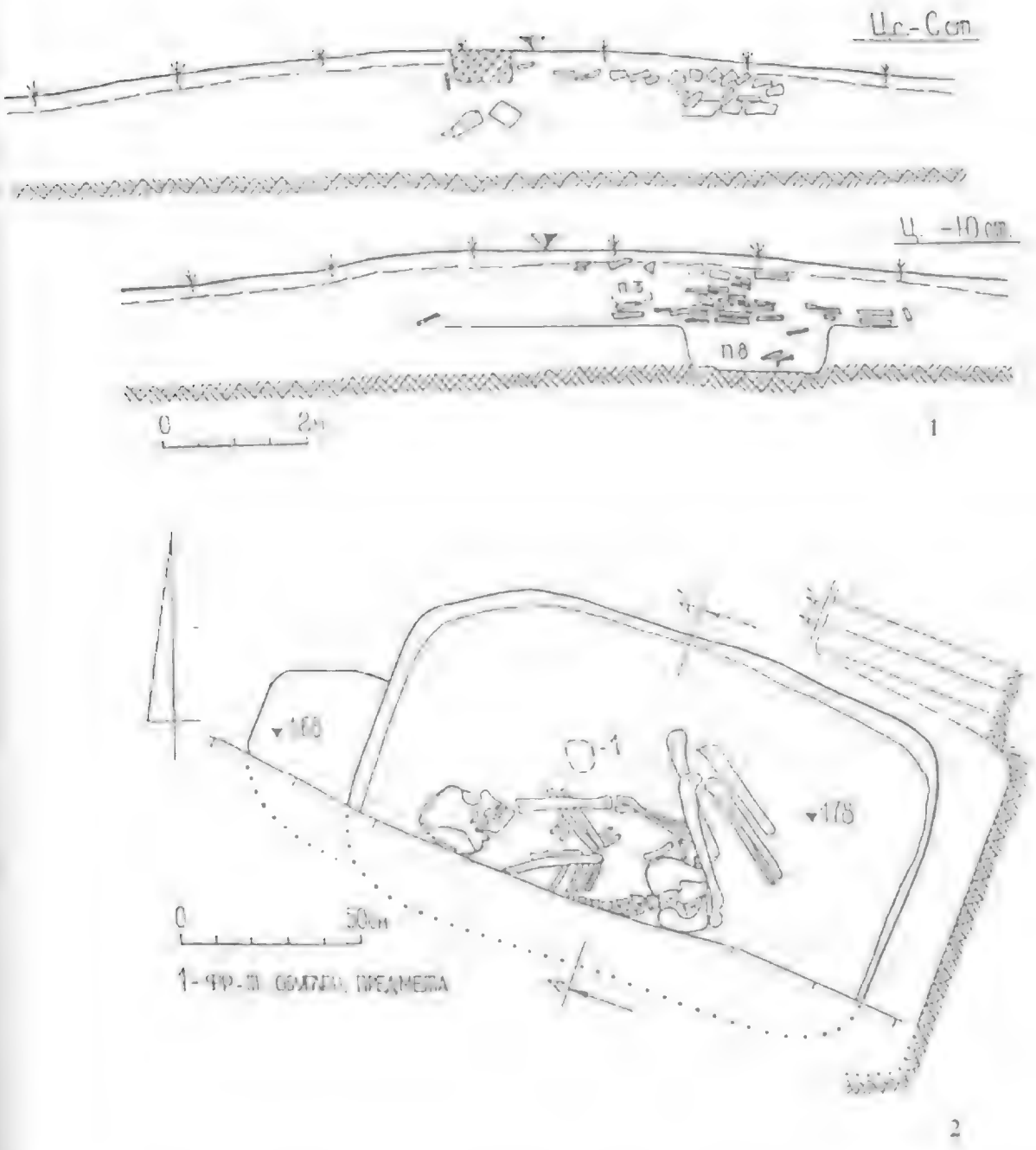


Рис. 12. Новоамвросиевский, курган 1: 1 – стратиграфические разрезы; 2 – погребение 8 (1 – фр-т обугленного предмета).

Fig. 12. Novoamvrosievskiy, barrow 1: 1 – stratigraphy; 2 – burial 8.

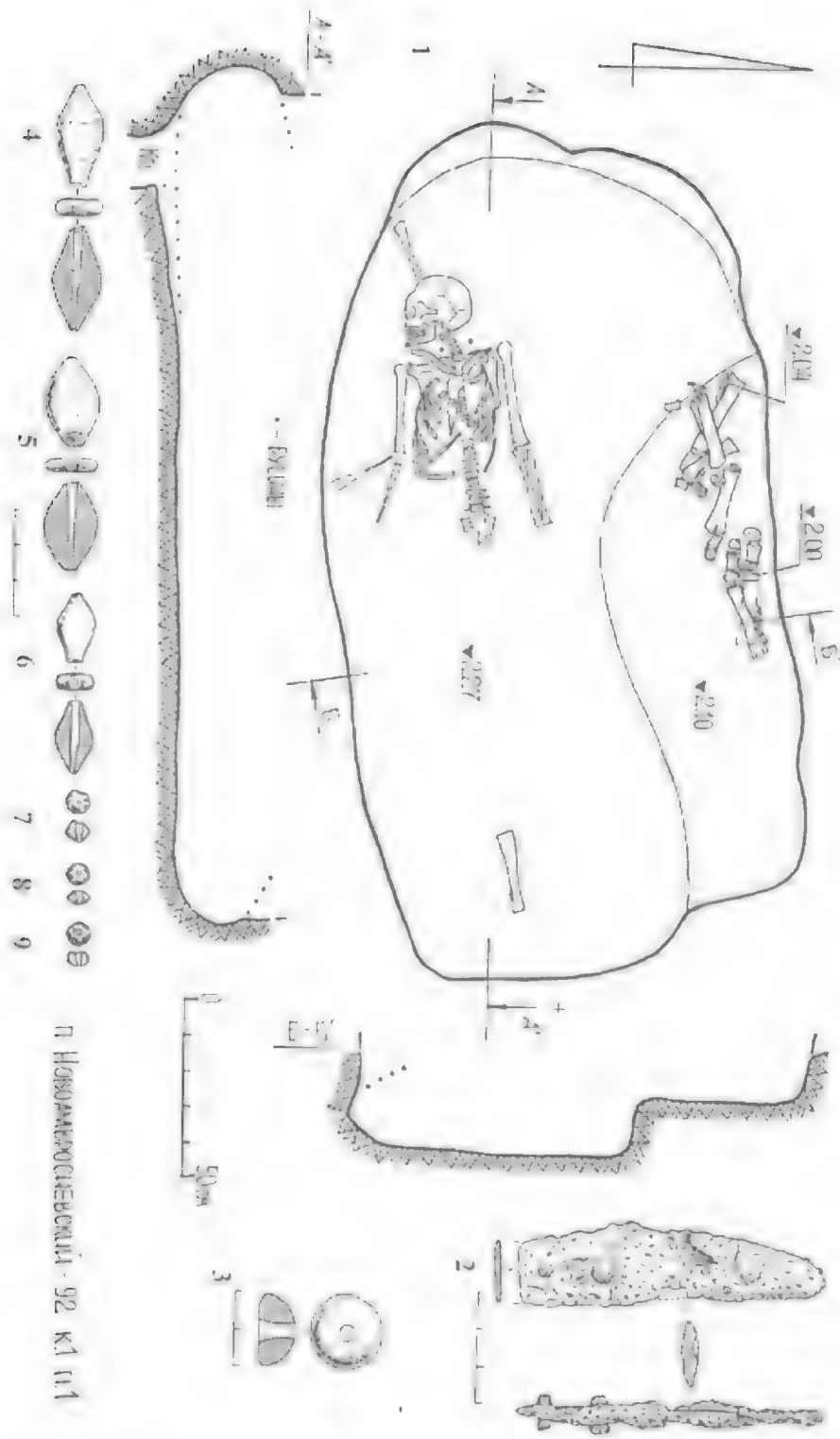


Рис. 13. Новоамвросиевский, курган 1, погребение 1: 1 – общий план и разрезы; 2 – железный нож; 3 – пряслице; 4 - 9 – стеклянные бусы.

Fig. 13. Novoamvrosievskiy, barrow 1: burial 1.

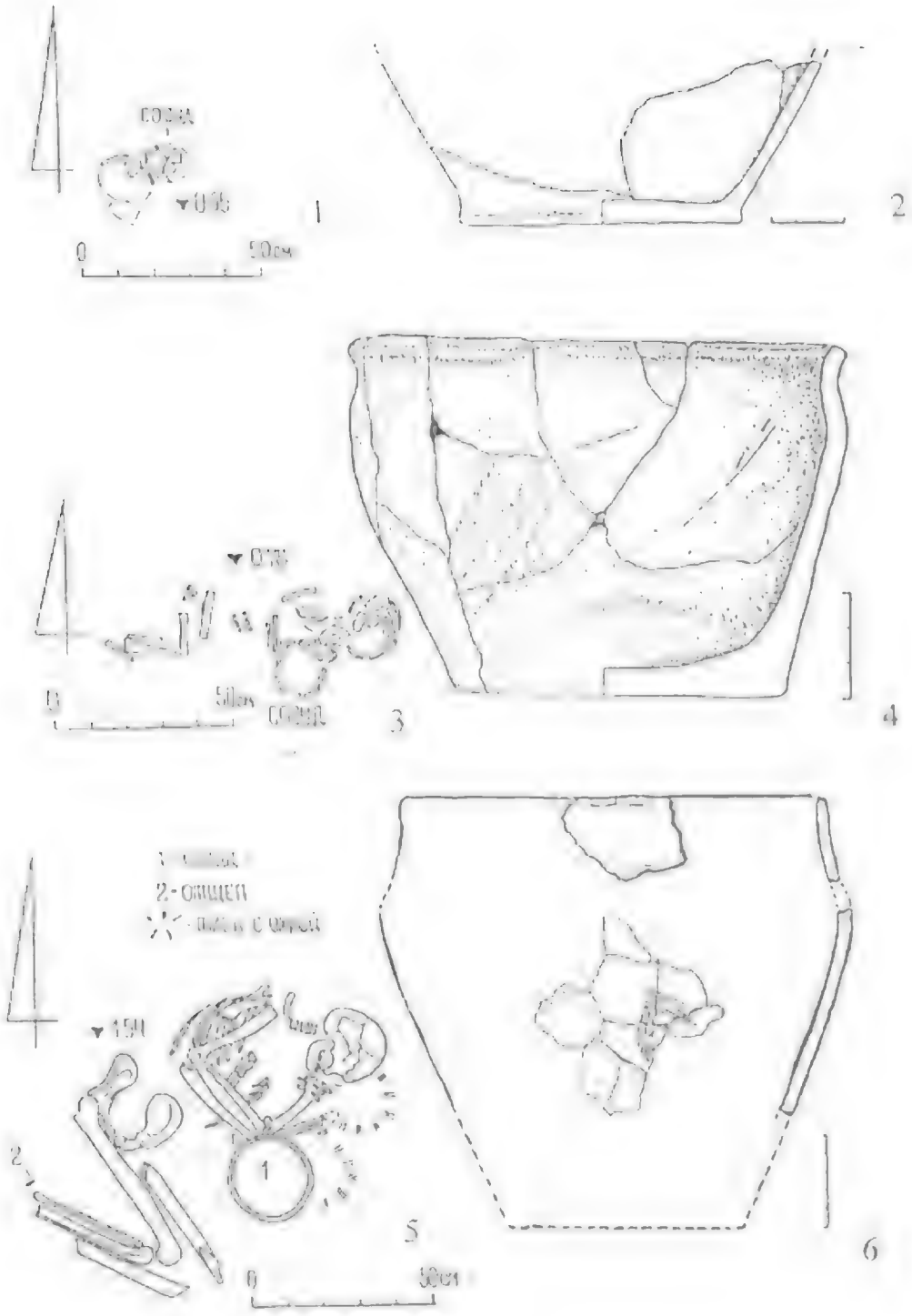


Рис. 14. Новоамвросиевский, курган 1: 1 - 2 – погребение 2; 3 - 4 – погребение 3; 5 - 6 – погребение 4.

Fig. 14. Novoamvrosievskiy, barrow 1: 1 - 2 – burial 2; 3 - 4 – burial 3; 5 - 6 – burial 4.

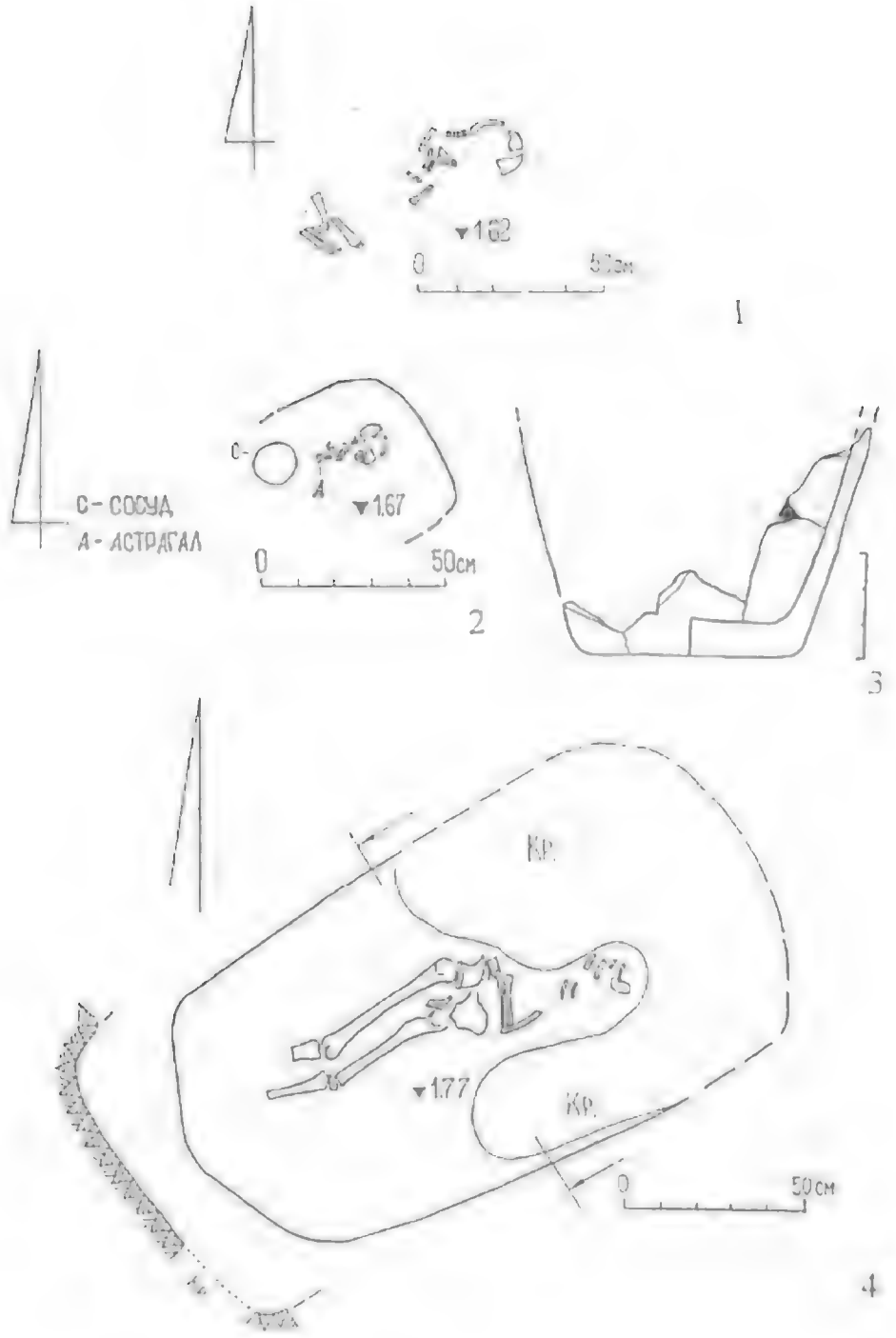


Рис. 15. Новоамвросиевский, курган 1: 1 – погребение 5; 2 - 3 – погребение 6; 4 – погребение 7.

Fig. 15. Novoamvrosievskiy, barrow 1: 1 – burial 5; 2 - 3 – burial 6; 4 – burial 7.

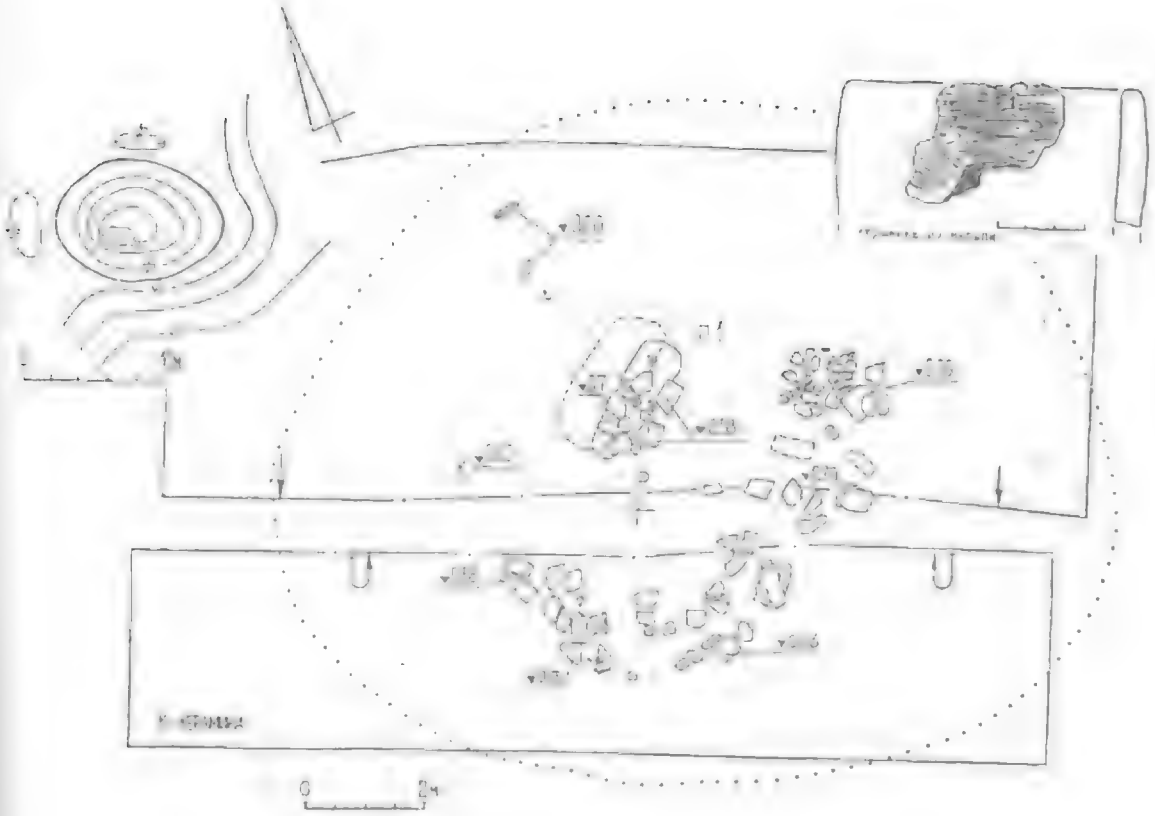


Рис. 16. Новоамвросиевский, курган 2: Общий план и находка в насыпи.

Fig. 16. Novoamvrosievskiy, barrow 2: General plan and the artifact from embankment.

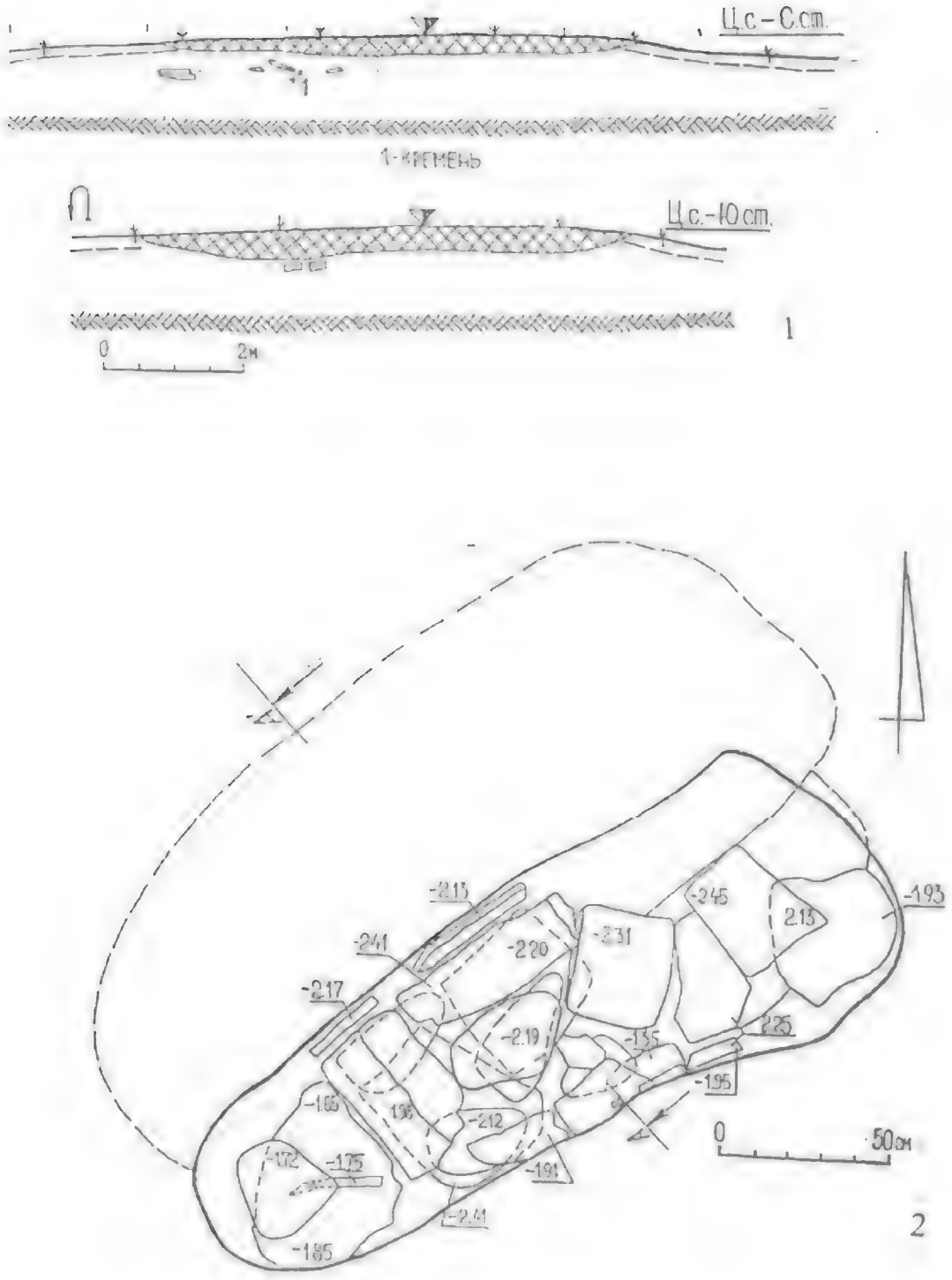


Рис. 17. Новоамвросиевский, курган 2: 1 – стратиграфические разрезы; 2 – план верхнего уровня погребения 1.

Fig. 17. Novoamvrosievskiy, barrow 2: 1 – stratigraphy; 2 – burial 1 (upper level).

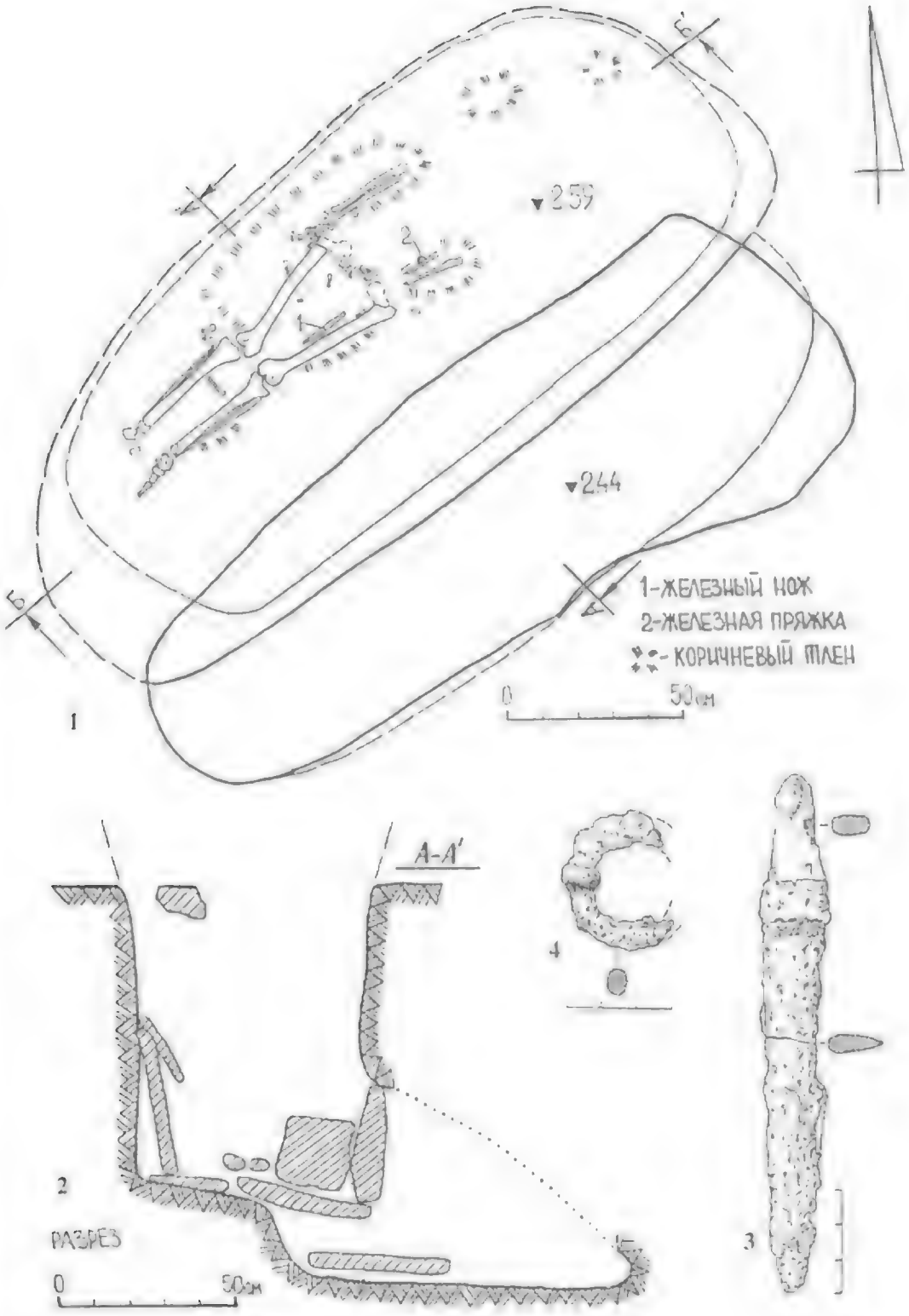


Рис. 18. Новоамвросиевский, курган 2, погребение 1: 1 – план нижнего уровня; 2 – разрез; 3 – железный нож; 4 – железная пряжка.

Fig. 18. Novoamvrosievskiy, barrow 2, burial 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Давыдов В.Д.** Голубое ожерелье Донбасса. Донецк, 1980.

2. **Зарайская Н.П.** Погребение раннего железного века на р. Крынке // ДАС. 1992. № 1. с.89-98.

3. **Зарайская Н.П., Косиков В.А.** Курганы у поселка Гусельск // Археологический вестник. Запорожье, 1992. № 3. с.16-17.

4. **Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И.** Курганные древности Центрального Донбасса. Донецк, 1994.

5. **Косіков В.А., Кравець Д.П.** Розкопки курганів на терені Донеччини // Археологічні дослідження на Україні - 1992. К., 1993.

6. **Кравец Д.П.** Скифское святилище на Крынке? // ДАС. 1993. Вып.3. с.160-164.

7. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. с.4-23.

8. **Литвиненко Р.А., Косиков В.А.** Курганы срубной культуры у с. Терновое // ДАС. 1994. Вып.5. с.114-124.

9. **Миллер М.А.** Дон и Приазовье в древности. Часть I. Первобытный период (Каменный и Бронзовый века) // Исследования и материалы. Серия II. № 67. Мюнхен, 1958.

10. **Моруженко А.А.** Раскопки в Донецкой области // АО 1979 года. М., 1980. с.311.

11. **Моруженко А.А.** Исследования на территории Донецкой области // АО 1984 года. М., 1986. с.276-277.

12. **Моруженко А.А.** Скифские памятники Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД семинара. Донецк, 1989. с.44-47.

13. **Моруженко А.А.** Сарматские памятники Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД семинара. Донецк, 1989а. с.47-50.

14. **Моруженко А.А.** Скіфський курган Передерієва Могила // Археологія. 1992. № 4. с.67-75.

15. **Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.** Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994.

16. **Полидович Ю.Б.** Раскопки курганов в Амвросиевском районе Донецкой области // Археологічні дослідження на Україні - 1992. К., 1993. с.114-115.

17. **Полідович Ю.Б., Муханова В.О.** Нова знахідка скіфської статуї у Донбасі // Летопись Донбасса. Вып.IV-V. Ч.I. Донецк, 1997. с.22-26.

18. **Посредников В.А., Кравец Д.П.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса // ДАС. 1992. Вып.1. с.47-56.

19. **Посредников В.А., Кравец Д.П., Ткачев Н.И.** Из дневников раскопок курганов у с. Великое Орехово (Донецкий кряж, срубное и позднеполовецкое время) // ДАС. 1994. Вып.5. с.141-168.

20. **Санжаров С.Н.** Раскопки курганов в Донбассе // АО за 1984 год. М., 1986. с.305-306.

21. **Санжаров С.Н.** Работы Донецкого университета // АО за 1986 год. М., 1988 с.332-334.

22. **Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В.** Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003. с.122-161.

23. **Симоненко В.Д.** Фізико-географічне районування Донбассу для цілей сільського господарства. Донецьк, 1972.

24. **Слюсарев А.А.** Природа Донбасса. Донецк, 1983.

25. **Шепко Л.Г.** Сарматское погребение с римским импортом в Приазовье // Археология и краеведение – школе. ТД. Донецк, 1985. с.33-34.

26. **Шепко Л.Г.** Женское погребение с гонором в Донбассе // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997. с.35.

27. **Шрамко Б.А.** Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.

Археологический альманах №14, Донецк 2003. С. 203-232.

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА ЗАПОРОЖЕЦ (БАССЕЙН КАЛЬМИУСА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Литвиненко Р.А., Зарайская Н.И.

This paper is devoted to the publication of a barrow was excavated by an expedition of Donetsk State University in 1979 in the North-Eastern Azov region. In a barrow, 22 Bronze Age burials and one burial of the medieval period were investigated. The barrow's embankment had a complex architecture. The most ancient were burials 18, 19, 22 and, probably, burial 16. Three or four primary embankments were built above them, in a chain along a northeast-southwest line. All these burials go back to an early stage of the Babino culture. Two of them (No 19, 22) have attributes of the men's ceremonial group. In burial 19, destroyed by later burial 19a, fragments of rare bronze ornaments were preserved: a short tubule curtailed from a plate and a spring from a rod. Such jewellery is found in late corded-ware (or post corded-ware) pottery cultures of Europe (period A_1-A_2 on Reineke), such as Stzhizhov, Gorodok-Zdolbitsa, Pochapsky types and monuments at the end of the Middle Bronze Age of the Northeast Caucasus (Ginchi culture). These data, alongside other types of data, can be used for the construction of a relative chronology sequence. In burial 16, a four-year-old girl was buried. On her wrists, she had bracelets consisting of faience beads of the various forms. The most interesting of them are beads with two knobs ("horns") which are characteristic for the early chronological horizon of the Babino culture. Such artifacts are known in burials of the late period Catacomb cultures, post-catacomb cultures of the Steppe before Caucasus and so-called cultures of "fighting chariots" in the Volga-Ural region (Sintashta, Pokrovsk type), that can attest to their partial synchronism. Burial 18 represents a rare type: a repeated (secondary) burial place or so-called excarnation (decarnation); the human bones have been stacked in a hole. In burial 19a, dated to the late period of the Babino culture, a round bone pendant, usually termed "belt-buckle", has been found. The following phase of cemetery function is attributed to the population of Timber-grave cultures. Their tombs were dug out from a surface of earlier embankments and placed as parallel chains. The funeral goods typically included clay vessels, more rarely objects of flint and bone, and faience beads. The most recent is burial 2, dated to the Middle Ages (10th-11th century) and can be identified as monuments of late nomads.

В 1979 г. новостроечная экспедиция Донецкого госуниверситета исследовала несколько курганов в окрестностях с. Запорожец Тельмановского р-на Донецкой обл. (рис. 1). Материалы двух из них, составлявших северную группу, опубликованы ранее [Литвиненко, Посников, Гриб, 1992]. Третий курган, получивший в отчетной документации № 1, находился в 0,9 км к В от села и отстоял от северной курганной пары на расстоянии около 1,2 км. Он располагался на возвышенности водораздела, ограниченного с В и ЮЗ верховьями балок Бирючья и Малая Харцызская, впадающих справа в балку Харцызскую (правый приток р. Грузской Еланчик) (рис. 2).

1. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Насыпь кургана 1[1], до момента исследования интенсивно распахивалась, имела в плане форму овала, вытянутого по линии ЮЗЗ-

[1] Руководство работами на кургане, фиксацию и ведение полевой документации осуществляла Н.И. Зарайская.

Рис. 1. Карта курганных могильников.

Fig. 1. Map of barrow's cemetery.

Рис. 2. Локализация курганного могильника у с. Запорожец.

Fig. 2. Localization of cemetery Zaporozhets.

СВВ, размеры 67 × 50 м и высоту 1,5 м от уровня поля (рис. 3). На поверхности кургана, с некоторым смещением к В от центра, прослеживалась расплывшаяся и слабо заметная ложбина, отмечавшая место слияния отдельных насыпей. Курган раскапывался с помощью бульдозера методом параллельных траншей, ориентированных в широтном направлении, с оставлением бровок для фиксации стратиграфии насыпи. В кургане исследовано 23 погребения, из которых 22 относятся к эпохе бронзы, 1 – к эпохе средневековья.

Стратиграфия кургана

Из шести оставленных и зачищенных бровок информативными признаны только три: центральная, северная и южная. Шесть профилей этих бровок и были зачерчены. Чертежи северных профилей поданы в зеркальном отображении (рис. 5).

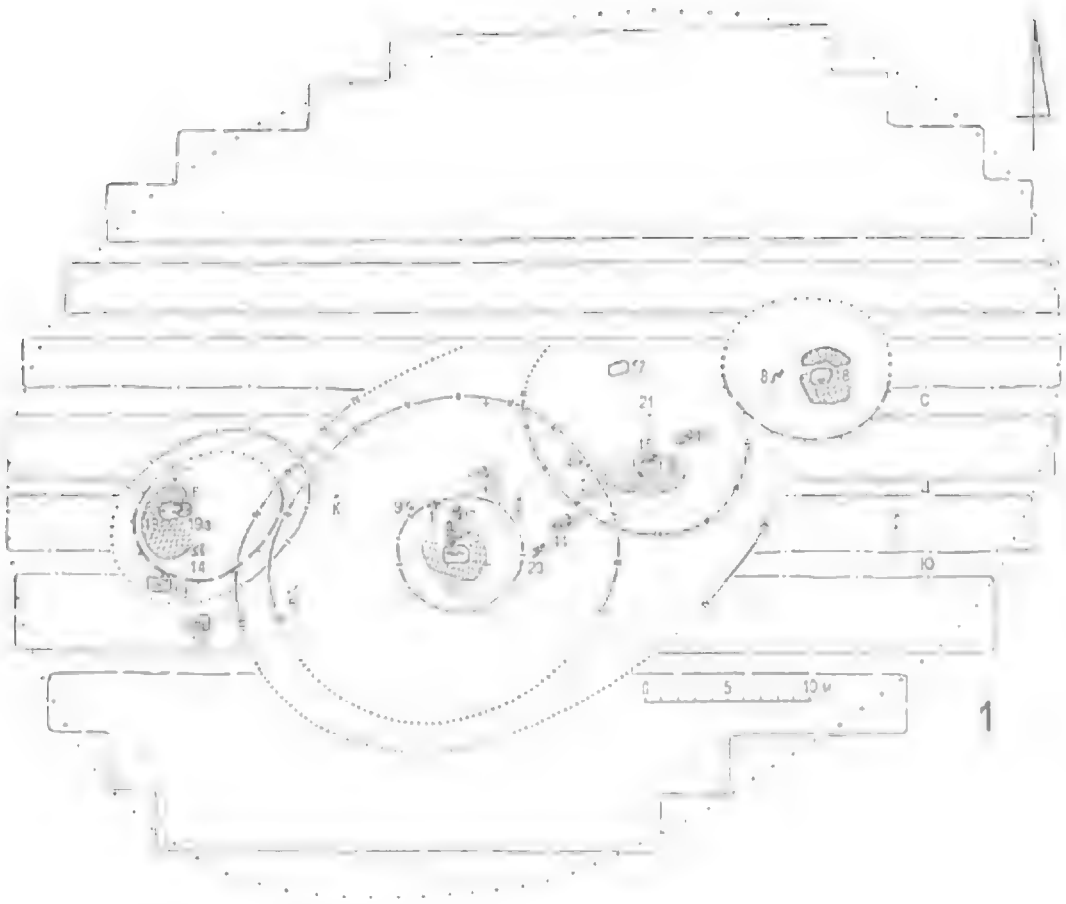
Северный профиль северной бровки: в восточной части прослежен участок погребенной почвы мощностью 0,4-0,5 м с видимой линией ДГ (древнего горизонта) длиной 7,5 м; здесь же на ДГ залегала линза материкового выкида длиной 2,8 м и мощностью около 0,15 м из основного погребения 18; короткий участок линии ДГ прослежен также ближе к центру профиля; на центральном и восточном участках профиля фиксировались западные склоны трех насыпей, предположительно идентифицированных как насыпи III, IV, V (?), поднимавшихся на высоту, соответственно, 0,75 м, 0,75 м и 0,95 м от ДГ.

Южный профиль северной бровки: в центральной и восточной частях профиля прослежены два участка погребенной почвы мощностью до 0,4 м и видимой линией ДГ длиной, соответственно, 2 м и 7,7 м; к западу от Р (репера) фиксируется западный склон IV насыпи (гумус), поднимающейся на высоту 1,2 от ДГ; к востоку от Р фиксировался западный склон насыпи III (покрыт меловой крошкой), поднимавшейся на высоту 1,1 м от уровня ДГ; далее к востоку выделалась наклонная гумусированная прослойка длиной 3 м и мощностью до 0,25 м, у подножия которой прослеживался разрез ямы погребения 21, глубиной 1,2 м от поверхности.

Северный профиль центральной бровки: прослеживались (с З на В) первичная насыпь (I) длиной 8,5 м и высотой 0,8 м от уровня ДГ, который под ней не фиксировался; на западном склоне этой насыпи стоял баночный сосуд (С); восточная пола первичной насыпи I сливалась и плавно переходила в западную полу насыпи II, поднимавшуюся на высоту не менее 1,3 м под пахотный слой; весь западный склон II насыпи и частично восточный склон I насыпи перекрывались полой IV насыпи, состоявшей из серо-желтого гумуса (мощность прослойки 0,27 м); в центре профиля фиксировалась погребенная почва мощностью до 0,5 м с видимой линией ДГ длиной 10 м на глубине 1,7 м от Р; в восточной части профиля восточная пола насыпи II сливалась с западной полой насыпи III (высотой около 0,7 м от уровня ДГ), поверхность которой была покрыта меловой крошкой и прослеживалась на длину около 10 м; на поверхности насыпи III залегала линза материкового выкида мощностью 0,1-0,2 м и длиной 5 м из погребения 15-16; в центральной части насыпь III прорезалась большой норой, в заполнении которой фиксировались мощные линзы материковой глины; в центре профиля под репером фиксировался разрез ямы погребения 2 длиной 1,7 м и глубиной 0,75 м от Р.

Южный профиль центральной бровки: в восточной и центральной частях прослежены два участка погребенной почвы мощностью, соответственно до 0,5 м и до 0,3 м, с видимой линией ДГ длиной, соответственно, 8,3 м и 13,1 м (центральный участок имеет несколько разрывов ДГ), залегавшего на уровне, соответственно, 1,4 м и 1,6 м; в восточной части профиля на ДГ залегала тонкая линза материкового выкида из основного погребения 19; в западной части профиля зафиксирована волнообразная поверхность насыпи III, покрытая меловой крошкой; центральная часть насыпи III прорезалась норой, фиксировавшейся в северном профиле бровки; эта же нора, понижаясь к югу, прослеживалась на дне 1-й южной траншеи; к западу от Р отмечены разрезы впускных погребений 1 и 9; на уровне ДГ и выше в бровке найдены фрагменты лепной керамики (К); в центре, под Р, фиксировались поздние перекопы, заполненные кирпичом, бетонными плитами и деревом, являвшиеся остатками триангуляционного знака, когда-то стоявшего на кургане.

Северный профиль южной бровки: в восточной и центральной частях прослежены два участка погребенной почвы мощностью до 0,5 м с видимой линией ДГ длиной, соответственно, 6,3 м и 13,1 м; в центральной части профиля прослежен разрез ямы основного погребения 22, материковый выкид из которой залегал на ДГ по обеим сторонам ямы



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- I – реконструируемые контуры насыпей
- IV – предполагаемые контуры насыпи
- – реконструируемые контуры ДГ
- – погребенная почва с линией ДГ
- – материк
- – материковый выкид в плане
- – материковый выкид в профиле
- – кострище
- А – астрагал(ы)
- Б – бусы
- К – керамика
- Кр – кремень
- С – сосуд
- × – местонахождение в насыпи
- – дерево
- – тлен подстилки

Рис. 3. Запорожец, курган 1: общий план.

Fig. 3. Zaporozhets, barrow 1: general plan.

двумя линзами мощностью 0,1 м и 0,18 м; это погребение перекрывалось первичной насыпью I, сложенной из чернозема с примесью меловой крошки, имевшей крутые склоны, высоту 1,1 м и диаметр 7,8 м; у восточного края этой насыпи прослежен разрез впускного погребения 20; на восточном участке на ДГ залегала линза материкового выкида мощностью до 0,1 м из основного погребения 19 и рядом фиксировался разрез впускного погребения 14; здесь же с высоты 0,5 м от ДГ фиксировался восточный склон насыпи I, плавно сливающийся у основания с западной полой насыпи II, прослеженной до высоты 0,7 м от ДГ; восточный склон насыпи II прослежен на высоту 0,4 м от ДГ в восточной части профиля и позволяет реконструировать длину разреза этой насыпи равную 22,5 м; восточный склон крайней насыпи I и насыпь II полностью перекрывались серо-желтым гумусом насыпи IV, мощность которой в западной части равнялась 0,15-0,35 м, а в восточной достигала не менее 0,75 м; на восточном и западном участках профиля прослежено перекрывание насыпи IV насыпью V, составляющей современное очертание кургана.

Южный профиль южной бровки: в восточной, центральной и западной частях прослеживались два участка погребенной почвы мощностью до 0,6 м и длиной, соответственно, 3,3 м, 13,4 м и 4 м; почти в центре на ДГ лежала тонкая линза материкового выкида (длина 1,4 м) из погребения 22; в восточной части с уровня 0,5 м от ДГ фиксировался восточный склон насыпи I, плавно переходящий у основания в западную полу насыпи II, прослеженную на высоту 0,9 м от ДГ; восточный склон насыпи II прослежен в восточной части профиля с высоты 0,55 м от ДГ, где он через ложбину шириной 2 м и глубиной 0,2 м переходит в новую линию ДГ; склоны насыпи II перекрывались серо-желтым гумусом насыпи IV, мощность которой в восточной части была не менее 1 м.

Современные очертания кургана связаны с последней общей досыпкой (или рядом локальных досыпок), которая в бровках обозначена цифрой V.

Находки в насыпи

В процессе снятия насыпи на различных участках кургана были обнаружены отдельные находки, представленные кремневым изделием (рис. 6, 2), баночным сосудом (рис. 6, 5) и фрагментами различных частей лепных керамических сосудов (рис. 6, 3, 4, 6). Стратиграфия центральной бровки (рис. 5) свидетельствует о том, что керамические находки залегали или на подкурганной площадке (уровень ДГ), или на склонах различных насыпей, а потому могут быть связаны с ритуальными действиями, обычно объединяемыми понятием «тризна».

Описание погребений

Погребение 1 (рис. 7, 1) – находилось под углом 255° на расстоянии 3 м от Р (репера) и глубине 0,95 м от Р (0,9 м от П – поверхности). Над костяком зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Скелет умершего лежал скорченно на левом боку с завалом на спину, был ориентирован черепом к В. Перед грудью стоял остроребериый сосуд низких пропорций с выделенным невысоким поддоном. Размеры сосуда[2]: Дв – 15,5 см; Дт – 18,5 см; Дд – 9,5 см; В – 10 см (рис. 7, 2).

Погребение 2 (рис. 8, 1) – находилось в центре. Контуры погребальной ямы в плане не прослеживались, но по северному профилю центральной бровки можно восстановить приблизительную ее ширину – 1,2 м и глубину ее от П – 0,75 м. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине черепом на СЗ. Левая рука протянута вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте и положена кистью на таз. К северу, то есть слева от умершего, на том же уровне находились остатки чучела коня, также ориентированного головой на СЗ: череп с железными односоставными удилами в зубах (рис. 8, 3) и отчлененные на уровне скакательных суставов кости ног с копытами, имитирующие анатомический порядок, хотя и несколько нарушенный. Под плечевой костью человека найден железный однолезвийный нож длиной 10 см и шириной клинка 1,5 см (рис. 8, 2).

Погребение 3 (рис. 9, 2) – обнаружено под углом 215° на расстоянии 3,2 м и на глубине 0,85 м от Р (0,8 м от П). Первоначальное положение разрушенного костяка не восстанавливается: сохранились беспорядочно лежащие трубчатые кости и фаланги пальцев, а также фрагмент венчика лепного сосуда баночного типа (рис. 9, 3).

---

[2] При описании керамической посуды приняты следующие сокращения: Дв – диаметр венчика; Дт – наибольший диаметр тулова; Дд – диаметр дна; В – высота.

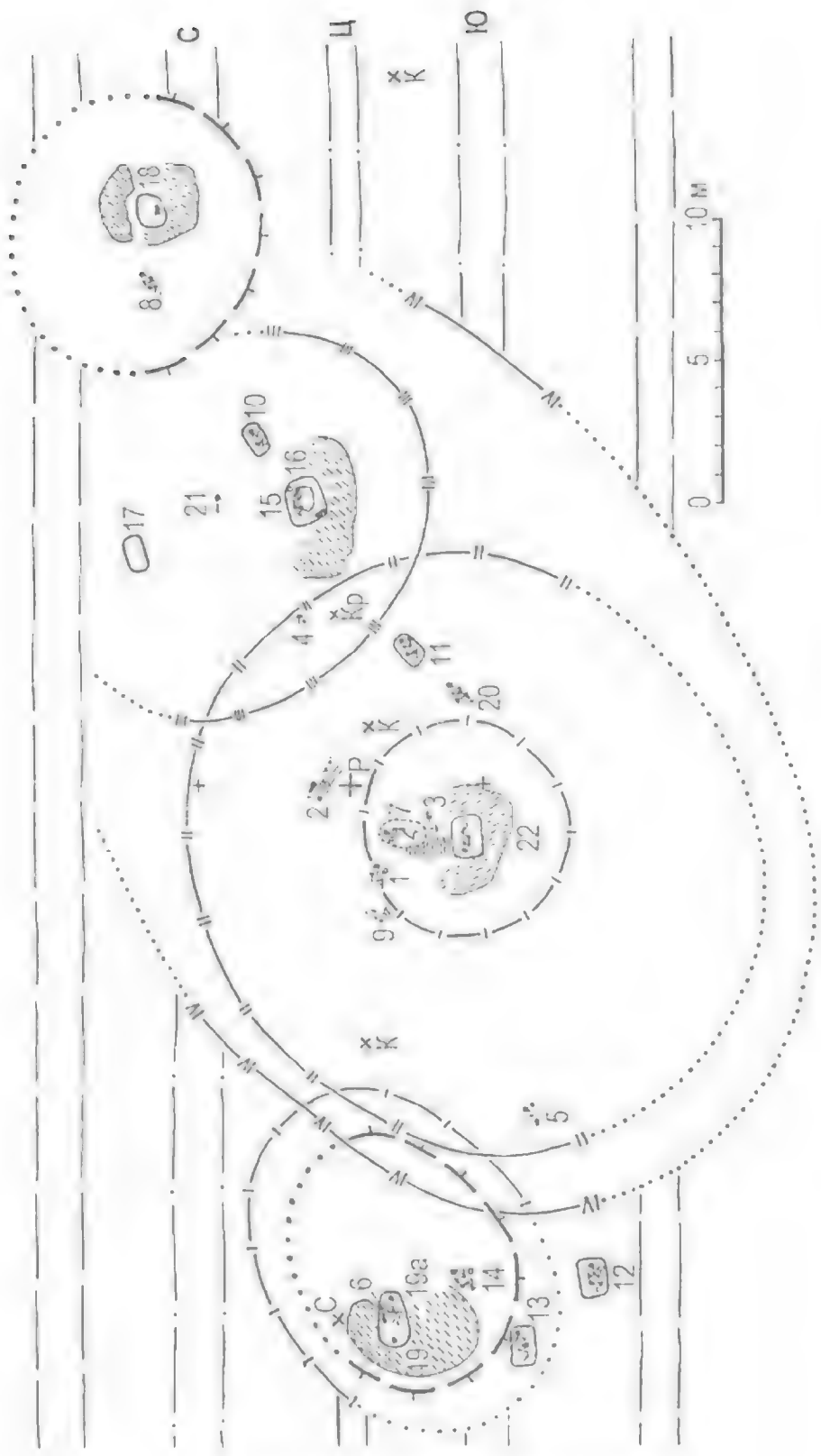


Рис. 4. Запорожец, курган 1: общий план.

Fig. 4. Zaporozhets, barrow 1: general plan.

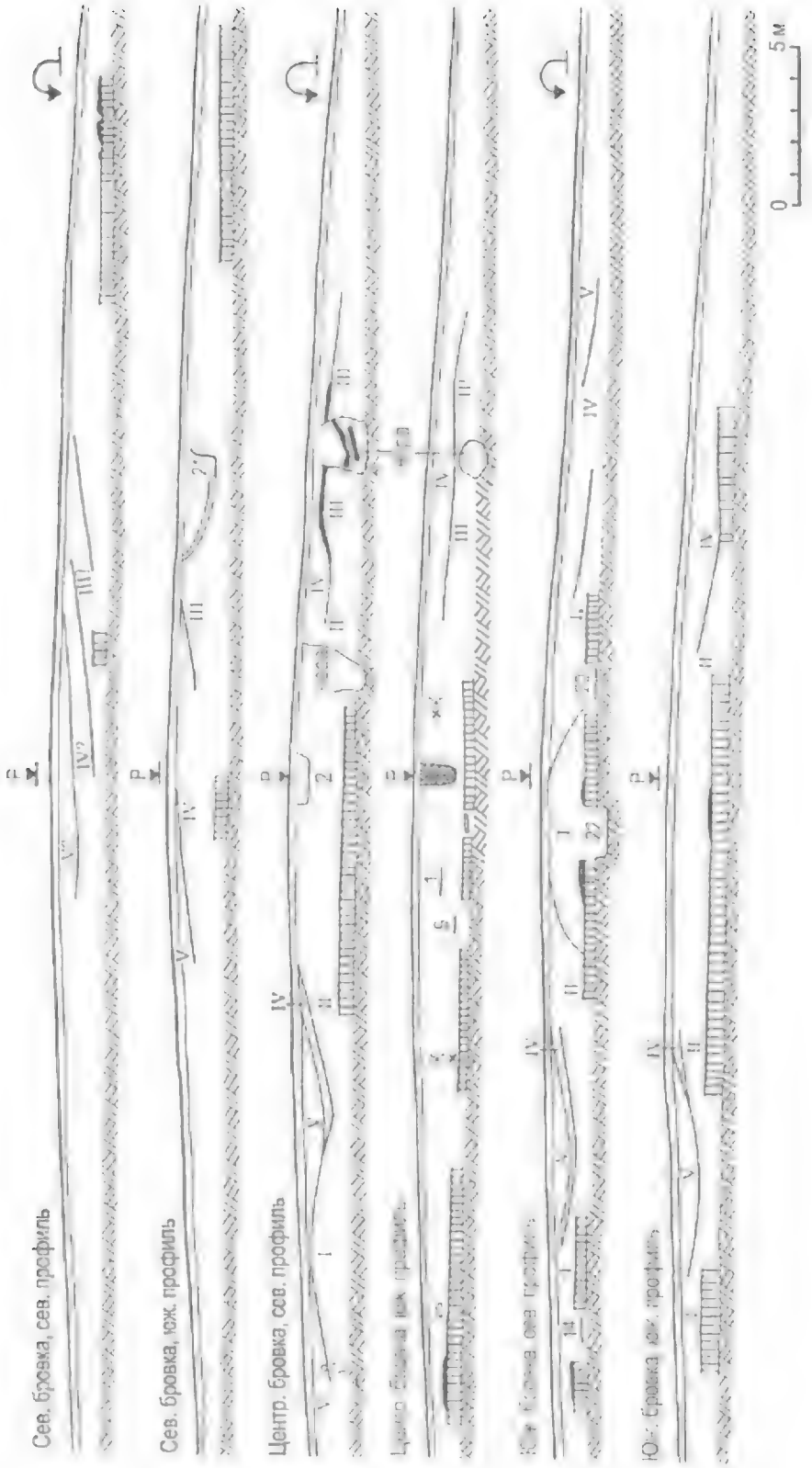


Рис. 5. Запорожец, курган 1: стратиграфические разрезы.

Fig. 5. Zaporozhets, barrow 1: stratigraphy.

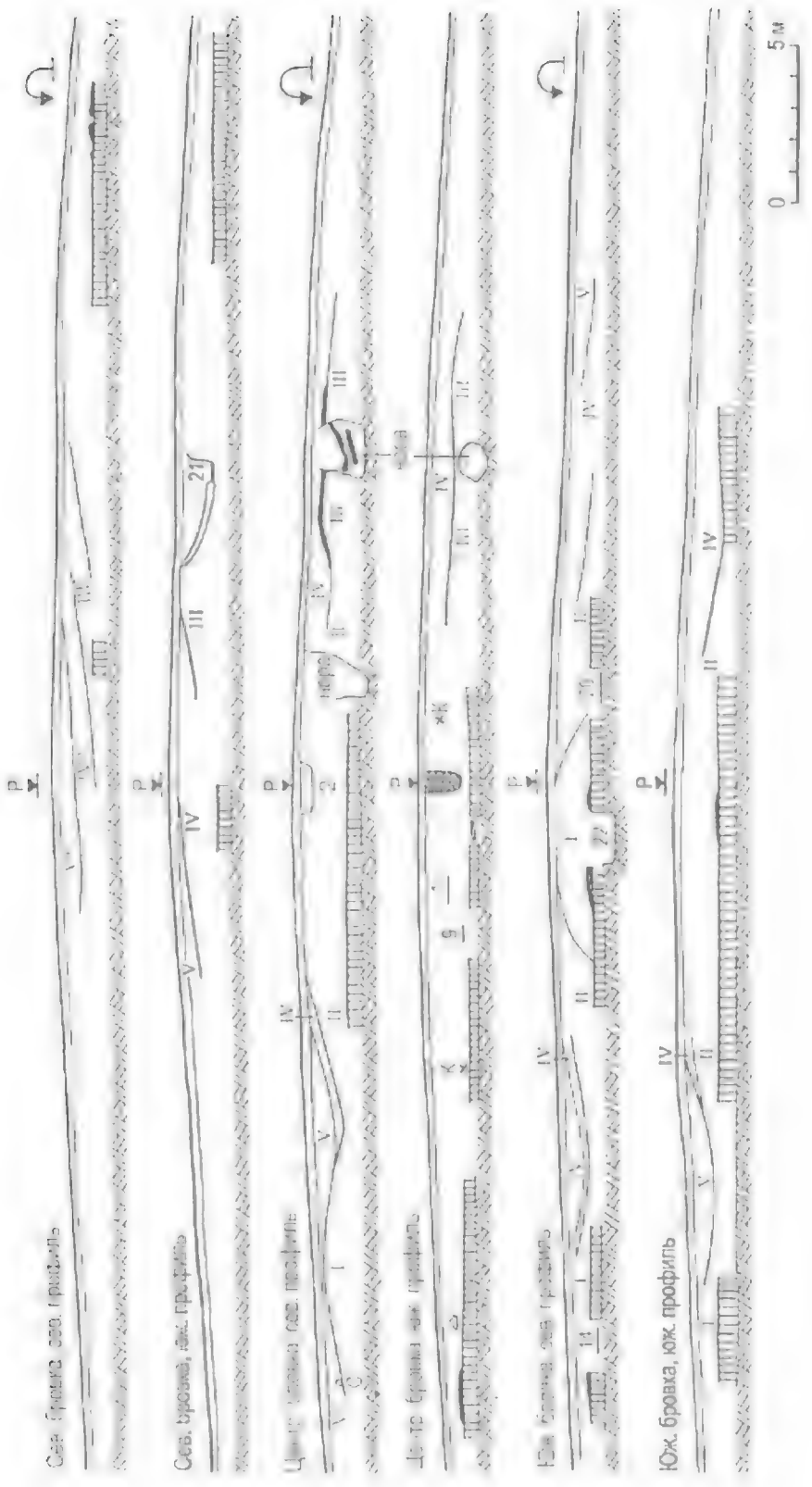


Рис. 5. Запорожец, курган 1: стратиграфические разрезы.

Fig. 5. Zaporozhets, barrow 1: stratigraphy.

суд со сглаженным ребром, плавно отогнутым венчиком и невысоким поддоном. Выше ребра сосуд орнаментирован: по шейке прочерчена опоясывающая горизонтальная линия, над которой нанесен зигзаг, а ниже – прочерчены ромбические фигуры, внутреннее поле которых рассечено крестом. Размеры сосуда: Дв – 14,5 см; Дт – 16 см; Дд – 10 см; В – 15 см (рис. 10, 5). На кистях рук лежали 8 астрагалов мелкого рогатого скота со сточенными боковыми сторонами (рис. 10, 6).

Погребение 12 (рис. 11, 1) – находилось под углом 245° на расстоянии 18,7 м и глубине 2,6 м от Р (1,6 от П, 0,9 м от ДГ – древнего горизонта). Могильная яма, ориентированная по линии ЮЗЗ-СВВ, имела прямоугольную в плане форму и размеры 1,35×1,0 м. В заполнении ямы и на дне сохранились остатки деревянных плах продольного перекрытия. На дне могилы лежал костяк взрослого человека: в скорченном положении, на левом боку, черепом на В; руки были согнуты в локтях и кистями поднесены к черепу. У рук стоял лепной остроребериый сосуд, орнаментированный по плечу поясом прочерченных заштрихованных треугольников без основания. Размеры сосуда: Дв – 19,5 см; Дт – 21,5 см; Дд – 11 см; В – 15,5 см (рис. 11, 2).

Погребение 13 (рис. 11, 3) – находилось под углом 254° на расстоянии 20 м и глубине 2,3 м от Р (1,3 м от П). Могильная яма прямоугольной в плане формы была ориентирована в широтном направлении, имела размеры 1,4×0,86 м. В ее заполнении встречены древесные угольки и фрагменты керамики. Зафиксированы также остатки деревянных плах продольного перекрытия. На дне, где местами сохранился рыжий тлен подстилки, лежал частично разрушенный костяк взрослого человека: в скорченном положении, на левом боку с завалом на грудь, черепом на В; левая рука была вытянута вперед, правая – согнута в локте и положена кистью перед черепом. В области живота находился горшковидный сосуд вытянутых пропорций со слегка выделенными плечиками в верхней трети. Размеры сосуда: Дв – 13,5 см; Дт – 15,5 см; Дд – 9 см; В – 16 см (рис. 11, 4). Фрагменты этого же сосуда растянуты землеройками по площади могилы.

Погребение 14 (рис.12, 1) – находилось под углом 158° на расстоянии 17,5 м и глубине 1,8 м от Р (1,0 м от П). От могильной конструкции сохранились лишь остатки поперечного деревянного перекрытия, судя по положению которых, яма была ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку с завалом на грудь и ориентацией к СВ; руки были согнуты в локтях и сложены перед черепом. У колен находился баночный сосуд с расширяющимся кверху туловом и загнутым вовнутрь венчиком. Размеры сосуда: Дв – 17,5 см; Дт – 18,5 см; Дд – 11 см; В – 16 см (рис. 12, 2). За тазом найден позвонок животного.

Погребения 15 и 16 (рис. 13-14) – находились под углом 80° на расстоянии 9,3 м от Р[1]. Здесь зафиксировано погребальное сооружение в виде прямоугольной с закругленными углами ямы, ориентированной по линии ююз-свв (рис. 13, 1). В плане она характеризовалась почти подквадратными пропорциями и заметно расширялась книзу, при этом ее размеры с 1,65×1,42 м на уровне верхнего среза увеличивались до 1,77×1.54 м у дна. С южной стороны могилу подковообразно окружал материковый выкид мощностью до 0,2 м, залегавший на поверхности одной из насыпей. Яма имела поперечное деревянное перекрытие, остатки которого местами прослеживались в западной части могилы. На одной из просевших деревянных плах, в придонной части ямы (глубина 2,23 м от Р), зафиксирован череп крупного копытного, лежавший вдоль западной стенки ямы, ближе к ее ЮЗ углу, мордой на С.

На понижающемся к центру дне, устроенном на глубине 2,46-2,5 м от Р (1,46-1,5 м от уровня впуска), под северной продольной стенкой ямы лежал скорченно на левом боку при восточной ориентации костяк взрослого человека с подтянутыми к тазу пятками и поднесенными к черепу руками. За затылком его стоял керамический баночный сосуд с широким устьем и слегка загнутым вовнутрь венчиком. Размеры сосуда: Дв – 20 см; Дт – 20,8 см; Дд – 12 см; В – 15 см (рис. 13, 2). Около ступней ног лежал

[1] Особенности стратиграфического взаиморасположения погребений, обозначенных под номерами 15 и 16, как мы постараемся показать ниже, в аналитической части работы, к сожалению, не позволяют уверенно соотносить отдельные элементы (детали) обряда и инвентаря, зафиксированного в этой связке, с конкретным из названных захоронений. Поэтому в отчетной части статьи предлагается формальное описание всего археологического комплекса в целом.

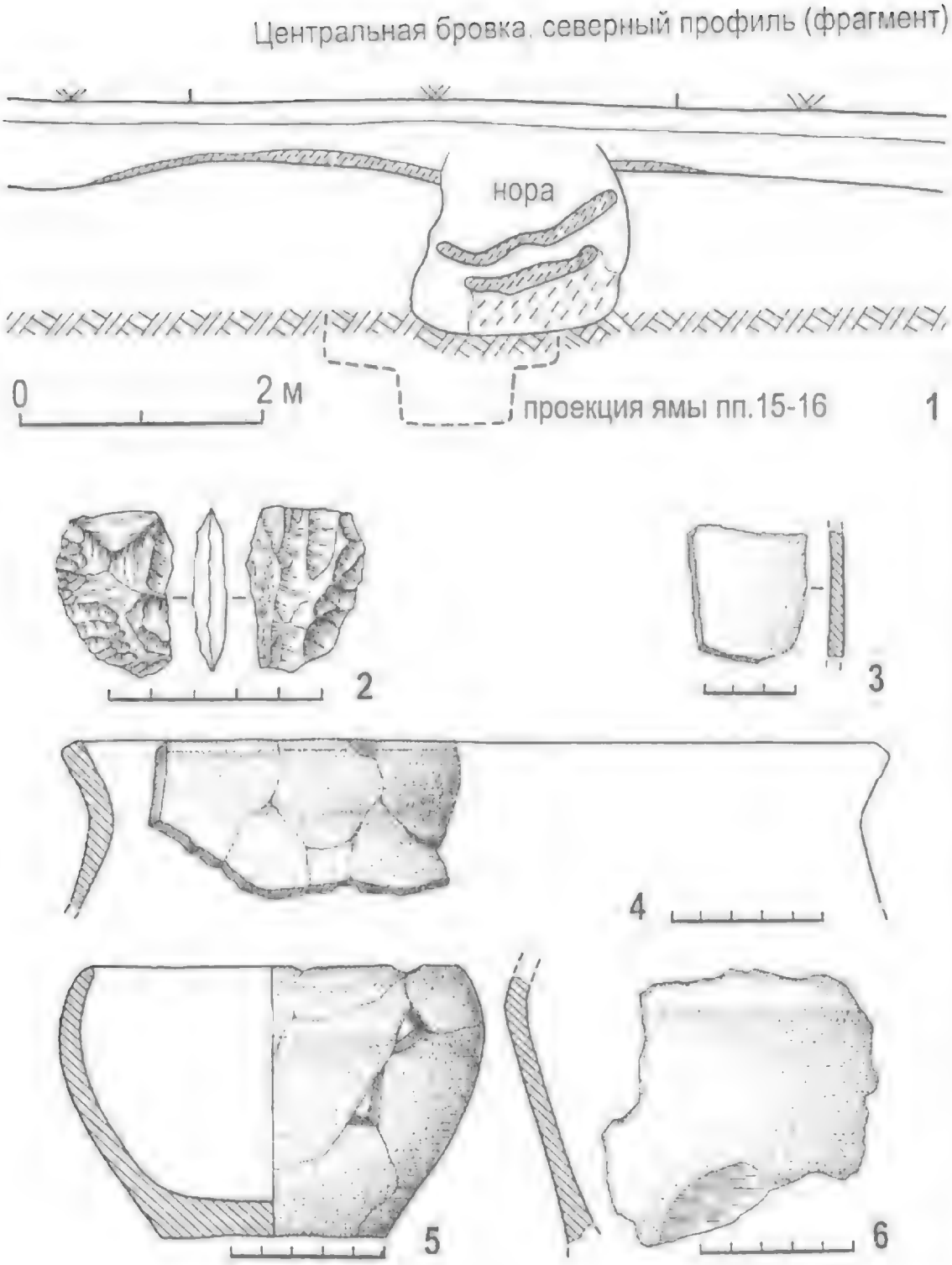


Рис. 6. Запорожец, курган 1: 1 – фрагмент профиля бровки; 2-6 – находки в насыпи.

Fig. 6. Zaporozhets, barrow 1: 1 – stratigraphy (fragment); 2 – artifacts from embankment.

отщеп из серого с мраморовидными включениями кремня (рис. 13, 3). Под костями черепа и грудной клетки фиксировался коричневато-белый тлен волокнистой подстилки. Описанное погребение вошло в отчет под № 15.

При зачистке дна под костяком погребения 15 точно по центру ямы было выявлено пятно еще одной могилы, получившей № 16 (рис. 14, 1). Ее камера, ориентированная по линии ЮЗЗ-СВВ, имела в плане трапециевидные очертания и размеры 0,86×0,52-0,65 м. Дно, устроенное на глубине 3,05 м от Р (2,05 м от уровня впуска), было покрыто слоем мела или извести толщиной до 0,3 см и сверху перекрыто светло-коричневым тленом волокнистой растительной подстилки, местами захватывавшей стенки ямы на высоту до 0,07 м. На подстилке лежал скелет ребенка в возрасте 3-4 лет[1] скорченно на правом боку с ориентацией на СВВ и протянутыми к коленям руками. На обоих запястьях зафиксированы низки пастовых бусин: на правой руке – простой цилиндрический бисер и сегментированные пронизи в два ряда (рис. 14, 3); на левой руке – с двухрожковыми выступами (рис. 14, 2). У темени ребенка лежал фрагмент кремневой отжимной пластины с боковым уплощением ударного бугорка, покрытый легкой патиной (рис. 14, 4), а у стоп ног – отщеп из серого с мраморовидными включениями кремня (рис.14, 5). За спиной умершего, у южной стенки ямы, находились остатки мясной напутственной пищи в виде анатомически сочлененных позвонков животного.

Погребение 17 (рис. 15, 1) – находилось под углом 48° на расстоянии 10,3 м от Р. Материковая яма имела в плане подпрямоугольную с закругленными углами форму, была ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. Погребальная камера расширялась книзу, имея по верхнему контуру размеры 1,34×0,8 м, а по дну 1,46×1,0 м и глубину 2,5 м от Р (2,0 м от П). Могила оказалась пустой.

Погребение 18 (рис. 15, 2) – находилось под углом 72° на расстоянии 21,3 м от Р. Могильная яма в плане подквадратной с закругленными углами формы была ориентирована в широтном направлении и имела размеры 1,18×1,0 м. Яма была вырыта с уровня древнего горизонта, о чем свидетельствовал залегавший на этом же уровне в виде подковы с разрывом на востоке материковый выкид мощностью до 0,17 м, фиксировавшийся во II северной траншее и в северном профиле северной бровки (рис. 5). На дне могилы, устроенном на глубине 0,6 м от ДГ (2,22 м от Р), ближе к южной стенке фиксировался темно-коричневый тлен подстилки, занимавший участок площадью 0,55×0,43 м. На подстилке находились уложенные компактной кучкой отдельные кости человека: большая и малая берцовые, плечевая, локтевая и лучевая; у коленного сустава лежали пяточная кость и фаланги пальцев, а также фрагмент челюсти. Севернее костей человека, на краю подстилки лежал астрагал мелкого рогатого скота. Рядом, за границей коричневого тлена, находился обломок кремневого изделия – базальная часть крупной пластины с перегулярной ретушью по краям, вероятно, выполненной усиленным отжимом. Сырье – желто-серый стекловидный кремень (рис. 15, 3).

Погребение 19 (рис. 16, 1) – находилось под углом 267° на расстоянии 18,0 м от Р. Погребение 19а почти полностью перекрыло и разрушило более раннее погребение 19. Погребение 19 было совершено в яме подовальных очертаний, вытянутой в широтном направлении, и имевшей ширину 1,15 м. Она была вырыта с уровня древнего горизонта, о чем свидетельствовал материковый выкид мощностью до 0,1 м, окружавший могилу с юга, запада и севера и фиксировавшийся в I южной траншее, а также стратиграфических разрезах: южном профиле центральной бровки и северном профиле южной бровки (рис. 5). На дне ямы, устроенном на глубине 1,0 м от ДГ (2,5 м от Р), у западной стенки сохранился череп человека без нижней челюсти, лежавший на левой стороне теменем к западу, а также отдельные позвонки. В заполнении придонной части обнаружена и нижняя челюсть. Первоначальное положение умершего восстанавливается как левобочное с западной ориентацией. Перед лицевой частью черепа на дне найдены: фрагмент медно-бронзовой трубчатой пронизи, согнутой из пластины (рис. 16, 2); фрагмент медно-бронзовой спиралевидной (пружинообразной) пронизи, скрученной из ленты сечением 1,1×0,4 мм (рис. 16, 3).

Погребение 19а (рис. 16, 1) – впущено в вершину возведенной над погребением 19 насыпи на глубину около 1,6 м от уровня впуска (2,45-2,5 м от Р). Могильная яма, очевидно, подовальной в плане формы, была ориентиро-

[1] Антропологические определения сделаны Е.А. Шепель.

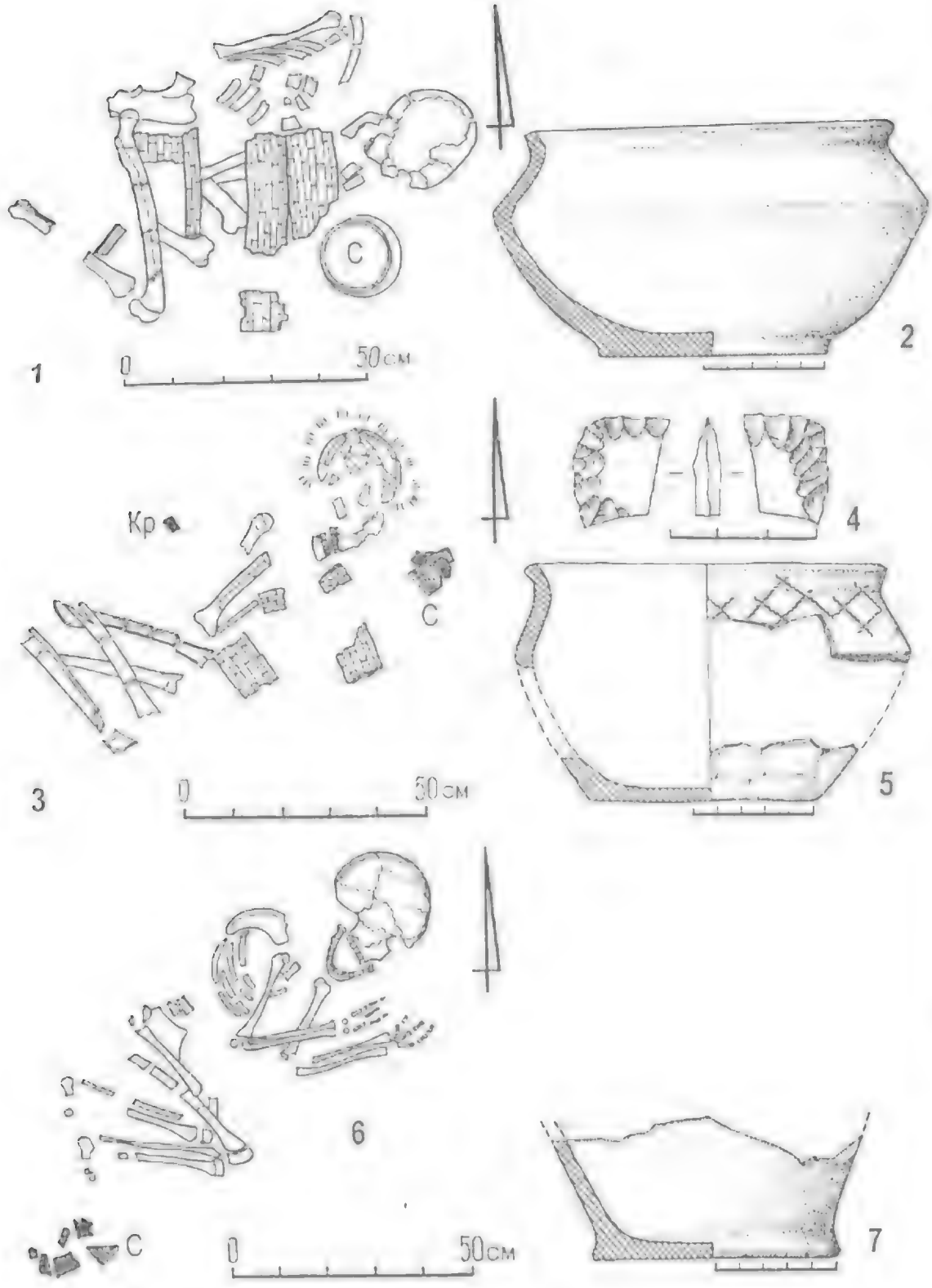


Рис. 7. Запорожец, курган 1: 1-2 – погребение 1; 3-5 – погребение 5; 6-7 – погребение 8.

Fig. 7. Zaporozhets, barrow 1: 1-2 – burial 1; 3-5 – burial 5; 6-7 – burial 8.

вана по оси В-З, имела размеры около 1,5×1,0 м. На дне, в западной части которого прослеживался рыжевато-желтый тлен подстилки и белая посыпка, лежал костяк взрослого человека в сильно скорченном положении на левом боку с восточной ориентацией. Руки были согнуты в локтях и сложены на груди. У колена правой ноги и одновременно у кисти правой руки лежала костяная круглая «пряжка» с плоским основанием, бортиком вокруг центрального отверстия и малым боковым отверстием. Ее размеры: Д общий – 4 см; Д центрального отверстия – 1,9 см; Д бокового отверстия – 0.35-0,4 см, толщина изделия – 0,5 см (рис. 16, 4).

Погребение 20 (рис. 12, 3) – находилось под углом 140° на расстоянии 4,7 м и глубине 1,88 м от Р (1,66 м от П). Контуры в черноземе погребенной почвы не прослеживались, но слегка вогнутое дно фиксировалось благодаря рыжевато-желтому тлену подстилки. На дне лежал костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку с ориентацией на СВВ. Левая рука, слегка согнутая в локте, была направлена к бедрам. Правая рука, согнутая в локте, направлена к предплечью левой руки.

Погребение 21 (рис. 12, 4) – находилось под углом 65° на расстоянии 10,5 м и глубине 1,6 м от Р (1,18 м от П). Судя по остаткам разрушенного скелета взрослого человека, лежавшего на белесовато-коричневом тлене подстилки, первоначальное положение умершего восстанавливается как левобочное с восточной ориентацией. Перед черепом находился развал баночного сосуда с выделенными плечиками. Размеры сосуда: Дв – 15,5 см; сохранившаяся В – 11 см (рис. 12, 5).

Погребение 22 (рис. 17) – находилось под углом 205° на расстоянии 3,7 м от Р. Могильная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированная по оси СВВ-ЮЗЗ; была вырыта с уровня ДГ, на котором подковообразно с разрывом на севере залегал материковый выкид мощностью 0,18 м, что фиксировалось в обоих стратиграфических профилях южной бровки. На ДГ, примыкая к могиле с севера, также зафиксировано вытянутое по линии С-Ю зольное пятно прямоугольной в плане формы, размерами 1,4×0,75 м и мощностью 0,15-0,2 м. Могильная яма имела размеры 1,65×1,1 м и глубину 0,7 м от ДГ (2,4 м от Р). В заполнении могилы, главным образом в придонной части, встречались остатки поперечного деревянного перекрытия. На дне ямы, покрытом темно-коричневым тленом подстилки, лежал костяк ребенка (подростка) в скорченном положении на левом боку с завалом на грудь и ориентацией на СЗЗ. Руки были согнуты в локтях и кистями направлены к лицу.

2. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКА

Анализ стратиграфии и планиграфии раскопанного кургана позволяет реконструировать следующую последовательность его создания. Вначале над одиночными погребениями бабинской культуры (№ 18, 19, 22) были возведены первичные курганчики, расположившиеся цепочкой в широтном направлении. Последовательность сооружения этих насыпей не восстанавливается. Обрядовые признаки позволяют отнести указанные погребения к I хронологическому этапу культуры Бабино [Пиеларий, 1983, с.16-17; Дубовская, 1985; Литвиненко, 1996, с.66, 69, рис.1; 2002, с.135-141] и на основании этого полагать, что промежуток времени между их совершением был незначительным. Крайняя с запада насыпь I, возведенная над погребением 19, имела в плане форму овала, вытянутого по оси ЮЗ-СВ. Ее размеры 13×9,5 м и высота не менее 0,8 м. Восточнее находилась насыпь II, сооруженная над погребением 22. Есть основание полагать, что возводилась она в два этапа. Вначале был насыпан круглый в плане первичный курган диаметром 8 м и высотой 1,1 м с крутыми склонами, фиксировавшийся только в северном профиле южной бровки по цвету чернозема грунта, смешанного с меловой крошкой. После этого была возведена более крупная, вторичная, насыпь округлой в плане формы, диаметром около 21 м и высотой не менее 1,2 м от ДГ, концентрически перекрывшая первичный курганчик. Предположение о связи этой подсыпки с основным погребением 22 базируется на следующем: а) отсутствие в ее площади других погребений (все они представлены впускными срубными могилами), которые бы имели признаки собственной досыпки, например в виде законсервированного этой досыпкой могильного выкида; б) непрерывный характер линии ДГ по всей длине подкурганной площадки первичной и вторичной насыпей, свидетельствующий о том, что между их возведением не было значительно-

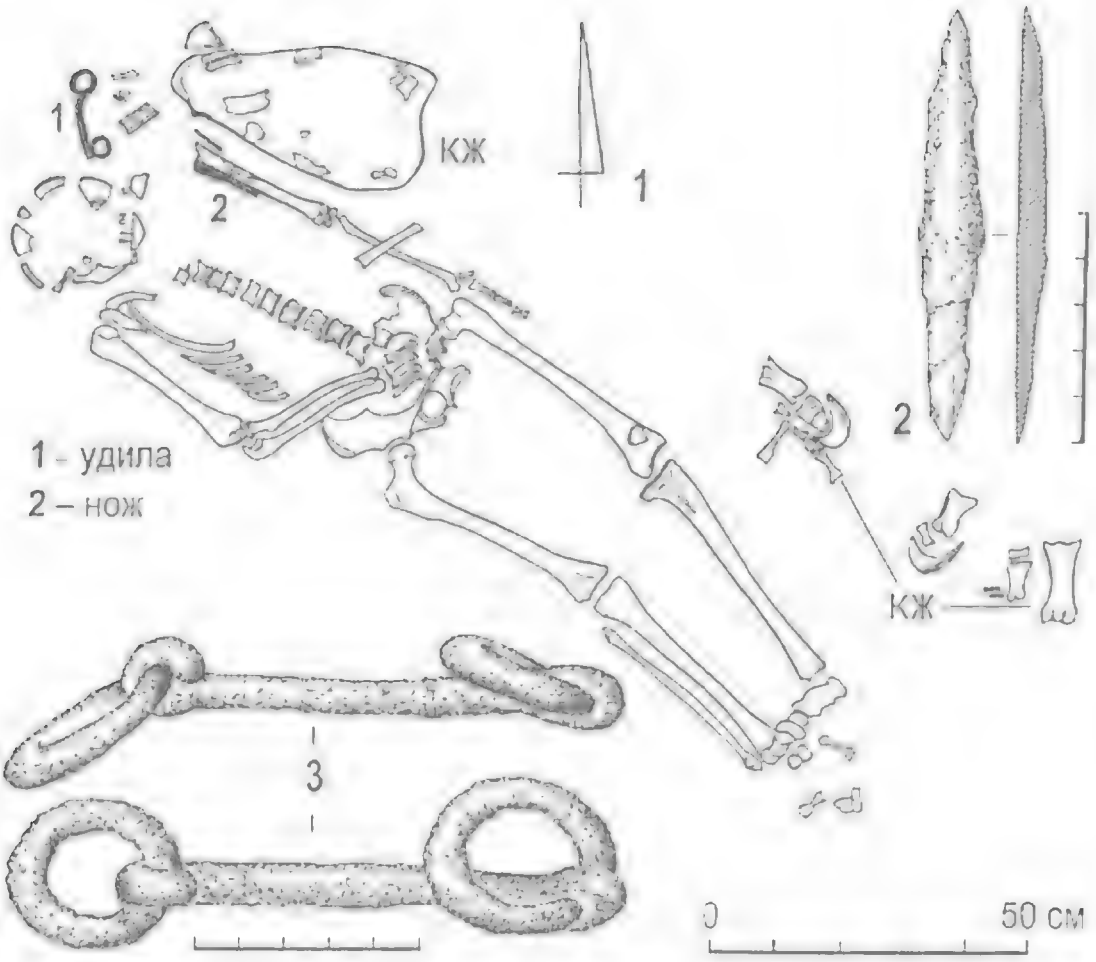


Рис. 8. Запорожец, курган 1: погребение 2.

Fig. 8. Zaporozhets, barrow 1: burial 2.

го временного промежутка, сопровождавшегося оплыванием первичного курганчика, в результате которого каждая насыпь имела бы свою, отдельно «законсервированную» линию ДГ; в) встречаемость в практике курганного строительства бабинской культуры насыпей, приуроченных к одному погребению, но возведенных в два или более этапов; при этом первичная насыпь могла быть грунтовой или даже каменной, а перекрывающая ее вторичная – как правило, грунтовая [Литвиненко, 2000].

Приблизительно в 10 м далее к СВ от насыпи II располагалась насыпь, возведенная над погребением 18. Ее диаметр, реконструируемый по «законсервированной» площади ДГ, составлял около 10 м. Восстановление последующих этапов формирования могильника связано с рядом трудностей, в первую очередь упирающихся в проблему культурно-хронологического соотношения погребений 15 и 16. В зависимости от ее решения, возможны варианты реконструкции дальнейшего курганного строительства. Поэтому, прежде чем изложить их, возвратимся к анализу связки захоронений 15 и 16.

В рассматриваемой связке достоверно фиксируется прямое перекрывание костяком погребения 15 могильной ямы погребения 16. Взятые в отдельности нижний и верхний комплексы данной стратиграфической колонки по обрядово-инвентарным признакам демонстрируют, соответственно бабинскую (п.16) и срубную (п.15) традиции. Однако форма сочетания

этих составляющих в данном конкретном случае вызывает некоторое недоумение и дополнительные вопросы. Причина тому заключается во внешнем визуальном единстве погребений обоих ярусов, определяемом некоей упорядоченностью, симметричностью и взаимной обусловленностью формы погребальной конструкции, положения останков умерших и элементов обряда. При анализе их мы рассуждали следующим образом.

На основании визуального восприятия интересующего нас археологического объекта (рис. 13-14) возникает устойчивая ассоциация приуроченности детского погребения 16 к маленькой яме нижнего яруса, а взрослого погребения 15 – к большой яме верхнего яруса. Если погребения 15 и 16 рассматривать как разнокультурные и разновременные, то возникает вопрос: как маленькая могильная камера погребения 16 оказалась в точном геометрическом центре более поздней большой ямы погребения 15, случайное ли это наложение? Если да, то вероятность его крайне незначительна.

Более вероятным, на наш взгляд, следует считать, что зафиксированная в ходе раскопок погребальная конструкция в виде ямы с заплечиками по всему периметру была вырыта единовременно для погребения 16. В подтверждение этого обратим внимание на значительную глубину самой погребальной конструкции, дно которой находилось на отметке 2,05 м от уровня выхода с поверхности III насыпи, на которой залегал выкид из данной могилы. При малой площади камеры (0,86×0,52-0,65 м) такая ее глубина могла быть достигнута сооружением могилы в два этапа: сначала была выкопана просторная входная яма на глубину 1,5 м, а затем в центре ее дна сделана углублённая на 0,55 м погребальная камера меньшей площадью, в результате чего получилась яма с заплечиками по периметру[7]. В таком случае, разнокультурность погребений 15 и 16 предполагает случайное попадание позднего из них (п.15) в площадь могилы раннего (п.16). При этом погребение 15 так удачно «вписалось» в контуры входной ямы погребения 16, что не нарушило ни одну из ее стенок, в том числе на уровне заплечиков, использованных в качестве дна поздней могилы. Если в действительности имел место реконструируемый сценарий, то его также можно считать довольно редким, хотя и более вероятным, нежели предполагавшийся выше вариант с симметричным наложением ям. Однако и здесь возникают дополнительные вопросы, связанные с деталями погребального ритуала. В частности, остается неясным, с каким захоронением следует связывать череп животного на перекрытии входной ямы, поскольку местоположение его, при том или ином объяснении, позволяет приурочить эту находку, как к раннему, так и позднему захоронению.

Справедливости ради заметим, что теоретически можно было бы допустить и объяснение, согласно которому мы имеем дело с единовременным ярусным захоронением бабинской культуры, в котором нижнее детское погребение 16, судя по инвентарю, выступает как социально престижное, а взрослое погребение 15 из верхнего яруса – как сопровождающее[8]. Такого рода погребения также известны в бабинской культуре. Впрочем, полной аналогии запорожскому варианту, нам найти не удалось. Однако в качестве достаточно близкого примера можно привести погребальную пару из кургана 1 у с. Гнаровского, исследовавшего Запорожской экспедицией ИА АН УССР [Отрощенко и др., 1981; Ляшко, 1983]. Этот памятник во многих отношениях сходен с публикуемым нами запорожским комплексом. Во-первых, речь идет о длинном кургане, возникшем в результате объединения нескольких первичных бабинских насыпей поздними

[7] В погребальной практике носителей бабинской культуры встречаются, хотя и сравнительно редко, могильные сооружения в виде ям с заплечиками, устроенными как вдоль одной или двух стен, так и по всему периметру. Известны подобные конструкции почти во всех региональных группах культурного круга Бабино: Днестровско-Прутском междуречье, Поингулье, Степном Поднепровье, Северном Приазовье и на Нижнем Дону [Антоненко, 1991, с.53, рис. 2, 2; Власкин, 2002, с.194, рис.8, 4; Клименко, 1998, с.63, 65, 67-69, рис.21, 1; 22, 1, 4; Клочишнев, 1991, с.255-256, рис.1: п. 4, 8, 14; Ковалева, 1981, с.39-40, рис.2, 1; 3, 2; 7, 1; Ковалева, 1988, с.27, 31, рис.5, 5; Махно, Братченко, 1977, с.53, рис.1; Отрощенко и др., 1981; Савва, 1992, с.23, 25-26, рис.1, В, Г; Шапошникова и др., 1984, табл. 129 и др.; и др.].

[8] Впрочем, такой вариант предполагает обязательное наличие перекрытия камеры погребения 16 на уровне заплечиков, чтобы останки положенного сверху сопровождающего человека (погребение 15) не просели вниз (см. рис. 13, 1; 14, 1). Но в полевом дневнике и тексте отчета такое перекрытие не упоминается. Наличие деревянного поперечного перекрытия, как указывалось и описании, отмечено только для большой верхней ямы. Вместе с тем, на чертеже погребения (рис. 13, 1) обозначены две или три деревянные плахи, характер и глубина залегания которых (у края камеры погребения 16, непосредственно над или даже на ступеньке заплечиков и одновременно, как будто, под костями ног, таза и нижним позвонком скелета погребения 15) позволяет интерпретировать их в качестве перекрытия камеры погребения 16.

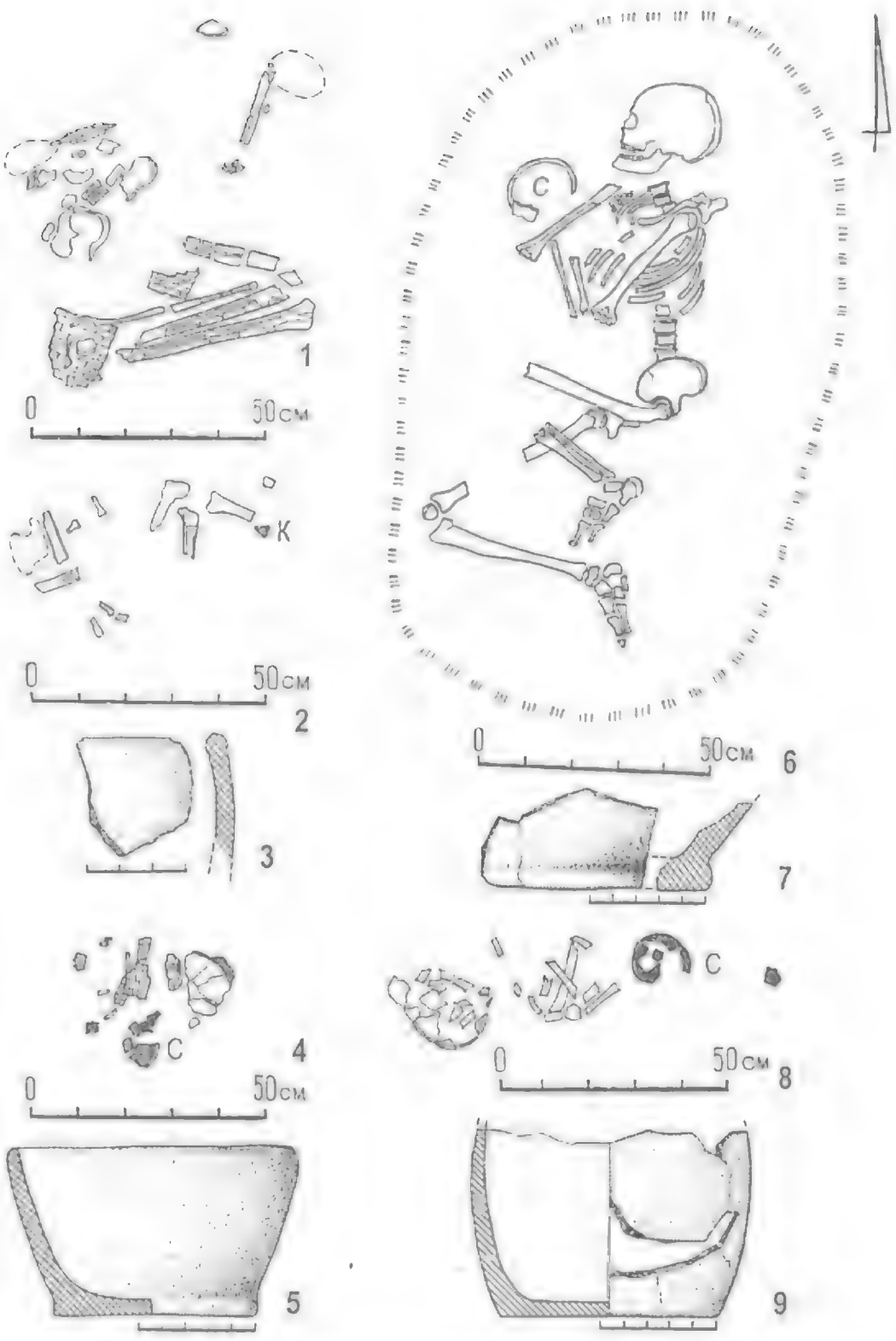


Рис. 9. Запорожец, курган 1: 1 – погребение 9; 2-3 – погребение 3; 4-5 – погребение 4; 6-7 – погребение 7; 8-9 – погребение 6.

Fig. 9. Zaporozhets, barrow 1: 1 – burial 9; 2-3 – burial 3; 4-5 – burial 4; 6-7 – burial 7; 8-9 – burial 6.

досыпками над бабинскими же и срубными погребениями. Во-вторых, интересующее нас погребение 15 также совершено в яме с уступом, хотя только вдоль одной из стен. Кстати, в гнаровском кургане находилось другое бабинское погребение (№ 6), погребальное сооружение которого представляло яму с заплечиками по всему периметру, почти аналогичную запорожской. В-третьих, гнаровское погребение 15, в точности, как и запорожское погребение 16, сопровождалось черепом крупного копытного, размещавшемся на деревянном перекрытии, вдоль западной стенки ямы, ближе к ее ЮЗ углу, мордой на С. В-четвертых, оба сравниваемых погребения принадлежали субъектам женского пола и характеризовались соответствующими признаками обрядности: восточная ориентация, положение на правом боку [Отрощенко, 1992]. Наконец, в-пятых, гнаровское погребение 15 сопровождалось захоронением 13, размещавшимся на древнем горизонте к северу (т.е. выше уровнем и впереди по отношению к основному), тем самым, повторяя тенденцию, фиксируемую в публикуемом нами запорожском комплексе погребений 15-16. Если предполагать сопровождающую функцию захоронения 15, то касательно его «срубной» («адоративной») позы заметим, что таковая этнодо не является чуждой бабинскому погребальному обряду. В качестве наиболее показательного примера приведем парное погребение 2 кургана 1 могильника Петрополье-1, в котором женское захоронение (восточная ориентация, правый бок, каменный пест) сопровождалось захоронением с той же ориентацией на левом боку в позе «адорации» [Берестнев, 2002, с.221, рис.62]. Приведенные выше аналогии подводят к мысли о том, что захоронения 15 и 16 кургана 1 у с. Запорожец вполне могли бы представлять собой единый комплекс ярусного погребения бабинской культуры. И тогда почти все противоречия были бы сняты. Кроме одного – наличия при верхнем костяке (п.15) сосуда срубного облика. Это единственное обстоятельство и не позволяет принять последнюю версию как окончательную.

Возвращаясь к анализу стратиграфии публикуемого кургана, отметим, что в промежутке между первичными курганами, возведенными над погребениями 18 и 22, прослеживалась насыпь III (или досыпка), поверхность которой покрыта меловой крошкой. Ее контуры в плане могут быть очерчены приблизительно, главным образом по юго-западной поле, и позволяют определить диаметр насыпи около 12-14 м. Увязка этой насыпи с конкретным захоронением представляется проблематичной. Дело в том, что на ее поверхности залегал материковый выкид из ямы рассмотренной выше пары погребений 15-16. Если рассматривать погребения 15-16 в качестве единого ярусного комплекса, то следует признать неясной принадлежность предшествующей ему насыпи с меловой поверхностью, поскольку в этой части кургана отсутствуют более древние захоронения, чем бабинское погребение 16, а присутствуют только впускные срубные могилы. Впрочем, теоретически более древним могло быть погребение 17, однако его периферийное положение не дает оснований уверенно связывать с ним интересующую нас насыпь. Вот здесь-то и кажется логичным считать погребения 15 и 16 разновременными, полагая, что с более древним из них (п.16) и связана насыпь III с меловой крошкой на поверхности, а срубное погребение 15 впущено с вершины этой насыпи, что фиксируется размещавшимся на ней материковым выкидом. Однако отсутствие на соседних профилях бровок выкида на уровне древнего горизонта[7], который можно было бы связать с погребением 16, а также факторы, которые были рассмотрены выше, при анализе погребальной пары 15-16, не позволяют нам уверенно считать бабинское

[7] Впрочем, небольшой по размерам выброс из маленькой ямки погребения 16 мог располагаться к северу от нее и оказаться полностью в площади раскопочной траншеи, а потому быть не зафиксированным. Кроме того, фиксация того предполагаемого выкида в ближайшем северном профиле центральной бровки затруднена в связи с нарушением стратиграфического профиля в интересующем нас месте большой норой. Сейчас трудно на основании чертежа судить о деталях стратиграфии этого участка (рис. 6, 1), однако в разрезе норы достаточно определенно видны две материковые прослойки, располагавшиеся слегка наклонно одна над другой, и которые в действительности могли представлять собой фрагменты просевших выкидов: нижняя линза – из погребения 16 (залегала приблизительно на уровне ДГ), а верхняя – из погребения 15 (на поверхности насыпи III). Учитывая расположение достаточно большой по площади ямы погребений 15 и 16 почти впритык к бровке, а также характер наклона материковых прослоек (от края к центру расположенной рядом ямы), можно предполагать, что проседание грунта в данном месте профиля связано не столько или не только с обрушением свода крупной норы, а с проседанием перекрытия и обрушением боковых стен ямы самого погребения 15. Показательно, что в южном профиле той же центральной бровки, то есть на расстоянии 1 м от северного профиля, в разрезе этой же норы нет никаких материковых включений, что дополнительно свидетельствует в пользу высказанного нами предположения.

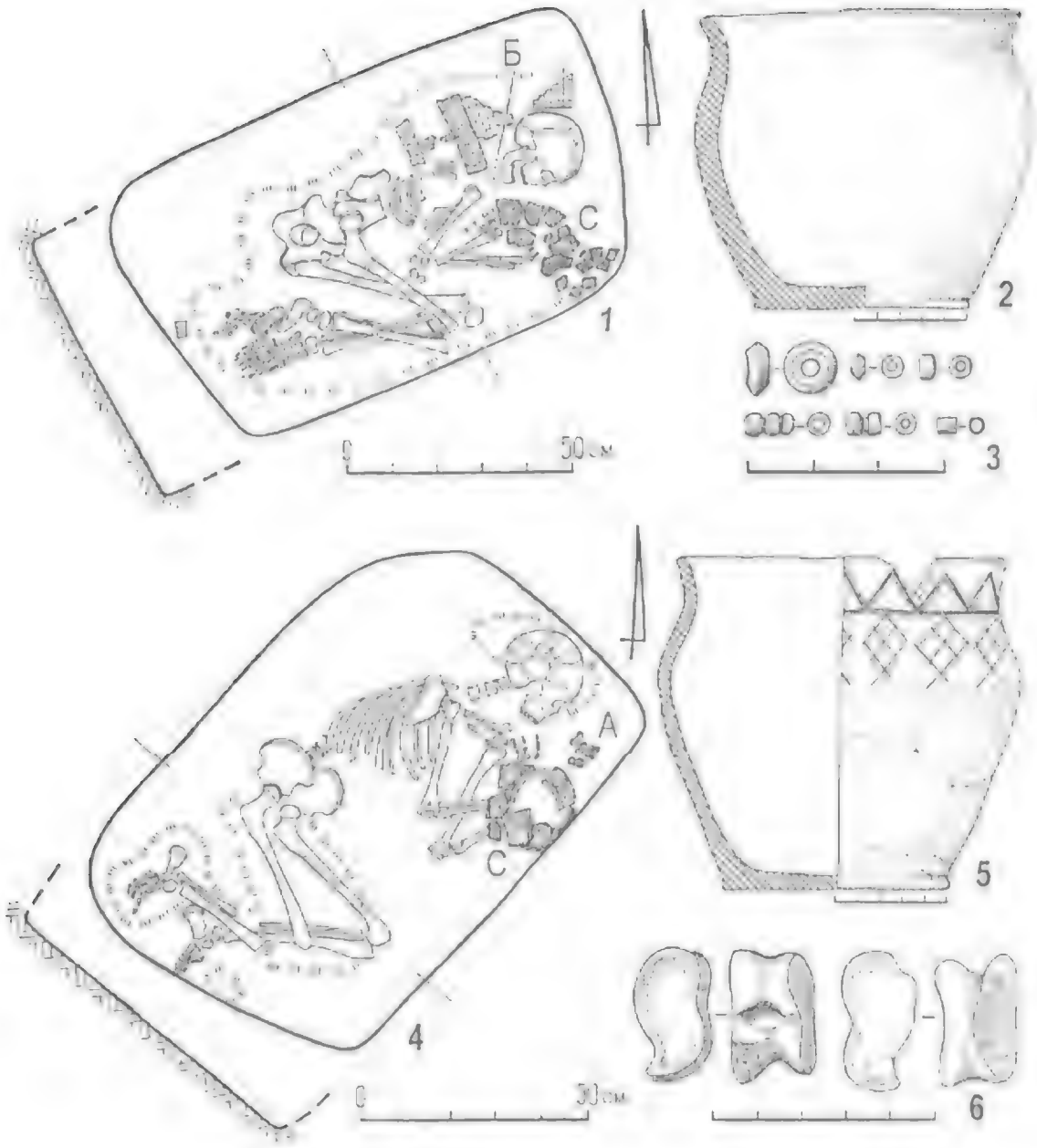


Рис. 10. Запорожец, курган 1: 1-3 – погребение 10; 4-6 – погребение 11.

Fig. 10. Zaporozhets, barrow 1: 1-3 – burial 10; 4-6 – burial 11.

погребение 16 основным для этого участка кургана и безоговорочно связывать с ним насыпь III с меловой посыпкой поверхности. Как бы то ни было, а погребение, выкид из которого залегал на поверхности III насыпи, перекрывалось обширной досыпкой из серо-желтого грунта (насыпь IV). Ее контуры восстанавливаются только наполовину – в западной, юго-западной и южной полах. Судя по ним, досыпка имела в плане форму эллипса, вытянутого по оси ЮЗ-СВ, и перекрывала собой (с З на В): восточную полу первичной насыпи над погребением 19, первичный и вторичный курганы над погребением 22 и насыпь с меловой крошкой на поверхности. Учитывая, что в своей северо-восточной части данная досыпка была значительно мощнее (не менее 1 м), чем в юго-западной половине (0,15-0,35 м), можно предполагать ее связь именно с погребением 16 (или ярусным погребением 15-16).

В дополнение к представленной выше информации, касающейся древнейших в кургане захоронений бабинской культуры, можно высказать отдельные замечания относительно тех или иных черт обряда и инвентаря этих комплексов.

Погребения 19 и 22, исходя из таких признаков обряда, как скорченное на левом боку положение и западная ориентация умерших, могут быть отнесены к обрядовой группе мужских захоронений, выделяющейся только для раннего горизонта бабинских могильников, тогда как на последующих этапах культуры погребальный обряд не предполагал выраженной половой дифференциации. Вместе с тем, приходится констатировать, что среди этой обрядовой группы изредка встречаются захоронения женщин (по антропологическим определениям), что не находит пока должного объяснения. Несмотря на почти полную разрушенность, погребение 19 заслуживает дополнительного внимания в связи с находками в нем обломков медно-бронзовых украшений. Несмотря на фрагментарность, можно с достаточной степенью уверенности определить найденные изделия как металлические пронизи двух видов: свернутая из кусочка листа трубочка (рис. 16, 2) и скрученная из ленты спираль-пружинка (рис. 16, 3). Обе разновидности украшений следует признать крайне редкими для бабинской культуры. Например, трубчатые пронизи, кроме публикуемого комплекса, происходят лишь из четырех бабинских погребений (Жемчужное I к.2 п.2; Керчик к.17 п.9; Новофилипповка к.2 п.4; Новогупаловка III к.10 п.1). Все интересующие нас комплексы относятся к раннему горизонту днепро-донской области Бабино. Два из них (Жемчужное I к.2 п.2; Новогупаловка III к.10 п.1) во многом аналогичны запорожскому погребению 19: занимают основное стратиграфическое положение в кургане, относятся к мужской обрядовой группе, содержат, кроме пронизей, другие бронзовые украшения (Новогупаловка III к.10 п.1), размещавшиеся во всех случаях перед грудью или головой умершего [Марина, Ромашко, 1986; Отрощенко и др., 1981]. Два других захоронения (Керчик к.17 п.9; Новофилипповка к.2 п.4), напротив, представляют женскую обрядовую группу, из которых первое или даже оба[8] также содержали, кроме трубчатых пронизей, металлические украшения иных разновидностей. Кроме того, керчикское погребение являлось основным в кургане и характеризовалось другими признаками повышенного социального ранга [Труды …, 1999, с.13, 14; рис. 27, 1-6; Вязьмітіна та ін., 1960, с.29, рис. 11, 2, 3; Вангородская, 1987, с.42, рис. 1, 7]. Что же касается второй разновидности металлического украшения из запорожского погребения 19, спиралевидной пронизи, то она представляется еще более редкой, поскольку встречена, кроме публикуемого, лишь в одном бабинском комплексе – упомянутом выше погребении 9 кургана 17 из могильника Керчик [Труды …, 1999, с.14; рис. 27, 1].

Обе разновидности украшений в целом достаточно хорошо известны в ряде культур энеолита – бронзового века Евразии. Однако делать из этого вывод о бесполезности использования данной категории изделий в культурно-хронологических построениях, видимо, не стоит. Дело в том, что отдельно взятые регионы крайне редко демонстрируют так называемое сквозное бытование тех или иных типов изделий, в том числе украшений, на протяжении длительных периодов, охватывающих время существования и смены нескольких культур. Чаще мы имеем дело со сравнительно ограниченными, более или менее четко выраженными «цик-

[8] Разрушенность новофилипповского погребения не позволяет утверждать принадлежность бронзовых трубчатых пронизей и найденной ниже очковидной подвески к единому комплексу [Вязьмітіна та ін., 1960, с.29]. Однако, косвенным аргументом в пользу этого является то обстоятельство, что, судя по положению останков умершего (скорченное положение на правом боку, с ориентацией в восточный сектор), данное погребение относится к женской обрядовой группе, а очковидные подвески в культуре Бабино являются принадлежностью именно женского гарнитура.

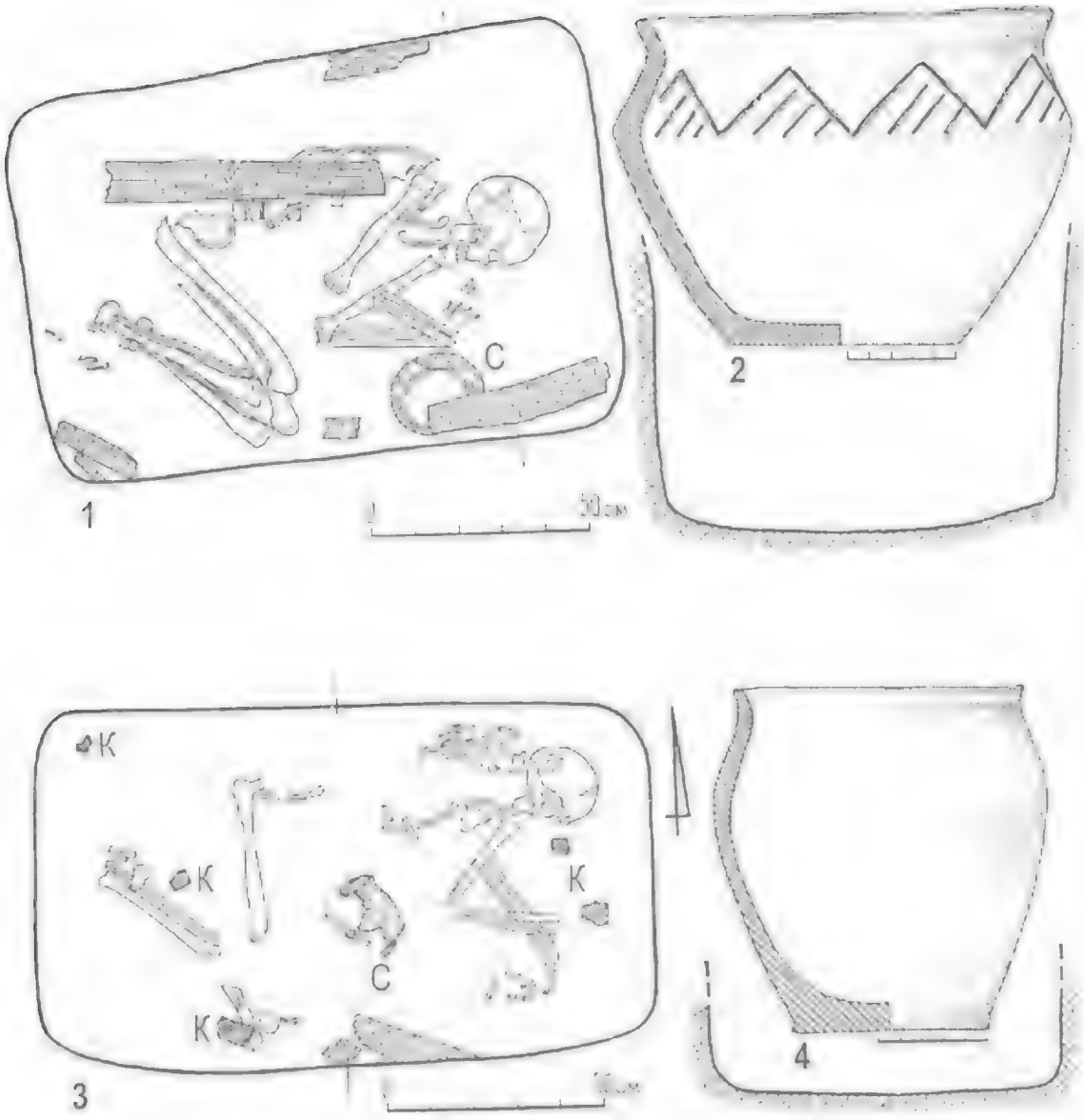


Рис. 11. Запорожец, курган 1: 1-2 – погребение 12; 3-4 – погребение 13.

Fig. 11. Zaporozhets, barrow 1: 1-2 – burial 12; 3-4 – burial 13.

лами жизни» конкретных археологических типов. Применительно к области Северного Причерноморья и смежных степных регионов можно констатировать бытование трубчатых пронизей из плаунин и спиральных пронизей лишь в памятниках позднего степного энеолита и позднеямных [Братченко, 2001, ч. I, с.42; ч. II, рис. 98, 1-2, 31, 54; 99, 12, 15; 100, 10, 22; 104, А, 4]. Уже для раннекатакомбных памятников, а также древностей среднекатакомбного периода такие украшения не характерны [Братченко, 2001, ч. I, с.; ч. II, рис. 74; 104, В, С]. Вновь использование указанных типов украшений прослеживается только с позднекатакомбного времени, хотя и не повсеместно, о чем свидетельствуют их находки в погребениях отдельных регионов [Дергачев, 1986, с.106; Тощев, 1991, с.96, рис. 5, 3-4; Фещенко, 1992, с.95, рис. 2, 4; Синюк, 1996, 118, 131-132, рис.35, 5; 41, 57]. На Донетчине, например, появление в конце средней бронзы трубчатых и спиральных пронизей в гарнитуре украшений связано с памятниками раннего этапа культуры Бабино. После этого кратковременного периода они вновь выходят из употребления и уже не встречаются в комплексах позднего этапа бабинской и срубной культур. Учитывая отсутствие рассматриваемых категорий изделий в позднекатакомбных группах Левобережной Украины, на основе которых, так или иначе, происходило первоначальное становление культуры Бабино [Литвиненко, 2002а], логично полагать, что появление их в бабинском материальном комплексе могло быть связано или с участием в процессе культурогенеза каких-то дополнительных составляющих, или отражать направление внешних связей культуры на раннем этапе. В качестве вероятной исходной среды этих новаций можно назвать круг постшнуровых и посткатакомбных образований Восточной Европы (здолбицкий этап городокско-здолбицкой, стжижовская, почапский тип, воронежская) или Северный Кавказ (гинчинская). Именно названные культурные группы в разных сочетаниях включают в состав своего материального комплекса интересующие нас трубчатые и спиральные пронизи, а также другие категории изделий, находящие аналогии в ранней бабинской культуре: металлические гривны, очковидные подвески, пастовые (фаянсовые) сегментированные пронизи и бусы с выступами, кремневые наконечники стрел с неглубокой арочной или прямоугольной выемкой в основании [Свешникова, 1974, с.75-76, 111, 114, 137-139, рис. 23, 6, 8; 38, 3; 40, 1; 49, 2-12, 35, 36, 40; 1974а, с.171, рис. 46, 2, 12, 15, 16; Пряхи, Синюк, 1983, с.197, рис. 2, 3, 7-10; Гаджиев, 1998, с.104-105, 118, 122-123, рис. 106, 1-20; 117, 29-30; 119, 1-24, 53; 121, 16-21; 125, 23-24, 35-36]. Кавказское направление, как будет показано дальше, дает и другие пары связей, что является дополнительным аргументом в пользу намеченных линий синхронизации.

Публикуемое погребение 16, как уже отмечалось, относится к женской обрядовой группе раннего горизонта Бабино. Учитывая также антропологические определения, можно констатировать, что в погребении 16 была захоронена девочка в возрасте до 4 лет. Погребение это характеризуется повышенным социальным статусом, о чем свидетельствуют наличие собственной насыпи, достаточно сложного погребального сооружения, сопровождающего животного (черен), мясной напутственной пищи (хребет)[4] и относительно редкой детали типично женского гарнитура в виде наборных браслетов на запястьях, состоящих из низок фаянсовых бусин различной формы. Все представленные разновидности бус (биконическая, мелкий бисер, сегментовидные пронизи, рогатые) хорошо известны в бабинских захоронениях. Вместе с тем, сравнительно узкий хронологический диапазон бытования присущ только бусам с выступами, поскольку остальные встречаются в памятниках Степи как минимум со среднекатакомбного по срубное время включительно, что отчасти подтверждает и погребение 10 исследованного кургана (рис. 10, 3). Поиск ближайших аналогий бусам с выступами выводит нас на кавказское направление. Имеется в виду вообще юго-восточный вектор связей.

Как уже достаточно хорошо известно, облас-

[4] Заметим, что такая, сравнительно редкая, форма мясной напутственной пищи, как хребет (позвонки) животного, положенный за спиной умершего, находит аналогии именно в женской обрядовой группе захоронений культуры Бабино, в том числе в упомянутом выше погребении 9 кургана 17 у с. Керчик, где умершую женщину сопровождало также ожерелье из металлических пронизей, различных разновидностей костяных пастовых бус, в том числе двухрожковых [Труды ..., 1999, с.14; рис. 27, 1]. Возможно, анализ дополнительных источников позволит в дальнейшем выделить, кроме уже известных [Отрощенко, 1992], дополнительные черты ритуала, характеризующие женскую обрядовую группу бабинских захоронений или какую-то ее часть, среди которых удастся определить место и таких составляющих погребальной практики, как размещение за спиной умершей хребетной части туши, а на перекрытии могилы, в ногах погребенной, черепа крупного копытного.

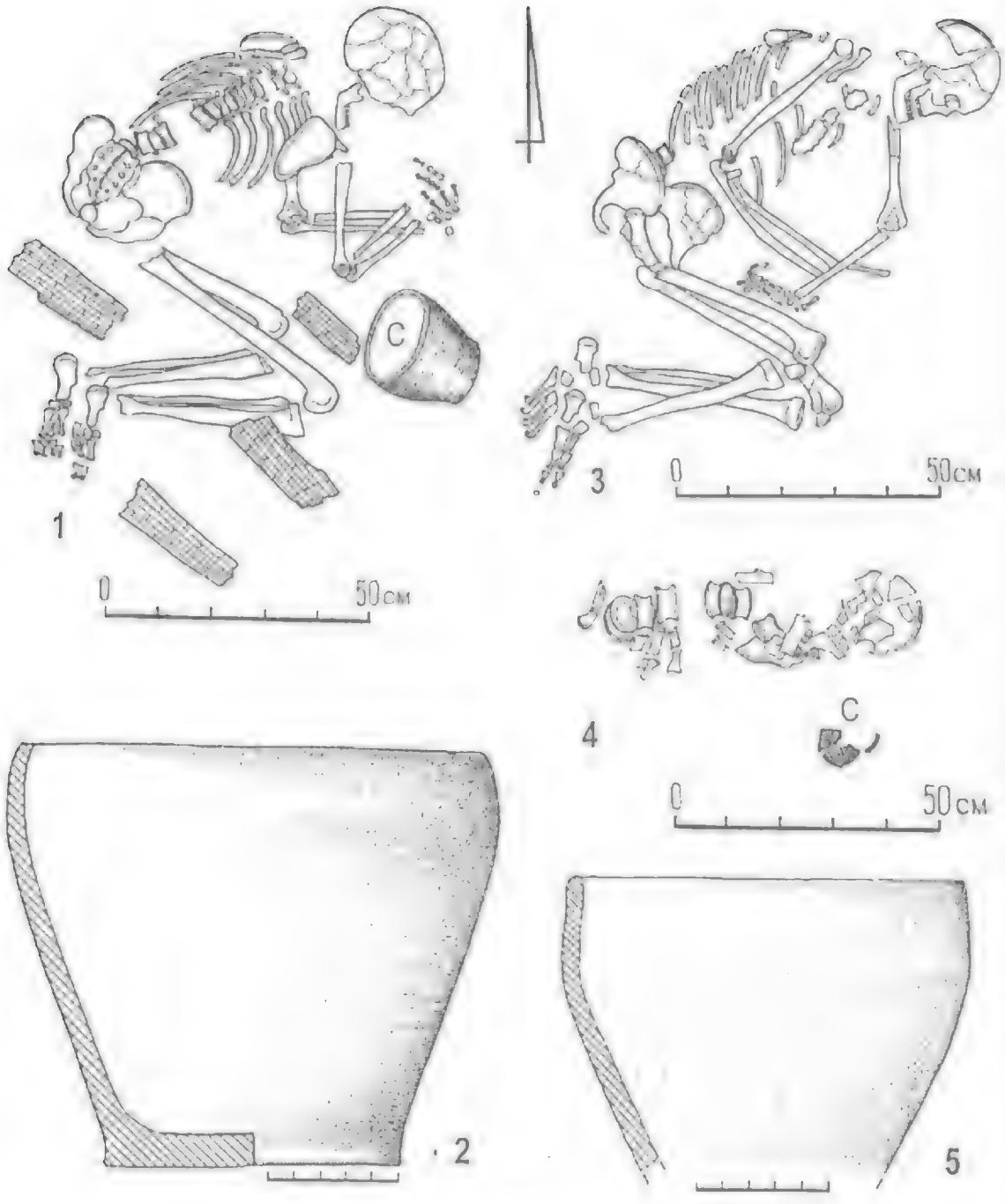


Рис. 12. Запорожец, курган 1: 1-2 – погребение 14; 3 – погребение 20; 4-5 – погребение 21.

Fig. 12. Zaporozhets, barrow 1: 1-2 – burial 14; 3 – burial 20; 4-5 – burial 21.

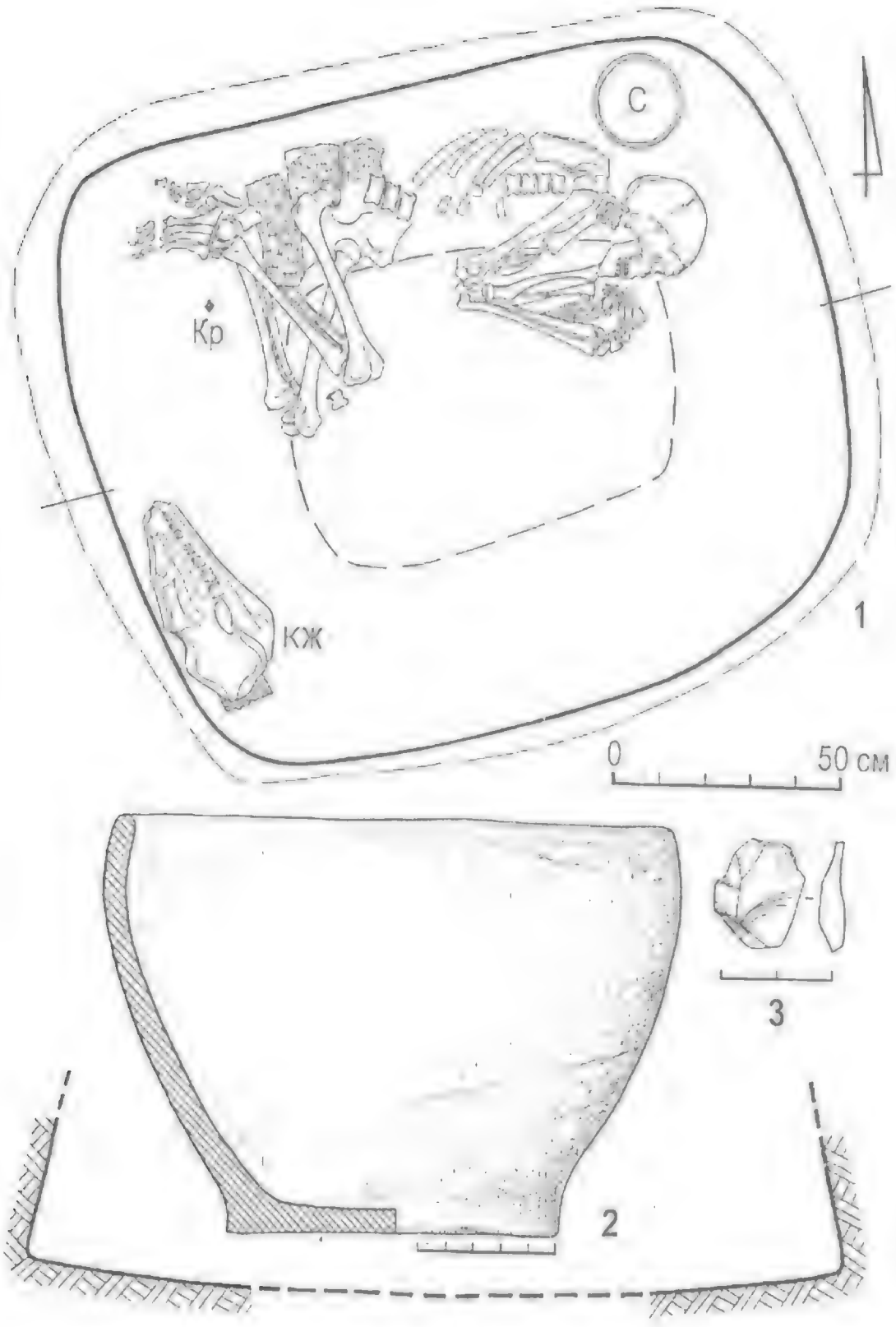


Рис. 13. Запорожец, курган 1: погребение 15.

Fig. 13. Zaporozhets, barrow 1: burial 15.

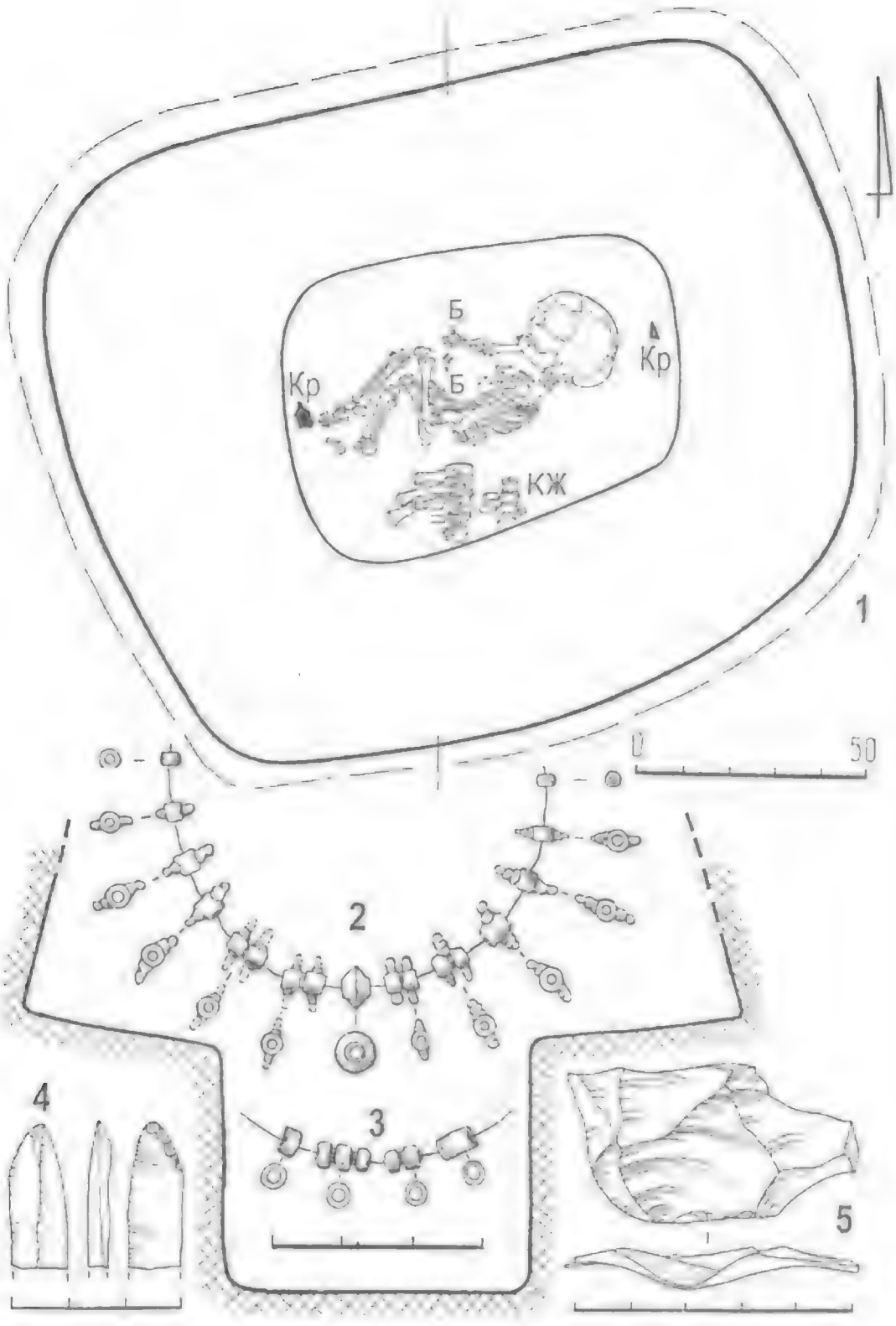


Рис. 14. Запорожец, курган 1: погребение 16.

Fig. 14. Zaporozhets, barrow 1: burial 16.

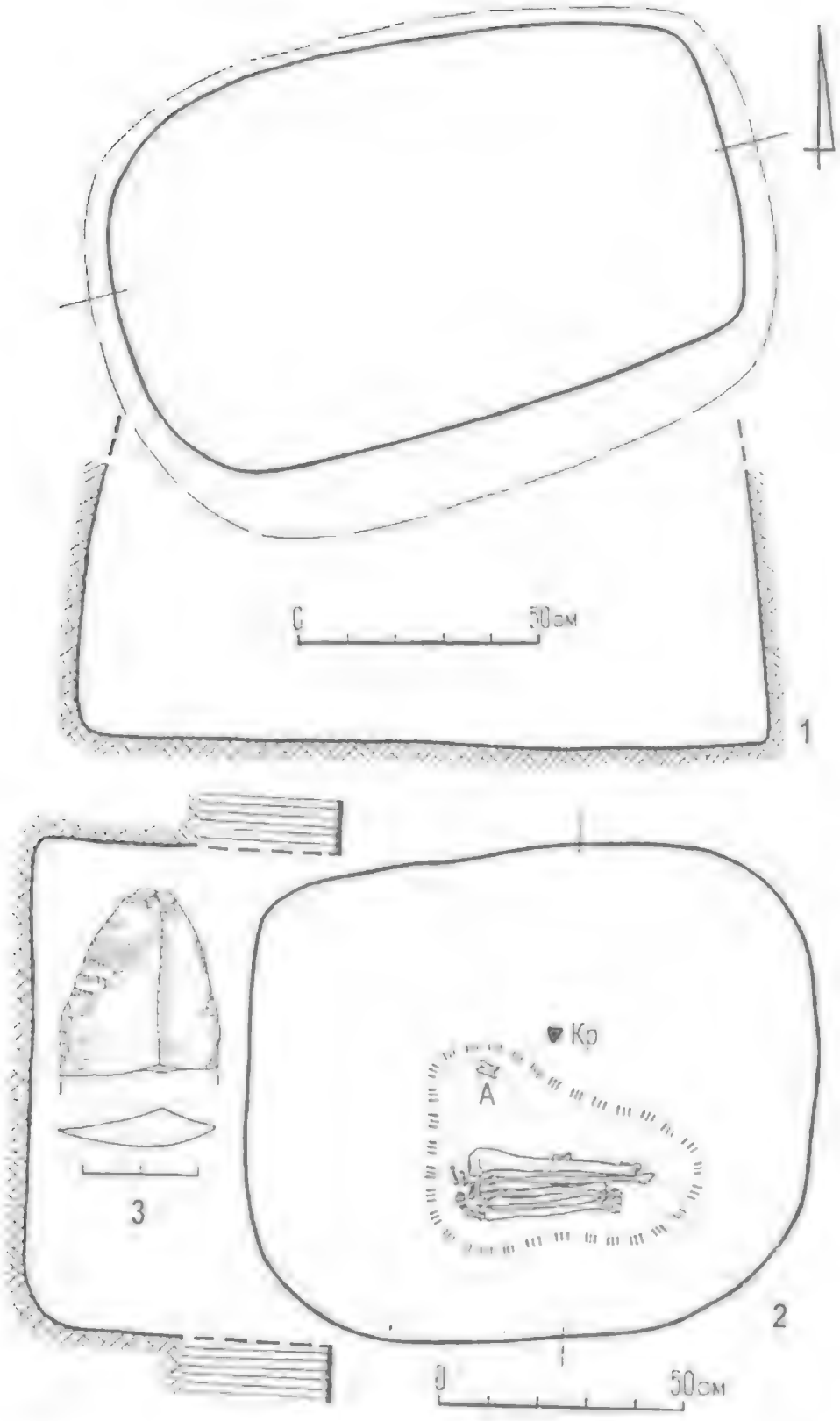


Рис. 15. Запорожец, курган 1: 1 – погребение 17; 2-3 – погребение 18.

Fig. 15. Zaporozhets, barrow 1: 1 – burial 17; 2-3 – burial 18.

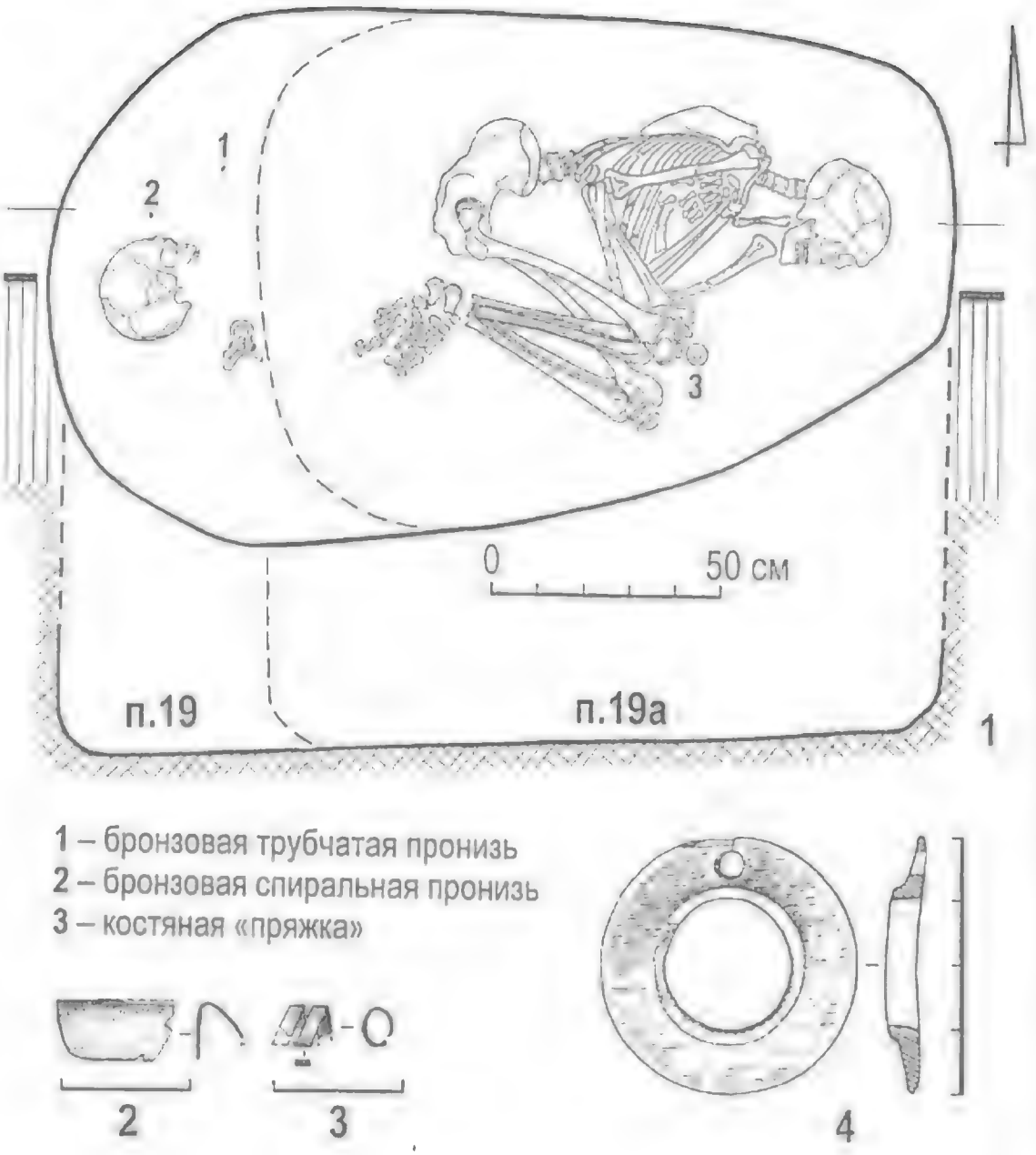


Рис. 16. Запорожец, курган 1: 1 – погребения 19 и 19а; 2-3 – погребение 19; 4 – погребение 19а.

Fig. 16. Zaporozhets, barrow 1: 1 – burials 19 and 19a; 2-3 – burial 19; 4 – burial 19a.

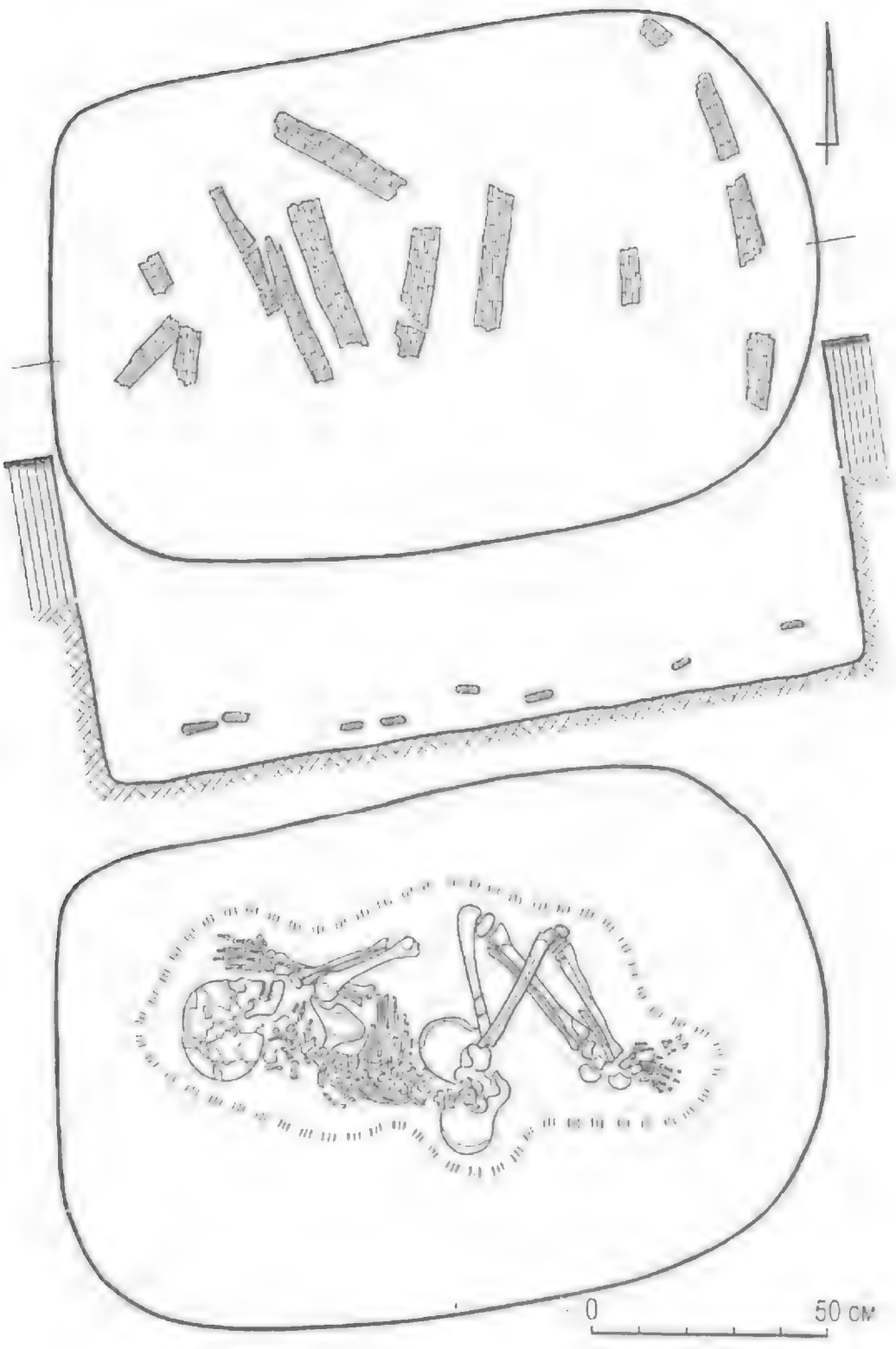


Рис. 17. Запорожец, курган 1: погребение 22.

Fig. 17. Zaporozhets, barrow 1: burial 22.

тью наибольшей концентрации различных рельефных украшений, в том числе разнообразных бус и пронизей, является Кавказский регион. Именно с ним не без основания связывают появление подобного рода изделий в памятниках степной бронзы [Братченко, 1976, с.147-148; Махно, Братченко, 1977, с.55-58; Ковалева, 1981, с.26; Нечитайло, 1991, с.40-42, 83-87; Ткачев, 2000, с.48; и др.]. Вместе с тем, следует иметь в виду, что в бабинской культуре получила распространение разновидность именно двухрожковых фаянсовых бус (нам известно 18 комплексов), в то время как памятники Северного Кавказа и Степного Предкавказья, кроме известных в позднекатакомбное время бородавчатых пронизей, дают значительное количество так называемых трехрожковых бус. Двухрожковые экземпляры не являются характерными для этих регионов, хотя и встречены в единичных случаях в комплексах позднемаыкской и бабтурпинской катакомбных культур и недавно выделенной финальнокатакомбной или даже посткатакомбной группы Северо-Западного Прикаспия – лолинской [Державин 1989, с.186, рис. 26; Гей 1995, с.9-10, рис. 4.4; Мимоход, 2003, с.105]. Напротив, трехрожковые бусы, характерные для посткатакомбных памятников Предкавказья и Северного Кавказа (поздняя гинчинская культура) [Магомедов, 1998, с.], встречены в бабинских памятниках лишь четырежды, причем в наборах с двухрожковыми, что, с учетом известных в Калмыкии закрытых комплексов, подтверждает высказанное ранее И.Ф. Ковалевой мнение о синхронности этих разновидностей украшений [Ковалева, 1981, с.26]. Впрочем, нам уже приходилось аргументировать положение, согласно которому двухрожковые и трехрожковые (трехбородавчатые) бусы могут быть признаны синхронными только частично, ибо время бытования последних, очевидно, захватывает также поздние этапы культуры Бабино и лолинской группы [Litvinenko, 2002, p.179-180]. Поскольку обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи, заметим, что состояние его еще далеко от окончательного разрешения.

Погребение 18 представляет собой достаточно редкую форму погребальной обрядности, интерпретируемую как вторичное захоронение останков умершего путем помещения в могильную камеру костей скелета (как правило, не в полном наборе), укладываемых в виде компактной и достаточно аккуратной кучки. Эта традиция, известная только в раннем горизонте бабинских могильников днепро-донской области, вероятнее всего, является наследием катакомбного мира, где обряд экскарнации (декарнации) сравнительно широко распространен [Мельник, 1991, с.9, 21-32].

Наиболее поздним из бабинских комплексов кургана является погребение 19а, впущенное с поверхности крайней западной первичной насыпи и не сопровождавшееся собственной досыпкой. Обрядовые и инвентарные признаки (сильно скорченное левобочное положение с восточной ориентацией, кольцевидная пряжка с бортиком и малым дополнительным отверстием), наряду со стратиграфией, позволяют отнести указанное погребение 19а к позднему этапу культуры Бабино.

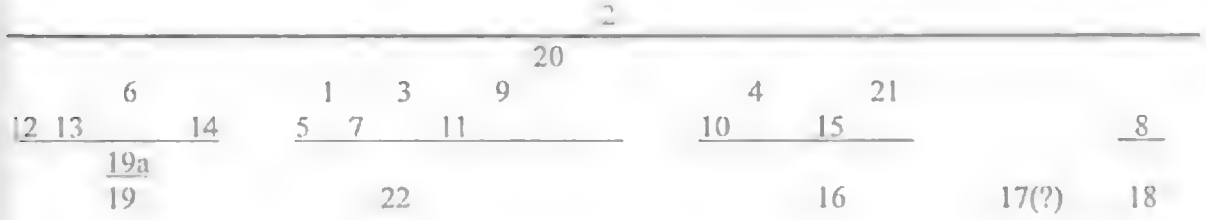
Дальнейшее функционирование могильника, внешне представлявшего собой вытянутое с ЮЗ на СВ грунтовое валообразное сооружение размерами около 50×20 м, связано с носителями срубной культуры. Почти все срубные захоронения были впущены с поверхности более древних насыпей. Погребение 12, судя по его расположению на плане и глубине залегания, могло быть сооружено за пределами насыпи, у края ее юго-западной полы, то есть с уровня ДГ. В планиграфии срубных захоронений достаточно определенно прослеживается линейное размещение, обусловленное формой уже существовавшей насыпи: могилы вытянуты несколькими цепочками по линии ЮЗ-СВ. Видимо, единой срубной досыпкой (V) мощностью не менее 0,9 м (или несколькими локальными) и было завершено формирование курганной насыпи. Судя по различной глубине залегания, одни из погребений срубной культуры (например, пп. 10, 11, 12, 13, 15, возможно также пп. 5, 7, 8, 14) были впущены с уровня ДГ или поверхности бабинских насыпей, а другие (пп. 1, 3, 4, 6, 9, 21) – впущены с поверхности последней досыпки и потому являются более поздними из срубных. Обрядово-инвентарный комплекс захоронений позволяет отнести их ко II–III горизонтам срубных могильников Северного Приазовья [Литвиненко, 1999].

Некоторым образом от комплексов срубной культуры отделяется погребение 20, которое, на основании левобочной среднескорченной позы умершего с характерно перекрещенными руками и отсутствия керамики, может быть отнесено к черногоровской группе киммерийского времени.

В эпоху средневековья в вершину кургана было впущено позднекочевническое погребение

2. На основании черт обряда (широкая яма, западный сектор ориентации умершего и чучела коня, размещенного к северу от костяка человека – тип II отдела Г, по Г.А. Федорову-Давыдову; вариант 2 типа I, по А.Г. Атавину), и типа удил (односоставные без псалиев – тип I отдела В, по Г.А. Федорову-Давыдову) может быть отнесено к кругу печенежско-торческих древностей и датировано X-XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.18, 20, 124, 141; Атавин, 1984, с.137, табл. 2].

Общая хроностратиграфическая колонка кургана может быть представлена в следующем виде:



ЛИТЕРАТУРА

1. **Антоненко Б.О.** Курганний могильник поблизу с. Морокино // Поховальний обряд давнього населення України. К., 1991. С.151-161.

2. **Атавин А.Г.** Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. // СА. 1984. №1. С.134-143.

3. **Берестнев С.И.** Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков, 2001. 264 с.

4. **Вангородская О.Г.** О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К., 1987. С.38-48.

5. **Власкин М.В.** Исследование курганного могильника Мухин I в 1995, 1998 гг. // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. С.189-206.

6. **Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.** Кургани біля с Ново-Пилипівки і радгоспу „Аккермень" // Археологічні пам'ятки УРСР. Т.VIII. К., 1960. С.22-135.

7. **Гей А.Н.** 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. Вып. 1. С.4-14.

8. **Дергачев В.А.** Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1996. 221 с.

9. **Державин В.Л.** Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. М., 1989. С.125-194.

10. **Дубовская О.Р.** Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение – школе: Тез. обл. семинара. Донецк, 1985. С.19-21.

11. **Клименко В.Ф.** Курганы юга Донетчины. Енакиево, 1998. 218 с.

12. **Клошинцев В.Н.** Погребение литейщика на реке Ингулец // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники. Проблемы. Исследования. К., 1991. С.254-261.

13. **Ковалева И.Ф.** Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск, 1981. 78 с.

14. **Ковалева И.Ф.** Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988. С.20-33.

15. **Литвиненко Р.А.** К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. Донецк, 1996. Ч.1. С.65-71.

16. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С.4-23.

17. **Литвиненко Р.А.** Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С.12-19

18. **Литвиненко Р.А.** Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры Днепро-Донского региона // ДАС. Донецк, 2002. Вып.10. С.35-59.

19. **Литвиненко Р.А.** Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье: Матер. Междунар. науч. конф. Кн.1. СПб., 2002а. С.183-190.

20. **Литвиненко Р.А., Посредников В.А., Гриб В.К.** Исследование северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) // ДАС. Донецк, 1992. Вып. 2. С.94-113.

21. **Ляшко С.Н.** Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье // АО 1981 года. М., 1983. С.284-285.

22. **Магомедов Р.Г.** Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху бронзы. Махачкала, 1998.

23. **Марина З.П., Ромашко В.А.** Археологические исследования в зоне строительства орошения колхоза им. Ульянова Павлоградского района, колхоза им. 50-летия ВЛКСА на площадях подработки шахт Западного Донбасса // НА ИА НАНУ. – № 1986/52.

24. **Махно Є.В., Братченко С.Н.** Пастове намисто з катакомбного поховання на Компаніївському могильнику // Археологія. 1977. Вип. 24. С.53-60.

25. **Мельник В.И.** Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.

26. **Мимоход Р.А.** О погребениях финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: Тез. конф. М., 2003. Ч.1. С.103-107.

27. **Нечитайло А.Л.** Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К., 1991.

28. **Отрощенко В.В.** О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф. Харьков, 1992. С.163-165.

29. **Отрощенко В.В., Болдин Я.Н., Гошко Т.Ю., Ляшко С.Н., Ковалев Н.В., Кравченко С.Н., Пустовалов С.Ж., Рассамакин Ю.Я., Салий Н.Г., Савовский И.П.** Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 г. // НА ИА НАНУ. - № 1981/10.

30. **Пиларий И.А.** Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1983. 22 с.

31. **Прихин А.Д., Синюк А.Т.** Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. 1983. № 3.

32. **Савва Е.Н.** Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1992.

33. **Свешников И.К.** Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. К., 1974.

34. **Свешніков І.К.** Племена культури кулястих амфор. Племена культур шнурової кераміки. Племена Прикарпаття і Поділля. Племена Волині // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. К., 1974а.

35. **Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. 351 с.

36. **Ткачев В.В.** О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С.37-65.

37. **Тошев Г.Н.** Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., 1991. С.85-100.

38. **Труды** Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. Н.Н. Парусимов. Азов, 1999. Вып.4.

39. **Шапошникова О.Г, Фоменко В.Н., Клошинцев В.Н., Елисеев В.Ф.** Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. – Ч.II. // НА ИА НАНУ. - № 1984/9.

40. **Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

41. **Фещенко Е.Л.** Изделия из металла в катакомбных погребениях Днепровского предстепья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1992. С.84-101.

42. **Litvinenko R.A.** The Problem of Chronological Correlation between Sintashta Type and MRC Sites // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Washington D.C., 2002. Vol. 1. P.172-188.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2003 г.

Археологический альманах №14, Донецк 2003. С. 233-259.

КУРГАНЫ У с. САМОЙЛОВО (БАСЕЙН ГРУЗСКОГО ЕЛАНЧИКА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)

Швецов М.Л.

The author was investigating the recorded barrow burial grounds in 1981. Twenty burial places and one religious building were closely looked at in three partially disturbed embankments. The majority of tombs (16) refer to the Bronze epoch, two – to the early Iron Age and two – to the medieval times.

The stratigraphy traced and the burial ceremonial peculiarities make it possible to define the cultural affiliation of the burial places and refer tombs 3,8 of barrow I and 4,6 of barrow II to so-called Babinskaya culture. The burning of dead bodies 5 of barrow 2 separates the next tombs of felling times.

Tombs 2 and 3 from barrows II and III of the Early Iron Age epoch are made by Polovets. The medieval warrior (tomb 2, barrow III) is of great interest. The horse and wheels of his chariot were placed above him. The presence of an offensive weapon (saber, bow, arrows) and defensive armor (helmet, chain mail) proves the importance of buried soldier's military position. Y Yelkina dates the brocade coat and remains of a gold-woven belt worn by him by 50-th – 60-th of XIII c. She does it on the analogy of tomb of Khan from Chingulsk barrow where the belt made of analogous cloth was found.

Грузской Еланчик – небольшая река в Северном Приазовье [Слюсарев, 1983, с.44]. Название ее синтезировано от украинского «грузький» (тонкий, илистый) и тюркского «елан» – луг, пастбище. В нем полностью отразился характер реки, которая имеет широкую заложенную пойму и тонкое русло. Но берега реки в верхнем и среднем течении и берега ее притоков каменистые, о чем свидетельствует и названия некоторых из них – балки Каменная и Кременоватская, а также название одного из сел, расположенных на реке – Каменка.

Истоки Еланчика находятся на самой восточной гряде Приазовской возвышенности (высоты около 200 м), которая потом направляется к югу, постепенно понижаясь (до высоты 165 м) и растворяясь на Приазовской равнине (рис. 1а). Она же является главным водоразделом между бассейнами рек Грузской Еланчик и Кальмиус. Здесь расположены наиболее значительные курганы в с бассейне Грузского Еланчика – с мощными насыпями высотой до 6,5 м[1]. Они доминируют в курганных группах, разбросанных по верхней части водораздельного плато.

Грузской Еланчик – река преимущественно равнинная. Ее окружают невысокие, но выраженные уплощенные водоразделы с пологими склонами. Курганы расположены на всех из них компактными группами, которые удалены друг от друга на 1,0-2,5 км (рис. 1а). В группах, как правило, доминируют курганы высотой около 2 м, иногда встречаются курганы высотой 3-4 м. Известны курганы различных типов – и с округлыми в плане насыпями и так называемые длинные (например, у с. Маркино Новоазовского р-на). Расположенные на водоразделах курганы хорошо видны на линии горизонта с уровня надпойменной террасы. На этом уровне также сооружались курганы. В частности таковые были обследованы экспедицией ЭТО «Фонд» под руководством А.В. Колесника в 1989 г. между селами Михайловка и Кузнецово-Михайловка Тельмановского р-на на левобережье Грузского Еланчика[2].

Курганы в данном регионе исследуются давно, но неравномерно. В 1970-х годах здесь велись работы новостроечными экспедициями

[1] Использованы данные архива отдела охраны памятников археологии ДОКМ. Огромная благодарность сотруднику отдела Ю.Б. Полидовичу за помощь в подборе материалов.

[2] Выражаю благодарность А.В. Колеснику за предоставленную информацию о его памятниках.

Рис. 1а. Схема расположения основных курганов и курганных групп в бассейне р. Грузской Еланчик.

Fig. 1a. The map of the barrow distribution in the Gruzskoy Elanchik river basin.

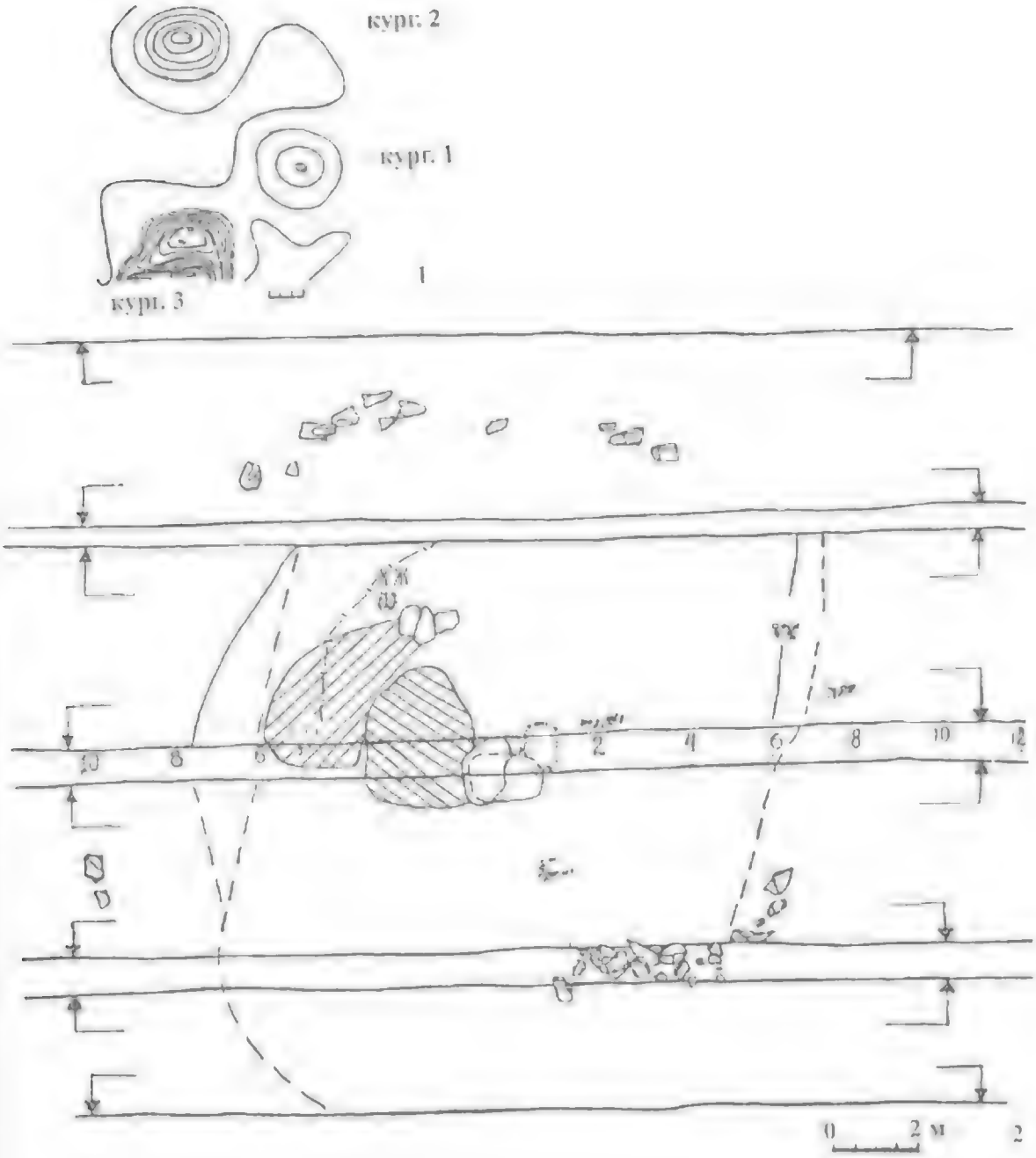


Рис. 1. Курганный могильник у с. Самойлово. Общий план кургана 1.
1. Общий план курганного могильника.
2. Общий план кургана 1: г – погребение 1; д – погребение 2; е – погребение 3;
ж – погребение 4; з – погребение 5; и – погребение 6; к – погребение 7; л – погребение 8;
КЖ – кости животных в насыпи; тр – тризна.

Fig. 1. Barrow burial ground by the village of Samojlovo. General plan of barrow 1.

Института археологии АН Украины, а в конце 1980-х – Новоазовской экспедицией. Материалы их раскопок, к сожалению, опубликованы только частично [Братченко, 1976, с.272–273, Швецов, 1979, с.199-209; Горбов, 1988; Клименко, Цымбал, 1991, с.22; Клименко, 1994, с.110]. Проводились также раскопки поселений эпохи бронзы в регионе, примыкающем к низовьям Грузского Еланчика – на берегах балок Широкая и Безымянная, материалы которых опубликованы более полно [Горбов, 1988, с.269-270; Горбов, 1991, с.119-120; Горбов, 1995, с 52-72; Горбов, 1996, с.66-69; Горбов, 1997, с.145-161; Мимоход, 1996, с.27-33; Панковский, 1996, с.33-37; Усачук, 1981, с.46-47; Усачук, 1989, с.125-128; Усачук, 1995 с.33-37 и др.][3]. Проведение сравнительных сопоставлений курганных и поселенческих материалов, датирующихся одним временем и происходящих с одной территории, может дать интересные данные. Тем более что поселенческие памятники, по мнению их исследователей, отражают материальную культуру населения юго-восточного Приазовья, соответствующую разным временным этапам срубной культуры. Основной массив погребений курганов Приазовья, как и публикуемого нами могильника, относится также к указанным периодам.

Целью данной публикации является введение в научный оборот курганных захоронений одного из маленьких могильников эпохи бронзы, расположенного в этом районе [Швецов, 1982, с.332][4].

Курганный могильник находился на водоразделе, образованном р. Грузской Еланчик и балкой Широкой, недалеко от трассы Новоазовск – Самойлово, западнее колхозного тока и механических мастерских колхоза "Маяк"[5].

Группа, основанная в эпоху бронзы, состояла из трех насыпей, расположенных компактно уголком (рис. 1, 1).

Курганы неоднократно подвергались распашке и частичным нарушениям. Так, на восточной поле к. 2 были видны следы старого перекопа (окоп), на к. 3 в 1950-х годах находился скотомогильник, а на его восточной поле — колхозный омшаник. В период Великой Отечественной войны здесь был блиндаж с окопами (рис. 13, 1).

Раскопки проводились методом параллельных траншей при помощи бульдозера Д-75 с полным сносом насыпи курганов.

КУРГАН № 1

Курган № 1 (рис. 1, 2) занимал в могильнике восточное место. Высота на уровне ДГ — 1, 4 м. Диаметр насыпи — 20 м.

Стратиграфия насыпи: курган насыпался в два приема (рис. 2). Первичная насыпь из гумуса с большими кусками дерна, насыпана над погребением 8, имела высоту 1 – 1,25 м при диаметре 10 — 12 м. Интересной деталью этой насыпи являются остатки сохранившегося деревянного перекрытия ее верха по центру и периферии. Насыпи в профиле ЦБ прослеживались четко. На одной из пол первой насыпи в СВ секторе находились остатки возможной тризны в виде костей ног животного (овцы — козы), сложенные кучкой (рис. 3, 4). Не исключено, что отдельные фрагменты стенок лепных сосудов (рис. 4, 13) и кремень (рис. 3, 5) в насыпи кургана также относятся к этому же времени.

Вторая насыпь (рис. 2, б), увеличившая курган до высоты 1,25 — 1,40 м и в диаметре до 20 м, состояла из гумуса с глиной и имела местами светло–коричневый цвет. С ней, по-видимому, можно связать остатки каменных конструкций в насыпи (следы кромлеха или крепиды). Выявить взаимосвязь второй насыпи с каким–либо погребением в к. 1 представляется нам сомнительным. Тем не менее, можно указать, что П. 7 (захоронение ребенка) (рис. 4, 12) находилось именно на деревянном перекрытии первой насыпи, что четко фиксировалось в

[3] Приведенный список публикаций и статей по материалам указанных памятников можно значительно расширить, перечисляя работы как авторов раскопок, так и участников экспедиции.

[4] Автор не является специалистом в этой хронологической тематике, поэтому мы предлагаем только публикацию раскопанных материалов с небольшим комментарием. Считаем своим долгом высказать признательность В.Г. Збеновичу и его семье за помощь в работе на курганах, и за консультации и советы — Р.А. Литвиненко, А.Н. Усачуку, Л.Г. Шенко.

[5] Могильник раскапывался в 1981 г., в связи с планируемой постройкой на данном участке накопительного бассейна местной системы орошения. Привязки и терминология расположения объектов на сегодняшний день не изменились и поэтому сохранены нами полностью.

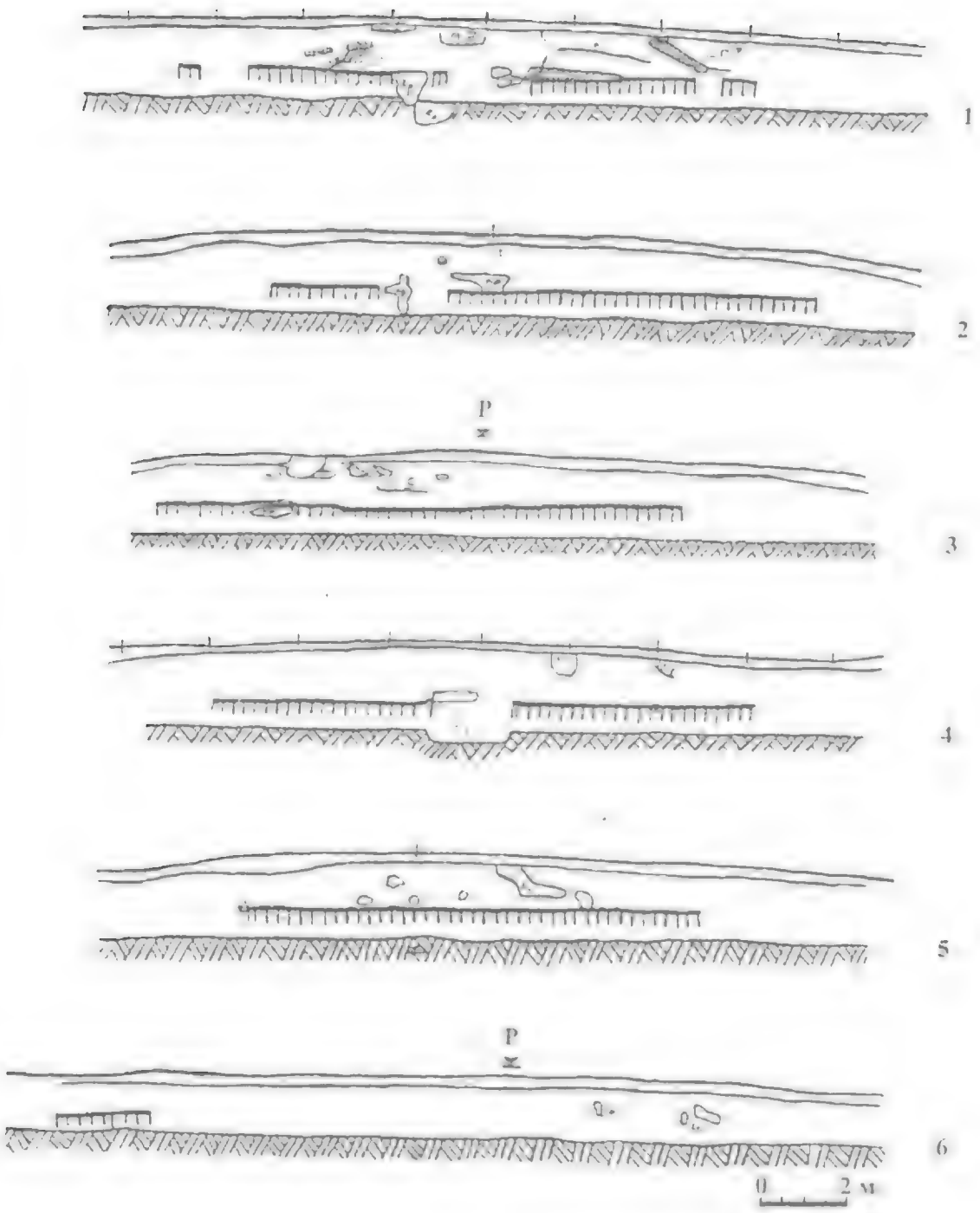


Рис. 2. Профили бровок — курган 1.
1. Центральная бровка – сев. профиль.
2. Первая северная бровка, южный профиль.
3. Первая южная бровка, северный профиль.
4. Центральная бровка – южный профиль.
5. Первая северная бровка, северный профиль.
6. Вторая северная бровка, южный профиль.

Fig. 2. The barrows 1: stratigrafy.

профиле ЦБ. Не исключена и взаимосвязь второй насыпи с П. 3 (рис. 2; рис. 3, 6), находившимся в центре этой насыпи и каменного сооружения (рис. 1, 2).

Курган насыпан в эпоху бронзы. В нем исследовано 9 захоронений. Восемь — эпохи бронзы, где основным является П. 8 – (бабинская культура); последовательность других погребений: П. 3 – (бабинская культура) и П. 7, последующее П. 9, перекрытое каменным сооружением. Очередность других не выражена. Одно захоронение П. 1 позднекочевническое.

Погребение 1 (рис. 3, 1).

Позднекочевническое, разрушено. Находилось в центре, на глубине 0,37м от R. От умершего сохранились кости ног (бедренная и левая берцовая) и кости сопутствующего животного (нижние конечности лошади). Положение погребенного выявить невозможно. Среди костей найдены два фрагмента железных изделий, по-видимому, удил (1), изготовленных из подквадратного в сечении прута.

1. Остатки от удил, состоят из грызла, изготовленного из подквадратного в сечении прута D = 1 см, и фрагмента трензельного кольца (рис. 3, 2) — круглого в сечении, — D = 1 см.

Погребение 2 (рис. 3, 3).

Срубное, впускное, находилось в СВ секторе кургана, в насыпи, почти на уровне ДГ, глубина 1,15 м от R. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет погребенного лежал на левом боку, скорчено, кости ног поджаты к позвоночнику под острым углом. Руки согнуты в локтях и лежат кистями впереди лица. Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (рис. 3, 6 – 8).

Ранний период бабинской культуры, впускное, в центре насыпи, на уровне 1-й насыпи 0,63 м от R. Могильная яма в форме вытянутого овала по линии С — Ю, прослеживается только по сохранившемуся контуру подстилки. Скелет не сохранился. Лишь в южной окраине ямы — остатки черепа, а в северной — развал лепного сосуда (1).

1. Сосуд (рис. 3, 7) — лепной плоскодонный горшок с резким плечиком– ребром, украшенным прорезными треугольниками, вершинами к венчику. Венчик прямой, украшен насечками (вдавлениями). По тулову сосуд расписан (рис. 3, 8) серией пересекающихся линий и фигур, создающих впечатление ряда условных рисунков. Верхний фриз сюжета из треугольников, расположенных вершинами вверх, выше ребра к зауженной шейке сосуда, и завершается врезным пояском, проведенным после нанесения треугольников. Дальнейшая часть орнамента в виде асимметричного паркетного орнамента в нижней части тулова. H= 12 см, Dтул. = 11 см, Dдна = 8 см.

Погребение 4 (рис. 4, 1).

Впускное, срубное, частично разрушенное, находилось в юго–восточном секторе кургана, в насыпи, на глубине 1,15 м от R. Плохо сохранившийся скелет погребенного лежал на боку скорчено, головой ориентирован на СВ. Перед коленями погребенного находились кости животного (лошади) (3 бабки и 3 метаподии, выложенные, чередуясь, в один ряд). Инвентарь отсутствует.

Погребение 5 (рис. 4, 2).

Срубное, впускное, в насыпи. Находилось в юго–западном секторе кургана на глубине 1,38 м от R. Скелет погребенного лежал на левом боку, скорчено, ориентирован головой на В. Ноги согнут в коленях и поджаты под тупым углом к позвоночнику. Руки согнуты в локтях и лежат одна над другой перед грудью, кистями к лицу. Инвентарь отсутствует.

Погребение 6 (рис. 4, 3).

Срубное, впускное, в насыпи; сохранность плохая, по оставшимся костям можно говорить, что погребенный лежал на левом боку, скорчено, головой на В. Ноги согнуты в коленях и пятками поджаты к тазу. Позвоночник прямой. Глубина от R — 1,43 м. Инвентарь отсутствует.

Погребение 7 (рис. 2, 2).

Срубное, впускное. Детский скелет, как мы уже отмечали, находился в центре кургана (ЦБ), на деревянном перекрытии первой насыпи, лежал скорчено на левом боку, ориентирован по линии В — СВ. Глубина от R — 0,75 м. Инвентарь отсутствует.

Погребение 8 (рис. 4, 4, 5).

Основное (ранний этап бабинской культуры). Впущено с уровня ДГ, выкид из П.8 лежит северо–западнее могильной ямы

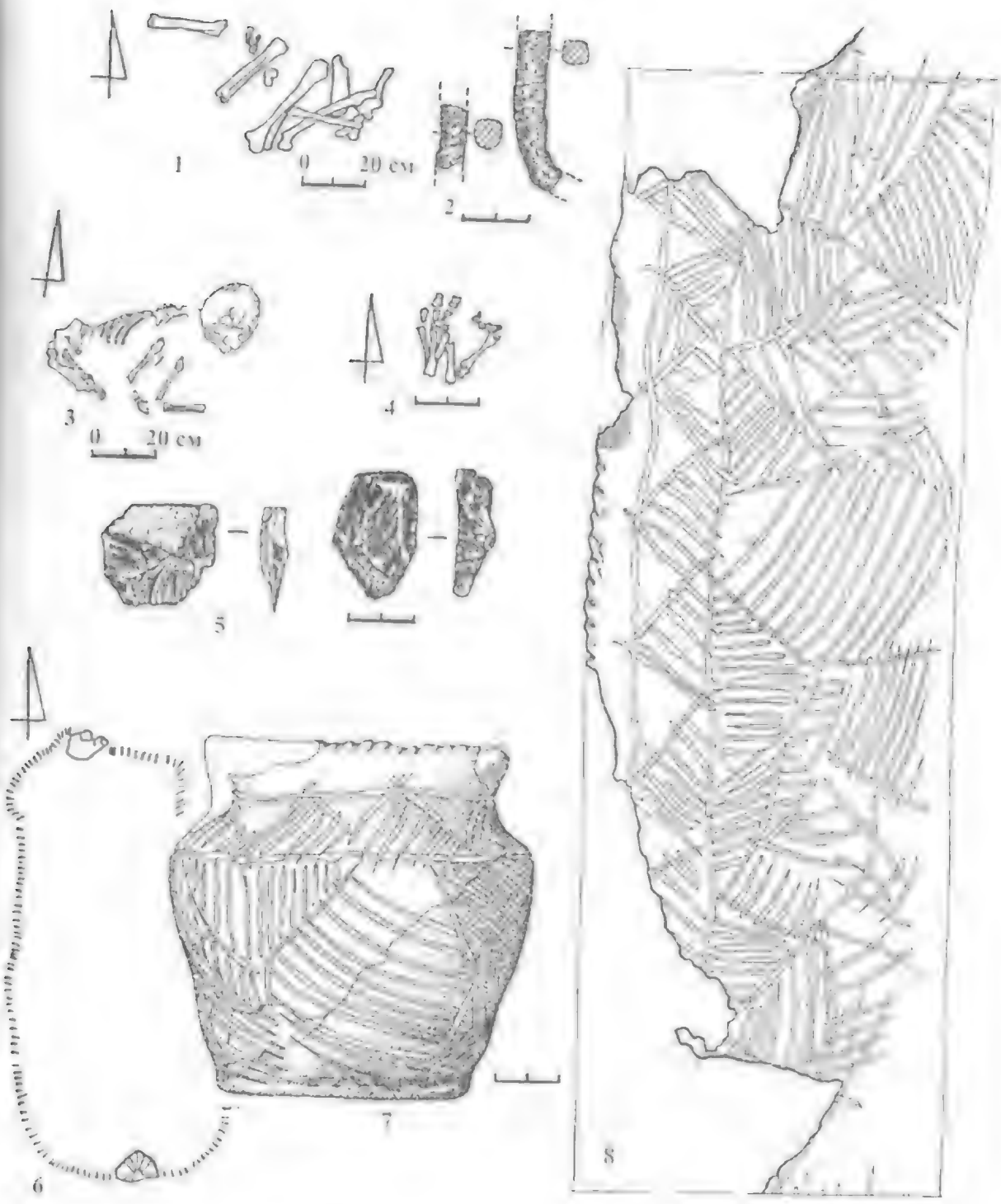


Рис. 3. Погребения из кургана 1:
1. погребение 1 (разрушено); 2. фрагменты углей из погребения 1; 3. погребение 2; 4. "тризна"; 5. кремень из насыпи кургана 1; 6. план погребения 1; 7. сосуд из погребения 3; 8. развертка рисунка на сосуде из погребения 3.

Fig. 3. The burials from barrow 1.

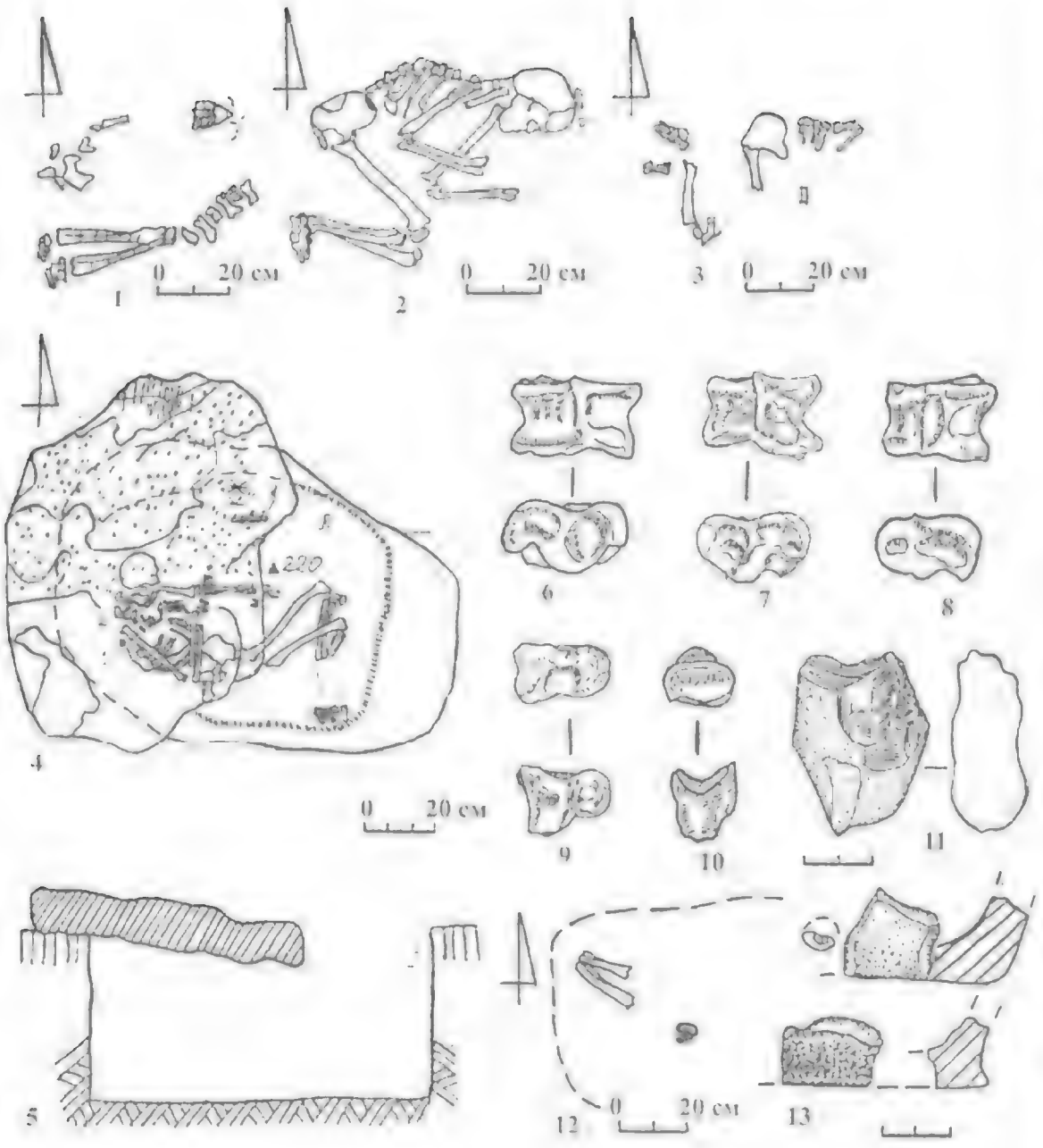


Рис. 4. Погребения 4-8 из кургана 1:
1. погребение 4; 2. погребение 5; 3. остатки погребения 6;
4, 5. план и профиль погребения 8; 6-11. находки из погребения 8;
12. остатки от погребения 9; 13. фрагменты лепных сосудов из погребения 9.

Fig. 4. The burials 4-8 from barrow 1.

(1,8x1,3x0,75 м). Яма в форме вытянутого овала, слегка расширяющегося в северо–западной части, ориентирована длинной осью по линии СЗ — ЮВ. Верх ее перекрыт большой каменной плитой (1,7 - 1,2 - 0,2 м) без следов насыпи. Поверх плиты остатки обгорелых прутьев и слой сажи. В яме, на дне, 2,20 м от R, лежал скелет погребенного подростка на спине с легким разворотом на левый бок, с ногами, согнутыми в коленях и упавшими на левый бок. Левая рука вытянута вдоль тела кистью к коленям, а правая рука согнута в локте и ее кисть находилась на локте левой.

На плечах умершего и за ними находились кремневый желвак (рис. 4, 11) и кости животного (2 бабки, 3 астрагала, 1 суставная и 1 пястная) (рис. 4, 6-10). Кроме того, остатки пищевой пищи находились впереди погребенного, у северной части ямы (рис. 4, 4-5). На дне, под погребением — следы подстилки (лесого тлена).

Погребение 9 (рис. 4, 12,13).

Впускное, эпохи бронзы. В юго–западном секторе, в насыпи, под камнями кромлеха (?) (трепиды). Разрушено. Сохранились лишь кости ног (коленные чашечки и части костей бедра и берцовой), а также пяточные кости. В восточном углу отстатки лепного плоскодонного (не реконструированного) сосуда.

КУРГАН № 2

Северный в группе (рис. 5). Распахивался, на поверхности встречены отдельные камни. Высота насыпи над линией ДГ – 2,70 м. Диаметр 30 метров.

Стратиграфия насыпи: курган насыпан в эпоху бронзы в три приема с одной подсыпкой.

Первая насыпь (рис. 6) высотой до 1 м, диаметром 10 — 12 м, из жирного темного гумуса, насыпана над основным погребением 6, но не являющимся первым. Погребение 7 мы считаем самым ранним в кургане, но не имеющим насыпи. Выкид из погребения 6 лежит на ДГ и указывает, что оно основное в первой насыпи. Погребение 7 впущено в ДГ и лишь немного уходило в предматериковый слой, поэтому следов выкида на ДГ не видно.

Вторая насыпь (рис. 6) из гумуса с глиной, в северной поле в ней прослеживаются куски зерна, в то время как южная пола более насыщена глиной. Высота 2-й насыпи 1,8 — 1,9 м от линии ДГ при диаметре 25 — 27 метров. Данная насыпь связывается нами с погребением 4 и основной центр ее перемещен к северной поле кургана, что прослеживается в профилях бровок (рис. 6).

Третья насыпь связывается с погребением 5 (частично разрушенным грабительской "миной") и погребением 3. Насыпь из очень светлого гумуса, видимо, насыпалась из предматерикового слоя. Основной ее центр тяготеет к южной поле (рис. 6). Сохранившаяся часть насыпи толщиной до 0,2 м при диаметре 25 — 30 метров.

По–видимому, с погребением 1 можно связывать южную досыпку, хорошо прослеживающуюся в южных профилях бровок (рис. 6) и являющуюся завершающим этапом в сооружении курганной насыпи без досыпок.

Отметим, что первоначальная насыпь была возведена на естественном глиняном (материковом) всхолмлении со слабым дерновым слоем (см. ЦБ). Также отметим наличие грабительской "мины", хорошо видимой в северном профиле ЦБ (рис. 6).

В кургане исследовано 7 погребений: одно — энеолитическое (П. 7), два — бабинской культуры (П. 4, 6) одно — трупосожжение эпохи бронзы (П. 5), одно – срубной культуры (П. 1), одно — сарматское (П. 3) и одно —позднекочевническое (П. 2).

Погребение 1 (рис. 10, 1).

Срубное, впускное, частично разрушенное. Находилось в юго–восточном секторе на глубине 0,7 м от R. От погребенного сохранились кости нижних конечностей, лежащих в анатомическом порядке. Судя по оставшимся костям, погребенный лежал на левом боку, скорчено, с поджатыми ногами, ориентация, по–видимому, на С — СВ. На коленях (возможно, над ними), находилось два сосуда (1, 2).

1. Сосуд (рис. 10, 2) баночной формы, плоскодонный со слегка опуклыми боками, носящими следы затертости мокрой травой. Тесто черное в изломе, рыхловатое. H = 14 см, Dвен. = 16 см, Dтул. = 16,5 см, Dдн. = 10 см.

2. Сосуд (рис. 10, 3) острореберный, плоскодонный с узким дном, D = 10 см, с расширяющимся туловом и с четким ребром и зауженной горловиной, переходящей в отогнутый слабопрофильный венчик. Тесто на изломе черное,

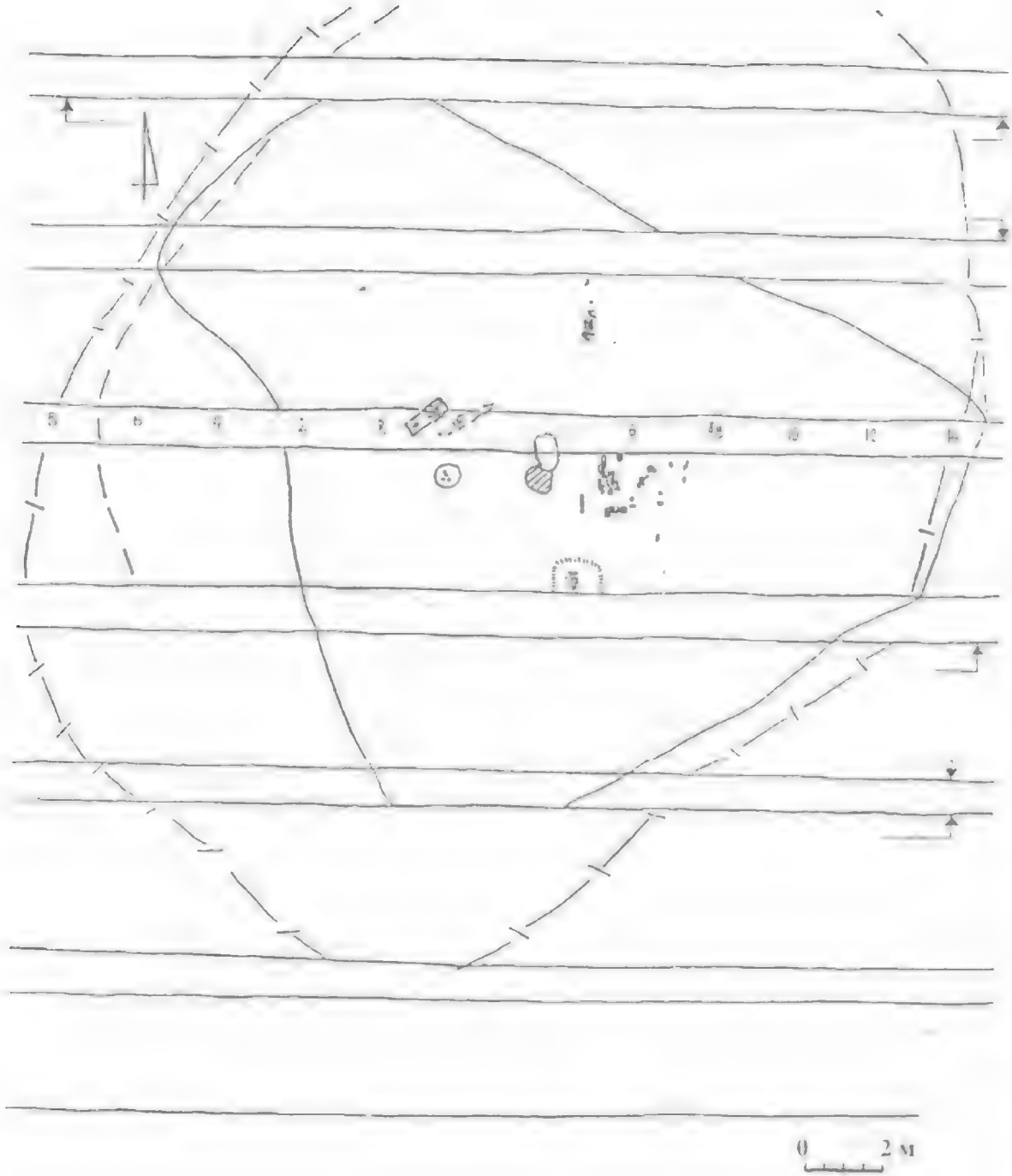


Рис. 5. Общий план кургана 2:
1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 3; 4 – погребение 4;
5 – погребение 5; 6 – погребение 6; 7 – погребение 7; КЖ – кости животных в насыпи

Fig. 5. General plan of barrow 2.

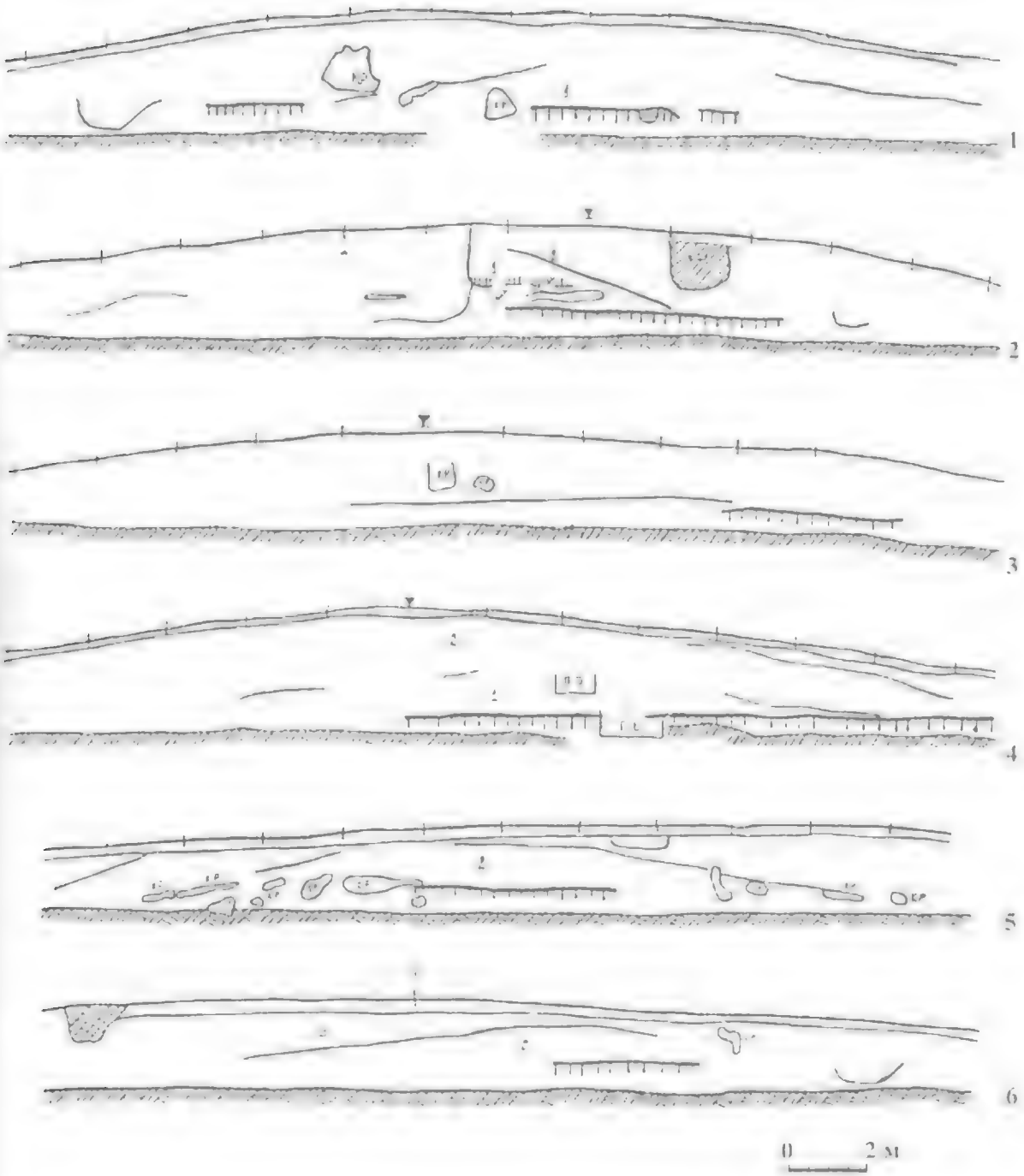


Рис. 6. Профили бровок кургана 2:
1 – первая северная, южный профиль; 2 – первая северная, северный профиль; 3 – вторая северная, южный профиль; 4 – центральная бровка, южный профиль; 5 – вторая южная, северный профиль; 6 – вторая южная, южный профиль.

Fig. 6. The barrows 2: stratigrafy.

цвет стенок серый. H = 16 см, Dвен. = 22 см, Dплеч. = 26 см, Dдн. = 10 см.

Погребение 2 (рис. 7, 1-3).

Позднекочевническое, впускное, в центре. При захоронении нарушило ПЗ и частично погребение 5. Зафиксировано с уровня 0,9 м от R. Чучело лошади (с некоторыми изменениями в обряде – наличие части позвонков) лежало в анатомическом порядке по линии В — З, на боку, не взнуздано и не оседлано, черепом на ЮЗ — З. Под ним находилось два деревянных колеса от повозки. Dобода = 1,0 — 1,1м, Dвнеш. втулки = 0,3 м, Dвнут. втулки = 0,1 м. Количество сохранившихся спиц в одном колесе — 12, толщина их от 3 до 5 см.

Под колесами, на глубине 1,7 м от R, в решетчатом грабовище находилось захоронение воина (мужчины), лежащего на спине, головой на СВ, с руками вдоль тела. Справа у изголовья находился шлем (1), на погребенном была надета рубашка (2), на ней шелковый халат (3) и парчовый пояс (лента), к которому крепились, по-видимому, отдельные вещи. Поверх халата – кольчуга (4). Слева вдоль руки — железная сабля (5), кисть левой руки находилась на ее середине. У рукояти сабли и под ней — остатки берестяного колчана. Ниже наконечники стрел (6), здесь же железная пряжка (7). Справа, ниже таза, железный нож (8) и кресало (9). У ног лежал большой красноглиняный кувшин (10). На рукавах и в шлеме остатки кожи. Слева костяная ворворка — пуговица (11) и железная пряжка (12).

Юго-восточнее погребенного 2, на расстоянии 0,6 м, на камнях обнаружена локтевая кость левой руки погребенного П3 (нарушенного П2) и железный крюк (рис. 7, 4).

1. Шлем (рис. 8, 1) железный, конический, с забралом. Относимый специалистами к типу "крутобоких., с наносником, надбровными дугами и вырезами для глаз" [Федоров-Давыдов, 1966, с.34]. H = 20 см, D = 24 см.

2. Остатки ткани от рубашки с воротничком.

3. Кусочки шелкового халата, на рукавах серебряные нашивки (фольга).

4. Кольчуга железная, состоящая из колец (рис. 8, 2), D – 2 см, округлых в сечении – 0,5 см. Плетение колец четыре в одном, одно в четырех. Изготовлена в виде длинной рубашки (рис. 7) с короткими рукавами.

5. Сабля (рис. 8, 3) однолезвийная, слабоизогнутая. Перекрестие с выделенным мысовидным подтреугольным выступом в средней части рукояти и шаровидными завершениями на концах его, насажено на рукоять сабли. Навершие короткое со сплощенным верхом и боковыми ушками, на которых расположено крепление к рукояти сабли. Крепление неестественно наклонено в сторону спинки лезвия. Сечение клинка треугольное. L = 115 см. Ножны овальные в сечении, деревянные с железной оковкой, сохранились частично (рис. 8, 4).

6. Наконечники стрел (рис. 8, 5-7), 9 штук. Из них один экземпляр в виде ласточкиного хвоста "двурогий срезень" (рис. 8, 6), L = 12 см. при длине черенка 6 см. 5 бронебойных, подквадратных (ромбических) в сечении наконечников. длиной от 5 до 7 см. (рис. VIII, 5). 3 подобных, но подквадратных в сечении (рис. 8, 7).

7. Пряжка железная с язычком (от колчана) (рис. 9, 1). D = 5 см, D сеч = 1 см.

8. Нож железный (рис. 9, 5) с прямым лезвием, длиной 9 см, с закругленным к концу острием, в сечении подтреугольный. Рукоять -2 см.

8а. Нож железный (рис. 9, 6), обломок (7 см) прямого плоского ножа со слегка изогнутой ручкой. L = 3 см.

9. Кресало (рис. 9, 8) железное, прямоугольное, L = 8 см и T = 3 см с почти прямыми углами и удлиненными подпрямоугольными прорезами, в сечении квадратное — 1 см. Кремень от кресала (рис. 9, 9).

10. Кувшин красноглиняный (рис. 9, 10) ойнохоевидный, с коротким широким горлом. Корпус яйцевидный, стройный. Максимальный диаметр тулова приходится на верхнюю середину сосуда. Полуовальная в сечении ручка прикреплена верхним концом к горлу, нижним к плечикам. Тулово украшено в широкой своей части небольшим выделенным валиком. Дно узкое, плоское. Весь сосуд украшен вертикальным лощением, начинающимся от горловины (ниже венчика) и до пояска, от пояска к дну. В верхней части кувшина ширина полосы лощения 3 мм, в нижней до 4–5 мм.

11. Костяная пуговица— ворворка (рис. 9, 11). Покрыта орнаментом в виде четырех циркульных кружков, между которыми по две насечки. Является частью седельной оснастки.

12. Пряжка железная поясная (рис. 9. 2) подквадратной формы с язычком.

13. Железная сбруйная пряжка подквад-

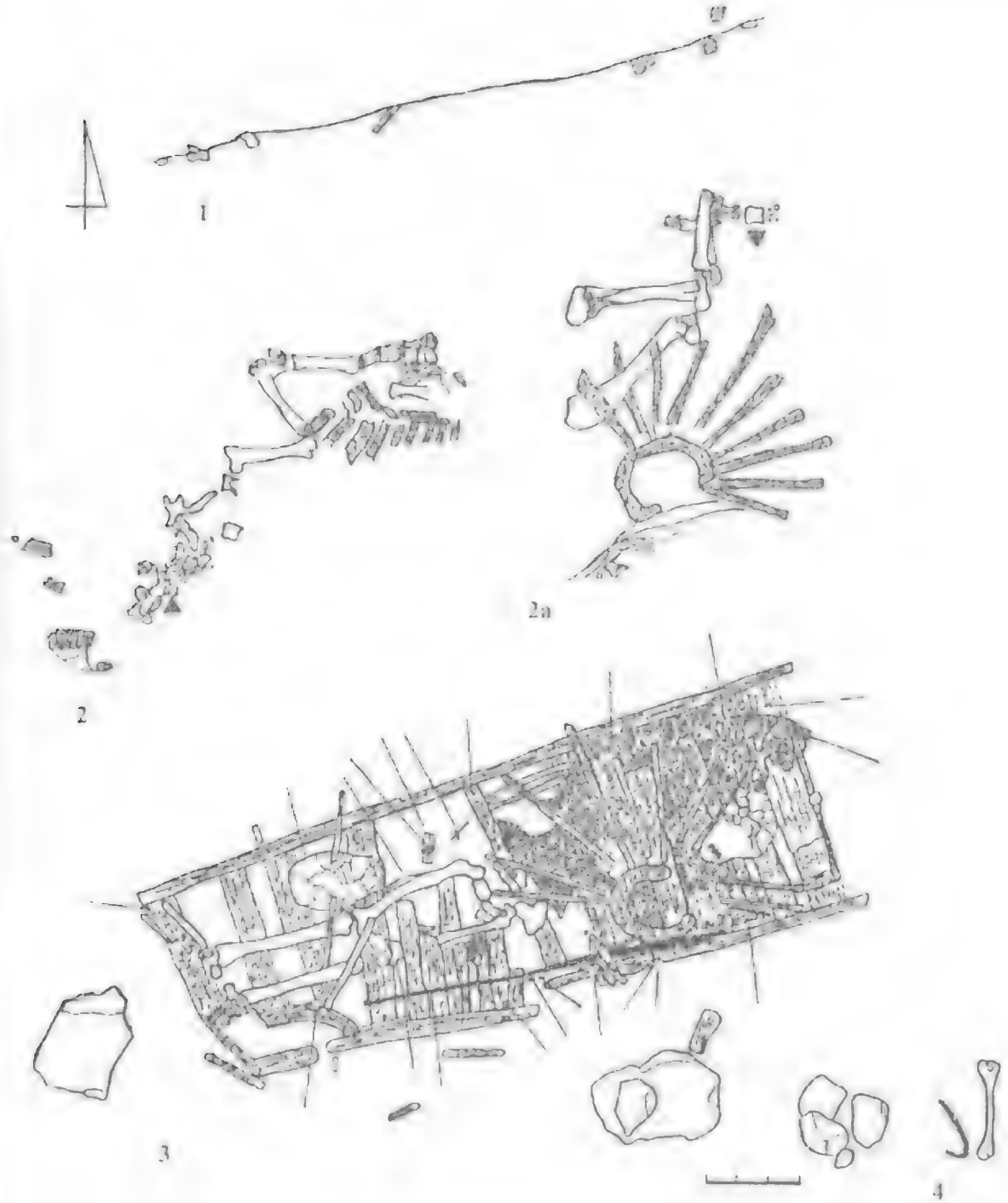


Рис. 7. План и разрезы погребения 2 кургана 2:
1 – горизонтальный разрез; 2 – перекрытие колесами и частью коня погребения 2, детали деревянных колес; 3 – план погребения 2; 4 – железный крюк, кости человека, и камни из погребения 3, разрушенного погребением 2.

Fig .7. Plan and cuts of burial 2, barrow 2.

ратной формы. Овальная в сечении.

14. Брусок каменный (7 х 4 х 3 см) (рис. 9, 7) подпрямоугольной формы, в сечении квадратный.

15. Пряжка железная (рис. 9, 3) округлой формы, в сечении овальная. На оболке остатки ткани.

16. Фрагмент золототканного пояска (золотисто красный цвет). (L = 12 см – T = 5 см).

Погребение 3 (рис.10, 4).

Сарматское, впускное, частично нарушено погребением 2. Впущено в центр кургана. Исследуется с уровня 0,8 м от R. В насыпи форма могильной ямы не прослеживается. По–видимому, захоронение было в подбое. Об этом свидетельствуют камни, находящиеся слева от погребенного, лежавшие горкой (от 0,8S до 1 м от R). Вытянуто в линию, как бы фиксируя край и уровень подбоя (рис. 10, 4а).

Скелет нарушен. Отсутствуют череп и левая половина грудной клетки. Погребенный лежит вытянуто на спине, головой на ЮЗ, стопы ног скрещены. Кисть правой руки у таза. Инвентарь отсутствует. По–видимому, к данному погребению относится горловина красноглиняной амфоры (1) и железный крюк (2).

В заполнении погребения 2, нарушившего захоронение 3, найдена лопатка овцы — козы. Остатки же обожженных костей найдены в засыпке и вокруг П. 3, относятся, по–видимому, к П. 5.

1. Горловина красноглиняной амфоры (рис.110, 5) без орнамента, тесто чистое, плотное. Устье — Dвн = 5 см, Dвнут. = 3 см. Нижняя часть — D = 10 см. Dфрг. горл. = 10 см.

2. Крюк железный (рис. 10, 6), сечение квадратное – 1 см, L = 11 см. Верхняя половина крюка крепилась к деревянной основе.

Погребение 4 (рис. 11, 1).

Ранесрубное, впускное, по–видимому, с ним можно связать вторую насыпь. Находилось СВ R на расстоянии 5 м. Могильная яма впущена в первую насыпь, контуры не выявлены. Погребенный ребенок лежал на спине с небольшим разворотом на левый бок. Сохранность плохая. Бедренные кости лежат набок. По–видимому, можно считать, что ребенок был захоронен скорчено. Ориентирован черепом на С. Справа около рук найдено по 1 керамической бусине (1). За черепом, на расстоянии 0,9 м, найдены фрагменты лепного сосуда (2).

1. Бусина керамическая (рис. 11, 2) трубчатая, цилиндрическая, светло–бежевого цвета, D = 0,7 см, Dсеч = 0,5 см

2. Фрагмент дна лепного плоскодонного сосуда (рис. 11, 3) серого цвета с добавлениями.

Погребение 5 (рис. 11, 4).

Трупосожжение эпохи бронзы. Разрушено грабительской "миной" и при сооружении П. 3. По–видимому, в данном случае мы имеем дело с трупосожжением "на стороне" и захоронением урны под каменной конструкцией. Об этом говорит следующее:

1) наличие серого цвета гумуса (гумус с пеплом) в засыпке П. 3 и восточнее, в грабительской "мине". Там же остатки сгоревших костей человека и животного;

2) наличие развала лепного сосуда (1) как на месте захоронения, так и в грабительской "мине" и засыпке П. 3;

3) наличие каменной плиты и пятна глины со следами серого цвета (пепел) в насыпи кургана рядом с развалом сосуда.

Конструкция могильной ямы не ясна.

1. Сосуд (рис. 11, 5) лепной, плоскодонный, опуклобокий, слабопрофилированный, со слабо выделенным коротким горлом, высотой до 2,5 см. На некоторых участках венчик слегка отогнут. Тесто плотное, чистое. Цвет черновато-серый, обжиг неровный. D горл. — 15 см, тулова — 17 см.

Погребение 6 (рис. 11, 6).

Основное, ранний этап бабинской культуры, впущено в ДГ, выкид лежит на ДГ (см. ЦБ). Находится в центре кургана, с ним связана первая насыпь. Сохранность плохая. Частично нарушено кротами. Могильное сооружение, по–видимому, в виде квадратной ямы. В дно по углам вбиты столбики (рис. 11, 6), на которые клалось деревянное перекрытие в виде досок. Нами зафиксированы 12 досок шириной 10, толщиной 6 — 8 см, лежащих над погребением по линии С—Ю. Колышки (подставки) (D = 5 см) углублены в материк на 0,2 м (выноска рис. 11, 6).

Мужчина (40 – 50 лет) лежал скорчено, на левом боку, головой на З — СЗ. Руки согнуты в локтях, кисти у подбородка. Между фалангами пальцев скелета (чуть выше) найдены две небольшие медные обоймочки (рис. 11, 7) прямоугольных очертаний, сделанные из прямоугольной в сечении проволоки–пластины. На костях

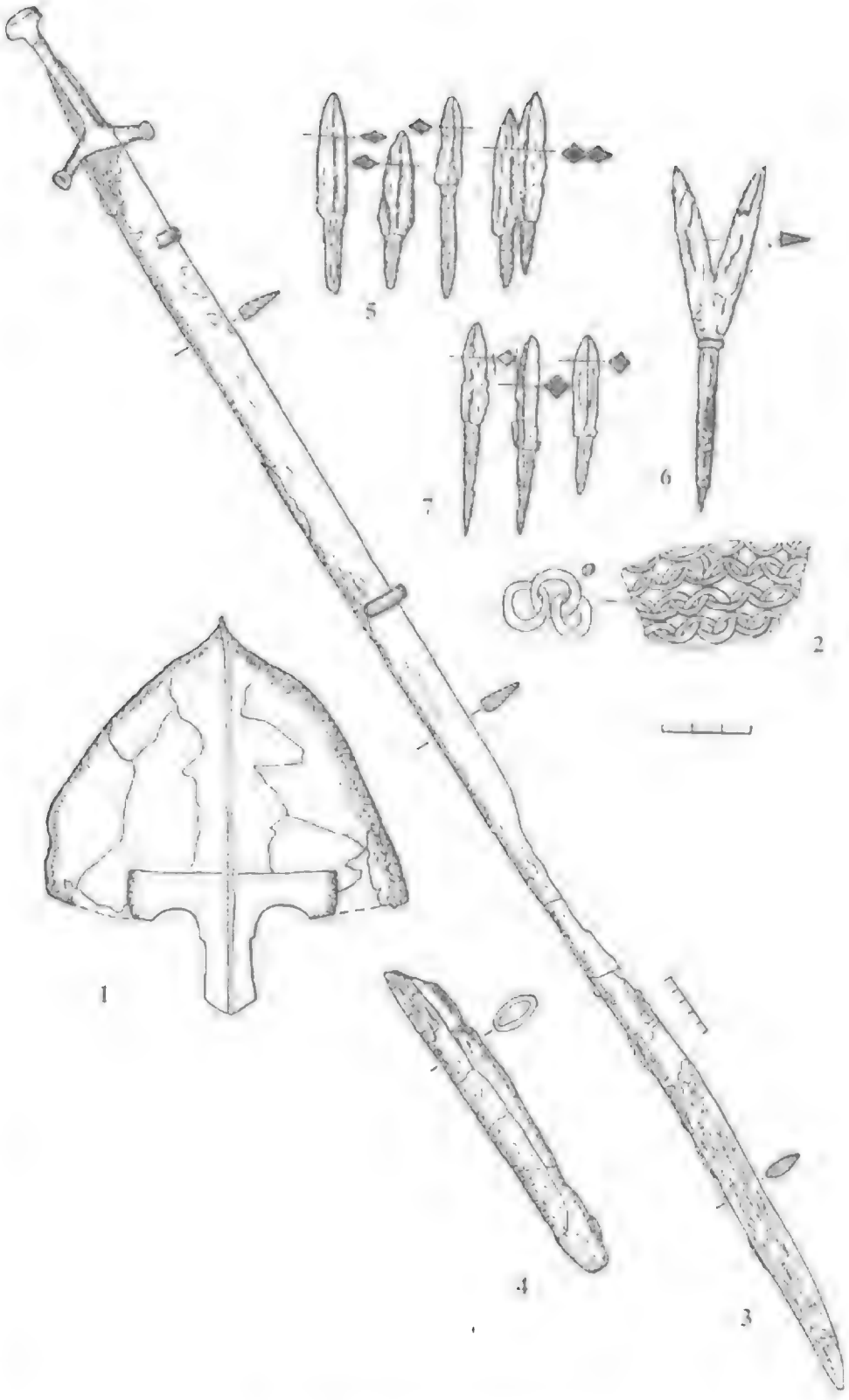


Рис. 8. Оружие из погребения 2:
1 – шлем; 2 – фрагмент кольчуги; 3 – сабля; 4 – фрагмент ножен; 5, 7 – бронебойные наконечники стрел; 6 – "двурогий срезень".

Fig. 8. Weapon from burial 2.

Рис. 9. Находки из погребения 2 кургана 2:
1 – 4 железные пряжки; 5, 6 – ножи; 7 – точильный брусок;
8 – Кресало; 9 – кремень из кресала; 10 – лощенный кувшин;
11 – костяная ворворка (часть седельной сбруи).

Fig. 9. Finds from burial 2, barrow 2.

черепа, рук и ног следы красноватой охры. Под скелетом подсыпка мела. В ногах кремневый желвак (рис. 11, 8). В юго–восточном углу зуб лошади.

Погребение 7 (рис. 11, 9).

Захоронение черепа человека в круглой яме. Энеолит. В центре кургана яма округлой формы, D = 0,9 м. Углублена в ДГ до материка на 3,0 м от R.

КУРГАН № 3

Находился в 50 м к югу от кургана № 2. Первоначальная высота его достигала, по–видимому, более 4 м, в плане он приближается к овалу, имея по линии С – Ю 45 м, по линии З – В 50 м. Насыпь кургана сильно разрушена позднейшими перекопами (рис. 13, 1): в центре имеются две глубокие выемки (следы блиндажа военных лет и скотомогильника). Восточная половина перерезана двумя траншеями. Ямы и остатки траншей заметны и в других частях насыпи. Полы кургана срезаны, а часть грунта с южной и западной полы пошла на сооружение колхозной насеки и омшаника, непосредственно примыкающих к кургану с юга.

Насыпь кургана снималась с помощью бульдозера, с оставлением трех бровок по линии З — В. Ширина ЦБ — 2 м, северной (в шести метрах от ЦБ) и южной (в трех метрах от ЦБ) о 1 м. За нулевую отметку была взята наибольшая современная точка насыпи.

Стратиграфия насыпи: нынешняя насыпь кургана сформировалась в несколько этапов и состоит из нескольких насыпей и локальных подсыпок.

Первая насыпь — древнейшая. Достигала в высоту 1,0 — 1,1 м при диаметре около 12 м. Она хорошо фиксируется в ЦБ и на излете видна в южной бровке и южном срезе северной бровки.

Насыпь легла на небольшое суглинистое вехолмление естественного происхождения, фиксирующееся в обоих срезах ЦБ.

Поверхность этого вехолмления при совершении основного погребения (П. 4) была слегка срезана и уплощена так же, как был почти полностью срезан слой погребенного чернозема, сохранившийся лишь на небольших участках в виде темной полоски мощностью 10 — 15 см. Насыпь состоит из плотного серовато–черного грунта (смесь суглинка и гумуса), перерезанного многочисленными кротовинами. Края насыпи были преднамеренно покрыты тонким слоем материковой глины, заметным в обоих срезах ЦБ в виде тонких полосок длиной 1,5 — 2,0 м. Верхушка насыпи уплощена. В ЦБ хорошо заметен двусторонний линзовидный выкид желтоватого предматерикового суглинка, на который лег материковый выкид из ямы. Он фиксируется по обе стороны ЦБ на глубине 3,5 м в виде больших пятен желтой глины (рис. 13, 6).

Вторая насыпь чуть сдвинута к третьей относительно первой. Высота ее до 2,0 м, диаметр около 25 м. Составляющий ее грунт несколько более темный, чем грунт первой насыпи, и состоит из сильно гумусированного суглинка. Верхняя граница насыпи четко фиксируется неширокой трещиной на контакте с последующей насыпью. Трещина эта хорошо заметна на срезах всех бровок и образовалась, очевидно, в результате высыхания травы, покрывавшей поверхность второй насыпи.

Третья насыпь высотой около 2,6 м, в диаметре 35 м. Состоит из белесовато–серого гумусированного суглинка. В верхней части перерезана многочисленными поздними ямами. В западной ее части фиксируется часть локальных досыпок, хорошо заметных в срезах ЦБ и в южной бровке, оба профиля (рис. 13, 3, 4, 6). В западной части насыпи, у южного профиля северной бровки, на глубине около 2,0 м найдены три фрагмента керамики эпохи бронзы, два из них содержат в тесте примесь ракушки.

Не исключено, что третья насыпь возникла не после очередного погребения, а является досыпкой, сделанной после сооружения второй насыпи.

Четвертая насыпь по времени позднейшая. Высота ее 3,0 м, диаметр до 45 м. Насыпь состоит из плотного комковатого серого гумусированного суглинка. Ее перекрывает верхний слой насыпи с дерном, мощностью 0,4 — 0,5 м. Края четвертой насыпи укреплены каменным кольцом — крепидой, положенным на насыпь. Крепида хорошо сохранилась в северной, западной и юго–восточной частях кургана, почти совершенно отсутствует в центре восточной и разрушена в южной. Диаметр каменного кольца 22 — 24 м. Ширина колеблется от 1,5 до 3,0 м. Кольцо состоит из обломков известняка разных размеров, уложенных друг на друга в несколько ярусов. Почти всюду каменная конструкция

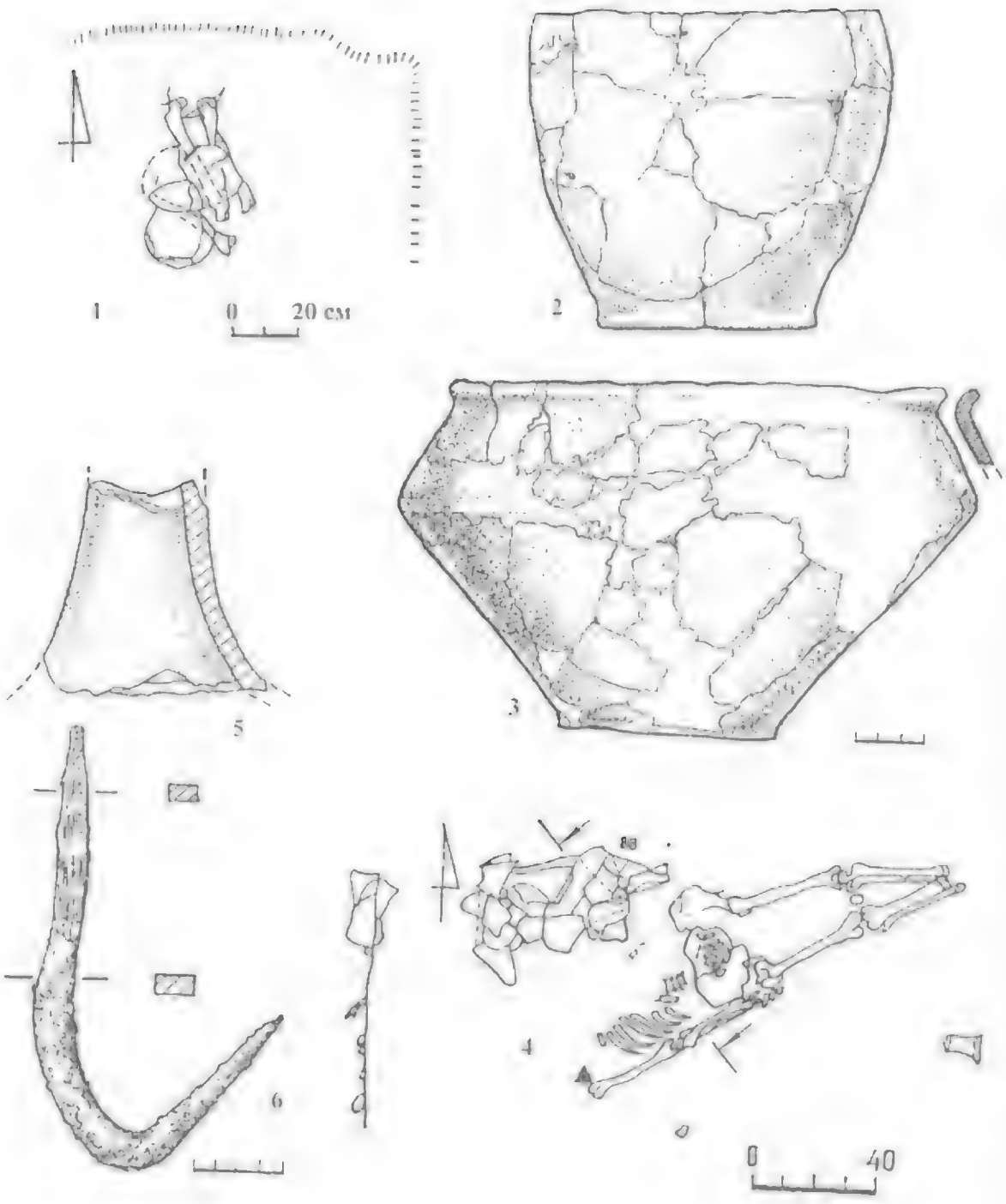


Рис. 10. Погребения из кургана 2:
1 – план погребения 1, а-б – сосуды из погребения 1;
2, 3 – посуда из погребения 1; 4, 4а – план и разрез погребения 3;
5 – горловина красноглиняной амфоры из погребения 3;
6 –железный крюк из погребения 3.

Fig. 10. The burials from barrow 2.

сползла по склону насыпи. Верхние ее камни фиксируются, начиная с глубины 2,5 — 2,7 м. В юго–восточной части она состоит из ряда крупных одиночных известняковых блоков (0,4 - 0,5; 0,5 - 0,6 м). В северо–восточной части (секторе) среди камней, на глубине 2,0 м от R найдены фрагменты амфорных стенок и ручка (рис. 12, 2), а также фрагмент стенки пифоса (рис. 13, 2).

В юго–восточной и южной частях каменного сооружения, под камнями и около них найдены остатки жертвенных животных (КЖ) (рис. 12), а у восточной внутренней части каменного кольца — пятно со следами действия огня (рис. 12, 3) на глубине 2,25 м от R.

На камнях кольца, в восточной части (рис. 12), на глубине 1,49 м от R находилась большая часть половецкого каменного изваяния длиной около 1 м, лежавшая ничком на камнях. Часть обломков, найденных тут, не позволила частично реконструировать ее облик (рис. 14, 9).

В кургане исследовано 4 погребения.

Погребение 1 (рис. 14, 1).

Не определено, нарушено. Находилось в северной части кургана, внутри кольца камней и на их уровне (рис. 12, 1). Погребенный лежал на глубине 2,18 м от R, по–видимому, скорчено, головой на СВ. Сохранились лишь истлевший и раздавленный череп и обломки костей ног. Определить точно положение скелета и культурную принадлежность захоронения не представляется возможным, но оно наверняка не относится к ранним, находясь за пределами первой насыпи. Более возможна его принадлежность ко времени сооружения каменной конструкции.

Погребение 2 (рис. 14, 2).

Впускное, не определено, разрушенное. Находилось в центральной части кургана в 3,5 м к СЗ от центра, на глубине 3,3 м от R. По оставшимся костям скелета (ноги и позвонки) только весьма предположительно можно говорить, что погребенный лежал скорчено и, очевидно, был ориентирован головой на ЮВ. Определить культурную принадлежность погребения представляется трудным.

Погребение 3 (рис. 14, 3).

Сарматское, частично разрушено. В ЦБ, в 4 м к востоку от R. Могильная яма прямая со ступенькой. От ступеньки сохранилась малая часть. Ориентирована по линии С — Ю, с небольшим отклонением к востоку. Погребенный лежал вытянуто, на спине, ориентирован на С, с небольшим отклонением к В. От умершего сохранилось in situ бедренные кости ног, таз, часть позвоночника, правая рука и часть ребер справа. У правой руки находился фрагмент железного меча (1). Рядом небольшой железный ножик (2). В четвертом ребре снизу находился наконечник стрелы (3). У предполагаемого места черепа развал лепного сосуда (4). В заполнении фрагменты керамики, железа и кусочек кожи. Под скелетом остатки деревянных конструкций.

Погребение впущено в третью насыпь (рис. 13).

Погребальный инвентарь:

1. Меч (рис. 14, 5): фрагмент железного обоюдоострого меча, от которого сохранилась часть длиной в 30 см. Ширина в верхней сохранившейся части 5 см. Линзовидный в сечении.

2. Нож железный (рис. 14, 4). Сохранился фрагментарно. Лезвие со следами деревянной ручки. L = 4 см, T = 1,5 см. В сечении овальный.

3. Железный трехлопастной наконечник стрелы с остатками деревянного черенка. Lнакон. = 5 см, L пера = 3,2 см.

4. Кувшин (рис. 14, 6) лепной, плоскодонный, опуклобокий с пояском, в виде прорезного орнамента на плечиках. Цвет черепка красный, в изломе — светлосерый. Тесто плотное. Сохранившаяся часть венчика слегка отогнута.

5. Фрагмент железной пряжки (рис. 14, 7), круглой в сечении и подквадратной в плане (3x3 см), Dсеч = 1 см.

6. Фрагмент венчика лепного сосуда (рис. 14, 11).

Погребение 4 (рис. 14, 10).

Ямное, основное. Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Стенки почти отвесные. Дно сильно нарушено кротовинами, но на нем очень четко видны следы охры. Скелета погребенного и инвентаря в могильной яме нет. Глубина 5,68 м от R.

Святилище (рис. 12).

К сожалению, частично разрушено в годы войны и при использовании насыпи под скотомогильник. С сооружением святилища необходимо, по-видимому, связывать укрепление

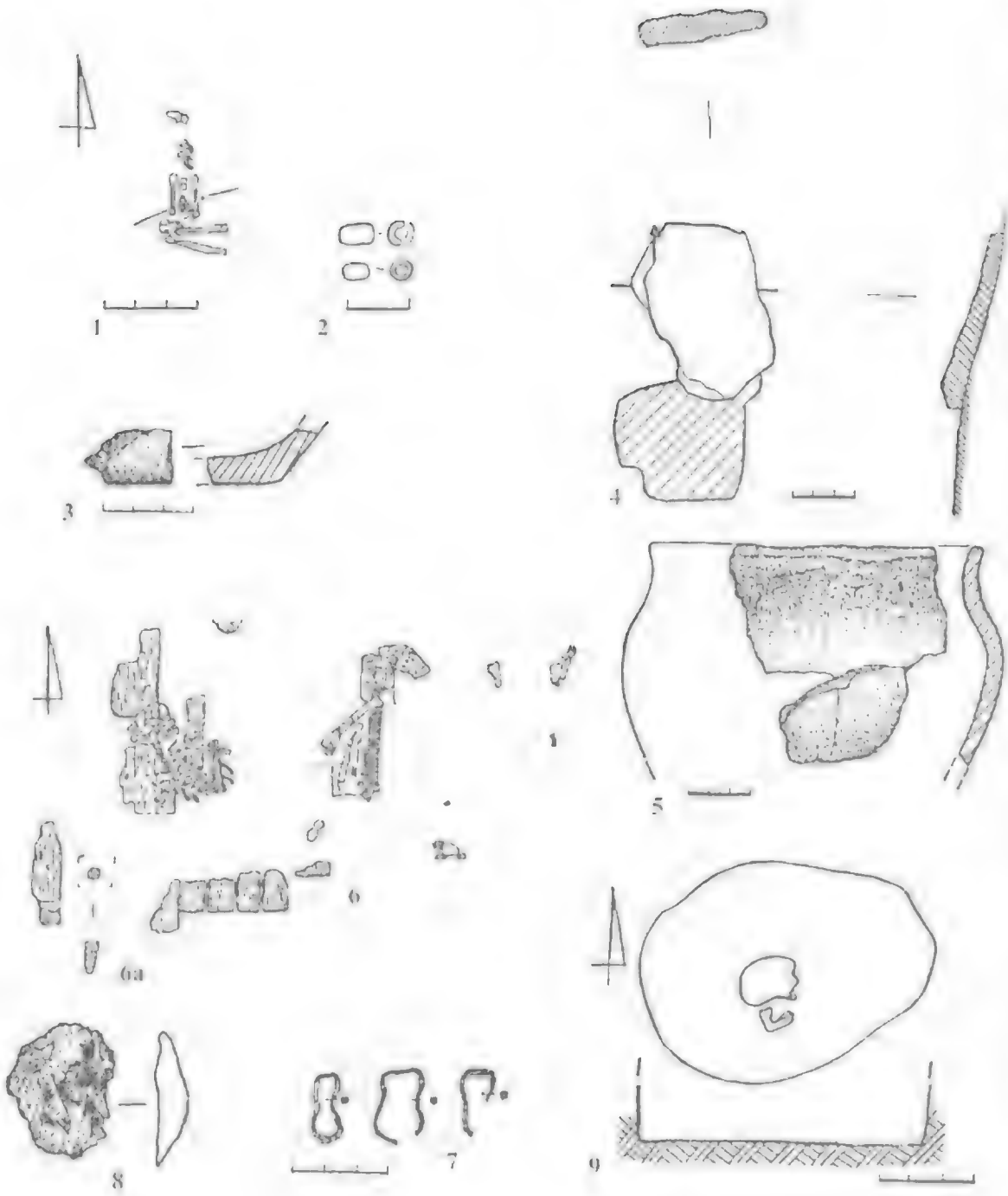


Рис. 11. Погребения из кургана 2:
1 – план погребения,4; 2 – бусы из погребения 4; 3 – фрагмент лепного сосуда из погребения 4; 4 – план и разрез погребения 5, 5 – фрагмент сосуда из погребения 5; 6 – план погребения 6; 6а-(выноска) — остатки деревянного колышка под рамой; 7 – медные скрепки ("от пояска") из погребения 6; 8 -кремень из погребения 6; 9 – погребение 7 -план и профиль.

Fig. 11. Tombs from barrow 2.

четвертой насыпи каменным кольцом —"крепидой", положенным на насыпь (см. ранее). Возможно, сохранившееся, но сползшие каменные блоки известняка в восточной части насыпи (рис. 12) четко фиксировали каменную конструкцию со входом с восточной стороны и место ритуальных подношений. Подтверждением этому является наличие здесь не только места жертвоприношений в виде костей животных, фрагментов керамики, но и следов совершения огненного ритуала (рис. 12, 3). Керамический материал представлен обломками стенок и ручек средневековых краснолинияных амфор (рис. 12, 2), фрагментом стенки средневекового пифоса (рис. 13, 2).

Изваяние из камня (рис. 14, 9).

Разрушенное, сохранилось частично, длиной до 1 м. Облик восстанавливается не полностью. Однако можно отнести данную скульптуру к группе стоящих половецких изваяний, держащих у пояса сосуд двумя руками. Наличие амфорного керамического материала, как отмечено нами ранее, не противоречит времени существования святилища, однако присутствующий на каменном сооружении фрагмент стенки пифоса уточняет его дату до X века.

Как мы видим из приведенных материалов публикуемого могильника, существующие стратиграфические данные дают возможность не только сопоставить и увязать отдельные погребальные комплексы в кургане, но и провести сопряжение их в разных насыпях разных курганов.

Самым ранним погребением могильника можно считать погребение 7 в кургане 2. Как отмечено нами, оно впущено в древний горизонт и не имеет собственной насыпи. Аналогичные погребения отдельных черепов человека известны в памятниках эпохи энеолита в Приазовье. В качестве ближайшей аналогии можно привести погребение в кургане у с. Васильевка на реке Кальмиус, исследованном автором в 1972 г. [Михлин, Швецов, 1972, с.21].

Весь материал эпохи бронзы могильника на основании инвентаря и выявленных элементов погребальной обрядности можно разделить на два культурно-хронологических пласта на рубеже срубной и бабинской (многоваликовой) культур [Дубовская, 1985, с.19-21; Литвиненко, 1996, с.65-71; он же 1999, с.4-23 и др.]. Публикуемые комплексы бабинской (многоваликовой) культуры на основании стратиграфии и обрядово-инвентарных признаков [Литвиненко, 1996, с.66, 69, рис. 1] делятся на две группы. К первой из них относятся погребение 8 кургана 1 (рис. 4, 4-11) и погребение 6 кургана 2 (рис. 11, 6-8). Для них характерны: слабая скорченность, положение умершего на левом боку, ориентация направления захороненного в западный сектор, разнонаправленность положения рук. Умершие сопровождаются костями животных, астрагалами, кремневыми отщепами, что определяет безусловное отношение их к "раннему горизонту бабинских древностей Днепро–Донецкого региона" [Дубовская, 1985, с.19; Литвиненко, 1996, с.66, 69, рис. 1].

Обращает на себя внимание погребальное сооружение погребения 6 кургана 2, сохранившееся в виде остатков деревянной рамы со столбовой конструкцией, прослеженной в деталях (см. ранее). По мнению Р. Литвиненко, "подобные сооружения типичны для регионов Левобережной украинской лесостепи [2001, с.59–60 рис. 1][6], встречаясь в южных степных регионах, в частности в Приазовье, весьма редко" [2001, с.58-63]. Здесь же, в погребении 6, найдены бронзовые (медные) скобы (рис. 11, 8), похожие на скрепки деревянной ритуальной посуды[7], "типичные для погребений раннего горизонта культуры Бабино". Однако расположение данных скрепок "между фалангами пальцев и чуть выше" не исключает, по нашему мнению, их принадлежности к возможному пояску или ремешку умершего.

Ко второй группе этой же культуры относится погребение 3 кургана 1. Южная ориентация умерших изредка встречается в памятниках восточной области Бабино и характеризует

[6] В указанной работе приводится карта распространения срубных конструкций к северу в лесостепи.

[7] Ритуальная посуда в виде чаш, блюд, ковшов, изготовленная из определенных пород деревьев, с обязательным наличием медных (бронзовых), серебряных скоб или скрепок, известна в погребениях с эпохи "ямников" до позднего средневековья. Так, в захоронении "старосты" (П.40) Зливкинского могильника в изголовье также было поставлено блюдо со скрепками. Вопрос о предназначении деревянных блюд (чаш, мисок, черпаков) в погребении не только как предметов утилитарного назначения, но и символов, интересен и вызывает много споров (Отрощенко, 1984; Ляшко, 1994; Белов, 1997; Литвиненко, 1997 и т.д.).

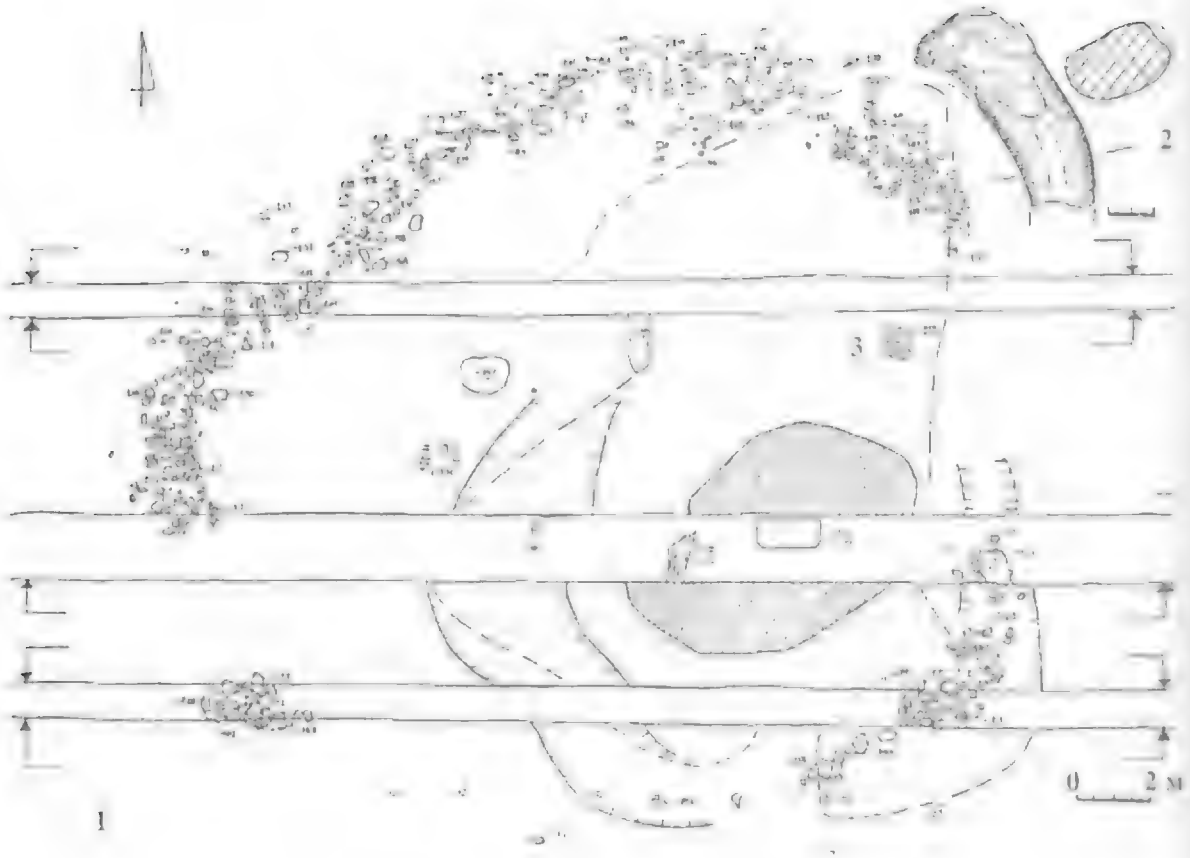


Рис. 12. Общий план кургана 3:
1 – план погребений в кургане;
2 – фрагмент ручки красноглиняной амфоры из святилища на кургане;
3 – кострище в насыпи кургана;

Fig. 12. General plan of barrow 3.

обрядовую группу 2-го (среднего) хронологического горизонта [Литвиненко, 1996, с.69, рис. 1]. В комплексах этого этапа чаще, чем в ранних, встречается керамическая посуда [Литвиненко, 1996, с.69]. Найденный в погребении 3 кургана 1 сосуд характерен именно для степных причерноморских памятников. Его характеризуют трехчастность профиля, орнаментация вдавлениями среза венчика и сложность прочерченной композиции: фриз треугольников выше ребра и асимметричный паркетный орнамент в нижней части тулова. Как считают А. З. Пряхин и Е.Ю. Захарова, большая "рисунчатость "знаковых систем многоваликовой (Бабино) культуры создает опоясывающие композиции, где большинство знаков являются производными от элементов геометрического орнамента: различные комбинации углов, зигзаги, треугольники, ромбы и Т-образные знаки" [Пряхин, Захарова, 1996, с.62-63]. Другая манера рисунка-сюжета известна в последующей срубной культуре, сосуды которой иногда украшены разными рисунчатыми сюжетами. Приазовским материалам посвящена статья В.Ф. Клименко и В. Цымбал [Клименко, Цимбал, 2002, с.31-37].

Комплексы срубной культуры могильника характеризуются единообразием: все погребения впускные в насыпи, сильная скорченность, положение скелета умершего на левый бок, направлением на В. Часто безынвентарны. Сохранившиеся целые формы посуды из погребения 1 в кургане 2, по мнению Л.Р. Литвинен-

ко, типичны для памятников развитого и позднего этапов срубной культуры Приазовья.

Отдельно стоит погребение 5 из кургана 2 (рис. 11, 4–5), совершенное по обряду кремации "на стороне" (?). Стратиграфически оно связано с возведением третьей насыпи кургана 2 и отделяет погребения бабинской от погребений срубной культур. Отсутствие урны, изменение в объеме комплекса каменного сооружения в могиле и над ней отличают данное погребение от трупосожжения, исследованного нами в Донецке (Текстильщик) в 1975 г. Ближайшим к самойловскому, как территориально так и хронологически, можно назвать трупосожжение из кургана у с. Октябрьское (по административному справочнику - с. Октябрь) Новоазовского района, опубликованное Я.Н. Гершковичем (Гершкович, 1982, с.16-18). Подборку других захоронений срубного времени, совершенных по обряду кремации, известных в регионе Донбасса, опубликовали В.А. Посредников и Д.П. Кравец (Посредников, Кравец, 1992, с.47-56).Наиболее раннее курганное погребение, совершенное по обряду трупосожжения (Васильевка, к. 2), в рассматриваемом регионе относится к раннему периоду ямной культуры и восходит своими корнями к неолитическим захоронениям Мариупольского могильника, а точнее, к его позднему этапу [Швецов, 1996, с.106].

Эпоха раннего железного века в могильнике представлена двумя, к сожалению, разрушенными погребениями 3 в курганах 2 (рис. 10, 4-6) и 3 (рис. 14, 3-8). Исходя из исторического контекста заселения Северного Приазовья, данные комплексы можно отнести к сарматской эпохе рубежа — первых веков нашей эры. В тоже время, если говорить об относительной хронологии, то п. 3 в кургане 3 более раннее по отношению к п. 3 в к. 2. На это можно указывать в связи с разной направленностью ориентации положения захоронений. Необходимо отметить, что находка железного крюка в сарматских погребальных памятниках весьма редка.

Материалы средневековья, исследованные в публикуемом могильнике, представлены разрушенным культовым сооружением к. 3, разрушенным погребениями 1 к. 1 и захоронением воина к. 2. Разрушенное святилище относится, по-видимому, к началу половецкой эпохи, если находящийся в нем фрагмент плитки средневекового нифоса не принадлежит к более раннему культовому комплексу, не сохранившемуся на кургане. Тогда этот комплекс сооружений можно связывать с ранним проникновением половецкого населения в Приазовье. В тоже время типологическое несоответствие найденного на кургане изваяния с пластом тюркских статуй из святилищ этого времени в Приазовье [Привалова, Миненкова, 1998, с.59-63; Швецов, 2000, с.39-40; Швецов, 2003, с.54-67], может говорить об отнесении святилища к периоду включения Приазовья в состав Дешт и Кыпчак.

Погребение 2 из к. 2 характеризует другой период исторических событий, происходивших в приазовской степи. Время и характерные черты этого периода нашли яркое отражение в материалах и атрибутике погребального комплекса захоронения степного рыцаря. Как отмечено нами при описании погребального ритуала этого захоронения, оно было произведено в подбойной могиле, где, кроме сопровождающего умершего коня, поверх человека были уложены колеса повозки или колесницы. Данный элемент обряда редко встречается в степях Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с.130-131; Болдин, 1976, с.26-28], но известен по письменным источникам (Тан-Шу, 618–907 гг.). Комплекс защитного и наступательного оружия и доспехов из погребения воина дает нам возможность говорить о его принадлежности к рыцарям степи, составляющим тяжело вооруженную конницу. Наличие в колчанном наборе бронебойных стрел и, что особо показательно, наконечника стрелы типа "двурогий срезень" (рис. 8, 6) по классификации Г. А. Федорова-Давыдова, [Федоров-Давыдов, 1966, с.27-28], получившего распространение в степи с появлением тяжелого лука и приходом монголов, дает возможность увязать данное захоронение со временем не ранее второй половины XIII века. Не противоречит этому времени и кольчужная рубашка, надетая на погребенном. К сожалению, не определимыми остались детали ее покроя, так как нижний край рубашки был подвернут. И все же необходимо отметить, что она имела длину ниже пояса и длинные рукава. Как выявлено нами, кольчуга была надета на погребенного поверх рубашки с воротничком, на которую был надет шелковый дорогой халат, подпоясанный золототканным поясом. Указанная лента, по мнению Е.А. Елкиной, является "частью поясного набора, украшавшей крепле-

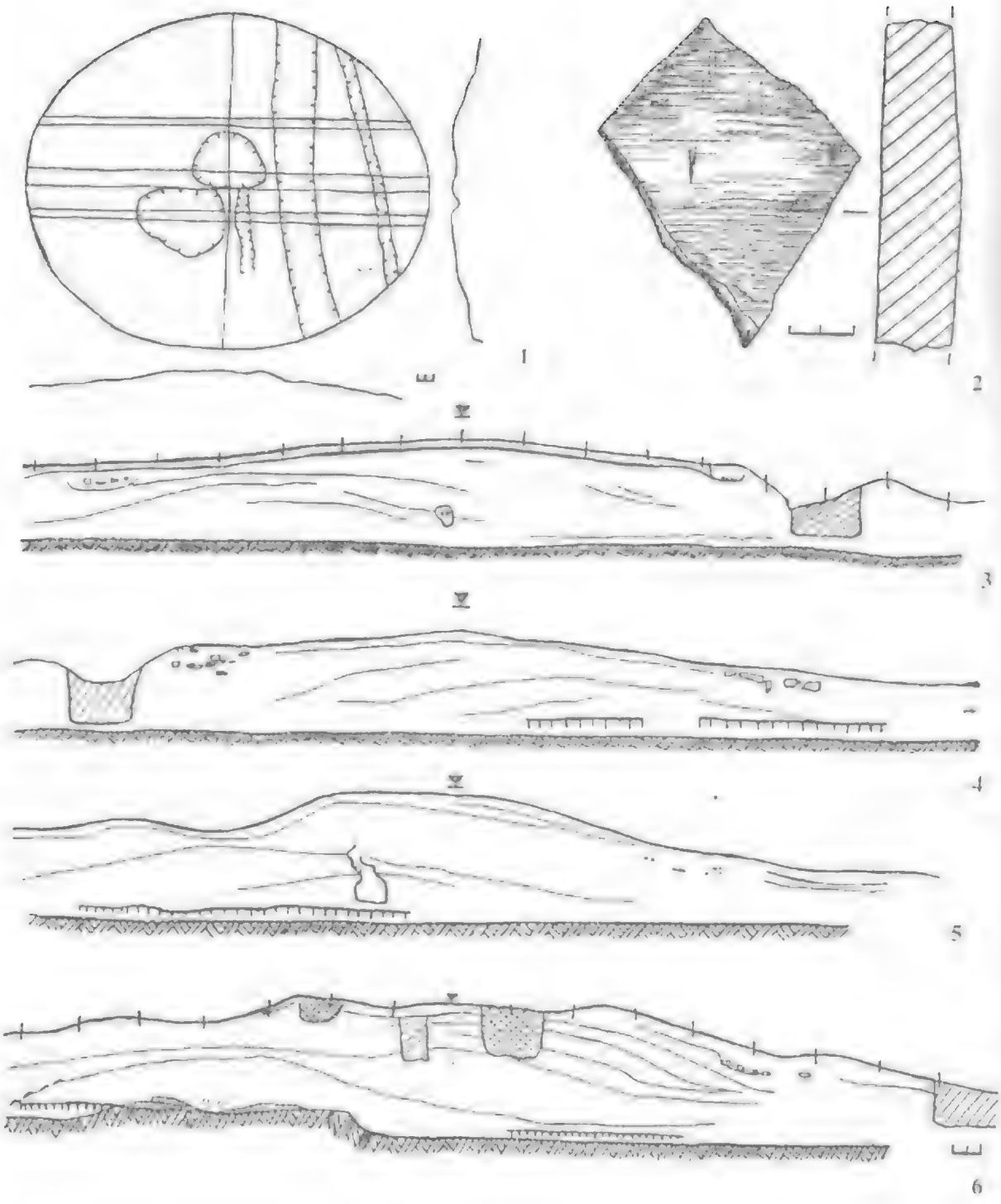


Рис. 13. Курган 3.

1 – схема и профиль насыпи кургана до раскопок; 2 – фрагмент стенки пифоса из святилища на кургане III; 3-6 – профили бровок: 3 – первая южная, северный профиль; 4 – первая южная, южный профиль; 5 – первая северная; 6 – центральная бровка.

Fig. 13. Barrow 3.

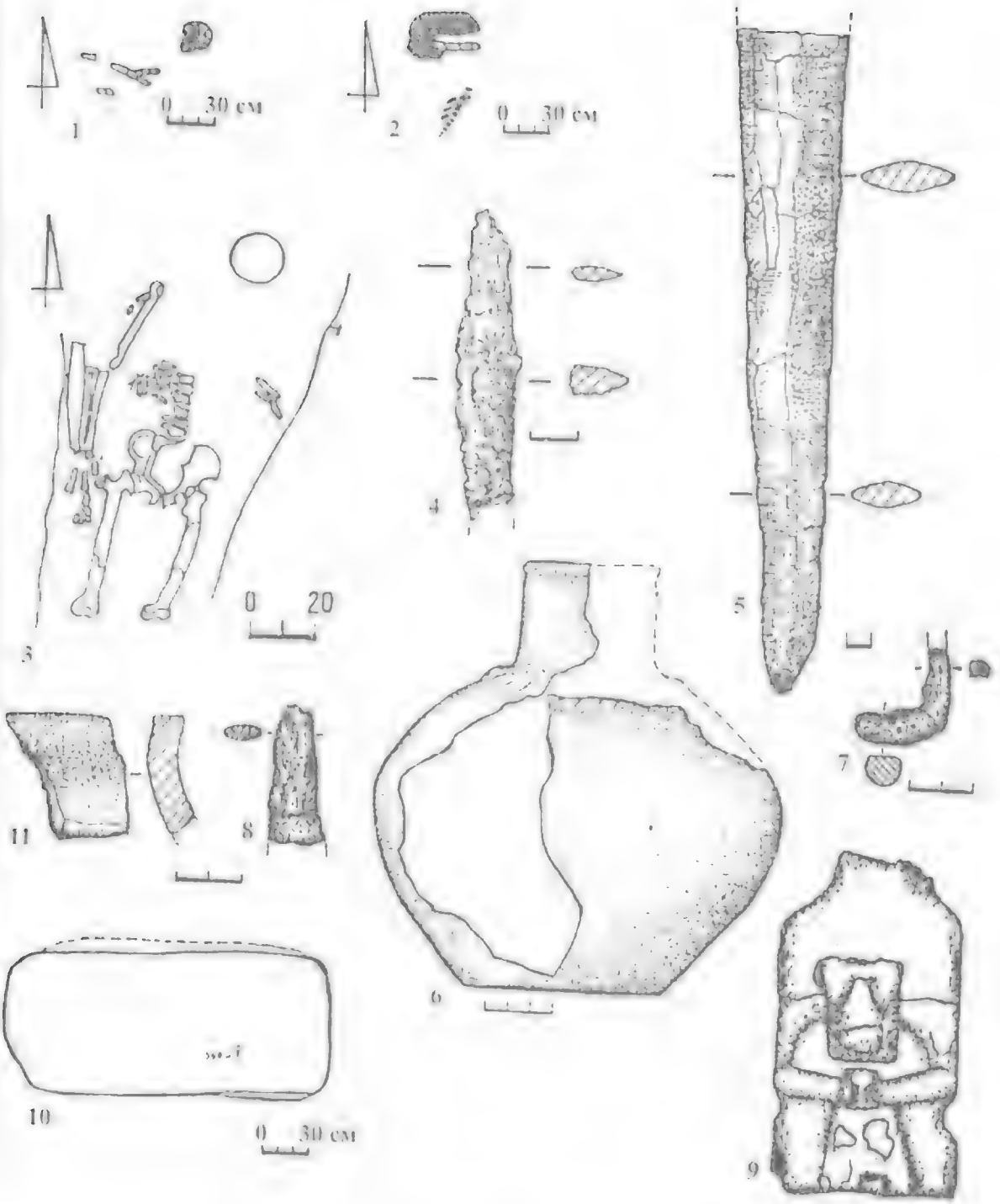


Рис. 14. Погребения и находки из кургана 3:
1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – 8 погребение 3, 3 – план погребения, 4 – железный нож, 5 – фрагмент меча, 6 – сосуд из погребения, 7 – фрагмент железной пряжки, 8 – фрагмент железного ножа; 9 – рисунок сохранившейся части изваяния; 10 – план погребения 4; 11– фрагмент лепного сосуда.

Fig. 14. The burials and the finds from barrow 3.

ние к поясу холодного оружия. Образец золотой ленты шириной 5 см, украшенный псевдокуфической надписью, имеет аналогии в инвентаре известного ханского погребения Чингульского кургана" [Елкина 1989, с.171]. Уточнение датировки нашего комплекса может служить основанием для отнесения его к событиям 50–60 годов XIII века [Елкина, 1989, с.170-171; Отрощенко, Рассамакин, 1988]. Необходимо отметить, что наличие в отдельных погребениях поздних кочевников восточно-европейских степей не одного, а двух поясов, по мнению М.В. Горелика, подчеркивает социальный и воинский статус степных рыцарей, что подтверждается погребальным комплексом из кургана у поселка Усть–Курдюм [Швецов, 1991, с.135].

Публикуемые материалы дополняют имеющиеся представление о материальной культуре и мировоззрении населения Северо–Восточного Приазовья в эпоху бронзы, средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белов А. Ф.** О деревянных чашах Поднепровья. // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. VI. Запорожье, 1997.

2. **Болдин Я. И.** О решетчатых гробовищах в погребениях поздних кочевников юга Украины // Открытия молодых ученых Украины. К., 1976 Ч.2. С. 26-28.

3. **Братченко С. Н.** Исследования в Северо-Восточном Приазовье // АО 1976. М., 1977. С. 272.

4. **Гершкович Я. П.** Про кам'яні поховальні споруди зрубної культури Північно–Східного Приазов'я // Археологія, 1982. Вип. 41. С. 16-18

5. **Горбов В. Н.** Исследования поселения бронзового века в Приазовье. // АО 1986 г. М., 1988. С. 269-270.

6. **Горбов В. Н.** Некоторые итоги исследований поселений срубной культуры в Северо-Восточном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). М-лы междунар. конф. К., 1991. С. 119-120.

7. **Горбов В. Н.** К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб. 1995. С. 52-72.

8. **Горбов В. Н.** Раннесрубные поселенческие комплексы Северо-Восточного Приазовья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Тез. докл. и м-лы конф. Воронеж, 1996. С. 66-69.

9. **Горбов В. Н.** Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 145-161.

10. **Дубовская О. Р.** Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение –школе: Тезисы областного семинара. Донецк, 1995. С. 19-21.

11. **Елкина Е. А.** *Древний текстиль в находках Донецкой археологической экспедиции // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 170-171.*

12. **Клименко В.Ф.** Памятники культуры многоваликовой керамики в Северо-Восточном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. ТДК. Тирасполь, 1994.

13. **Клименко В.Ф., Цымбал В.И.** Древности родного края. Донецк, 1991.

14. **Клименко В. Ф., Цымбал В. И.** О сосудах со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2002. № 10. С. 31-37.

15. **Литвиненко Р. А.** К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть вторая. Донецк, 1996. С. 65–71.

16. **Литвиненко Р. А.** Деревянная посуда в погребениях срубной культуры Азово – Донецкого региона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Мат. междунар. конф. Энгельс, 1997.

17. **Литвиненко Р. А.** Периодизация срубных памятников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С. 4-23.

18. **Литвиненко Р. О.** Про "зруби" культури багатоваликової кераміки // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного

семінару). Київ–Воронiж. 2001. С. 58-63.

19. **Ляшко С. Н.** Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. К.: Наук. думка. 1994. С. 133-151.

20. **Мимоход Р. А.** Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Часть вторая. Донецк, 1996. С. 27-33.

21. **Михлин Б. Ю. Швецов М. Л.** Отчет о работе Азовского отряда Северодонецкой экспедиции за 1972 г. // Научный архив ИАНАНУ ф. э. 1972/33 С. 21-22.

22. **Отрощенко В. В.** Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III — I тыс. до н. э. Вып. 1. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 89-93.

23. **Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я.** Половецький комплекс Чігульського кургану // Археологія, 53, 1986. С. 14-35.

24. **Панковский В. Б., Усачук А. Н.** Костяные "коньки" поселения Безыменное-II // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век). Часть вторая. Донецк, 1996. С. 33-37.

25. **Посредников В. А., Кравец Д. Н.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса // Донецкий археологический сборник, выпуск 1, Донецк, 1992. С. 47-56.

26. **Привалова О. Я., Миненкова Н. Е.** О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юга Восточной Европы // Донецкий археологический сборник. Донецк. 1998. Вып. 8. С. 59-70.

27. **Пряхин А. Д., Захарова Е. Ю.** Знаки на сосудах средней бронзы Доно-Донецкого региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Тез. докл. и м-лы конф. Воронеж, 1996. С. 58-63.

28. **Слюсарев А.А.** Природа Донбасса. Донецк, 1983.

29. **Усачук А. Н.** Новые поселения эпохи бронзы в Северо-Восточном Приазовье // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. К., 1981. С. 46-47.

30. **Усачук А. Н.** Новые данные о костяных орудиях ремесленного производства срубной культуры // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк. 1989. С. 125-128.

31. **Усачук А. Н.** Анализ костяных изделий поселения срубной культуры Безыменное II, Украина // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Матлы пленума ИИМК. СПб., 1995. С. 33-37.

32. **Федоров–Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

33. **Швецов М. Л.** Исследование курганного могильника у д. Самойлово. // АО 1981 г. М., 1982. С. 332.

34. **Швецов М. Л.** Половецкие святилища // СА 1979, №1. С. 199-209

35. **Швецов М.Л.** О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчак // III Краеведческие чтения, посвященные 400 летию г. Саратова. Саратов, 1991. С. 132-137.

36. **Швецов М. Л.** Три погребения из кургана 2 у села Васильевка // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Часть первая. Донецк, 1996. С. 105-107.

37. **Швецов М. Л.** Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 39-40.

38. **Швецов М. Л.** Л. В. Бедни и исследования культовых сооружений восточных народов эпохи средневековья в Донбассе. // Мат. наук. конф. посвящ. основателю и первому директору музея Свердловского краеведческого музея Леонарду Вениаминовичу Бедину. Свердловск–Луганск, 2003. С. 54-67.

Статья поступила в редакцию в декабре 2003 г.

Археологический альманах №14. Донецк, 2003. С. 260-291.

УКРАШЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ

Цимиданов В.В.

There are numerous burials with adornments among the complexes of the Timber-Grave community. They contain the temple's pendants, necklaces, bracelets, rings, compound bracelets, plait adornments, combs and clothing adornments, among others. The author has analysed 270 burials with adornments. Several conclusions were made, the most important of them the following: a) temple's pendants and necklaces were worn both men and women. Bracelets, adornment sets consisting of several units were worn by women, but the combs were worn by men; b) plait adornments were a sign of the high social position in the eastern part of the Timber-Grave community territory. Adornment sets consisting of several units were the sign of the high social position in the west of the community's territory; c) the social role of the person conditioned the type of the adornments worn; d) only a few of the dead were buried with adornments; more often the adornments were passed to the heirs

Одним из блоков погребального инвентаря срубной культуры являются украшения. Под украшениями следует понимать прежде всего "съемное, подвижное убранство... в отличие от неподвижных украшающих элементов, таких, как разрисовка тела, татуировка, деформирование тела или укладывание волос" [Седловская, Трайде, 1989, с.196]. К рассматриваемому блоку правомерно относить и предметы, декорирующие одежду, так как не всегда можно обнаружить разницу между ними и собственно самостоятельными украшениями [Седловская, Трайде, 1989, с.197].

Украшения из срубных погребений уже давно привлекают внимание исследователей. При этом их рассмотрение преследует самые разнообразные цели:

1. *Классифицирование и построение типологии* [Черных, 1970, с.70-73; Агапов, Иванов, 1978, с.49-51; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с.67, 77; Саврасов, 1996, с.50; Крамарев, 2003, с. 159; др. раб.];

2. *Рассмотрение происхождения определенных типов украшений* [Горбунов, Морозов, 1985, с.99; Шилов, 1985, с.152; Ильюков, Казакова, 1988, с.102; Литвиненко, 1993, с.195-196];

3. *Прослеживание динамики развития украшений* [Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с.67, 77, 81];

4. *Выяснение хронологической позиции погребений, синхронизация их с памятниками других культур* [Казаков, 1975, с.201; Чередниченко, 1977, с.5, 12-13; Смирнов, Кузьмина, 1977, с.50; Горбунов, 1977, с.161; Скарбовенко, 1981, с.24; Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.69; Шилов, 1985, с.150-153; Лопатин, Малов, 1988, с.136-137; Чмихов, Черняков, 1988, с.109; Горбунов, 1992, с.157; Морозов, 1993, с.14, 16; Лопатин, 1997, с.75; Халяпин, 1998, с.70; Литвиненко, 1999, с.14; Береснев, 2001, с.104, 106; Отрощенко, 2001, с.128, 130, 135; др. раб.];

5. *Уточнение культурной атрибуции погребений* [Самар, 1998, с.79, 81];

6. *Изучение культурогенеза* [Пятых, 1983 б, с.113; Литвиненко, 1989, с.129; Лопатин, 1997, с.75];

7. *Прослеживание культурных связей и влияний* [Кривцова-Гракова, 1955, с.64-68; Черных, 1970, с.113; Горбунов, 1977, с.160-161; Кореневский, 1977, с.56-57; Агапов, Иванов, 1978, с.51; Зудина, 1981, с.100-105; Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983, с.22; Кузьминых, 1983; Шилов, 1985, с.153; Вангородська, 1987, с.7, 10; Лопатин, Малов, 1988, с.136; Островерхов, 1989, с.109; Рогудеев, 1990, с.49;

Морозов, 1993, с.16; Халянин, 1998, с.67; Малов, 2000, с.128-129; Мельников, Чивилев, 2003, с. 257; др. раб.];

8. *Выяснение уровня развития определенных технологий* [Черных, 1970, с.15-17, 112-114; Вангородська, 1987, с.9; Малов, 2000, с.130];

9. *Изучение религиозно-мифологических представлений* [Цимиданов, 1995, с.35, 37, 38; Халянин, 1998, с.68; 1999, с.92-93];

10. *Рассмотрение поло-возрастной дифференциации общества* [Литвиненко, 1996, с. 63; Халянин, 1998, с.70];

11. *Социологическая интерпретация погребальных памятников.* Данный аспект осмысления украшений из срубных погребений привлекал мало внимания, но, тем не менее, и здесь кое-что сделано. Еще в известной работе А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого при сопоставлении мужских и женских погребений культур эпохи бронзы, в том числе срубной, украшения использовались в подсчетах. Авторы отметили, что украшения, наряду с сосудами, составляют основную часть инвентаря женских захоронений. В мужских же погребениях лучше представлены "орудия производства". Отсюда делался вывод о "более сильном экономическом положении мужчин по сравнению с положением женщин" [Круглов, Подгаецкий, 1935, с.161-163]. Много лет спустя В.С. Горбунов, публикуя уникальное женское украшение из Новоянбалаклинского могильника, написал, что данная находка позволяет "проследить степень дифференциации" у населения срубной культуры и говорит "о роли и месте женщины в обществе развитого бронзового века" [Горбунов, 1977, с.161]. В дальнейшем было отмечено, что лиц, погребенных с подобными богатыми головными украшениями, "следует относить к высокому социальному рангу" [Горбунов, Морозов, 1991, с.84]. По мнению Р.А. Литвиненко, наличие в погребении украшений может быть критерием отнесения комплекса к социально неординарным. Вместе с тем автор сделал оговорку, что присутствие в захоронении металла не всегда свидетельствует о "высоком социальном ранге" умершего, а потому данный критерий требует индивидуального рассмотрения [Литвиненко, 1992, с.139]. Упомянем и предположение В.Н. Мамонтова, который пишет, что наличие в погребении украшений свидетельствует о "высоком статусе" погребенного, о принадлежности его к семье воина, военачальника [Мамонтов, 1996, с.61]. В.В. Отрощенко и Е.К. Бунятян, рассматривая социальную структуру срубного общества, выделили погребения с украшениями, в том числе золотыми, в особую группу. По их мнению, эта группа захоронений (в основном, женских) отражает существование прослойки населения, в имущественном и социальном плане близкой к богатым общинникам и знати [Бунятян, Отрощенко, 1995, с.121]. В.В. Отрощенко обращал внимание на украшения с изображением свастики, являвшиеся нашивками на головной убор или налобную повязку. Он пытался обосновать гипотезу, согласно которой люди, носившие данные уборы, были "лицами духовного сана, которых мы называем шаманами или жрецами" [Отрощенко, Вовк, 2001, с.72].

Из нашего краткого обзора можно видеть, что в изучении срубных украшений сделано немало. В то же время многие аспекты осмысления данных изделий нуждаются в дальнейшей разработке. К числу недочетов относится то, что украшения рассматриваются в подавляющем большинстве случаев лишь как явления материальной культуры. Не стоит забывать, что эти предметы, являясь вещами, имеют отношение и к миру культуры духовной. Под последней следует понимать информацию, которая существует в коллективной памяти человеческой популяции, передается из поколение в поколение путем рассказа или показа и проявляются в определенных формах поведения. Сюда относятся трудовые навыки, положительные знания, нравы и обычаи, связанные с хозяйственной, общественной и семейной жизнью, правовые нормы, искусство, народное творчество, религия, культы [Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с.173]. Поскольку украшения, как это хорошо известно по этнографическим данным, часто несут информацию о социальном и половозрастном положении человека в обществе, отражают определенные религиозные представления, являются продуктом изобразительной деятельности и несут эстетическую нагрузку, их вполне уместно рассматривать и как предметы духовной культуры. Украшения можно отнести к т. н. "квазисемиотическим явлениям", т. е. объектам, которые при вхождении в некоторую семиотическую систему (ритуал, этикет и т. п.) осознаются знаками, а при выпадении из нее – вещами [Байбурин, 1981, с. 216]. Именно возможность извлечь из украшений информацию, "закодированную" в них, и привлекла наше

внимание к данному блоку погребального инвентаря. Целью работы является анализ украшений из погребений срубной культуры в связи с половозрастным делением общества и его социальной градацией.

Источники исследования – 270 погребений с украшениями. На проанализированном массиве из 5723 комплексов это составляет 4,7%. Ситуация в конкретных регионах видна из таблицы 1. Уточним, что применительно к территории Нижнего Поволжья мы не включали в сводку памятники покровского типа, ибо они репрезентуют группу населения, которая хотя и играла огромную роль в срубном культурогенезе и социальной истории, однако отличалась от собственно срубников особенностями материальной и духовной культуры. Впрочем, соблюсти это условие в некоторых случаях было не просто, ибо грань между покровскими и срубными погребениями порой бывает зыбкой.

Поскольку в данной работе преимущественно затрагивались социокультурные аспекты, нас в большей степени интересовали не типы, а категории украшений. Категории же можно выделить следующие:

I. **Височные подвески** (рис. 1, 1-4). Данные артефакты выявлены в 146 погребениях. Они обнаружены почти по всей территории общности (рис. 3), но частота их встречаемости разнится в конкретных регионах (табл. 1). Выше всего она в Поволжье и на Среднем Дону, а далее к востоку и особенно к западу падает. В 20 захоронениях были подвески, плакированные золотой фольгой. Подобные изделия чаще встречаются на восточной части территории срубной общности (Поволжье, Приуралье). Здесь нам известно 17 погребений с этими предметами. При этом, в Приуралье 36,4% комплексов с височными подвесками содержали подвески, плакированные золотом. Для Среднего Поволжья данный показатель составляет 28,1%, для Нижнего Поволжья – 9,5%. Еще ниже показатель для западной территории общности (Подонье, Предкавказье, Днепро-Донецкий регион) - лишь - 4,9% (здесь учтено 3 погребения с плакированными подвесками). С восточной территории происходит и 2 учтенных погребения, где височные подвески были изготовлены из серебра. Всего подвески сопровождали 150 погребенных (в 4 коллективных захоронениях они выявлены при двух умерших). В 62 случаях с умершим, помимо подвесок, обнаружены и другие украшения. В 1 погребении удалось проследить, что подвески были нашиты на кожу. Число таких случаев, не исключено, было и большим, но выяснить это обычно не удается, ибо кожа почти никогда не сохраняется.

В подавляющем большинстве захоронений с подвесками данные изделия обнаружены на черепе или рядом с ним. Отсюда видно, что перед погребением они надевались на умершего. Лишь в 11 случаях это правило нарушалось. При этом возможны следующие варианты: а) одна подвеска расположена у черепа, а вторая – за спиной; б) две подвески лежали у черепа, одна – под тазом; в) одна подвеска найдена у черепа, вторая – в сосуде, расположенном перед лицевым отделом; г) одна подвеска лежала у черепа, вторая – в ногах; д) одна найдена перед погребенным, вторая – за спиной; е) единственная присутствующая в захоронении подвеска лежала за спиной (3 случая); ж) подвеска выявлена под сосудом; з) подвеска найдена на туловище; и) подвеска лежала у стоп.

Какой-либо системы здесь усмотреть не удается. Можно обратить внимание лишь на то, что среди данных 11 погребений есть захоронения и взрослых (8), и подростков (3, в т. ч. 10-12 лет). Таким образом, при погребении некоторых лиц височные подвески могли на умершего не надеваться. Причина этого не ясна. Отметим и такой момент. На восточной территории в тех случаях, когда в погребении была одна подвеска, и ее удалось зафиксировать in situ, она могла располагаться как на правом виске (7 умерших, среди которых 4 взрослых, 1 подросток и 2 ребенка), так и на левом (5, в том числе 1 подросток и 4 взрослых, среди которых – молодая женщина). На западной территории картина аналогична. Здесь, если в погребении была 1 подвеска, она располагалась 4 раза на правом виске (взрослый, мужчина 60-70 лет, подросток, подросток 6-7 лет) и 4 раза – на левом (3 взрослых, женщина 55-65 лет). Однако, по многим захоронениям с 1 подвеской точных данных о ее расположении у нас нет. Тем не менее, можно допустить, что нахождение подвесок на левом или правом виске не связано с возрастом умершего.

II. **Ожерелья, включая единичные бусы и шейные подвески** (рис. 1, 5-7, 9). Выявлены в 112 погребениях по всей территории общности (рис. 4). Всего с ожерельями погребено 113 лиц. При этом в 55 случаях умершие сопровож-

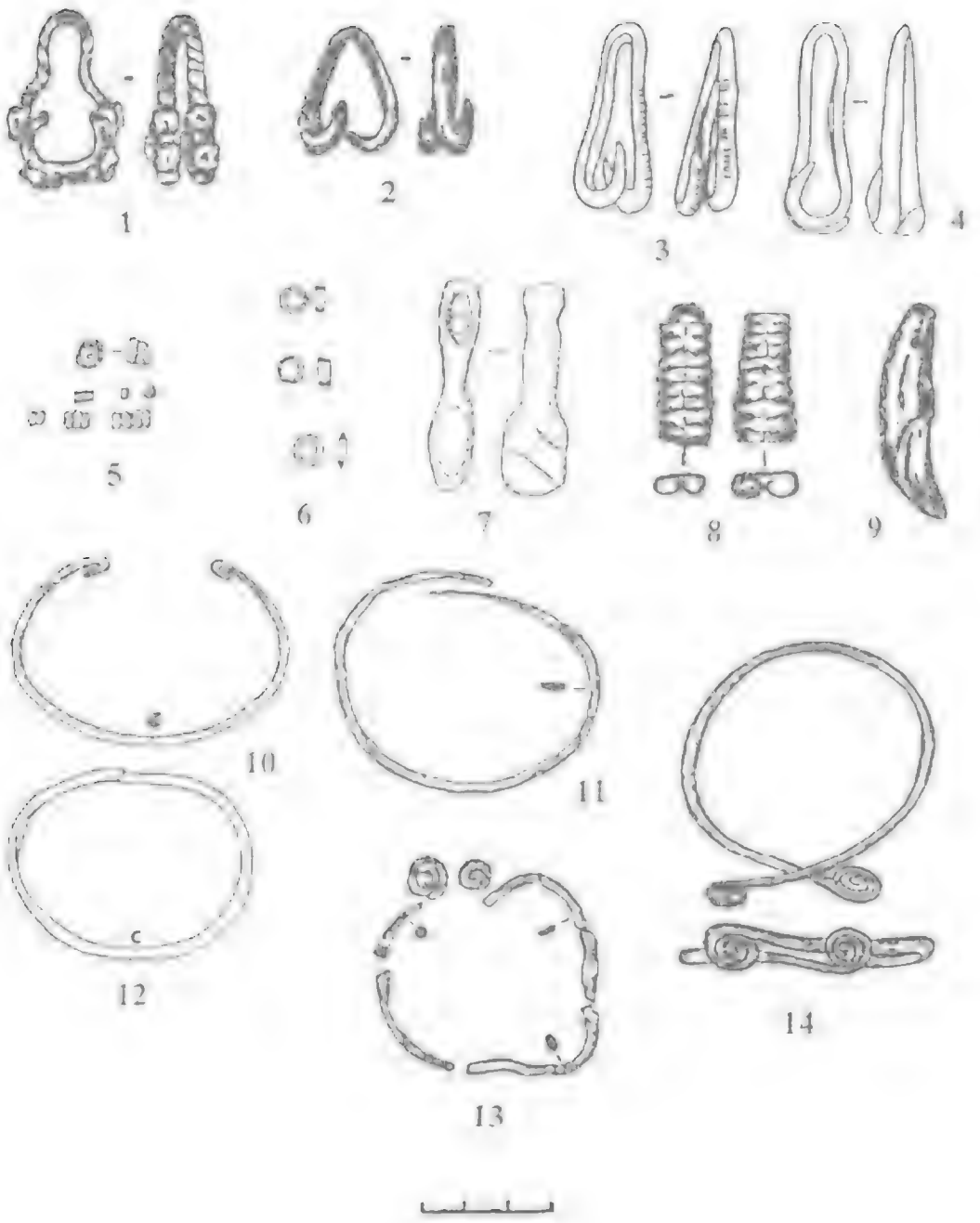


Рис. 1. Образцы украшений срубной культуры: 1-4 – височные подвески (1 – Золотая Нива II, 1/16; 2 – Золотая Нива II, 1/10; 3 – Лузановка, 1-8; 4 – Полстенки, 1-8); 5, 6 – бусы (5 – Покровка, 3/10; 6 – Николаевка, 1-14); 7 – подвеска (Николаевка, 1-14); 8 – пронизи (Золотая Нива II, 1-4); 9 – подвеска из клыка (Золотая Нива II, 1/10); 10-14 – браслеты (10 – Волчанка, 4/7; 11, 13 – Возрождение II, 2/5; 12 – Каменный Врат; 2/21; 14 – Вениславка, 3/2) (1-4, 8-10, 12 – по С.А. Агапову, И.Б. Васильеву, О.В. Кузьминой, А.П. Семеновой; 5 – по Д.И. Кравцу; 6, 7 – по Ю.Б. Полидовичу; 11, 13 – по Р.А. Литвиненко; 14 – по А.В. Лукашову).

Fig. 1. Example Timber-Grave culture's adornments.

дались и другими украшениями. В состав ожерелья могут входить бусы из кости, раковин, позвонков рыб, бронзы, сурьмы, серебра, пасты, египетского фаянса, янтаря, белемнитов, бирюзы, халцедона, гагата, гешира, сердолика, нефрита, агата, клыки хищников, костяные и бронзовые пронизи, подвески различной формы из сурьмы, бронзы, хризопраза. Число бус колеблется от 1 до 209. Наборы очень разнообразны. Данная категория погребального инвентаря заслуживает самого пристального внимания, так как отдельные составляющие ожерелий могли иметь высокую знаковую нагрузку. Это касается, например, клыков хищников (волка, собаки). Учтено 7 захоронений, где выявлены просверленные клыки. Все комплексы происходят с восточной территории. Известно, что у индоиранцев собака была связана с представлениями о потустороннем мире и пути туда [Снесарев, 1969, с.321; Ковалева, 1989, с.61]. Волк у индоевропейцев также ассоциировался с потусторонним миром. Это видно, в частности, по славянским сказкам, где он доставляет героя в "тридевятое царство", которое семантически равнозначно царству мертвых. В то же время у индоевропейских народов, в том числе иранцев, волк был связан с военными культами. Во многих мифологиях он предстает и как воспитатель родоначальника племени [Иванов, 1991, с.242]. Вместе с этим зубы в составе ожерелья выступают как часть животного и в силу этого могут давать власть над ним, обеспечивать его помощь [Пропп, 1986, с.192-193]. В связи с кругом данных представлений можно рассматривать и бусы из позвонков рыб. В сказках рыбья косточка нередко обеспечивает поддержку рыбы в трудный момент [Пропп, 1986, с.192]. Не исключена и связь рыбьих костей с представлениями о переправе в загробный мир [Халяпин, 1998, с.68]. Но наряду с этим рыбьи кости и раковины могут быть и атрибутами культа водной стихии. Семантическая связь воды с погребальным обрядом, по-видимому, основывается на представлении о разделении последней на "живую" и "мертвую". Вода причастна и к рождению (омывание младенца), и к смерти с последующим воскрешением (омывание покойника) [Ковалева, 1989, с.61]. Разные породы камня, из которых изготовлены бусы, также могли иметь определенную семантику [Антонова, 1984, с.30]. Интерес представляют бусы из белемнитов. У славян и балтов белемниты ассоциировались с Громовиком [Иванов, Топоров, 1991 а, с.312; 1991 б, с. 438]. Что касается изделий из янтаря, то вполне вероятна их роль как амулетов. По представлениям многих народов, в том числе индоевропейских, янтарь обладает сакральными и целебными свойствами. Славяне, например, считали, что янтарь – "всем камням отец" [Алатырь, 1991, с. 28]. Данными о почитании янтаря иранскими народами мы не располагаем, но показательно то, что в Восточной Европе изделия из янтаря в виде бус, подвесок и т. п. получают в эпоху неолита, энеолита и бронзы относительно широкое распространение [Вангородська, 1985]. Таким образом, ожерелья из погребений срубной культуры могли быть не только украшениями, но и апотропеями. Защитная роль бус отражена, например, в сказке дунган [Дунганские.., 1977, с. 168], одним из компонентов этногенеза которых был иранский. В мифологии осетин фигурирует бусина, оживляющая мертвеца [Хамицаева, 1991, с. 30]. Показательно и то, что в традициях индоевропейских народов ожерелья порой выступают как атрибуты богинь, связанных с плодородием. Например, в германской мифологии ожерелье являлось атрибутом Фрейи – богини плодородия, любви и красоты [Мелетинский, 1991 б, с.576]. В частности, германцы считали, что ожерелье Фрейи оказывало помощь при родах [Мелетинский, 1991 а, с.101]. "Соколиное ожерелье" носила Фригг – жена Одина – покровительница брака, семейного очага, деторождения [Мелетинский, 1991 в, с.577]. Ожерелье выступает как атрибут Шамирам – богини любви армянской мифологии [Арутюнян, 1991, с.620] и Илифии – богини родов у греков [Лосев, 1991, с.315]. В то же время нельзя считать ожерелье исключительно женским украшением. Оно может быть и элементом мужского убранства. Например, это имело место у индоиранцев Гиндукуша [Йетмар, 1986, с.73].

В большинстве случаев ожерелья из срубных погребений обнаруживаются на шее, груди умершего. В одном захоронении бусы были разбросаны по дну могилы. Возможно, тут мы видим ритуальное разрывание ожерелья. Еще в одном комплексе бусы найдены у сосуда, в 1 – за спиной, то есть, они были преднамеренно не надеты на умершего. Наконец, упомянем комплекс, где 6 просверленных клыков хищника лежали перед грудью погребенного, а седьмой – в сосуде.

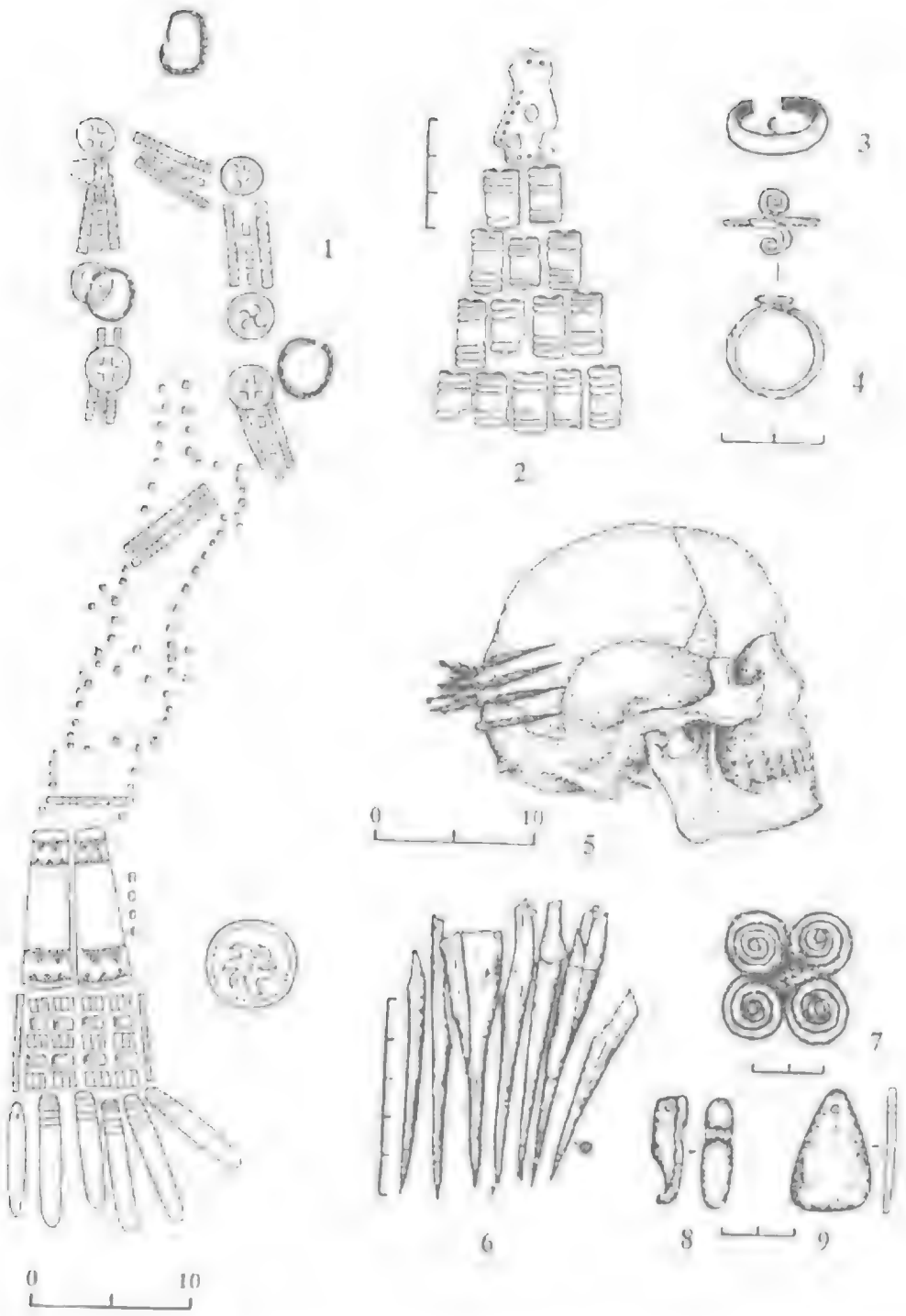


Рис. 2. Образцы украшений срубной культуры: 1, 2 – головные украшения (1 – Новые Ябалаклы I, 2/3; 2 – Лузановка, 15/12); 3 – кольцо (Лузановка, 7/6); 4 – перстень (Новоподкряж III, 1/7); 5 – размещение фрагментов гребней на черепе (Краснопартизанское, 1/3); 6 – зубья гребня (Покровка, 3/10); 7 – нашивная бляшка (Золотая Нива II, 1/4); 8, 9 – нашивные подвески (Волчанка, 6/2) (1 – по В.С. Горбунову; 2, 3, 7-9 – по С.А. Аганову, И.Б. Васильеву, О.В. Кузьминой, А.П. Семеновой; 4 – по И.Ф. Ковалевой и С.С. Волкобою; 5 – по В.И. Андрееву; 6 – по Р.А. Литвиненко).

Fig. 2. Example Timber-Grave culture's adornments.

III. **Браслеты** (рис. 1, 10-14). Выявлены в 82 погребениях. Эта категория погребального инвентаря распределена по территории общности более неравномерно, чем предшествующие (рис. 5; табл. 1). Наиболее высока частота встречаемости комплексов с браслетами в Среднем Поволжье. Далее на запад показатель сильно падает. В Предкавказье, Днепро-Донецкой лесостепи, Подneпровье и Крыму срубных погребений с браслетами нам вообще неизвестно. Всего браслеты сопровождали 87 умерших. Любопытно, что лишь в 35 случаях браслеты были единственной категорией украшений, сопровождавшей погребенного. Таким образом, в отличие от височных подвесок и ожерелий, которые чаще выступают сами по себе, браслеты в большей части случаев являются компонентами набора из нескольких категорий украшений. Обычно 1 или 2 браслета бывают надеты на руки, и лишь изредка это правило нарушено. Например, в 2 погребениях браслеты лежали у колен, в 1 поломанный браслет выявлен в сосуде, в 1 случае браслет лежал у локтя, в 1 на руку был надет один браслет, а второй положен у сосуда.

IV. **Кольца и перстни** (рис. 2, 3, 4). Выявлены в 10 комплексах. Данная категория инвентаря в погребениях встречается очень редко. Во многих регионах эти изделия в погребальных комплексах нам не известны (табл. 1; рис. 6). В 1 захоронении обнаружено костяное кольцо, в остальных – бронзовые кольца и перстни со щитком, причем в 1 из погребений было 2 перстня при одном умершем. Ниже мы будем рассматривать кольца и перстни суммарно и обозначать их термином "кольца". Лишь в 4 случаях кольцо не дополняли другие украшения. То есть, как и браслеты, эта категория украшений относительно редко выступала самостоятельно. Во всех учтенных случаях кольца были на пальцах. В ряде захоронений выявлены кольца из бронзы и реже – кости, найденные в других местах могилы [Щепинский, Черепанова, 1966, рис.72, 13; Ковалева, Ромашко, Андросов, 1979, с.26; Шилов, 1985, рис.22, 2; Ляхов, 1994, рис.2, 22; Плешивенко, 1996, табл.XLVI, 7]. Возможно, они и предназначались для ношения на пальце, но полной уверенности в этом нет, а потому данные комплексы в сводку срубных захоронений с украшениями мы не включили. Что касается случаев, когда кольца обнаружены на руке, то интересно следующее. В 4 комплексах точно известна позиция кольца. При этом в 3 оно было на среднем пальце левой руки (погребения взрослого, мужчины 25-30 лет и подростка). Только лишь 1 раз кольцо зафиксировано на среднем пальце правой (в погребении взрослого). Определений пола в 3 из 4 отмеченных случаев нет, а потому трудно делать предположения, является ли ношение кольца на определенной руке связанным с полом или же с какими-то иными моментами. Отметим, что у славян в некоторых регионах при погребении неженатых (незамужних) людей кольцо также надевали на средний палец (правой руки) [Зеленин, 1991, с. 347; Карпова, 1999, с. 15]. У срубников предпочтение отдавалось левой руке. Но то, что в обоих случаях палец был именно средним, довольно любопытно. Естественно, отсюда вовсе не следует, что в срубной культуре умершие, погребенные с кольцами на пальцах, были холостяками, как и у славян.

V. **Наборные браслеты типа современных фенек.** Учтено 5 погребений, где на запястьях находились: а) пастовые бусы; б) бронзовые пронизи; в) сурьмяные и пастовые бусы в три ряда, причем сурьмяные образовывали внешние ряды, а пастовые – внутренний; г) пастовые и сурьмяные бусы, взаимное расположение которых не прослежено; д) бусы, материал которых автором публикации не уточнен. В 2 случаях наборной браслет был на правой кисти, в 2 – на левой, в 1 случае данных об этом нет. Отметим, что все погребения с данной категорией инвентаря выявлены на восточной территории общности (Приуралье, Поволжье). Интересно то, что если цельные браслеты вдвое чаще находились на обеих руках, чем на одной, то наборные, судя по данным нашей сводки, надевались лишь на одну руку.

VI. **Составные головные украшения (т. н. "накосники")** (рис. 2, 1, 2). Все 3 погребения, где выявлены эти украшения, происходят с восточной территории (2 – в Приуралье, 1 – в Среднем Поволжье) (рис. 6). Во всех трех случаях "накосники" дополнялись и другими украшениями [Горбунов, 1977, с.156-159; Васильев, 1977, с.33; Горбунов, Морозов, 1991, с.83]. Упомянем еще погребение из могильника Гвардейцы, 13/1, Самарская обл., где выявлена бронзовая бляха [Матвеева, Скарбовенко, 1976, с.165], аналогичная бляхам, являющимся составными частями "накосников" из погребений срубной культуры [Горбунов, 1977, рис.8] и покровского

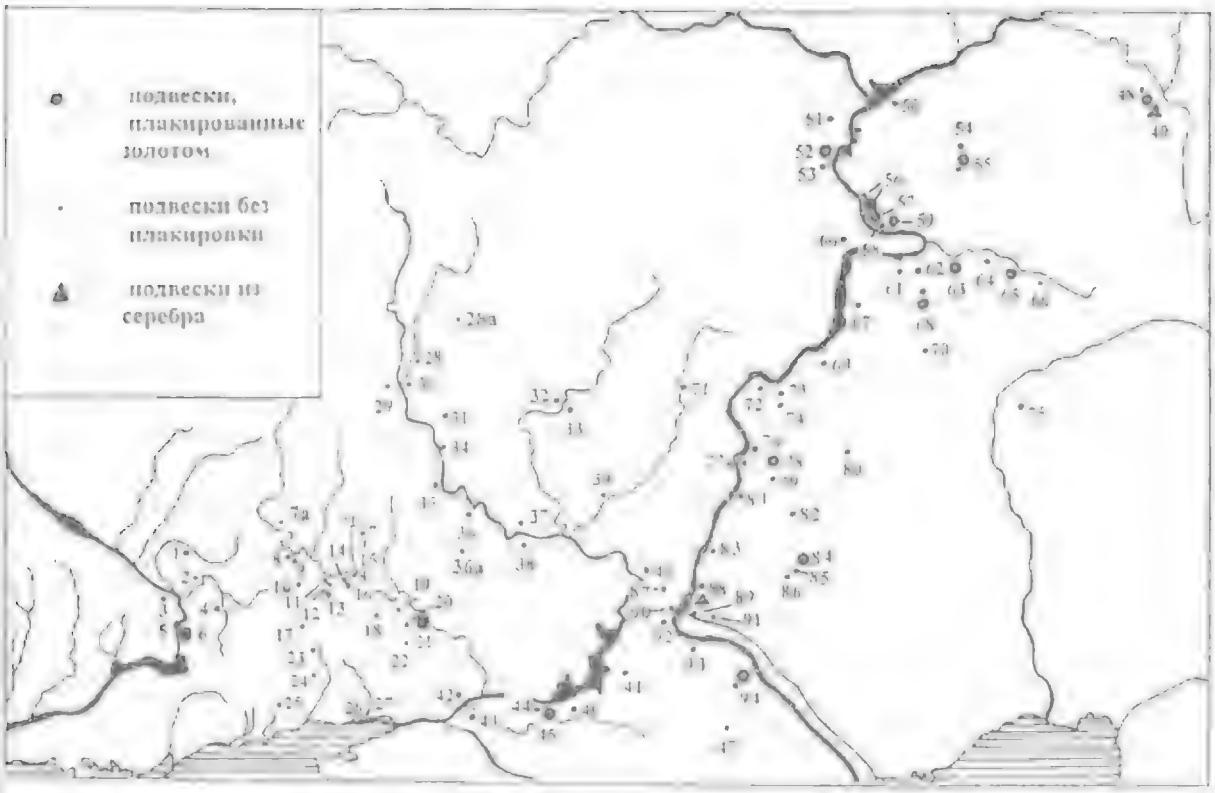


Рис. 3. Карта погребений с височными подвесками: 1 – Бузовка; 2 – Хащевое; 3 – Чкаловка; 4 – Троицкое; 5 – Орлов; 6 – Петромихайловка; 7 – Рудовка; 7а – Лиман; 8 – Верхний Степок; 9 – Шпаковка, Гостра Могила; 10 – Дружковка; 11 – Новоалександровка; 12 – Селимовка; 13 – Миньковка; 14 – Закотное; 15 – Приволье; 16 – Ивано-Дарьевка; 17 – Желанное; 18 – Красная Заря; 19 – Александровск; 20 – Вишневый Дол; 21 – Большой Суходол; 22 – Орехово; 23 – Марченки; 24 – Малый Кут; 25 – Каменные Могилы; 26 – Беглица; 27 – Гаевка-Каймакчи; 28 – Шкарин; 28а – Чамлык-Никольское; 29 – Хохольский; 30 – Сады; 31 – Митрофановка; 32 – Губари; 33 – Ильмень; 34 – Иванов Бугор; 35 – Старая Калитва; 36 – Лофицкое; 36а – Малой; 37 – Савельевский; 38 – Меркуловский; 39 – Подгорный; 40 – Малая Воробцовка; 41 – Аксай; 42 – Озерки; 43 – Балабинский; 44 – Ясырев; 45 – Подгоренский; 46 – Вербовый Лог; 47 – Илжил; 48 – Старые Ябалаклы; 49 – Новые Ябалаклы; 50 – Куралово; 51 – Новоселки; 52 – Новый Урень; 53 – Ишеевка; 54 – Каменный Враг; 55 – Лузановка; 56 – Хрящевка; 57 – Золотая Нива; 58 – Ягодное; 59 – Луначарский; 60 – Новый Ризадей; 61 – Красноселки; 62 – Новопавловка; 63 – Утевка; 64 – Гвардейцы; 65 – Свердлово; 66 – Новая Белогорка; 67 – Калач; 68 – Волчанка; 69 – Натальино; 70 – Максютово; 71 – Большая Дмитриевка; 72 – Осиновка; 73 – Бородаевка; 74 – Новолиповка; 75 – Лебедевка; 76 – Ровное; 77 – Черебаево; 78 – Мурманская; 79 – Новая Квасниковка; 80 – Александкино; 81 – Политотдельское; 82 – Красный Октябрь; 83 – Верхний Балыклей; 84 – Ченин; 85 – Венгеловка; 86 – Красная Деревня; 87 – Варламов; 88 – Верхнее Погромное; 89 – Волжский; 90 – Волгоград; 91 – Ленинск; 92 – Ерзовка; 93 – Цӓца; 94 – Кривая Лука.

Fig. 3. Map of burials with temple's pendants.

типа [Дремов, 1996, с.112]. Погребение из Гвардейцев ограблено, но можно предполагать, что и здесь было головное украшение, от которого после ограбления уцелела только бляха.

VII. **Гребни** (рис. 2, 5, 6). В 5 погребениях нашей сводки присутствовали гребни – составные изделия из нескольких зубьев, соединявшихся между собой [Цимиданов, 1995, с.35]. Большинство данных комплексов (4) обнаружено на территории Украины (рис. 7). В регионах, лежащих к востоку, нам известны 2 комплекса, где можно предполагать наличие гребней [Гармашов, Науменко, 1993, с.9; Памятники..., табл. 1, № 503]. Но информация по первому из этих захоронений не полная, а потому в сводку оно не включено. В 2 захоронениях сводки несколько гребней были воткнуты в волосы или крепились к головному убору. В 2 случаях по 1 гребню лежало рядом с умершим. Пятое погребение разрушено.

VIII. **Украшения одежды** (рис. 1, 8; 2, 7-9). Помимо съемных украшений в срубной культуре были украшения, нашивавшиеся на одежду, головной убор, пояс. Так, в погребении из могильника Свердлово V, 5/1, Оренбургская обл. на шапку были нашиты 8 чешуек рыбы [Халянин, 1998, с.62]. В захоронении из Новоселок, 10/2, Татарстан сурьмяные бусы украшали одежду и головной убор [Иванов, Скарбовенко, 1993, табл.]. Очевидно, это же имело место в захоронении из Лузановки, 15/12, Самарская обл., где пастовые бусы располагались россыпью на тазу, животе, груди [Васильев, 1977, с.33]. В погребении из Золотой Нивы II, 1/4, Самарская обл. на вязаной шапке были нашиты сурьмяные бусы, изделия из бронзовой проволоки в виде свастик или цветов, а на шнурах с нее свисали бронзовые пронизи [Аганов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983, рис.7, 1-6; Зудина, 1998, с.42]. В погребении из Волчанки, 6/2, Самарская обл. перед умершим лежало кожаное изделие в виде сегмента, расшитое сурьмяными и пастовыми бусами, костяными подвесками, одна из которых имела форму башмачка (рис. 2, 8). Вероятно, это – остатки головного убора или нагрудного украшения [Кузнецова, Седова, 1991, с.171, 176]. В захоронении из Лузановки, 2/4, Самарская обл. на тазу и под ним выявлены 5 пронизей [Васильев, 1977, с.9], которые, вероятно, были нашиты на пояс. Гешировые и костяные бусы украшали воротник или головной убор в погребении из Бородаевки, 9/6, Саратовская обл. [Миронов, 1991, с.59]. В погребении из Савельевского, 9/3, Ростовская обл. бисер и крестовидное металлическое изделие найдены на черепе [Рогудеев, 1997, с.116]. Очевидно, они украшали головной убор. В захоронении из Вербового Лога IV, 6/7, Ростовская обл. бисер был нашит на шапку и края одежды [Гармашов, Науменко, 1993, с. 9]. В погребении из Купцын-Толга, 48/7, Калмыкия пастовые бусы обнаружены у черепа и таза [Шнайдштейн, 1981, с.114]. В данном случае также можно допускать, что они украшали одежду. В целом, комплексов, где одежда или головной убор были украшены нашитыми бусами или иными предметами, немного. Почти половина их происходит с территории Среднего Поволжья. А к западу от Подонья подобных комплексов нам совсем неизвестно (рис. 7).

Таковы, в основном, категории украшений, происходящие из срубных погребений нашей сводки. Отметим еще бронзовые бляшки с отверстиями [Ляхов, 1994, рис.2, 20; Памятники..., 1993, табл. 2, 20-22]. К какой из перечисленных нами категорий относятся данные украшения, сказать трудно. Это могли быть и нашивки на одежду, и детали ожерелий или головных украшений.

Стоит упомянуть и предметы, которые, возможно, являлись украшениями, но не были включены в нашу сводку, так как характер их применения не ясен. Это – костяная "ворворка" [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с.46], костяные бляшки [Марина, Романко, Фенценко, 1988, рис. 2, 4; Ковалева, Андросов, Шалобудов, Мартюшенко, 1989, рис.3, 10], т. н. "пуговицы" [Литвиненко, 1993, рис.6, 4, 5; Памятники..., 1993, табл. 23, 37], бронзовая "бляшка" [Памятники.... 1993, табл. 1, № 125], а также пряжки из раковин [Васильев, 1977, рис.20, 10; Обыденнова, Рутто, Немагилов, 1985, с.47; Горбунов, Морозов, 1991, рис.XVII, 12; Иванов, Скарбовенко, 1993, рис. 14, 14; Халянин, 1998, рис. 4, 7; Богданов, 2000, рис. 5, 1] и кости [Скарбовенко, 1981, рис.4, 9; Богданов, 2000, рис. 8, 2].

В 81 захоронении (83 умерших) сочетались 2 и более категорий украшений при одном погребенном. Удельный вес подобных погребений выше всего в Приуралье, Среднем Поволжье, Нижнем Поволжье в пределах Саратовской и Волгоградской областей (табл. 1).

Сочетания категорий украшений довольно разнообразны. Наиболее часто встречаются 4

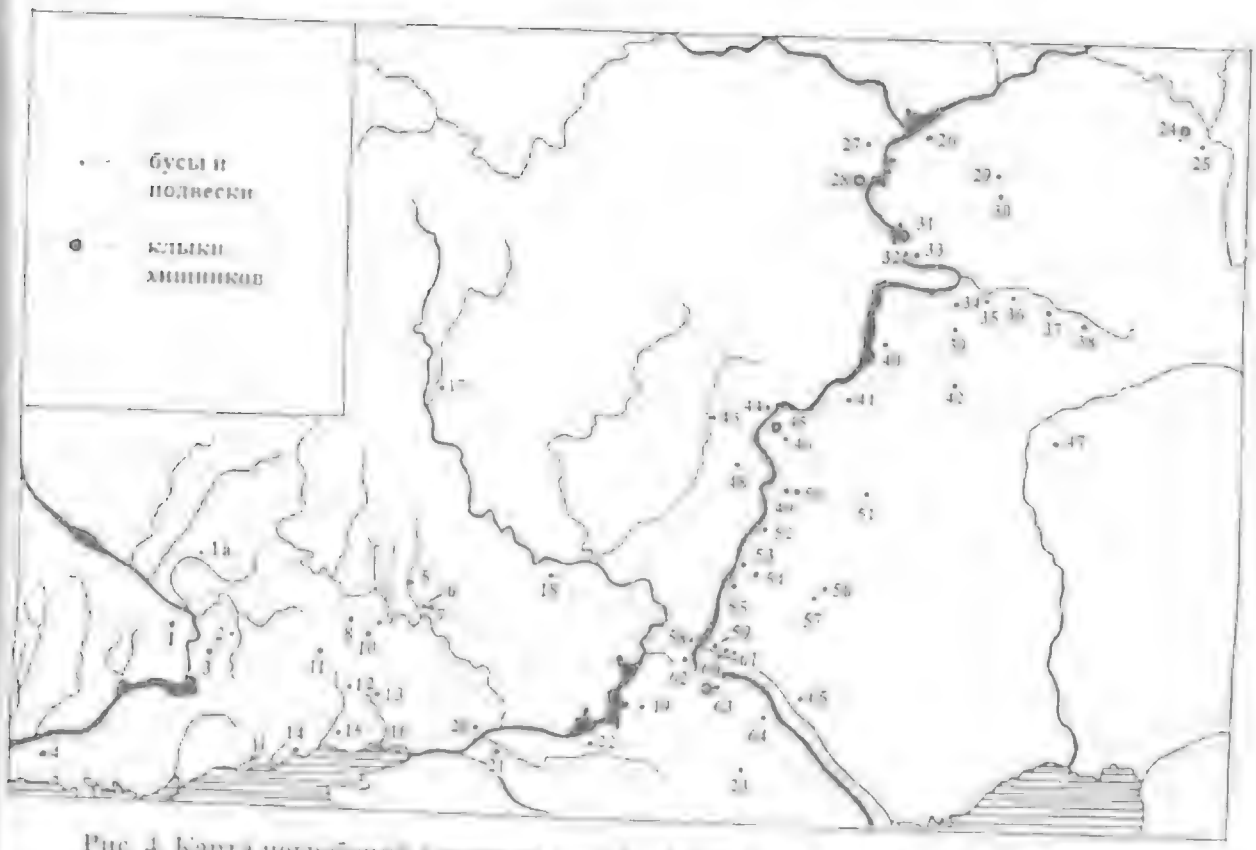


Рис. 4. Карта погребений с ожерельями: 1 – Хулы; 1а – Котовского; 2 – Троицкое; 3 – Овчарное; 4 – Юбилейное; 5 – Бахмутовка; 6 – Войтово; 7 – Покровка; 8 – Миньковка; 9 – Камышеваха; 10 – Возрождение; 11 – Николаевка; 12 – Покровка; 13 – Белоярвка; 14 – Приморское; 15 – Запорожец; 16 – Гаевка-Каймакчи; 17 – Шкарин; 18 – Меркуловский; 19 – Аксай; 20 – Гать; 21 – Сагва; 22 – Вербовый Лог; 23 – Иджил; 24 – Старые Ябалаклы; 25 – Новые Ябалаклы; 26 – Куралово; 27 – Новоселки; 28 – Новый Урень; 29 – Каменный Враг; 30 – Лузановка; 31 – Хряшевка; 32 – Ягодное; 33 – Луначарский; 34 – Новопавловка; 35 – Утевка; 36 – Гвардейцы; 37 – Свердлово; 38 – Новая Белогорка; 39 – Волчанка; 40 – Калач; 41 – Натальино; 42 – Максютово; 43 – Большая Дмитриевка; 44 – Букатовка; 45 – Сухая Саратовка; 46 – Крутоярвка; 47 – Лебедевка; 48 – Меркель; 49 – Мирный; 50 – Мурманская; 51 – Новотулка; 52 – Политотдельское; 53 – Быково; 54 – Новоникольское; 55 – Верхний Баклей; 56 – Ченин; 57 – Венгеловка; 58 – Волгоград; 59 – Волжский; 60 – Ленинск; 61 – 15-й поселок; 62 – Ерзовка; 63 – Цаца; 64 – Кривая Лука; 65 – Степная.

Fig. 4. Map of burials with necklaces.

набора: 1) височные подвески – ожерелье (20 случаев); 2) височные подвески – браслеты (18 случаев); 3) височные подвески – ожерелье – браслеты (14 случаев); 4) ожерелье – браслеты (13 случаев). Эти наборы можно назвать основными. Частота встречаемости каждого из этих наборов в конкретных регионах видна из таблицы 2. Данная таблица демонстрирует, в частности, что наборы более характерны для восточной территории. В отдельных регионах западной территории наборы в погребениях единичны, в других – вообще нам неизвестны. Стоит указать, что наиболее широк ареал погребений с набором "височные подвески – ожерелья".

Среди прочих наборов (их можно назвать дополнительными) отметим сочетание височных подвесок и кольца. Этот набор в нашей сводке присутствует дважды. Содержащие его погребения выявлены на территории Среднего Подонья и Орельско-Самарского междуречья. Остальные наборы представлены только лишь по 1 разу: а) височная подвеска – украшение

одежды (Среднее Поволжье); б) 3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение (Среднее Поволжье); в) височная подвеска – ожерелье – наборной браслет (Волгоградская обл.); г) височная подвеска – ожерелье – 2 браслета – головное украшение (Приуралье); д) височная подвеска – браслет – наборной браслет – украшение одежды (Среднее Поволжье); е) височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень(?) (Нижний Дон); ж) 3(?) височные подвески – ожерелье – 2 кольца (Средний Дон); з) 2 височные подвески – бляшка – 2 металлические кольца (Саратовская обл.); и) ожерелье – 2 браслеты – кольцо (Среднее Поволжье); к) ожерелье – кольцо – гребень (Донбасс); л) ожерелье – головное украшение(?) (Среднее Поволжье); м) ожерелье – бляшки (Саратовская обл.); н) 2 браслета – украшение одежды (Саратовская обл.); о) 1 браслет – серебряное украшение (из-за плохой сохранности категория не ясна) (Среднее Поволжье); п) 2 браслета – кольцо (Донбасс); р) 1 браслет – головное украшение (Приуралье).

Здесь можно обратить внимание на то, что большинство дополнительных наборов происходит с восточной территории. Основная часть данных наборов образована путем присоединения 1-2 категорий украшений к "ядру" из трех основных наборов (височные подвески – ожерелье; височные подвески – браслеты; ожерелье - браслеты). Отметим и то, что в составе набора чаще встречается 1 височная подвеска, а не 2-3.

Итак, среди захоронений срубной культуры с украшениями можно выделить несколько основных групп:

I. Погребения с единственной категорией украшений, в том числе:

1) височными подвесками;

2) ожерельями;

3) браслетами;

4) кольцами;

5) наборными браслетами;

6) гребнями;

7) украшениями одежды. Очевидно, к этой группе правильнее было бы подходить дифференцировано, но сводка мала, а потому дробить ее смысла нет;

II. Погребения с наборами, в том числе:

1) височными подвесками и ожерельями;

2) височными подвесками и браслетами;

3) височными подвесками, ожерельями и браслетами;

4) ожерельями и браслетами.

Ниже мы проанализируем эти группы. Те, которые достаточно репрезентативны, стоит рассматривать, разбив на два массива, представляющих восточную и западную территории.

ПОГРЕБЕНИЯ С ВИСОЧНЫМИ ПОДВЕСКАМИ. ВОСТОЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Височные подвески сопровождали 36 умерших. Двое погребенных были кремированы, и возраст их не установлен. Из остальных 34 взрослых было 22 (64,7% лиц с известным возрастом), в том числе – мужчина, молодая женщина, 2 женщины 20-25 лет, 2 – 25-30 лет, 1 женщина средних лет, 1 – 55 лет. Подростков – 8 (23,6%), в том числе – 7-8, 8-10, 10, 10-12 (2 случая), 14-16 лет. Детей было 4 (11,8%). Таким образом, височные подвески могли попадать в могилы лиц разного пола и возраста. Не устанавливается пока лишь нижняя граница возрастного интервала, в котором подвески использовались как украшения. Верхней границы, похоже, не было. Среди взрослых, погребенных с подвесками, преобладают женщины. Однако следует учитывать и то, что во многих случаях пол определяли не специалисты-антропологи, а археологи, которые могли лишь на основании наличия украшений в погребении делать вывод о женском поле. В 4 случаях подвески были плакированы золотом. Среди погребенных с такими подвесками 3 взрослых, в том числе женщина 25-30 лет. Еще 1 погребенный кремирован, и возраст не установлен. Можно предполагать, что плакированные золотом подвески коррелируются преимущественно с погребениями взрослых. Из погребений взрослых происходят и серебряные височные подвески. Добавим, что плакированные золотом и серебряные подвески значительно чаще входят в состав набора украшений, чем встречаются сами по себе.

В погребении может быть 1 подвеска (23 случая), 2 (12) и 3 (1). В могилах взрослых 1 подвеска встречена 14 раз, 2 – 8 раз. В могилах подростков 1 подвеска выявлена 5 раз, 2 – 2 раза и 3 – 1 раз. В могилах детей по 2 раза встречены 1 и 2 подвески. Отсюда видно, что число подвесок, надевавшихся при погребении на умершего, жестко не связано с возрастом. Не связано оно и с полом. В женских погребениях 2 раза встречено по 1 подвеске, и 5 раз – по 2. Все-таки

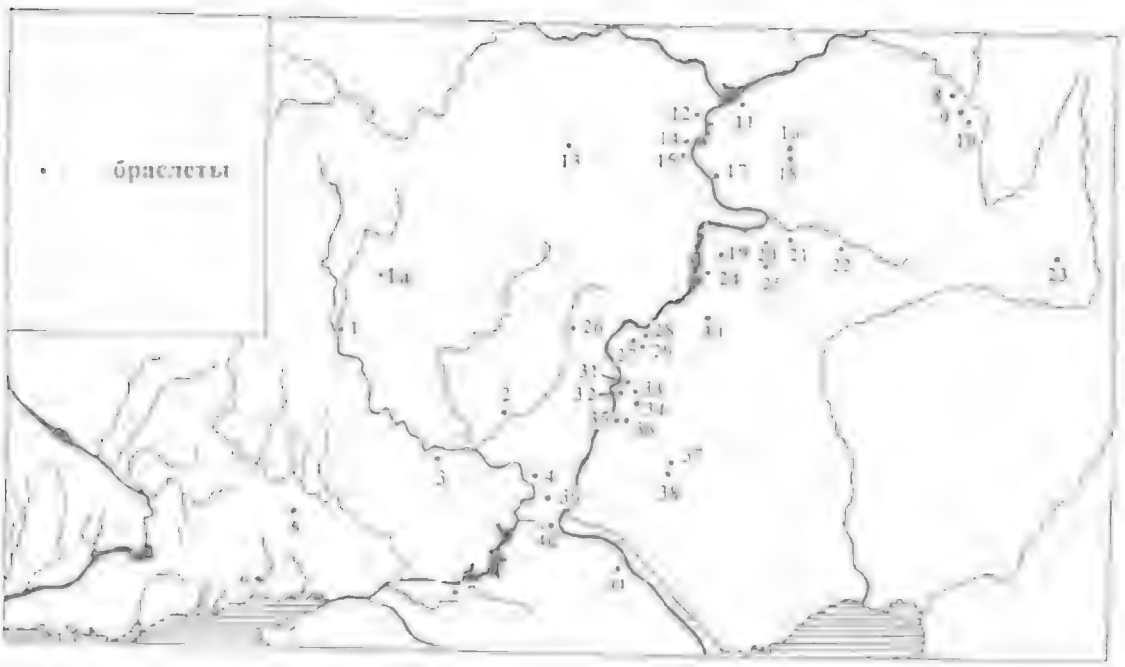


Рис. 5. Карта погребений с браслетами: 1 – Сады; 1а – Чамлык-Никольское; 2 – Труд; 3 – Меркуловский; 4 – Малая Воробцовка; 5 – Возрождение; 6 – Новоселовка; 7 – Холодный; 8 – Старые Ябалаклы; 9 – Новые Ябалаклы; 10 – Петряево; 11 – Куралово; 12 – Новоселки; 13 – Куликовка; 14 – Новый Урень; 15 – Ишеевка; 16 – Каменный Враг; 17 – Хрящевка; 18 – Лузановка; 19 – Владимировка; 20 – Новопавловка; 21 – Утевка; 22 – Свердлово; 23 – Акназарово; 24 – Калач; 25 – Волчанка; 26 – Большая Дмитриевка; 27 – Суслы; 28 – Бородаевка; 29 – Крутояровка; 30 – Успенка; 31 – Ровное; 32 – Мирный; 33 – Мурманский; 34 – Новая Квасниковка; 35 – Политотдельское; 36 – Потемкино; 37 – Ченин; 38 – Венгеловка; 39 – Варламов; 40 – Ерзовка; 41 – Кривая Лука.

Fig. 5. Map of burials with bracelets.

для женщин более характерно было ношение 2 подвесок. Среди погребенных с подвесками лиц, пол которых определен, мужчина был лишь 1. Его сопровождала 1 подвеска. Отсюда не стоит делать допущение, что мужчины могли носить лишь 1 подвеску, ибо, как мы увидим ниже, рассматривая материалы западной территории, мужчины могли носить и 2 подвески.

Возникает вопрос, связано ли надевание разного числа подвесок (и вообще ношение подвесок) с определенной социальной позицией? В соответствии с нашей концепцией социальной структуры срубного общества любой член социума имел две "координаты" - статус и ранг. Статус – отношение к отправлению определенной функции. Мы выделяем статусы властителя, воина, служителя культа, мастера, носителя производственной функции. Ранг – позиция лица в пределах его статусной группы. В соответствии с этим среди отклонений от модели рядового срубного погребения мы различаем знаки, маркирующие определенные статусы и ранги. [Цимиданов, 1997, с.6-9]. На западной территории мы различаем три ранговых уровня: а) высший, маркируемый досыпкой, соединяющей два более ранних кургана, между которыми совершено данное погребение; б) повышенный, маркируемый разнообразными ранговыми знаками; в) низший (погребения без ранговых знаков) [Цимиданов, 1997, с. 9; Цимиданов, 2000]. Для восточной территории мы пока выделяем лишь повышенный и низший ранги погребенных [Цимиданов, 2001 б, с. 338]. Сравним массивы погребений с 1 и 2-3 подвесками по степени выраженности основных ранговых знаков. Из таблицы 3 видно, что сильнее ранговые знаки выражены в массиве захоронений с 1 подвеской. Таким образом, число подвесок на

находится в прямой связи с высотой социального ранга. В то же время можно заметить, что большинство погребений с подвесками восточной территории не демонстрирует ранговых знаков. Отсюда возможен вывод, что на данной территории височные подвески сами по себе к числу знаков повышенного ранга не относятся.

Если рассмотреть отдельно массивы погребений с подвесками трех возрастных групп (табл. 4), то окажется, что наиболее высок удельный вес лиц повышенного ранга в группе взрослых. Среди подростков и детей, носивших подвески, он ниже. Данная ситуация вполне естественна, поскольку ранг в срубном обществе повышался, в основном, с течением жизни за определенные заслуги.

ПОГРЕБЕНИЯ С ВИСОЧНЫМИ ПОДВЕСКАМИ. ЗАПАДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

На западной территории височные подвески сопровождали 52 умерших. В погребении может быть 1 височная подвеска (34 случая) или 2 (18 случаев). Среди лиц, погребенных с 1 подвеской, 25 взрослых (73,5%), в том числе 2 мужчины, мужчина 60-70 лет и женщина 55-65 лет. Подростков – 7 (20,6%), в том числе 6-7 и 8-9 лет. Ребенок – только 1 (2,9%). Наконец, 1 погребение было кремацией, и возраст умершего неизвестен.

Среди погребенных с 2 подвесками 15 взрослых (83,3%), в том числе 3 мужчины и 1 женщина. Подросток – 1 (5,6%). Ребенок – 1. Еще одно захоронение было кенотафом. Как видим, и на западной территории подвески могли попадать в погребения лиц разного возраста и пола, причем число подвесок с определенным полом и возрастом жестко не связано. Вместе с тем можно заметить, что, как и на восточной территории, на западной 2 подвески более характерны для погребений взрослых.

Подвески, плакированные золотом, встречены в 1 погребении взрослого и в 1 – с кремацией, то есть и на данной территории изделия из драгоценных металлов не выявлены в захоронениях детей и подростков.

Сопоставление массивов погребений с 1 и 2 подвесками по степени выраженности основных ранговых знаков (Табл. 3) показывает, что какие-то знаки сильнее выражены в одном массиве, а какие-то – в другом. В целом же, оба массива захоронений демонстрируют очень высокий процент рядовых комплексов, а потому возможен вывод, что и на западной территории височные подвески не являлись ранговым знаком.

Если рассмотреть данные комплексы, разбив их на три возрастные группы (Табл. 4), то можно отметить, что, на западной территории, как и на восточной, в массивах погребений с подвесками наиболее высок удельный вес лиц низшего ранга в группе подростков. В группах детей и взрослых он оказывается ниже. Что стоит за этим фактом, сказать трудно.

ПОГРЕБЕНИЯ С ОЖЕРЕЛЬЯМИ. ВОСТОЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Ожерелья сопровождали 38 умерших. Двое были кремированы. Среди остальных – 22 взрослых (57,9% всех погребений с ожерельями), в том числе 3 мужчины, мужчина 35-55 лет, 3 женщины и молодая женщина. Подростков – 6 (15,8%), в том числе 12 и 12-14 лет. Детей – 8 (21,1%). Отсюда видно, что ожерелья попадали в могилы лиц различного пола и возраста. При этом в трех возрастных группах состав ожерелий почти тождествен. В погребениях и взрослых, и подростков, и детей выявлены пастовые и металлические бусы. Подвески из клыков хищников обнаружены в могилах взрослых и подростков. Правда, в 2 погребениях взрослых выявлены каменные бусы (в 1 – из гешира), отсутствующие в погребениях детей и подростков. Но, вероятно, дело лишь в недостаточной репрезентативности выборки. Возможно, с возрастом связано количество бус. Так в погребениях детей, в тех случаях, когда число бус известно, их – максимум 8, в погребениях подростков – 12. На взрослых же были ожерелья из 18, 23, 31, 35 и 106 бусин. Но данный нюанс следует проверять с привлечением более обширных выборок.

ПОГРЕБЕНИЯ С ОЖЕРЕЛЬЯМИ. ЗАПАДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Ожерелья сопровождали 20 погребенных. Взрослых из них 16 (80,0%), в том числе – человек 22-25 лет, мужчина 50-60, женщина, женщина 45-50 лет. Подростков – 2 (10,0%). Детей – 2, в том числе ребенок в возрасте около 1 месяца. Таким образом, и на данной территории наличие ожерелья в могиле не связано с полом и возрастом. Вероятно, их могли носить

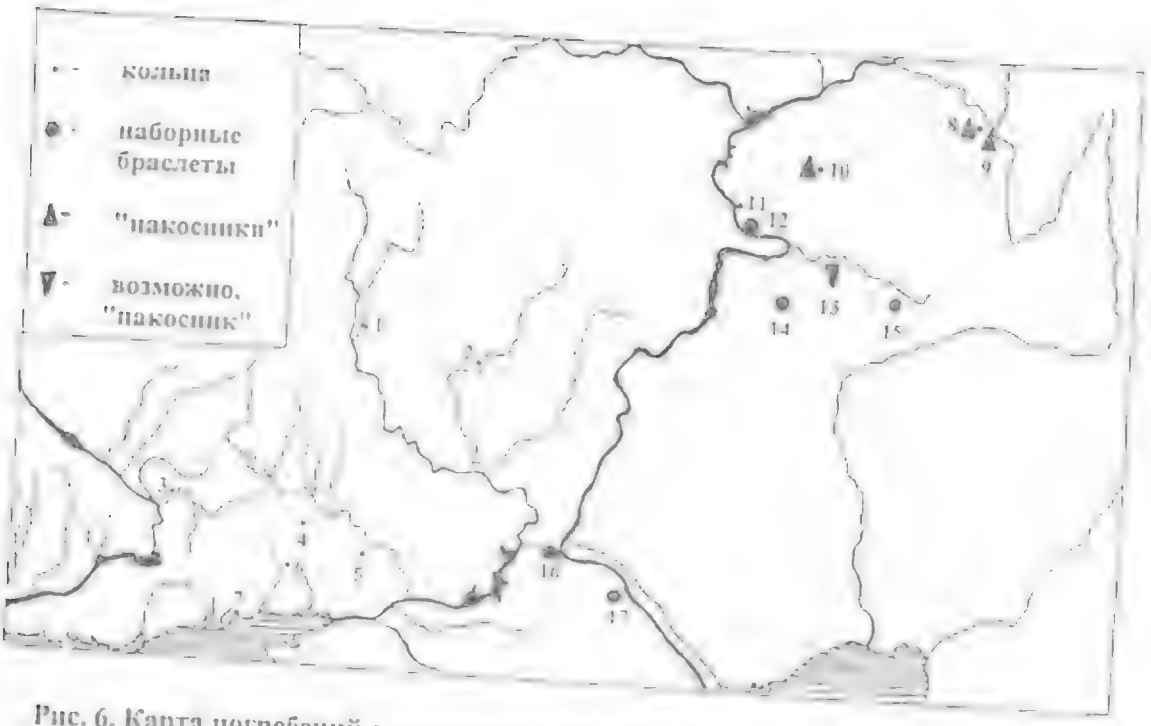


Рис. 6. Карта погребений с кольцами, наборными браслетами и "накосниками":
1 – Шкарин; 2 – Губари; 3 – Хащевое; 4 – Возрождение; 5 – Майка; 6 – Покровка; 7 – Приморское; 8 – Старые Ябалаклы; 9 – Новые Ябалаклы; 10 – Лузановка; 11 – Хряшевка; 12 – Ягодное; 13 – Гвардейцы; 14 – Волчанка; 15 – Герасимовка; 16 – Ерзовка; 17 – Кривая Лука.

Fig. 6. Map of burials with rings, compound bracelets and plait's adornment.

чуть ли не с рождения и до самого преклонного возраста. По сравнению с массивом захоронений восточной территории, на западной выше удельный вес взрослых. Какой-либо зависимости материала и числа составляющих ожерелья от пола или возраста не прослеживается. Каменные бусы выявлены и в детском погребении (гагат), и в захоронении взрослого (бирюза, хризопраз). Правда, бусы из сурьмы и бронзы происходят только из погребений взрослых, но выборка мала, и подобный результат может быть случаен. Число бус в детских ожерельях – до 20, во взрослых до 65.

По степени выраженности ранговых знаков массивы погребений с ожерельями восточной и западной территории мало разнятся (табл. 5). А высокий удельный вес захоронений лиц низшего ранга в них позволяет допускать, что и ожерелья сами по себе ранговым знаком не являлись. Удельный вес лиц низшего ранга наиболее высок в группах детей и подростков. В группе взрослых удельный вес лиц низшего ранга падает, но все равно он остается несколько более высоким, чем вес лиц повышенного ранга (табл. 6).

ПОГРЕБЕНИЯ С БРАСЛЕТАМИ

На восточной территории учтено 31 погребение. Взрослых среди умерших 23 (74,2%), среди которых 2 старых индивидуума и 6 женщин (в том числе 17-19, 18-20, 20-25 и 35-45 лет). Подростков – 5 (16,1%), в том числе 6 лет. Детей – 3 (9,7%). Отсюда видно, что ношение браслетов не было присуще лишь какой-то определенной возрастной группе. В 13 погребениях с умершим был 1 браслет. Лишь в 4 случаях известно, на какой руке он находился, и рука эта – правая. В 18 погребениях было 2 браслета. Как видим, число браслетов не коррелируется с возрастом. Среди комплексов с 1 браслетом есть захоронения всех возрастных групп, как и среди комплексов с 2 браслетами, хотя удельный вес лиц взрослой возрастной группы среди погребенных с 1 браслетом составляет 69,2%, а среди погребенных с 2 – 77,8%. Сравнение массивов заборонений с 1 и

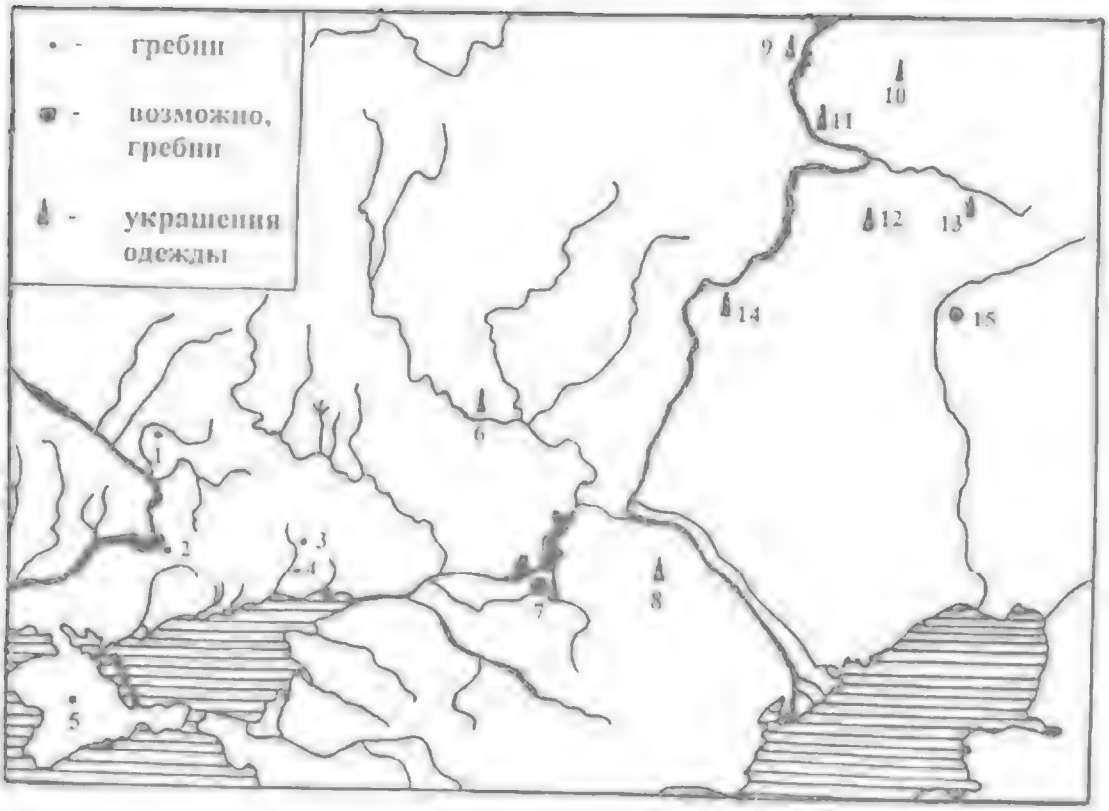


Рис. 7. Карта погребений с гребнями и украшениями одежды: 1 – Котовка; 2 – Лелихова Могила; 3 – Покровка; 4 - Петровское; 5 – Краснопартизанское; 6 – Савельевский; 7 – Вербовый Лог; 8 – Куницын-Толга; 9 – Новоселки; 10 – Лузановка; 11 – Золотая Нива; 12 – Волчанка; 13 – Свердлово; 14 – Бородаевка; 15 - Лебедевка.

Fig. 7. Map of burials with combs and adornments of the clothes.

числе – молодая и 25-30 лет. Ни одного погребения, где пол был бы определен как мужской, в сводке нет. Отсюда можно допустить, что данный набор украшений был специфически женским. Отметим, что все три погребения западной территории с данным набором демонстрируют знаки повышенного ранга, даже детское. На восточной же территории погребения ребенка и подростка с этим набором – рядовые, а среди погребений взрослых есть серия демонстрирующих знаки повышенного ранга (6 против 8 рядовых).

ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРОМ "ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ – БРАСЛЕТЫ"

Среди 18 погребенных – 2 ребенка (11,7%), 2 подростка, остальные – взрослые (76,5%). Среди последних – 7 женщин, в том числе 2 молодые и 1 с возрастом 45-55 лет. Таким образом, возможно допущение, что и этот набор носили преимущественно взрослые, причем, – женщины. Оба погребения детей и подростков были рядовыми. Среди 14 взрослых рядовых лиц было 6.

ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРОМ "ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ – ОЖЕРЕЛЬЕ – БРАСЛЕТЫ"

Из 14 умерших ни один не был ребенком, но 3 – подростками (21,4%), в том числе – подросток 12-14 лет. Пол одного подростка определен как женский. Двое подростков имели повышенный ранг. Взрослых было 78,6%. Среди них – 3 женщины (в том числе – 30-35 лет) и 1 мужчина. Из взрослых 8 имели низший ранг.

ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРОМ "ОЖЕРЕЛЬЕ – БРАСЛЕТЫ"

В сводке – 13 комплексов. Из умерших 2 были детьми (15,4%), 3 – подростками (23,1%).

Остальные – взрослые (61,6%). Среди них – 6 женщин, в том числе 18-20, 20-25 (2 случая), 30-40 лет. Два подростка и оба ребенка имели низший ранг, как и 6 взрослых.

Сопоставление групп погребений с основными наборами украшений по степени выраженности ранговых знаков (табл. 9) показывает, что слабее всего они выражены в массиве с сочетанием "ожерелье - браслеты", а сильнее всего – в массиве с набором "височные подвески - ожерелье".

ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРОМ "ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ – КОЛЬЦО"

Один из погребенных был подростком, один – взрослым. Оба имели повышенный ранг.

Что касается прочих наборов, то из 16 умерших, сопровождавшихся ими, 1 был кремирован, 1 погребение являлось кенотафом. Остальные погребенные – взрослые, среди которых – 3 женщины. Показательно, что среди 4 лиц, погребенных с головными украшениями, трое имели повышенный ранг. Таким образом, существующее предположение о том, что данная категория украшений является социально значимым признаком, не может быть оспорено. Ни для одного из этих погребений, правда, нет определений пола, сделанных антропологами. Обычно лиц, погребенных с головными украшениями, археологи считают женщинами, исходя из того, что женские захоронения должны быть "богаче" украшениями, чем мужские.

Рассмотрение всей совокупности погребений с украшениями по трем возрастным группам показывает некоторые интересные моменты (табл. 10; 11). На восточной территории в погребениях с украшениями группы взрослых чаще всего встречаются браслеты. Вместе с тем частота встречаемости височных подвесок и ожерелий – лишь немногим ниже. В группе подростков ситуация несколько иная. Здесь подвески присутствуют значительно чаще, чем браслеты. В группе детей очень высок удельный вес ожерелий. Судя по этнографическим данным, одной из важнейших функций украшений, носимых детьми, была оберегова [Васильева, 1986, с.183]. Выше мы отмечали, что в составе ожерелий из срубных погребений имеются предметы, принадлежность которых к апотропеям можно допускать достаточно уверенно, а также предметы, которые могли обеспечивать покровительство определенных существ. Очевидно, по представлениям носителей срубной культуры, именно ожерелья были наиболее сильными апотропеями. Однако, оберегами могли быть и другие украшения. Так, шина и бурушаски (индоарийцы Гиндукуша) полагали, что браслеты отпугивают пери [Йеттмар, 1986, с.291].

На западной территории частота встречаемости ожерелий в детских погребениях также превышает соответствующие показатели по погребениям взрослых и подростков. Наборы украшений, присутствующие в детских погребениях этой территории, также включают ожерелья. Сравнение данных по двум территориям показывает определенные черты сходства. В частности, в погребениях западной территории встречены почти все категории и основные наборы украшений, которые характерны для восточной территории. Но есть и различия. На западной территории, по сравнению с восточной, возрастает частота встречаемости височных подвесок во всех трех возрастных группах, а в погребениях взрослых – и ожерелий. Чаще здесь встречаются гребни. А вот браслеты, напротив, – реже. При этом в нашей сводке нет ни одного бесспорно мужского погребения, где находились бы браслеты. Итак, все основные категории украшений (височные подвески, ожерелья и браслеты), вероятно, могли носиться с детского возраста. Дети могли носить и наборы "височные подвески – ожерелье", "височные подвески - браслет", "ожерелье - браслет". Но ни в одном из детских погребений нашей сводки нет набора "височная подвеска – ожерелье - браслет". Можно предполагать, что этот набор носили с подросткового возраста. По данным нашей сводки – примерно с 12-14 лет. Дети и подростки не носили головные украшения. Если верно допущение, что такие украшения все выявлены в погребениях женщин, то можно предполагать их принадлежность к свадебному убранству. Попадание их в погребения не противоречит такому предположению. Ассоциация смерти и свадьбы красной нитью проходит в индоевропейской традиции, в силу чего женщин порой хоронили в свадебном наряде [Соколова, 1977, с.194-195; Кузьмина, 1986, с.98; Сабурова, 1988, с.266-267; Еремина, 1991, с.170-171; Зеленин, 1991, с.347]. Специфичной для взрослых была, очевидно, и такая категория украшений, как гребень. Ни разу в детских погребениях не встречены кольца. В могилах подростков они есть. При этом, единственное захоронение с гребнем, по которому есть определение пола, было мужским. Отсюда очень

осторожно можно предполагать, что гребни носили лишь мужчины. Что касается колец, то, вероятно, их можно было носить лишь с подросткового возраста, причем, судя по нашим данным, с кольцами погребались и мужчины, и женщины. Можно констатировать и то, что в детские погребения не попадали наборы из 3 и более категорий украшений.

Вопрос о связи определенных украшений с полом трудно рассматривать, ибо исследователи зачастую погребения с украшениями a priori относят к женским. Тем не менее, есть серия мужских погребений, где присутствовали украшения (табл. 12). Опираясь на наши данные, можно сделать допущение, что мужчины обычно носили лишь 1 украшение, в отличие от женщин. Но имеется комплекс, где в мужском захоронении выявлен набор из височных подвесок, ожерелья, браслета [Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977, с.20-21]. Такой набор 4 раза встречен в женских погребениях нашей сводки. Наличие его в захоронении мужчины - весьма любопытный факт. Он позволяет предполагать, что в срубном обществе существовала категория людей, аналогичная бердашам сиу или химанехам шайенов. Это была группа мужчин, которые хотели принадлежать к миру женщин. Они одевались, как женщины, участвовали в женских работах, часто бывали знахарями, фармацевтами, веселили публику песнями и плясками. Они могли даже выйти замуж за другого мужчину, если тому это было по вкусу [Берджер, 1993, с.110]. То, что подобное явление могло иметь место и в степных обществах прапцев Восточной Европы, свидетельствует сообщаемая Псевдо-Гиппократом информация о скифских энареях, которые одевались в женскую одежду и выполняли женские работы. Относительно сущности скифских энареев исследователей высказывали, правда, весьма различные точки зрения. Но ряд авторов, ссылаясь на этнографические параллели, видел здесь черты травестизма [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 305]. Возможен, впрочем, и другой вариант трактовки данного погребения. У многих народов, в том числе индоевропейских, жрецы и колдуны носили женскую одежду [Геннеп, 1999, с. 156]. Соответственно, они могли носить и женские украшения. Но рассматриваемое погребение не демонстрирует никаких надежных знаков статуса служителя культа, а потому такой вариант трактовки маловероятен. Исходя из того, что наборы украшений коррелируются с женским полом, возможно предположение, что захоронение детей и подростков с наборами являются захоронениями девочек и девушек.

Различались ли украшения у лиц разных ранговых уровней? Сравнение украшений из погребений лиц повышенного и низшего ранга восточной территории (табл. 13) показывает, что украшения, которые носили представители этих двух групп, были в целом тождественны, причем частота встречаемости основных категорий и наборов в группах довольно близка. Отсюда мы делаем вывод, что ни одна из категорий украшений (кроме, разве что, сложных головных украшений) не может быть отнесена к социально значимым признакам. Правда, захоронения лиц повышенного ранга демонстрируют более разнообразные наборы (на 4 набора больше, чем в погребениях лиц низшего ранга). Возможно, какие-то из дополнительных наборов, встреченных по 1 разу, и были специфичны для определенного ранга, но пока обосновать это невозможно. Само же по себе наличие в погребении набора украшений на восточной территории не является социально значимым признаком. Это видно из того, что удельный вес погребений с наборами в группе лиц повышенного ранга почти такой же, как и в группе низшего ранга (40,0% против 36,8%).

Ситуация на западной территории иная (Табл. 13). Основные категории украшений в погребениях лиц разных ранговых уровней совпадают, но наборы выявлены, в основном, в погребениях лиц повышенного ранга. В частности, в группе погребений повышенного ранга с украшениями 21,4% комплексов содержали наборы. Для погребений низшего ранга данный показатель составляет только 6,1%. Сравнение 4 массивов (погребения с 1 категорией украшений восточной территории, погребения с набором восточной территории, погребения с 1 категорией западной территории, погребения с набором западной территории) (Табл. 14) показывает, что на восточной территории погребения с 1 категорией и погребения с наборами по степени выраженности ранговых знаков отличаются крайне мало. А на западной территории в массивах погребений с наборами основные ранговые знаки выражены значительно сильнее, чем в массивах погребений с 1 категорией инвентаря. Они также сильнее выражены, чем в массивах погребений восточной территории с 1 категорией и наборами. Таким образом, правомерен вывод, что на западной территории присутствие в погребении набора украшений – социально значимый (ранговый) знак.

Следует отметить, что и наличие украшений, плакированных золотом, тоже само по себе знаком повышенного ранга вряд ли является. Об этом свидетельствует следующее. На восточной территории среди комплексов, содержащих плакированные подвески, погребения лиц низшего ранга составляют 52,9%, а на западной – 66,6%. Не являются ранговым знаком и серебряные украшения. Из 3 известных нам погребений, где были изделия из серебра, 2 не демонстрируют ранговых знаков.

Среди лиц, погребенных с украшениями, есть представители всех статусных групп. На восточной территории 2 захоронения были воинскими. Критерием выделения воинских погребений мы считаем наличие в комплексе предметов вооружения. В обоих упомянутых случаях это были стрелы [Памятники.., 1993, табл. 1, № 21, 24]. Один погребенный был носителем власти низшего уровня, судя по присутствию в могиле жезла-трости [Пятых, 1983 а, с.220-221]. Четыре погребения содержали шилья, 4 – иглы, 2 – шилья и иглы. Комплексы с данными изделиями мы склонны трактовать как захоронения мастеров. Девятнадцать погребений демонстрируют знаки статуса служителя культа: кремацию, наличие в захоронении астрагалов, бабок, фаланг животных, сосудов с иррегулярным орнаментом и т. н. "письменами". Данные критерии выделения захоронений этой статусной группы были обоснованы нами ранее [Цимидан, 1996, с.76, 79-80; 2001 а]. Остальные погребенные являлись носителями производственной функции.

На западной территории двое умерших были властителями. Одно из этих погребений опубликовано [Ефимов, Чекменев, 1996, с.129]. Четверо были мастерами. Статус этот подчеркнут присутствием в захоронениях игл и шильев (по 2 случая). Служителей культа 8. Их статус маркирован кремацией, астрагалами, пестами, деревянной чашей. Остальные умершие были носителями производственной функции.

Сопоставление украшений, обнаруженных в захоронениях различных статусных групп (Табл. 15; 16), показывает, что каких-либо категорий украшений, специфичных для определенных групп, не было. На некоторые моменты стоит, однако, обратить внимание. Браслеты выявлены почти исключительно в захоронениях носителей производственной функции (исключение лишь 1). В погребениях носителей власти нашей сводки присутствуют только височные подвески. Наборы украшений чаще всего встречены в захоронениях мастеров. В частности, на восточной территории в 50,0% погребений мастеров с украшениями присутствовали наборы, на западной территории – в 75,0% погребений. Соответствующие показатели для служителей культа составляют 42,1% на восточной территории и 12,5% - на западной. Для носителей производственной функции получены показатели 36,8% (восточная территория) и 10,1% (западная). Вместе с тем в захоронениях служителей культа обнаружены только основные наборы украшений. Правда, в одном из захоронений с восточной территории вместе с браслетом найдены фрагменты серебряного украшения неясной категории. Однако, учитывая, что в остальных комплексах нашей сводки, где присутствовали изделия из серебра, эти предметы были представлены височными подвесками, можно с достаточной долей вероятности допускать наличие и в упомянутом захоронении набора "височная подвеска - браслет". Таким образом, практически все дополнительные наборы происходят из погребений носителей производственной функции и мастеров. В воинских погребениях обнаружены ожерелья. В 1 комплексе им сопутствовали бляшки, отнесенные автором публикации к "накосникам" [Памятники.., 1993, с.115]. Нам такое трактовка данных предметов представляется мало вероятной. "Накосники", как показывают наши данные, были специфическим женским атрибутом. Поскольку же для срубного общества до сих пор не зафиксировано вхождение женщин в социальную группу воинов, присутствие в воинском комплексе женских украшений едва ли возможно ("химанехи" же, как показывают данные этнографии, уклонялись от отправления военной функции). Поэтому и загадочные бляшки вряд ли были "накосниками".

Суммируя все изложенное в данной работе, можно сделать некоторые выводы:

1. Население срубной культуры носило разнообразные украшения;

2. Некоторые лица погребались с украшениями. Поскольку в большинстве случаев эти артефакты обнаружены на теле погребенных, можно допускать, что у населения срубной культуры был обычай обряжать умершего перед погребением;

3. Среди категорий украшений были как общие для обоих полов, так и специфические для определенного пола. Вероятно, браслеты и "накосники" являлись женским украшением, а гребни, возможно, - мужским. Височные подвески и ожерелья – наиболее часто встречаемые

Таблица 1. Удельный вес погребений с некоторыми категориями украшений в различных регионах (%)

Регионы и число погребений	Украшения					
	В целом	Височные подвески	Ожерелья	Браслеты	Кольца	Несколько категорий украшений
Приуралье 420	7,6	2,6	3,8	3,3	0,2	2,6
Среднее Поволжье 700	9,6	4,6	3,6	5,9	0,3	3,7
Нижнее Поволжье:						
Саратовская обл. 309	10,7	4,5	5,5	4,5	–	4,5
Волгоградская обл. 362	10,5	7,2	6,4	2,5	–	4,7
Астраханская обл. 62	8,1	1,6	4,8	3,2	–	1,6
Средний Дон 285	7,7	6,7	0,7	1,8	0,7	1,8
Нижний Дон 305	2,8	1,8	1,3	0,3	–	0,3
Предкавказье 82	2,4	1,2	1,2	–	–	1,2
Днепро-Донецкая лесостепь 357	3,4	2,0	1,4	–	–	–
Донбасс 708	2,8	2,1	0,8	0,1	0,4	0,4
Северо-Восточное Приазовье 684	2,0	0,7	0,9	0,1	0,1	–
Орельско-Самарское междуречье 456	0,7	0,4	–		0,2	0,2
Самарско-Конкское междуречье 162	2,5	1,9	1,2	–	–	0,6
Днепровско-Молочанское междуречье 330	0,6	–	0,5	–	–	–
Днепровское Правобережье 208	1,4	1,0	0,5	–	–	–
Крым 206	0,5	–	–	–	–	–
Итого 5723	4,7	2,5	2,0	1,4	0,2	1,4

Таблица 2. Удельный вес погребений с основными наборами украшений в различных регионах (%)

Регионы	Наборы			
	Височные подвески – ожерелье	Височные подвески – браслеты	Височные подвески – ожерелье-браслеты	Ожерелье – браслеты
Приуралье	1,0	0,7	0,2	0,7
Среднее Поволжье	0,3	0,6	1,0	0,9
Нижнее Поволжье:				
Саратовская обл.	1,9	1,3	0,3	1,0
Волгоградская обл.	2,2	1,4	0,8	–
Астраханская обл.	–	–	1,6	–
Среднее Подонье	–	0,7	0,4	–
Нижнее Подонье	–	–	–	–
Предкавказье	1,2	–	–	–
Днепро-Донецкая лесостепь	–	–	–	–
Донбасс	0,1	–	–	0,1
Северо-Восточное Приазовье	–	–	–	–
Орельско-Самарское междуречье	–	–	–	–
Самарско-Кинельское междуречье	0,6	–	–	–
Днепровско-Молочанское междуречье	–	–	–	–
Днепровское Приазовье	–	–	–	–
Крым	–	–	–	–
Итого	0,3	0,3	0,2	0,2

Таблица 3. Наличие некоторых ранговых знаков в массивах погребений с височными подвесками (%)

Знаки	Восточная территория		Западная территория	
	Погребения с 1 подвеской 23	Погребения с 2 и 3 подвесками 13	Погребения с 1 подвеской 34	Погребения с 2 подвесками 18
Соединительная досынка			2,9	–
Курган. досынка	17,4	7,8	8,8	11,1
Большая могильная яма	17,4	15,4	8,8	5,6
Сложное могильное сооружение	4,3	–	11,8	11,1
Мясная пища	4,3	–	14,7	11,1
Избыточное число сосудов	4,3	7,8	23,5	33,3
Нож	–	–	–	5,6
Кенотаф	–	–	–	5,6
Ритуал в яме могилы	4,3	15,4	11,8	5,6
Отсутствие ранговых знаков	65,2	69,2	47,1	61,1

Таблица 4. Удельный вес погребений разных ранговых уровней в массивах захоронений с височными подвесками трех возрастных групп (%)

Возрастные группы	Восточная территория		Западная территория		
	Повышенный ранг	Низший Ранг	Высший ранг	Повышенный ранг	Низший ранг
Взрослые	36,8	63,6	–	47,5	52,5
Подростки	12,5	87,5	–	37,5	62,5
Дети	25,0	75,0	–	50,0	50,0
Возраст неизвестен	100,0	–	50,0	50,0	–

Таблица 5. Наличие некоторых ранговых знаков в массивах погребений с ожерельями (%)

Знаки	Восточная территория	Западная территория
	35	20
Соединительная досыпка		5,0
Курган, досыпка	14,3	15,0
Большая могильная яма	14,3	15,0
Сложное могильное сооружение	5,7	10,0
Местная яшма	20,0	0,0
Избыточное число сосудов	5,7	5,0
Нож	8,6	–
Ритуалы вне могилы	14,3	20,0
Отсутствие ранговых знаков	65,7	65,0

Таблица 6. Удельный вес погребений разных ранговых уровней в массивах захоронений с ожерельями трех возрастных групп (%)

Возрастные группы	Восточная территория		Западная территория		
	Повышенный ранг	Низший ранг	Высший ранг	Повышенный ранг	Низший ранг
Взрослые	45,5	54,5	6,3	37,5	56,3
Подростки	16,7	83,3	–	–	100,0
Дети	25,0	75,0	–	–	100,0
Возраст неизвестен	100,0	–	–	–	–

Таблица 7. Наличие некоторых ранговых знаков в массивах погребений с браслетами восточной территории (%)

Знаки	Погребения с 1 браслетом	Погребения с 2 браслетами
	13	18
Курган, досыпка	15,4	11,1
Большая могильная яма	7,7	11,1
Сложное могильное сооружение	–	5,6
Местная яшма	7,7	11,1
Избыточное число сосудов	–	5,6
Нож	7,7	–
Ритуалы вне могилы	–	11,1
Отсутствие ранговых знаков	76,9	55,6

Таблица 8. Удельный вес погребений разных ранговых уровней в массивах захоронений с браслетами восточной территории трех возрастных групп (%)

Возрастные группы	Повышенный ранг	Низкий ранг
Взрослые	43,5	56,5
Подростки	20,0	80,0
Дети	–	100,0

Таблица 9. Наличие некоторых ранговых знаков в массивах погребений с основными наборами украшений (%)

Знаки	Наборы			
	Височные подвески – ожерелья	Височные подвески – браслеты	Височные подвески – ожерелья – браслеты	Ожерелья – браслеты
Курган, насыпь	25,0	11,1	7,1	7,7
Большая могильная яма	10,0	16,7	14,3	–
Сложное могильное сооружение	20,0	5,6	–	–
Мясная пища	5,0	11,1	21,4	7,7
Избыточное число сосудов	10,0	5,6	14,3	–
Нож	–	11,1	–	–
Ритуалы вне могилы	10,0	5,6	–	–
Отсутствие ранговых знаков	50,0	55,6	64,3	84,6

Таблица 10. Удельный вес отдельных категорий и наборов украшений в массивах погребений с украшениями трех возрастных групп. Восточная территория (%)

Категории и наборы	Возрастные группы			
	Взрослые 128	Подростки 30	Дети 19	? 7
Височные подвески	17,2	26,7	21,1	28,6
Ожерелья	17,2	20,0	42,1	28,6
Браслеты	18,0	16,7	15,8	–
Кольца	1,6	–	–	–
Найтучные браслеты	1,6	3,3	–	–
Гребни	0,8	–	–	–
Украшения одежды	1,6	3,3	–	–
Височные подвески – ожерелье	10,9	3,3	5,3	14,3
Височные подвески – браслеты	9,4	6,7	10,5	–
Височные подвески – ожерелье – браслеты	7,8	10,0	–	–
Ожерелье – браслеты	6,3	10,0	5,3	–
Височные подвески – кольцо	–	–	–	–
Височная подвеска – украшение одежды	0,8	–	–	–
3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение	0,8	–	–	–
Височная подвеска – ожерелье – наборной браслет	0,8	–	–	–
Височная подвеска – ожерелье – 2 браслета – головное украшение	0,8	–	–	–
Височная подвеска – браслет – наборной браслет – украшение одежды	0,8	–	–	–

Височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень (?)	--	--	--	--
3 височных подвески – ожерелье – 2 кольца	--	--	--	--
2 височных подвески – бляшка – 2 кольца	0,8	--	--	--
Ожерелье – 2 браслета – кольцо	0,8	--	--	--
Ожерелье – кольцо – гребень	--	--	--	--
Ожерелье – головное украшение	0,8	--	--	--
Ожерелье – бляшки	--	--	--	14,3
2 браслета – украшение одежды	0,8	--	--	--
Браслет – серебряное украшение	--	--	--	14,3
2 браслета – кольцо	--	--	--	--
Браслет – головное украшение	0,8	--	--	--

Таблица 11. Удельный вес отдельных категорий и наборов украшений в массивах погребений с украшениями трех возрастных групп. Западная территория (%)

Категории и наборы	Возрастные группы			
	Взрослые 75	Подростки 13	Дети 7	? 2
Височные подвески	53,3	61,5	28,6	100,0
Ожерелья	21,3	15,4	28,6	--
Браслеты	2,7	7,7	14,3	--
Кольца	1,3	7,7	--	--
Наборные браслеты	--	--	--	--
Гребни	5,3	--	--	--
Украшения одежды	2,7	--	--	--
Височные подвески – ожерелье	2,7	--	14,3	--
Височные подвески – браслеты	2,7	--	--	--
Височные подвески – ожерелье - браслеты	1,3	--	--	--
Ожерелье – браслеты	--	--	14,3	--
Височные подвески - кольцо	1,3	7,7	--	--
Височная подвеска – украшение одежды	--	--	--	--
3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – наборный браслет	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье - 2 браслета – головное украшение	--	--	--	--
Височная подвеска – браслет – наборный браслет – украшение одежды	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень (?)	1,3	--	--	--
3 височных подвески – ожерелье – 2 кольца	1,3	--	--	--
2 височных подвески – бляшка – 2 кольца	--	--	--	--
Ожерелье – 2 браслета – кольцо	--	--	--	--
Ожерелье – кольцо – гребень	1,3	--	--	--
Ожерелье – головное украшение (?)	--	--	--	--
Ожерелье – бляшки	--	--	--	--
2 браслета – украшение одежды	--	--	--	--
Браслет – серебряное украшение	--	--	--	--
2 браслета – кольцо	1,3	--	--	--

Браслет – головное украшение	--	--	--	--

Таблица 12. Удельный вес погребений с основными категориями и наборами украшений в массивах мужских и женских захоронений (%)

Основные категории и наборы	Женщины 52	Мужчины 16
Украшения в целом	100,0	100,0
Височные подвески	17,3	43,8
Ожерелья	13,5	31,3
Браслеты	11,5	--
Кольца	--	6,3
Наборные браслеты	1,9	6,3
Гребни	--	6,3
Украшения одежды	3,9	--
Височные подвески - ожерелья	13,5	--
Височные подвески – браслеты	13,5	--
Височные подвески – ожерелье – браслеты	7,7	6,3
Ожерелье – браслеты	11,5	--
Прочие наборы	5,8	--

Таблица 13. Удельный вес отдельных категорий и наборов украшений в массивах погребений с украшениями разных ранговых уровней (%)

Категории и наборы	Восточная территория		Западная территория		
	ПР 67	НР 117	ВР 2	ПР 42	НР 49
Височные подвески	17,9	20,5	50,0	57,1	51,0
Ожерелья	22,4	19,7	50,0	14,3	53,5
Браслеты	16,4	17,1	--	4,8	4,1
Кольца	--	1,7	--	2,4	2,0
Наборные браслеты	--	2,6	--	--	--
Гребни	1,5	--	--	--	8,2
Украшения одежды	1,5	1,7	--	--	4,1
Височные подвески – ожерелье	10,4	8,5	--	7,1	--
Височные подвески – браслеты	9,0	8,5	--	2,4	--
Височные подвески – ожерелье – браслеты	6,0	7,7	--	2,4	--
Ожерелье - браслеты	3,0	8,5	--	--	2,0
Височные подвески – кольцо	--	--	--	4,8	--
Височная подвеска – украшение одежды	--	0,9	--	--	--
3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение	--	0,9	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – наборной браслет	1,5	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье - 2 браслета – головное украшение	1,5	--	--	--	--
Височная подвеска – браслет – наборной браслет – украшение одежды	1,5	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень [2]	--	--	--	--	2,0
3 височных подвески – ожерелье – 2 кольца	--	--	--	2,4	--
2 височных подвески – бляшка – 2 кольца	1,5	--	--	--	--
Ожерелье – 2 браслета – кольцо	--	0,9	--	--	--

Ожерелье – [illegible] – гривна	–	–	–	–	2,0
Ожерелье – головное украшение (?)	1,5	–	–	–	–
Ожерелье – [illegible]	1,5	–	–	–	–
2 браслета – [illegible]	1,5	–	–	–	–
Браслет – [illegible] украшение	–	0,9	–	–	–
2 браслета – [illegible]	–	–	–	2,4	–
Браслет – головное украшение	1,5	–	–	–	–

Примечание. ПР – повышенный ранг; НР – низший ранг; ВР – высший ранг.

Таблица 14. Наличие некоторых ранговых знаков в массивах погребений с одной категорией украшений и наборами (%)

Знаки	Восточная территория		Западная территория	
	Категории 114	Набор 70	Категории 81	Набор 12
Курган, [illegible]	15,[illegible]	12,9	12,3	25,0
Большая могильная яма	13,2	15,7	8,0	10,7
Сложные могильные сооружения	3,5	3,7	9,9	8,3
Мясная пища	10,5	12,9	12,3	–
Наличие [illegible] сосудов	13,[illegible]	1,5	21,9	33,3
[illegible]	3,5	4,3	1,2	–
Ритуальные [illegible]	8,8	10,0	11,1	8,[illegible]
Отсутствие ранговых знаков	65,9	91,4	56,[illegible]	25,0

Таблица 15. Удельный вес отдельных категорий и наборов украшений в массивах погребений с украшениями разных статусных групп. Восточная территория (%)

Категории и наборы	Статусные группы				
	ППиФ 152	СК 19	В 2	М 10	НВ 1
Височные подвески	19,1	21,1	–	20,0	100,0
Ожерелья	19,4	31,6	50,0	30,0	–
Браслеты	20,4	–	–	–	–
Кольца	1,3	–	–	–	–
Наборные браслеты	2,0	–	–	–	–
Гривны	0,7		–	–	–
Украшения одежды	1,3	5,3	–	–	–
Височные подвески – ожерелье	9,9	10,5	–	–	–
Височные подвески – браслеты	7,9	15,8	–	10,0	–
Височные подвески – ожерелье – браслеты	6,6	10,5	–	10,0	–
Ожерелье – браслеты	7,9	–	–	–	–
Височные подвески – кольца	–	–	–	–	–

Височная подвеска – украшение одежды	0,7	--	--	--	--
3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение	0,7	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – наборной браслет	0,7	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье - 2 браслета – головное украшение	--	--	--	10,0	--
Височная подвеска – браслет – наборной браслет – украшение одежды	--	--	--	10,0	--
Височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень (?)	--	--	--	--	--
3 височных подвески – ожерелье – 2 кольца	--	--	--	--	--
2 височных подвески – бляшка – 2 кольца	0,7	--	--	--	--
Ожерелье – 2 браслета – кольцо	--	--	--	10,0	--
Ожерелье – кольцо – гребень	--	--	--	--	--
Ожерелье – головное украшение (?)	0,7	--	--	--	--
Ожерелье – бляшки	--	--	50,0	--	--
2 браслета – украшение одежды	0,7	--	--	--	--
Браслет – серебряное украшение	--	5,3	--	--	--
2 браслета – кольцо	--	--	--	--	--
Браслет – головное украшение	0,7	--		--	--

Примечание. НПФ – носители производственной функции; СК – служители культа; В – воины; М – мастера; НВ – носители власти.

Таблица 16. Удельный вес отдельных категорий украшений и наборов украшений в массивах погребений с украшениями разных статусных групп. Западная территория (%)

Категории и наборы	Статусные группы			
	НПФ 79	СК 8	М 4	НВ 2
Височные подвески	55,7	50,0	--	100,0
Ожерелья	20,3	25,0	25,0	--
Браслеты	5,1	--	--	--
Кольца	1,3	12,5	--	--
Наборные браслеты	--	--	--	--
Гребни	5,1	--	--	--
Украшения одежды	2,5	--	--	--
Височные подвески – ожерелье	2,5	12,5	--	--
Височные подвески – браслеты	--	--	25,0	--
Височные подвески – ожерелье - браслеты	1,3	--	--	--

Ожерелье – браслеты	1,3	--	--	--
Височные подвески – кольцо	1,3	--	25,0	--
Височная подвеска – украшение одежды	--	--	--	--
3 височные подвески – украшение одежды – головное украшение	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – наборной браслет	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье - 2 браслета – головное украшение	--	--	--	--
Височная подвеска – браслет – наборной браслет – украшение одежды	--	--	--	--
Височная подвеска – ожерелье – украшение одежды – гребень (?)	--	--	25,0	--
3 височных подвески – ожерелье – 2 кольца	1,3	--	--	--
2 височных подвески – бляшка – 2 кольца	--	--	--	--
Ожерелье – 2 браслета – кольцо	--	--	--	--
Ожерелье – кольцо – гребень	1,3	--	--	--
Ожерелье – головное украшение	--	--	--	--
Ожерелье – бляшки	--	--	--	--
2 браслета – украшение одежды	--	--	--	--
Браслет – серебряное украшение	--	--	--	--
2 браслета – кольцо	1,3	--	--	--
Браслет – головное украшение	--	--	--	--

в срубных захоронениях категории украшений – носили и женщины, и мужчины. Поэтому нам представляется не совсем верным отнесение их к "женской" группе инвентаря, что иногда допускается некоторыми авторами [Морозов, 1993, с. 16; Шарафутдинова, 1995, с.86; Литвиненко, 1996, с. 63]. Вместе с тем мужские украшения были более "скромными";

4. Хотя все основные категории и почти все основные наборы украшений люди срубного мира могли носить с детства, право на ношение некоторых украшений приобретали лишь лица определенного возраста. Так, набор "височные подвески – ожерелье – браслет", а также кольцо дети носить, вероятно, не могли. Специфически "взрослыми" являются такие украшения, как гребень и сложное головное украшение;

5. Из всех категорий украшений лишь сложные головные украшения можно считать социально значимыми (знаками повышенного ранга). Все прочие украшения, а на восточной территории – и основные наборы украшений с повышенным рангом связаны не были. Но на западной территории набор из нескольких категорий украшений выступал как знак повышенного ранга;

6. Хотя отсутствовали категории украшений, специфические для конкретных статусных групп, социальная роль человека накладывала определенный отпечаток на характер украшений, которые он носил;

7. Не ясно, почему украшения попадали в могилы лишь небольшой части населения. Но можно уверенно утверждать, что сам факт наличия в погребении украшений не определялся ни моментами социального порядка, ни половозрастной позицией умершего. Не исключено, что этот момент обусловлен всего лишь имущественным положением семьи (только зажиточные группы населения могли позволить себе роскошь погребать умерших с украшениями).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.** Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6-58.

2. **Агапов С.А., Иванов А.Ю.** Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 49-51.

3. **Алатырь** // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 28-29.

4. **Антонова Е.В.** К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока // СА. 1984. № 4. С. 26-34.

5. **Арутюнян С.Б.** Шамирам // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 619-620.

6. **Байбурин А.К.** Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология / Сборник музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1981. Т. XXXVII. С. 215-226.

7. **Берджер Т.** Маленький Большой Человек. Харьков: Паритет, 1993. С. 359.

8. **Берестнев С.И.** Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков, 2001. С. 264.

9. **Богданов С.В.** Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. С. 11-26.

10. **Бунятян Е.П., Отрощенко В.В.** Формы собственности на скот и способы их изучения по археологическим данным // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. К., 1995. С. 93-131.

11. **Вангородська О.Г.** Вироби з янтарю в культурах енеоліту і бронзи України // Археологія. 1985. Вип. 50. С. 44-50.

12. **Вангородська О.Г.** Вироби з золота та срібла в культурах енеоліту – бронзи на території України // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 1-11.

13. **Васильев И.Б.** Лузановский курганный могильник // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 5-43.

14. **Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.** Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 60-94.

15. **Васильева Г.П.** Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды. Верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 182-195.

16. **Гаврилюк Н.А., Гершкович Я.П.** О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.: Наукова думка, 1982. С. 67-71.

17. **Гармашов А.П., Науменко С.А.** Исследования Цимлянского отряда экспедиции Ростовского госуниверситета в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов, 1993. Вып. 11. С. 9-10.

18. **Геннеп А.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература. 1999. 198 с.

19. **Горбунов В.С.** Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дема // СА. 1977. № 1. С. 149-161.

20. **Горбунов В.С.** Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992. 324 с.

21. **Горбунов В.С., Морозов Ю.А.** Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 95-118.

22. **Горбунов В.С., Морозов В.Ю.** Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа: Башкирское книж. изд-во , 1991. 144 с.

23. **Гринцер П.А.** Шакунтала // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1991. С. 618-619.

24. **Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.** Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977. С. 3-77.

25. **Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.

26. **Дремов И.Н.** О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в степном Поволжье // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Донецк, 1996. Ч. I. С. 110-114.

27. **Дунганские народные сказки** и предания. М.: Наука, 1977. 552 с.

28. **Еремина В.И.** Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 208 с.

29. **Ефимов К.Ю., Чекменев Ю.А.** Погребения эпохи бронзы курганного могильника Старая Калитва // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996. С. 118-130.

30. **Зеленин Д. К.** Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 512 с.

31. **Зудина В.Н.** Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 88-107.

32. **Зудина В.Н.** Археологические древности Южного Средневолжья. Самара, 1998. 124 с.

33. **Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А.** Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 78-128.

34. **Иванов В.В.** Волк // Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 242.

35. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Лаума // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991 а. С. 312.

36. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Перун // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991 б. С. 438-439.

37. **Ильюков Л.С., Казакова Л.М.** Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону, 1988. 168 с.

38. **Йеттмар К.** Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 526 с.

39. **Казаков Е.П.** Погребения срубной культуры у д. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 194-200.

40. **Карпова О.В.** Украинские женские украшения в ритуальном контексте // Живая старина. 1999. – №3. С. 13-15.

41. **Ковалева И.Ф.** Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989. 89 с.

42. **Ковалева И.Ф., Андросов А. В., Шалобудов В.Н., Мартюшенко Д.В.** Курганы эпохи бронзы степного Правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 4-26.

43. **Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А.В.** Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1979. С. 25-44.

44. **Колтухов С.Г., Кисльй А.Е., Тощев Г.Н.** Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994. 122 с.

45. **Крамарев А.Н.** Погребальные памятники срубной культуры южного Средневолжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 107–115.

46. **Кривцова-Гракова О.А.** Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 167 с.

47. **Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.** Родовое общество степей Восточной Европы. М. – Л., 1935. 176 с.

48. **Кузнецова Л.В., Седова М.С.** Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3. С. 161-178.

49. **Кузьмина Е.Е.** Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 136 с.

50. **Кузьминых С.В.** Андроновские импорты в Приуралье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 124-139.

51. **Курдские сказки**, легенды и предания. М.: Наука, 1989. 624 с.

52. **Литвиненко Р.А.** К вопросу о происхождении срубной культуры (СК) Восточной Украины // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 128-130.

53. **Литвиненко Р.А.** О социальном членении погребений срубной культуры лесостепи // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 138-140.

54. **Литвиненко Р.А.** Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена, 1996. С. 62-66.

55. **Литвиненко Р.А.** Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА. 1993. № 3. С. 188-197.

56. **Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С. 4-23.

57. **Лопатин В.А.** Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен

южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 73-76.

58. **Лопатин В.А., Малов Н.М.** Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. 1988. № 1. С. 130-139.

59. **Лосев А.Ф.** Лето // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 315.

60. **Ляхов С.В.** Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994. С. 84-92.

61. **Малов Н.М.** Изделия из драгоценных металлов срубной археологической области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 127-130.

62. **Мамонтов В.И.** Об инсигниях власти в погребениях эпохи поздней бронзы из районов Поволжья и Дона // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: Перемена, 1996. С. 57-61.

63. **Марина З.П., Романько В.А., Феценко Е.Л.** Курганы эпохи бронзы у села [illegible] // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988. С. 5-20.

64. **Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А.** Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 147-174.

65. **Мелетинский Е.М.** Брисингамен // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991 а. С. 101.

66. **Мелетинский Е.М.** Фрейя // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991 б. С. 576.

67. **Мелетинский Е.М.** Фригг // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991 в. С. 576-577.

68. **Мельников Е.Н., Чивилев В.А.** Проявления покровско-абашевских традиций в материалах раннесрубного кургана 1 могильника Чистые Никольские // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 254–258.

69. **Миронов В.Г.** Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 52-63.

70. **Морозов Ю.А.** Хронология погребальных памятников срубной культуры южного Приуралья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 11-22.

71. **Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б.** Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 40-53.

72. **Островерхов А.С.** Химико-технологическая характеристика катакомбных и срубных [illegible] из Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 138-140.

73. **Отрощенко В.В.** Проблеми періодизації культур середнього та пізнього бронзового віку Півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К., 2001. 288 с.

74. **Отрощенко В.В., Вовк Г.А.** До етнічної належності носіїв культур зрубної спільноти // Магістеріум. Археологічні студії. К.: Стилос, 2001. Вип. 6. С. 69-73.

75. **Памятники** срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В1-10. Саратов, 1993. 200 с.

76. **Плешивенко А.Г.** Курганы села Малоекатериновка. Запорожье, 1996. 166 с.

77. **Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.

78. **Пятых Г.Г.** Исследования могильника Новый Ризадей I (Среднее Поволжье) // СА. 1983 а. № 2. С. 216–222.

79. **Пятых Г.Г.** Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983 б. С. 111-118.

80. **Рогудеев В.В.** Покровско-абашевские компоненты в погребениях срубного времени Волго-Донского района Ростовской области // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 46-52.

81. **Рогудеев В.В.** Клад бронзовых серпов у станицы Багаевской // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып. 14. С. 113-122.

82. **Русские сказки.** М.: Художественная литература, 1970. 384 с.

83. **Сабурова М.А.** Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 266-271.

85. **Саврасов А.С.** Металлические изделия донской лесостепной срубной культуры // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и

лесостепи. Воронеж, 1996. С. 48-51.

86. **Самар В.А.** Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998. С. 75-83.

87. **Седловская А., Трайде Б.** Украшения // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М.: Наука, 1989. Вып. 3. С. 196-200.

88. **Сказки народов мира.** Сказки народов Европы. М.: Детская литература, 1988. Т. IV. 719 с.

89. **Скарбовенко В.А.** Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 5-26.

90. **Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 81 с.

91. **Снесарев Г.П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.:, 1969. 336 с.

92. **Соколова В.К.** Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы – смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 188-195.

93. **Українські народні казки.** К.: Веселка, 1986. 240 с.

94. **Халянин М.В.** Курганы срубной культуры у с.Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2. С. 57-86.

95. **Халянин М.В.** К вопросу о культе змеи у населения срубной культурно-исторической общности // Матеріали міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)". Дніпропетровськ, 1999. С. 92-94.

96. **Хамицаева Т.А.** Комментарии // Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Наука, 1991. Кн. 3. С. 5-118.

97. **Цимиданов В.В.** Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности. Харьков, 1995. С. 34-39.

98. **Цимиданов В.В.** Социальное развитие населения срубной культурно-исторической общности (по материалам погребальных памятников Восточной Украины): Дис. … канд. ист. наук. К., 1996 // Архив ИА НАНУ. Ф. 12. № 770. 421 с.

99. **Цимідапов В.В.** Соціальний розвиток населення зрубної культурно-історичної спільноти (за матеріалами поховальних пам'яток Східної України): Автореф. дис. … канд. іст. наук. К., 1997. 22 с.

100. **Цимиданов В.В.** Длинные курганы Донетчины // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. 19-21.

101. **Цимиданов В.В.** Кремация в срубной культуре как статусный знак // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001 а. С. 40-41.

102. **Цимиданов В.В.** Новоселковский могильник срубной культуры (Татарстан): проблемы хронологии и социологической интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001 б. С. 335-339.

103. **Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.** Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.

104. **Черединченко М.М.** Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я // Археологія. 1977. Вип. 22. С. 3-21.

105. **Черепов А.В.** Еруслан Лазоревич // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 211.

106. **Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 216 с.

107. **Чмихов М.О., Черняков І.Т.** Хронологія археологічних пам'яток епохи міді – бронзи на території України. К., 1988. 180 с.

108. **Шарафутдинова Э.С.** Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. С-Пб., 1995. С. 93-116.

109. **Шилов В.П.** Курганные могильники у с.Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 94-157.

110. **Шнайдштейн Е.В.** Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 78-119.

111. **Щепинский А.А., Черепанова Е.И.** Северное Приазовье в V-I тыс. до н. э. Симферополь: Крым, 1969. 337 с.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2003 г.

М.Л ШВЕЦОВУ – 60 ЛЕТ
(штрихи к портрету)

Неумолимое время как-то внезапно высветило на хронометре жизни донецкого археолога и педагога М.Л Швецова цифру «60». Это событие – хороший повод для того, чтобы оглянуться назад и попытаться осмыслить жизненный путь этого уже немолодого человека, которого, однако, и по сей день по старой привычке многие знакомые и друзья называют просто и любовно Миша.

Так случилось, что археология стала центральной осью его нелегкой жизни. В уже далеком 1960 году, школьник Миша Швецов, попав в экспедицию видного украинского археолога В.В. Лапина, который вел раскопки знаменитой греческой фактории на острове Березань, был покорен очарованием античности. Археологические описания Керама и Шлимана не давали ему покоя. Он даже взял их с собою в армию. После окончания длительной четырехлетней армейской службы на Дальнем Востоке и Кавказе юноша, удостоенный медали «За отвагу», отправляется работать в Донецкий областной краеведческий музей.

С этого момента (1968 г.) начинается его карьера в профессиональной археологии. Незаурядные организаторские способности М.Л Швецова проявились в яркую и, к сожалению, короткую в истории советской археологии эпоху больших новостроечных экспедиций 70-х годов. Появление Львовича в экспедиции означало, что на курганах вновь заработает техника, экспедиционная машина будет отремонтирована и заправлена, а на обеденном столе появится разнообразная вкусная и калорийная пища.

Однако главным для М.Л. Швецова стало научное творчество. Донецкая экспедиция Института археологии АН УССР, а также Донецкая средневековая археологическая экспедиция, ко-

торую он создал и возглавил, совершили открытия, существенно обогатившие отечественную науку. В 1975 г. М.Л. Швецов впервые в восточноевропейской степи были раскопаны половецкие святилища. Он приступил к систематическому исследованию земледельческого поселения пеньковского типа в бассейне Северского Донца, памятников протоболгар эпохи хана Аспаруха. Им были выделены первые на юго-востоке Украины погребения христиан, относящиеся к XI-XII вв. (Зливкинский могильник). В 1983 г. М.Л. Швецову удалось идентифицировать археологические древности загадочных летописных «бродников» в Подонцовье, а в Приазовье в 1987 г. – раскопать уникальные хазарские кочевья. Перу М.Л. Швецова принадлежит около 100 научно-исследовательских публикаций, он участвовал в работе десятков научных конференций и симпозиумов на территории Украины, России, других государств. Достаточно упомянуть крупные научные конгрессы в Болгарии (София – 1978 и 1992; Шумен – 1990; Балчик – 1995), в научные конгрессы в Германии (Берлин – 1992), США (1993), Израиле (1993), Узбекистане (Самарканд – 1990; Ташкент – 1991). Выступления М.Л. Швецова звучали в Берлинском, Иерусалимском, Софийском университетах.

О высоком научном авторитете М.Л. Швецова говорит назначение его представителем Национального комитета СССР по проекту ЮНЕСКО «Великий шелковый путь», включение его имени в «Справочник исследователей Центральной Азии» Гарвардского университета США, выдвижение его имени в номинации «Человек года – 2002» американским Институтом проблем научных исследователей за рубежом. Признанием заслуг М.Л. Швецова в области изучения археологии раннего средневековья стало открытие в 1992 году международного конгресса «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в эпоху раннего средневековья» в его родном Донецке.

Задумываясь об источниках успехов М.Л. Швецова в науке, со всей очевидностью понимаешь, что немалую роль сыграла его способность найти и сплотить вокруг себя талантливых людей, зажечь их единой идеей, нацелить на главное. Когда в 2000 году в Донецке отмечался 20-летний юбилей создания Донецкой Средневековой археологической экспедиции и со всех концов мира съехались бывшие питомцы Львовича, то выяснилось какое грандиозное количество талантов и знаменитостей было выпестовано им за эти годы. Программисты и художники, врачи и бизнесмены, доктора и кандидаты наук с гордостью вспоминают годы, проведенные с учителем.

Что покорило их в этом человеке: доброта, преданность долгу, любовь к жизни во всех её проявлениях, холерическая страстность? Или всё вместе? А возможно, фирменная экспедиционная песня Львовича: "Я – потомок хана Мамая…".

В юбилейном году руководитель Донецкого Центра института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины М.Л. Швецов, как и всегда, с головой в суматохе очередных дел: подготовка двух монографий, экспедиции, переписка с учеными Англии, США, Ирана, Германии.

Хочется искренне пожелать ему покорения новых горизонтов, новых стран, и пусть не угасает «азиатской души огонь», а в темных азнавуровский глазах – искры озорства и легкой иронии.

А.Ф. Горелик

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА – Археологический альманах. Донецк.
АДУ – Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИУ – Археологические исследования на Украине. Киев.
АО – Археологические открытия. Москва.
АС – Археологический съезд.
ВУАК – Всеукраїнська археологічна комісія. Київ.
ГАРО – Государственный архив Ростовской области. Ростов-на-Дону.
ГИМ ОПИ – Государственный Исторический музей, отдел письменных источников. Москва.
ДАС – Донецкий археологический сборник. Донецк.
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук. Санкт-Петербург.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии. Киев.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины. Киев.
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
РА – Российская археология. Москва.
СА – Советская археология. Москва.
САИ – Свод археологических источников. Москва.
ТДК – Тезисы докладов конференции.
ХГУ – Харьковский государственный университет.
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов. Москва.

ESA – Eurasia septentrionalis antique. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

Дегерменджі С.М.
КУРГАНИ ДОНЕЧЧИНИ: ЗАГАЛЬНИЙ СТАН,
ПРОБЛЕМИ ОБЛІКУ ТА ОХОРОНИ 3
Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В.
КУРГАНЫ ДОНБАССА В НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ
И НАУЧНОЙ ПРАКТИКЕ (ДО НАЧАЛА XX ВЕКА):
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 13
СВОД ДАННЫХ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУРГАНОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ
Авторы-составители: **Усачук А.Н., Полидович Ю.Б.,**
Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. 56
Полякова О.А., Полидович Ю.Б.
КУРГАНЫ У СЕЛА ИВАНО-ДАРЬЕВКА
(БАССЕЙН БАХМУТКИ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДОНБАСС) 110
Кудлай Ю.В., Полідович Ю.Б.
КУРГАНИ БАСЕЙНУ СОЛОНОЇ (ЗАХІДНИЙ ДОНБАС) 133
Привалова О.Я.
КУРГАНЫ БАССЕЙНА МОКРОЙ ВОЛНОВАХИ
(СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) 153
Полидович Ю.Б., Абдрахманов Д.В.
КУРГАНЫ БАССЕЙНА КРЫНКИ
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОНБАСС
И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) 178
Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П.
КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА ЗАПОРОЖЕЦ
(БАССЕЙН КАЛЬМИУСА,
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) 203
Швецов М.Л.
КУРГАНЫ У СЕЛА САМОЙЛОВО
(БАСЕЙН ГРУЗСКОГО ЕЛАНЧИКА,
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) 233
Цимиданов В.В.
УКРАШЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ
ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ:
СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ 260
НАШИ ЮБИЛЯРЫ
М.Л ШВЕЦОВУ – 60 ЛЕТ (штрихи к портрету) 292
Список сокращений 294

CONTENTS

Degermendzhy S.M.
DONETSK REGION'S BARROWS: THEIR CONDITION AND THE REGISTRATION'S PROBLEMS 3
Usachuk A.N., Polidovich Yu.B., Kolesnik A.V.
DONETSK REGION'S BARROWS IN THE PEOPLE PERCEPTION AND THE SCIENTIFIC PRACTICE (TO THE BEGINNING 20TH CENTURY): MYTHS AND REALITY. 13
THE DATES SUMMERY ABOUT THE BARROWS WERE INVESTIGATED IN THE DONETSK REGION IN 20TH CENTURY.
Compilers: **Usachuk A.N., Polidovich Yu.B., Tzimidanov V.V., Litvinenko R.A.** 56
Poljakova O.A., Polidovich Yu.B.
THE BARROWS NEAR THE VILLAGE IVANO-DAREVKA (BAKHMUT RIVER BASIN, NORTH-WESTERN DONBAS)..... 110
Kudlay Yu.V., Polidovich Yu.B.
THE BARROWS OF THE SOLONA RIVER BASIN (WESTERN DONBAS) 133
Privalova O.Ya.
THE BARROWS OF THE MOKRA VOLNOVAKHA RIVER BASIN (NORTH-EASTERN AZOV REGION) 153
Polidovich Yu.B., Abdrakhmanov D.V.
THE BARROWS OF THE KRYNKA RIVER BASIN (CENTRAL DONBAS AND NORTH-EASTERN AZOV REGION) 178
Litvinenko R.A., Zarayskaya N.P.
THE BRONZE AGE BARROW NEAR THE VILLAGE ZAPOROZHETZ (KALMIUS RIVER BASIN, NORTH-EASTERN AZOV REGION)..... 203
Shvetsov M.L.
THE BARROWS NEAR THE VILLAGE SAMOYLOVO (GRUZSKOY ELANCHIK RIVER BASIN, NORTH-EASTERN AZOV REGION)..... 233
Tsimidanov V.V.
ADORTMENTS IN BURIAL CEREMONY OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE: SOCIAL AND AGE-GROUP ASPECT..... 260
OUR ANNIVERSARIES
M.L. SHVETZOV IS SIXTY (traits to the portrait) 292
List of abbreviations 294